

common place

Николай Алексеевич Троицкий (1931—2014)

Н.А. ТРОИЦКИЙ

**СОФЬЯ
ЛЬВОВНА
ПЕРОВСКАЯ**

Жизнь. Личность. Судьба

с е р и я
**СТАРАЯ
ШКОЛА**

Москва / Саратов, 2018

УДК 94(38)
ББК 63.3(0)32
Т 70

Т 70   **Троицкий, Николай Алексеевич**
Софья Львовна Перовская. Жизнь. Личность. Судьба —
М.; Саратов: Common place, 2018. — 546 с.
ISBN 978-999999-0-39-4

Исследование Николая Троицкого – первая в исторической науке биография всемирно известной русской революционерки, «нравственного диктатора» партии «Народная воля», казненной по приговору царского суда.

Жизнеописание Софьи Перовской, основанное на широком круге архивных источников, дано в контексте сложных общественно-политических процессов и затрагивает важные проблемы истории России второй половины XIX столетия. Автор не только реконструировал эпоху трагического противостояния интеллигенции и власти, но и создал яркую портретную галерею современников Перовской: коронованных особ, государственных и общественных деятелей, революционеров, их друзей и недругов.

Публикуется под лицензией Creative Commons
Разрешается любое некоммерческое
воспроизведение со ссылкой на источник

Содержание

Юрий Степанов. Николай Алексеевич Троицкий (1931-2014).
Судьба историка. 8

Н.А. Троицкий

Софья Львовна Перовская.
Жизнь. Личность. Судьба

Вместо эпитафии	22
К читателю	26
Источники	32
Литература	44

Глава I. Пролог

1. Родословная	58
2. Семья	65
3. Детство	70
4. Курсистка.	105

Глава II. Народница

1. Накануне	116
2. Большое общество пропаганды	138
3. «Хождение в народ» и процесс «193-х».	169
4. Перепутье	190
5. «Земля и воля»	220

Глава III. Наро́доволка

1. Партия «Народная воля»	266
2. «Красный» террор против «белого» террора	288
3. Мобилизация всех недовольных	310
4. Кризис «верхов»	339

Глава IV. Цареубийца

1. Первое марта	356
2. Арест	379
3. Суд	403
4. Казнь	434
Апофеоз	482
Приложения	492
Условные сокращения	524
Указатель имен	525

Юрий Степанов

Николай Алексеевич
Троицкий (1931-2014).
Судьба историка

Родился будущий историк вдалеке от главных центров культуры и образования страны, в селе Новорепное Ершовского района Саратовской области, 19 декабря 1931 г. Его отец, Алексей Васильевич (1908—1942), «лучший на селе сапожник и гармонист», не имел даже среднего образования, однако письму и счету единственного сына научил задолго до того, как тому пришла пора поступать в школу. «Сам он был малограмотным, четыре класса школы, но мечтал <...> чтобы я был “грамотеем”, он мне книги покупал, сказки рассказывал, читал, когда я еще совсем маленьким был», — вспоминал отца Николай Алексеевич. В первый класс средней школы Николай Троицкий поступил 1 сентября 1939 г., по его собственному выражению, «подготовленным».

Пелагея Евдокимовна Троицкая, урожденная Серикова (1907—1990), мама будущего историка, отличалась спокойным характером и стремилась привить сыну трудолюбие, тягу к знаниям.

Конечно, последнее предвоенное десятилетие в советской деревне не было сытным и безбедным. Однако эти трудности окупались свойственным юности оптимизмом и желанием учиться. Из всех школьных предметов будущий исследователь особо отличал словесность, оставаясь на всю жизнь страстным книголюбом, и, конечно, историю. Круг чтения Николая Алексеевича был необычайно широк для школьника тех

лет (благо в селе была хорошая библиотека): романы В. Скотта, В. Гюго, А. Дюма, А.Н. Толстого, произведения И.С. Тургенева, М.Ю. Лермонтова. Все, что могли дать школьная и сельская библиотеки, было проработано. Вот лишь один штрих к биографии историка: уже поступив на исторический факультет, он первым делом бросился в университетскую библиотеку дочитать «Отверженных» Виктора Гюго. В экземпляре его районной библиотеки не хватало последних страниц.

В годы юности им были прочитаны классические труды Е.В. Тарле о Наполеоне и Отечественной войне 1812 года, изданные накануне Второй мировой. Именно Тарле навсегда остался для Николая Алексеевича эталоном историка, а его работы — непревзойденным образцом сочетания яркого повествования с глубиной анализа. Огромное воздействие на Николая Алексеевича оказали исторические фильмы предвоенных лет, с блистательной игрой Н.К. Черкасова, уроженца Саратова Б.А. Бабочкина и других выдающихся артистов. Эти фильмы не только пробуждали любовь «к родной старине», тягу к изучению истории своей страны, но и настоящий патриотизм, который невозможно воспитать заунывными пропагандистскими трелями.

Война принесла с собой страшную нужду и горе: в 1942 г. в боях за Северный Кавказ погиб гвардии рядовой Советской армии Алексей Васильевич Троицкий, так и не успев порадоваться успехам сына. Памяти отца Н.А. Троицкий посвятил одну из лучших своих книг — «Безумство храбрых».

В годы военного лихолетья Николай Алексеевич помогал матери и каждое лето до темна трудился на сельхозработках. Воспитанная с детства привычка к труду стала залогом будущих успехов историка. Кончилась война, учебные аудитории вновь наполнились шумным студенческим людом.

Николай Алексеевич помнил имена и фамилии каждого из своих одноклассников, бережно хранил пожелтевшую фотографию выпускников 1949 г. Новорепинской средней школы № 1 и, показывая ее друзьям и коллегам, с гордостью говорил: «Все мы, дети войны, получили высшее образование и разлетелись

кто куда». Однако только один из них — Н.А. Троицкий — выбрал путь историка и поступил на исторический факультет Саратовского государственного университета. «Я ни разу не пожалел о сделанном выборе», — говорил Николай Алексеевич уже незадолго до смерти.

1 сентября 1949 г. Николай Алексеевич Троицкий впервые вступил в стены классического, как теперь принято говорить, Саратовского государственного университета. С Саратовом будут связаны лучшие годы его жизни, все победы и беды, счастье и трагедии, словом — «и жизнь, и слезы, и любовь».

Саратовский университет, несмотря на свою молодость (в 1949 г. СГУ было «сорок лет от роду»), давал хорошее образование. Главное же, после страшной войны студенческая молодежь увлеченно стремилась к знаниям, жила небогато, но дружно и весело. Для многих, включая и Николая Алексеевича, Саратов был первым в жизни крупным культурным городом. Саратовские театры и консерватория были переполнены учащейся молодежью. Не пропускал ни одной сколько-нибудь значимой премьеры и студент Троицкий, но главным благом цивилизации была для него богатейшая Научная библиотека Саратовского университета, в которой он буквально пропадал, часами (порой пренебрегая лекциями и семинарами) просиживая в читальном зале.

Организованный и целеустремленный, Николай Алексеевич уже на первом курсе точно определил хронологический и тематический круг своих научных интересов: Россия XIX века, противостояние наполеоновской Франции и всей остальной Европы. Чтобы знать в оригинале источники и литературу, изучал французский язык.

Увы, когда подошло время писать диплом, на кафедре истории Нового времени будущему профессору предметно объяснили, что нет специалистов по истории наполеоновских войн, и вообще надо писать не о войнах, а о борьбе за мир во всем мире. Конечно, Николай Алексеевич был огорчен этим обстоятельством. Однако, написав дипломную работу на предложенную научным руководителем тему, не отказался от мечты

изучать наполеоновскую эпоху. Сказалось то качество, которое М.В. Ломоносов называл «благородной упрямкой», иными словами, умение преодолевать препятствия для достижения поставленной цели. Много лет спустя, будучи уже известным исследователем, Троицкий с блеском реализует юношескую мечту в целой серии работ о событиях Отечественной войны 1812 года, Наполеоне и его маршалах, императоре Александре I и М.И. Кутузове.

Аспирантуру Троицкий окончил с готовой и рекомендованной к защите кандидатской диссертацией. Однако самой защиты пришлось ждать три года, пока в журнале «История СССР» (с четырехлетним запозданием) не вышла необходимая статья.

Осенью 1960 г. Николай Алексеевич получил распределение в Шадринский педагогический институт Курганской области, на кафедру основ марксизма-ленинизма. Историк не терял времени: писал статьи, продумывал план докторской диссертации. К счастью, пребывание вне сферы настоящей науки длилось недолго. Весной 1961 г. Николай Алексеевич получил приглашение работать на кафедре истории СССР СГУ и принял его.

Так, семь лет спустя, Николай Алексеевич вернулся в альма-матер уже в качестве преподавателя. В 1963 г., работая на историческом факультете Саратовского университета, Н.А. Троицкий защитил кандидатскую, а в 1971 г. и докторскую — о политических процессах в России 1871—1890 гг.

По тем временам он стал самым молодым доктором исторических наук и профессором на историческом факультете Саратовского университета, где проработал более 50 лет. Все эти годы он был верен кафедре, трижды поменявшей свое название за этот период: кафедра истории СССР, кафедра истории СССР досоветского периода, с 1991 г. — кафедра истории России. В течение 26 лет, с 1975 по 2001 г., он был ее заведующим.

Имя Николая Алексеевича, благодаря его научным статьям и книгам, многие из которых выходили в московских

издательствах, было известно в научных кругах далеко за пределами России. Он многие годы являлся визитной карточкой или, как бы сейчас сказали, брендом не только истфака, но и всего университета. Прежде всего, именно благодаря ему исторический факультет СГУ считался в 1990-е — начале 2000-х гг. одним из лучших в России.

Итогом творческой деятельности профессора Саратовского университета стали 40 книг и более 400 статей, но путь к признанию для него был непростым не только потому, что он не выбирал легких дорог в науке, но и по причинам весьма далеким от науки и научной этики.

Блестящий ученый и лектор, Н.А. Троицкий был кумиром многих и многих поколений студентов и преподавателей исторического факультета. Его искренне любили ученики и коллеги. Но и сам Николай Алексеевич поражал окружающих, легко вспоминая тех, кого он десятки лет назад видел еще «зеленым юнцом» в стенах истфака. И это было не только свойством феноменальной памяти, но и отношением к людям: искренним и добрым, особенно к тем, кого он учил и воспитывал личным примером.

Редчайшее умение сочетать обширную информацию с увлекательным изложением, великолепные психологические зарисовки, приправленные юмором, а где следует — и сатирой, уникально трепетное, по нашим временам, отношение к русскому языку, совершенная диалектика мысли и языка отличали Николая Алексеевича Троицкого на протяжении всей его научной жизни.

К ученому косноязычию, выдаваемому за глубокомыслие, профессор Троицкий относился саркастически. Он не усыплял публику, подобно многим лекторам, а увлекал своего слушателя так, что порой студенческая аудитория, отложив ручки и тетради, раскрыв рот, ловила каждое его слово, забывая, что содержание лекции еще надо будет изложить на экзамене. Ему не приходилось призывать самую пеструю студенческую аудиторию к порядку, в этом не было необходимости. Полное внимание публики достигалось за счет построения лекции как

научно-художественного текста, изложенного безукоризненным русским языком в лучших традициях университетского красноречия. В его лекциях яркость образов, умение интонацией, неожиданным сравнением выделить главное или взять паузу там, где необходимо, сочетались с меткими, порой ироничными, но всегда колоритными характеристиками событий и людей эпохи.

Сложно передать уникальное умение Троицкого чувствовать публику, владеть ее вниманием, заставлять ее сопереживать или искренне смеяться. Так, например, на одной из лекций Николай Алексеевич поведал, что в суровую эпоху Николая I один из многочисленных сумасшедших русских мечтателей предсказал полеты на Луну. Император, узнав об этом, приказал сослать несчастного. В этом месте Троицкий сделал паузу и при гробовой тишине в аудитории добавил: «На Байконур!» Последовавший за этим взрыв смеха студентов был слышен далеко за пределами лекционной аудитории. Афоризмы, меткие замечания, исторические анекдоты в исполнении Николая Алексеевича помнят многие поколения его слушателей, собеседников, коллег, друзей. Изданные им в 2006 г. исторические анекдоты под названием «Улыбки на лекциях по истории» разошлись мгновенно и почти сразу стали библиографической редкостью.

Научные интересы Николая Алексеевича были столь разнообразны, что невозможно охарактеризовать их все. В числе наиболее значимых для него работ «малого жанра» — заметки и статьи о российских и советских историках: В.И. Семевском, Б.П. Козьмине, М.Н. Покровском, Е.В. Тарле. Ждет своего часа и публикация большого эпистолярного наследия Николая Алексеевича. За годы творческой жизни он состоял в дружеской переписке с выдающимися отечественными и зарубежными историками и писателями: Ф. Вентури (Италия), Е. Лампертом (Англия), Н.М. Дружининым, П.А. Зайончковским, Ю.В. Трифоновым, Е.А. Таратутой, Ю.В. Давыдовым и др., а также с потомками героев своих книг: внучкой одного из лидеров I Интернационала и партии «Народная воля»

Г.А. Лопатина Еленой Бруновной Лопатиной, внучатой племянницей «нравственного диктатора» «Народной воли» С.Л. Перовской Софьей Глебовной Перовской, дочерьми корифеев российской адвокатуры Н.К. Муравьева (душеприказчика Льва Толстого) и П.Н. Малянтовича (министра юстиции Временного правительства 1917 г.), Татьяной Николаевной Волковой и Галли Павловной Шелковниковой, внуками знаменитых адвокатов Н.П. Карабчевского (Ниной Анатольевной Винберг) и В.И. Танеева (Еленой Павловной) и другими.

Для Николая Алексеевича Троицкого честь и честность были не только однокоренными словами, но и понятиями от одного корня. Он категорически не принимал бесчестности, некомпетентности и откровенной лжи в науке, не боясь дискуссии с самым высокопоставленным оппонентом, если видел пренебрежение научной истиной. Прав был великий В.О. Ключевский, когда писал: «История как девица, которая хочет любви, но ее постоянно пытаются изнасиловать». Как раньше, так и сейчас находится немало деятелей, готовых ради сиюминутной «славы» или из карьерных соображений пойти на откровенное извращение исторических фактов. Принципиальность и твердость Троицкого, участника жарких «боев за историю», не единожды вызывали у власть имущих раздражение, что влекло за собой требование «принять меры» по отношению к строптивому историку.

Фантастическое трудолюбие, целеустремленность, любовь к своей профессии, к отечественной истории, порядочность в отношении к делу и людям — вот те качества, что составляли основу личности Н.А. Троицкого. Человек высочайшего бескорыстия и личной честности, он не уставал повторять своим ученикам и коллегам: «Любите труд, любите свою профессию, не лгите друг другу и в науке».

Николай Алексеевич, несмотря на несчастья — потерю сына Дмитрия и жены Валентины Петровны, невзирая на многочисленные несправедливые, порой откровенно клеветнические нападки оппонентов, не озлобился, никогда не был хмурым и раздраженным, умел с юмором выйти из трудной ситуации, всегда

сохранял самоиронию и мужество. Прикованный в последние месяцы жизни к постели, но пытаясь встать на ноги, он шутил: «Я как в работе Ленина: “Шаг вперед, два шага назад”».

Для Н.А. Троицкого любовь была не фигурой речи, а смыслом жизни, ее сердцем, тем, без чего сама жизнь пуста, неприглядна и бессмысленна. Фразу «больше, чем любовь» он не воспринимал категорически, поскольку был убежден — выше любви нет ничего в мире. Неслучайно свои мемуары, во многом исповедальные, он назвал «Книга о любви». Это действительно *Книга о любви*. К людям, профессии, Отечеству и его истории.

Как сказано, научные интересы профессора Н.А. Троицкого не ограничивались историей борьбы русских народников с абсолютизмом. И все же именно народники занимают главное место в его творческом наследии.

В наше время, когда преобладает жизненный прагматизм и сredo «своя рубашка ближе к телу», стало чуть ли не хорошим тоном издеваться, а то и просто глумиться над идеалами и кумирами народников и вообще революционерами всех времен и народов. Это то, что французы называют *l'esprit dans l'escalier* (остроумие на лестнице), т.е. ситуация, когда имярек, проиграв очный спор, умничает и острит в отсутствие оппонента, придумывая за него самые нелепые фразы и доводы. Немногие из современных историков решаются выступить в защиту чести и достоинства героев и мучеников борьбы с русским самодержавием. Н.А. Троицкий последовательно, жестко и страстно отстаивал историческую правоту Софьи Перовской и ее товарищей.

За 50 лет служения науке Николай Алексеевич Троицкий неоднократно оказывался в самом центре научных дискуссий или публичной полемики. Чуждый всякого официоза, он никогда не принимал участия в коллективных проработках кого бы то ни было, напротив, именно он зачастую становился объектом нападок со стороны партийных верхов или раздраженных оппонентов.

И по сей день можно порой услышать нелепые обвинения по адресу саратовского историка в «непатриотизме».

Перефразируя А.И. Герцена, хочется спросить таких «патриотов»: где границы патриотизма? Неужели любовь к родине должна распространяться на любое ее правительство, императора, исторического деятеля, генерального секретаря, или, быть может, начальника концлагеря? Неужели, будучи в здравом уме, можно считать историками и патриотами тех, кто сочиняет пухлые тома с жизнеописанием русских самодержцев, замалчивая, а порой и оправдывая их человеческие пороки и жестокие репрессии? Не путают ли такого рода «специальсты» призвание историка с должностью камер-юнкера? Участник множества «боев за историю», Николай Алексеевич неоднократно доказывал графоманскую ничтожность «сочинений» таких «историков».

Ответом на официально культивируемую истерику и ложь в отношении русских революционеров должна была стать подготовленная Николаем Алексеевичем биография Софьи Перовской. Жизнеописание первой русской женщины приговоренной царским судом к смертной казни было задумано автором монографии более пятидесяти лет назад. Однако на исполнение замысла «обстоятельно и достоверно, на основе максимально доступного круга источников, запечатлеть жизнь, деятельность, личность» С.Л. Перовской, «нравственного диктатора» партии «Народная воля», ушло более полувека.

Книга Н.А. Троицкого — это не холодный, бесстрастный анализ фактов и событий. Он не признавал безличной истории, искренне любил своих героев и особенно героинь. Для Николая Алексеевича рыцарственное, трепетное отношение к Женщине, не свойственное, увы, нашему времени, было нормой жизни. Не случайно авторское посвящение этой книги — *русским женщинам*.

Софья Львовна Перовская занимала особое место в его жизни. К героине книги ее автор относился трепетно, как к человеку высочайшей нравственности, носителю идей бескорыстия, чести и долга, идеалу женственности. Достаточно сказать, что на рабочем столе историка соседствовали фотография любимой жены и портрет Перовской. Она — один

из центральных персонажей всех научных трудов Троицкого о народниках, но историк мечтал создать обширную биографию знаменитой революционерки.

Николай Алексеевич считал своим человеческим и гражданским долгом донести до читателя истинный, очищенный от клеветы образ С.Л. Перовской. Над ее биографией профессор Троицкий работал, преодолевая свалившиеся на него невзгоды, трагедии, смертельную болезнь. Буквально до последнего дня жизни, прикованный к постели тяжким недугом, он вносил поправки в текст монографии, скрупулезно выверял сноски и примечания, подбирал иллюстрации, участвовал в обсуждении макета предстоящего издания.

В течение нескольких лет центральные издательства в испуге шарахались от предложения Троицкого издать первую в отечественной историографии полную биографию «цареубийцы». И лишь в 2014 г. издательство Саратовского университета взялось опубликовать книгу Н.А. Троицкого тиражом в 100 экземпляров.

Для Николая Алексеевича «слово и дело» С.Л. Перовской и ее товарищей — это не только активная форма протеста против социальной несправедливости, но и понимание нравственности как необходимости немедленной и открытой борьбы со злом. Даже ценой собственной жизни. Это свое страстное убеждение гражданина и человека Историк стремился донести до читателя и в своей последней, посмертной книге. Он был убежден и всегда подчеркивал, что память о человеке — это главное, самое важное, что остается нам, после того как человек уходит из жизни. Неслучайно его любимой телевизионной передачей была «Чтобы помнили».

В памяти его друзей, учеников и коллег он навсегда останется гражданином, глубоким ученым, жизнерадостным, остроумным и отзывчивым человеком. Историческая наука сохранит его блестящие исследования, сорок книг и сотни статей, которые не оставят безучастными ум и сердце неравнодушного читателя.

Русским женщинам посвящаю

Вместо эпиграфа

И.С. Тургенев. Пролог

Я вижу громадное здание.

В передней стене узкая дверь раскрыта настежь; за дверью — угрюмая мгла. Перед высоким порогом стоит девушка... Русская девушка.

Морозом дышит та непроглядная мгла; и вместе с ледящей струей выносятся из глубины здания медлительный, глухой голос.

— О ты, что желаешь переступить этот порог, — знаешь ли ты, что тебя ожидает?

— Знаю, — отвечает девушка.

— Холод, голод, ненависть, насмешка, презрение, обида, тюрьма, болезнь и самая смерть?

— Знаю.

— Отчуждение полное, одиночество?

— Знаю. Я готова. Я перенесу все страдания, все удары.
— Не только от врагов — но и от родных, от друзей?
— Да... и от них.
— Хорошо. Ты готова на жертву?
— Да.
— На безымянную жертву? Ты погибнешь — и никто...
никто не будет даже знать, чью память почтить!
— Мне не нужно ни благодарности, ни сожаления. Мне не
нужно имени.
— Готова ли ты на преступление?
Девушка потупила голову...
— И на преступление готова.
Голос не тотчас возобновил свои вопросы.
— Знаешь ли ты, — заговорил он наконец, — что ты можешь
разувериться в том, чему веришь теперь, можешь понять, что
обманулась и даром погубила свою молодую жизнь?
— Знаю и это. И все-таки я хочу войти.
— Войди!
Девушка перешагнула порог — и тяжелая завеса упала за нею.
— Дура! — проскрежетал кто-то сзади.
— Святая! — принеслось откуда-то в ответ.
В.В. Стасов считал «Порог» вровень с романом «Отцы
и дети» «двумя крупнейшими вещами» И.С. Тургенева. «Истин-
ный chef d'oeuvre, даром, что всего строк 20!» — так отзывался
он о «Пороге»¹.

Бытующая в литературоведении дата написания «Порога»
(май 1878 г.) должным образом не аргументируется. Между
тем, такие осведомлённые современники, как П.Л. Лавров,
Н.С. Русанов, А.И. Зунделевич, С.А. Никонов, датировали
«Порог» первой половиной 1881 г. и считали его откликом на
казнь Софьи Перовской². С этим соглашаются и некоторые из

---

¹ Стасов В.В. Письма к деятелям русской культуры. М., 1967. Т. 2. С. 18.

² См.: И.С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятни-
ков. М.; Л., 1930. С. 67–68, 285; Группа «Освобождение труда». М., 1925. Сб. 3.
С. 211; Никонов С.А. Мои воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 160. Л. 72.

современных литературоведов³. Текст «Порога» впервые был опубликован в нелегальной типографии «Народной воли» с датой: «СПб., 25 сентября 1883 г.»⁴.

---

³ См.: *Шаталов С.Е.* «Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева. Арзамас, 1961. С. 103–104; *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Соч. в 15 т. М.; Л., 1967. Т. 13. С. 724 (комм. И.А. Битюговой).

⁴ См. об этом: *Двинянинов Б.Н.* И.С. Тургенев и П.Ф. Якубович. Из истории оценки И.С. Тургенева «Народной волей» // Учен. зап. Орловского гос. пед. ин-та. Орел, 1963. Т. 17.

К читателю

Софья Львовна Перовская — первая русская женщина, казненная по политическому обвинению, — одна из самых ярких и, пожалуй, самая обаятельная личность среди тысяч и тысяч борцов против царского самодержавия. Высший моральный авторитет, «нравственный эталон» и даже «нравственный диктатор» (по выражению С.М. Степняка-Кравчинского⁵) в тех объединениях российских народолюбцев и тираноборцев, где ей довелось участвовать (в Большом обществе пропаганды, в обществе «Земля и воля», в партии «Народная воля»), — она заслужила не только общероссийскую, но и мировую известность. Лев Толстой воспринимал ее как «идейную Жанну д'Арк», первую в ряду «лучших, высоконравственных, самоотверженных, добрых людей»⁶. Он даже так говорил о русских народниках (которых, кстати, уподоблял «апостолам», «первым христианам»): «все эти милые Перовские»⁷.

---

⁵ *Степняк-Кравчинский С.М.* Подпольная Россия // Соч. М., 1958. Т. 1. С. 454.

⁶ *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. Юбил. изд. М.; Л., 1936. Т. 36. С. 151; Л[ебедева] В.[Д.] Встречи с Л.Н. Толстым (Отрывки из воспоминаний) // Современник. 1912. № 4. С. 179.

⁷ *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. Юбил. изд. Т. 20. С. 178; Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1960. Т. 1. С. 294.

В России восславили Перовскую также И.С. Тургенев и А.А. Блок, вдохновлялись ее образом И.Е. Репин и В.И. Суриков, восхищались ею М.Н. Ермолова и Л.В. Собинов, а за рубежом называли ее «*святой*» основатель социал-демократической партии Италии Филиппо Турати и авторитетный в Англии историк и политик, либерал Джон Морли; своей «любимой героиней» считал Перовскую великий англичанин Бернард Шоу, «преклонялся» перед ней классик польской литературы Стефан Жеромский⁸. С уважением вспоминал о «знаменитой Перовской» Карл Маркс⁹. Предсмертное письмо Софьи Львовны к ее матери, размноженное мировой прессой, английский журнал «The Athenaeum» в № 2893 от 7 апреля 1883 г. назвал «самым замечательным и трогательным из всех известных миру произведений эпистолярной литературы».

Родоначальник современной литературы в Китае Лу Синь в 1932 г. свидетельствовал, что «китайская молодежь не забывала Софьи Перовской» с 1881 г, и что поэтому «в китайских произведениях до сих пор еще встречается имя Софьи»¹⁰, а японская социалистка Сугако Канно — друг и жена одного из основателей (наряду с С. Катаяма) социал-демократической партии в Японии Дзендзиро Котоку, — считала Перовскую свои идеалом. Она была казнена вместе с мужем и еще десятью социалистами 24 января 1911 г. Все японские газеты писали тогда, что она хотела быть «второй Перовской»¹¹ (подчеркну, что Перовская окончила жизнь на эшафоте *вместе* со своим другом и мужем А.И. Желябовым).

После свержения царизма в России имя Перовской всегда, до распада СССР, вспоминалось с уважением и любовью. Ей ставили памятники в Петрограде, Москве, Калуге, Иванове,

---

⁸ Подробно об этом см.: *Троицкий Н.А.* «Народные заступники» (Российские народники в художественной литературе). Саратов, 2007 (ук. имен); он же. «Орлы-богатыри» (Российские народники в искусстве). Саратов, 2009 (ук. имен).

⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2 изд. Т. 35. С. 159.

¹⁰ *Лу Синь.* Собр. соч. М., 1955. Т. 2. С. 99.

¹¹ *Иванова Г.Д.* Котоку — революционер и литератор. М., 1959. С. 46, 80.

в поселке Любимовка под Севастополем, где, кстати, в 1927 г. был открыт Дом-музей Софьи Перовской; посвящали Софье Львовне научные монографии, романы, повести, стихи, три (!) художественных фильма (выдающихся режиссёров: Я.А. Протазанова, П.И. Чардынина и Л.О. Арнштама); именем Перовской были названы улицы в Ленинграде, Калуге, Твери, Брянске, Воронеже, Астрахани, Уфе, Иркутске, Мурманске, Весьегонске, Туапсе, а главное (*nota bene!*) — одна из малых планет Солнечной системы, открытая в 1968 г. под № 2422.

Но в постсоветское время имя Перовской стали не просто забывать, — гораздо хуже: вычёркивать из памяти или даже обливать грязью. Улицу Софьи Перовской в Ленинграде переименовали в Малую Конюшенную и возвели на ней памятник... царскому городскому. Телевидение крутит передачу о Софье Львовне (по сценарию Екатерины Серри) как о преступной и зловещей убийце¹², а наши издательства с 1990-х годов то и дело *переиздают* роман-пасквиль «Цареубийцы» П.Н. Краснова — бывшего царского генерала и, после эмиграции из России, гитлеровского прислужника (формировал воинские части из россиян-предателей Родины для борьбы, вместе с гитлеровцами, против СССР). В этом пасквилье все народовольцы представлены как «нелюди», «стая кровожадных волков», «омерзительные», «косматые», «дремучие обезьяны» (каким-то образом проклюнувшиеся из волков), а Перовская обращена в кровожадное и безнравственное чудовище с «безобразными губами» и «выпученными глазами», которые смотрят «тупо», но горят «неистовой, лютой злобой». Этот, рожденный воображением Краснова, монстр поучает сообщников: «надо прежде всего научиться лгать» и ползает в одной рубашке под землей, роет подкоп¹³...

---

¹² См.: Женщины в русской истории. Вып. 37: Софья Перовская. Телеканал 365 дней ТВ. ООО «Русский исторический канал». 2011. www.Redmediatv.ru (режиссер передачи — Александр Анферов).

¹³ Краснов П.Н. Цареубийцы. Роман. М., 1994. С. 128, 165, 196, 210, 215, 216, 218, 219, 293. После разгрома фашистской Германии Краснов был казнён по приговору советского суда как служитель фашизма.

К читателю

Полагаю, что пришло время очистить светлую память Софьи Львовны Перовской от грязных наслоений со стороны ее хулителей и обобщающе воссоздать, наконец, ее образ во всей полноте, — обстоятельно и достоверно, на основе максимально доступного круга источников, запечатлеть ее жизнь, деятельность, личность.

ИСТОЧНИКИ

Источниковая база для воссоздания подлинно научной биографии С.Л. Перовской вполне достаточна. Правда, собственных документов Софья Львовна оставила очень мало. Главным образом, это несколько писем (одно, предсмертное, матери и шесть — к товарищам по делу: три письма к А.Я. Ободовской¹⁴ и еще три, сугубо конспиративных, к Н.А. Морозову¹⁵); философские заметки Перовской, сохранившиеся среди вещественных доказательств по делу «193-х» и опубликованные мною в 1983 г.¹⁶; списки пропагандистской литературы и вопросники к ней, отобранные у Перовской при аресте по тому же делу¹⁷, а также ее показания в ходе судебного следствия и заявление на процессе по делу о царевубийстве 1 марта 1881 г.¹⁸

---

¹⁴ См.: *Кантор Р.М.* Неизданные письма С.Л. Перовской // Каторга и ссылка. 1923. Кн. 3.

¹⁵ Тексты этих писем мне довелось обнаружить в личном архиве Н.А. Морозова: АРАН. Ф 543. Оп. 2. Ед. хр. 57. Л. 12 об. — 13 об., 29.

¹⁶ См.: *Троицкий Н.А.* Неизвестные заметки Софьи Перовской // Советские архивы. 1983. № 3.

¹⁷ См.: *Соколов Н.И.* С.Л. Перовская — пропагандистка // Русские писатели и народничество. Горький, 1975. Вып. 1.

¹⁸ Дело 1 марта 1881 г. Процесс Желябова, Перовской и др.

Зато документальных свидетельств о жизни и деятельности Перовской, исходящих от ее современников (и соратников, и врагов) много. Из них особенно значимы воспоминания тех, кто лично знал или, хотя бы, видел Софью Львовну, — ее родственников, друзей и знакомых, сподвижников или просто свидетелей ее поведения в быту, на следствии, в суде и на эшафоте. О семье, детстве, и дореволюционной юности Перовской наиболее ценны воспоминания ее родного брата Василия Львовича¹⁹. Правда, о нелегальных делах сестры, кроме отдельных эпизодов, брат был слабо информирован и поэтому мало что мог рассказать.

Ярче и основательнее, чем кто-либо, запечатлел Перовскую во всем своеобразии ее личности (от внешности до сокровенных глубин души) соратник Софьи Львовны по Большому обществу пропаганды (т.н. «чайковцев») и обществу «Земля и воля», всемирно известный писатель Сергей Михайлович Кравчинский (литературный псевдоним — Степняк). Его полуисследовательский, основанный на личных воспоминаниях, очерк «Софья Перовская» в знаменитой книге «Подпольная Россия»²⁰ — лучшая, всеобъемлющая и проникновенная характеристика российской «идейной Жанны д'Арк». Обобщающий характер, — правда, в меньшей степени, нежели у Кравчинского, — носят воспоминания о Перовской самой близкой к ней из героинь «Народной воли» Веры Николаевны Фигнер. Это — и выразительные зарисовки к портрету Перовской, сделанные

Правительственный отчет. СПб., 1906; 1 марта 1881 г. по неизданным материалам. Пг., 1918 (специальный номер журнала «Былое». 1918. № 4–5).

¹⁹ Перовский В.Л. Воспоминания о сестре (Софье Перовской). М.; Л., 1927. Вместе с сестрой В. Л. очень недолго (в 1874 г.) участвовал лишь в одном из кружков Большого общества пропаганды.

²⁰ Эта книга многократно издавалась в России и, на всех основных языках, за рубежом с 1882 г. до недавнего времени (см., напр.: *Степняк-Кравчинский С.М. Избранное*. М., 1972. С. 381–561). Подробно о ней см.: *Таратута Е.А. Подпольная Россия. Судьба книги С.М. Степняка-Кравчинского*. М., 1967.

в разное время²¹, и, конечно же, фактические детали, наблюдения и оценки на страницах ее двухтомных, тоже широко известных за рубежом, мемуаров²². Наконец, с претензией на обобщение написаны воспоминания Льва Тихомирова (бывшего революционера-народовольца, обернувшегося ретроградом-монархистом). Впрочем, мемуарно-биографический очерк Тихомирова о Перовской, написанный еще до его мировоззренческого *salto mortale* 1888 г. и, к тому же, отредактированный Кравчинским²³, вполне объективен, но «Воспоминания» над которыми Тихомиров трудился в 1894–1898 гг. и в которых он «плевал на своих старых богов», отражают героику «Народной воли» «как в кривом зеркале» с «реакционным привкусом»²⁴. Теперь Перовская под его пером превращается в свою противоположность: «самолюбива, деспотична, любила властвовать и окружать себя ничтожествами и бездарностями», могла быть даже «буквально бешеной» и «довести человека до самоубийства за малейшую слабость»²⁵.

Все, без исключения, остальные соратники Перовской вспоминали о ней не иначе как с трогательной теплотой, чуть ли не благоговейно. Читателю предстоит еще ознакомиться со многими отзывами о Софье Львовне как личности. Здесь пока ограничусь лишь некоторыми из них. Г.А. Лопатин: «В ней было пропасть доброты, сердечности, скромности и всяческой

---

²¹ Фигнер В.Н. Портреты народовольцев // Былое. Paris, 1908. № 7; она же. Софья Перовская // Былое, 1918. № 4-5.

²² См. отд. изд.: Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Воспоминания в 2 т. М., 1964.

²³ [Тихомиров Л.А.] Софья Львовна Перовская. [Женева], 1882. На обложке книги — вымышленное место издания: Лондон.

²⁴ Воспоминания Льва Тихомирова. М.; Л., 1927 (цит. здесь на с. IV, XX, XXXIX отзывы о них В.Н. Фигнер и В.И. Невского).

²⁵ Там же. С. 110–111. Версию (ни на чем не основанную) о том, что Перовская могла «довести человека до самоубийства», повторил даже боготворивший Софью Львовну Сергей Кравчинский с такой ссылкой: «о ней говорили» (Степняк-Кравчинский С.М. Избранное. М., 1972. С. 466).

женственности»; С.Л. Чудновский: «Все, кто знал Перовскую, относились к ее чарующей личности с глубочайшим уважением и с какой-то необычайно душевной любовью»; С.М. Кравчинский: «Любовь и энтузиазм к ней во всех кружках, где ей приходилось действовать достаточно долго, — в Петербурге, Харькове, Симферополе, — переходили в настоящий культ»²⁶.

Соратники Перовской и ее современники, включая лиц из враждебного ей лагеря (от рядовых жандармов до царских министров), оставили воспоминания обо всех этапах ее жизненного пути, — главным образом, естественно, об участии Софьи Львовны в революционных организациях: в Большом обществе пропаганды, «Земле и воле», «Народной воле». Из воспоминаний «чайковцев» (кроме уже названных С.М. Кравчинского и С.Л. Чудновского) выделяются полнотой и содержательностью информации о Перовской мемуары П.А. Кропоткина, А.И. Корниловой-Мороз, Н.А. Чарушина, С.С. Синегуба, Л.Э. Шишко²⁷. Деятельность Перовской в «Земле и воле» подробно описали мемуаристы-землевольты Н.А. Морозов, М.Ф. Фроленко, О.В. Аптекман, М.Р. Попов, О.С. Любатович²⁸, а яркие и трагические события в жизни Перовской как

---

²⁶ *Лопатин Г.А.* Письмо С.А. Венгеру от 17 июня 1906 г. // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 г. Л., 1977. С. 144; *Чудновский С.Л.* Из давних лет. М., 1934. С. 136; *Степняк-Кравчинский С.М.* Подпольная Россия. С. 464.

²⁷ *Кропоткин П.А.* Записки революционера (любое из множества изданий на русском, почти на всех европейских, китайском и японских языках); *Корнилова-Мороз А.И.* Перовская и кружок чайковцев. М., 1929; *Чарушин Н.А.* О далеком прошлом. 2 изд. М., 1973; *Синегуб С.С.* Записки чайковца. М.; Л., 1929; *Шишко Л.Э.* С.М. Кравчинский и кружок чайковцев // Собр. соч. Пг., М., 1918. Т. 4.

²⁸ *Морозов Н.А.* Повести моей жизни. М., 1947. Т. 1–3 (наиболее полное и наилучше прокомментированное изд. под ред. Б.П. Козьмина); *Фроленко М.Ф.* Попытка освобождения Войноральского. — Липецкий и Воронежский съезды и др. воспоминания // Собр. соч. В 2 т. М., 1932; *Аптекман О.В.* Общество «Земля и воля» 70-х годов по личным воспоминаниям. 2 изд. Пг., 1924; *Попов М.Р.* Записки землевольца. М., 1933; *Любатович О.С.* Далекое и недавнее. М., 1930.

«нравственного диктатора» «Народной воли» воссозданы, кроме «Запечатленного труда» Веры Фигнер, еще на страницах воспоминаний народовольцев А.П. Прибылевой-Корба, П.С. Ивановской, С.А. Ивановой-Борейшо, С.А. Иванова, Э.А. Серебрякова, А.В. Тыркова, Е.М. Сидоренко, Ф.А. Морейнис-Муратовой²⁹.

Дополнительно к воспоминаниям некоторые народовольцы (Е.М. Сидоренко, Ф.А. Морейнис-Муратова, Е.Н. Оловенникова, Г.Ф. Чернявская-Бохановская) опубликовали автобиографии с отдельными фактическими сведениями о Перовской)³⁰.

Исторически значимы как документальные свидетельства воспоминания о Перовской в дни суда над ней по делу о цареубийстве 1 марта 1881 г., и, особо, в день ее казни, 3 апреля. Такие свидетельства оставили не только демократы и либералы³¹, но и царские каратели, их прислужники и единомышленники³².

---

²⁹ *Прибылева-Корба А.П.* «Народная воля». Воспоминания о 1870–1880-х гг. М., 1926; *Иванова-Борейшо С.А.* Воспоминания о С.Л. Перовской // Былое. 1906. № 3; *Ивановская П.С.* Первые типографии «Народной воли» // Каторга и ссылка. 1926. № 3; *Иванов С.А.* Из воспоминаний о 1881 г. // Былое. 1906. № 4; *Серебряков Э.А.* Революционеры во флоте. Из воспоминаний. Пг., 1919; *Тырков А.В.* К событиям 1 марта 1881 г. // Былое. 1906. № 5; *Сидоренко Е.М.* 1 марта 1881 г. // Пролетарская революция. 1926. Кн. 2–3; *Морейнис-Муратова Ф.А.* Из воспоминаний // 1 марта 1881 г. 2-е изд. М., 1931.

³⁰ Автобиографии революционных деятелей русского социалистического движения 70–80-х годов XIX века // Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 300, 323–327, 417–419, 594.

³¹ *Градовский Г.К.* Итоги. Киев, 1908; *Брейтфус А.Л.* Из воспоминаний о казни 3 апреля 1881 г. // Былое. 1924. № 25; *Прибылев А.В.* Записки народовольца. М., 1930; *Дмитриева В.И.* Так было. М., 1930; *Мансвешавили Я.А.* Воспоминания. Тбилиси, 1967.

³² *Пфейль Р. фон.* Последние годы императора Александра II. Из воспоминаний русской службы. 1878–1881 гг. СПб., 1908; *Плансон Л.А.* Казнь цареубийц (Из личных воспоминаний) // Исторический вестник. 1913. Т. 131. № 2; Т. 132. № 4; В. К. Несколько слов о казни цареубийц // Былое. 1920. № 15; *Богданович А.В.* Три последних самодержца. Дневник. М., 1990; *Тютчева А.Ф.* При дворе

Ценнейшим для меня источником послужили письма ко мне внучатой племянницы Софьи Львовны — тоже Софьи (Глебовны) Перовской: 13 писем с 18 марта 1977 по 28 декабря 1992 г. Внучка Василия Львовича Перовского Софья Глебовна жила на Украине в г. Запорожье и оттуда весной 1977 г. (ей тогда было 57 лет) связалась со мной при посредничестве энтузиастки севастопольского Музея С.Л. Перовской Людмилы Владимировны Тупиковой. С 1993 г. наша связь прервалась (два моих последних письма к ней остались безответными).

Софья Глебовна с юных лет собирала информацию о своих предках по рассказам отца и деда, а главное, семейные документы и ценности (среди них — золотое кольцо, отобранное у Софьи Львовны перед казнью и выданное тогда ее матери). Из переписки с Софьей Глебовной я смог уточнить (по метрической записи) дату рождения матери Софьи Львовны (Варвары Степановны) и установить ранее неизвестную дату смерти ее брата (Василия Львовича). Софья Глебовна помогла мне исправить оплошную версию в литературе о том, кто был женой Николая Ивановича Перовского (деда Софьи Львовны), и поделилась со мной данными о членах семьи Перовских на 1977 год: «ныне здравствуют 16 правнуков и 15 праправнуков Василия Львовича» (который имел пятерых детей)³³.

В последних письмах ко мне уже после распада СССР, Софья Глебовна беспокоилась о судьбе музея Перовской под Севастополем (не ликвидируют ли его) и уверенно предсказала последовавшее вскоре переименование властями Ленинграда (переименованного в Санкт-Петербург³⁴) улицы Софьи Перовской

двух императоров. Дневник (1855–1882). М., 1929; *Перетц Е.А.* Дневник (1880–1883). М.; Л., 1927; Дневник Д.А. Милютина. Т. 4. (1881–1882). М., 1950; *Победоносцев К.П.* Письма к Александру III. М., 1925. Т. 1; К.П. Победоносцев и его корреспонденты. М.; Пг., 1923. Т. 1, ч. 1; За день до эшафота. Последние часы жизни Софьи Перовской // Неделя. 1965. № 20. С. 8–9 (публ. И. Юдиной).

³³ Письмо ко мне С.Г. Перовской от 12 апреля 1977 г.

³⁴ Добро бы, вернули Ленинграду его прежнее название Петроград, но не по-немецки же (как это взбрело когда-то в голову любителю всего

в Конюшенную: «Когда переименовали город на Неве, я не сомневалась, что в нем уже не будет улиц с именами народовольцев. Не могу представить себе адрес: *Санкт-Петербург* улица Софьи Перовской»³⁵.

Много интересного о делах и деятелях «Народной воли» я почерпнул также из переписки и личного общения с потомками других народовольцев — Еленой Бруновной Лопатиной (внучкой одного из лидеров I Интернационала и партии «Народная воля» Г.А. Лопатина), Андреем Моисеевичем Диковским (сыном члена Исполнительного комитета «Народной воли» А.В. Якимовой), Федором Адриановичем Михайловым (сыном землевольца А.Ф. Михайлова и народоволки Г.Н. Добрускиной) и его сестрой Надеждой Адриановной Бассиновой. Все они (особенно Елена Бруновна, с которой я был знаком, переписывался и встречался с 1971 по 1993 гг., до ее ухода из жизни) делились со мной воспоминаниями о революционном прошлом их родителей, дедов и бабушек, но... не о Перовской.

Из официальных материалов, — как правительственного, так и революционного лагерей, — прямое отношение к Перовской имеют, главным образом, те, что касаются судебного процесса по делу о цареубийстве и казни цареубийц. Таковы, с одной стороны, доклады министра внутренних дел (фактического главы правительства) М.Т. Лорис-Меликова, прокурора Петербургской судебной палаты В.К. Плеве и начальника жандармского управления столицы генерала А.В. Комарова Александру III о ходе судебного следствия, предательские показания цареубийцы Н.И. Рысакова на следствии и официальный отчет о казни Перовской с товарищами³⁶, а с другой стороны,

---

немецкого Петру I) обозвать столичный город России! Ведь это все равно, как если бы у нас Новгород обратили в Санкт-Новбург. И, кстати, вот еще одна несуразица как следствие этого переименования: область осталась Ленинградской, а ее областной центр прозывается Санкт-Петербургом.

³⁵ Письмо ко мне С.Г. Перовской от 20 декабря 1991 г. Курсив мой. — *Н.Т.*

³⁶ К делу 1 марта 1881 г. (Неизданные доклады М.Т. Лорис-Меликова, В.К. Плеве и А.В. Комарова) // Былое. 1918. № 4-5; Показания Н.И. Рысакова //

прокламации ИК «Народной воли» по поводу событий 1 марта и 3 апреля 1881 г. и корреспонденции в народовольческих изданиях (газета «Народная воля», «Листок Народной воли», «Вестник Народной воли», «Календарь Народной воли») об откликах в обществе и народных низах на цареубийство и казнь цареубийц³⁷.

Журналистика — и российская, и зарубежная, — всех направлений (в России, естественно антиправительственное направление могло быть только нелегальным) откликалась на действия народников большей частью в связи с политическими процессами и казнями, причем, как правило, исключая лишь официально и официозно-царскую прессу, вроде «Правительственного вестника» или «Московских ведомостей» М.Н. Каткова с его (как выразился однажды Н.А. Некрасов) «похотью истребления», — отнеслась сочувственно к жертвам политических репрессий. На Западе сочувствие к цареубийцам, выделяя при этом Перовскую, выражали такие идеологически разные, издания, как «Forthnightly Review» и «Times» (Англия), «Le Proletaire» и «Illustration» (Франция), «Kölnische Zeitung» (Германия), «Le Révolté» (Швейцария).

Разумеется, учитывались в работе над биографией С.Л. Перовской программные документы Большого общества пропаганды, «Земли и воли» и «Народной воли», в обсуждении которых участвовала Софья Львовна. Первым из таких документов стал для нее проект программы для Большого общества пропаганды, а именно записка П.А. Кропоткина под названием «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?». Впервые она была напечатана в № 17 журнала «Былое» за 1921 г., в 1922 и 1958 гг. переиздана, но каждый раз с большим

Там же; Суд и казнь первомайцев. Рисунки очевидца и официальный отчет // Там же.

³⁷ Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 119, 121, 125, 145; «Народная воля» в документах и воспоминаниях. М., 1930; 1 марта 1881 года. М., 1933; Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932 (ред. и предисл. С.Н. Валка).

пропуском в той ее части, которая считалась потерянной. Мне по ходу работы над кандидатской диссертацией о «чайковцах» посчастливилось (в 1959 г.) отыскать полный текст записки³⁸ и таким образом установить, что ее неопубликованная часть (больше половины всего текста) содержит ценнейший материал — детально разработанную «чайковцами» программу социальных преобразований в России после победы революции. Все содержание записки анализировалось в моей статье, а затем и в первом издании моей книги о «чайковцах»³⁹. Лишь после этого записка Крпоткина была опубликована полностью⁴⁰.

Еще одна важная группа источников — агитационная литература, которую Перовская использовала в качестве своего «оружия» и немалую часть которой создавали ее товарищи-«чайковцы»: «Чтой-то, братцы...» Л.Э. Шишко, «Сказка о копейке», «О правде и кривде», «Из огня да в полымя», «Сказка о Мудрице Наумовне» С.М. Кравчинского, «Где лучше? Сказка о четырех братьях и об их приключениях» Л.А. Тихомирова, «Внушителя словили», «О смутном времени на Руси», «Раёк» А.И. Иванчина-Писарева, «Стенька Разин», «Атаман Сидорка», «Дума ткача» С.С. Синегуба⁴¹.

Наконец, использованы здесь документы с различными данными о Перовской из 14-ти государственных архивов России и Украины. Среди них — свидетельские показания обывательницы из Подмосквья Анны Трофимовой по делу о попытке царубийства 19 ноября 1879 г., с подробным описанием «очень

---

³⁸ Автограф записки см.: ГАРФ. Ф. ОППС. Оп. 2. Д. 683. Л. 1-85. Жандармская копия: Там же. Ф. III отд. 3 эксп. 1874. Д. 144, ч. 15. Л. 243 и сл.

³⁹ См.: Троицкий Н.А. Большое общество пропаганды 1871-1874 гг. (т.н. «чайковцы») // История СССР. 1962. № 5. С. 86-87; он же. Большое общество пропаганды 1871-1874 гг. (т.н. «чайковцы»). Саратов, 1963. С. 62-70.

⁴⁰ В сб.: Революционное народничество 70-х годов XIX в. М., 1964. Т. 1. (1870-1875 гг.). М., 1964. С. 55-118.

⁴¹ Все это опубликовано в кн.: Агитационная лит-ра русских революционных народников / Отв. ред. В.Г. Базанов. Л., 1970.

красивой» внешности Софьи Львовны⁴²; злобные отзывы о Перовской как о «чудовище» и «сволочи» царского генерала А.А. Киреева⁴³ и беллетриста-публициста Б.М. Маркевича (того самого, который был любимым писателем Александра III и которого И.С. Тургенев сделал заглавным героем своего стихотворения в прозе «Гад»⁴⁴; отклики простого люда на казнь «матушки-кормилицы Перовской» с провозглашением тоста в память о ней и с такими прогнозами: «Перовскую повесили, а нас все-таки много, всех не перевешаешь!»⁴⁵; жандармские справки о членах семьи Софьи Львовны⁴⁶ и многое другое.

---

⁴² РГВИА. Ф. СПб. военно-окружного суда. Оп. 2. Д. 525, ч. 4. Л. 22.

⁴³ РГБ РО. Ф. 126. Карт. 2. Ед. хр. 8. Л. 223 об.

⁴⁴ Там же. Ф. 120. Карт. 28. Ед. хр. 2. Л. 29.

⁴⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 540. Д. 7. Л. 282-282 об.; Д. 12. Л. 287; Д. 20. Л. 261 об.; Д. 42. Л. 144; Д. 55. Л. 201 об.

⁴⁶ ЦДІА України. Ф. 419. Оп. 1. 1880. Д. 445.

Литература

При очевидном обилии источников надо признать, что и литература, прямо или косвенно относящаяся к С.Л. Перовской, количественно богата и разнообразна, а главное, значима.

В царской России специальных, биографических исследований о цареубийце быть не могло, но авторы общих трудов на историко-революционные темы, при всем различии их политических взглядов, всегда уделяли Перовской то или иное внимание, хотя и оценивали ее с разных, а то и противоположных позиций. Если, например, в монографии либерального историка В.Я. Яковлева (псевдонимы: В. Богучарский и В. Базилевский) она представлена как «настоящая подвижница», «всем существом своим — одна деятельная любовь к людям», «постоянная *“сестра милосердия”* по отношению ко всем попавшим в беду товарищам»⁴⁷, то в официальной «Хронике» Софья Львовна выставлена «великой преступницей» с такими чертами характера, как «озлобленность, бессердечие и жестокость», и даже с «выражением порочности» на лице, что, мол, «не помешало создать и распространять легенду о ее красоте»⁴⁸.

---

⁴⁷ *Богучарский В.* Активное народничество семидесятых годов. М., 1912. С. 153. Ср.: Он же. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX века: Партия «Народная Воля», ее происхождение, судьбы и гибель. М., 1912. С. 198-202.

⁴⁸ Хроника социалистического движения в России 1878-1887 гг.

В.Я. Яковлев в юности был социалистом, народовольцем и, хотя далее он эволюционировал к буржуазному либерализму, сохранял в глубине души народовольческий заряд, что и сказалось в его оценках народничества и лично Софьи Перовской. Другие же либеральные исследователи (А. Тун, А.А. Корнилов, Л.Е. Барриве, Б.Б. Глинский) не хвалили, но и не хулили Перовскую, как и других народников⁴⁹. Зато историки-охранители, вроде С.С. Татищева и Ф.А. Гилярова, не вникая в смысл программных идей народничества и замалчивая «белый» террор царизма, чернили «Народную волю» как «террористическую шайку», в числе «коноводов» которой называли Перовскую, — «шайку», которая-де только тем и занималась, что изрыгала из себя «злодейские замыслы» и чинила «ужасные злодеяния» против «доброго пастыря» России Александра II⁵⁰.

После того как победили в России, одна за другой, две революции 1917 г. (Февральская и Октябрьская) и с царским самодержавием было покончено навсегда, интерес к народничеству в отечественной историографии резко возрос — по ряду причин. Во-первых, историки углубленно начали изучать *предпосылки* крушения царизма, а стало быть, и национальные традиции революционной борьбы, историческую роль *предшественников* Февраля и Октября. Во-вторых, подогревали интерес к героике народничества выступления живых свидетелей, верных соратников и друзей Софьи Перовской, иные из

Официальный отчет. М., 1906. С. 169, 170. Первое изд. «Хроники» вышло в Париже (!) на французском языке, в 1890 г. Сочинял эту «Хронику» кн. Н.Н. Голицын (секретарь вел. кн. Марии Павловны), а редактировал жандармский генерал Н.И. Шебеко.

⁴⁹ Из них наибольшее внимание уделил Перовской Борис Глинский, который полностью процитировал увековеченное с 1883 г. в мировой прессе предсмертное письмо Софьи Львовны к матери (*Глинский Б.Б.* Революционный период русской истории. 1861–1881 гг. СПб., 1913. Ч. 2. С. 541).

⁵⁰ *Татищев С.С.* Император Александр Второй. Его жизнь и царствование М., 1996. Кн. 2. С. 582, 614–615; *Гиляров Ф.А.* 15 лет крамолы (4 апреля 1866 — 1 марта 1881 г.). М., 1983. С. 218.

которых (Вера Фигнер, Николай Морозов, Михаил Фроленко) пользовались тогда славой чуть ли не сказочных героев⁵¹. Наконец, в-третьих, был открыт доступ к государственным архивам, сохранившим для историков почти все документы старого режима. Не зря директор Национального архива Франции Шарль Ланглуа, досадуя на то, что Французская революция XVIII века уничтожила архивы духовного ведомства как «достояние реакционных сил», сказал советскому академику Е.В. Тарле: «Ваша революция была умнее нашей»⁵².

С 1917 г. и до середины 30-х годов революционно-народническая тема в советской России была свободной от цензуры. За это время, кроме ряда статей, прямо или косвенно относящихся к Перовской⁵³, были изданы два ее жизнеописания⁵⁴, а также три художественно-биографических книги о ней⁵⁵.

---

⁵¹ На праздновании 80-летия М.Ф. Фроленко 30 декабря 1928 г. генеральный секретарь Крестьянского Интернационала И.А. Теодорович шутиливо сравнил его с мифологическим героем Гераклом, насчитав при этом у него не 12, как у Геракла, а 14 подвигов, и все 14 перечислил (см.: Фроленко М.Ф. Соч. М., 1932. Т. 1. С. 21-25).

⁵² Тарле Е.В. О советской историографии // Вестник АН СССР. 1943. № 1-2. С. 70-71.

⁵³ См. напр.: *Карелин П.Н.* Новое о С.Л. Перовской (По неопубликованным мат-лам) // Мат-лы Об-ва изучения Тверского края. 1928. Вып. 6.; *Левин Ш.М.* Кружок чайковцев и пропаганда среди петербургских рабочих в начале 1870-х годов // Каторга и ссылка. 1929. № 12; *Генкина Э.Б.* Ленин о революционном народничестве и народофильстве // Пролетарская революция. 1930. № 2-3.

⁵⁴ *Ашешов Н.П.* Софья Перовская. Мат-лы для биографии и характеристики. Пг., 1920; Корнилова-Мороз А.И. Софья Перовская — член Исполнительного комитета «Народной воли» М., 1930.

⁵⁵ *Прилежаева-Барская Б.М.* Софья Львовна Перовская. Историческая повесть. Л., 1926; *Ахтырская З.А.* Царевубийца (Софья Перовская). М.; Л., 1930; *Сегал Е.А.* Дорога на эшафот. М.; Л., 1931. Кстати, между Февралем и Октябрем 1917 г. лучшие российские кинорежиссеры того времени поставили два художественных фильма о Перовской: в мае — Я.А. Протазанов, в августе — П.И. Чардынин.

Из них наиболее значима самая подробная к тому времени биография Софьи Львовны, которую составил популярный в России с 1890-х годов публицист Николай Петрович Ашешов (1866–1923 гг.). На основе доступных тогда для него данных, «рассеянных по многочисленным источникам», он выразительно обрисовал жизнь, деятельность и личность Перовской, «как яркий образ русской красоты героизма»: «В терновом венце стоит перед нами этот образ, осиянный светочами свободы. Скорбными глазами глядит на Россию. Страданьем дышит лицо. И трепещет любовью раздавленное палачом сердце...»⁵⁶.

Не забывали о Перовской в 1917–1934 гг. и авторы специальных историко-революционных монографий и даже общих курсов отечественной истории. Так, общепризнанный лидер первого поколения советских историков акад. М.Н. Покровский и его соперник по признанию в науке проф. Н.А. Рожков назвали Андрея Желябова и Софью Перовскую «самыми замечательными по силе воли и организаторским талантам» лидерами «Народной воли»⁵⁷. Им вторил бывший эсер, репрессированный в советское время историк и публицист Е.Е. Колосов⁵⁸. Видный большевик (член Президиума ВЦИК) Ю.М. Стеклов (Невзоров) в обобщающем двухтомнике «Борцы за социализм» подчеркивал, что российские социал-демократы должны помнить о Желябове и Перовской, как о «*наших святых*»⁵⁹, а меньшевик В.О. Левицкий⁶⁰ в специальной монографии о «Народной

---

⁵⁶ Ашешов Н.П. Указ. соч. С. 142.

⁵⁷ Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке // Избр. произв в 4-х кн. М., 1967. Кн. 3. С. 195; Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Л.; М., 1925. Т. 11. С. 218, 220–221.

⁵⁸ Кузьмин Дм. [Колосов Е.Е.] Народовольческая журналистика. М., 1930. С. 71.

⁵⁹ Стеклов Ю.М. Борцы за социализм. М.; Л., 1924. Т. 2. С. 74.

⁶⁰ Родной брат одного из вождей меньшевизма в российской социал-демократии Ю.О. Мартова. Левицкий — псевдоним, настоящая фамилия Цедербаум.

воле» особо выделил Перовскую из ряда «виднейших народо-вольцев», «людей беззаветного мужества и неукротимой воли», хотя воспринимал ее — и всех вообще героев «Народной воли» — не исключительно, но главным образом как террористов⁶¹.

С 1935 г. изучение народничества в СССР оказалось, почти на четверть века, под запретом. Вскоре после убийства С.М. Кирова И.В. Сталин публично заявил: «Если мы на народо-вольцах будем воспитывать наших людей, то воспитаем террористов»⁶². Это заявление было воспринято как сигнал к запрету не только народовольческой, но и вообще народнической проблематики. Отныне народников можно было только клеймить, поносить (как «злейших врагов марксизма», возомнивших себя «делателями истории» и начавших «переть против исторических потребностей общества»⁶³), но не исследовать. Некоторые историки, «виновные», между прочим, в том, что они одобрительно судили о народниках, были физически уничтожены. Среди них И.А. Теодорович (1876–1940), Е.Е. Колосов (1879–1937), В.О. Левицкий (1883–1941), В.И. Невский (1876–1937), Б.И. Горев (1874–1937), П.Н. Столпянский (1872–1938), Ц.С. Фридланд (1896–1941), А.К. Воронский (1884–1943).

Только после XX съезда КПСС (1956 г.), который декларировал необходимость *творческого* развития исторической науки без догматизма, конъюнктурщины и, тем более, без насилия над наукой, началось восстановление правды о народничестве и его доброй славы. Вновь обрела эту славу, наряду с другими звездами народничества, и Софья Перовская. В одних трудах авторы только упоминали ее (как личность незаурядную)⁶⁴, но в других подробно и, главное, очень лестно харак-

---

⁶¹ Левицкий В.О. Партия «Народная воля». Возникновение. Борьба. Гибель. М.; Л., 1928. С. 64, 95, 107.

⁶² История и историки. Историография истории СССР. М., 1965. С. 257.

⁶³ История ВКП (б). Краткий курс. М., 1938. С. 16.

⁶⁴ См.: Левин Ш.М. Общественное движение в России в 60–70-е годы XIX в. М., 1958; Очерки истории СССР. 1861–1904 гг. / Под. ред. С.С. Дмитриева. М., 1960; Итенберг Б.С. Движение революционного народничества. М., 1965;

теризовали. Так, В.Ф. Антонов отметил и «выдающуюся роль» Софьи Львовны в Большом обществе пропаганды, и ее место в ряду самых авторитетных «титанов “Народной воли”»⁶⁵. Автор одной из лучших книг о народолюбцах М.Г. Седов восславил «революционную страстность Перовской, ее героизм и поистине беспредельную любовь к народу»⁶⁶, а его оппонент С.С. Волк (кстати, ученик С.Н. Валка), защитивший докторскую диссертацию о «Народной воле», хотя и сохранял в себе издержки сталинского предубеждения против народолюбцев, все-таки тоже признал, что они, в том числе и Софья Перовская, — действительно народные герои⁶⁷.

Философ В.А. Малинин, подчеркнув, что «основная черта характера Софьи Перовской» — «великая любовь к народу», рассмотрел и ее интерес к философии, политэкономии, проблемам революционной нравственности и этики, что позволяет отнести Софью Львовну (как и Желябова) к «мыслителям» среди «виднейших народолюбцев»⁶⁸. «Даже среди членов Исполнительного комитета “Народной воли” она выделялась силой духа, твердостью воли», — читаем о Перовской в академическом коллективном труде, где она названа первой в ряду

Филлипов Р.В. Из истории народнического движения на первом этапе «хождения в народ» (1863–1874). Петрозаводск, 1967; *Твардовская В.А.* Социалистическая мысль России на рубеже 1870–1880-х гг. М., 1969; *Карпачев М.Д.* Очерки истории революционно-демократического движения в России (60-е — нач. 80-х гг. XIX в.). Воронеж, 1985; *Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г.* Революционная традиция в России: 1783–1883 гг. М., 1986.

⁶⁵ *Антонов В.Ф.* Революционное народничество. М., 1965. С. 150, 249.

⁶⁶ *Седов М.Г.* Героический период революционного народничества (Из истории политической борьбы). М., 1966. С. 285.

⁶⁷ *Волк С.С.* «Народная воля» (1879–1882). М.; Л., 1966. С. 119, 130–131 и др. См. менторско-критическую рецензию С.С. Волка о книге М.Г. Седова в журнале «Коммунист» (центральный орган КПСС!): 1968. № 11.

⁶⁸ *Малинин В.А.* Философия революционного народничества. М., 1972. С. 6, 146, 155. См. также: *Малинин В.А., Сидоров М.И.* Предшественники научного социализма в России. М., 1963. С. 232, 236.

тех женщин, которые «наравне с мужчинами участвовали в боевых делах партии и на равных обсуждали программные вопросы, работали в динамитной мастерской и в типографии, шли как агитаторы и организаторы к рабочим, студентам, военным»⁶⁹. Обобщенно, хотя и кратко, прослежен весь революционный путь Софьи Львовны в книгах Э.А. Павлюченко и Л.М. Ляшенко и в коллективном сборнике биографических очерков «Дерзновение»⁷⁰.

Здесь уместно назвать и шесть моих книг, изданных до распада СССР, в которых Перовская — неременная героиня, причем одна из самых авторитетных и обаятельных⁷¹.

Особо назову еще три жизнеописания Перовской, которые опубликованы в советское время после XX съезда КПСС, можно сказать, в разных вариантах биографического жанра (научном, научно-популярном и художественном). Это, соответственно, — книги Элеоноры Павлюченко, Елены Сегал и Вольфа Долгого⁷². В каждой из них Софья Львовна представлена, как сказал бы Николай Ашешов, «ярким образом русской красоты героизма».

---

⁶⁹ Россия в революционной ситуации на рубеже 1870–1880-х гг. Коллективная монография. М., 1983. С. 269, 270 (автор главы — В.А. Твардовская).

⁷⁰ Павлюченко Э.А. Женщины в русском освободительном движении. М., 1988. (Ук. имен); Ляшенко Л.М. Революционные народники. М., 1989. С. 122–125: Эскизы к портретам. Софья Перовская; Валовой Д.В. и др. Дерзновение. 2 изд. М., 1991 (на С. 240–252 очерк «Героиня “Народной воли”»).

⁷¹ Большое общество пропаганды 1871–1874 гг. (т.н. «чайковцы»). Саратов, 1963; «Народная воля» перед царским судом. 1880–1891 гг. Саратов, 1971 (2 изд., испр. и доп. Саратов, 1983); Царские суды против революционной России. Политические процессы 1871–1880 гг. Саратов, 1976; Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма 1866–1882 гг. М., 1978; Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866–1895 гг. М., 1979; Первые из блестящей плеяды. Саратов, 1991.

⁷² Павлюченко Э.А. Софья Перовская. М., 1959; Сегал Е.А. Софья Перовская. М., ЖЗЛ, 1962; Долгий В.Г. Порог. Повесть о Софье Перовской М., 1974.

В 1968 г. был поставлен художественный фильм «Софья Перовская» — уже третий с 1917 г. о Софье Львовне, — над которым работали выдающиеся мастера: режиссер Лео Оскарович Арнштам (1905–1979 гг.), сценарист Евгений Иосифович Габрилович (1899–1893 гг.), композитор Дмитрий Дмитриевич Шостакович (1906–1975 гг.). В фильме были заняты популярные актеры театра и кино: Владислав Стржельчик, Георгий Тараторкин, Борис Хмельницкий. Роль Софьи Перовской исполнила молодая артистка Александра Назарова.

Но с 1991 г. наша страна идейно, социально и даже нравственно изменилась. Герои прошлого, народолюбцы и тираноборцы, обесславлены, а их каратели и душегубы становятся героями. Царь Николай II Кровавый канонизирован. Его отец Александр III — это, по убеждению величайших гуманистов мира, «реакционное чудовище», «каменное сердце», «кровавый маньяк всея Руси»⁷³, — прославлен; отец этого «чудовища» Александр II возвеличивается односторонне, как «Освободитель», при гробовом замалчивании другой его стороны, как «Вешателя», а ведь он в 1879 г. отдал Россию на откуп «шести Аракчеевым» и разнуздан в стране невиданный ранее «белый» террор: 445 репрессивных актов только за 1879 год, тысячи арестов, десятки казней, причем вешали людей за «умысел» на преступление, за «имение у себя» (!) нелегальных листов, за передачу собственных денег нелегалам⁷⁴. Усерднее всех монархистски преклоняются перед коронованными «чудовищами» и «вешателями» С.Н. Семанов, А.Н. Боханов, О.Н. Михайлов и супружеская чета Холмогоровых. Все они, естественно, изображают народовольцев, как это делали царские каратели, — «маниакальными» злодеями

---

⁷³ Репин И.Е. Избр. письма: В 2-х т. (1867–1930). М., 1969. Т. 2. С. 260; Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Юб. изд. М., 1953. Т. 69. С. 134; Т. 75. С. 114; Твен М. Собр. соч.: В 12 т. М., 1961. Т. 12. С. 611.

⁷⁴ Подробно об этом см.: Троицкий Н.А. Безумство храбрых. М., 1978. С. 195–200; он же. Крестоносцы социализма. Саратов, 2002. С. 231–233, 309–310.

с «омерзительными деяниями», «выродками», «дубинами» и «дурами» («немытыми» и «непромытыми») ⁷⁵.

Специально о «Народной воле» и конкретно о Софье Перовской в постсоветской России пишут мало, и, как правило, предвзято, в унисон с теми же царскими охранителями à la Н.И. Шебеко. Самый яркий пример — книга Г.С. Кана. Ее автор идейно угнездился «в карете прошлого» рядом с Шебеко, «вполне понимая и даже в целом разделяя» жандармскую оценку «Народной воли», а ее героев разрисовал такими красками: Софья Перовская буквально извергала из себя «ненависть, вплоть до какого-то исступления»; Николая Морозова безобразила «маниакальность, граничащая с психическим сдвигом», а что касается Андрея Желябова, то он (тоже «маниакально») искал в революции некую «щекотку жизни» ⁷⁶. Такова же позиция А.А. Левандовского, в представлении которого Желябов и Перовская — всего лишь «бомбисты», которые производят на него «жуткое впечатление» ⁷⁷, как, впрочем, и на его единомышленника Ф.М. Лурье ⁷⁸.

Правда, встречаются в постсоветской литературе и попытки взвесить все pro et contra «Народной воли» и объективно оценить ее как историческое явление, но все-таки с преувеличением ее терроризма ⁷⁹. Главное, в отличие от сталинского

---

⁷⁵ Семанов С.Н. Александр II: История Царя-Освободителя, его отца и его сына. М., 2003. С. 205, 354; Боханов А.Н. Император Александр III. М., 1998. С. 210, 212, 259, 284, 287, 377; Михайлов О.Н. Забытый император [Александр III]. М., 1996. С. 15, 17, 334, 335, 339; Холмогорова Е.С., Холмогоров М.К. Вице-император. М., 1998. С. 306, 313, 354, 391.

⁷⁶ Кан Г.С. «Народная воля»: Идеология и лидеры. М., 1997. С. 8, 79, 98, 105, 135.

⁷⁷ Левандовский А.А. Бомбисты // Родина. 1996. № 4. С. 56. С таким же успехом Левандовский мог бы объявить, что Пушкин и Лермонтов — не поэты, а «дуэлянты».

⁷⁸ Лурье Ф.М. Индивидуальный политический террор — что это? // Индивидуальный политический террор в России. XIX — нач. XX в. М., 1996. С. 125, 127–128.

⁷⁹ См.: Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном

табу на изучение народничества, теперь нет прямого запрета, действуют лишь конъюнктурные ограничения и стеснения. Как бы то ни было, и за постсоветское время в разных издательствах России увидели свет очень удачный «политический портрет» Перовской⁸⁰ и еще семь моих книг, в каждой из которых Софья Львовна Перовская сохраняет своей образ «русской красоты героизма»⁸¹.

Что касается зарубежной литературы, то она не знала таких, как у нас, перепадов с запретами и разрешениями сверху в трактовке деяний и деятелей народничества. Там всегда сосуществовали и противоборствовали разные точки зрения. Одни историки солидаризируются в оценке народничества с царскими охранителями. Так, англичанин Р. Хейр утверждал, что даже лучшие из народников, вроде Желябова и Перовской, исповедовали идеи «чудовищной незрелости ума, лжи и тупости»⁸², а соотечественник и единомышленник Хейра Р. Хингли прямо говорит о Перовской и Желябове: «Если бы каким-то чудом они получили власть, то, несомненно (?! — *Н.Т.*), превзошли бы в жестокости любого царя XIX века»⁸³. Другие, — и среди них крупнейший итальянский ученый Франко

движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — нач. XX в.). М., 2000. С. 75 и др.

⁸⁰ *Цымрина Т.В.* Софья Перовская. Политический портрет. Таганрог, 2006. 126 с.

⁸¹ Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. Тула, 2000; Русское революционное народничество 1870-х годов (История темы). Саратов, 2001 (2 изд., испр. и доп. Саратов, 2003); Крестonosцы социализма. Саратов, 2002; Политические процессы в России 1871–1887 гг. Саратов, 2003; «Народные заступники» (Российские народники в художественной литературе). Саратов, 2007; «Орлы-богатыри» (Российские народники в искусстве). Саратов, 2009; Россия в XIX веке. Курс лекций. М., 1997, 1999, 2003.

⁸² *Hare R.* Portraits of Russian Personalities. Between Reform and Revolution. L., 1959. P. 262–263.

⁸³ *Hingley R.* Nihilists: Russian Radicals and Revolutionaries in the Reign of Alexandre II (1855–1881). L., 1969. P. 98.

Вентури, автор самого выдающегося в зарубежной историографии народничества обобщающего труда (в двух томах) «Русское народничество»⁸⁴, — разделяют взгляд российских либералов на борьбу народников против царизма как закономерное и прогрессивное (хотя и не без ошибок) явление. Наконец, после второй мировой войны, под впечатлением победы СССР над фашизмом, в европейской, а главным образом в польской, историографии сложилось марксистское направление, солидарное с ранним советским (до сталинского запрета) истолкованием народничества. Профессор Варшавского университета Людвик Базылев, восхищаясь Желябовым и Перовской, справедливо усмотрел в народовольчестве «апогей революционной борьбы народников» и «главный фактор» революционной ситуации в России на рубеже 1870–1880-х годов⁸⁵...

Итак, в источниках и литературе на разных языках сведений о жизни, деятельности и личности Софьи Львовны Перовской очень много. Хотя они, во-первых, часто повторяют одни и те же (наиболее значимые) факты, а во-вторых, рассредоточены во множестве разных источников, тем не менее, вся их совокупность, — при условии аналитического к ним подхода и обобщения, — достаточна для создания максимально подробного и научно обоснованного жизнеописания Софьи Львовны. При этом особую ценность обретают новые, ранее неизвестные сведения, разысканные в архивах или полученные, как посчастливилось мне, от современников и родственников моей героини. Невольно вспоминаю здесь правило, которое я когда-то сформулировал для себя в одном из своих *школьных* опусов:

Об известном, — если ЧТО-ТО неизвестно,
Знать, ЧТО́ ИМЕННО, мне очень интересно.

---

⁸⁴ Первое изд.: *Venturi F. Il populismo russo*. Torino, 1952. V. 1–2. В дальнейшем двухтомник переиздавался в Англии, Франции, США.

⁸⁵ *Bazylew L. Działalność narodnictwa rosyjskiego w latach 1878–1881*. Wrocław, 1960. S. 11, 215.

Литература

Полагаю, что все это будет интересно и читателю моей книги об изумительной русской женщине, нашей «идеальной Жанне д'Арк».

Автор

Глава I. Пролог

От ликующих, празднo болтающих,
Обагрющих руки в крови
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!

Н.А. Некрасов

1. Родословная

«Если цари могут иметь свое родословное древо, то почему его не могут иметь цареубийцы?» — резонно вопрошал один из первых биографов Перовской Н.П. Ашешов⁸⁶. Он имел в виду тот поразительный факт, что *цареубийца* Перовская была праправнучкой Алексея Григорьевича Разумовского (по его брату Кириллу) — графа, генерал-фельдмаршала, а главное некоронованного *царя* России, морганатического, но венчанного супруга императрицы Елизаветы Петровны (дочери Петра Великого).

Действительно, Софья Львовна Перовская могла сказать о себе (с оговоркой о степени кровного родства), что она — царского роду. Все началось с того осеннего дня 1742 г., когда Елизавета Петровна тайно обвенчалась со своим (к тому времени уже общепризнанным при царском дворе) фаворитом А.Г. Разумовским в подмосковном селе *Перово*, которое она очень любила. Обряд венчания выполнял в тот день личный духовник императрицы Федор Яковлевич Дубянский⁸⁷.

---

⁸⁶ *Ашешов Н.П.* Софья Перовская. Материалы для биографии и характеристики. Пб., 1920. С. 5.

⁸⁷ См.: *Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. 1. С. 19–20, 58.

Замечательный историк, генеалог, коллекционер Александр Алексеевич Васильчиков (1832–1890 гг.), правнук Кирилла Григорьевича Разумовского, проследил в капитальном генеалогическом 5-томнике «Семейство Разумовских» судьбы детей, внуков и правнуков Кирилла Григорьевича, — да, именно Кирилла, поскольку Алексей Григорьевич не имел детей ни от Елизаветы Петровны, ни от кого бы то ни было (хотя легенды и мифы приписывают ему загадочных отпрысков, вроде княжны Таракановой)⁸⁸.

Что же касается Кирилла Григорьевича, то вот он с лихвой возместил допущенную его братом недостачу для родословного древа Разумовских и, как потом оказалось, Перовских: 18-ти лет от роду женился на 16-летней фрейлине царского двора Екатерине Ивановне Нарышкиной и нажил с нею 11 детей (6 сыновей и 5 дочерей). Кстати, фрейлина Нарышкина была внучатой племянницей императрицы. Именно Елизавета Петровна сосватала ее Кириллу Григорьевичу и сама присутствовала на бракосочетании молодоженов вместе с первыми сановниками империи и даже иностранными послами. Карьеру Кирилл Григорьевич сделал даже еще более яркую, чем его брат: получив, вслед за братом, от Елизаветы Петровны титул графа, а от Екатерины II — чин генерал-фельдмаршала, он приобрел экзотическое сочетание еще двух высших должностей — президента Академии наук и... гетмана Малороссии (то бишь Украины).

Старший сын Кирилла Григорьевича Алексей Кириллович с точки зрения служебной карьеры, хотя тоже достиг многого (действительный тайный советник, что соответствовало по Табели о рангах воинскому званию генерал-аншефа⁸⁹; министр просвещения, основатель знаменитого Царскосельского лицея), все же карьерных высот отца не осилил, но зато превзошел его и всех вообще Разумовских в родословии. Мало

---

⁸⁸ См. об этом: *Валишевский К.* Дочь Петра Великого. М., 1989. С. 111–115.

⁸⁹ Генерал-аншеф (сегодня это — генерал армии) — второе по значению, после фельдмаршала, воинское звание в России XVIII в.

того, что от законной жены Варвары Петровны Шереметевой (внучки еще одного графа и генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева) он имел двух сыновей и двух дочерей, — изгнав жену за «ханжество и суеверия», сошелся с худородной девицей Марией Михайловной Соболевской, дочерью своего берейтора, с которой прижил еще 10 детей. То были пять «воспитанников» и пять «воспитанниц» Алексея Кирилловича Разумовского. Он приписал их к дворянству и, как выразились составители официальной «Хроники социалистического движения в России» кн. Н.Н. Голицын и генерал Н.И. Шебеко, «выхлопотал этим детям фамилию “Перовские”»⁹⁰. Познакомимся с ними поближе⁹¹.

Из пяти «воспитанников» Алексея Кирилловича старшим был Николай, который, в отличие от четырех его братьев Алексеевичей, всю жизнь назывался *Ивановичем*, чему удивлялись, не зная, как объяснить такой пассаж, и близко знакомый с ним мемуарист Ф.Ф. Вигель, и даже родной внук (брат Софьи Львовны) Василий Львович Перовский⁹². Впрочем, на могильной плите в его имени Кильбурун Николай Перовский назван, как и все его братья, Алексеевичем⁹³.

Эту загадку Николая Ивановича (Алексеевича?) Перовского попыталась разгадать, а заодно и разгадала другую его загадку Софья Глебовна Перовская. Цитирую ее письмо ко мне от 3 мая 1992 г.: «Все генеалоги считают, что Николай Иванович был женат на де-Салли Шарлотте Петровне. Верно, но только в части ее имени и отчества. К сожалению, Василий Львович в «Воспоминаниях о сестре» не назвал девичью фамилию своей бабушки (а может, и назвал, да редактор, сокращая рукопись, вычеркнул). Сохранился бесспорный источник — свидетельство

---

⁹⁰ Хроника социалистического движения в России 1878–1887 гг. Официальный отчет. М., 1906. С. 167.

⁹¹ Подробно о них см.: *Васильчиков А.А.* Указ. соч. Т. 2. С. 112–113.

⁹² См.: *Вигель Ф.Ф.* Записки. В 2-х кн. М., 2003. Кн. 1. С. 317; *Перовский В.Л.* Воспоминания о сестре (Софье Перовской). М.; Л., 1927. С. 5.

⁹³ См.: *Перовский В.Л.* Указ соч. С. 5.

о браке (у меня — фотокопия), из которого явствует, что женой Николая Ивановича в 1812 г. стала дочь литовского дворянина Петра Володкевича девица Шарлотта Петровна *Володкевич* (оба венчаны первым браком). Невольно зародилась мысль, что если де-Салли не жена, то, возможно, она та самая француженка, которая и стала матерью Николая Ивановича?».

Такая мысль Софьи Глебовны имеет под собой, хотя и не вполне надежное, основание, а именно свидетельство кн. П.В. Долгорукова — генеалoga, историка, публициста с репутацией довольно скандальной, поскольку он вплоть до недавнего времени считался автором пасквильного «диплома ордена роносоцев», погубившего А.С. Пушкина⁹⁴. Князь засвидетельствовал то ли факт, то ли слух о том, что Алексей Кириллович Разумовский выдал беременную от него «француженку» (горничную его сестры, графини Елизаветы Кирилловны Апраксиной) замуж за «отставного секунд-майора Ивана Никитича», будто бы по фамилии Перовского, «а через два или три месяца» после замужества она родила сына Николая⁹⁵. Алексей Кириллович включил новорожденного (*Николая Ивановича*) в братию своих «воспитанников», но прямо оговаривался в письме к своему брату Андрею Кирилловичу от 30 ноября 1812 г., что Николай «от другой матери»⁹⁶. Главное, будучи для всех остальных (девяти!) «воспитанников» и «воспитанниц» Алексея Кирилловича по отцу родным братом, Николай Иванович воспринимался современниками как «дитя греха безгрешное» (выражение Д. Байрона) и неотделимый отросток единого родословного древа Разумовских и Перовских. Кстати, воспитывался он в доме у своей тетки, графини Натальи

---

⁹⁴ См. об этом: Последний год жизни А.С. Пушкина. М., 1988. Гл. 5.

⁹⁵ *Dolgoroukov P. Mémoires*. Yeneve, 1867. Т. 1. Р. 498–499. Позднее, уже в советское время, Г.И. Стафеев в кн. «Сердце полно вдохновенья. Жизнь и творчество А.К. Тостого» (Тула, 1973. С. 13) доказал, что этот «секунд-майор» — «мифическая» личность.

⁹⁶ Цит. по: *Васильчиков А.А.* Указ. соч. Т. 2. С. 162. Далее все даты в книге (с указанием числа и месяца) приводятся по ст. стилю.

Кирилловны Загряжской, которая была родственницей Натальи Николаевны Пушкиной и в 1833–1835 гг. дружески общалась с Александром Сергеевичем.

Итак, Николай Иванович Перовский (1785–1858 гг.), родной дед Софьи Львовны, благодаря своим родственным связям, сделал успешную карьеру, хотя и не столь блестящую, по сравнению с его братьями. Он был действительным статским советником (что соответствовало воинскому званию генерал-майора) и Таврическим губернатором, но рано ушел в отставку и последние, почти 30 лет своей жизни прожил безвыездно в собственном имении Кильбурун под Симферополем.

Следующий по возрасту из «воспитанников» А.К. Разумовского Алексей Алексеевич Перовский (1787–1836 гг.) тоже имел чин действительного статского советника, но, в отличие от всех своих братьев, не занимал никаких государственных постов, — зато прославился как литератор под псевдонимом *Антоний Погорельский* — друг А.С. Пушкина, И.А. Крылова, В.А. Жуковского. Замечательный портрет А.А. Перовского, написанный в 1828 г. великим О.А. Кипренским, хранится в Государственном Русском музее (Санкт-Петербург).

Первая же повесть Алексея Алексеевича «Лафертовская маковница» вызвала восторженный отзыв («Что за прелесть!...») Пушкина⁹⁷. Главным его сочинением стал роман «Монастырка», но самым популярным — сказка «Черная курица, или Подземные жители». Эту сказку Алексей Алексеевич написал для своего племянника Алеши, которого он воспитывал в течение первых восьми или девяти лет его жизни и сделал своим наследником. Племянник, Алексей Константинович Толстой (1817–1875 гг.), став еще более знаменитым литератором (романистом, поэтом, драматургом), чем его дядя, за год до своей смерти вспоминал: «Мое детство было очень счастливо и оставило во мне одни только светлые воспоминания»⁹⁸.

---

⁹⁷ Пушкин А.С. Письмо Л.С. Пушкину от 27 марта 1825 г. // Собр. соч.: В 10 т. М., 1981. Т. 9. С. 172, 426.

⁹⁸ Толстой А.К. Собр. соч.: В 4 т. М., 1964. Т. 4. С. 423–424. Это признание

«Черную курицу» «любил Лев Николаевич Толстой и ставил ее рядом с теми книгами, которые произвели на него в детстве сильное впечатление, вместе с былинами, народными сказками и стихами Пушкина»⁹⁹. Она популярна и переиздается поныне, а в 1980 г. на Киевской киностудии им. А.П. Довженко режиссер В.С. Гресь поставил художественный фильм «Черная курица, или Подземные жители» с участием популярных актеров Е.А. Евстигнеева, В.И. Гафта и др.

Самыми титулованными и влиятельными из «воспитанников» А.К. Разумовского были следующие по возрасту Лев и Василий Алексеевичи.

Лев Алексеевич Перовский (1792–1856 гг.) — граф, действительный тайный советник, генерал от инфантерии и генерал-адъютант, до 1852 г. министр внутренних дел, а затем министр уделов и управляющий Кабинетом Его Величества, — имел все высшие ордена Российской империи: св. Андрея Первозванного, св. Александра Невского с бриллиантовыми знаками, св. Владимира и св. Анны, а Василий Алексеевич (1795–1857 гг.), хотя и не занимал министерских постов, котирировался в царских верхах, пожалуй, еще выше Льва Алексеевича. Он тоже был графом и полным генералом (генерал от кавалерии), плюс еще членом Государственного совета, генерал-губернатором Оренбургской и Самарской губерний, кавалером всех российских орденов. Великолепный (в полный рост) портрет В.А. Перовского работы величайшего из российских живописцев первой половины XIX в. К.П. Брюллова украшает Государственную Третьяковскую галерею.

Молодыми людьми и Лев и Василий Перовские отличились в Отечественной войне 1812 г., причем на Василии Алексеевиче «гроза Двенадцатого года» оставила непреходящий след: он был ранен в Бородинской битве (ему оторвало указательный

тем примечательнее, что отец А.К. Толстого граф К.П. Толстой оставил семью сразу после рождения сына.

⁹⁹ Халтурин И.И. Про эту книгу // Погорельский А. Черная курица, или Подземные жители. М., 1967. С. 47.

палец левой руки, после чего всю жизнь он носил, вместо пальца, серебряный наконечник), а главное, попал в плен к французам, бежал из плена и, в итоге, стал прообразом Пьера Безухова в романе Л.Н. Толстого «Война и мир», а также героем (как Базиль Перовский) романа Г.П. Данилевского «Сожженная Москва» И Толстой, и Данилевский использовали в своих *главных* романах «Записки» В.А. Перовского¹⁰⁰. Мало того, Лев Николаевич в 1877–1878 гг., уже после «Войны и мира» и «Анны Карениной», задумывал (но не написал) новый роман, центральной фигурой которого должен был стать В.А. Перовский: «У меня давно бредит в голове план сочинения, местом действия которого должен быть Оренбургский край, а время — Перовского <...> Все, что касается его, мне ужасно интересно, <...> и это лицо мне очень симпатично»¹⁰¹.

Здесь уместно сказать о долголетней дружбе Василия Алексеевича с В.А. Жуковским и близком знакомстве его с Н.М. Карамзиным, а главное, о дружеских встречах с А.С. Пушкиным (который был с В.А. Перовским на «ты»), — и в Петербурге, и в Оренбурге, куда Пушкин приезжал собирать материалы для «Истории Пугачева»¹⁰².

Младший из четырех братьев Николая Ивановича Перовского (Алексеевичей!) Борис Алексеевич (1815–1881 гг.) немногим уступал по влиятельности Льву и Василию: граф, генерал от кавалерии и генерал-адъютант, член Государственного совета, кавалер всех российских орденов, кроме св. Андрея Первозванного, — он не был ни министром, ни генерал-губернатором, но зато с 1860 г. стал воспитателем царских сыновей, великих князей Александра Александровича (будущего Александра III) и Владимира Александровича.

Что касается пяти «воспитанниц» А.К. Разумовского, то из них наиболее интересны две двоюродные бабушки Софьи Львовны Перовской: Анна Алексеевна (1799–1857 гг.) — мать

¹⁰⁰ Перовский В.А. Из записок // Русский архив. 1865. № 3. С. 257–286.

¹⁰¹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Юбил. изд. М., 1953. Т. 62. С. 371–372.

¹⁰² См.: Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. 2 изд. Л., 1989. С. 326.

2. Семья

Алексея Константиновича Толстого, и Елизавета Алексеевна — мать трех братьев Жемчужниковых (Александра, Алексея и Владимира Михайловичей), коллективно, вместе с А.К. Толстым, создавших литературно-сатирический тип *Козьмы Прутков*...

Итак, согласно родословному древу Разумовских и Перовских, Софья Львовна Перовская могла бы гордиться тем, что среди ее предков, «отчичей и дедичей», как выражались в старину, были и высшие ратно-государственные тузы Российской империи (два фельдмаршала, три полных генерала — от инфантерии и от кавалерии, министр, генерал-губернатор), и литературные знаменитости, т.е. не просто высокородный, но и захватывающе интересный ряд поколений, разветвленный от морганатического супруга императрицы Елизаветы Петровны до вымышленного, но сенсационно популярного и ныне поэта, прозаика, драматурга под коллективным псевдонимом Козьма Прутков.

2. Семья

Родители Софьи Львовны вышли из разных слоев дворянства: отец, Лев Николаевич, — из аристократического рода Перовских, а мать, Варвара Степановна, — из семьи мелкопоместных дворян Смоленской губернии. Главное, очень различались они между собой как личности — буквально во всем.

Лев Николаевич Перовский родился в Петербурге в 1816 г. Он был вторым по старшинству из трех сыновей уже знакомых нам Николая Ивановича Перовского и Шарлотты Петровны Володкевич. Восприемниками его (крестными отцом и матерью) стали Алексей Кириллович Разумовский и одна из его «воспитанниц» Софья Алексеевна Шаховская. Учился Лев Николаевич в Царскосельском лицее (детище Алексея Кирилловича и *alma mater* А.С. Пушкина), а затем в Институте инженеров путей сообщения, но предпочел различным вариантам карьеры военную службу. В 1836 г. он был принят с первым

офицерским чином прапорщика в лейб-гвардии Гренадерский полк, где стал адъютантом командующего гвардейским пехотным корпусом генерал-майора А.К. Ушакова (ранее, в 1820–1823 гг., дружившего с А.С. Пушкиным¹⁰³). В качестве генеральского адъютанта на военных маневрах в Могилевской губернии у местечка Чечерск летом 1844 г. 30-летний Лев Николаевич случайно познакомился с Варварой Степановной Веселовской, которая жила тогда у своей матери в ее имении Церковье Гомельского уезда, близ Чечерска. Ей было тогда 22 года. Знакомство оказалось судьбоносным: в тот же год Лев Николаевич и Варвара Степановна обвенчались.

10 марта 1845 г. Лев Николаевич оставил военную службу в чине штабс-капитана. Может быть, он рассчитывал тогда заняться всецело благоустройством семьи (Варвара Степановна к тому времени была уже беременна первым ребенком), но передумал: уже на следующий год вернулся к службе — теперь гражданской, в почтовом, а затем таможенном ведомстве, — и через десять лет неуклонного, хотя и неторопливого восхождения по должностным ступеням в октябре 1856 г. был назначен вице-губернатором в Псков...

Варвара Степановна не была счастлива в браке со Львом Николаевичем, хотя и родила ему четырех детей. Столичный аристократ Перовский кичился своей родословной и просто изводил жену упреками в провинциализме. А ведь она воспитывалась в интеллигентной семье¹⁰⁴. Отец ее, Степан Семенович Веселовский (1781–1852 гг.) с 18 лет начал служить в Лейб-гвардии Семеновском полку — самой привилегированной воинской части в России, шефом которой был сам царь Александр I. Степан Семенович отличился в исторической битве под Фридландом в 1807 г., в боях Отечественной войны 1812 г. и заграничных походах 1813–1814 гг. В июле 1817 г. он женился на 18-летней дочери могилевского помещика

¹⁰³ См.: *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. 2 изд. Л., 1989. С. 458.

¹⁰⁴ Подробно см.: *Веселовский К.С.* Воспоминания // Русская старина. 1903. № 10.

и офицера (подполковника) Петра Васильевича Долгово-Сабурова Луизе Петровне и в 1820 г. ушел в отставку полковником.

Варвара Степановна, четвертая из восьми детей Веселовских, родилась 2 января 1822 г. В литературе, со слов ее брата, называлась неточная дата: 20 ноября 1821 г.¹⁰⁵. Уточнила дату рождения Варвары Степановны — по *метрической книге* с. Церковье Рогачевского уезда Могилевской губернии — и сообщила мне об этом Софья Глебовна Перовская¹⁰⁶.

Благодаря заботам родителей, Варвара Степановна получила образование в Петербурге, в частном пансионе француженки Люджер, где главное внимание обращалось на правила приличия и манеру общения (Варвара Степановна, совсем еще девочка, даже носила доску на спине, «чтобы привыкнуть держаться прямо»¹⁰⁷). В пансионе она овладела французским языком и пристрастилась к творчеству писателей Франции.

Лев Николаевич любил похвалиться перед женой не только своими дядями и дедами, но и братом Петром Николаевичем (1818–1865 гг.), который имел ранг действительного статского советника и был известен в дипломатических кругах; с 1863 г. служил генеральным консулом России в Генуе¹⁰⁸. Варвара Степановна своими родственниками не хвасталась, а могла бы: ее родной брат Константин Степанович Веселовский (1819–1901 гг.) — кстати, тоже воспитанник Царскосельского лицея, — стал выдающимся ученым, действительным членом и непременным секретарем Российской Академии наук. Его труды по хозяйственной статистике России были признаны не только на родине, но и за рубежом. Их использовал в своих рукописях о социально-экономическом развитии пореформенной России Карл Маркс¹⁰⁹.

---

¹⁰⁵ *Веселовский К.С.* Воспоминания // Русская старина. 1903. № 10. С. 9.

¹⁰⁶ Письмо ко мне Софьи Глебовны от 18 марта 1977 г. хранится в моем архиве.

¹⁰⁷ *Перовский В.Л.* Указ. соч. С. 10.

¹⁰⁸ Другой, старший брат Л.Н. Перовского Алексей Николаевич (1813 — до 1856) ничем особенным не блистал.

¹⁰⁹ См.: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1955. Т. 13. С. 58, 219–221.

По должности неременного секретаря Академии наук Константин Степанович уведомлял корифеев отечественной культуры об избрании их в Академию. Так, в феврале 1874 г. он отправил Л.Н. Толстому диплом и письмо об избрании его членом-корреспондентом Академии. Толстой в письме от 11 апреля благодарил Константина Степановича за это «извещение»¹¹⁰. Четыре года спустя, 6 февраля 1878 г. Веселовский переслал аналогичный диплом с уведомлением Ф.М. Достоевскому, и уже через два дня Достоевский ответил ему благодарственным письмом¹¹¹.

Варвара Степановна, по свидетельству ее сына Василия, «всю жизнь относилась к Константину Степановичу с особенным уважением и почтением» и часто навещала его в Петербурге¹¹². Но вот светской жизни, балов, приемов, официальных обедов (к чему был крайне расположен ее муж), она не любила, «хотя и могла бы блистать своей красотой в высших кругах общества»¹¹³. Именно в «высших кругах» с их наигранной официозностью Варвара Степановна «чувствовала себя очень неловко и потому так тяготилась визитами в эту среду, что было главной причиной столкновений ее» с мужем¹¹⁴. «Пусть она была и умнее, и лучше, даже красивее женщин, с которыми он встречался, — читаем об этом в отличной книге Елены Сегал, — ей не хватало того, что он больше всего сумел бы оценить, — ей не хватало светскости»¹¹⁵.

К неудовольствию, а то и к раздражению Льва Николаевича, Варвара Степановна предпочитала общаться со своими

---

¹¹⁰ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Юбил. изд. М., 1953. Т. 62. С. 80.

¹¹¹ Достоевский Ф.М. Письма. М., 1959. Т. 4. С. 3.

¹¹² Перовский В.Л. Указ. соч. С. 10.

¹¹³ Корнилова-Мороз А.И. Перовская и основание кружка чайковцев // Каторга и ссылка. 1926. Кн 1. С. 8. Главное, Варвара Степановна отличалась «душевной красотой» (Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Воспоминания в 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 274).

¹¹⁴ Перовский В.Л. Цит. соч. С. 9.

¹¹⁵ Сегал Е.А. Софья Перовская. М., 1962. С. 15.

родителями (ее мать дожила до 1865 г.), братьями и сестрами, приглашая их к себе или выезжая к ним — иногда надолго, вместе с детьми — в Церковье. Когда заболела ее младшая сестра Евгения Степановна, она перевезла ее к себе в Петербург и ухаживала за ней до ее смерти¹¹⁶.

Лев Николаевич родственников жены воспринимал с прохладцей, ибо не считал их (как и саму Варвару Степановну) ровней своим родственникам. Он даже свои визиты к графам Перовским делал один или с кем-то из детей, но без жены. Его сын Василий вспоминал: «как-то раз (зимой 1856 г.) отец водил нас, меня и брата (Николая. — *Н.Т.*) к своему дяде, Василию Алексеевичу Перовскому, бывшему Оренбургскому генерал-губернатору <...> Торжественная и величественная обстановка и суровое выражение лица больного старика произвели на меня устрашающее впечатление, хотя при прощании дед подарил нам по золотому червонцу. Помню также посещение отцом с нами в Царском Селе другого дяди, Бориса Алексеевича, бывшего воспитателем двух сыновей Александра II и жившего в здании дворца. Там мы чувствовали себя свободнее, так как это было летом, и мы играли в мяч с двумя младшими дочками Бориса Алексеевича, бывшими почти одних лет с нами»¹¹⁷.

Судя по всему, Лев Николаевым поддерживал связи со всем кланом Перовских, включая ответвления его родословного древа с другими фамилиями. Так, Алексей Константинович Толстой (он приходился Льву Николаевичу по матери двоюродным братом) вспоминал в письме к своему другу и соавтору «Козьмы Пруtkова» А.М. Жемчужникову от 6 сентября 1869 г.: «одна из *счастливых* эпох моей жизни — это та, когда мы читали вместе Гомера и пили вишневку, а Лев Николаевич Перовский кричал дишкантом: „*Les espèces!*”¹¹⁸ — и махал зубочисткой к нашему обоюдному ужасу»¹¹⁹...

---

¹¹⁶ См.: Перовский В.Л. Цит. соч. С. 7, 10.

¹¹⁷ Там же. С. 9.

¹¹⁸ Твари! Скоты! (франц.).

¹¹⁹ Толстой А.К. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. С. 307.

Итак, Лев Николаевич и Варвара Степановна не сошлись характером, прежде всего, по крови, генеалогически, плюс еще, разумеется, нередкие в супружестве трения мужского начала с женским: он был склонен к деспотизму, жестокости, грубости; она отличалась кротостью, добротой, нежностью. Все это проявлялось в их отношениях не только друг к другу, но и к детям, — особенно, со временем, когда дети подрастут и, как мы увидим далее, начнут проявлять вольнодумство.

Первые трое из четверых детей Льва Николаевича и Варвары Степановны рождались каждые два года после их вступления в брак с аккуратной периодичностью: 8 июня 1845 г. — старший сын Николай, 17 ноября 1847 г. — старшая дочь Мария, 30 сентября 1849 г. — младший сын Василий. Затем наступила четырехлетняя пауза, словно дарованная судьбой для того, чтобы Варвара Степановна основательно подготовилась родить необыкновенного ребенка. 1 сентября 1853 г. она родила четвертое и последнее свое дитя — дочь, которой дали имя, модное в «высших кругах»: *«Софья»* (от греч. *sophia* — мудрость). Так появилась на свет девочка с очаровательной внешностью и ангельским характером, будущая «цареубийца».

3. Детство

«У меня, — вспоминал Василий Львович Перовский, — живо сохранилась в памяти сцена крестин Сони. Крестным отцом был дядя наш, младший брат отца, Петр Николаевич, а крестной матерью — наша бабушка, мать отца, Шарлотта Петровна. Соня представляется мне на руках у кормилицы¹²⁰, одетой в яркого цвета сарафан, а бабушка накладывает на Соню золотой крест на яркой пунцовой ленте»¹²¹.

---

¹²⁰ Здесь Василий Львович уточняет: «Только меня выкормила мать сама, а всех остальных выкармливали кормилицы» (Перовский В.Л. Цит. соч. С. 6).

¹²¹ Там же.

3. Детство

До трех лет Соня жила с родителями в Петербурге, исключая лишь недолгое время, когда Варвара Степановна с детьми выезжала в Церковье к матери, Луизе Петровне. Василий Львович точно не мог вспомнить, было ли это в конце 1853 или в начале 1854 г.: «за время пребывания в Церковье у меня ничего не сохранилось в памяти о Соне. Вероятно, она была на руках у кормилицы, а я все время проводил на дворе со старшей сестрой, Машей»¹²².

В Петербурге семья Перовских жила на Гороховой улице, вблизи строившегося моста на Фонтанке (кстати, именно на той улице, в доме № 2, с 1866 г. размещалось Охранное отделение, агенты которого, сыщики, схлопотали себе кличку — «гороховые пальто»). Лев Николаевич служил тогда (до отъезда к концу 1856 г. в Псков) в Государственном банке младшим директором 1-го отделения Экспедиции кредитных билетов. Жалование его, достаточно высокое, все-таки не обеспечивало всех запросов его как аристократа и главу большой семьи (с четырьмя детьми!). От отца своего, доживавшего тогда свои последние годы в отставке, он ничего не получал, а дяди его и тети тешили племянника лишь разовыми, по тому или иному случаю, подарками. Поэтому Лев Николаевич вынужден был ограничивать у себя дома приемы гостей. Впрочем, сыну его Василию запомнился больше любого, даже самого занятого гостя, живший тогда в их доме серый попугай (цитирую далее Василия Львовича) — «наш общий любимец, которого отец учил произносить разные слова и даже фразы на потеху гостей, исключительно приятелей и сослуживцев отца и наших родных»¹²³.

Василий Львович отмечал «малую положительную роль отца в воспитании характера Сони; скорее он действовал на нее как отрицательный пример, порой сильно отталкивающий»¹²⁴. О том же свидетельствовали другие современники, «близко

---

¹²² Перовский В.Л. Цит. соч. С. 7.

¹²³ Там же. С. 8–9.

¹²⁴ Там же. С. 4. Курсив мой. — Н.Т.

знакомые с семейной обстановкой Перовских»¹²⁵. Однако Н.П. Ашешов явно гиперболизировал эти свидетельства: верно подчеркнув, что «отец Софьи Львовны был типичным самодуром, а в семье тираном», он подкрепил сказанное домыслами о том, что Лев Николаевич именно «к Соне, как к самой младшей дочери, относился весьма дурно и не любил ее», а главное, на ее глазах, будто бы, «заставлял своего малолетнего сына (Василия. — *Н.Т.*) бить свою же мать»¹²⁶. Василий Львович решительно оспаривал такие домыслы: «Это сплошная неправда!»¹²⁷.

Зато суждение Василия Львовича о том, что «главным положительным фактором» в воспитании Сони «была мать с ее любвеобильной душой и отзывчивостью ко всему прогрессивному»¹²⁸, все знакомые и биографы Софьи Львовны, включая Н.П. Ашешова, разделяют безоговорочно. «Величайшей привязанностью ее жизни, — писал об этом в очерке «Софья Перовская» С.М. Кравчинский, — была мать, Варвара Сергеевна (? — *Н.Т.*), которую она любила со всей трогательной и наивной нежностью, какая бывает только у дочерей»¹²⁹. Даже жандармские хроникеры признали (со своей колокольни, конечно) этот факт: Софья Перовская «была в корень испорчена своей матерью, Варварой Сергеевной»¹³⁰, женщиной очень передовых взглядов»¹³¹.

Редкий по тому времени для дворянских, (особенно аристократических) семей пробел Лев Николаевич допустил в религиозном воспитании своих детей. Сам он, «хотя и был верующий,

---

¹²⁵ См.: К биографиям А.И. Желябова и С.Л. Перовской // *Былое*. 1906. № 8. С. 116, 117.

¹²⁶ *Ашешов Н.П.* Цит. соч. С. 9.

¹²⁷ *Перовский В.Л.* Цит. соч. С. 15.

¹²⁸ Там же. С. 4.

¹²⁹ *Степняк-Кравчинский С.М.* Избранное. М., 1972. С. 449–450.

¹³⁰ Хроникеры заимствовали здесь ошибку С.М. Кравчинского, который назвал Варвару Степановну Сергеевной.

¹³¹ Хроника социалистического движения в России. С. 168.

но редко ходил в церковь» и никогда не соблюдал постов¹³², т.е. являл собой, как выразился Н.П. Ашешов, христианина, «*по-чиновничьи* религиозного» и только¹³³. Варвара Степановна, напротив, была искренне, душевно верующей и старалась с первых же лет жизни своих детей воспитать их религиозно. Василий Львович так вспоминал о времени, когда ему было лет пять: «Мать, тогда очень религиозная, учила меня ежедневно перед сном произносить молитву, стоя на коленях перед иконами, в углу комнаты. То же проделывала она и с Соней в первые годы ее раннего детства. Однако, это продолжалось недолго»¹³⁴. Дети, да и сама Варвара Степановна, все больше приобщались к светской, гражданской литературе Пушкина и Лермонтова, Гоголя и Тургенева, оставляя все меньше времени для молитв и религиозных обрядов. В итоге, Соня «прожила без уроков по закону Божьему и, вообще получила, в сущности, атеистическое воспитание»¹³⁵.

Интерес к литературе у Варвары Степановны совпадал с интересами ее детей. Собственно, она руководила их чтением с малых лет, стараясь заострить и расширить тягу детворы к русской и зарубежной (в первую очередь, французской) классике. Что же касается Льва Николаевича, то он явно предпочитал тех литераторов, с которыми был родственно связан или просто знаком, — таких, как Алексей Алексеевич Перовский (Погорельский), Алексей Константинович Толстой и трио братьев Жемчужниковых, т.е. коллективный Козьма Прутков. Варвара Степановна понимала и, в принципе, разделяла такие интересы мужа. «Черную курицу» Погорельского все их дети знали чуть не наизусть, едва научившись читать, как, впрочем, знали, и стихи Толстого — «Колокольчики мои», «Средь шумного бала», «Коль любить, так без рассудку».

---

¹³² К биографиям А.И. Желябова и С.Л. Перовской. С. 116.

¹³³ *Ашешов Н.П.* Цит. соч. С. 10. Курсив мой. — Н.Т.

¹³⁴ *Перовский В.Л.* Цит. соч. С. 7.

¹³⁵ *Ашешов Н.П.* Цит. соч. С. 10.

При этом Лев Николаевич больше всего ценил в сочинениях даже третьестепенных, а тем более, выдающихся литераторов, какие-либо упоминания о любом из Перовских, вроде той эпиграммы, которую сочинили в 1854 г. Н.А. Некрасов, И.С. Тургенев и А.В. Дружинин (втроем!) на чиновника удельного ведомства Ивана Арапетова с такими строками:

Удав для подчиненных,
Перед Перовским — глист¹³⁶.

Здесь имелся в виду дядя Льва Николаевича граф Лев Алексеевич Перовский — министр уделов и управляющий Кабинетом Его Величества, который больше всех высокопоставленных родственников Льва Николаевича способствовал его карьерному росту. Именно с подсказки Льва Алексеевича Его Величество Александр II осенью 1856 г. подписал Льву Николаевичу назначение, которое сам назначенец определил как то ли «ужасную радость», то ли «радостный ужас»: ехать в Псков на должность вице-губернатора.

Вице-губернаторство для младшего директора одного из отделений банковской Экспедиции, каковым был тогда Лев Николаевич, означало завидное повышение по службе и тройное увеличение жалованья, но ... переезд из столицы в провинцию ущемлял фамильную гордостью новоявленного вице-губернатора. Впрочем, не исключено, что Лев Алексеевич мог обещать племяннику: через исправное вице-губернаторство в провинции (по соседству с Петербургом!) перед ним откроется путь к губернаторству в столице...

Переезд во Псков совпал по времени для Перовских с фамильным потрясением. Едва они всей семьей благоустраились на новом для себя месте, как узнали о смерти в Петербурге 10 ноября 1856 г. своего главного покровителя — графа Л.А. Перовского. Пришлось Льву Николаевичу пережить не только горечь этой

---

¹³⁶ Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1981. Т. 1. С. 425, 689; Тургеневский сб-к. Л., 1967. Сб. 3. С. 58–59.

утраты, но и страх перед возможностью застрять в провинции прочно и надолго, если не навсегда. Но довольно скоро жизнь Перовских во Пскове наладилась, а родственные связи с Петербургом и надежды на возвращение в столицу сохранились.

Перед отъездом во Псков Лев Николаевич, к удовольствию всех членов (и, конечно же, будущих историков) его семьи заказал не просто лучшему, а на то время *первому* в Петербурге фотографу Андрею Ивановичу Деньеру семейное фото. Оригинал его сохранился у Василия Львовича (воспроизведен в его книге «Воспоминания о сестре»¹³⁷), а копии с него хранились в Музеях Революции Москвы и Ленинграда и в Обществе бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев в Москве. Соня на этом фото (ей тогда было лишь три года) сидит на коленях у матери, а ее старшая, 9-летняя сестра Маша и все мужчины — отец и двое братьев — стоят.

Первые впечатления от переезда из Петербурга во Псков у Перовских были неоднозначны, причем у родителей и детей — разные. Город в сравнении с Петербургом показался Перовским деревней. И дом, выделенный для семьи вице-губернатора, — лучший во Пскове, после губернаторского, — был деревянным. Но — просторным, в два этажа, уютным, с мезонином, садом и прудом. Детям все это понравилось сразу и больше, чем квартиры на Гороховой в Петербурге — тесная (по сравнению с двухэтажным домом во Пскове), без мезонина, сада и пруда. Кстати, этот псковский дом, хотя и сильно пострадал в годы Великой Отечественной войны, восстановлен в первоначальном виде и сохраняется поныне; местные краеведы знают его и показывают туристам, хотя он не отмечен никаким мемориальным знаком. Его современный адрес: ул. Советская, (бывшая Великая), 42.

Сад возле дома Перовских отделялся дощатым забором от сада при губернаторском доме, а губернатором во Псков тогда только что был назначен действительный статский советник Валериан Николаевич Муравьев — родной брат знаменитого

---

¹³⁷ Перовский В.Л. Цит. соч. С. 11.

генерал-губернатора Восточной Сибири графа Николая Николаевича Муравьева-Амурского. Валериан Николаевич был вдовцом: жена его умерла при родах единственного ребенка, сына Николая. Оплавав жену, Валериан Николаевич души не чаял в сыне. Этот ребенок, Николенька, своим рождением похоронивший мать, стал другом детских игр Софьи Перовской, а потом, в 1881 г., ее обвинителем на судебном процессе по делу о царевубийстве, остервенело требовавшим для нее смертной казни. Это уже — мефистофелевская гримаса истории!

Ну, а пока 6-летний Коля Муравьев познакомился и подружился с детьми соседа, вице-губернатора. «Вскоре после нашего поселения в доме, — вспоминал об этом Василий Львович, — мы, играя в саду, услышали голоса за забором и, вскарабкавшись на него, увидели Колю, с коляской, запряженной мулом. Коля, видимо, обрадовавшись подходящей компании, стал звать нас к себе. Мы все трое (Вася, Маша и Соня. — *Н.Т.*) спрыгнули к нему и проиграли с ним до обеда. Вслед за этим Муравьев сделал визит к нам и просил отца и мать пускать нас почаще играть с его сыном. После этого мы трое (исключая брата Николая, уже поступившего в гимназию) зачастую бегали в сад к Коле»¹³⁸.

Игры у детей губернатора и вице-губернатора были разнообразными. В саду у Перовских летом устраивались качели, а зимой сооружалась ледяная гора. В губернаторском же саду, где росла высокая и густая крапива, Вася Перовский и Коля Муравьев рубили ее деревянными мечами, «сражаясь» таким образом с «разбойниками», причем Соня уже с четырех-пяти лет принимала в этих «сражениях» непременно участие. Но больше всего запомнился им полноводный пруд с паромом у губернаторского дома. «Мы передвигались на пароме с одного берега к другому, — вспоминал Василий Львович, — воображая, что плывем на корабле и сражаемся с пиратами»¹³⁹.

---

¹³⁸ Перовский В.Л. Цит. соч. С. 12–13.

¹³⁹ Там же. С. 13.

Именно здесь, на этом пароме, случилась история, которую все Перовские запомнили на всю жизнь, а Коле Муравьеву она едва не стоила жизни. Коля сорвался с парома в воду и стал тонуть; трое Перовских — Вася, Маша и Соня — успели схватить его, кто за что, и вытянуть из воды. Неотлучно бывшая при нем и в тот момент сидевшая на берегу гувернантка (бонна-немка) «перепугалась страшно, подняла крик, и горничные принесли перемену белья и одежды для Коли»¹⁴⁰. Так 5-летняя Соня Перовская с помощью брата и сестры спасла жизнь своему будущему обвинителю, обер-прокурору Сената и министру юстиции.

Кстати, — о бонне Муравьевых: «впоследствии, когда мы были уже в Петербурге, — вспоминал В.Л. Перовский, — к нам пришла как-то эта бонна, уже дряхлая старуха, и с плачем рассказывала маме, что воспитанник ее Коля, ставши совершеннолетним, прогнал ее из дому»¹⁴¹.

Кроме губернатора В.Н. Муравьева, Перовские близко общались во Пскове с жандармским полковником Дмитрием Матвеевичем Ходкевичем — будущим генералом и начальником жандармского округа всей Сибири. Этот (как и губернатор) вдовец, «завидовавший» одному из своих женатых друзей («у него две жены — дома и в подворье — и обе *плодоносят*»), нравился Льву Николаевичу, но шокировал Варвару Степановну своей фривольностью. Варвара Степановна, ставшая, по рекомендации губернатора, попечительницей местного приюта Святой Ольги, предпочитала общение с женой псковского землевладельца и благотворителя Екатериной Петровной Окуновой.

Дома, поскольку теперь, во Пскове, Варвара Степановна была избавлена от тяготивших ее в Петербурге светских обязанностей, она сосредоточилась исключительно на уходе за детьми и на домашнем хозяйстве. К тому же Лев Николаевич, «за постоянными служебными занятиями, мало времени проводил в семье, главным образом только за обедом, а по вечерам, когда бывал дома, то, большей частью, играл в карты до

---

¹⁴⁰ Перовский В.Л. Цит. соч. С. 12–13.

¹⁴¹ Там же.

поздней ночи с кем-либо из гостей»¹⁴². Поэтому нелады между родителями в семье Перовских из-за спеси, деспотизма и грубости Льва Николаевича во Пскове проявлялись меньше, чем до и после Пскова.

Дни, когда отец возвращался со службы или, вообще, оставался дома «в хорошем расположении духа», запомнились детям почти как праздничные. Василий Львович вспоминал, что в кругу семьи, за обеденным столом, Лев Николаевич принимался развлекать своих чад и домочадцев, а именно «нести смехотворную ерунду, обращаясь к Соне с глубокомысленными вопросами, вызывая с ее стороны неожиданные реплики, от которых мы покатывались со смеху; между тем Соня сохраняла серьезный вид»¹⁴³.

Воспитывать детей очень помогала Варваре Степановне гувернантка Анна Карловна, пожилая немка, которая жила в доме Перовских на правах члена семьи. Она следила за порядком в доме, а главное, учила Васю и обеих сестер немецкому языку. Кроме того, для занятий по русскому языку, арифметике и географии с Васей и Машей (Соня для этого тогда еще не доросла) в дом к Перовским приходил учитель гимназии. По всей видимости, это был Михаил Андреевич Васильев¹⁴⁴. «Мать наша учила нас (включая Соню. — *Н.Т.*) французскому языку и заставляла говорить по-французски, а с гувернанткой мы должны были говорить по-немецки», — вспоминал о том времени Василий Львович¹⁴⁵...

Так пролетели для семьи Перовских во Пскове первые полтора года, а потом семья пережила вторую, после смерти графа Льва Алексеевича, горькую утрату: 22 апреля 1858 г. в своем имени Кильбурун умер Николай Иванович Перовский, отец

---

¹⁴² *Перовский В.Л.* Цит. соч. С. 15.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ См.: Историческая записка к 50-летию Псковской губернской гимназии. Сост. П. Говорливый. СПб., 1884. Здесь, в приложении перечислены все учителя и выпускники гимназии 1856–1859 гг.

¹⁴⁵ *Перовский В.Л.* Цит. соч. С. 14.

Льва Николаевича. Наследство покойного разделили два его сына — средний, Лев, и младший, Петр (старший сын Николая Ивановича, Алексей, давно умер): вышло четыре имения в Крыму на двоих¹⁴⁶.

Для того, чтобы оформить раздел наследства, Лев Николаевич летом 1858 г. поехал в Крым. Там он увидел, сколь авторитетна у крымчан фамилия Перовских: ведь Николай Иванович был Таврическим губернатором, а весь Крымский полуостров входил составной частью в Таврическую губернию. Поэтому Лев Николаевич на обратном пути из Крыма во Псков через Петербург задержался в столице и получил там сверху «добро» на служебный перевод его в Крым, — правда, не сразу, а со следующей осени, на должность Таврического вице-губернатора.

И вот, к осени 1859 г., а не 1858, как вспоминал ошибочно Василий Львович¹⁴⁷, семья Перовских, распродав всю обстановку во Пскове, отправилась по только что отстроенной железной дороге в Петербург, чтобы оттуда выехать поездом в Москву, а из Москвы — уже в собственных экипажах на почтовых лошадях — в Крым. Именно тогда в Петербурге по заказу Льва Николаевича художник, будущий академик Иван Кузьмич Макаров написал замечательный портрет (Х.м. 90х64 см.) сестер Перовских — шестилетней Сони и одиннадцатилетней Маши, — хранящийся ныне в Пермской художественной галерее¹⁴⁸. Кстати, консультировала искусствоведов при атрибуции портрета (каких именно «сестер Перовских») двоюродная сестра Софьи Глебовны Перовской — еще одна Софья (Васильевна) Перовская, скончавшаяся в 1972 г.¹⁴⁹. Об этом же портрете рассказал и внук художника — тоже Иван Кузьмич¹⁵⁰.

---

¹⁴⁶ См.: *Перовский В.Л.* Цит. соч. С. 19.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Подробно о нем см.: Иван Кузьмич Макаров (1822–1897). Автор.-сост. Л.Б. Федосеенко. Саранск, 1973. С. 10.

¹⁴⁹ Об этом Софья Глебовна сообщила мне в письме от 12 апреля 1977 г.

¹⁵⁰ См.: *Макаров И.К.* Записки о семье художников Макаровых. Саранск, 1974. С. 61.

Дорога в Крым для семьи Перовских изобиловала необычными, а то и просто экзотическими впечатлениями. Из Москвы долго, медленно и скучно ехали по бугристым и тряским дорогам, но зато любовались окрестными пейзажами, разнообразием городских и сельских видов, церквей и монастырей. «Отец, сгорая от нетерпения, проехал вперед, а мы, — вспоминал Василий Львович, — тащились еще медленнее, останавливаясь каждую ночь на станциях. Езда была утомительная, потому что в карете, хотя и четырехместной, кроме многочисленных узелков, нас сидело: мать, нянька и трое детей, исключая брата, уехавшего с отцом. Кроме того, с нами были две охотничьи собаки, которых надо было всякий раз при приближении к стадам овец забирать в карету»¹⁵¹.

Больше всех запомнилась путникам поразившая их встреча на одной из почтовых станций: они увидели целый встречный поезд — это везли пленного Шамиля с несколькими женами и единственным сыном через Курск (19 сентября), Тулу (21 сентября) и Москву (22 сентября) в Петербург¹⁵². Да, 26 августа 1859 г. мятежный имам (духовный и светский вождь горцев Дагестана) сдался в плен царским войскам генерала А.И. Барятинского, сразу возведенного за эту победу в фельдмаршалы. Условия плена были почетными: Шамиль со всеми членами его семьи был водворен в Калугу на поселение под надзор полиции; там он прожил до 1870 г., после чего Александр II разрешил ему выехать в Мекку.

Воспоминаний об этой встрече с Шамилем, разговоров о ней с родными, друзьями, знакомыми хватило в семье Перовских на всю жизнь. Когда же Варвара Степановна с няней, тремя детьми и двумя *борзыми* собаками увидели вдали Крымские горы с вершиной Чатыр-Даг, их общая (включая борзых) радость была тем большей, что именно в этот день их встретил Лев Николаевич со старшим сыном. Глава семьи, все выяснив

---

¹⁵¹ Перовский В.Л. Цит. соч. С. 20.

¹⁵² См.: Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк. СПб., 1889. С. 116–124.

заранее, теперь уверенно доставил ее в Симферополь, а оттуда, переменяв лошадей, — на юг, по долине р. Салгир, в Кильбурун, за 10 верст от Симферополя. «Тут горы по бокам долины уже принимали живописные очертания, — восхищался Василий Львович. — Обилие зелени, фруктовых садов и целые аллеи пирамидальных тополей, окаймляющих дорогу; большие стаи скворцов, усеивающих верхушки тополей и издающих звонкое щебетанье, — все это производило на нас сильное, чарующее впечатление, и мы непрерывно издавали восторженные восклицания. Нам тогда в первый раз довелось увидеть картины южной природы»¹⁵³.

В Кильбуруне семью Перовских встретила вдова Николая Ивановича Шарлотта Петровна, которую Варвара Степановна и, особенно, все ее дети очень любили. Она приготовила дорогим гостям неопишутый, по их воспоминаниям, обед, а потом, как вспоминал Василий Львович, все четверо детей, «насытившись, пустились во все стороны любоваться окрестностями вокруг дома и чудными видами на долину р. Салгир и на величественный Чатыр-Даг»¹⁵⁴...

На зиму 1859–1860 гг. Перовские переехали в Симферополь и заняли там комфортабельную квартиру, предоставленную Льву Николаевичу как Таврическому вице-губернатору, — целый этаж (второй) в доме на углу Соборной площади и Екатерининской улицы. Приступив к исполнению своих служебных обязанностей, Лев Николаевич, при всей его амбициозности, сумел наладить плодотворный контакт с местными чиновниками, используя их пietet к фамилии Перовских. Особенно близким к нему лично и ко всей его семье стал чиновник по особым поручениям при губернаторе Николай Браилко, отец которого был другом Николая Ивановича Перовского и предшественником Льва Николаевича в должности местного вице-губернатора. Он очень тепло относился к Варваре Степановне («святая

---

¹⁵³ Перовский В.Л. Цит. соч. С. 20.

¹⁵⁴ Там же.

в полном смысле слова») и к ее детям, а из них больше всех нравилась ему Соня («дочь Софья — девочка лет пяти, очень хорошенькая блондинка, которую отец называл не иначе как “соска”»¹⁵⁵). Семья Перовских с удовольствием слушала рассказы Браилко о Таврической губернии и ее губернаторах. Так, служивший губернатором в 1845–1854 гг. генерал-лейтенант Владимир Иванович Пестель — младший брат вождя декабристов, автора «Русской Правды» П.И. Пестеля и сам бывший декабрист, член первых декабристских союзов — Спасения и Благоденствия, — во время Крымской войны, услышав гром орудий с поля битвы на р. Альма, проигранной русскими, бежал из Симферополя «со своей фавориткой (женой одного из чиновников)», после чего был уволен с должности¹⁵⁶.

Браилко, со слов своего отца, мог рассказать Перовским и о каких-либо подробностях той опеки, которую Николай Иванович Перовский, в бытность его Таврическим губернатором, окружил Константина Николаевича Батюшкова — крупнейшего (наряду с В.А. Жуковским) из русских поэтов, предшественников А.С. Пушкина. Вот что сообщил об этом позднее (уже в 1880-е годы) биограф Батюшкова, выдающийся литературовед, фольклорист, этнограф академик Леонид Николаевич Майков — родной брат замечательного поэта Аполлона Майкова: «После того, как в припадках душевного расстройства больной (К.Н. Батюшков. — *Н.Т.*) стал покушаться на свою жизнь, Таврический губернатор Н.И. Перовский известил

---

¹⁵⁵ Браилко Н.И. Из воспоминаний и рассказов // Русский архив. 1897. № 6. С. 315.

¹⁵⁶ Там же. С. 290, 292. Это увольнение, как и былой декабризм, не повредило карьере В.И. Пестеля: в 1855 г. он стал сенатором, а в 1865 (за 18 дней до смерти) — действительным тайным советником. Впрочем, и главнокомандующий русскими войсками в битве на Альме кн. А.С. Меншиков не пострадал (и не мыслил пострадать!) за стыд и срам поражения. Спасаясь бегством от неприятеля, он даже острил на бегу: «Если бы я выиграл эту битву, меня сделали бы графом Альмавива!».

графа Нессельроде¹⁵⁷ об отчаянном состоянии Константина Николаевича и вслед за тем, при помощи пользовавшего его врача, почтенного О.К. Мюльгаузена, решился отправить Батюшкова в Петербург. Только после больших усилий удалось посадить его в дорожный экипаж. Для сопровождения больного назначен был инспектор Таврической врачебной управы доктор П.И. Ланг»¹⁵⁸.

Подробности хлопот об отправлении Батюшкова из Симферополя в Петербург изложены в письмах Н.И. Перовского графу К.В. Нессельроде от 15 марта, 19 и 21 апреля 1823 г.¹⁵⁹

Год за годом семья Перовских коротала время в Крыму — зимой в Симферополе, а летом в Кильбуруне или даже в Евпатории, где Лев Николаевич снял для семьи *приморский* дом отдыха. Все складывалось, в представлении Варвары Степановны и детей, как нельзя лучше, хотя Лев Николаевич грезил о более перспективной и, главное, столичной карьере. Пока все их дети были благоустроены: Николай поступил в четвертый, а Василий — во второй класс Симферопольской гимназии, Марию Лев Николаевич (к неудовольствию Варвары Степановны) отдал в Керченский *институт благородных девиц*¹⁶⁰, а для 6-летней Сони была нанята домашняя учительница. «Кроме того, — вспоминал Василий Львович, — для обучения танцам ходил к нам особый учитель со скрипачом, и помнится мне, что в один из дней рождения или именин отца я и Соня танцевали какой-то матросский танец — я в матросском наряде, а Соня — в белом кисейном платье, с розовым шарфом. Эти уроки танцев продолжались и впоследствии, кажется, уже во времена

---

¹⁵⁷ Министр иностранных дел Российской империи граф К.В. Нессельроде затребовал к себе К.Н. Батюшкова, поскольку тот с 1819 г. состоял на дипломатической службе.

¹⁵⁸ *Майков Л.Н.* О жизни и сочинениях К.Н. Батюшкова // Соч. К.Н. Батюшкова. СПб., 1887. Т. 1. С. 299.

¹⁵⁹ Там же. С. 323–328.

¹⁶⁰ Так назывались в царской России закрытые учебно-воспитательные заведения для дочерей дворян.

губернаторства отца: к нам ходил для этого знаменитый в то время балетный комик Стуколкин¹⁶¹. Но ни я, ни Соня не научились совсем модным танцам, так как не любили их»¹⁶².

В памяти Василия Львовича сохранилось много характерных для детских лет Софьи Львовны эпизодов. Так, в Симферополе, зимой «Соня еще возилась с куклой, и ей делались подобные подарки», но летом он «решительно не помнил, чтобы она хоть когда-нибудь занималась куклой». После же переезда из Крыма в Петербург (осенью 1861 г.) Соня «совершенно забросила» кукольную тему, а все свои куклы «верно, раздарила кому-нибудь»¹⁶³.

Зато с каждым годом она все более приобщалась к подвижным и остросюжетным, *мальчишеским* играм, не на шутку чреватым порою опасностями для здоровья, а то и для жизни. На море в Евпатории она уже тогда соперничала с братьями в искусстве плавать и нырять и вскоре стала просто «выдающимся пловцом», удивляя и даже пугая сверстниц (и сверстников!) дальними заплывами. А в Кильбуруне Соня к восьми годам стала даже исправным «артиллеристом». Вот колоритная сцена из воспоминаний Василия Львовича: «У деда в имении было до десятка различной величины медных пушек, с французскими надписями на некоторых из них. Только мы с Соней ими забавлялись и изрядно постреливали, благодаря дешевизне пороха. Я. как водится старшему, норовил играть роль командира, а Соня исправно, по команде, прикладывала фитиль к затравке и ничуть не пугалась выстрела и не смущалась, что пушка отскакивала назад»¹⁶⁴.

С малых лет будущая «идейная Жанна д'Арк» отличалась столь редким (особенно для женщин) качеством, как

---

¹⁶¹ Стуколкин Лев Петрович (1837–1895) — артист балетной труппы Мариинского театра в Петербурге и педагог, автор кн. «Преподаватель и распорядитель балльных танцев». 4 изд. СПб., 1902.

¹⁶² *Перовский В.Л.* Цит. соч. С. 21.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Там же. С. 22.

бесстрашие. Василий Львович вспоминал такой случай из жизни в Кильбурне: «Как-то раз, выйдя из дома, я увидел вдали одного из служащих, махавшего мне рукой и кричавшего, чтобы я поостерегся: в мою сторону бежала по дороге бешеная собака изрядной величины с поджатым между ног хвостом и с пеной у рта. Я бросился в комнату, схватил свою одностволку, заряженную дробью, и выбежал, отыскивая глазами собаку. Я увидел, что она обогнула длинное здание (недостроенное дедом) и побежала по тропинке, протоптанной вдоль этого здания; между тем, навстречу ей шла Соня. Сильно испугавшись, я крикнул ей, чтобы она скорее сошла в сторону и встала неподвижно, дабы не обратить на себя внимание собаки, а сам побежал догонять ее. Соня отошла в сторону — не больше 4–5 шагов — и спокойно смотрела на собаку, пока она пробежала мимо, после чего я мог уже стрелять в нее. Вообще, сколько я ни припоминал, никогда не мог вспомнить, чтобы Соня хоть раз чего-либо испугалась или, хотя бы, просто трусила»¹⁶⁵.

Между тем, у Льва Николаевича начались служебные неприятности. Он стал конфликтовать со своим непосредственным начальником, губернатором, каковым был тогда в Крыму генерал-лейтенант Григорий Васильевич Жуковский. Этот карьерист и, по натуре, солдафон был не менее амбициозен, чем Лев Николаевич, а чином выше, что и позволяло ему ущемлять не только деловые качества, но и личную репутацию любого из нижестоящих, вплоть до вице-губернатора. Жуковский часто отлучался со службы, а Лев Николаевич в таких случаях его заменял, но по возвращении из отлучки губернатор устраивал своему заместителю скандалы, обвиняя его во всем и вся. В конце концов, после ряда жалоб министру внутренних дел П.А. Валуеву Жуковский добился отставки Льва Николаевича с отчислением его в штатный резерв министерства. «Отец полетел в Петербург», — так вспоминал об этом Василий Львович, — и там, “благодаря влиятельным родственникам”,

---

¹⁶⁵ Перовский В.Л. Цит. соч. С. 22–23.

получил назначение на ту же должность, вице-губернатора, но ... в столичную Петербургскую губернию!¹⁶⁶. Поскольку из влиятельных родственников Льва Николаевича к тому времени в живых оставался лишь его дядя, граф Борис Алексеевич (воспитатель царских сыновей), можно не сомневаться: именно он патронировал для своего племянника это назначение.

Итак, 7 июля 1861 г. статский советник Лев Николаевич Перовский был назначен Петербургским вице-губернатором. Он тут же дал знать о своем служебном взлете в Крым Варваре Степановне, и она со всей семьей, после недолгих сборов, вновь — уже в который раз! — отправилась к мужу из провинции в столицу...

В то время военным генерал-губернатором Петербурга был внук генералиссимуса А.В. Суворова генерал-адъютант и генерал от инфантерии, граф и светлейший князь Итальянский Александр Аркадьевич Суворов-Рымникский¹⁶⁷, а гражданским губернатором — действительный статский советник граф Александр Алексеевич Бобринский — внук внебрачного сына императрицы Екатерины Великой и графа Г.Г. Орлова. Вот в такой компании (фактически третьим лицом губернской администрации Петербурга) начал свою новую службу Лев Николаевич.

Губернатор Бобринский (в отличие от Жуковского) принял вице-губернатора Перовского очень хорошо и предоставил в его распоряжение весь казенный губернаторский дом, поскольку сам губернатор жил в собственном частном доме. «Дом этот был на Екатерингофском проспекте, против казарм гвардейского Морского экипажа, — вспоминал Василий Львович. — В нижнем этаже, с правой стороны от ворот, были кабинет, приемная и спальня отца и дверь в канцелярию губернатора. По другую сторону ворот, в нижнем же этаже, была квартира из трех комнат с особым подъездом и передней,

---

¹⁶⁶ Перовский В.Л. Цит. соч. С. 23.

¹⁶⁷ Приставку к фамилии с титулом «граф Рымникский» получил А.В. Суворов за победу над турками в битве при Рымнике 11 сентября 1789 г.

которую отец предоставил своей матери, Шарлотте Петровне. Весь второй этаж занимали мы с матерью; и там были приемные комнаты и большая зала для танцев»¹⁶⁸.

В Петербурге все дети Перовских возобновили учебу: Николай поступил в пятый, а Василий — в третий класс ближайшей от дома 5-й гимназии у Аларчина моста; для Маши и Сони нанят был домашний учитель. Свободное время Николай обычно проводил со своими одноклассниками, а Вася, по привычке, — с сестрами, но чаще вдвоем с Соней: «В первую же зиму нам троим, мне и сестрам, были куплены коньки, и я ходил каждое воскресенье, с Соней в особенности, на каток на Мойке у Синего моста»¹⁶⁹.

Летом 1862 г. Варвара Степановна с детьми жила на даче, которую Лев Николаевич (только что возведенный в чин действительного статского советника, т.е. уже — генеральского ранга) снимал под Петербургом, а на следующее лето она уговорила мужа отпустить ее и детей в гости к псковским приятелям Окуневым, имение которых находилось в 35 верстах от Пскова. Туда же приехал погостить на несколько дней еще один псковский знакомец Перовских жандармский полковник Ходкевич с сыном Валерьяном, гимназистом-пятиклассником. Василий и Валерьян затевали там, в лесу и на реке, мальчишеские игры, в которых неизменно участвовала Соня. Василий Львович вспоминал такой эпизод: «Мы с Соней и Валерьяном, при помощи лесного сторожа, николаевского солдата, устроили маленький плот из бревен, укрепили на нем мачту, смастерили из простыни парус и разъезжали на этом плоту вдоль по речке ниже плотины, перетягивая его на перекатах»¹⁷⁰.

Другой эпизод из того же лета 1863 г. Василий и Соня (им было тогда соответственно 14 и 10 неполных лет) учинили с большим для себя риском. Они вдвоем решили выследить в соседнем лесу медведицу, которую как-то ночью видел на

---

¹⁶⁸ Перовский В.Л. Цит. соч. С. 27.

¹⁶⁹ Там же. С. 25.

¹⁷⁰ Там же. С. 26.

опушке леса, возле овсяного поля, лесной сторож. Поздним вечером брат и сестра с двумя ружьями и охотничьим ножом отправились к тому полю на охоту. «Я зарядил свою одностволку пулей и Колину (двустволку. — *Н.Т.*) крупной дробью, а Соне дал большой охотничий нож, купленный в Петербурге перед отъездом, — вспоминал Василий Львович. — Мы условились, что, если удастся подойти близко к медведице, то я буду стрелять из обеих ружей, и, если медведица будет еще жива, то Соня должна сунуть мне в руку нож, заранее вынув его из ножен, а сама бежать домой и звать на помощь»¹⁷¹. Юные «медвежатники» «дошли до того места, где овес был раньше потоптан медведицей; на тех местах, где медведица, очевидно, лежала и сосала колосья, чутко прислушивались, перекидывались безмолвными знаками»¹⁷², но медведицу так и не обнаружили и, уже к полуночи, вернулись домой ни с чем.

Время шло, и осенью 1864 г, когда Соне «стукнуло» 11 лет, у отца ее начались перемены — сначала к несколько худшему, а вскоре потом к значительно лучшему. Граф Бобринский ушел с губернаторского поста, и новым губернатором был назначен действительный статский советник Владимир Яковлевич Скарятин, сын того полковника Якова Федоровича Скарятина (1780–1849 гг.), который был одним из главных убийц императора Павла I: именно он в ночь на 12 марта 1801 г. придушил уже полумертвого императора своим шарфом. С тех пор «шарф Скарятин» надолго стал в России обиходным выражением¹⁷³. «Скарятин снял с себя шарф, прекративший жизнь Павла I-го», — читаем у А.С. Пушкина¹⁷⁴.

В противоположность Бобринскому, Скарятин Перовского терпеть не мог и, как только стал губернатором, тотчас потребовал, чтобы вице-губернатор освободил казенную квартиру. Пришлось Льву Николаевичу снимать этаж в доме

---

¹⁷¹ Перовский В.Л. Цит. соч. С. 27.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ См.: Фонвизин М.А. Соч. и письма. Т. 2. Соч. Иркутск, 1982. С. 143.

¹⁷⁴ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 12. С. 321.

своего бывшего сослуживца по лейб-гвардии Гренадерскому полку Федора Ивановича Трузсона. Василий Львович вспоминал о Трузсоне очень тепло: «часто бывавший у нас и очень любимый нами всеми; кстати, он шутя называл Сою «мрачной девицей», потому что она при нем (как и вообще при гостях) редко обнаруживала веселость и разговорчивость»¹⁷⁵.

К счастью для Льва Николаевича, в опале у губернатора он пробыл недолго, считанные месяцы. В декабре 1864 г. Скарятин был назначен гофмаршалом при наследнике престола, вел. кн. Николае Александровиче (старшем сыне Александра II) и переехал в Аничков дворец, где в дальнейшем — после неожиданной смерти Николая Александровича 12 апреля 1865 г. — служил новому наследнику, будущему Александру III¹⁷⁶. Тем временем, уже 1 января 1865 г., Лев Николаевич, при содействии не только своего дяди, графа Бориса Алексеевича, но и генерал-губернатора, светлейшего князя А.А. Суворова, был назначен Петербургским губернатором. «Конечно, — вспоминал не без ехидства Василий Львович, — мы сейчас же переехали в казенный дом, довольно роскошно отделанный Скарятиным»¹⁷⁷.

Так Лев Николаевич Перовский достиг пика своей карьеры, на котором довелось ему продержаться чуть больше полутора лет. К тому времени все его дети заметно повзрослели: старшему, Николаю, исполнилось 20 лет, а младшей, Софье, — 12; зрелой барышней выглядела 18-летняя Маша, да и 16-летний Василий уже готов был считать себя взрослым...

Теперь, когда Лев Николаевич стал заправским столичным губернатором, он больше, чем когда-либо ранее, заботился о *светскости* своего быта, приемов и визитов. Готовясь вывозить расцветавшую на глазах Машу в высшее общество, он завел дома еженедельные «журфиксы» (приемы гостей)

---

¹⁷⁵ Перовский В.Л. Цит. соч. С. 28.

¹⁷⁶ Под новый 1871 г. В.Я. Скарятин погиб на царской охоте от случайного выстрела своего сослуживца графа П.К. Ферзена (см.: Русский архив. 1894. Кн. 2. С. 600–602).

¹⁷⁷ Перовский В.Л. Цит. соч. С. 29.

с танцами, как это было принято в его теперешнем кругу. Варвару Степановну он обязывал не только сопровождать его при визитах в большой свет к высокопоставленным сородичам (кроме графа Бориса Алексеевича, то были две его сестры — Елизавета и Мария), но и самой, отдельно, ездить к ним с визитами. Василий Львович запомнил, как Варвара Степановна навещала статс-даму Марию Алексеевну Крыжановскую — вдову умершего еще в 1839 г. коменданта Петропавловской крепости генерал-лейтенанта М.К. Крыжановского. «Пришлось также матери ездить с поздравлениями в день именин к последней графине Разумовской¹⁷⁸; ей случилось быть у Разумовской в момент посещения той Александром II»¹⁷⁹.

Варвара Степановна в таких ситуациях всегда чувствовала себя неловко и, как казалось ее родовитому супругу, производила впечатление провинциалки, раздражая его (по мере того, как он поднимался карьерно выше и выше) все больше. «Это служило поводом к раздорам и грубым выходкам с его стороны, что было крайне неприятно нам и, в особенности, восстанавливало Сою против отца», — так вспоминал об этом Василий Львович¹⁸⁰. Впрочем, поводов для «грубых выходок» у самодурствующего губернатора было много. Чаще всего, по воспоминаниям Василия Львовича, «происходили сцены по поводу того или иного кушанья, оказавшегося ему не по вкусу, что ставилось в упрек матери; он говорил ей грубости, не стесняясь присутствия прислуги и нас: мать во всех этих случаях старалась отмалчиваться»¹⁸¹.

Весной 1865 г. Лев Николаевич получил тревожную телеграмму из Женевы. Там лечился его брат Петр, служивший в то время генеральным консулом в Генуе. В телеграмме

---

¹⁷⁸ То была Мария Григорьевна Разумовская, урожденная Вяземская (1772–1865), вдова графа Льва Кирилловича Разумовского (1757–1818) — пятого из шести сыновей К.Г. Разумовского.

¹⁷⁹ *Перовский В.Л.* Цит. соч. С. 29.

¹⁸⁰ Там же. С. 29–30.

¹⁸¹ Там же. С. 30.

сообщалось, что Петр Николаевич опасно болен. Подписал телеграмму близкий с давних пор знакомый больного, его сосед по женеvской квартире А.В. Поджио. Варвара Степановна быстро собралась и выехала в Женеву, чтобы ухаживать за больным, взяв с собой Соню — крестницу и любимицу Петра Николаевича. Так начались самые яркие (хотя и не без трагического оттенка) страницы из истории детства Софьи Перовской.

Дело в том, что Александр Викторович Поджио (1798–1873 гг.) — итальянец, родившийся и воспитанный в России, с 1825 г. подполковник русской армии, — был активным декабристом, ближайшим сподвижником П.И. Пестеля¹⁸². Осужденный по 1-му разряду (к отсечению головы) вместе с такими лидерами декабризма, как Никита Муравьев, князя Сергей Трубецкой и Сергей Волконский, Поджио, после замены смертного приговора вечной каторгой, отбывал ее в Шлиссельбургской крепости и в Сибири. После амнистии 1856 г. он жил в Иркутске и других городах России, а с конца 1864 г. в Женеве. Здесь Александр Викторович встретил П.Н. Перовского, знакомого с ним еще по Иркутску, где тот бывал проездом в Пекин с дипломатическими поручениями как начальник 1-го отделения Азиатского департамента¹⁸³. В Женеве Поджио познакомился и с А.И. Герценом, общался с ним у себя дома и у него в отеле, вел с ним долгие разговоры на политические темы (ведь Герцен был поклонником, если не сказать фанатом декабристов, которых он называл «титанами!»)¹⁸⁴.

Когда Варвара Степановна и Соня приехали в Женеву, Поджио встретил их и познакомил со своей дочерью Варей, которая была на год моложе Сони. Девочки сразу понравились друг другу и очень сблизились. Варя, конечно же, показала Соне

---

¹⁸² См. о нем: Декабристы. Биографический справочник / Под ред. М.В. Нечкиной. М., 1988. С. 144–145; Поджио А.В. Записки. Письма. Иркутск, 1989; Venturi F. Il moto dekabrista e I fratelli Poggio. Torino, 1956.

¹⁸³ См.: Поджио А.В. Указ. соч. С. 51.

¹⁸⁴ См.: Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1963. Т. 28. С. 7, 9.

книгу «Louis Figuier. La terre et les mers. Paris, 1864»¹⁸⁵, которую Герцен подарил ей с такой надписью: «От одного глубокого, глубокого почитателя вашего отца в знак памяти о Женеве» — и с датой: 24 декабря 1864 (5 января 1865)¹⁸⁶. Одиннадцатилетняя Варя многое знала от отца о порядках (и беспорядках) как в России, так и в Европе, — о европейских революциях 1830 и 1848–1849 гг., об аракчеевщине, жандармском режиме Николая I и, главное, о декабристах, которых она боготворила. Задушевные разговоры с дочерью декабриста стали для дочери петербургского губернатора важным толчком в развитии ее политического сознания.

Не исключено, что Соня, общаясь с Варей в квартире Поджио, могла видеть там Герцена, а может быть, даже спросить о чем-то своего будущего кумира, каковым он был уже тогда для действующих народников, но прямых свидетельств об этом в сохранившихся источниках нет.

Между тем, Петр Николаевич, хотя и был очень рад приезду Варвары Степановны и Сони, терял последние жизненные силы. Соня испытывала к нему глубокое сострадание. Она любила своего крестного отца. Он был ей гораздо ближе ее родителя, хотя бы потому, как верно подметила Елена Сегал, что «лучше, теплее, с большим уважением относился к ее матери»¹⁸⁷. Можно представить, как тяжело восприняла она смерть Петра Николаевича (25 августа 1865 г.) — уже вторую, фактически у нее на глазах, смерть родного человека (тремя годами ранее скончалась в петербургских хоробах Льва Николаевича любимая бабушка Перовских Шарлотта Петровна).

Видя, что дни Петра Николаевича сочтены, Варвара Степановна вызвала в Женеву телеграммой Льва Николаевича. Он пожаловал быстро, но уже не застал брата в живых. Лев Николаевич взял на себя все хлопоты и расходы по организации

---

¹⁸⁵ «Земля и моря» — книга французского естествоиспытателя и литератора Луи Фигьера.

¹⁸⁶ Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 28. С. 263.

¹⁸⁷ Сегал Е.А. Цит. соч. С. 23.

похорон брата в Женеве, а потом «ездил в Геную ликвидировать квартиру брата и забрал оттуда всю роскошную обстановку и огромную коллекцию китайских редкостей в Петербург»¹⁸⁸.

Перед расставанием Соня и Варя Поджио снялись у женевского фотографа вдвоем, в полный рост и обнявшись. Это фото сохранялось у Василия Львовича до конца его дней, а копии с него вошли в коллекции экспонатов государственных Музеев Революции — в Москве и Ленинграде.

По возвращении в Петербург Соня возобновила занятия с домашними учителями, все больше теперь (после Женевы) приобщаясь к серьезным книгам, но не забывая — вместе с Василием — зимой о ледовом катке, а летом о дачных играх (с рыбной ловлей!) и вынужденно участвуя в «журфиксах». Впрочем, «на »журфиксах», — вспоминал Василий Львович, — мы с ней прохаживались между публикой, или, большей частью, сидя в сторонке, язвительно критиковали расфранченных и декольтированных барышень. Ни на каких других балах Соня не была, а после, более взрослая, — и подавно, так что замечание об этом в биографии Ашешова и других неверно»¹⁸⁹.

Здесь Василий Львович имел в виду замечание, которое Н.П. Ашешов дословно воспроизвел (без ссылки на источник) из мемуаров П.А. Кропоткина, о том, что Софья Перовская, перед тем как она, 18-летняя барышня, вошла в организацию т.н. «чайковцев», «блистала в аристократических петербургских салонах»¹⁹⁰. Со стороны Ашешова доверие к такому авторитетному источнику, как «Записки революционера» Кропоткина, было естественным, а сам Кропоткин — аристократ, князь, бывший камер-паж Александра II — воспринял слухи или догадки об аристократическом времяпровождении дочери столичного губернатора как нечто должное, не вникая в подробности.

---

¹⁸⁸ Перовский В.Л. Цит. соч. С. 30.

¹⁸⁹ Там же. С. 30, 32.

¹⁹⁰ Ср.: Ашешов Н.П. Цит. соч. С. 33; Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1966. С. 282.

Как бы то ни было, рано или поздно, всему приходит конец: служебная карьера Льва Николаевича Перовского рухнула на самом пике его восхождения — одинокий выстрел из пистолета, прозвучавший в Петербурге 4 апреля 1866 г., «низвергнул губернатора»¹⁹¹.

Да, именно в тот день народник Дмитрий Каракозов, — он, кстати, учился в Саратовской гимназии у Н.Г. Чернышевского и в Пензенском дворянском институте у И.Н. Ульянова (отца В.И. Ленина), — первым из российских революционеров пошел на цареубийство. Он стрелял в Александра II, но промахнулся и был схвачен царскими охранниками. На вопрос царя: «Почему ты стрелял в меня?» — Каракозов ответил: «Потому, что ты обманул народ — обещал ему землю и не дал!»¹⁹².

Выстрел Каракозова произвел ошеломляющее впечатление прежде всего на «верхи», но также и на разные слои общества. «Не хотели верить, — констатировал знаменитый историк А.А. Корнилов, — чтобы покушение мог задумать и совершить по своему произволу один человек, и потому приписывали его какой-нибудь могущественной *адской* организации»¹⁹³. Лишь потом выяснилось, что Каракозов принадлежал к заговорщической группе под названием «Ад» (!) внутри народнической организации «ишутинцев» (по имени ее лидера Н.А. Ишутина — двоюродного брата Каракозова), однако сама организация, представлявшая собою всего лишь кружок примерно из 30 человек, никаким могуществом не обладала.

Правящие «верхи» радовались спасению Его Величества. «Пошли иллюминации, — вспоминал Василий Львович Перовский, — всякие демонстрации и адреса, часть которых отец тоже возил во дворец»¹⁹⁴. Чтобы придать этой радости больше

---

¹⁹¹ К биографиям А.И. Желябова и С.Л. Перовской // Былое. 1906. № 8. С. 117.

¹⁹² Шилов А.А. Каракозов и покушение 4 апреля 1866 г. СПб., 1920. С. 11.

¹⁹³ Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 268. Курсив мой. — Н.Т.

¹⁹⁴ Перовский В.Л. Цит. соч. С. 32.

народности, верхи измыслили хитроумную аферу: был объявлен «спасителем государя» крестьянин Осип Комиссаров, якобы толкнувший под руку Каракозова, когда тот стрелял в Александра II. Такие осведомленные современники, как член Чрезвычайной следственной комиссии по делу Каракозова П.А. Черевин, член суда по тому же делу Я.Г. Есипович, кн. Д.Д. Оболенский и министр внутренних дел П.А. Валуев, свидетельствовали, что «изобрел» Комиссарова как «спасителя» генерал-адъютант Э.И. Тотлебен¹⁹⁵.

Высочайшим указом от 9 апреля 1866 г. Комиссаров был возведен в дворянство и осыпан почестями. Иностранцы в те дни потешались: «Кто стрелял в русского царя? — Дворянин. — А спас царя кто? — Крестьянин. — Чем же его наградили за это? — Сделали дворянином»¹⁹⁶. Но петербургская знать всерьез прониклась к царскому «спасителю» пиететом. Когда Комиссаров появился в качестве свидетеля на заседании Верховного уголовного суда по делу Каракозова, все судьи встали, а ведь среди них был даже член царской семьи герцог Петр Ольденбургский — сын вел. княгини Екатерины Павловны (сестры императора Александра I)¹⁹⁷.

И все-таки главной заботой властей было тогда не праздновать избавление от единичной кары снизу, а карать массово сверху вниз. В отместку за выстрел революционера-одиночки всему народу царизм подверг россиян невиданному до тех пор в XIX веке шквалу репрессий. Искоренением крамолы занялась Чрезвычайная следственная комиссия. Возглавил ее первый инквизитор эпохи граф Михаил Николаевич Муравьев (1796–1866 гг.).

---

¹⁹⁵ Черевин П.А. Записки. Кострома, 1918. С. 3; Записки сенатора Я.Г. Есиповича // Русская старина. 1909. № 2. С. 268; Оболенский Д.Д. Наброски из воспоминаний // Русский архив. 1895. Кн. 1. Вып. 1. С. 43; Валуев П.А. Дневник министра внутренних дел 1861–1876 гг. М., 1961. Т. 2. С. 146.

¹⁹⁶ Вейнберг П.И. 4 апреля 1866 г. (Из моих воспоминаний) // Былое. 1906. № 4. С. 301.

¹⁹⁷ Записки сенатора Я.Г. Есиповича. С. 268.

Родной брат одного из первых декабристов, основателя Союза Спасения Александра Муравьева и троюродный — повешенного Сергея Муравьева-Апостола, сам бывший декабрист, член Союза Спасения и соавтор устава Союза Благоденствия, Михаил Муравьев, отвергнув и прокляв собственное прошлое, любил хвастаться тем, что он «не из тех Муравьевых, которых вешают, а из тех, которые вешают». На вопрос, каких врагов он считает наименее опасными, Муравьев отвечал без околичностей: «Тех, которые повешены»¹⁹⁸. За людоедское подавление польского восстания 1863 г. он и был заклеямен прозвищем «Вешатель», оказавшимся настолько ему к лицу — по словам, делам и даже внешне, что Герцен сказал о нем: «Такого художественного соответствия между зверем и его наружностью мы не видели ни в статуях Бонарроти, ни в бронзах Бенвенуто Челлини, ни в клетках зоопарка»¹⁹⁹. Всецелой своей жизнью этот исторический оборотень, как никто, иллюстрировал народную мудрость, гласящую: «нет худших чертей, чем падшие ангелы».

Инквизиция Муравьева прежде всего учинила расправу над кружком «ишутинцев», из которого вышел Каракозов. Муравьев клялся «скорее лечь костями, чем оставить не открытым это зло»²⁰⁰, не ведая, конечно, о том, что его клятва окажется пророческой. Он сам допрашивал перед казнью Каракозова — допрашивал и грозил: «Я тебя живого в землю закопаю!»²⁰¹. Но 31 августа 1866 г., не успев открыть все «зло», он скоростижно умер, и его закопали на день раньше, чем Каракозова. «Задохнулся отвалившийся от груди России вампир», — облегченно сообщил об этом Герцен²⁰².

---

¹⁹⁸ Чуковский К.И. Поэт и палач // Чуковский К. Некрасов. Статьи и материалы. М., 1926. С. 12.

¹⁹⁹ Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 18. С. 34.

²⁰⁰ Шилов А.А. Цит. соч. С. 12–13.

²⁰¹ Половцов А.А. Дневник государственного секретаря. М., 1966. Т. 1. С. 445.

²⁰² Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 19. С. 137.

Муравьева не стало, но дело его довели до конца другие «вампиры». Каракозова повесили без церемоний. Над Ишутиным проделали церемонию повешения, но не повесили (продержали его на эшафоте в саване и с веревкой на шее 10 минут, а потом объявили о замене виселицы каторгой; палач, снимая с него веревку, ухмыльнулся: «Что, больше не будешь?») ²⁰³. На каторгу, в сибирскую ссылку, за решетку в Петропавловскую крепость были упрятаны и десятки других (действительных и предполагаемых) «соумышленников» Каракозова. Вершилось, по словам Герцена, «уничтожение, гонение, срытие с лица земли, приравнение к нулю Каракозовых» ²⁰⁴.

Александр II подталкивал суд к вынесению «ишутинцам» максимально жесткого приговора. 20 августа 1866 г., когда еще не был объявлен приговор 1-й группе обвиняемых из 11 человек, П.А. Валуев записал в дневнике: «Утром был у меня Трепов (петербургский обер-полицмейстер. — *Н.Т.*). Он занят приготовлением 11 виселиц, повозок, палачей и пр. Все это — по высочайшему повелению. Непостижимо! Суд еще идет. Всего 11 обвиняемых — и уже 11 виселиц!» ²⁰⁵. Только председатель суда (и, кстати, председатель Комитета министров) кн. П.П. Гагарин удержал своих коллег от чрезмерной жестокости: суд удовольствовался *одной* виселицей. Александр II не преминул выразить Гагарину свое недовольство: «Вы постановили такой приговор, что не оставили места моему милосердию» ²⁰⁶.

Покончив с «каракозовыми», реакция набросилась на тех, кто не имел к ним никакого отношения. В стране воцарился «белый» террор. Рескрипт Александра II от 13 мая 1866 г на имя кн. П.П. Гагарина призвал все власти «охранять русский народ от зародышей вредных лжеучений» ²⁰⁷, т.е. душить в зародыше

---

²⁰³ Худяков И.А. Опыт автобиографии. Женева, 1882. С. 171.

²⁰⁴ Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 19. С. 90.

²⁰⁵ Валуев П.А. Указ. соч. Т. 2. С. 144–145.

²⁰⁶ Записки сенатора Я.Г. Есиповича. С. 273.

²⁰⁷ ПСЗ. Собр. 2. Т. 46. Отд. 1. С. 547.

оппозиционные, демократические идеи. Для этого царизм решил сильнее прежнего опереться на губернаторов, а заодно и усилить губернаторские кадры: за два года, с апреля 1866 по апрель 1868, он заменил 29 из 53-х губернаторов более способными бдеть и душить. Главным же инквизитором империи стал новый, с 10 апреля 1866 г., шеф жандармов граф Петр Андреевич Шувалов (1827–1889 гг.).

Личный друг Александра II и «верховный наушник»²⁰⁸ при нем, Шувалов фактически возглавил правительство. Самого царя он подчинил своей воле, эксплуатируя его страх перед «крамолой» после выстрелов Каракозова и (6 июня 1867 г. в Париже) польского эмигранта Антона Березовского²⁰⁹. Царские министры свидетельствовали, что Шувалов «запугал государя ежедневными своими докладами о страшных опасностях, которым будто бы подвергаются и государство, и лично сам государь. Вся сила Шувалова опирается на это пугало»²¹⁰. Пользуясь этим, Шувалов прибрал к рукам почти всю внутреннюю политику, а ее сердцевиной сделал гонения на «крамолу» и вообще на всякое инакомыслие. Уже в 1867 г. Ф.И. Тютчев написал о нем:

Над Россией распростертой
Встал внезапною грозой
Петр по прозвищу четвертый,
Аракчеев же второй²¹¹.

Встав «над Россией распростертой», Шувалов позаботился об усилении карательного аппарата столицы. Военный

²⁰⁸ Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1968. Т. 5. С. 285.

²⁰⁹ А.И. Березовский, стрелявший в Александра II, когда тот ехал в одной карете с Наполеоном III, так боялся попасть в Наполеона, что не попал и в Александра.

²¹⁰ Милютин Д.А. Дневник. М., 1947. Т. 1. С. 119; РГИА. Ф. 851. Оп. 1. Д. 36. Л. 4–4 об. (отзыв А.В. Головнина).

²¹¹ Тютчев Ф.И. Соч.: В 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 186.

генерал-губернатор, «гуманный и деликатный»²¹² кн. А.А. Суворов был уволен, и самая должность его, не подконтрольная шефу жандармов, упразднена. А гражданским губернатором Петербурга, вместо Льва Николаевича Перовского, стал бывший орловский губернатор граф Николай Васильевич Левашов «личный друг Шувалова, человек характера невыносимого, раздражительный, вечно злобствующий»²¹³.

Впрочем, не только в столице, повсюду на первый план вышли чинодралы того типа, который в дневнике П.А. Валуева «диагностирован» так: «государственные татары», «смесь Тохтамышей с герцогами Альба»²¹⁴. «Страшно становится, — сокрушался по поводу “шуваловщины” военный министр Д.А. Милютин, — когда подумаешь, в чьих руках теперь власть и сила над судьбами целой России»²¹⁵. Так, либеральный министр народного просвещения Александр Васильевич Головнин (сын выдающегося мореплавателя, адмирала и академика В.М. Головнина) был смещен, а его место занял (по совместительству) обер-прокурор Синода мракобес Д.А. Толстой — этот, по определению А.Ф. Кони, «злой гений русской молодежи»²¹⁶, о котором даже такой ретроград, как барон М.А. Корф, с отвращением говорил, что он «вскормлен слюною бешеной собаки»²¹⁷.

С 1866 г., по мнению осведомленных и наблюдательных современников, «тайная полиция начинает самодержавно царить над Россией»²¹⁸, норвя «обшуваловить»²¹⁹ страну.

---

²¹² Корнилов А.А. Цит. соч. С. 269. Кстати, А.А. Суворов терпеть не мог Муравьева-Вешателя, называя его «людоедом» (Голос минувшего. 1913. № 9. С. 243).

²¹³ Долгоруков П.В. Петербургские очерки. М., 1992. С. 288.

²¹⁴ Валуев П.А. Цит. соч. Т. 2. С. 155; он же. Дневник 1877–1884 гг. Пг., 1919. С. 61.

²¹⁵ Милютин Д.А. Цит. соч. Т. 1. С. 116.

²¹⁶ Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1966. Т. 2. С. 37.

²¹⁷ Валуев П.А. Дневник министра внутренних дел. Т. 2. С. 322.

²¹⁸ [Венюков М.И.] Исторические очерки России со времени Крымской войны до заключения Берлинского договора (1855–1878). Прага, 1880. Т. 4. С. 22.

²¹⁹ Долгоруков П.В. Цит. соч. С. 289.

Обычными стали повальные обыски и аресты всех заподозренных (например, в том, что некто сказал что-то кому-то много лет назад). Любое свободное слово, любое инакомыслие преследовалось. Были закрыты лучшие отечественные журналы — «Современник» Н.А. Некрасова и «Русское слово», идеологом которого был Д.И. Писарев. «Да ведь это на бумаге напечатанные Каракозовы своего рода, и их любит публика», — так мотивировало цензурное ведомство закрытие журналов²²⁰. Да и всю вообще печать, по признанию П.А. Валуева, «кроили, как вицмундир»²²¹. Символом отношения верхов к печати стал тогда собачий намордник.

Изобретательность реакции в борьбе против крамольного инакомыслия (нигилизма) не знала границ. Высочайше запрещено было носить мужчинам длинные волосы, а женщинам — короткие; нарушение этого запрета влекло на первый случай подписку в том, что виновные впредь «сих отличительных признаков нигилизма носить не будут», а в повторном случае — арест и ссылку²²². «Обвинялся всякий, — писал о том времени М.Е. Салтыков-Щедрин. — Вся табель о рангах была заподозрена. Как бы ни тщился человек быть “благонамеренным”, не было убежища, в котором бы не настигала его “благонамеренность”, еще более “благонамеренная”»²²³. То была вакханалия реакции, ее победное гульбище...

Как могла 13-летняя Соня Перовская воспринять столь зловещие перемены в стране, которые после выстрела Каракозова затронули всех и вся, включая и царский двор, и ее семью? Конечно, она тогда многого еще не знала и далеко не все понимала. Но если учесть, во-первых, ее не по годам серьезное

---

²²⁰ Цит. по: Ореховский И.В. Администрация и печать между двумя революционными ситуациями (1866–1878). Горький, 1973. С. 30.

²²¹ Валуев П.А. Дневник министра внутренних дел. Т. 2. С. 127. Вицмундир — форменная одежда чиновника.

²²² Гуревич П.М. К характеристике реакции 60-х годов // О минувшем. СПб., 1909. С. 109.

²²³ Салтыков-Щедрин М.Е. Полн. собр. соч. М., 1936. Т. 10. С. 93.

отношение к жизни, а во-вторых, ту политическую информацию, которую она почерпнула в семье декабриста А.В. Поджио, можно предположить, что Соня в тот год и слышала, и видела, и, главное, поняла в калейдоскопе событий немало. Допускаю, что она была наслышана о казни Каракозова 3 сентября 1866 г. (на второй день после того, как ей пошел 14-й год), да и могла бы *увидеть* казнь, но, по всей вероятности, родители не позволили дочери смотреть на такое зрелище.

Дело в том, что казнь Каракозова (по обычаям того времени, *публичная*) собрала множество зрителей. Такой ее очевидец, как И.Е. Репин, вспоминал: «Вся дорога к Галерной гавани шпалерами, густо, по обе стороны улицы была полна народом, а посредине дороги быстро бежали непрерывные толпы — все на Смоленское поле <...> Сбежался сюда народ со всего Питера, даже с самых отдаленных предместий»²²⁴. Репин на всю жизнь запомнил подробности той казни: Каракозов перед тем, как на него надели саван, «истово, по-русски, не торопясь, поклонился на все четыре стороны всему народу. Этот поклон сразу перевернул все это многоголовое поле, оно стало родным и близким этому чуждому, странному существу, на которого сбежалась смотреть толпа, как на чудо»²²⁵. О том же свидетельствовал другой знаменитый очевидец, историк Н.И. Костомаров²²⁶.

Слухами о подробностях казни Каракозова полнился тогда весь Петербург, и о них не могли не говорить в семье Перовских. Соня, запомнившая рассказы Вари Поджио (со слов ее отца) о репрессиях николаевских жандармов, теперь могла слышать из разговоров между родителями и от старшего брата что-нибудь и о карательном разгуле шуваловщины — слышать и запоминать, брать на заметку.

Но, разумеется, больше всего тогда запомнились Соне (как и братьям ее, и сестре) перемены в семейном укладе Перовских, в их домашнем быту. 22 июля 1866 г. Лев Николаевич был

---

²²⁴ Репин И.Е. Далекое близкое. М., 1966. С. 205–206.

²²⁵ Там же. С. 207.

²²⁶ Автобиография Н.И. Костомарова. М., 1922. С. 381–382.

уволен с поста Петербургского губернатора и уже со следующего дня, 23 июля, «засунут», как выражались его коллеги, на всю оставшуюся жизнь в Совет министра внутренних дел — одним из членов Совета, каковым он и числился почти четверть века, до самой смерти 13 февраля 1890 г.

«Пришлось выбираться из казенной квартиры, — вспоминал о том времени Василий Львович. — Отец нанял довольно большую квартиру на втором этаже дома Пономарева у набережной Фонтанки. Квартира эта долго пустовала, и отцу пришлось нанимать мастеров, чтобы сделать довольно крупный ремонт»²²⁷. Лев Николаевич, жалованье которого сократилось более чем втрое, издержался на этом ремонте так, что уже с осени 1866 г. перестал нанимать для Сони домашнего учителя.

Далее цитирую воспоминания Василия Львовича. «На лето (1867 г. — *Н.Т.*) мать энергично воспротивилась нанимать дачу, так как отец был уже в долгах, и уговорила его отпустить ее с детьми в Крым, в имение Кильбурун, перешедшее к отцу от брата Петра Николаевича. Отец остался распродавать китайские редкости, так как мать решила оставаться в Крыму и на зиму»²²⁸.

В Кильбуруне Варвара Степановна уволила вороватого управляющего имением, который не присылал хозяевам ни копейки дохода, и взяла хозяйство в свои руки. Она успевала справляться со всеми материальными заботами, следила за порядком в доме, контролировала занятия и даже развлечения дочерей. Зимние вечера обе дочери коротали, под наблюдением матери, за чтением книг из богатой библиотеки деда, где оказались, между прочим, сочинения Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова; Маша делала это без особого интереса, Соня — с энтузиазмом.

Тем временем в Петербурге Василий поступил на физико-математический факультет университета и увлеченно

---

²²⁷ *Перовский В.Л.* Цит. соч. С. 32.

²²⁸ Там же.

слушал лекции великого Д.И. Менделеева. К лету 1867 г. он купил первые тома полного собрания сочинений Д.И. Писарева, которое начал издавать Ф.Ф. Павленков²²⁹, и привез их в Кильбурун, «чтобы читать сообща с сестрами»²³⁰. Заодно Василий захватил с собой недавно изданные на русском языке сочинения немецкого философа Я. Молешотта — одного из создателей физиологической психологии; английского мыслителя, автора 4-томной «Истории философии», только что (в 1865 г.) переведенной на русский язык, Д.Г. Льюиса и американского ученого-энциклопедиста Д.У. Дреппера, труд которого «Умственное развитие Европы» был тогда злобой дня и в России.

По приезду в Кильбурун Василий организовал дома общие чтения закупленной им литературы. «Они происходили у нас по вечерам, а иногда и днем, — вспоминал он, — всегда в присутствии матери, потому что она очень любила слушать и принимала участие в разговорах по поводу прочитанного <...> При чтении нашем она с напряженным вниманием слушала и на каждом шагу задавала вопросы, чтобы лучше усвоить прочитанное»²³¹.

Наибольший интерес на этих чтениях вызвали у всей семьи Перовских сочинения Писарева — одного из властителей дум (наряду с Герценом, Чернышевским, Добролюбовым) российской молодежи 1860-х годов. Надо полагать, при первом же знакомстве с творчеством Писарева Соня особо выделила его статью «Мыслящий пролетариат», посвященную роману Чернышевского «Что делать?». Этой статьей, как и самим романом, она будет зачитываться и в последующие годы, обсуждать их с подругами, друзьями, единомышленниками. Главная идея

---

²²⁹ Павленков Флорентий Федорович (1839–1900) — друг Д.И. Писарева, популярнейший книгоиздатель демократического направления, основатель биографической серии «Жизнь замечательных людей». В 1867 г. был судим за издание сочинений Писарева, а в 1868 г. арестован, заключен в Петропавловскую крепость и потом выслан в Вятскую губернию за речь на его похоронах.

²³⁰ *Перовский В.Л.* Цит. соч. С. 38.

²³¹ Там же.

статьи (и романа) заключалась в том, что герои Чернышевского — Лопухов, Кирсанов и, в первую очередь, Рахметов, — как и тургеневский Базаров, являют собой «новый тип», «новых людей», которым принадлежит будущее, ибо они не собственники, а труженики (поэтому — «пролетариат»), но труженики интеллектуальные (пролетариат — «мыслящий»); главное же, они подвижники, самоотверженные борцы против социальной и любой прочей несправедливости²³². Отныне и навсегда 14-летняя Соня заразилась этой идеей и далее следовала ей, закрепляя и развивая ее в своем сознании, уже как народница, народоволка, царевубийца.

Разумеется, лето 1867 г. в Кильбуруне Соня проводила не только за книгами. «Там, — вспоминал Василий Львович, — были татарские лошади, отлично ходившие под седлами, и было одно женское седло. Сестры часто ездили верхом с большим удовольствием; особенно Соня пристрастилась к верховой езде — она бесстрашно пускала лошадь вскачь и часто ездила на мужском седле»²³³. Так Соня к прежним своим квалификациям пловца, рыболова, медвежатника, «артиллериста» прибавила теперь еще и квалификацию «кавалериста».

Пролетели 1867 и 1868 годы, а летом 1869 г. приехал в Кильбурун Лев Николаевич — с целью продать его в счет погашения накопившихся долгов. По воспоминаниям Василия Львовича, «это причинило большое горе матери, уже порядочно наладившей хозяйство»²³⁴. Но хозяин-барин был непреклонен. Он продал Кильбурун «Муравьеву, сыну декабриста»²³⁵ (по всей видимости, Михаилу Александровичу Муравьеву — сыну декабриста Александра Михайловича, будущему ялтинскому уездному предводителю дворянства), — и, пока Лев Николаевич оформлял продажу имения, вся его семья вновь отправилась из Крыма в Петербург.

---

²³² Писарев Д.И. Избр. произведения. Л., 1968. С. 405, 428.

²³³ Перовский В.Л. Цит. соч. С. 38.

²³⁴ Там же. С. 39.

²³⁵ Там же.

4. Курсистка

На пути к столице, в одном с Перовскими вагоне поезда оказалась Анна Карловна Вильберг — девушка, заметно постарше Сони, которая ехала из Ялты в Петербург, чтобы там учиться на женских курсах. Соня к тому времени уже знала из газет, что с той осени в Петербурге, у Аларчина моста, в здании 5-й мужской гимназии, открываются т.н. Аларчинские женские курсы (подготовительные к университетским занятиям). Она еще перед отъездом из Кильбуруна объявила о своем решении поступить на эти курсы. Варвара Степановна такое решение дочери приветствовала, а Лев Николаевич, всецело занятый тем, как выгоднее сбыть имение, не возражал. Теперь, сблизившись проездом из Крыма с Анной Вильберг и узнав от нее жгуче интересные подробности об Аларчинских курсах, Соня еще больше укрепилась в своем решении.

Так в Кильбуруне завершился один и, с отъездом навсегда из Кильбуруна, начинался другой этап жизненного пути Софьи Львовны Перовской — из детства через отрочество в юность...

4. Курсистка

В Петербурге Соня первым делом, с помощью Васи, узнала условия приема слушательниц на Аларчинские курсы и записалась в курсистки. Тем временем Варвара Степановна занялась поиском новой квартиры вблизи Аларчина моста и подыскала такую — на углу Торговой улицы и Английского проспекта. Всем ее детям квартира понравилась, но Лев Николаевич, вернувшись из Крыма после продажи Кильбуруна (другое имение — Приморское, близ Севастополя, — он сохранил), отказался жить вместе с семьей «в тесноте» и «поселился в отдельной квартире на Театральной площади, против [Маринского] театра»²³⁶.

---

²³⁶ Перовский В.Л. Цит. соч. С. 41. Здесь ошибочно назван, вместо Маринского, Большой театр.

На Торговой улице, рядом с квартирой Перовских, сняла себе комнату и Анна Вильберг. Соня — одна или вместе с Васей — часто бывала у нее. Там же по вечерам собирались и другие курсистки, буквально сроднившиеся отныне и до конца своих дней, будущие героини народничества — Александра Ивановна Корнилова, Анна Павловна Корба, Софья Александровна Лешерн-фон-Герцфельд. Вместе они обсуждали политические новости в стране (особенно репрессивные изыски шуваловщины) и литературные новинки, причем не только сочинения их кумиров (Некрасова, Тургенева, Писарева), но и такие, именно тогда обретавшие популярность в России, произведения зарубежных авторов, как тираноборческий роман немецкого писателя Фридриха Шпильгагена «Один в поле не воин» и научно-популярные очерки профессора Королевского института в Лондоне Джона Тиндаля «Альпийские ледники»²³⁷.

Но главными для курсисток стали, естественно, занятия на Аларчинских курсах. Их целью была подготовка женщин к педагогической деятельности, а также к поступлению на высшие (университетского уровня) курсы²³⁸, открытия которых тогда добивались и вскоре добились, при содействии передовой профессуры, энтузиасты *женского движения* Н.В. Стасова, М.В. Трубникова, А.П. Философова: в 1872 г. будут открыты Высшие женские курсы В.И. Герье в Москве, а в 1878 — аналогичные *Бестужевские курсы* К.Н. Бестужева-Рюмина в Петербурге.

На Аларчинских курсах были задействованы лучшие преподаватели столицы. Ежедневно с 6 до 9 часов вечера лекции в объеме программы мужских гимназий читали курсисткам А.Н. Страннолюбский по математике, А.Н. Энгельгардт по органической и А.Я. Герд по неорганической химии, К.Д. Краевич (кстати, «лучший друг» Д.И. Менделеева, по признанию

---

²³⁷ См.: Там же.

²³⁸ Напомню читателю, что в России женщины к высшему образованию не допускались до 1872 г., а в университеты — до 1915 г.

самого Дмитрия Ивановича²³⁹) по физике, Н.Ф. Рашевский по русскому языку, И.И. Паульсон по педагогике и др.²⁴⁰

Александр Николаевич Страннолюбский (1839–1903 гг.) в прошлом был учителем знаменитой Софьи Васильевны Ковалевской — первой женщины, ставшей членом-корреспондентом Российской АН (восхищал ее и восхищался ею²⁴¹), а среди последующих его учеников блистал всемирно известный механик и математик, кораблестроитель академик Алексей Николаевич Крылов. Теперь из всех аларчинских курсисток, с которыми занимался Страннолюбский, «выделялась своими математическими способностями» еще одна Софья, Перовская: «она одна решила данную Страннолюбским задачу, после чего в частном разговоре он высказал, что у нее выдающиеся способности к математике»²⁴².

Другой Александр Николаевич, Энгельгардт (1832–1893 гг.), — уже в то время профессор Петербургского земельного института, — пригласил четырех курсисток заниматься агрохимией в его лаборатории под Петербургом, в дачном поселке Лесной. Первыми откликнулись на это предложение Перовская, Александра Корнилова, Анна Корба и Софья Лешерн. И здесь Соня проявила себя самой способной ученицей, как, впрочем, и на общекурсовых занятиях по химии и физике, которые вели Александр Яковлевич Герд (1841–1888 гг.) и Константин Дмитриевич Краевич (1833–1892 гг.)²⁴³. Между тем, образовательный уровень аларчинских слушательниц был довольно высок: в числе их встречались и *выпускницы* гимназий, институтов благородных девиц, педагогических курсов; лекции Иосифа Ивановича Паульсона (1825–1898 гг.) посещали, к примеру,

---

²³⁹ Тищенко В.Е., Младенцев М.Н. Д.И. Менделеев, его жизнь и деятельность. Университетский период: 1861–1890 гг. М., 1993. С. 387.

²⁴⁰ Корнилова-Мороз А.И. Перовская и основание кружка чайковцев // Каторга и ссылка. 1926. Кн. 1. С. 7.

²⁴¹ См.: Кочина П.Я. Софья Васильевна Ковалевская. М., 1981. С. 33–35.

²⁴² Корнилова-Мороз А.И. Цит. соч. С. 15.

²⁴³ См.: Там же. С. 9.

Александра Никитична Ткачева-Анненская (1840–1915 гг.) — известная впоследствии писательница, сестра одного из идеологов народничества П.Н. Ткачева и жена организатора партии Народных социалистов Н.Ф. Анненского²⁴⁴.

Весной 1870 г. в семье Перовских начались перемены, которые вскоре повлекли за собой далеко идущие последствия. Лев Николаевич заболел и, по совету докторов, решил ехать на лечение за границу — в Ахен. Варвара Степановна и Маша уехали с ним. Братья Николай и Василий остались в Петербурге с заданием приискать к осени другую квартиру, более просторную и удобную для совместной жизни с отцом. А Соня и три ее неразлучные в то время подруги — Корнилова, Вильберг и Лешерн — наняли дачу в Лесном, неподалеку от лаборатории Энгельгардта. Братья Сони часто гостили у них, стараясь не мешать занятиям курсисток, но, между дел, хоть как-то их развлечь. «В одну из наших поездок с братом, — вспоминал Василий Львович, — мы затеяли кататься на лодках. Соня с Корниловой взяли одну лодку и сели на весла. Мы же с братом взялись за весла другой лодки. Гребли мы далеко несогласно, так что Соня и Корнилова скоро с позором обогнали нас близ моста на Малой Невке и получили в награду дружные аплодисменты публики, собравшейся на мосту»²⁴⁵.

Вот так Соня стала первой и в гребле — на пару с ровесницей-подругой обогнала «с позором» двух старших по возрасту парней! Но едва ли она тогда придавала большое значение своим победам в плавании, гребле, конских скачках (а мы еще увидим ее и победительницей-гимнасткой!). Гораздо сильнее влекло ее к знаниям: с каждым годом по мере взросления зрела у нее потребность вникнуть как можно глубже в смысл и закономерности человеческого бытия, разобраться во всех — и чисто житейских, и социальных, экономических, политических — проблемах взаимоотношений между людьми. На даче в Лесном Соня вместе с подругами зачитывалась статьями поэта-демократа

---

²⁴⁴ *Корнилова-Мороз А.И.* Цит. соч. С. 7.

²⁴⁵ *Перовский В.Л.* Цит. соч. С. 42.

М.Л. Михайлова в журнале «Современник» за 1861 год по женскому вопросу с требованиями доступа женщин к высшему образованию и полной их эмансипации, а только что изданное полулегально исследование близкого к революционерам-народникам социолога и экономиста В.В. Берви (Флеровского) «Положение рабочего класса в России» произвело на курсисток «особенно сильное впечатление, возбуждая острую жалость к страданиям народа»²⁴⁶. Книга Флеровского, доказавшая фактами и цифрами, что эксплуатация трудящихся (и рабочих, и крестьян) в царской России «производит смертность, какую не в состоянии производить ни чума, ни холера»²⁴⁷, — эта книга была воспринята народолюбцами как «зов на помощь народу» и подтолкнула их к революционным выводам²⁴⁸.

К осени 1870 г. Соня и ее подруги вернулись из дачного поселка в город и возобновили занятия на Аларчинских курсах. Сверх общих занятий кружок примерно из 15–20 наиболее активных курсисток заручился согласием А.Н. Страннолюбского прочитать им специальный курс лекций по геометрии. Собирались кружковцы в комфортабельной квартире на Галерной улице, где хозяйкой была Анна Павловна Корба. И в этом кружке, зоводилами которого были те же Соня Перовская, Александра Корнилова, Софья Лешерн и две Анны (Корба и Вильберг), участвовали, наряду с юными девушками, тоже тянувшиеся к знаниям зрелые женщины. Среди них привлекала к себе внимание Валентина Семеновна Серова — жена композитора-классика Александра Николаевича и мать будущего (тогда еще 5-летнего) великого художника Валентина Александровича Серова²⁴⁹.

---

²⁴⁶ Корнилова-Мороз А.И. Цит. соч. С. 13.

²⁴⁷ Флеровский Н. Положение рабочего класса в России. СПб., 1869. С. 447.

²⁴⁸ См. об этом: Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям. Пг., 1924. С. 73; Дейч Л.Г. За полвека. М.; Л., 1926. С. 27; Чарушин Н.А. О далеком прошлом. М., 1973. С. 64.

²⁴⁹ См.: Прибылева-Корба А.П. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 200.

Не довольствуясь спецкурсом Страннолюбского, те же энтузиастки-курсистки во главе с Перовской и Александрой Корниловой договорились с проф. А.Н. Энгельгардтом заслушать его специальный курс по органической химии в квартире сестер Корниловых, отец которых был богатым фарфорозаводчиком. «Наша квартира, — вспоминала Александра Ивановна, — оказалась вполне для этого подходящей. У нас в доме могли свободно поместиться за раскинутыми ломберными столами и разной величины столиками до 30 слушательниц (среди них были две сестры Анны Павловны Корба — Мария Павловна Лешерн и Елена Павловна Мейнгард, а также еще одна из четырех сестер Корниловых — Надежда, уже окончившая педагогические курсы. — *Н.Т.*)²⁵⁰. Лекция Александра Николаевича была такая блестящая, раскрывала, точно рассеивая какой-то густой туман, такие широкие горизонты, что все слушательницы были в полном восторге. В следующее воскресенье собрались все опять, но вот назначенный час давно прошел, а профессора все еще нет. Прождав часа два, все разошлись с недоумением и тревогой. Через несколько дней мы узнали, что Александр Николаевич арестован и выслан в свое имение Смоленской губернии, откуда он писал потом свои знаменитые «Письма из деревни»²⁵¹.

Да, осенью 1870 г. А.Н. Энгельгардт был арестован («за распространение антиправительственных идей») и заключен в Петропавловскую крепость, а в начале 1871 г. водворен под надзор полиции в собственное имение Батищево на Смоленщине. Его «Письма из деревни» о положении российского крестьянства, написанные с демократических позиций, печатались в журналах «Отечественные записки» и «Вестник Европы» в 1872–1887 гг. В Батищеве Энгельгардт и умер 21 января 1893 г.²⁵²...

---

²⁵⁰ В дальнейшем все они, так или иначе, участвовали в народническом движении.

²⁵¹ *Корнилова-Мороз А.И.* Цит. соч. С. 15–16.

²⁵² Подробно о нем см.: *Любарская Л.С.* Выдающийся деятель русской агрохимии А.Н. Энгельгардт // *Земледелие*. 1953. № 3.

Пока Соня Перовская с подругами, все больше тяготевшими к знаниям, демократии и женской эмансипации, переживала весной и летом 1870 г. «медовый месяц социальных и политических увлечений»²⁵³, над ней сгустились тучи небывало злобного отцовского гнева. Все шло по нарастающей. К осени 1870 г. сыновья Льва Николаевича нашли удобную квартиру для всей семьи на Малой Мещанской улице в доме какого-то старовера. Там были приготовлены спальня и кабинет для отца с отдельным входом через приемную комнату, а по другую сторону приемной — три смежные комнаты (для Сони и Маши, для Варвары Степановны, для Коли и Васи) и столовая. «Еще до приезда из-за границы отца с матерью и Машей, — вспоминал Василий Львович, — мы перевезли все вещи и мебель, как наши, так и отца»; отец, однако, вернулся из Ахена «такой же больной и крайне не в духе»²⁵⁴. Он стал еще грубее, чем прежде, самодурничать, а больше всего был раздражен, увидев дома Соню в компании с ее подругами (которых, кстати, Варвара Степановна пригласила отобедать): «их веселые разговоры, а также непрезентабельность одежды ему не понравились настолько, что он после ухода их объявил Соне, что не желает их видеть у себя, и чтобы они больше не приходили к ней»²⁵⁵.

Здесь Лев Николаевич не учел, что Соня за последний год очень повзрослела — и физически, и, главное, духовно: теперь перед ним, по выражению Н.П. Ашешова, «был уже не кроткий ребенок, а молодой львенок»²⁵⁶. О том, как все обернулось, узнаем из воспоминаний Александры Корниловой: «В конце ноября (1870 г. — *Н.Т.*) мы собрались у А.П. Корба на очередной урок геометрии. Соня, сильно взволнованная, рассказала нам, что отец стал ее преследовать, велел ей прекратить знакомство с нами и грозил запереть ее дома, чтобы она не ходила

---

²⁵³ Ашешов Н.П. Цит. соч. С. 12.

²⁵⁴ Перовский В.Л. Цит. соч. С. 44.

²⁵⁵ Там же.

²⁵⁶ Ашешов Н.П. Цит. соч. С. 13.

больше на курсы. Это так возмутило Соню, что она твердо решила уйти из отцовского дома и просит нас помочь ей найти убежище»²⁵⁷.

Александра Корнилова тут же предложила Соне вариант «убежища», принятый с благодарностью: присоединиться к трем курсисткам, которые жили вместе, «коммуной», в одной квартире. То были родная сестра Александры Ивановны Вера и еще две сестры Корали — Зинаида (впоследствии жена знаменитого Германа Лопатина) и Надежда. «Коммунары» охотно приняли Соню к себе. В тот день она домой не вернулась.

Лев Николаевич был вне себя от гнева. По совету своего доктора Оккеля он решил обратиться в полицию и потребовать, чтобы дочь разыскали и привели к нему. Василий, бывший свидетелем их разговора, поспешил к Корниловым сообщить о таком решении отца. «Мне, — вспоминал он, — указали квартиру, в которой находилась сестра, и я рассказал ей о случившемся. Ее это мало смутило; она решила идти до конца и добиться своего»²⁵⁸. Вслед за Василием пришла к Корниловым и Варвара Степановна. «Она горячо умоляла меня, — читаем у Александры Ивановны, — убедить Соню вернуться домой или сказать, где она скрывается, чтобы мать сама могла на нее подействовать <...> Я старалась по возможности ее успокоить, что никакой опасности Соня не подвергается и что она вправе не подчиняться отцу, раз он хочет прибегнуть к насилию и лишить ее возможности запасть знаниями»²⁵⁹.

Узнав об отказе дочери вернуться под его ярмо, экс-губернатор буквально «рассвирипел»²⁶⁰ и обратился даже к градоначальнику Ф.Ф. Трепову с просьбой ускорить розыск Сони, но подруги-курсистки отправили ее в Киев, где она прожила два-три месяца в семье студента-медика Владимира Эмме — одного из будущих «чайковцев». Постоянное раздражение Льва

---

²⁵⁷ Корнилова-Мороз А.И. Цит. соч. С. 19.

²⁵⁸ Перовский В.Л. Цит. соч. С. 45–46.

²⁵⁹ Корнилова-Мороз А.И. Цит. соч. С. 19.

²⁶⁰ К биографиям А.И. Желябова и С.Л. Перовской. С. 118.

Николаевича оттого, что вернуть дочь-беглянку домой даже с помощью полиции не удавалось, — раздражение, от которого страдали все члены его семьи, — усугубляло его недуги (может быть, больше психологические). По воспоминаниям В.Л. Перовского и А.И. Корниловой, «наконец, доктор Оккель сам это понял и догадался подать своему пациенту более разумный совет. “Никакое лечение вам не поможет, — сказал он, — пока вы не успокоитесь. Махните на это дело рукой и выдайте скорее дочери паспорт”. Лев Николаевич решил последовать благому совету и поручил своему старшему сыну Николаю выправить Соне отдельный вид на жительство. Она немедленно была об этом извещена и в начале весны 1871 года вернулась из Киева в Петербург»²⁶¹.

Вернувшись в столицу, Соня первым делом явилась к сестрам Корниловым, куда Василий Львович уже доставил оформленный на ее имя паспорт с отдельным видом на жительство. Теперь Соня жила в «коммунах» с подругами — летом на даче в Полюстрове, а зимой в городе, на Выборгской стороне. Вероятно, Василий не стал скрывать от нее, что их отец, отдавая сыну паспорт для дочери, «с раздражением сказал, чтобы Соня не появлялась больше в его доме. За все три года, протекших после этого, до того момента, когда он возьмет ее, арестованную, на поруки, он ни разу ни одним словом не помянул об ней»²⁶². Так Соня оказалась вне родительского дома. Варвару Степановну она посещала, — часто, но тайно: «ходила к ней всегда с черного хода, чтобы не встретить отца»²⁶³.

Семнадцатилетняя Софья Перовская порывала тогда не просто с отцом, а с целым миром, который олицетворял и охранял ее отец, с миром, плотью от плоти которого была она сама по своей околицарской родословной. Н.П. Ашешов справедливо заметил, что «Софья Львовна могла бы остаться в своем исконном кругу. Она могла бы сделать, при своем уме и жизненных

---

²⁶¹ Корнилова-Мороз А.И. Цит. соч. С. 21; Перовский В.Л. Цит. соч. С. 49–50.

²⁶² Перовский В.Л. Цит. соч. С. 50.

²⁶³ К биографиям А.И. Желябова и С.Л. Перовской. С. 118.

талантах, при своей красоте и ярком характере, блестящую карьеру, украсив свое имя, быть может, каким-либо громким титулом»²⁶⁴. Увы! — ее судьба сложилась иначе.

С первых же лет жизни, под влиянием мучительного для Сони разлада между любящей, нежной матерью и грубым, деспотичным отцом, ее ум обретал острокритическую направленность против всякой несправедливости. Ей не довелось быть свидетельницей ужасов крепостного права, но очень многое она узнавала о жестокости и мракобесии «верхов» из книг Герцена и Чернышевского, Писарева и Флеровского, Некрасова и Тургенева, из рассказов Вари Поджио и отца ее, декабриста, и, наконец, уже на пороге юности она воочию могла лицезреть вакханалию шуваловщины. Все это вооружало ее против реакционных, антинародных, вопиюще несправедливых устоев *полуфеодальной* России, а вольнолюбивая атмосфера в «коммунах» аларчинских курсисток лишь подтолкнула к решению *уйти* из мира власть имущих, — «от ликующих, праздно болтающих, обгаряющих руки в крови», как писал об этом Н.А. Некрасов в 1862 г., — к тем, кто не хотел мириться с такими устоями и готов был бороться против них беззаветно, хотя бы пришлось погибнуть в этой борьбе за «великое дело любви» к свободе, равенству и братству человечества.

---

²⁶⁴ Ашешов Н.П. Цит. соч. С. 7.

Глава II. Народница

Мы затеяли большое дело. Быть может, двум поколениям придется лечь на нем, но сделать его надо.

Софья Перовская

1. Накануне

Время, когда Софья Перовская уходила из-под родительского крова, а главное, от власти имущих к «народным заступникам» (так Н.А. Некрасов назвал тех, кто вставал на борьбу за народ против антинародной власти), — то время было переломным для России, и очень многие тогда следовали примеру Софьи Львовны, а иные и предваряли ее пример.

Многочисленные реформы 1860-х годов, пять из которых (крестьянская, земская, городская, судебная и военная) не без оснований значатся у нас как «великие», мало что изменили в устоях самодержавной России. Все они являли собой уступки, вырванные у самодержавия волной демократического подъема, т.е. совокупными усилиями революционного, либерального и массового движения. Сила этой волны предопределила размеры уступок. Чем сильнее была бы волна, тем большими оказались бы уступки, и наоборот. Царизм старался придать реформам (коль уж нельзя было без них обойтись) сугубую умеренность, уступить новому как можно меньше, а сохранить из старого как можно больше. Царь-реформатор Александр II, по меткому определению одного из самых умных его министров П.А. Валуева, избрал путь *полуреформ*, с помощью которых можно было бы «откупиться от конституции»²⁶⁵, т.е. сохранить самодержавие, уступить и остаться.

---

²⁶⁵ Валуев П.А. Дневник министра внутренних дел. М., 1961. Т. 1. С. 241.

Полуреформы отвели угрозу революционного взрыва, но не удовлетворили «низы» и не доставили надлежащего успокоения «верхам». 29 октября 1865 г. тот же Валуев оставил в дневнике красноречивую запись: «половина государства — в исключительном положении. Карательные меры преобладают»²⁶⁶. Да, мало того, что царизм всячески урезал проводимые (вынужденно!) реформы. Он, вместе с тем, то и дело склонялся к застарелому способу правления — карательному террору: не только палачески расправлялся с крестьянскими и рабочими «беспорядками», с народными восстаниями в Белоруссии, Литве, Польше (входивших тогда в состав России), но и чинил повсеместное «водворение порядка». Одной из главных черт этого «водворения» стала печать. Закон от 6 апреля 1865 г. поставил все газеты и журналы под дамоклов меч «предостережений» с закрытием навсегда любого издания после трех предостережений. С тех пор началась та «эпидемия» предостережений, которую издатель Ф.Ф. Павленков назвал «цензурным тифом»²⁶⁷.

Впрочем, правительственные репрессии 1861–1865 гг. еще чередовались с послаблениями. После выстрела Д.В. Каракозова в Александра II все послабления были отменены. Теперь реакция в России царила уже безраздельно и разгульно, в форме *шуваловщины*. Все инакомыслящие подвергались репрессиям, вплоть до физического уничтожения. Хорошо сказала об этом Элеонора Павлюченко, имея в виду как раз время (1870–1871 гг.), когда Софья Перовская связала свою судьбу с «народными заступниками»: «Многих из старых борцов уже нет. Вдали от родины умирает Герцен. На “краю света” томится на каторге Чернышевский. Погиб Писарев. На каторге — М. Михайлов, Шелгунов, Серно-Соловьевич, казнен Каракозов»²⁶⁸. Этот скорбный перечень можно продолжить:

---

²⁶⁶ Валуев П.А. Дневник министра внутренних дел. М., 1961. Т. 2. С. 74–75.

²⁶⁷ Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971. С. 43.

²⁶⁸ Павлюченко Э.А. Софья Перовская. М., 1959. С. 18.

по делу Каракозова приговорен к смертной казни, замененной вечной каторгой, Н.А. Иштуин и сослан в Сибирь, где и погиб, И.А. Худяков — замечательный фольклорист и этнограф, составитель 3-томных «Великорусских сказок»; замурованы в Петропавловскую крепость с последующим надзором полиции за «вредное направление» образа мыслей В.В. Берви (Флеровский) и публицист Г.З. Елисеев; до 1875 г. оставался под жандармским надзором переживший смертный приговор, каторгу и солдатчину классик русской литературы Ф.М. Достоевский; уволен самый авторитетный тогда в России, но, на взгляд «сверху», инакомыслящий врач-хирург Н.И. Пирогов; отменены выборы в Академию наук историка и литературоведа А.Н. Пыпина, поскольку он оказался... двоюродным братом Н.Г. Чернышевского.

Однако, вслед павшим и пропавшим, поднимали голос против властительных «тохтамьшей» другие *возражатели*, а главное, шли и шли в стан «народных заступников» новые *борцы*. Среди возражателей были и корифеи отечественной науки, литературы, искусства, которых «тохтамьши» считали идейно чуждыми для себя. Так, летом 1866 г. Петербургский цензурный комитет обратился в прокуратуру с иском о «судебном преследовании автора книги “Рефлексы головного мозга” И.М. Сеченова и об уничтожении самой книги», поскольку автор на место «учения о бессмертии духа» выставил ересь, «признающую в человеке только материю»²⁶⁹. «Инакомыслящего» Д.И. Менделеева власти одернули за то, что он во время студенческих волнений 1869 г. выступил против их решения «прекратить всякие занятия на первых трех курсах» Технологического института²⁷⁰, а «возражателя» И.И. Мечникова забаллотировали на профессорских выборах (по представлению И.М. Сеченова) в Медико-хирургическую академию²⁷¹.

²⁶⁹ Цит. по: Яновская М.И. Сеченов. М., 1959. С. 222–224.

²⁷⁰ Тищенко В.Е., Младенцев М.Н. Д.И. Менделеев, его жизнь и деятельность. Университетский период: 1861–1890 гг. М., 1993. С. 79.

²⁷¹ См.: Резник С.Е. Мечников. М., 1973. С. 107.

И Сеченов, и Менделеев, и Мечников остались для царских «верхов» не столько полезными, сколько вредными. К.А. Тимирязев потом заклеит политику «тохтамышей» в области просвещения такими словами: Российская Академия наук «блистала отсутствием» свмых крупных отечественных ученых — Сеченова, Менделеева, Мечникова²⁷².

Все это вызывало общественный резонанс, а юные курсистки, которые тянулись к знаниям и просто благоговели перед такими светилами науки, как Сеченов и Менделеев, протикались все большей нетерпимостью к правительственной реакции.

Возражали, а то и «бунтовали» тогда против обскурантизма властей мастера искусств. «Бунт 14-ти» лучших выпускников Академии художеств во главе с И.Н. Крамским, которые 9 ноября 1863 г. в знак протеста против чиновничьих предписаний вышли из Академии и создали свою «Художественную артель», преобразованную в 1870 г. в «Товарищество передвижных художественных выставок», — этот «бунт» взволновал тогда всю мыслящую Россию. А годом ранее нечто подобное по самоопределению, под названием «Могучая кучка», организовали пять композиторов (М.А. Балакирев, А.П. Бородин, Ц.А. Кюи, М.П. Мусоргский, Н.А. Римский-Корсаков) — с той же, что и у передвижников, творческой установкой на идейность, реализм, народность.

Если такие художники и музыканты, как и ученые, слыли тогда в «верхах» возражателями, то первый по таланту и авторитету поэт России того времени Н.А. Некрасов — этот, по мнению «народных заступников», «невидимый вдохновитель» народнического движения²⁷³ и даже «родоначальник

---

²⁷² Кстати, этот перечень имен гениев естественных наук, «отсутствовавших» в Российской академии, можно продолжить именами великих ученых-гуманитариев: Т.Н. Грановский, К.Д. Кавелин, В.И. Семеvский (которого современники называли «деканом всех российских историков»).

²⁷³ Морозов Н.А. Во имя братства // Голос минувшего. 1913. № 9. С. 71; он же. Повести моей жизни. М., 1947. Т. 1. С. 435.

революционеров 70-х годов»²⁷⁴, — воспринимался современниками как настоящий буреветник. В 1868 г., уже после закрытия его журнала «Современник» (унаследованного, кстати сказать, от А.С. Пушкина), он воззвал к соотечественникам стихами, которые, прежде чем поэт смог их опубликовать, распространились по стране в списках:

Душно! Без счастья и воли
Ночь бесконечно длинна.
Буря бы грянула что ли?
Чаша с краями полна!

Грянь над пучиною моря,
В поле, в лесу засвищи,
Чашу народного горя
Всю расплеци!²⁷⁵

Этот призыв поэта оказался, как нельзя более, кстати. Именно с 1868 г. в Петербурге начались массовые студенческие волнения, переросшие в общероссийский революционный подъем, который занял все следующее десятилетие. Отныне с каждым годом множились ряды уже не столько возражателей, сколько борцов. В их числе, вместе с Софьей Перовской и вслед за ней, уходили «от ликующих, праздно болтающих...» подвижники-народолюбцы из более чем благополучных семей: князь, прямой потомок в 30-м колене самого Рюрика П.А. Кропоткин, князь А.Л. Макаев, П.А. Микеладзе, А.К. Цицианов, К.Н. Чичуа, княжна О.А. Гурамова, дальний родственник Петра Великого Н.А. Морозов²⁷⁶, генеральские дети Н.А. Армфельд, В.Н. Батюшкова, А.С. Бутурлин, братья Л.К. и Н.К. Бух, Ф.О. Евецкий, С.Н. Клевовская, Г.Г. Кобиев, С.А. Ламони, С.А. Лешерн-фон-Герцфельд,

²⁷⁴ Литературное наследие Г.В. Плеханова. М., 1938. Сб. 6. С. 234.

²⁷⁵ Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1981. Т. 3. С. 64.

²⁷⁶ Прадед Н.А. Морозова П.Г. Щепочкин был женат на Е.А. Нарышкиной, род которой восходил к матери Петра Великого.

О.Д. и П.Д. Мельниковы, М.П. Молоствов, Н.А. Назимова, В.А. Осинский, С.М. Переяславцева, А.М. Поршняков, М.О. Пружанская, М.Н. Тригоны, М.Н. Шрейдер, Ф.Н. Юрковский, сын начальника Оренбургского губернского жандармского управления С.С. Голоушев, племянница московского губернатора Е.П. Дурново (будущая мать С.Я. Эфрона, который с 1912 г. станет мужем Марины Цветаевой).

Со многими из них Перовская будет лично знакомой. Вместе с ними ей доведется участвовать в революционных акциях всякого рода — от пропаганды среди крестьян до подготовки цареубийства. А пока она — все еще слушательница Аларчинских женских курсов, но уже задает тон в кружке самообразования, из которого выделится и оформится хорошо известный в истории российского освободительного движения «*кружок Софьи Перовской*»...

Кружок самообразования, основу которого составляли аларчинские курсистки, возник к концу 1869 г. В нем приняли участие: С.Л. Перовская, сестры А.И., В.И. и Л.И. Корниловы, О.А. Шлейснер, А.Я. Ободовская (все — будущие «чайковцы»), С.А. Лешерн-фон-Герцфельд, А.П. Корба, А.К. Вильберг, Е.Н. Ковальская, Н.К. Скворцова, Ф.М. Берлин-Кауфман, Е.Ф. Литвинова (трое последних стали впоследствии учеными — докторами соответственно медицины, юриспруденции, математики) и другие лица, не названные в источниках. Была близка к кружку и могла участвовать в нем О.А. Кислякова (Шапир) — известная писательница и общественная деятельница²⁷⁷.

---

²⁷⁷ См. об этом кружке: *Перовский В.Л.* Воспоминания о сестре (Софье Перовской). М.; Л., 1927. С. 41–43; *Корнилова-Мороз А.И.* Перовская и основание кружка чайковцев // Каторга и ссылка. 1926. Кн. 1. С. 9–10; Очерк истории кружка «чайковцев» // Революционное народничество 70-х годов XIX в. Сб-к докт-ов и мат-лов в 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 216–217; *Ковальская Е.Н.* Мои встречи с Перовской // Былое. 1921. № 16. С. 42 и сл.; она же. Из моих воспоминаний // Каторга и ссылка. 1926. Кн. 1. С. 32–33; *Прибылева-Корба А.П.* «Народная воля». Воспоминания о 1870–1880-х годах. М., 1926. С. 38; *Чебышева-Дмитриева Е.* Ольга Андреевна Шапир // Вестник Европы. 1916. № 10. С. 381.

Этот кружок представлял собой довольно большую группу женской молодежи, которая была связана общими интересами и личной дружбой. Но внутри его обособились и вскоре составили отдельный кружок самые близкие (идейно и лично) курсистки — Перовская, сестры Корниловы, Лешерн, Вильберг, Шлейснер, Ковальская, Корба²⁷⁸. Здесь уже главную роль стала играть Перовская, которой тогда не исполнилось еще и 17-ти лет. Она «составляла маленький центр», вокруг которого группировались остальные курсистки²⁷⁹. По воспоминаниям Е.Н. Ковальской, именно Перовская предложила ей изучать в кружке политэкономии, сообщив при этом о своем знакомстве с ее пропагандистской деятельностью в Харькове, а в дальнейшем придирчиво следила за кружковыми занятиями и «резко пробирала опоздавших»²⁸⁰.

Б.П. Козьмин, полагавший, что этот кружок объединялся «вокруг трех сестер Корниловых»²⁸¹, приписывал руководящую роль в кружке А.И., В.И. и Л.И. Корниловым, которые ни тогда, ни позднее (у «чайковцев») такой роли не играли. Самая активная и наиболее авторитетная из сестер Корниловых, Александра Ивановна, признавала, что юная Перовская «обладала более выдающимися способностями» и «силой характера» и «подчиняла» ее, как и других кружковцев, своему влиянию²⁸².

Главными в кружке были занятия — и по естественным наукам, но все более по философии, социологии и политэкономии, — а также оживленные дебаты на злободневные темы, причем «гвоздем дебатов всегда был женский вопрос»²⁸³. Особо

---

²⁷⁸ Знаменательно, что в этом кружке начали свой революционный путь первая в России женщина, приговоренная к смертной казни (С.А. Лешерн фон Герцфельд), и первая женщина, казненная царскими палачами (С.Л. Перовская).

²⁷⁹ *Прибылева-Корба А.П.* Указ. соч. С. 38.

²⁸⁰ *Ковальская Е.Н.* Мои встречи с Перовской. С. 43–44.

²⁸¹ *Козьмин Б.П.* С.Г. Нечаев и его противники в 1868–1869 гг. // Революционное движение 1860-х годов. М., 1932. С. 176.

²⁸² *Корнилова-Мороз А.И.* Указ. соч. С. 11.

²⁸³ *Ковальская Е.Н.* Мои встречи с Перовской. С. 44.

значимы попытки кружка Перовской «развивать в женской молодежи дух протеста» против социальной несправедливости²⁸⁴. Кружок старался влиять на молодых женщин (преимущественно курсисток) не только Петербурга, но и других городов: из компетентного источника явствует, что он был «центром некоторого движения в провинции»²⁸⁵...

Тем временем женский кружок Перовской оказался в поле зрения (если не сказать повышенного внимания) со стороны другого, *мужского*, кружка, который тогда уже обретал подчеркнуто радикальный характер. То был кружок студента Медико-хирургической академии Марка Андреевича Натансона — будущего основателя двух революционных организаций (Большого общества пропаганды и общества «Земля и воля») и двух политических партий в России («Народного права» и левых эсеров). В первоначальный состав кружка, вместе с Натансоном, вошли студенты разных вузов столицы В.М. Александров, Н.К. Лопатин (двоюродный брат Германа Лопатина), А.И. Сердюков и Н.В. Чайковский. К ним вскоре присоединились еще четверо студентов: Д.М. Герценштейн, Д.А. Клеменц, Ф.Н. Лермонтов и В.Г. Эмме (все перечисленные «натансоновцы», кроме Герценштейна, станут позднее «чайковцами»)²⁸⁶.

Кружок Натансона возник к лету 1869 г. и сразу возглавил студенческую оппозицию *нечаевщине* — уродливой крайности революционного движения в ответ на шуваловщину как столь же уродливую крайность реакции. Революционер-экстремист С.Г. Нечаев, исходивший из той (свойственной всем экстремистам) идеи, что готовить народ к революции не нужно, ибо он «всегда готов!», — задумал создать организацию таких же, каким он был, архиреволюционеров, которые смогли бы поднять народ на всероссийский бунт и учинить в стране

---

²⁸⁴ Очерк истории кружка «чайковцев». С. 217.

²⁸⁵ Там же.

²⁸⁶ См. о кружке Натансона особую главу в «Очерке истории кружка «чайковцев»» (С. 210–219).

«повсюдное всеразрушение»²⁸⁷. Строил он эту организацию (под названием «Народная расправа» или «Общество топора») на слепом, марионеточном послушании всех ее участников ему как вождю, причем освобождал их от каких бы то ни было моральных ограничений: «цель оправдывает средства»!

Бесчинства реакции к тому времени ожесточили радикальную часть молодежи так, что она готова была, по словам С.М. Кравчинского, «броситься к первой брешу и даже щели, откуда блеснет луч света»²⁸⁸. Отдельные ее представители добровольно поддержали Нечаева. Колеблющихся он увлекал своей титанической энергией, потрясавшей, а то и буквально гипнотизировавшей юные головы. «Он из нас просто веревки вил!» — вспоминал «нечаевец» А.К. Кузнецов о себе и подобных ему. Тем не менее, удалось Нечаеву завербовать в Москве лишь около 40 человек, а в Петербурге — до 20-ти²⁸⁹. Подавляющее большинство обеих столиц (подчеркну: то было время массовых студенческих волнений!) выступило против Нечаева, — во многом благодаря разоблачительной по отношению к нечаевщине пропаганде, которую развернули тогда не только в Петербурге, но и в Москве участники кружка Натансона.

Таким образом вождь оказывался без армии. Когда же он убил первого рядового (студента Иванова Ивана Ивановича), отказавшегося повиноваться ему, то этим только повредил себе и своему делу. Убийство было раскрыто, а нечаевская организация, так и не успевшая оформиться, к весне 1870 г. разгромлена...

После краха нечаевщины кружок Натансона стал действовать еще более активно и плодотворно. Его «Программа для кружков самообразования и практической деятельности» ставила целью готовить в таких кружках кадры для будущей

---

²⁸⁷ Так формулировалась целевая установка Нечаева в программной статье его журнала «Народная расправа» (№ 1).

²⁸⁸ *Степняк-Кравчинский С.М.* Соч.: В 2 т. М., 1958. Т. 1. С. 557.

²⁸⁹ *Шишко Л.Э.* Общественное движение в 60-х и первой половине 70-х годов. М., 1920. С. 80.

«партии борьбы», которая мобилизует всех недовольных в России на борьбу против царизма за «новую форму общественного устройства», а именно за «федеративную республику»²⁹⁰. Поэтому главной заботой кружка Натансона стало создание как можно более широкой сети кружков самообразования, где молодежь умственно работала бы над собой не в уродливом официозном духе, а в духе правильного понимания действительности и критического отношения к ней.

Прежде всего «натансоновцы» старались быть в самом очаге студенческой жизни Петербурга, инициативно участвовали в сходках студентов всех вузов столицы, искали и находили себе учеников. А сходки тогда набирали силу, уже опасную для властей. Только в Лесном институте осенью и зимой 1870 г. (по данным III отделения, с 26 сентября по 28 ноября²⁹¹) каждую субботу собирались по 200–300 студентов, приехавших из города «целыми дилижансами».

Не довольствуясь Петербургом, кружок Натансона стремился распространить свои связи на все университетские города России и с этой целью взял на себя инициативу созыва национального съезда студентов всех российских университетов. Съезд был созван в Петербурге, в первой половине января 1871 г.: Москву представляли А.И. Иванчин-Писарев и М.И. Антонова (Волховская), Киев — И.Я. Чернышев, С.А. Подолинский, П.Я. Армашевский, Харьков — Я.И. Ковальский (муж Е.Н. Ковальской), Одессу — С.Н. Южаков, Казань — Д.А. Клеменц (он станет «натансоновцем» сразу после съезда), а Петербург — весь кружок Натансона²⁹². На этом съезде «натансоновцы» и выступили с идеей организовать в каждом крупном городе Европейской России «книжное дело», т.е. распространение, главным образом

---

²⁹⁰ Каторга и ссылка. 1930. Кн. 6. С. 97.

²⁹¹ ГАРФ. Ф. 109. З эксп. 1870. Д. 120. Ч. 2. Л. 11 об.

²⁹² См. о съезде: Очерк истории кружка «чайковцев». С. 215–216. Все перечисленные здесь участники съезда вскоре обретут всероссийскую известность как народники.

среди учащейся молодежи, антиправительственной литературы — и легальной (эзоповской), и запрещенной.

Используя свои обширные связи в интеллигентских сферах, кружок Натансона входил в сношения с прогрессивными столичными издателями (К.Т. Солдатенковым, Н.П. Поляковым) и книгопродавцами (А.А. Черкесовым, В.Я. Евдокимовым), брал у них на комиссию, с уступкой от 30 до 50%, большое число экземпляров нужных изданий и распространял их как в Петербурге, так и в других городах через посредство кружков самообразования. Главным образом то были сочинения Чернышевского, Добролюбова, Писарева Флеровского, а также Д. Милля, Ф. Лассаля, Л. Блана, О. Вермореля, естественно-научная классика И.М. Сеченова и Ч. Дарвина, стихи Н.А. Некрасова, роман Ф. Шпильгагена и др.²⁹³

Успешному развитию «книжного дела» способствовали кружки самообразования и отдельные агенты кружка Натансона в крупнейших городах Европейской России. В Москву, например, как установили жандармы, доставлял книги из Петербурга А.И. Иванчин-Писарев²⁹⁴, а в Одессе зачинателем «книжного дела» стал кружок во главе с юным А.И. Желябовым²⁹⁵.

Увлекавшее молодежь и разраставшееся по России «книжное дело» представляло собой благодатную почву для сближения различных кружков. Именно на этой почве кружок Натансона сблизился, а затем и объединился с кружком Перовской...

Перовская и ее подруги начали (не без настороженности) сближаться с «натансоновцами» зимой 1870–1871 гг. Очень помогло этому начинанию знакомство Натансона с Ольгой Шлейснер²⁹⁶, ставшей вскоре его женой.

²⁹³ См.: *Шишко Л.Э.* Собр. соч. Пг., М., 1918. Т. 4. С. 141–142.

²⁹⁴ ГАРФ. Ф. 109. З эксп. 1871. Д. 65. Л. 73 об.–74, 88 об.

²⁹⁵ См.: *Чудновский С.Л.* Из давних лет. М., 1934. С. 40; Одесский университет за 75 лет (1865–1940). Одесса, 1940. С. 17–18.

²⁹⁶ Голос минувшего. 1913. № 6. С. 249 (рец. Н.В. Чайковского).

Узнав о кружке Перовской, Натансон решил привлечь и этих кружковцев к участию в «книжном деле». В начале зимы 1870 г. по его инициативе у А.П. Корба было проведено собрание всех участниц кружка. Выступивший здесь от имени «натансоновцев» Н.В. Чайковский предложил сообща основать нелегальное товарищество для издания и распространения такой литературы, которая разоблачала бы действия правительства и открывала бы тем самым глаза «широкой публике». Девушки, однако, встретили это предложение столь холодно, что Чайковский усмотрел в них «среду, для его целей не подходящую» и больше к ним не приходил²⁹⁷.

Неудача первой попытки сближения кружка Натансона с кружком Перовской объяснялась предубеждением девушек против *совместной* деятельности мужчин и женщин. По воспоминаниям Е.Н. Ковальской, кружок Перовской «решительно не хотел соединяться с мужскими кружками, боясь, что мужчины, более развитые, будут оказывать давление на самостоятельное развитие женщин»²⁹⁸. Лишь после того как «натансоновцам» удалось разрушить это предубеждение (в чем самому Натансону, как, впрочем, и Перовской, безусловно, помогла Ольга Шлейснер), оба кружка стали быстро сближаться друг с другом. Уже в начале декабря 1870 г. Перовская и А. Корнилова впервые посетили Вульфовскую коммуну, которая представляла собой нечто вроде штаб-квартиры кружка Натансона.

Вульфовская коммуна, т.е. общая студенческая квартира на Малой Вульфовой улице, была известна в Петербурге как «прародительница» таких общежитий. В ней жили и «натансоновцы» (сам Марк Андреевич, Василий Александров, Анатолий Сердюков), и близкие к ним — идейно и лично — студенты, народники Иван Рождественский и Василий Ивановский²⁹⁹.

---

²⁹⁷ Прибылева-Корба А.П. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 201.

²⁹⁸ Ковальская Е.Н. Автобиография // Там же. С. 111.

²⁹⁹ Василий Семенович Ивановский (1846–1911), прозванный в народнических кругах за высокий авторитет и рост (больше 2 м) «Василием Великим»,

О своем, вместе с Перовской, посещении этой коммуны Александра Корнилова оставила колоритные воспоминания. За порогом квартиры «в кухне сидели два жандарма, которые всех впускали, но никого не выпускали. Накануне ночью студенты заметили, что у ворот появилась полиция; как люди опытные, они тотчас сообразили, что у них будет обыск и что, вероятно, хотят арестовать Александрова, который еще не вернулся домой. Тогда они моментально высадили в закоулок на задний двор через форточку Анатолия Ивановича Сердюкова, отличавшегося худобой и малым ростом, чтобы он предупредил Александрова»³⁰⁰. Весь день задержанные «коммунары» и собравшиеся у них гости коротали время то за общим обедом, то за чтением и шумными спорами на злобу дня. «Все было для нас ново и интересно, — вспоминала А. Корнилова. — Лишь к 10-ти часам вечера “засада” была снята, и невольно засидевшиеся гости весело и быстро вырвались на свободу»³⁰¹.

После этого происшествия кружки Натансона и Перовской, можно сказать, сдружились и вскоре вместе занялись «книжным делом». Е.Н. Ковальская навсегда запомнила, как удивило ее в квартире Корниловых множество неразрезанных книг (Флеровского, Блана, Вермореля и др.), которые «кучами лежали на полу»³⁰². По-видимому, к весне 1871 г.³⁰³ кружок Перовской объединился с кружком Натансона...

Объединенный кружок первым делом задумал «тактический маневр», нацеленный на создание уже политически зрелой организации из активных и хорошо проверенных людей.

шурин писателя В.Г. Короленко, представлял самую народническую количественно семью: он сам, два его брата и три сестры участвовали в движении народников.

³⁰⁰ *Корнилова-Мороз А.И.* Цит. соч. С. 18.

³⁰¹ Там же.

³⁰² *Ковальская Е.Н.* Мои встречи с Перовской. С. 43.

³⁰³ Более точных данных источники не называют. «Приблизительно в начале 1871 г.», — вспоминал Н.В. Чайковский (Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 3. С. 180).

Наметив себе ряд лиц, которые были бы желательны в такой организации, Натансон и Перовская решили привлечь их в состав большого кружка самообразования, типа коммуны, полагая, что это даст возможность «лучше присмотреться к людям и безошибочно сделать выбор»³⁰⁴.

С наступлением лета 1871 г. кружковцы обосновались в дачном поселке Кушелевка под Петербургом, в трех километрах вверх по Неве от Литейного моста, сняв для себя две соседние дачи. Сравнение мемуаров Н. Чайковского и А. Корниловой с полицейскими данными показывает, что Кушелевский кружок составили примерно 20 человек³⁰⁵. В основном, это были, естественно, участники кружков Натансона и Перовской: Натансон, Сердюков, Чайковский, Клеменц, Н. Лопатин, Перовская, А. и Л. Корниловы, Шлейснер, Ободовская, Скворцова. К ним присоединились М.В. Купреянов, А.К. Левашов, И.В. Охременко, И.А. Вернер (все — будущие «чайковцы»). Кроме них, в Кушелевском кружке участвовали медики Н.Н. Агапитов и М.Ф. Кокушкин и технолог И.И. Басов.

Мужчины и женщины, участники Кушелевского кружка, жили порознь. Здесь уместно подчеркнуть, что власти, тщательно собиравшие характерные для народнических кружков 70-х годов факты совместного (в общих квартирах) жительства мужчин и женщин, поносили народников за «нравственную распущенность», а кружок «Киевская коммуна» клеймили, как «вертеп разврата»³⁰⁶. В связи с этим Н.А. Морозов вспоминал, как он и еще несколько «чайковцев» ночевали в квартире их товарища по «книжному делу» О.Г. Алексеевой, постель которой отделялась от их постелей только драпировками. «Если

---

³⁰⁴ Чарушин Н.А. О далеком прошлом. 2 изд. М., 1973. С. 111; Чайковский Н.В. Через столетия. Открытое письмо к друзьям // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 3. С. 180–181.

³⁰⁵ Чайковский Н.В. Указ. соч. С. 181; Корнилова-Мороз А.И. Цит. соч. С. 31–32; Очерк истории кружка «чайковцев». С. 219–220; СПб ГИА. Ф. 339. Д. 92. Л. 44.

³⁰⁶ Записка министра юстиции гр. Палена. Женева, 1875. С. 13 и др.; Государственные преступления в России в XIX в. [СПб., 1906]. Т. 3. С. 106–107.

бы нас всех накрыли в ее квартире, то прокуроры и жандармы сделали бы, конечно, из своей находки такой скандал на всю Россию, какого еще никогда не бывало. А между тем, ни одна турчанка в своем гареме под защитой десятка евнухов не была в большей безопасности, чем эта молодая и одинокая женщина под нашим покровительством. Конечно, мы не были гермафродиты, и семейные инстинкты и влечения, без которых человек становится нравственным и физическим уродом, были и у нас, как у всех нормально развитых людей. Но идейная сторона совершенно обуздывала у нас физическую»³⁰⁷.

Почти каждый из кушелевцев имел отдельную комнату для занятий. В самой большой из комнат проводились общие занятия, а также вечера отдыха. Обычными в жизни кружка были упражнения в столярном ремесле, верховой езде и в гимнастике. «Мужчины, — вспоминала Александра Корнилова, — увлекались гимнастикой на трапедии или состязались в лазаньи на довольно высокий столб <...> Из женщин одна Перовская могла подниматься над трапедией на согнутых локтях»³⁰⁸.

Чисто житейски всё в Кушелевке, по воспоминаниям А.И. Корниловой, было обставлено просто и дешево: «стол у нас был крайне однообразный — суп да котлеты, да притом еще из конины, и готовила наша чухонка Елена (нанятая кухарка. — *Н.Т.*) совсем невкусно. Зато честности она была необычайной. Подметая однажды комнату, она таким испуганным голосом стала звать Ольгу Александровну (Шлейснер. — *Н.Т.*), что та прибежала встревоженная, подумав, что случилось какое-то несчастье. Оказалось, что Елена увидела на полу (!) пятирублевую бумажку»³⁰⁹.

Главную роль в Кушелевском кружке играл М.А. Натансон. Он составил программу кружковых занятий и руководил общими чтениями и беседами. Кружковцы изучали физиологию, логику, психологию («насколько она необходима для

---

³⁰⁷ Морозов Н.А. Повести моей жизни. Т. 1. С. 102.

³⁰⁸ Корнилова-Мороз А.И. Цит. соч. С. 25.

³⁰⁹ Там же. С. 24–25.

решения всякого рода нравственных вопросов»), политэкономии, историю революционных движений. Занятия строились по системе, обычной для кружков самообразования: все кружковцы поочередно составляли рефераты на различные темы (главным образом, по тому или иному исследованию), а затем обсуждали их. Александра Корнилова, например, реферировала одну из глав «Оснований политической экономии» Д.С. Милля с примечаниями Н.Г. Чернышевского, а Натансон — еще не переведенный на русский язык 1-й том «Капитала» Маркса, этого, как судили о нем верхи царской России, «*ересиарха*», уже тогда популярного в российских кружках самообразования³¹⁰.

Разумеется, кружок был занят не только самообразованием. В июле 1871 г. все кушелевцы были обысканы по подозрению в крамольной связи с Н.П. Гончаровым. Этот студент Технологического института нелегально отпечатал в Петербурге четыре номера периодического листка «Виселица» с призывом «возобновить дело» только что зверски подавленной Парижской Коммуны³¹¹. Жандармская агентура установила, что последние три дня перед арестом Гончаров скрывался у «известной нигилистки» Веры Ивановны Корниловой и общался там с Натансоном, Перовской, Чайковским, О. Шлейснер и другими участниками Кушелевского кружка³¹². Однако Гончаров никого из них ни в чем преступном не уличил, а кушелевцы, со своей стороны, «божились», что они о каком-либо злоумышлении Гончарова ничего не знали. В результате, товарищ министра юстиции, резюмируя дело о «Виселице», доложил министру: «пособников Гончарова не открыто»³¹³. Вот так дознание о кушелевцах по этому делу было прекращено.

---

³¹⁰ Корнилова-Мороз А.И. Цит. соч. С. 33; Чайковский Н.В. Указ. соч. С. 181.

³¹¹ Подробно об этом см.: «Виселица» — революционные листовки о Парижской Коммуне // Литературное наследство. 1931. Т. 1.

³¹² ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1871. Д. 141. Л. 48, 49–50, 127 об.

³¹³ Там же. Л. 127 об.–128.

Возможно ли, что Гончаров в самом деле не знал об антиправительственных взглядах Натансона, Перовской и К^о, а те, в свою очередь, не подозревали о «виселичной» затее Гончарова? Скорее все было иначе: летом 1871 г. Кушелевский, т.е. объединенный кружок Натансона и Перовской уже вполне определился именно как антиправительственная оппозиция и, судя по всему, мог не только знать, что Гончаров печатает листки «Виселицы», но и помогать ему в этом.

Тогда же, летом и осенью 1871 г., все кушелевцы «с большим интересом» следили за ходом судебного процесса по делу «нечаевцев» и «старались попасть на заседания суда»³¹⁴. Натансон, Перовская и К^о сочувствовали «нечаевцам», т.е. юным радикалам, вовлеченным в нечаевское «Общество топора» (сам Нечаев судился через два года отдельно), но *нечаевщину*, новые подробности которой вскрылись на процессе, они отвергли, что только укрепило их в желании строить свою организацию принципиально иначе — и в идейном, и в нравственном отношении...

К концу августа 1871 г., по инициативе Натансона и Перовской, состоялось общее собрание Кушелевского кружка, где было решено продолжать самообразование «по мере возможности», а основные усилия направить на оппозиционную пропаганду среди интеллигенции посредством широкого (со своей издательской базой) развертывания «книжного дела»³¹⁵.

Из всего Кушелевского кружка отказались от такой пропаганды, «не желая манкировать своими занятиями в учебных заведениях», лишь четверо — Агапитов, Басов, Кокушкин и Скворцова³¹⁶. Таким образом, новый кружок составили М.А. Натансон, А.И. Сердюков, Н.В. Чайковский, Н.К. Лопатин, С.Л. Перовская, А.И. и Л.И. Корниловы, А.Я. Ободовская,

---

³¹⁴ Корнилова-Мороз А.И. Цит. соч. С. 27; Чарушин Н.А. Цит. соч. С. 99–101; Очерк истории кружка «чайковцев». С. 222–223.

³¹⁵ Корнилова-Мороз А.И. Цит. соч. С. 39–40.

³¹⁶ Там же. С. 40; Чарушин Н.А. Цит. соч. С. 111; Очерк истории кружка «чайковцев». С. 223.

О.А. Шлейснер, М.В. Купреянов, А.К. Левашов, И.В. Охременко, И.А. Вернер (первые четверо — из кружка Натансона, следующие пятеро — из кружка Перовской, плюс еще четверо новичков). Это и была петербургская группа «чайковцев» в своем первоначальном составе.

На первом же собрании группы было решено привлечь в нее бывших членов кружка Натансона — В.М. Александрова, Д.А. Клеменца и Ф.Н. Лермонтова, участницу кружка Перовской В.И. Корнилову и новичка Н.А. Чарушина. Примерно тогда же в группу был принят Ф.В. Волховский — будущий руководитель «Общества друзей русской свободы» и «Фонда вольной русской прессы» в Лондоне. Он «чуть ли не прямо со скамьи подсудимых (по делу нечаевцев. — *Н.Т.*), полуглухой, еле движущийся, пришел в Кушелевку узнать, нельзя ли начать какое-нибудь новое дело»³¹⁷. Так, осенью 1871 г. состав группы определился в 19 членов. Той же осенью группа стала именоваться «среди публики, с которой велись деловые сношения», «кружком чайковцев»³¹⁸.

Дело в том, что один из участников кружка Натансона Николай Васильевич Чайковский (впоследствии эсер, член ЦК партии трудовиков, член «Верховного управления» в Архангельске и «Уфимской директории» 1918 г., белоэмигрант), хотя и не был, по его собственному признанию, лидером «чайковцев», но ведал их, преимущественно «книжными», связями с посторонней «публикой»³¹⁹. Она и нарекла условно людей, которых он представлял, «чайковцами». Сами «чайковцы» не придавали этому большого значения, а их современники и последующие историки, если и оговаривали случайность и научную неправомерность термина «чайковцы»³²⁰, продолжали называть их

---

³¹⁷ Очерк истории кружка «чайковцев». С. 223.

³¹⁸ Чарушин Н.А. Цит. соч. С. 114.

³¹⁹ Чайковский Н.В. Указ. соч. С. 182.

³²⁰ Даже соратник Чайковского по эсеровской партии В.М. Чернов считал, что его имя «прилипло к кружку лишь по недоразумению» (*Чернов В.М.* Перед бурей. Нью-Йорк, 1953. С. 47). Другой современник выразился еще энергичнее: «Не Чайковский дал имя “чайковцам”, но “чайковцы” дал имя

объединение (некоторые делают это донныне³²¹) *по традиции* «кружком чайковцев» — даже без кавычек...

Итак, петербургская группа т.н. «чайковцев» сложилась летом 1871 г. Затем, вплоть до осени 1874 г., она пополнялась. За все время группа насчитывала 36 членов и 17 ближайших *сотрудников*. Отличал ее прежде всего блестящий состав. Здесь начали революционный путь люди, в дальнейшем стяжавшие мировую славу. Это и князь Петр Алексеевич Кропоткин — крупнейший среди «чайковцев» мыслитель, литератор и трибун, уже в то время известный ученый-географ, а впоследствии знаменитый философ, социолог, историк, идейный вождь анархизма; это и мещанин, недоучившийся студент Марк Андреевич Натансон — прирожденный организатор, яркий, волевой, настойчивый и властный³²²; это и Сергей Михайлович Кравчинский — тогда начинающий литератор, а позднее (под псевдонимом Степняк) писатель с мировым именем³²³; отменные дарования, ум, энергия, смелость и стойкость сочетались у него с цветущим здоровьем, необыкновенной физической силой. Для всех, кто знал Кравчинского, его безвременная трагическая гибель (в возрасте 44 лет он случайно попал под поезд) оказалась чудовищной неожиданностью.

Чайковскому» (*Мстиславский С.Д.* Человек и имя // Огонек. 1926. № 22). Как курьез отметим, что один немецкий публицист решил, будто «чайковцы» получили название в какой-то связи с русским чаем и назвал их «чаевниками» (Teetrinker): Каторга и ссылка. 1925. № 1. С. 75.

³²¹ *Ляшенко Л.М.* Революционные народники. М., 1989. С. 27; *Рудницкая Е.Л.* Русский бланкизм: Петр Ткачев. М., 1992. С. 94; *Лурье Ф.М.* Созидатель разрушения. СПб., 1994. С. 61; *Будницкий О.В.* Терроризм в российском освободительном движении. М., 2000. С. 44.

³²² В 1904 г. Натансон познакомился с В.И. Лениным. По воспоминаниям Н.К. Крупской, он «поразил (Ленина. — Н.Т.) своим организаторским талантом. Только и было разговору, что о Натансоне» (Воспоминания о В.И. Ленине: В 5 т. М., 1968. Т. 1. С. 286, 610).

³²³ См. его капитальную биографию: *Таратута Е.А.* С.М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. М., 1973. 540 с.

Международную известность как революционеры и ученые заслужили впоследствии также Дмитрий Александрович Клеменц — эрудит, острослов и полиглот (владел почти всеми европейскими языками), географ, этнограф, археолог, геолог; Леонид Эммануилович Шишко — публицист, переводчик, историк, экономист; Феликс Вадимович Волховский — уже представленный читателю социолог, поэт, публицист. Из тех же людей, жизнь и деятельность которых целиком связаны с «чайковцами», самым выдающимся был Михаил Васильевич Купреянов — по мнению «чайковцев», «гениальный юноша»³²⁴, которого отличали умственная мощь, нравственная чистота, деловая энергия, невероятный дар физиономиста. Ранняя смерть на пятом году заточения в Петропавловской крепости, куда он был водворен 20-лет отроду и откуда уже не вышел, помешала ему встать в один ряд с крупнейшими революционерами своего века.

В такой компании самая юная из «чайковцев», 18-летняя Перовская мало сказать не терялась. Она сразу выдвинулась на совершенно особую позицию, которую уже не оставляла ни у «чайковцев», ни у «землевольтцев», ни у народовольцев. Эталон нравственности, или даже, как выразился С.М. Кравчинский (внешне парадоксально, но, в сущности, очень точно), «*нравственный диктатор*» — вот революционное амплуа Софьи Львовны. Сочетая в себе «чисто женскую нежность», «мощь бойца» и «самоотверженную преданность мученика»³²⁵, она ни в чем не уступала самым женственным из женщин и самым мужественным из мужчин. Отсюда — столь характерная для нее магическая власть над людьми, о которой с восхищением отзывался Кравчинский: «Когда, устремив на человека свой пытливый взгляд, проникавший, казалось, в самую глубину души, она говорила со своим серьезным видом: “Пойдем!” — кто мог ответить ей: “Не пойду”?»³²⁶.

---

³²⁴ Степняк-Кравчинский С.М. Соч. Т. 1. С. 403; Шишко Л.Э. Собр. соч. Т. 4. С. 197.

³²⁵ Степняк-Кравчинский С.М. Соч. Т. 1. С. 438, 440.

³²⁶ Там же. С. 455.

Среди «чайковцев» Перовская была «общей любимицей». «Со всеми женщинами у нас в кружке были прекрасные товарищеские отношения, — вспоминал П.А. Кропоткин. — Но Соню Перовскую мы все любили <...> При виде Перовской у каждого из нас лицо расцветало в широкую улыбку»³²⁷. Здесь уместно процитировать следующий фрагмент из воспоминаний Кропоткина по изданию 1924 г., который почему-то в следующих изданиях опущен: «Мы улыбались ей даже тогда, когда она донимала нас за грязь, которую мы натаскивали в квартиру нашими мужицкими сапогами <...> Перовская пыталась тогда придать своему невинному, очень умному личику самое ворчливое выражение, какое только могла, за что мы и прозвали ее “Захаром”»³²⁸.

Все те, кого я только что представил читателю, были членами петербургской группы «чайковцев». В числе же ее *сотрудников* (т.е. фактически кандидатов в члены) выделялись будущий домашний учитель детей Льва Толстого В.И. Алексеев³²⁹, три будущих народовольца Ю.Н. Богданович, М.Ф. Грачевский, А.И. Зунделевич (о них — речь впереди) и энтузиаст «хождения в народ», работавший для удобства пропаганды кочегаром, пильщиком, грузчиком, бурлаком на Волге, человек редкой душевной красоты и физической силы Дмитрий Михайлович Рогачев³³⁰, загубленный на Нерчинской каторге в том же 1884 г., когда в Шлиссельбургской крепости был казнен его брат, народоволец Н.М. Рогачев.

---

³²⁷ Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1966. С. 281; О том же свидетельствовали другие «чайковцы»: Степняк-Кравчинский С.М. Соч. Т. 1. С. 452; Чудновский С.Л. Указ. соч. С. 136; Чарушин Н.А. Цит. соч. С. 123.

³²⁸ Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1924. С. 235. Далее «Записки» Кропоткина цит. только по изд. 1966 г.

³²⁹ См.: Алексеев В.И. Воспоминания // Летописи Государственного литературного музея. 1948. Кн. 12. Т. 2. С. 238.

³³⁰ См. о нем: Итенберг Б.С. Дмитрий Рогачев, революционер-народник. М., 1960; Базанов В.Г. Д.М. Рогачев — «особенный человек» // Русская литература. 1978. № 4.

Не удивительно, что таких людей все, кому довелось встречаться с ними, характеризовали как средоточие «самого талантливого, честного и умного, что только было в передовой молодежи 70-х годов», ее «авангард» и «цвет»³³¹. П.А. Кропоткин на склоне своей долгой жизни так вспоминал о «чайковцах»: «Никогда впоследствии я не встречал такой группы идеально чистых и нравственно выдающихся людей <...> До сих пор я горжусь тем, что был принят в такую семью»³³². Выдающийся состав «чайковцев» во многом обеспечил жизнность оригинальной и не вполне практичной, единственной в своем роде организационной структуры их Общества.

Да, в кандидатской диссертации о «чайковцах», которую я защитил в 1963 г.³³³, мне посчастливилось наглядно доказать, что традиционное название «кружок чайковцев» применительно ко всей их организации исторически несправедливо. Здесь перед нами не кружок, а широко разветвленное, с огромным охватом деятельности, *Общество* — целая федерация кружков (групп) в пяти городах России. Можно говорить о петербургском кружке, московском, киевском, одесском, херсонском кружках «чайковцев» как о составных частях, федеративных единицах этого Общества, но понимать под отдельным кружком Общество в целом — значит неуместно упрощать истинный смысл его организационных основ. Кстати, Общество имело, как мы увидим, и свое (к 1963 г. неоправданно забытое) название — Большое общество пропаганды. Поскольку с ним связаны яркое начало и впечатляющий взлет революционного бытия Софьи Перовской, должно сказать о нем подробнее.

---

³³¹ Прибылева-Корба А.П., Фигнер В.Н. Народоволец А.Д. Михайлов. Л., 1925. С. 99 (отзыв А.Д. Михайлова); Фигнер В.Н. Полн. собр. соч.: В 7 т. М., 1932. Т. 4. С. 146; Алтекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. Пг., 1924. С. 67, 69–70; Голос минувшего. 1914. № 2. С. 297 (Отзыв И.И. Попова).

³³² Кропоткин П.А. Цит. соч. С. 273.

³³³ См.: Троицкий Н.А. Большое общество пропаганды 1871-1874 гг. (т.н. «чайковцы»). Саратов, 1963.

2. Большое общество пропаганды

Кружки т.н. «чайковцев» создавались, оформлялись и объединялись в противовес нечаевщине, на принципиально иных основах. Во избежание какого бы то ни было «генеральства» á la Нечаев, они поддались *тому организационному анархизму*, который надолго возобладал в народничестве после нечаевщины (как реакция на нее). В петербургской группе «чайковцев» (о ней пока речь) не было ни устава, ни каких-либо статутов, соблюдалась «индивидуальная самостоятельность» каждого из участников группы.

При этом, однако, в отличие от всех остальных народнических кружков (а их к началу «хождения в народ» 1874 г. насчитывалось в России больше 200), у «чайковцев» организационный анархизм обрел специфический оттенок. Дело в том, что их выдающиеся профессиональные и чисто человеческие качества плодотворно сочетались с исключительной личной близостью между ними. Сами «чайковцы» свидетельствовали, что в их петербургском кружке «все были братья», «все знали друг друга, как члены одной и той же семьи, если не больше»³³⁴. Показательно для их личной близости, что за четыре года существования кружка в нем сложились 7 супружеских пар (почти столько же супругов было в провинциальных кружках общества).

Кстати, именно у «чайковцев» впервые в России широко и активно проявили себя как участницы освободительного движения женщины. Только в петербургской группе, кроме Перовской, участвовали еще 12 молодых женщин, из которых, по убеждению П.А. Кропоткина, «ни одна не отступила бы перед смертью на эшафоте», как не отступила Перовская³³⁵. Всего же, включая провинциальные группы, среди выявленных 103-х «чайковцев» было 24 женщины.

---

³³⁴ Шишко Л.Э. Собр. соч. Т. 4. С. 160; Степняк-Кравчинский С.М. Соч. Т. 1. С. 439–440; Синегуб С.С. Записки чайковца. М.; Л., 1929. С. 206.

³³⁵ Кропоткин П.А. Цит. соч. С. 282.

2. Большое общество пропаганды

Идейное родство, высокая нравственность и личная близость «чайковцев» обеспечивали столь доверительные отношения между ними, что каждый из них не только не злоупотреблял предоставленной ему «индивидуальной самостоятельностью», но, напротив, всякий раз, когда этого требовали интересы общества, добровольно брался за самое трудное и ответственное дело. В случае разногласий по любому вопросу незабываемым, хотя и не писаным, законом для «чайковцев» было мнение большинства.

Прием в Большое общество новых членов был необычно строгим: кандидаты тщательно отбирались и предварительно изучались, причем оценивались не только их умственные и деловые качества, но и чуть ли не в первую очередь нравственный облик. Выдвинутая кандидатура обсуждалась на общем собрании той или иной группы со всей откровенностью и утверждалась лишь при единогласном ее одобрении. Стоило, например, Купреянову указать при обсуждении кандидатуры А.В. Низовкина на болезненное самолюбие кандидата, несовместимое с требованиями «чайковцев», и тот не был принят³³⁶.

С другой стороны, если обнаруживалось, что кто-то из членов любой группы ведет себя в деловом или нравственном отношении предосудительно, «чайковцы» изгоняли его из своих рядов. В начале 1872 г. был исключен из петербургской группы Ф.Н. Лермонтов, который грешил самомнением, рисовался и явно «хотел играть первую роль»³³⁷, а весной 1873 г. та же участь постигла лидера московской группы С.Л. Клячко (этот талатливый публицист, первый переводчик на русский язык знаменитой книги К. Маркса «Гражданская война во Франции», был исключен за чрезмерный интерес к женскому полу, что было инкриминировано ему как «непроизводительная растрата революционных сил»).

Периферийные группы «чайковцев» (в Москве, Киеве, Одессе, Херсоне) строились на тех же, хотя и менее ярко выра-

---

³³⁶ Низовкин позднее стал предателем.

³³⁷ Очерк истории кружка «чайковцев». С. 238.

женных, организационных основах. В каждой из них были подобраны «молодец к молодцу», но даже среди них выделялись тогда еще юные «народные заступники», имена которых вскоре обретут мировую известность. В московской группе первыми среди равных были Николай Александрович Морозов, Лев Александрович Тихомиров, Михаил Федорович Фроленко — будущие «орлы и герои»³³⁸ «Народной воли»; в одесской группе (которая летом 1873 г. объединилась с херсонской) — уже знакомый читателю 25-летний «ветеран» народничества Феликс Вадимович Волховский, переселившийся в Одессу из Петербурга, и будущий вождь «Народной воли» Андрей Иванович Желябов, а также Анна Моисеевна Макаревич (урожденная Розенштейн, по второму мужу — Коста, по третьему — Турати, революционный псевдоним — Кулишова), впоследствии видная деятельница международного рабочего движения, возглавлявшая вместе с мужем Филиппо Турати Итальянскую социалистическую партию³³⁹. Наконец, в киевской группе «чайковцев» задавали тон Павел Борисович Аксельрод (позднее видный деятель «Земли и воли», «Черного передела», группы «Освобождение труда» и РСДРП) и один из лидеров «Народной воли», ее «орлов и героев» Николай Николаевич Колодкевич.

Все группы «чайковцев», включая петербургскую, были равноправны и подотчетны друг другу³⁴⁰. Прием в ту или иную группу новых членов был делом всего Общества и оформлялся лишь с согласия *всех* групп. Организационное единство пяти групп закреплялось общностью их кассы.

Структура Большого общества не исчерпывалась совокупностью пяти групп. В разных концах Европейской России (Орел, Казань, Тула, Вятка, Самара, Саратов, Пенза, Ростов,

³³⁸ *Фигнер В.Н.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 240; Т. 4. С. 150; Т. 5. С. 128.

³³⁹ См. о ней: *Schiavi A.* Anna Kuliscioff. Roma, 1955; *Turati F.* *Kuliscioff A.* Carteggio. Torino, 1949–1959. V. 1–6.

³⁴⁰ Подробно об этом с необходимыми ссылками на первоисточники см.: *Троицкий Н.А.* Первые из блестящей плеяды (Большое общество пропаганды 1871–1874 гг.). Саратов, 1991. С. 98–99.

2. Большое общество пропаганды

Пермь, Харьков, Минск, Вильно и др.) «чайковцы» имели своих *агентов*. Иные из них считались членами Общества. Так, в Харькове членом-агентом «чайковцев» был Дмитрий Андреевич Лизогуб — земельный магнат и, говоря по-нынешнему, спонсор народнических организаций, один из самобытнейших героев народничества, речь о котором еще впереди.

Все члены, сотрудники и агенты Общества содействовали возникновению множества нелегальных кружков, а нередко создавали их. Так было, например, с кружками воспитанников Морского училища³⁴¹ и студентов-сибиряков³⁴² в Петербурге, Н.К. Буха в Самаре³⁴³, Г.Г. Божко-Божинского в Чернигове³⁴⁴ и др. К началу 1874 г., по авторитетному свидетельству П.А. Кропоткина, который ведал тогда связями «чайковцев», они успели создать «сеть кружков и колоний в 40 губерниях» и поддерживали с ней «правильную переписку»³⁴⁵.

Таковы были организационные нормы, структура и связи Общества «чайковцев» как федеративного объединения ряда кружков плюс сеть агентов в разных городах со своими связями. Называть это Общество уместнее всего так, как называл его в воспоминаниях один из выдающихся членов общества Н.А. Морозов (собиравшийся писать историю «чайковцев»), т.е. *Большим обществом пропаганды*³⁴⁶. Такое название соответствует характеру деятельности «чайковцев», которая на всех этапах развития Общества сводилась главным образом к пропаганде. К тому же оно менее условно, чем всякое другое, ибо введено в обиход из первых рук — не исследователем, а участником организации, к которой оно относится. С 1963 г. название «Большое общество пропаганды» живет в десятках

---

³⁴¹ ГАРФ. Ф. 109. З эксп. 1872. Д. 63. Ч. 1. Л. 46, 74, 98, 149.

³⁴² Там же. Секр. арх. Оп. 1. Д. 544. Л. 23.

³⁴³ Бух Н.К. Воспоминания. М., 1928. С. 40–42.

³⁴⁴ ЦДІА України. Ф. 274. Оп. 1. Д. 154. Л. 28.

³⁴⁵ Кропоткин П.А. Цит. соч. С. 291–292.

³⁴⁶ Морозов Н.А. Повести моей жизни. Т. 2. С. 343, 430, 497; Т. 3. С. 275, 278;

Архив «Замли и воли» и «Народной воли». М., 1932. С. 32.

изданий, включая труды авторитетнейших специалистов³⁴⁷. Даже за границей давно отметили его как «привившееся» в нашей литературе³⁴⁸...

Идейная платформа Большого общества пропаганды целиком вмещалась в доктрину народничества, основоположниками которой были А.И. Герцен и Н.Г. Чернышевский и которая тогда, в 1870-е годы, нацеливала народников на переход России из сущего, полуфеодального состояния, минуя капиталистическую формацию, сразу в социализм³⁴⁹. Средством достижения этой цели народники в то время считали народную, т.е. фактически крестьянскую, революцию, ибо крестьяне составляли почти 90% населения России, а в крестьянской общине усматривался как раз зародыш социализма. Однако готовить революцию различные объединения народников замыслили по-разному. Сложилось три основных тактических направления: *бунтарское* или бакунизм (по имени его идеолога М.А. Бакунина), *пропагандистское* или лавризм (идеолог — П.Л. Лавров) и *заговорщическое* или русский бланкизм (идеолог — П.Н. Ткачев, но до него во Франции с аналогичных позиций выступал знаменитый Луи Огюст Бланки).

Бакунисты (которых лавристы прозвали «вспышкопускателями») исходили из того, что русский народ уже готов восстать,

---

³⁴⁷ См., напр.: *Филлипов Р.В.* Идеология Большого общества пропаганды (1869–1874). Петрозаводск, 1963; *Антонов В.Ф.* Революционное народничество. М., 1965. Гл. 4. § 2; *Малинин В.А.* Философия революционного народничества. М., 1972. Гл. 11. § 1; *Базанов В.Г.* Русские революционные демократы и народознание. Л., 1974. Гл. 10; *Карпачев М.Д.* Очерки истории революционно-демократического движения в России (60-е — нач. 80-х гг. XIX в.). Воронеж, 1985. С. 123; История СССР. XIX — нач. XX вв. / Под ред. И.А. Федосова. М., 1987. С. 217; Отечественная история с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. М., 1994. Т. 1. С. 268.

³⁴⁸ «Вперед!» (1873–1877). Мат-лы из архива В.Н. Смирнова / Под ред. Б.М. Сапира. Dordrecht, 1970. Т. 1. С. 182.

³⁴⁹ Подробно об этом см.: *Троицкий Н.А.* Крестonosцы социализма. Саратов, 2002. Гл. 2. § 1–5.

2. Большое общество пропаганды

и надо лишь «агитнуть» крестьян сразу по всем деревням, чтобы «вдруг» поднялась на бунт вся Россия. Лавристы, напротив, считали, что народ в России еще не готов к восстанию, и поэтому следует основательно, шаг за шагом, готовить его, будить в нем революционное сознание путем пропаганды. Бакунисты прозвали Лаврова «кунктатором» (медлителем) и сочинили о нем как о редакторе журнала под названием «Вперед!» такую эпиграмму:

Он засел верхом на рака
И кричит: «Вперед! Вперед!»

Что же касается русских бланкистов, то они рассчитывали обойтись вообще без народа, хотя и ради его интересов, ибо Ткачев полагал, что российское самодержавное государство не имеет прочных корней ни в экономической, ни в социальной почве («висит в воздухе»!), и его можно низвергнуть силами *партии* заговорщиков. За Ткачевым шли, сравнительно с бакунистами и лавристами, немногие: большинство народников соглашалось с Ф. Энгельсом в том, что «не русское государство, а скорее сам Ткачев висит в воздухе» со своей программой³⁵⁰.

«Чайковцы» занялись разработкой собственной программы осенью 1873 г., явно в противовес только что появившимся тогда программным документам Бакунина и Лаврова. Подготовить проект программы они доверили князю Кропоткину, которого очень уважали, хотя и подтрунивали над ним: «Во время Французской революции сапожники хотели стать князьями, а теперь в России князья хотят стать сапожниками?». Проект (Записка Кропоткина под названием «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?») был обсужден и принят в качестве программы — оригинальной и, главное, более, рациональной, чем программе бакунистов и лавристов.

---

³⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 540.

В отличие от авантюрной установки Бакунина, Общество «чайковцев» планировало не скоропалительный бунт, а методически подготовленное народное восстание, не предаваясь иллюзиям о близкой революции: «мы убеждены даже, — гласила их программа, — что для осуществления равенства, какое мы себе рисуем, потребуется еще много лет, много частных, может быть даже общих взрывов»³⁵¹. Это положение очень характерно для «чайковцев». Софья Перовская прямо говорила тогда Кропоткину: «Мы затеяли большое дело. Быть может, двум поколениям придется лечь на нем, но сделать его надо»³⁵².

С другой стороны, в отличие от Лаврова с его ставкой на «пропаганду и только пропаганду», «чайковцы» ставили в порядок дня наряду с пропагандой и агитацией мобилизацию и организацию «народных сил». Их программа предписывала готовить «из лучших людей этой (рабоче-крестьянской. — *Н.Т.*) среды преданных делу народных агитаторов» и «сплачивать их <...> в одну общую организацию»³⁵³. Перовская здесь не только на словах (при обсуждении проекта программы), но и на деле проявила себя, по свидетельству С.М. Кравчинского, «одним из наиболее деятельных *инициаторов* <...> Так, переход от пропаганды среди молодежи к пропаганде среди рабочих, совершенный кружком чайковцев в 1871–1872 годах, был в значительной степени результатом ее настойчивости <...> Она же была из первых, настаивавших на необходимости следующего шага — перехода из городов в деревни, так как понимала, что в России может иметь будущность лишь такая партия, которая сумеет сблизиться с крестьянством»³⁵⁴. Мы еще убедимся на конкретных фактах, сколь справедливы эти оценки Кравчинского.

Итак, по коренным вопросам тактики (в чем, собственно, и заключалось различие между лавризмом и бакунизмом) Большое общество пропаганды разошлось как с Бакуниным,

---

³⁵¹ Революционное народничество 70-х годов XIX в. (далее: РН). Т. 1. С. 77, 84.

³⁵² Кропоткин П.А. Цит. соч. С. 282.

³⁵³ РН. Т. 1. С. 88, 94–97.

³⁵⁴ Степняк-Кравчинский С.М. Избранное. М., 1972. С. 454.

2. Большое общество пропаганды

так и с Лавровым, заняв позицию, свободную от крайностей лавризма и бакунизма. Здесь уместно подчеркнуть роль Перовской в идейной жизни Общества, в обсуждении и решении самых разных вопросов теории, стратегии, тактики с расчетом на желаемую перспективу и с учетом нежелательных последствий. «Перовская, — вспоминал о ней Кравчинский, — пользовалась большим уважением и влиянием за свою стоическую строгость к самой себе, за неутомимую энергию и в особенности за свой обширный ум. Ясный и пронизательный, он обладал столь редкой у женщин философской складкой, проявляющейся в умении не только прекрасно понять данный вопрос, но и разобрать его всегда в соотношении со всеми от него проистекающими вопросами. Отсюда у Перовской... необыкновенное искусство в спорах, как теоретических, так и практических. Трудно было встретить более стойкого и искусного диалектика, чем Перовская. Рассматривая любой предмет всегда со всех точек зрения, она имела большое преимущество перед своими оппонентами, потому что обычно каждый рассматривает его с одной какой-нибудь стороны, диктуемой личными склонностями и симпатиями. Другим проявлением той же широты и разносторонности являлась чрезвычайная трезвость ее ума. Она видела все вещи в настоящем свете и в настоящую величину и своей логикой без всякой пощады разбивала иллюзии своих более восторженных товарищей»³⁵⁵...

Общество «чайковцев» было истинно революционным, но без бакунистского и, тем более, нечаевского экстремизма. Поэтому «чайковцы» готовы были к обмену мнениями и даже к сотрудничеству с более умеренными направлениями политической оппозиции. Показательно участие их петербургской группы вместе с представителями либерально-радикальной интеллигенции в дискуссии по вопросу о видах на конституцию в России³⁵⁶.

---

³⁵⁵ Степняк-Кравчинский С.М. Избранное. М., 1972. С. 453.

³⁵⁶ Подробно об этой дискуссии см.: Чарушин Н.А. Цит. соч. С. 129–132; он же. Что было на собрании у проф. Таганцева // Каторга и ссылка. 1925. № 2;

В один из декабрьских вечеров 1871 г. в квартире очень авторитетного юриста профессора Николая Степановича Таганцева на Васильевском острове собрались почти все (кроме уже арестованного к тому времени Натансона и ряда лиц, отсутствующих в столице по разным причинам) петербургские «чайковцы» — Волховский, Клеменц, Купреянов, Лермонтов, Сердюков, Чайковский, Чарушин, а из женщин — Перовская, О. Шлейснер, Ободовская и Л. Корнилова. Вместе с ними здесь приняли участие в дискуссии корифеи отечественной адвокатуры В.Д. Спасович и Е.И. Утин (брат основателя и руководителя Русской секции I Интернационала Н.И. Утина), редактор журнала «Отечественные записки», будущий идеолог либерального народничества Н.К. Михайловский, педагог и литератор В.И. Водовозов, студент Медико-хирургической академии, впоследствии известный экономист, публицист, социолог В.П. Воронцов («В.В.») и др., всего — от 40 до 50 человек.

Цель собрания заключалась в том, чтобы «побеседовать на злободневные темы и попытаться соединенными силами наметить ближайшие пути для выхода из тупика»³⁵⁷, а центральным вопросом разгоревшейся дискуссии стал вопрос о возможности конституции в России. Один из участников собрания чиновник из Сената С.Е. Шевич³⁵⁸ прочел реферат «О сущности конституции» — «исключительно по Лассалю, без какого-либо экскурса в русскую действительность», — после чего развернулись прения, сразу же перешедшие «на русскую почву»³⁵⁹.

Главными ораторами были трое — Клеменц, Волховский и близкий в то время к «чайковцам» Воронцов (к сожалению, нет данных о том, выступала ли в этой дискуссии Перовская). Все они говорили, что «конституция — дело хорошее, но сами

Попов И.И. Забытые иркутские страницы. Записки редактора. Иркутск, 1989. С. 202–203.

³⁵⁷ Чарушин Н.А. Цит. соч. С. 129.

³⁵⁸ Был женат на Елене Раковец, из-за которой погиб на дуэли знаменитый Фердинанд Лассаль.

³⁵⁹ Чарушин Н.А. Цит. соч. С. 130.

2. Большое общество пропаганды

собой конституции с неба не падают, а их добывают». Завоевать же конституцию не в состоянии ни привилегированные сословия (дворянство и буржуазия) из-за своей классовой ограниченности, ни разночинская интеллигенция, поскольку она «материально бессильна». Единственная сила, способная вывести страну из тупика, — это «широкие народные массы», которые, однако, заинтересованы не в конституции, а в коренном преобразовании существующего строя. «Отсюда, — вспоминал Чарушин, — сам собою вытекал вопрос о необходимости организации народных масс с целью вовлечения их в активную борьбу с самодержавием»³⁶⁰.

Ориентированные на революционную работу с массами «чайковцы» решительно выступали против новоявленных «каракозовых», которые с 1866 г. время от времени вознамеривались повторить затею цареубийства. «Теперь, — читаем в “Записках” П.А. Кропоткина, которые впервые изданы в 1899 г., — я могу обнародовать факт, который до сих пор был неизвестен. Из южных губерний приехал однажды в Петербург молодой человек с твердым намерением убить Александра II. Узнав об этом некоторые чайковцы (среди них вполне могла быть Перовская. — *Н.Т.*) долго убеждали юношу не делать этого; но так как они не могли переубедить его, то заявили, что помешают ему силой. Зная, как слабо охранялся в ту пору Зимний дворец, я могу утверждать, что чайковцы тогда спасли Александра II. Так твердо была настроена тогда молодежь против той самой войны, в которую она бросилась потом с самоотвержением, когда чаша ее страданий переполнилась»³⁶¹...

Практическая деятельность Большого общества пропаганды прошла три этапа: «книжное дело», «рабочее дело», «хождение в народ». На каждом из этапов Перовская была в Обществе одной из главных фигур — инициаторов и энтузиастов.

«Книжное дело», начатое еще «натановцами», было главным в практике «чайковцев» 1871–1872 гг. Цель его заключалась

---

³⁶⁰ Чарушин Н.А. Цит. соч. С. 131–132.

³⁶¹ Кропоткин П.А. Цит. соч. С. 281.

в том, чтобы подготовить кадры будущих пропагандистов и организаторов «народных сил», вооружая их образцами демократической и социалистической литературы. При этом «чайковцы» даже наладили издание такой литературы своими силами, иногда — в собственных переводах: так, они перевели «Гражданскую войну во Франции» К. Маркса, «Историю Февральской революции 1848 г.» Л. Блана, «Историю революции 18 марта» (т.е. Парижской Коммуны 1871 г.) П. Ланжолле и П. Корье, издав две последние книги большими по тому времени тиражами — Блана в 3500, а Ланжолле и Корье в 2500 экземпляров³⁶². Власти запрещали и уничтожали тиражи этих и некоторых других книг (например, «Азбуки социальных наук» В.В. Берви-Флеровского)³⁶³, но не могли пресечь «книжное дело» «чайковцев». Часть даже запрещенных тиражей «чайковцы» успевали спасти и распространить, а главное, они распространяли литературу, легально изданную в России или тайно доставленную из-за границы: сочинения А.Н. Радищева, А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева, а также Ф. Минье, Д.Л. Мотли, А. Карреля, Ф. Лассаля, П. Прудона, «Капитал» К. Маркса, уставы I Интернационала и его Русской секции. Используя свои провинциальные связи, «чайковцы» придали своему «книжному делу» всероссийский размах, распространяя столько книг, что им «позавидовала бы любая издательская фирма»³⁶⁴ (на несколько десятков тысяч рублей в год)³⁶⁵.

Перовская с ее эрудицией и талантом организатора играла в «книжном деле» очень важную роль. По ее инициативе и при ее участии «чайковцы» начали свое «книжное дело» с издания двух книг В.В. Берви-Флеровского: 24 сентября 1871 г. вышла

---

³⁶² РГИА. Ф. 776. , Оп. 11. Д. 43. Л. 2, 13–13 об.; 28–29, 49.

³⁶³ Там же. Д. 155. Л. 66.

³⁶⁴ Тихомиров Л.А. Начала и концы. М., 1890. С. 54.

³⁶⁵ РН. Т. 1. С. 228. Для сравнения: месячный заработок ткачей на механических станках в 1870-х гг. составлял 12–18 руб. (Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1938. Т. 1. С. 349).

2. Большое общество пропаганды

в свет «Азбука социальных наук», а следом за ней — 2-е издание «Положения рабочего класса в России». Софья Львовна вела переговоры с Берви и близко познакомилась с ним, навещая его (одна или вместе с другими «чайковцами») в Любани, а затем в Новой Кирке, у русско-финляндской границы, где он жил тогда под надзором полиции³⁶⁶. Там для Берви Перовская была «желанной из желанных»: он от нее, по воспоминаниям лично знакомого с ним О.В. Аптекмана, был, «просто без ума; в его восторженной характеристике она является какой-то сказочной феей, которая чарами своими творит чудеса»³⁶⁷. Действительно, как явствует из воспоминаний самого Берви, он поверил слухам, которыми обрастали сношения Перовской с политическими узниками: будто бы, «по ее распоряжению, заключенные в тюрьме III отделения надевали форму жандармов и свободно разгуливали по Петербургу, а жандармы переодевались в гражданское платье; ей приносили из III отделения всякое дело, какое ей было нужно, и относили к тому из заключенных, которого она указывала; то, что составляло секрет для жандармов, не являлось секретом для нее» и т.д.³⁶⁸ Мифологию этих слухов разоблачали позднее брат Софьи Львовны Василий и ее «боевая» подруга А.П. Корба³⁶⁹.

Перовская, со своей стороны, относилась к Берви очень тепло, хотя и не без свойственного ей даже по отношению к властителям дум критицизма. «Он прирожденный народный пропагандист и агитатор, — говорила она о Берви. — <...> В голове у него роятся немолчно гениальные мысли, но рядом с ними что-то наивное <...> Он стоит на почве народных идеалов, боюсь только, что на практике слишком суживает их, упоывая на *текущие* требования <...> Он прелестен, привлекателен

---

³⁶⁶ См.: Аптекман О.В. Указ. соч. С. 81–82.

³⁶⁷ Там же. С. 81.

³⁶⁸ Берви-Флеровский В.В. Записки революционера-мечтателя. М.; Л., 1929. С. 138–139.

³⁶⁹ См.: Перовский В.Л. Цит. соч. С. 64; Прибылева-Корба А.П. «Народная воля». С. 205–207.

как личность, ригорист, проповедует “добровольную бедность” словно апостол библейский... Чудак он, но прелестен»³⁷⁰.

Полемика с Берви отразилась и в теоретических заметках Перовской, изъятых у нее при аресте 5 января 1874 г. (выявлены мною в ГАРФ и впервые опубликованы в 1983 г.)³⁷¹. Здесь Софья Львовна впечатляюще демонстрирует философский склад своего ума. Цитирую ее заметки:

«Флеровский ставит целью человечества плодить жизнь на земле³⁷². Но это совершенно ошибочно и вот почему. Цель человечества можно вывести двояким образом:

1) Исследовав законы природы, по которым развивается жизнь человечества, открываются направление и конец этого развития. Но таким образом невозможно определить цель, так как она будет зависеть от направления и конца развития всего земного шара, ибо, если это развитие приведет к окончательному охлаждению земли, вся органическая жизнь, следовательно и человеческая, уничтожится, а потому и концом или целью человечества будет его уничтожение. Итак, из законов природы нельзя вывести цели Флеровского.

2) Другим образом вывести цель человечества можно, наблюдая за тем, к чему устремлена нравственная и умственная деятельность людей. Но, делая такое наблюдение, вовсе не замечаешь, чтобы люди стремились к цели Флеровского. Замечаются же действия людей, имеющие одну цель: счастье. К этой цели люди всегда стремились до известной степени

---

³⁷⁰ Аптекман О.В. Указ. соч. С. 80.

³⁷¹ Неизвестные заметки Софьи Перовской // Советские архивы. 1983. № 3. С. 66–67.

³⁷² Имеется в виду следующее высказывание Флеровского: «Инстинкты и свойства человека таковы, что они прямо указывают на цель его существования и, следовательно, невольно навязывается убеждение, что цель человеческого существования — это плодить жизнь на земле... Уже во время момента и ранее человек мог постигнуть истинное свое назначение — размножать жизнь» (*Берви-Флеровский В.В.* Азбука социальных наук. СПб., 1871. С. 35, 36).

2. Большое общество пропаганды

сознательно, в том отношении, что они старались достигнуть ее через прямые действия или через вознаграждение своих прямых действий.

Но эта цель очень различно понимаема, т.е. различно понимают, в чем состоит счастье, и пути к достижению цели выбираются различные.

Наибольшего счастья человечество может достичь тогда, когда индивидуальность каждого человека будет уважаться, и каждый человек будет сознавать, что его счастье неразрывно связано со счастьем всего общества. Высшее же счастье человека заключается в свободной умственной и нравственной деятельности».

Определив таким образом (в полемике с Берви-Флеровским) «цель человечества», Перовская далее в тех же заметках ставит вопрос: «Что нужно для того, чтобы личность выбрала себе основательно путь к достижению своей цели?» — и дает него философски обоснованный ответ:

«1) Теоретическое знание. Не зная, каким законам подчиняется материал, над которым ей приходится действовать, личность не сможет им управлять, а потому может прийти к результату, противоположному тому, которого она ждала.

2) Практическое знание. Без него личность не сможет приложить законы теоретического знания к делу, а потому, начиная действовать по теоретически выработанному пути, она может встать в тупик или начать метаться в незнакомой обстановке; возникнут несообразности теории с практикой, вслед которым придется изменять теорию.

3) Знание своих свойств. Это тоже, в сущности, практическое знание. Своя субъективность будет неизменным элементом во всех действиях личности, а потому, не зная этого элемента, личность не сможет сделать правильного расчета наискорейшего для себя пути к достижению цели.

Итак, личность тогда только действует основательно, наиболее полезным и критически выверенным путем, когда она изучила все эти три элемента и привела их в согласие, следствием чего и явится путь»...

«Чайковцы» доверяли Перовской ответственные поручения не только в «книжном деле», где она была членом особой конспиративной комиссии по хранению печатного станка для собственных изданий пропагандистской литературы. Вместе с Купреяновым Софья Львовна входила в конспиративную группу связи с заграницей и ведала сношениями с арестованными народниками «через подкупленного жандарма, который регулярно приносил ей записки и принимал от нее поручения»³⁷³. Мало того, когда был арестован и сослан в Шенкурск (захолустный городишко в Архангельской губернии) Марк Натансон, «чайковцы», задумавшие устроить его побег, отправили к нему «для этой цели» именно Перовскую, «снабдив ее нужной суммой денег»³⁷⁴. Софья Львовна все сделала, как надо, но вернулась из Шенкурска одна: «Натансон отказался бежать и переходить на нелегальное положение»³⁷⁵.

Как бы ни была увлечена и занята Перовская «книжным» и прочими делами Большого общества пропаганды, она всегда буквально рвалась «в народ», к простому люду — к городскому и, главным образом, деревенскому, чтобы самой увидеть, как российское простанородье живет, узнать — не из литературы, а из жизни, — о проблемах его и чаяниях, понять, смогут ли «народные заступники» принести ему спасительную пользу, и если да, то в чем? Весной 1872 г., взяв у «чайковцев» нечто вроде творческого отпуска от столичных дел, Софья Львовна отправилась в Самарскую губернию.

К тому времени жена богатого самарского помещика и мирового судьи Мария Аполлоновна Тургенева, ранее учившаяся в Цюрихе, где она была связана с русской революционной эмиграцией, открыла на свои средства в самарском городке Ставрополе курсы подготовки учителей для земских школ в селах губернии³⁷⁶. По ее приглашению, обнародованному

---

³⁷³ См.: Шишко Л.Э. Собр. соч. Т. 4. С. 147.

³⁷⁴ Перовский В.Л. Цит. соч. С. 57.

³⁷⁵ Там же. С. 58.

³⁷⁶ См.: Пирумова Н.М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. М., 1986. С. 81.

2. Большое общество пропаганды

в самарских и петербургских газетах, первыми приехали к ней преподавать на курсах трое: Перовская, Иван Маркович Красноперов (впоследствии известный статистик) и Сергей Федорович Чубаров — активный революционер-народник (в 1879 г он будет казнен вместе с «чайковцем» Д.А. Лизогубом). Одна из ставропольских курсисток М.С. Иванова (Карпова) вспоминала: «Тургенева взяла на себя уроки математики, Перовская — русского языка и литературы, Чубаров — анатомии и физиологии, Красноперов — истории и географии»³⁷⁷.

В августе 1872 г. занятия на учительских курсах в Ставрополе закончились, и Перовская вместе с М.А. Тургеневой переехала в имение ее мужа Юрия Борисовича, в с. Андреевка. Здесь Софья Львовна, ради того, чтобы лучше познать быт народа, решила заняться оспопрививанием. Предварительно, еще в Ставрополе, она взяла несколько уроков по прививке детям оспы у известного земского врача, одного из основоположников российской санитарной статистики Евграфа Алексеевича Осипова, в доме которого жила. Осипов, провожая Перовскую на борьбу с оспой, вручил ей детрит³⁷⁸, необходимые инструменты и свидетельство на право оспопрививания³⁷⁹. Взяв себе в помощницы местную курсистку Марию Иванову, Софья Львовна начала обследование крестьянских дворов по всем деревням Ставропольского уезда с двойной целью — прививать оспу детям и зондировать сознание взрослых сельчан.

За короткое время две юные оспопрививательницы (Ивановой шел 17-й, а Перовской — 19-й год) исходили пешком все окрестные села, останавливаясь в крестьянских избах и предлагая матерям приводить или приносить детей для прививки оспы. По воспоминаниям Ивановой (в записи ее сына),

---

³⁷⁷ Софья Перовская в Ставрополе. Воспоминания М.С. Карповой, урожденной Ивановой, записанные Евтихием Карповым // Каторга и ссылка. 1925. Кн. 2. С. 233.

³⁷⁸ Детрит — препарат из гнойников коровьей оспы, который вводится в тело человека с целью предохранить его от заболевания оспой.

³⁷⁹ См.: *Пирумова Н.М.* Указ. соч. С. 92; Воспоминания М.С. Карповой. С. 233.

«сначала дело шло очень туго. Темное крестьянство неохотно давало детей для оспопрививания. В народе еще жило поверье, что прививка оспы — большой грех, ибо она есть печать дьявола. Перовской и Ивановой приходилось долго убеждать матерей-крестьянок в пользу оспопрививания, доказывая, что никакого греха в этом нет. Перовская вскоре сумела войти в доверие к крестьянам, привлечь к себе ласковым обращением детишек. Чтобы рассеять их страх перед операцией, оспопрививательницы раздавали маленьким пациентам конфеты и пряники, которыми у Перовской были набиты полные карманы»³⁸⁰...

Здесь следует подчеркнуть, что Перовская, с ранней юности «рассудительная не по летам, всегда простая и приветливая, без труда завоевывала симпатии и доверие деревенского люда»³⁸¹. Все в ней нравилось любому из окружающих, будь то князь, профессор, или лапотник от сохи. Во-первых, радовала взор ее внешность. Вот как она выглядела, по воспоминаниям Сергея Кравчинского — одного из самых близких ее друзей, который восхищался ею (так же, как и все вообще «чайковцы», а потом землевольцы, народовольцы...) и называл ее «Перочкой»: «Она была хороша собой, хотя наружность ее принадлежала к тем, которые не ослепляют с первого взгляда, но тем больше нравятся, чем больше в них всматриваешься. Белокурая головка с парой голубых глаз, серьезных и пронизательных, под высоким лбом; тонкие черты лица; розовые губы, обнаруживавшие, когда она улыбалась, два ряда прелестных белых зубов; необыкновенно чистая и нежная линия подбородка. Впрочем, очаровывали не столько отдельные черты, сколько вся совокупность ее физиономии. Было что-то резвое, бойкое и вместе с тем наивное в ее личике. Это была олицетворенная юность. При своей удивительной молоджавости Соня в двадцать шесть лет выглядела восемнадцатилетней девушкой. Маленькая фигурка, стройная и грациозная, и свежий, звонкий, как

---

³⁸⁰ Воспоминания М.С. Карповой. С. 234.

³⁸¹ *Чарушин Н.А.* Цит. соч. С. 173.

2. Большое общество пропаганды

колокольчик, голос увеличивали эту иллюзию, становившуюся почти непреодолимой, когда она начинала смеяться. Она была очень смешлива и смеялась с таким увлечением, с такой беззаветной и неудержимой веселостью, что в эти минуты ее можно было принять за пятнадцатилетнюю девочку-хохотушку»³⁸². «Хохотала она так звонко и заразительно, — добавляет к этим словам Кравчинского другая мемуаристка, народоволка Софья Иванова, — что всем окружавшим ее становилось весело»³⁸³.

Главное же, Перовскую всегда отличала (напомню читателю отзыв о ней знаменитого Германа Лопатина) «пропасть доброты, сердечности, скромности и всяческой женственности». Эти качества, столь ценимые везде и всеми, Софья Львовна проявляла, может быть, наиболее трогательно в роли сиделки. «Если какая-нибудь из ее приятельниц заболела, — вспоминал Кравчинский, — она первая являлась предложить себя на эту тяжелую должность и умела ухаживать за больными с такой заботливостью и таким терпением, которые навсегда завоевывали ей сердца ее пациентов»³⁸⁴. Историк В.Я. Богучарский выразился по этому поводу обобщающее: «Она является постоянной “сестрой милосердия” по отношению ко всем попавшим в беду товарищам»³⁸⁵.

Воспоминание Кравчинского и обобщение Богучарского нуждаются в уточнении. Мы еще увидим, с какой заботливостью и терпением ухаживала Перовская в роли сиделки не только за «приятельницами» и «товарищами», но и за людьми незнакомыми, пациентами из простонародья. Поэтому более точным надо признать следующее обобщение Богучарского по адресу Перовской: «Она всем существом своим — одна деятельная любовь к людям»³⁸⁶. Естественно, и «приятельницы»,

---

³⁸² *Степняк-Кравчинский С.М.* Избранное. С. 449.

³⁸³ *Иванова С.А.* Воспоминания о С.Л. Перовской // *Былое.* 1906. № 3. С. 87.

³⁸⁴ *Степняк-Кравчинский С.М.* Избранное. С. 449.

³⁸⁵ *Богучарский В.* Активное народничество семидесятых годов. М., 1912.

С. 153.

³⁸⁶ Там же.

и «товарищи», и просто ЛЮДИ благодарно принимали ее любовь и заботу. Один из ее «товарищей» А.А. Хотинский так рассказывал о ней другому (О.В. Аптекману): «Видел ее на работе в деревне, видел отношение к ней крестьян: одна красота!»³⁸⁷.

Летом 1872 г. работа Перовской в деревне заключалась не только в оспопрививании детям и, конечно, в посильной медицинской помощи любому из заболевших крестьян, — не только в этом. По воспоминаниям Марии Ивановой, Софья Львовна «наблюдала жизнь народа, близко соприкасаясь с его нуждами и потребностями, воочию видя его быт, полный темноты, непосильного труда, нищеты и несправедливых притеснений; вела пропаганду среди крестьян, беседуя с ними о правовом и экономическом положении народа, об отношении к крестьянам со стороны помещиков и начальства, колебала их веру в царя как заступника за правду, благо и интересы народа. Грамотным крестьянам она раздавала брошюры революционного содержания и прокламации»³⁸⁸.

Что это были за брошюры (о прокламациях скажу особо), выясняется из специального исследования Н.И. Соколова³⁸⁹. Речь идет о бумагах, отобранных у Перовской при первом ее аресте 5 января 1874 г.: это — список пропагандистской литературы для народа (25 названий) и вопросники к ней. Среди изданий разных жанров, но одного, *демократического* направления — художественная классика («Песнь о купце Калашникове»³⁹⁰ М.Ю. Лермонтова, «Железная дорога» Н.А. Некрасова, «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил» и «Пропала совесть» М.Е. Салтыкова-Щедрина), вольнолюбивые «Сказки Кота-Мырлыки» профессора зоологии Н.П. Вагнера и рассказы

---

³⁸⁷ Аптекман О.В. Указ. соч. С. 253.

³⁸⁸ Воспоминания М.С. Карповой. С. 234.

³⁸⁹ См.: Соколов Н.И. С.Л. Перовская — пропагандистка // Русские писатели и народничество. Горький, 1975. Вып. 1. С. 123–131.

³⁹⁰ Так в бумагах Перовской. Полное название оригинала: «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова».

2. Большое общество пропаганды

писателей-демократов Н.И. Наумова, Ф.Д. Нефедова и др. Что же касается «прокламаций», то, по всей видимости, М.С. Иванова (Карпова) посчитала таковыми сочиненные и нелегально опубликованные «чайковцами» революционные брошюры: «Сказка о копейке» С.М. Кравчинского, «Сказка о четырех братьях» Л.А. Тихомирова, «Чтой-то, братцы...» Л.Э. Шишко, — все они значатся в списке Перовской.

По своей революционной нацеленности эти брошюры действительно напоминают собой прокламации. Вот как, к примеру, начинается брошюра Шишко: «Чтой-то, братцы, как тяжело живется нашему брату на русской земле! Как он ни работает, как ни надрывается, а все не выходит из долгов да из недоимок, все перебивается кое-как, через силушку, с пуста брюха да на голодное; день-то деньской маешься, маешься под зноем да под холодом, ровно каторжный, а придешь домой — иной раз и пожевать нечего». А вот как она заканчивается: «Со всех сторон поднимается сила крестьянская, взволновалась Русь-матушка. А поднимется, да расправится, так не будет с ней ни сладу, ни удержу. Только будем дружно, как братья родные, стоять за наше дело великое. Вместе-то мы сила могучая, а порознь нас задавят враги наши лютые!»³⁹¹.

Той же нацеленностью отличались и вопросники в бумагах Перовской. Вот некоторые из них: «Мог ли бы мир (сельская община. — *Н.Т.*) хоть немного помочь себе, если бы все крепко стояли друг за друга?» — «Почему мировой посредник (сельский чиновник. — *Н.Т.*) может безнаказанно злоупотреблять своей властью? Не у всех ли чиновников, больших и малых, одна и та же выгода?» — «Следует ли уважать человека ради одного богатства?».

Вся поглощенная заботами о физическом здоровье крестьянских детей и о пробуждении политического сознания самих крестьян Софья Львовна — эта дочь столичного губернатора почти царских кровей, — вовсе не заботилась

---

³⁹¹ Агитационная литература русских революционных народников. Л., 1970. С. 96, 100.

о собственных удобствах. Встречавшаяся с нею в то время Олимпиада Кафиеро-Кутузова (жена итальянского революционера, члена I Интернационала, графа К. Кафиеро ди Барлетта) вспоминала: «Ночевала и столовалась она в первой попавшейся избе вместе с хозяевами и ничуть не тяготилась полным отсутствием удобств, к которым привыкла с детства: питалась молоком да кашей, спала на подушке с соломой и на голых досках»³⁹².

В то лето Перовская поняла, что оспопрививание плохо сочетается с пропагандой. Главное, ее поразила умственная темнота и апатия простого люда. Вот что писала она из Ставрополя А.Я. Ободовской, которая тогда служила учительницей и директором народной школы в с. Единоново Корчевского уезда Тверской губернии при сыроваренном заводе Николая Васильевича Верещагина (1839–1907 гг.) — выдающегося, с мировым именем, агронома и сыровара, родного брата величайшего из российских художников-баталистов Василия Верещагина: «Как взглянешь вокруг себя, Александра Яковлевна, так и пахнет отовсюду мертвым сном, нигде не видишь мыслительной деятельной работы и жизни, — и в деревнях, и в городах всюду одинаково <...> Единственный выход из этого положения — взяться за расшевеливание этого сна...»³⁹³. Заняться таким «расшевеливанием» Софья Львовна решила не в роли оспопрививательницы, а в качестве народной учительницы. Поздней осенью 1872 г. она, по приглашению Ободовской, переселилась из Самарской губернии в Тверскую, чтобы там стать помощницей учительницы при народной школе.

Еще до отъезда в Ставрополь, весной 1872 г., Перовская уже сдавала экзамен на звание народной учительницы. «Несмотря на то, что экзамен я выдержала, — читаем в ее показании по делу о цареубийстве, — мне все же, не объяснив причин,

---

³⁹² Софья Львовна Перовская. [Женева], 1882. С. 10; *Кафиеро-Кутузова О.Е.* Из далекого прошлого // *Былое*. 1907. № 1. С. 180.

³⁹³ *Кантор Р.М.* Неизданные письма С.Л. Перовской // *Каторга и ссылка*. 1923. Кн. 3. С. 246, 247.

2. Большое общество пропаганды

не выдали диплома»³⁹⁴. По всей видимости, сказались тогда подозрения властей в причастности Софьи Львовны, наряду с другими «чайковцами», к «виселичному» делу Н.П. Гончарова. Как бы то ни было, всю зиму 1872–1873 гг. Перовская отработала в Едимонове помощницей учительницы А.Я. Ободовской, используя, разумеется, свое положение (как это делала и Ободовская) для пропаганды среди крестьян.

Возможно, помогла тогда пропагандисткам семья композитора А.Н. Серова, вдова которого (мать художника Василия Александровича Серова) Валентина Семеновна «обосновалась и жила» в Едимонове³⁹⁵. Юная Перовская, по-видимому, была близка к этой семье. Во всяком случае, первыми, кто посетил квартиру Серовых в день смерти композитора, 20 января 1871 г., были поэт А.Н. Майков, литературовед П.А. Висковатов, пианистка и композитор Луиза Эритт-Виардо (дочь знаменитой Полины Виардо) и Перовская³⁹⁶.

«Соня очень любила детей и была отличной школьной учительницей»³⁹⁷ — в этом отзыве С.М. Кравчинского, должно быть, сказались его впечатления от учительства Софьи Львовны в Едимонове (со слов если не ее самой, то — Ободовской). Кстати сказать, весной 1873 г. Перовская заново «выдержала экзамен в Твери и тут получила диплом» народной учительницы³⁹⁸...

Когда, летом 1873 г., Перовская возвратилась в Петербург, «чайковцы», не оставляя «книжного дела», уже сосредоточивали основные усилия на «рабочем деле», т.е. на пропаганде среди фабрично-заводских рабочих. Толчком к этому послужил небывалый ранее подъем рабочего движения в России,

---

³⁹⁴ Показания первоисточников. Из актов предварительного следствия // Былое. 1918. № 4–5. С. 288.

³⁹⁵ Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. Л., 1971. Т. 1. С. 52.

³⁹⁶ *Финдейзен Н.Ф.* А.Н. Серов. Его жизнь и музыкальная деятельность. СПб., 1904. С. 143.

³⁹⁷ *Степняк-Кравчинский С.М.* Избранное. С. 449.

³⁹⁸ Показания первоисточников... С. 288.

который «чайковцы» восприняли как исторически перспективную новь. Такие стачки, как на Невской бумагопрядильне в Петербурге весной 1870 г. и на Кренгольмской мануфактуре в Нарве летом 1872 г. показали, что рабочие всерьез поднимаются на борьбу и могут быть восприимчивы к революционным идеям. Теперь Перовская окунулась с головой в «рабочее дело».

Подход Большого общества пропаганды к рабочему классу (тогда в России только формировавшемуся) был типично народническим: рабочие рассматривались как вспомогательная сила грядущей крестьянской революции, ее второй эшелон. Пока их можно было использовать в качестве посредников между интеллигенцией и крестьянством. С таким расчетом Общество повело пропаганду среди рабочих и в Петербурге, и в Москве, и в других городах. Следуя своей программе, которая содержала особый раздел по «рабочему вопросу»³⁹⁹, «чайковцы» заводили связи с рабочими, выбирая более «смышленных», учили их грамоте, а затем и политике: читали и разъясняли литературу (от народных брошюр, вроде «Сказки о копейке», до «Капитала» Маркса), вели беседы, возбуждали дискуссии, помогали готовить стачки. При этом «чайковцы», по данным царского сыска, внушали рабочим идею революционной солидарности, подчеркивая, что «когда один человек встает, то всегда погибает, а ежели бы встали все, то с ними бы ничто не поделали»⁴⁰⁰.

В рабочих кружках Большого общества пропаганды начали революционный путь многие вожаки российского пролетариата, тогда еще юные, неопытные, малограмотные. Так, из рабочих-учеников Перовской быстро выделились Иван Смирнов и знаменитый впоследствии Петр Алексеев, интересы которых поначалу были очень скромными: «уже читать умеем и даже пишем, хоть и не бойко, но хотели бы еще поучиться науке “еографии” и “еометрии”»⁴⁰¹.

---

³⁹⁹ РН. Т. 1. С. 102–113.

⁴⁰⁰ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 209. Л. 94.

⁴⁰¹ Синегуб С.С. Указ. соч. С. 117.

2. Большое общество пропаганды

Софья Львовна занималась с рабочими охотно и умело, развивая у них элементарную грамотность, культурные запросы и политическое сознание, стараясь, как говорят французы, «réveiller le chat qui dort» (будить спящего кота). В одной из биографий Петра Алексева сообщается характерный эпизод. Перовская, прочитав рабочим первую часть поэмы Некрасова «Русские женщины» о подвиге княгини Трубецкой, последовавшей за мужем-декабристом на каторгу, заявила: «На месте Трубецкой я поступила бы так же!». В ответ все рабочие «дружно зааплодировали, а Петр поднялся из-за стола, подошел к ней и крепко пожал ее руку. Его примеру последовали все присутствовавшие на занятии»⁴⁰². Восторженное отношение к Перовской ее рабочих-учеников задушевно выразил Иван Смирнов, который на склоне лет так вспоминал о Софье Львовне: «Ведь какой человек! Всю душу отдавала делу. А умница, а смелость какая! Когда-нибудь напишут ее биографию — все будут преклоняться перед такой душевной красотой и героизмом, а теперь пока будем помнить и рассказывать другим»⁴⁰³.

У других «чайковцев» прошли школу освободительной борьбы фабричные Степан Зарубаев, Иван Союзов, Вильгельм Прейсман, Григорий Крылов и большая группа заводских рабочих, составивших ядро будущего «Северного союза русских рабочих» (Виктор Обнорский, Алексей Петерсон, Василий Мясников, Карл Иванайнен, Игнатий Бачин, Антон Городничий, Сергей Виноградов). А ведь почти все они начинали зрелую жизнь буквально с азов, в интеллектуальной тьме. По словам С.П. Зарубаева, после того как С.С. Синегуб рассказал рабочим о происхождении человека от обезьяны, он, Зарубаев, «рассердился за это на Синегуба» и долго не посещал занятий, пока Синегуб не прислал за ним его друга, поверившего и Синегубу, и Ч. Дарвину⁴⁰⁴. Так было. Но уже осенью 1874 г. III отделение

---

⁴⁰² Рожин П.М. Корифей рабочего движения. М., 1961. С. 16.

⁴⁰³ Кленова Р.М. Памяти И.Т. Смирнова // Каторга и ссылка. 1930. № 7. С. 172. Иван Тимофеевич Смирнов умер в сибирской ссылке в 1896 г.

⁴⁰⁴ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 221. Л. 95 об.

доложило Александру II о стольких доказательствах «влияния пропагандистов, успевших поселить в рабочей среде ненависть к хозяевам и убеждение в эксплуатации ими рабочей силы», что у царя вырвалось тревожное замечание: «Весьма грустно»⁴⁰⁵...

Самый факт разносторонней и плодотворной *четырёхлетней* деятельности Большого общества пропаганды (особенно его петербургской группы) тем показательнее, что большинство «чайковцев»-петербуржцев всегда находилось под наблюдением полиции, причем некоторые из них, в том числе и Перовская, уже в 1871–1874 г. подвергались обыскам и арестам. Сердюков за участие в Обществе арестовывался шесть раз. В архиве III отделения⁴⁰⁶ скопились агентурные донесения о слежке за Натансоном (д. 517, 524), Чайковским (д. 517, 546), Лермонтовым, Н. Лопатиным, О. Шлейснер (д. 517), Волховским (д. 518), *Перовской* (д. 538), Левашовым (д. 539) и домом Корниловых (д. 544). В списке лиц, «подлежащих наблюдению со стороны корпуса жандармов», от 13 апреля 1872 г. названы больше 20 «чайковцев»: Антонова, Богданович, Волховский, Голиков, Клеменц, Клячко, А., В. и Л. Корниловы, Левашов, Н. Лопатин, Ободовская, *Перовская*, Сердюков, Стенюшкин, Франжоли, Цакни, Чайковский, Чарушин, В. и О. Шлейснер⁴⁰⁷.

Продержаться четыре года «крамольно» в столице империи под недреманным оком «отечески бдительного» (как иронизировал М.А. Бакунин⁴⁰⁸) правительства стало возможным только при условии искуснейшей конспирации «чайковцев», которые никогда — до последней крайности — и ни в чем не оставляли властям против себя никаких улик и поэтому могли в критических ситуациях выходить, что называется, сухими из воды. Советский историк Т.С. Рязанцев заблуждался, полагая,

⁴⁰⁵ Рабочее движение в России в XIX в. М., 1950. Т. 2. Ч. 1. С. 478.

⁴⁰⁶ ГАРФ. Ф. 109. Секр. арх. Оп. 1. Д. 517–546.

⁴⁰⁷ Там же. Ф. 109. 3 эксп. Оп. 2. 1872 г. Д. 72. Л. 3.

⁴⁰⁸ Бакунин М.А. Государственность и анархия // Полн. собр. соч. СПб., 1907. Т. 2. С. 244.

2. Большое общество пропаганды

будто III отделение «через своих шпионов, проникших в организацию («чайковцев». — *Н.Т.*), получало подробные сведения о замыслах и мероприятиях революционной демократии»⁴⁰⁹. Факты свидетельствуют, что в организацию «чайковцев», куда не всякий революционер мог «проникнуть», никогда не проникал ни один шпион.

Мы еще увидим, что и в 1874, и даже в 1875–1876 гг. «чайковцы» успеют сделать еще очень много (включая их участие в историческом всероссийском «хождении в народ»), но для Перовской карательные стеснения начались с первых же дней 1874 г.: 5 января в квартире Корниловых она была арестована вместе с двумя сестрами, хозяйками квартиры — Александрой и Любовью. Заключение они были не в Петропавловскую крепость, как ошибочно сообщали биографы Перовской Николай Ашешов и Элеонора Павлюченко⁴¹⁰, а в менее зловещую тюрьму III отделения, куда доставлял Софье Львовне все самое необходимое (белье, одежду, обувь и книги) ее любимый брат Василий Львович⁴¹¹.

Каких-либо улик против арестанток каратели не нашли и Любовь Корнилову выпустили на волю сразу, но сестру ее Александру вместе с Перовской задержали, памятуя, может быть, об их причастности к делу Н.П. Гончарова. Василий Львович, больно переживая арест сестры, через три-четыре месяца обратился к отцу с просьбой помочь ей освободиться. Лев Николаевич, неприязнь которого к дочери за прошедшие три года смягчилась, обещал Василию, даже не спросив его о причине ареста Софьи, что сейчас же пойдет к шефу жандармов П.А. Шувалову. «Я остался у отца ждать его возвращения, — вспоминал о том дне Василий Львович. — Ожидать пришлось довольно долго. Наконец, он вернулся и рассказал,

---

⁴⁰⁹ *Рязанцев Т.С.* Революционное народничество в русском освободительном движении // Учен. зап. Коми пед. ин-та. 1959. Вып. 7. С. 9.

⁴¹⁰ *Павлюченко Э.А.* Цит. соч. С. 26; Ашешов Н.П. Софья Перовская. Пб., 1920. С. 36.

⁴¹¹ *Перовский В.Л.* Цит. соч. С. 60, 64.

что Шувалов, *его товарищ по полку* во время оно, принял его любезно, вызвал какого-то офицера из III отделения и приказал ему сделать все, что можно»⁴¹². Офицер для начала привел Софью Львовну повидаться с отцом, после чего предложил Льву Николаевичу приехать за дочерью «через денек-другой». «Очевидно, — рассудил Василий Львович, — жандармы надеялись, что сестра под влиянием свидания с отцом что-нибудь им проболтает»⁴¹³. Когда же, через два дня, Лев Николаевич доставил крамольную дочку из тюрьмы к себе домой, она рассказала брату, что «отец расплакался горькими слезами при свидании с нею и вызвал слезы у нее»⁴¹⁴.

Софья Львовна была освобождена из тюрьмы по особой статье («на поруки своему отцу») и поэтому должна была жить вместе с ним, хотя и тяготилась его контрольным присутствием. Пока отец был на службе, Василий Львович устраивал сестре в явочной квартире деловые встречи с членами Общества «чайковцев». Общество несло потери (арестованы были Кропоткин, Сенегуб, Сердюков), но и пополняло свои ряды: той же весной 1874 г. «с общего согласия свободных и заключенных» «чайковцев», которые поддерживали между собой постоянные сношения, был принят в их петербургскую группу и Василий Львович⁴¹⁵.

Примерно через месяц после освобождения Софья Львовна попросила отца «выхлопотать ей разрешение» на отъезд в Приморское, к матери, которая занималась там делами имения. Василий Львович вспоминал, что «отец сам был рад этому, потому что Соня все-таки стесняла его <...> Когда же Соня сообщила матери о своем освобождении и о желании приехать к ней со мной, в ответ мы получили от нее радостное письмо, в котором она писала, что с нетерпением будет ждать нашего приезда»⁴¹⁶...

---

⁴¹² *Перовский В.Л.* Цит. соч. С. 63. Курсив мой. — Н.Т.

⁴¹³ Там же.

⁴¹⁴ Там же. С. 63–64.

⁴¹⁵ Там же. С. 61.

⁴¹⁶ Там же. С. 66.

2. Большое общество пропаганды

Летом 1874 г. в Приморском после радостной встречи с обожаемой мамой Софья Львовна «изо всех сил» ... отдыхала. На некоторое время она совершенно отключилась от житейских, деловых, а главное, от конспиративных забот последних трех лет. Больше всего она любила плавать и скакать на лошадях. «Заплывала она так далеко от берега, — вспоминал Василий Львович, — что я следовать за ней не решался. А впоследствии она вытащила из воды жену Эндаурова (“чайковца”, друга В.Л. Перовского. — *Н.Т.*) Екатерину Николаевну, высокую и массивную трусиху, не умевшую плавать и как-то неожиданно очутившуюся на глубине выше ее роста и со страха беспомощно упавшую на дно»⁴¹⁷. И в скачках на лошадях ни Василий Львович, ни его друзья, собиравшиеся в Приморском, никто из этих юных мужчин не мог соперничать с Софьей Львовной, тем более, что она любила и быстро ездить, и рисковать, и никогда при этом не теряла самообладания. Однажды на горном уступе «Сонина лошадь поскользнулась на обе задние ноги, так что села по-собачьи, а передние ноги стали сползать вперед. Все мы (шестеро мужчин! — *Н.Т.*) просто обомлели от испуга, что вот лошадь сейчас упадет набок, и как-то удастся Соне не расшибиться. Но она не потерялась и сильным ударом хлыста заставила лошадь вскочить на все ноги. Все мы от души поздравили Соню со счастливым минованием опасности»⁴¹⁸.

Отдыхая в Приморском от дел, Софья Львовна интересовалась всем и вся. Вот еще одна колоритная зарисовка из воспоминаний Василия Львовича. «В половине августа, в день Успения, ежегодно стекаются в Успенский монастырь под Бахчисараем массы богомольцев. Сестра решила воспользоваться этим и отправилась туда пешком в компании знакомых девушек и женщин из ближайшей слободки. Там пришлось ей ночевать в общей массе на лужайке, близ монастыря. Потом она с удовольствием рассказывала о подробностях этого путешествия. В то же время на своих попутчиц она произвела такое

---

⁴¹⁷ *Перовский В.Л.* Цит. соч. С. 68.

⁴¹⁸ Там же. С. 80–81.

хорошее впечатление, что я много позже, по возвращении из ссылки, услышал от одной из них следующее признание: «сестра ваша так понравилась нам всем, что мы не раз вспоминали о ней, когда, случалось, собирались вместе»⁴¹⁹.

Но долго отдыхать было не в характере Софьи Львовны. Она всегда жила по принципу: «Делу — время, потехе — час». Теперь она уже знала от своих «однополчан» по Большому обществу пропаганды (в первую очередь, от брата Василия) о массовом «хождении в народ», которым тогда были охвачены почти все губернии Европейской России. Не теряя надежды принять в нем участие, Софья Львовна пока из Приморского полулегально и ненадолго уехала в Весьегонск Тверской губернии к знакомому врачу С.М. Шору, под наблюдением которого на практике училась фельдшерскому искусству⁴²⁰. А вернувшись из Весьегонска, она поделилась с Варварой Степановной своими планами: поступить на только что открытые в Симферополе женские фельдшерские курсы, окончить их и получить специальность фельдшера, чтобы использовать ее для связи с трудовым людом, наряду со специальностью народной учительницы. Варвара Степановна давно уже была с дочерью во всем заодно.

Софья Львовна поехала в Симферополь. Там она без проблем была принята (с ее-то предварительной подготовкой у Шора!) на фельдшерские курсы и поселилась в «коммуне» вместе с другими курсистками. В их числе была и Наталья Осиповна Баранова — будущая жена народовольца Льва Матвеевича Когана-Бернштейна, героя и жертвы нашумевшей на весь мир Якутской трагедии 1889 г.⁴²¹. По воспоминаниям Василия

---

⁴¹⁹ Перовский В.Л. Цит. соч. С. 68–69.

⁴²⁰ См.: Корелин П.Н. Новое о С.Л. Перовской (По неопубликованным материалам) // Мат-лы Общества изучения Тверского края. 1928. Вып. 6. С. 66.

⁴²¹ За участие в коллективном протесте политических каторжан Л.М. Коган-Бернштейн, уже тяжело раненый охранниками, был приговорен к смертной казни и повешен 7 августа 1889 г. вместе с двумя товарищами-каторжанами Н.Л. Зотовым и А.Л. Гаусманом. Подробно об этом см.: Якутская трагедия 22 марта 1889 г. Сб-к воспоминаний и мат-лов. М., 1925. С. 65–71.

2. Большое общество пропаганды

Львовича, все курсистки, кроме слушания лекций, практиковали, дежурили в палатах земской больницы и ухаживали за больными⁴²². Софья Львовна, как обычно, и училась блестяще, и неподражаемо выполняла роль сиделки. «В числе ее пациентов, — вспоминали очевидцы, — была одна, страдавшая раком груди, старушка-еврейка, к которой Перовская в течение нескольких месяцев каждый день ходила для перевязки. Своей заботой об этой больной, своей неизменно доброй улыбкой она внушила ей такую любовь к себе, что та с нетерпением ждала ее прихода и уверяла при этом, что при одном ее виде ей делается уже несравненно лучше»⁴²³.

По окончании курсов Перовская поступила, уже как специалист-фельдшер, на службу в Симферопольскую земскую больницу, где и «служила, — цитирую ее показания по делу о царевубийстве, — вплоть до вызова на суд в 1877 году, в августе месяце»⁴²⁴. Н.П. Ашешов пришел даже к такому выводу: «Быть может, ее истинным призванием было — сделать врачом и отдать всю себя людскому горю при болезнях. Недаром она так тяготеет к медицине и старается приобрести себе в этой области возможно больше знаний и практики»⁴²⁵. Но ведь точно так же тяготела Перовская и к учительству, а главное, и учительство и медицина были в ее представлении удобными *формами* для *idée fixe* всех народников — социалистической пропаганды среди народа. До начала суда, где Софья Львовна рассчитывала на оправдательный приговор, «скрыться и начать нелегальное существование она, — как подметил С.М. Кравчинский, — не могла, потому что этим компрометировала бы всех, кто, подобно ей, был выпущен на поруки»⁴²⁶. Мало того, она не хотела и подвести отца, который поручился за нее перед властями. И все-таки ей удавалось

---

⁴²² Перовский В.Л. Цит. соч. С. 78.

⁴²³ К биографиям А.И. Желябова и С.Л. Перовской // Былое. 1906. № 8. С. 121.

⁴²⁴ Показания первомартовцев... С. 288.

⁴²⁵ Ашешов Н.П. Указ. соч. С. 45.

⁴²⁶ Степняк-Кравчинский С.М. Избранное. С. 455.

и в Приморском, и в Симферополе, и в Севастополе следить за ходом дел «чайковцев», а возможно, и влиять на него.

Во-первых, судя по воспоминаниям Василия Львовича, только в Приморском его сестра (вместе с ним, разумеется) имела деловые встречи с «чайковцами» А.М. Эндауровым, А.М. Макаревич, М.О. Волховской, М.Ф. Фроленко, в Севастополе — с супругами Н.П. Цакни и З.К. Львовой, в Симферополе — с тем же Эндауровым, будущим народовольцем П.А. Теллаловым и с другими народниками⁴²⁷. Кроме того, в Симферополе какое-то, насторожившее жандармов, содействие оказывал Перовской председатель губернской земской управы Владимир Карлович Винберг, который за такую провинность сразу попал, на взгляд властей, в разряд неблагонадежных. Н.П. Ашешов разыскал в жандармских архивах следующую справку о нем, составленную после 1881 г.: «В 1881 г. В.К. Винберг был заподозрен в сочувствии революционерам, причем дознание, произведенное Таврическим жандармским управлением, обнаружило, что как в Симферопольской губернской управе, так и в Симферопольском обществе взаимного кредита, председателем которых Винберг состоял, одновременно служили не только лица неблагонадежные, но и политические преступники, как Софья Перовская, Теллалов и др., причем Винберг оказывал им материальную помощь, а некоторые из политических преступников и неблагонадежных ушли в имение Винберга на южном берегу Крыма и были воспитателями его дочерей»⁴²⁸.

Еще более неблагонадежным был сын В.К. Винберга Анатолий Владимирович — известный адвокат, выступавший защитником по очень громкому, взволновавшему всю Россию, делу лейтенанта П.П. Шмидта⁴²⁹. Он, кстати, был женат на дочери корифея российской адвокатуры Н.П. Карабчевского, а с до-

⁴²⁷ См.: *Перовский В.Л.* Цит. соч. С. 69, 78–79.

⁴²⁸ Цит. по: *Ашешов Н.П.* Цит. соч. С. 46.

⁴²⁹ См. дело о негласном полицейском надзоре за А.В. Винбергом: ГАРФ. Ф. Департамента полиции. Особый отдел. 1901. Д. 935.

черью самого А.В. Винберга и, стало быть, внучкой Карабчевского Ниной Анатольевной Винберг мне довелось поддерживать письменную связь в 1980–1983 гг. Она, в частности, сообщила мне не зафиксированные в литературе годы жизни своего отца: 1870–1926⁴³⁰...

Итак, с весны до осени 1874 г. Софья Перовская, освобожденная после январского ареста на поруки отцу, жила в отцовском имении Приморское, оставаясь в стороне от массового «хождения в народ», но нельзя забывать при этом, что она как член Большого общества пропаганды активно участвовала в подготовке «хождения» и была в числе его инициаторов, совершив предварительные опыты пропаганды среди крестьян Самарской и Тверской губерний еще в 1872–1873 гг. Мы еще вернемся к Софье Львовне в Приморское в связи с итогами «хождения в народ» и началом судебного процесса «193-х» по делу о «хождении».

3. «Хождение в народ» и процесс «193-х»

«Хождение в народ» 1874 г., в котором с энтузиазмом приняли участие все силы революционного народничества поголовно (не менее 10 тыс. человек) на территории 51 губернии⁴³¹ стало для России явлением беспрецедентным. Не зря активный участник «хождения» Сергей Кравчинский и наблюдательный историк Борис Глинский восприняли его как своего рода «крестовый поход»⁴³², а П.Л. Лавров назвал участников этого «похода» «крестоносцами социализма»⁴³³.

К началу 1874 г. практическая деятельность Большого общества пропаганды уже дала сильный крен в сторону

---

⁴³⁰ Письмо ко мне Н.А. Винберг от 14 сентября 1980 г.

⁴³¹ Подробно об этом см.: *Троицкий Н.А.* Крестоносцы социализма. Гл. V.

⁴³² *Степняк-Кравчинский С.М.* Соч.: В 2 т. Т. 1. С. 381; *Глинский Б.Б.* Революционный период русской истории. 1861–1881. СПб., 1913. Ч. 2. С. 33.

⁴³³ *Лавров П.Л.* Философия и социология. М., 1965. Т. 2. С. 7.

деревни. Ведь пропаганда среди интеллигенции («книжное дело») имела целью подготовить кадры будущих просветителей и организаторов крестьянского люда, а пропаганда среди рабочих («рабочее дело») — посредников между интеллигенцией и крестьянством. «Рабочее дело» «чайковцев» было предварительной пробой сил перед массовым походом в деревню, своеобразным трамплином к «хождению в народ».

Мало того, параллельно с «книжным» и «рабочим» делом «чайковцы» уже в 1872–1873 гг. накопили некоторый опыт пропагандистской работы в деревне. Первые, рекогносцировочные эксперименты с пропагандой среди крестьян проделали, как мы знаем, Софья Перовская в Ставропольском уезде Самарской губернии и Александра Ободовская в Корчевском уезде Тверской губернии. Зимой 1872–1873 гг. Перовская, а с февраля по июнь 1873 г. Сергей Синегуб и Лариса Чемоданова пропагандировали среди крестьян того же Корчевского уезда⁴³⁴.

С середины 1873 г., когда «рабочее дело» в Петербурге достигло апогея, попытки «чайковцев» войти в прямое общение с крестьянами участились. «Время от времени кто-нибудь из нас, — вспоминал Кропоткин, — отправлялся на неделю или на две в те деревни, откуда были родом наши приятели (рабочие. — *Н.Т.*) и там пропагандировал почти открыто среди крестьян»⁴³⁵. Все это позволило «чайковцам» конкретно представить себе возможности революционной пропаганды в деревне и оценить меру собственной готовности к ней.

Оказалось, что у народников еще недостает опыта и умения вести пропаганду в крестьянской среде, чрезвычайно невежественной и разобщенной, а крестьяне, со своей стороны, гораздо менее восприимчивы к пропаганде, чем ожидалось. Наглядный пример из своего «хождения в народ» приводил Кравчинский. «Раз идем мы с товарищем (Д.М. Рогачевым. — *Н.Т.*) по дороге, — рассказывал он Кропоткину. — Нагоняет нас мужик на дровнях. Я стал толковать ему, что податей платить

---

⁴³⁴ Синегуб С.С. Цит. соч. С. 89–91.

⁴³⁵ Кропоткин П.А. Цит. соч. С. 288.

не следует, что чиновники грабят народ и что по Писанию выходит, что надо бунтовать. Мужик стегнул коня, но и мы прибавили шаг. Он погнался лошадь трусцой, но и мы побежали вслед, и все время продолжал я ему втолковывать насчет пода-тей и бунта. Наконец, мужик пустил коня вскачь, но лошаденка была дрянная, так что мы не отставали от саней и пропаганди-ровали крестьянина, покуда совсем перехватило дыханье»⁴³⁶.

В общем, собственный опыт пропаганды среди крестьян, накопленный до начала массового «хождения в народ», «чай-ковцы» оценивали довольно критически. Но подавляющее большинство народников к 1874 г. настраивалось крайне оптимистично, воображая, как вспоминал Г.В. Плеханов, «что “соци-альную революцию” сделать очень легко, и что она очень скоро совершится: иные надеялись, что года через два-три»⁴³⁷; «никак не позднее, чем через три года», — подтверждал М.Ф. Фро-ленко⁴³⁸. Поэтому среди народников тогда «были и такие, что даже шли уже выбирать позиции для будущей артиллерии»⁴³⁹. «Люди безгранично верили в свою великую миссию, и оспари-вать эту веру было бесполезно, — вспоминал о настроении тог-дашних “народолюбцев” Н.А. Чарушин. — Это был в своем роде чисто религиозный экстаз, где рассудку и трезвой мысли уже не было места»⁴⁴⁰.

Деятели Большого общества пропаганды относились к такому экстазу сдержанно. В принципе они тоже были за «хождение в народ». Но обладая большим пропагандистским опытом, чем любой из 200 (как минимум) народнических кружков того времени, они рассуждали более трезво о возмож-ных итогах «хождения». На многочисленных сходках народ-ников в страду подготовки «хождения» «чайковцы» старались втолковать бакунистам, что их надежды на скоропалительный

---

⁴³⁶ Кротошкин П.А. Цит. соч. С. 284.

⁴³⁷ Плеханов Г.В. Соч. М.; Л., 1927. Т. 24. С. 97.

⁴³⁸ Фроленко М.Ф. Собр. соч.: В 2 т. М., 1932. Т. 1. С. 202.

⁴³⁹ Там же.

⁴⁴⁰ Чарушин Н.А. Цит. соч. С. 202.

«всенародный пожар» неосновательны. Видный бакунист С.Ф. Ковалик утверждал, что Общество «чайковцев» выступало в роли «сдерживающего начала для молодежи»⁴⁴¹ (читай: для бакунистов). Вместе с тем, «чайковцы» подталкивали излишне умеренных народников (включая и лавристов) к большей активности, призывая их не довольствоваться пропагандой, заботиться и о просвещении и об организации крестьян. Впрочем, споры между «вспышкопускателями»-бакунистами и «кунктаторами»-лавристами сводились лишь к частным вопросам, к тому, как действовать. В главном же, в том, что действовать надо *в народе*, и те и другие проявляли абсолютное единодушие. «В народ! К народу!» — тут инакомыслящих не было...

С наступлением весны 1874 г. народническая молодежь (главным образом, студенты и старшекласники-гимназисты) повсеместно, «как по команде», — заметил А.А. Корнилов, устремились в народ. Именно здесь впервые в русском освободительном движении сказалось *массовое* участие женщин. Они шли в народ сотнями⁴⁴², иные — целыми семьями: две сестры Любатович (Вера и Ольга), три сестры Засулич (Александра, Вера, Екатерина), три сестры Ивановские (Александра, Евдокия, Прасковья), три сестры Оловениковы (Елизавета, Мария, Наталья), три сестры Субботины (Евгения, Мария, Надежда) и мать их Софья Александровна, три сестры Фигнер (Вера, Евгения, Лидия), четыре сестры Панютины (Вера, Мария, Софья, Юлия), шестеро — Шевыревы (Анна, Аполлиария, Елизавета, Елена, Ольга, Серафима).

В народ шли тогда и бакунисты, и лавристы, и еще более осторожные индивидуумы, которые готовились сначала посмотреть, «что за сфинкс народ»⁴⁴³, «потолкаться» в нем,

---

⁴⁴¹ Ковалик С.Ф. Революционное движение 70-х годов и процесс «193-х». М., 1928. С. 70.

⁴⁴² См.: Сидоров Н.И. Статистические сведения о пропагандистах 70-х годов в обработке III отделения // Каторга и ссылка. 1928. № 1. С. 29.

⁴⁴³ Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Воспоминания в 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 136.

а уж потом решить, что целесообразнее — бунт или пропаганда. Все они были уверены в том, что народ, воображаемый ими, воспримет именно их идеи. Однако реальный, живой народ оказался гораздо менее восприимчив к социализму, чем того ожидали не только бакунисты, но и многие их оппоненты, что поневоле заставляло «ходебщиков в народ» (жандармская терминология) считаться с реальностью и на ходу менять способы действий. К тому же сказывалась и недостаточная организованность «хождения в народ» 1874 г.: участники двух сотен кружков разбрелись по огромным пространствам Европейской России, теряя между собой связь, а единого координирующего центра они тогда не имели. В результате, «каждый действовал совершенно в одиночку, — досадовал С.М. Кравчинский. — Ну а в одиночку возможно либо ничего не делать, либо вести *только пропаганду*. Поэтому даже т.н. “вспышкопускатели”, в сущности, вовсе не бунтовали, а вели пропаганду»⁴⁴⁴. Таким образом, лавристы и бакунисты, которые перед началом «хождения в народ» различались, словно лед и пламень, в народе «походили друг на друга, как одно куриное яйцо на другое»⁴⁴⁵.

Тем не менее, Большое общество пропаганды и на этот раз выгодно отличалось от других кружков наличием конкретной *программы* действий, которой следовали «в народе» почти все участники Общества. Вопрос о характере пропаганды среди крестьян был решен в программной Записке П.А. Кропоткина вполне определенно. «Ходить по деревням, сеять по ходу мысль о необходимости восстания, производить мимолетное впечатление <...> мы считаем бесполезным. Всякое кратковременное впечатление здесь не будет прочным: оно скоро изгладится, если та же мысль впоследствии не будет постоянно поддерживаться местными народными агитаторами <...> Поэтому мы считаем более полезным оседлое влияние»⁴⁴⁶.

---

⁴⁴⁴ Письмо С.М. Кравчинского к П.Л. Лаврову // Былое (Paris). 1912. № 14. С. 60.

⁴⁴⁵ Воспоминания М.В. Ланганса // Архіви України. 1969. № 5. С. 70.

⁴⁴⁶ РН. Т. 1. С. 97–98.

Пропаганду среди крестьян каждой местности «чайковцы», как явствует из дополнения к Записке Кропоткина, считали необходимым строить прежде всего на их конкретных нуждах. «Неразвитый крестьянин или рабочий не поймет общественных идей о социализме, равенстве и солидарности. Его не тронут за живое (особенно, в первое время) нужды и страдания его же собратьев, не тождественные с его собственными <...> Революционер может рассчитывать на успех только тогда, если будет выдвигать на *первый* план *местные* интересы»⁴⁴⁷.

При этом «чайковцы» (отдадим должное их тактической предусмотрительности) считали, что «непрактично в высшей степени задевать религиозные верования» крестьян и, «кроме того, непрактично задевание царя. Надо всячески обходить вопрос, обрушиваясь всей тяжестью на *правительство* и *господ*, — слова, которые на всей Руси каждому известны»⁴⁴⁸.

Практическая деятельность «чайковцев» «в народе» соответствовала требованиям их программы. Они старались доходить до каждого крестьянина, завоевывать доверие каждого, а со временем отбирали из числа своих слушателей наиболее отзывчивых и надежных крестьян, объединяли их в особые кружки и побуждали к самостоятельным опытам пропаганды. Первой по значению и пропагандистской, и организаторской акцией Большого общества «в народе» стало т.н. Даниловское дело, т.е. деятельность среди крестьян, которую вела в апреле-мае 1874 г. группа петербургских и московских членов Общества (А.И. Иванчин-Писарев, Д.А. Клеменц, Н.А. Морозов и др., всего — 9 человек) в с. Потапово Даниловского уезда Ярославской губернии. Морозов обоснованно считал это дело «самым крупным и самым успешным из всех бывших когда-либо предприятий революционной пропаганды среди крестьян за все время движения 70-х годов»⁴⁴⁹.

⁴⁴⁷ Программы революционной пропаганды // Былое. 1922. № 17. С. 4.

⁴⁴⁸ Там же. С. 4–5.

⁴⁴⁹ Морозов Н.А. Цит. соч. Т. 1. С. 104. Документы царского сыска о Даниловском деле см.: ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1874. Д. 144. Ч. 1.

Опорными пунктами пропаганды в Даниловском уезде были столярная мастерская и школа в Потапове, открытые в ноябре 1873 г. Иванчиным-Писаревым, и кузница в с. Коптево, где хозяйничал Морозов. Здесь проводились чтения и беседы с крестьянами, устраивались народные гуляния (с участием до 500 человек и более), на которых «чайковцы» закрепляли старые и заводили новые связи, распространяли запрещенную литературу. «Книги раздавались, смотря по голове, кому даром, а кому не продавались и за деньги», — докладывал следователь Ф.Ф. Крахт прокурору⁴⁵⁰. Пропаганда в Даниловском уезде шла в буквальном смысле слова весело. По данным жандармского следствия, в квартирах пропагандистов, на гуляньях и в школе разучивались и пелись антиправительственные, «возмутительного содержания», песни: «Пора собраться с силами», «Свобода, свободушка» и др.⁴⁵¹...

Вся деятельность Большого общества пропаганды среди крестьян в 1874 г. имела целью лишь заложить основы социалистического воспитания и революционной организации крестьянства. Тактика Общества в деревне не была уникальной. Примерно так же (но менее последовательно из-за отсутствия конкретной программы взаимоотношений с крестьянами) действовали кружки лавристов. Правда, лавристы, в отличие от «чайковцев», не занимались наряду с пропагандой организацией крестьян.

Бакунисты же, составлявшие большинство участников «хождения в народ», вели себя по-иному. Они делали именно то, что было осуждено в Записке Кропоткина: ходили по деревням, сеяли на ходу мысль о необходимости восстания, производили мимолетное впечатление и т.д. Крестьяне реагировали на их призывы в лучшем случае с любопытством, а чаще всего с недоверием и опаской. Надежды радикально настроенного большинства народников на возможность скорого и всеобщего крестьянского бунта рушились буквально с первых шагов

---

⁴⁵⁰ РН. Т. 1. С. 346.

⁴⁵¹ Там же.

«хождения в народ». Но революционный энтузиазм участников «хождения» был настолько велик, что они до последнего дня своего rendez-vous с народом не опускали рук и настойчиво продолжали начатую пропаганду. Более того, осознав вред территориальной и деловой разобщенности пропагандистов, они попытались наладить координацию своих действий «в народе», устроив нечто вроде явочной квартиры всероссийского значения.

Такой квартирой-явкой стала сапожная мастерская в Саратове на Царицынской улице (ныне ул. Первомайская, 88 — дом сохранился)⁴⁵². Она была открыта 21 мая 1874 г. по инициативе московского «чайковца» И.Ф. Селиванова. Для технического руководства мастерской был вызван распропагандированный Селивановым финн-сапожник И.И. Пельконен, возглавлявший ранее такие же мастерские Большого общества пропаганды в Москве. Материально обеспечил ее, говоря по-нынешнему, *спонсор* Порфирий Иванович Войноральский.

Это был незаконнорожденный сын княгини В.М. Кугушевой, принявший фамилию своего отца, надворного советника Ларионова, прочтенную наоборот и с прибавлением «ский» (Воноиральский, подправлено для благозвучия: Войноральский)⁴⁵³. Формально не входя ни в один из народнических кружков, он помогал многим из них: снабжал народников деньгами, паспортами, литературой. На это он отдал все свое состояние, завещанное ему отцом и полученное от матери.

Саратовская мастерская Пельконена была не только явочной квартирой, где встречались и обменивались информацией участники различных кружков (в том числе и «чайковцы» — Д.М. Рогачев, И.Ф. Селиванов, И.Ф. Рашевский). Здесь же размещался крупнейший в России передаточный склад нелегальной литературы. Именно сюда пересылалась из Москвы для

---

⁴⁵² Подробно об этом см. мат-лы жандармского следствия: ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 267–268; ГАСО. Ф. 53. 1874. Д. 14. Т. 1–4.

⁴⁵³ См. о нем: *Богина С.Л., Кириченко Т.М.* Революционер-народник П.И. Войноральский. М., 1987.

распространения через Саратов, Самару и Пензу литература, отпечатанная в типографии будущего героя процесса «193-х» Ипполита Мышкина.

К несчастью для народников, эта их «мастерская» действовала меньше двух недель. Ее хозяйева и клиенты вели себя, как гласит обвинительный акт по делу «193-х», «странно и подозрительно», поскольку ... никто из них не был замечен пьяным. *Непьющих сапожников* саратовские жандармы воспринимали как нонсенс и 31 мая 1874 г. учинили в «мастерской» обыск. Их добычей, кроме пары дамских туфель — «единственного изделия мастерской», стали десятки книг «преступного содержания», фальшивые паспорта, конспиративные записки, адреса и пр., всего — 170 вещественных доказательств «крамолы». Именно разгром «мастерской» Пельконена убедил жандармские верхи в существовании «революционного сообщества с разветвлениями в разных местах губернии», после чего и было начато отсюда, из Саратова, «повсеместное расследование преступной деятельности обнаруженного сообщества»⁴⁵⁴, т.е. фактически всероссийская облава против «хождения в народ».

Размах «хождения в народ» 1874 г. напугал и озлобил царских карателей. «Целый легион социалистов, — читаем в жандармском обзоре “хождения”, — принялся за дело с такой энергией и самоотвержением, подобных которым не знает ни одна история тайного общества в Европе»⁴⁵⁵. Мы видели, что единственным оружием этого легиона было слово — устное и печатное. Оно не просто возбуждало, а главным образом *просвещало* крестьян. При всей революционности программы народников их «хождение» к крестьянам было мирным, пропагандистски-просветительным движением. Крестьяне же реагировали на него не опасно для самодержавия. Охотно слушая беседы

---

⁴⁵⁴ Государственные преступления в России в XIX в. [СПб., 1906]. Т. 3. С. 4 (обвинительный акт по делу «193-х»).

⁴⁵⁵ Хроника социалистического движения в России 1878–1887 гг. Официальный отчет. М., 1906. С. 8.

народников о «хитрой механике» помещицкой эксплуатации народа, они, в массе своей, оставались глухими к проповедям социализма и к призывам подниматься на борьбу.

Цивилизованное правительство в такой ситуации сумело бы оценить и просветительный энтузиазм народников и крестьянский иммунитет к самой идее революции, а наказало бы, причем умеренно, лишь необузданных бунтарей, которых сами народники прозвали «вспышкопускателями». Вместо этого царизм обрушился на всех «ходебщиков в народ» с жесточайшими репрессиями.

4 июля 1874 г. дознание «О пропаганде в империи», уже начатое повсеместно, Александр II повелел централизовать в руках начальника Московского губернского жандармского управления И.Л. Слезкина и прокурора Саратовской судебной палаты С.С. Жихарева. Юридически ответственным распорядителем дознания стал именно Жихарев — этот, по мнению трубадура реакции кн. В.П. Мещерского, «настоящий Баярд без страха и упрека» и «гениальный обличитель», а в оценке великого юриста А.Ф. Кони, палач, «для которого десять Сахалинов, вместе взятых, не были бы достаточным наказанием за совершенное им в середине 70-х годов злодейство по отношению к молодому поколению»⁴⁵⁶.

Действительно, под руководством Жихарева Россию захлестнула такая волна арестов («следственный потоп», как выразился Н.С. Таганцев⁴⁵⁷), какой история русского освободительного движения еще не знала: за оставшиеся месяцы 1874 г. были арестованы до 8 тыс. народников⁴⁵⁸. Царизм провел над «ходебщиками в народ» 30 судебных процессов. Венцом царской расправы с ними стал процесс «193-х» — самый крупный из политических процессов за всю историю России...

⁴⁵⁶ Мещерский В.П. Мои воспоминания. СПб., 1898. Ч. 2. С. 401, 402;

Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1966. Т. 2. С. 317.

⁴⁵⁷ Таганцев Н.С. Пережитое. Пг., 1919. Вып. 2. С. 40.

⁴⁵⁸ [Венюков М.И.] Исторические очерки России со времени Крымской войны до заключения Берлинского договора (1855–1878). Прага, 1880. Т. 4. С. 88.

Разгромив «хождение в народ», царизм замыслил устроить грандиозно-показательный процесс против «крамолы», чтобы выставить русских народолюбцев в одиозном и устрашающем виде как закоренелых злодеев, ополчить против них российскую и мировую общественность, вырвать с корнем всякое доброе чувство к ним со стороны россиян, таким образом, излечить страну от заразной болезни под названием «революционная пропаганда». Для вящей тяжести обвинения следственные власти усердно подтасовывали факты, шельмовали обвиняемых и науськивали на них свидетелей. В результате следствие затянулось на 3,5 года. А тем временем подследственные томились в жутких условиях тюремных казематов, теряли здоровье и умирали (к началу процесса 43 скончались, 12 — покончили с собой и 38 — сошли с ума⁴⁵⁹).

Только осенью 1877 г. заключенным вручили обвинительный акт: суду предавались 197 наиболее опасных «крамольников». Из них еще четверо умерли, не дождавшись суда. Процесс был учинен над 193 лицами. В числе их оказались 35 «чайковцев»: 16 — из петербургской группы, 9 — из московской и 9 — из одесско-херсонской, а также член-агент Большого общества пропаганды в Казани Е.М. Овчинников⁴⁶⁰. На скамью подсудимых по этому делу была вызвана из Симферополя и Софья Львовна Перовская. Каждый день более трех месяцев, пока длился процесс «193-х», она «приходила на суд с воли»⁴⁶¹.

Да, на воле, хотя и под негласным надзором, — в Приморском, у матери, — Софья Львовна пережила все три с половиной

---

⁴⁵⁹ РН. Т. 2. С. 46 (все умершие и покончившие с собой перечислены).

О том же: *Татищев С.С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. СПб., 1911. Т. 2. С. 549. В числе умерших был и хозяин явочной квартиры в Саратове финн Иоганн Пельконен.

⁴⁶⁰ Подробности с перечислением всех фамилий см.: *Троицкий Н.А.* Первые из блестящей плеяды... С. 263.

⁴⁶¹ *Синегуб С.С.* Цит. соч. С. 196.

года следствия по делу «193-х».Переживаний было много. Главным из них и для нее, и для Варвары Степановны стал тогда домашний арест Василия Львовича 17 сентября 1874 г. Когда жандармы повезли его в Москву, мать и сестра отправились туда вслед за ним. Варвара Степановна оставалась в Москве, пока Василий не был освобожден, 17 января 1875 г., по недостатку улик на поруки матери⁴⁶². Софья за это время побывала в Петербурге, где безуспешно пыталась связаться с кем-либо из «чайковцев». Зато, по возвращении в Приморское, она застала дома не только уже освобожденного брата, но и еще четырех «чайковцев»: то были бежавший из-под ареста прямо с Никольского вокзала в Петербурге Александр Эндауров, тяжело больная жена Ф.В. Волховского Мария Осиповна и прибывшие помочь ей Михаил Фроленко и Анна Макаревич.

Варвара Степановна принимала у себя и заботливо опекала «нелегалов», конечно же, рискуя собой. Согласимся с Еленой Сегал: «Устраивать в своем доме убежище для неблагонадежных, скрывать людей, которых по всей стране разыскивала полиция, было само по себе немалым преступлением»⁴⁶³. На этот раз нелегальная «сходка» «чайковцев» в Приморском осложнилась болезнью Марии Волховской. У нее был ревматизм сухожилий рук и ног и стало плохо с сердцем после неудачной попытки друзей (с ее участием) 21 ноября 1874 г. освободить арестованного Феликса Волховского в момент, когда жандарм поведет его из тюрьмы на допрос. Вот как вспоминал об этом, со слов Марии Осиповны, Василий Перовский: «Феликсу дан был табачный порошок для того, чтобы он засыпал глаза жандарму, который будет сопровождать его на извозчике. Воспользовавшись этим, Феликс должен был вскочить в сани лихача, в которых сидела

---

⁴⁶² ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 122. Ч. 18 (дело В.Л. Перовского). В цит. соч. В.Л. Перовского (С. 69–70, 75) даты его ареста и освобождения указаны приблизительно и неточно.

⁴⁶³ Сегал Е.А. Софья Перовская. М., 1962. С. 110.

его жена, к сожалению, не пожелавшая предоставить этому место Лопатину⁴⁶⁴. Сама же она, со своими больными руками, не смогла, конечно, обхватить Феликса и удержать на санях, когда лихач быстро помчался. Феликс упал, и находившиеся вблизи солдаты и жандарм принялись его бить. Бывший поблизости Лопатин бросился удерживать солдат и, конечно, тоже был побит, арестован и просидел в тюрьме вплоть до процесса «193-х»⁴⁶⁵.

Марию Осиповну нанятый ею лихач благополучно умчал в тот день от погони, а друзья доставили ее в Приморское, где за ней ухаживала с трогательной теплотой Софья Львовна в привычной для себя роли сиделки. Но долго оставаться у Перовской Волховская не могла, поскольку Софья и Василий были под надзором, а Варвара Степановна уже под подозрением. Поэтому Фроленко перевез больную в Одессу, а оттуда Анна Макаревич доставила ее на лечение в Италию, где, однако, всего через два года (в 1877 г.) она умерла⁴⁶⁶.

В 1875–1876 гг. Софья Львовна училась на фельдшерских курсах в Симферополе и практиковала, а потом служила в местной земской больнице, но старалась, как мы видели, поддерживать старые, а возможно и заводить новые связи в прогрессивных кругах. Кроме семей композитора А.Н. Серова и земского активиста В.К. Винберга, она, вероятно, была знакома и с семьей художника Василия Дмитриевича Поленова. Вот что писал Поленов своей сестре В.Д. Хрущовой 5 февраля 1876 г. о Перовской: «Шестнадцатилетняя Перовская не рассуждала, осторожно или нет, когда бежала от отца, бросая удовольствия, роскошь, на неизвестное, трудное будущее. Теперь это один из самых крепких субъектов социальной пропаганды и один из самых надежных деятелей для

---

⁴⁶⁴ Всеволод Александрович Лопатин (1848 — после 1917) — родной брат Германа Александровича, член московской группы Большого общества пропаганды.

⁴⁶⁵ *Перовский В.Л.* Цит. соч. С. 76.

⁴⁶⁶ См.: Там же. С. 78; *Фроленко М.Ф.* Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. С. 116.

будущей трудовой России»⁴⁶⁷. Надо полагать, Поленов тогда, если и не знал лично Перовскую, был достаточно наслышан о ней...

В августе 1877 г., когда Софья Львовна, окончившая фельдшерские курсы, была назначена заведовать двумя бараками для раненых (началась русско-турецкая война 1877–1878 гг.), ей вручили в полиции доставленную из Петербурга повестку с требованием немедленно явиться в суд. Успокаивая расстроенную Варвару Степановну, она ссылалась на то, что против нее нет почти никаких улик, и, следовательно, она вполне может рассчитывать на оправдательный приговор, тем более, что на заседания суда будет приходиться не под конвоем из тюремной камеры, а свободно, с воли. Действительно, в обвинительном акте по делу «193-х» Перовская упоминалась всего несколько раз (тогда как въедливый разбор преступной деятельности «чайковцев» занял в нем целых 27 страниц⁴⁶⁸), причем констатировалось лишь ее присутствие где-то или знакомство с кем-то, а чуть ли не главный ее криминал был усмотрен в том, что арестованный и сосланный Марк Натансон в письме к А.Я. Ободовской из ссылки просил «передать привет и Перовской»⁴⁶⁹.

На общем фоне обвинительного акта конкретные обвинения Перовской почти ничего не значили. Ведь все подсудимые (две сотни участников 35-ти *различных* кружков) получили ярлык *единого* «преступного сообщества», которое, якобы, сложилось в результате всероссийского «злодейского заговора» с целью «ниспровергнуть государственное устройство» России, причем заговорщики изображались прямо-таки чудовищами: обвинительный акт клеймил их «готовность к совершению любых преступлений», инкриминировал им намерение «перерезать всех чиновников

---

⁴⁶⁷ Василий Дмитриевич Поленов. Елена Дмитриевна Поленова. Хроника семьи художников. М., 1964. С. 201.

⁴⁶⁸ Государственные преступления в России в XIX в. Т. 3. С. 10–37.

⁴⁶⁹ Там же. С. 13, 14, 18, 32.

и зажиточных людей» и поносил их «учение, сулящее в виде ближайше осуществимого блага житье на чужой счет»⁴⁷⁰.

Суд по делу «193-х» (т.е. о «хождении в народ» 1874 г.) открылся 18 октября 1877 г. в особом присутствии Правительствующего Сената. Председательствовал на нем «судья-лакей» и «судья-палач», как о нем говорили его жертвы, К.К. Петерс; обвинял скандально знаменитый в то время прокурор В.А. Желеховский — «судебный наездник», «воплощенная желчь»⁴⁷¹.

Подсудимые, в большинстве своем, к началу процесса уже договорились, как вести себя, в зависимости от характера суда. В том случае, если суд будет гласным, открытым, они намеревались использовать его как трибуну для пропаганды своих идей. Если же суд будет закрытым, они решили бойкотировать его⁴⁷².

Власти, со своей стороны, придумали сделать процесс ни закрытым, ни открытым. Он был объявлен публичным, но для него выбрали такое помещение, где едва уместились судьи и подсудимые. На крохотное число оставшихся мест допускалась по именным билетам лишь проверенная «публика». Хуже того, чтобы облегчить расправу над подсудимыми, суд поделил их на 17 групп для отдельного разбирательства дела — «ввиду недостаточности помещения»⁴⁷³.

Подсудимые ответили на это юридическое шулерство самым энергичным протестом. 120 из них бойкотировали суд, т.е. отказались являться на его заседания (их назвали «протестантами»), и только 73 человека, прозванные в отличие от них «католиками», согласились участвовать в суде. Бойкот суда «протестанты» мотивировали так: «Останемся чисты в глазах России. Она видит, что не мы дрогнули перед гласностью,

---

⁴⁷⁰ Государственные преступления в России в XIX в. Т. 3. С. 9–10, 104, 241.

⁴⁷¹ Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1966. Т. 2. С. 59, 64.

⁴⁷² См.: Чарушин Н.А. Цит. соч. С. 254.

⁴⁷³ Стенографический отчет по делу о революционной пропаганде в империи. Заседания Особого присутствия Правительствующего Сената. СПб., 1878. Т. 1. С. 11.

а враг наш. Она видит, что, убедившись в невозможности употребить суд как средство дать ей отчет о наших действиях и разоблачить перед нею действия нашего и ее врага, мы прямо и открыто плюнули на этот суд»⁴⁷⁴.

Началось разбирательство дела по группам. Перовская оказалась в 1-й группе. Подсудимых вводили на заседание суда по одному, и каждого Петерс спрашивал, признает ли он себя виновным. Первым был введен рабочий Александр Низовкин, который признал себя виновным и подтвердил свои предательские показания. Вслед за ним вошла Перовская. Ее положение было затруднительным. «Она не успела, разумеется, снестись с товарищами и не знала, находят ли они нужным, целесообразным и, главное, возможным даже в одиночку продолжать протест в той же форме, как было решено перед началом суда, — вспоминал позднее С.М. Кравчинский со слов Перовской. — Ей приходилось, стало быть, начинать дело на свой страх, рискуя, если ее протест окажется единичным, навлечь на себя очень тяжкую кару, между тем как теперь, в качестве освобожденной на поруки до суда, она не могла ожидать для себя ничего серьезного»⁴⁷⁵. Тем не менее, Софья Львовна, как только она увидела в зале суда одного Низовкина и услышала тот же вопрос Петерса, все поняла и приняла решение: демонстрируя свою солидарность с «протестантами», она «отказалась давать какие-либо ответы и участвовать в суде»⁴⁷⁶.

Перовская сделала такое заявление первой. Ее примеру последовали все остальные 119 «протестантов», составлявшие большинство в каждой из групп, с 1-й по 11-ю включительно. Суд над «протестантами» скандально провалился. Сенаторы занялись разбирательством дел «католиков». «Протестанты» же были размещены в Доме предварительного заключения, где они могли бы «одуматься» и раскаяться в своем непокорстве.

---

⁴⁷⁴ РНБ РО. Ф. 473. Д. 14. Л. 2 об. («Объяснение протеста на суде, написанное одним из подсудимых»).

⁴⁷⁵ *Степняк-Кравчинский С.М.* Избранное. С. 456.

⁴⁷⁶ Государственные преступления в России в XIX в. Т. 3. С. 247.

Здесь, как явствует из докладной записки III отделения⁴⁷⁷, они поддерживали между собой постоянную, причем именно непокорную связь, пользуясь сравнительной мягкостью (на время суда) тюремного режима, — например, открывали окна, собирались на подоконниках и перекликались друг с другом.

Перовская все дни процесса всячески (морально, материально, чисто житейски) старалась помочь заключенным. «Чарующее впечатление произвела на меня *София* Перовская, — вспоминал о тех днях Соломон Чудновский. — <...> Ее бодрость, подвижность, жизнерадостность заразительно действовали на всех. Она старалась хоть чем-нибудь быть полезной всем запертым “в коробочку”. Узнав, что я страдаю бессонницей, она на другой же день передала для меня в “предварилку” отличную подушку. С такою же внимательностью она относилась ко всем»⁴⁷⁸. Так, Николаю Морозову Софья Львовна передала специально вышитую для него ею и сестрами Корниловыми очень удобную и эффектную («желтую с черными красивыми узорами») рубашку, которую он запомнил на всю жизнь⁴⁷⁹...

Между тем ход суда над «католиками» тоже не оправдывал надежд властей. Правда, «католики» вели себя внешне корректно (не отказывались отвечать на вопросы судей), но, по существу, так же стойко и гордо, как и «протестанты». Выставить их отпетыми злодеями и монстрами (согласно с обвинительным актом) не было никакой возможности. Главное же, среди них оказался Ипполит Мышкин, для того и не примкнувший к бойкоту (по договоренности с товарищами), чтобы выступить перед царским судом с программной революционной речью. Здесь важно подчеркнуть, что его речь была предварительно согласована с другими подсудимыми и выражала их общую точку зрения⁴⁸⁰.

---

⁴⁷⁷ См.: РН. Т. 1. С. 392–399.

⁴⁷⁸ Чудновский С.Л. Указ. соч. С. 136.

⁴⁷⁹ Морозов Н.А. Повести моей жизни. Т. 2. С. 242.

⁴⁸⁰ См. об этом: Базанов В.Г. Ипполит Мышкин и его речь на процессе «193-х» // Русская литература. 1963. № 2. С. 150–151. Полный текст речи см.: РН. Т. 1. С. 371–391.

Речь Мышкина 15 ноября 1877 г. — одна из самых замечательных в истории политических процессов и «наиболее революционная из всех речей, какие когда-либо слышали стены русских судов»⁴⁸¹, — стала кульминационным событием процесса «193-х».

Ипполит Никитич Мышкин к тому времени был уже знаменит героической, обросшей легендами, попыткой освободить из Вилуйского острога Н.Г. Чернышевского (летом 1875 г.)⁴⁸², но свой звездный час он пережил на процессе «193-х». По отзывам современников, он «обладал всем, что делает великим оратора»: силой убеждения, даром слова, воодушевлением, проникновенным голосом, который звучал, «как священный гром»⁴⁸³. Когда он говорил, то магнетизировал слушателей, и даже враги не могли не поддаться его обаянию⁴⁸⁴.

Речь Мышкина со скамьи подсудимых на процессе «193-х» была программной. Он провозгласил перед царским судом идеалы социализма, но не в этом заключалась сила впечатления от его речи, а в обличительном пафосе и прогнозе. Разоблачив антинародную политику царизма после «мнимого освобождения» крестьян, Мышкин доказывал, что именно «невыносимо тяжкое положение народа» грозит революционным взрывом: «Не нужно быть пророком, чтобы предвидеть неизбежность восстания».

Председатель то и дело (60 раз!) прерывал Мышкина, одергивая его, грозил лишить слова. Тогда Мышкин бросил в лицо

---

⁴⁸¹ С. Степняк-Кравчинский об Ипполите Мышкине // Русская литература. 1963. № 2. С. 161.

⁴⁸² См.: *Троицкий Н.А.* Восемь попыток освобождения Н.Г. Чернышевского // Вопросы истории. 1978. № 7.

⁴⁸³ С. Степняк-Кравчинский об Ипполите Мышкине. С. 162; *Тихомиров Л.А.* Заговорщики и полиция. М., 1930. С. 89–90.

⁴⁸⁴ На процессе «193-х» корифеи адвокатуры (В.Д. Спасович, Д.В. Стасов, П.А. Александров и др.) «прибегали в волнении к другим подсудимым, чтобы поделиться с ними потрясающими впечатлениями от красноречия Мышкина» (*Короленко В.Г.* История моего современника. М., 1965. С. 712).

судьям убийственное обвинение: «Теперь я вижу, что у нас нет публичности, нет гласности, нет <...> даже возможности выяснить истинный характер дела, и где же? В зале суда! <...> Здесь не может раздаваться правдивая речь, за каждое откровенное слово здесь зажимают рот подсудимому. Теперь я имею полное право сказать, что это не суд, а пустая комедия, или ... нечто худшее, более отвратительное, позорное...».

При словах «пустая комедия» Петерс закричал: «Уведите его!» Жандармский офицер волком рванулся к Мышкину, схватил его и пытался сдавить ему горло, но Мышкин, вырываясь из рук офицера, продолжал начатую фразу: «...более позорное, чем дом терпимости; там женщина из-за нужды торгует своим телом, а здесь сенаторы из подлости, из холопства, из-за чинов и окладов торгуют чужой жизнью, истиной и справедливостью, торгуют всем, что наиболее дорого для человечества!».

Подсудимые, защищая Мышкина от набежавших жандармов, дали ему возможность досказать речь до конца. В агентурном донесении сообщалось, что уже после того как Мышкин умолк, вокруг него «более пяти минут происходила борьба с ужасным шумом, криком и бряцанием оружия. Наконец, Мышкин был вытащен со скамьи через головы других подсудимых, причем жандармы тащили его за волосы, руки и туловище несколько человек разом»⁴⁸⁵.

В тот момент в зале суда царило величайшее смятение. Подсудимый Дмитрий Рогачев — богатырь, который мог связать в узел железную кочергу, — «подбежал к решетке, отделявшей сенаторов от подсудимых, и привел судей в ужас, с огромной силой сотрясая эту решетку»⁴⁸⁶. Председатель суда сбежал, забыв объявить о закрытии заседания. Все сенаторы последовали за ним. Подсудимые выкрикивали проклятия, избранная «публика» металась по залу, несколько женщин упали в обморок. С трудом многочисленная свора вооруженных жандармов

---

⁴⁸⁵ Цит. по: Антонов В.С. И. Мышкин — один из блестящей плеяды революционеров 70-х годов. М., 1959. С. 56.

⁴⁸⁶ Короленко В.Г. Цит. соч. С. 708.

выпроводила и подсудимых и публику из зала. Прокурор Желеховский, который в замешательстве сновал между покинутыми судейскими креслами с лицом, как говорят французы, «*rose evanopnie*» («цвета блохи, упавшей в обморок»), мог только сказать: «Это настоящая революция!»⁴⁸⁷.

Речь Ипполита Мышкина, сразу обошедшая мировую прессу⁴⁸⁸, сильно ударила по авторитету суда и всего царского режима. Последующие дни на процессе «193-х» тоже не принесли лавров царизму. 23 января 1878 г. процесс закончился так же бесславно для карателей, как и начался. «Едва ли наше правительство когда-нибудь оскандалилось так, как настоящим процессом», — читаем в перлюстрированном письме из Москвы в Архангельск от 10 января 1878 г.⁴⁸⁹...

Перовская все это время не только следила за ходом процесса и ежедневно общалась с подсудимыми — «протестантами» и «католиками», заключенными и освобожденными, подобно ей, на поруки (таких было лишь несколько человек). Она не теряла связи с Варварой Степановной и Василием. «Соня присылала нам часто на безопасный адрес письма, подробно описывая в них заседания суда и приводя большие отрывки из выдающихся речей подсудимых, в особенности — Мышкина», — вспоминал Василий Львович⁴⁹⁰. Тогда же или позднее (может быть, при свидании с Варварой Степановной в 1879 г.) Софья Львовна, по воспоминаниям брата, смогла передать матери «много фотографических карточек участников процесса “193-х”, с которыми она обменивалась на свою. Все это было отобрано у матери при одном из последующих обысков»⁴⁹¹.

Наконец, «процесс-монстр», как называли его современники, отшумел. Дабы хоть как-то сгладить невыгодное впечатление

---

⁴⁸⁷ РН. Т. 1. С. 392.

⁴⁸⁸ См. об этом: *Lavigne E.* Introduction a l'histoire du nihilisme russe. Paris, 1880. P. 352–371; *Arnaudo J.* Le nihilisme et les nihilistes. Paris, [s.d.]. P. 212.

⁴⁸⁹ ГАРФ. Ф. 109. Секр. арх. Оп. 1. Д. 711. Л. 2.

⁴⁹⁰ *Перовский В.Л.* Цит. соч. С. 84.

⁴⁹¹ Там же. С. 89.

от суда, Особое присутствие смягчило приговор по сравнению с тем, на что рассчитывал царский олимп, и дерзнуло оправдать 90 обвиняемых, отсидевших, кстати, по 3–4 года в предварительном заключении (теперь им было объявлено, что они *невиновны*). Александр II, однако, вновь — уже во второй раз после суда над С.Г. Нечаевым в 1873 г. — использовал прерогативу монарха не для смягчения (как было до и после него), а для отягчения судебной кары. Своей властью он отправил в ссылку 80 человек из 90 оправданных судом⁴⁹². «Это, — вспоминал, — В.Г. Короленко, — произвело самое отрицательное впечатление даже на нейтральное общество и, может быть, решило участь Александра II»⁴⁹³.

39 обвиняемых суд приговорил к ссылке, 32 — к тюрьме, а 28 (в том числе 11 «чайковцев») — к каторге на срок от 3,5 до 10 лет. «Таким образом, — отметил С.М. Кравчинский, — то самое, что делается совершенно свободно в любом европейском государстве, у нас наказывается наравне с убийством»⁴⁹⁴.

Софья Перовская была оправдана, как, впрочем, и некоторые другие выдающиеся народники (А.И. Желябов, Н.А. Морозов, М.Ф. Грачевский, М.В. Ланганс, Т.И. Лебедева, А.В. Якимова), которые, спустя какие-нибудь три — четыре года, будут осуждены на виселицу и вечную каторгу. Свое оправдание Софья Львовна восприняла без лишних эмоций, тем более, что на него и рассчитывала. Но вот каторжные приговоры товарищам, в числе которых был и тяжело больной любимец «чайковцев» М.В. Куприянов, заставили ее страдать; она не могла говорить об этом спокойно. «Я видела, — вспоминала ее подруга Софья Иванова, — что у Перовской подергиваются губы и подбородок, и она делает над собой усилие, чтобы скрыть

---

⁴⁹² См.: *Левин Ш.М.* Финал процесса «193-х» // Красный архив. 1928. Т. 5.

⁴⁹³ *Короленко В.Г.* Цит. соч. С. 712.

⁴⁹⁴ *Степняк-Кравчинский С.М.* Избранное. С. 401. Предумышленное убийство без отягчающих вину обстоятельств каралось тогда в России каторгой от 8 до 12 лет (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 7 изд. СПб., 1892. Ст. 1455).

слезы»⁴⁹⁵. В те дни и загорелась Софья Львовна идеей освободить приговоренных, прежде чем их доставят к месту каторги. О том, что и как было сделано ради этого при ее инициативном и активном, вдохновляющем участии, речь пойдет в следующем параграфе.

Здесь же подчеркну, что никто из осужденных по делу «193-х» не просил о помиловании. Напротив, 24 «протестанта» (из них 14 — «чайковцы») 25 мая 1878 г. перед отправкой на каторгу и ссылку, рискуя еще более отягчить свою участь, обратились к «товарищам по убеждениям», оставшимся на воле, с завещанием: «идти с прежней энергией и удвоенною бодростью к той святой цели, из-за которой мы подверглись преследованиям и ради которой готовы бороться и страдать до последнего вздоха»⁴⁹⁶.

4. Перепутье

Процесс «193-х» — этот трехмесячный «поединок между правительством и революционной партией»⁴⁹⁷, — произвел громадное впечатление на современников. «Внимание всей Европы приковано к этому чудовищному процессу», — констатировала французская социалистическая газета «Равенство»⁴⁹⁸. Такого, чтобы людей за слово их веры судили, как за убийство, и чтобы при этом подсудимые обратили в бегство весь судебный синклит и вступили в рукопашную с жандармами, на Западе еще не видели. В самой России под впечатлением процесса революционные силы резко активизировались, а «кредит социалистов <...> поднялся до небывалой прежде высоты»⁴⁹⁹.

---

⁴⁹⁵ *Иванова С.А.* Воспоминания о С.Л. Перовской // *Былое*. 1906. № 8. С. 85.

⁴⁹⁶ Фотокопия с рукописного оригинала завещания хранится в ГИМ ОПИ (Ф. 282. Д. 327. Л. 290). Текст его см.: РН. Т. 1. С. 399–400.

⁴⁹⁷ *Плеханов В.Г.* Соч. Т. 3. С. 166.

⁴⁹⁸ *L'Egalité*. Paris, 1879. 24 fevrier.

⁴⁹⁹ *Вперед!* 1877. Т. 5. Отд. 2. С. 163.

Откликаясь на завещание осужденных по делу «193-х», редактор нелегального журнала «Община» член Большого общества пропаганды Д.А. Клеменц в сентябре 1878 г. пророчески утверждал: «Ни казни, ни осадные положения не остановят нас на пути исполнения завещания наших товарищей — и оно будет исполнено!»⁵⁰⁰. Так и вышло.

На следующий же день после оглашения приговора по делу «193-х», 24 января 1878 г., в Петербурге прогремел одинокий выстрел из револьвера, который эхом отозвался по всей России и далеко за ее пределами — в Европе, Америке, Японии. Активистка народничества, 28-летняя учительница Вера Ивановна Засулич стреляла в могущественного петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова⁵⁰¹, тяжело ранив его. Градоначальник, как сказано в агентурном донесении, «с криком почти опрокинулся на пол»⁵⁰².

Засулич мстила Трепову за его дикие злоупотребления властью, чтобы привлечь к ним, — рискуя при этом собственной жизнью, — внимание общества. Ведь по его приказу был высечен розгами только за то, что не успел или не захотел снять перед ним шапку на тюремном дворе ДПЗ политический арестант, народник Алексей Степанович Емельянов. Он был осужден (под фамилией «Боголюбов») как участник антиправительственной демонстрации, но приговор о нем тогда еще не вступил в законную силу.

То был первый в России случай телесного наказания политического узника и немудрено, что именно он спровоцировал первый в 70-е годы акт «красного» террора против властей.

---

⁵⁰⁰ Община. [Женева], 1878. № 8–9. С. 4.

⁵⁰¹ Могущество этого сановного башибузука объяснялось не столько должностью, сколько его личной дружбой (с детства), а возможно, и родством с Александром II; по слухам, он был внебрачным сыном Николая I.

⁵⁰² ГАРФ. Ф. 109. Секр. архив. Оп. 1. Д. 717. Л. 3. Трепов скоро поправился и дожил до 1889 г., хотя пулю Засулич из него не извлекли. Живший с ним рядом, на одной лестничной площадке, М.Е. Салтыков-Щедрин ворчал, боясь, что Трепов той пулей в него «выстрелит» (*Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 65*).

«История с Треповым — новая иллюстрация старой поговорки: “Как аукнется, так и откликнется”», — сразу подметил И.С. Тургенев⁵⁰³.

Софья Перовская, как и все народники, — да просто, как все порядочные люди, — восприняла расправу над Емельяновым (ее называли тогда «*боголюбовской историей*») с возмущением, усугубившим ее революционный протест против самодержавного деспотизма вообще. Но, кроме того, не только она одна, ее брат Василий и Варвара Степановна тоже, приняли эту «историю» близко к сердцу, ибо Алексей Емельянов был другом Василия Львовича и шафером на его свадьбе с Александрой Ивановной Владыкиной — сестрой народника, близкого к «чайковцам», Николая Владыкина⁵⁰⁴. Узники ДПЗ устроили было манифестацию против надругательства над Емельяновым, но с ними охранники расправились изуверски: их избивали и заточали в карцеры, такие смрадные и сырые, что прокурору, который осматривал два из них в течение 5–7 минут, «самому дважды делалось дурно»⁵⁰⁵. Можно себе представить, сколь велик тогда был гнев революционных радикалов. «Из провинции, — вспоминал В.Г. Короленко, — то и дело приезжали в Петербург лица, предлагавшие убить Трепова. Но процесс “193-х” еще не был кончен. Центральные революционные круги удерживали мстителей, боясь, чтобы покушение не отразилось на судьбе массы подсудимых»⁵⁰⁶. А как только процесс был закрыт, всех «мстителей» опередила Вера Засулич.

31 марта 1878 г. Засулич предстала перед судом присяжных. Ее процесс вызвал мировой резонанс⁵⁰⁷. Председательствовал

---

⁵⁰³ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. М.; Л., 1961–1968. Т. 12. Кн. 1. С. 275.

⁵⁰⁴ См.: Перовский В.Л. Цит. соч. С. 68.

⁵⁰⁵ Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 393–396.

⁵⁰⁶ Короленко В.Г. Цит. соч. С. 435.

⁵⁰⁷ «В течение 48 часов Европа забыла о войне и мире, о Бисмарке, Биконсфилде и Горчакове, чтобы заняться только Верой Засулич и ее удивительным процессом», — констатировал французский ежемесячник “Revue

4. Перепутье

на суде самый выдающийся деятель русской дореволюционной прокуратуры А.Ф. Кони, а защищал подсудимую один из лучших адвокатов России П.А. Александров. На суде открылись столь вопиющие злоупотребления властью со стороны Трепова, что Александров сумел внушить присяжным сакральную мысль: осудить Засулич — значит оправдать Трепова, а при потворстве треповым любой из них, присяжных, со временем может оказаться на месте «Боголюбова». Присяжные подумали и на все пункты обвинения Засулич ответили: «Нет, не виновна». Публика встретила аплодисментами слова Веры Ивановны: «Страшно поднять руку на человека, но я должна была это сделать»⁵⁰⁸.

Постсоветские «демократы» — театральный режиссер Марк Захаров и адвокат Анатолий Кучерена — клеймят оправдание Веры Засулич судом присяжных (под председательством А.Ф. Кони!) как «вопиющий подрыв законности» и показатель «недоразвитости российского общества в смысле цивилизации»⁵⁰⁹. Знали бы Кучерена и Захаров, что оправдательному приговору по делу Засулич рукоплескали в суде лучшие юристы и журналисты страны (Н.С. Таганцев, Г.К. Градовский), государственный канцлер Российской империи светлейший князь Александр Михайлович Горчаков и Федор Михайлович Достоевский⁵¹⁰, уровень цивилизованности которых для Захарова и Кучерены просто недостижим!

---

des deux Mondes" (Paris, 1878. Т. 27. Р. 216). В то время только что закончилась русско-турецкая война 1877–1878 гг., готовился мирный Берлинский международный конгресс, и у всех на устах были имена светил европейской дипломатии О. Бисмарка (Германия), Б. Биконсфилда (Англия) и А.М. Горчакова.

⁵⁰⁸ Процесс Веры Засулич. СПб., 1906. С. 48.

⁵⁰⁹ Захаров М.А. «Хватает ли нам демократии?» // Известия. 1995. 28 янв. С. 2; Кучерена А.Г. «Когда люди плачут — желябовы смеются» // Независимая газета. 2000. 31 окт. С. 8.

⁵¹⁰ См.: Таганцев Н.С. Цит. соч. С. 44; Градовский Г.К. Итоги (1862–1907). Киев, 1908. С. 8–9; Головин К.Ф. Мои воспоминания. СПб., 1908. С. 320.

Для властей оправдание Засулич стало шокирующей неожиданностью. Вопреки приговору суда, Александр II повелел вновь арестовать подсудимую, сразу после того как она вышла *оправданною* из судебного здания, но друзья и соратники буквально вырвали ее из рук жандармов (причем в завязавшейся перестрелке погиб брат «чайковца» Владимира Петровича Сидорачко Григорий)⁵¹¹. Реакция злобствовала против оправдания «террористки». Кн. В.П. Мещерский воспринял его «будто в ужасном кошмарическом сне» как «наглое торжество крамолы»⁵¹².

Зато широчайшие круги российского общества приветствовали оправдание Засулич. Поначалу многие восприняли его как первоапрельскую шутку, поскольку суд заседал 31 марта и газеты сообщили о нем 1 апреля, а затем почти вся Россия впала в «либеральное опьянение»⁵¹³. «Казалось, — свидетельствовал В.Г. Короленко, — начинается какое-то слияние революционных течений с широкими стремлениями общества»⁵¹⁴. Повсеместно нарастал подъем революционного духа, бил ключом боевой задор⁵¹⁵. «Мы ликовали: начинается!» — вспоминал выдающийся рабочий-революционер Петр Моисеенко⁵¹⁶. А Лев Толстой не без тревоги прогнозировал: «Засуличевское дело — не шутка <...> Это похоже на предвозвестие революции»⁵¹⁷...

«Засуличевское дело» было прямым продолжением дела «193-х» и в посрамлении царского самодержавия, и в нарастании демократического подъема по всей России. Мало того, грандиозный общественный резонанс от этих двух дел был

---

⁵¹¹ См.: *Куделли П.Ф.* Финал суда о вере Засулич // Красная летопись. 1926. № 2. С. 142.

⁵¹² *Мещерский В.П.* Мои воспоминания. Ч. 2 (1865–1881). СПб., 1898. С. 404–405.

⁵¹³ *Лавров П.Л.* Философия и социология. М., 1965. Т. 2. С. 7.

⁵¹⁴ *Короленко В.Г.* Цит. соч. С. 437.

⁵¹⁵ Даже финские «вейки» (извозчики), если их притесняла полиция, грозились тогда насрать на нее «самого Сасулиса с пуской» (*Русанов Н.С.* На родине. М., 1931. С. 153).

⁵¹⁶ *Моисеенко П.А.* Воспоминания старого революционера. М., 1966. С. 28.

⁵¹⁷ *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. Юб. изд. М., 1963. Т. 62. С. 411.

4. Перепутье

отчасти подготовлен самым громким из предыдущих судебных процессов по делам народников — процессом «50-ти». Он проходил в Петербурге с 21 февраля по 14 марта 1877 г. под председательством того же сенатора К.К. Петерса, который потом вел процесс «193-х».

Софья Перовская, как только она была вызвана, в августе того же года, на судебное разбирательство дела «193-х» и до того как начались заседания суда (с 18 октября), общалась, мы это знаем, и с заключенными товарищами, и с теми немногими, которые оставались еще на воле. Среди временно «вольных» были три ее подруги по Большому обществу пропаганды — Любовь Корнилова и Лариса Чемоданова, ставшие женами соответственно Анатолия Сердюкова и Сергея Синегуба, а также невеста Николая Чарушина Анна Кувшинская. Они рассказали Перовской о подробностях процесса «50-ти» и, главным образом, конечно же, о потрясающей речи Петра Алексева со скамьи подсудимых на этом процессе. Можно понять, с какой гордостью за своего ученика, простого фабричного работяги (кстати, первого кулачного бойца в Москве), который мечтал лишь познать «еографию» и «еометрию», читала теперь Софья Львовна уже размноженный нелегально текст политически зрелой, призывно революционной речи Алексева с такой концовкой: «Подыметса мускулистая рука миллионов рабочего люда и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!»⁵¹⁸.

Речь Петра Алексева воодушевила всех противников царизма, предвосхищая в этом смысле еще более революционную речь Ипполита Мышкина на процессе «193-х». «Король адвокатуры» (как называли его в России) В.Д. Спасович по окончании дела Алексева воскликнул, обращаясь к подсудимым: «Это народный трибун!»⁵¹⁹. Впрочем, не только Алексеев — все подсудимые по делу «50-ти» (сплошь молодые люди 20–25 лет, среди которых были 16 женщин и 13 рабочих!) держались

---

⁵¹⁸ РН. Т. 1. С. 366–367.

⁵¹⁹ *Джабадари И.С.* Процесс «50-ти» // Былое. 1907. № 10. С. 194.

перед царским судилищем так, что государственный канцлер кн. А.М. Горчаков заявил министру юстиции К.И. Палену: «Вы думали убедить наше общество и Европу, что это дело кучки недоучившихся мечтателей, мальчишек и девчонок, и с ними нескольких пьяных мужиков, а между тем, вы убедили всех, что это не дети и не пьяные мужики, а люди вполне зрелые умом и крупным самоотверженным характером, люди, которые знают, за что борются и куда идут»⁵²⁰.

Сострадание к жертвам процесса «50-ти» и презрение к «ядовитым гадам» царского режима выразил в те дни кумир народников Н.А. Некрасов, который считал их «народными заступниками» и теперь, будучи уже смертельно больным, переслал через адвокатов в тюремную камеру Алексееву собственноручно переписанный текст стихотворения «Смолкли честные, доблестно павшие...»⁵²¹; впервые его опубликуют народники в своем журнале «Земля и воля» (1879. № 5).

Наэлектризованные процессами «50-ти» и, особенно, «193-х» и Веры Засулич народники не только не опускали рук перед царскими репрессиями, а, напротив, стремились с еще большей энергией к беззаветной борьбе за свои идеалы *народовластия*. У «народных заступников» 70-х годов росло то «*презрение к власти*», которого так недоставало их предшественникам (декабристам, петрашевцам, ишутинцам, нечаевцам) и которое теперь становилось нормой поведения для борцов за народ и на свободе, и под арестом, в тюрьме, перед судом, даже на эшафоте; «просить пощады уже считалось унижительным, и люди предпочитали смерть... Быть может, лучшим предвестником гибели [царского] строя было именно это отношение к нему побежденных»⁵²²...

---

⁵²⁰ Там же. С. 193: свидетельство В.Д. Спасовича, которым он поделился на процессе «50-ти» со своим подзащитным И.С. Джабадари.

⁵²¹ См.: *Евгеньев-Максимов В.Е.* Некрасов в кругу современников. Л., 1938. С. 228; *Каржанский Н.С.* Московский ткач Петр Алексеев. М., 1954. С. 118.

⁵²² *Короленко В.Г.* Цит. соч. С. 773.

Очень своевременно прозвучал летом 1876 г. для всех народников, включая томившихся в ожидании суда по делам «50-ти» и «193-х», призыв П.Л. Лаврова к созданию общероссийской централизованной революционной организации: «Мы должны во что бы то ни стало сплотиться в одно целое и стройное тело. Нам пора узнать свои силы, сосчитать свои ряды, обеспечить их от нападения врагов, создав организацию, которая удесятит наш союз»⁵²³. При этом, однако, памятуя о нечаевщине, Лавров предостерегал народников от возникновения внутри организации «безответственной диктатуры» отдельных лиц⁵²⁴.

Для Софьи Перовской образцовым началом такой организации могло стать только восстановленное Большое общество пропаганды. Она, по выражению Л.А. Тихомирова, тогда буквально «молилась на память “чайковцев”»⁵²⁵. Поэтому еще до окончания процесса «193-х» Софья Львовна стала собирать вокруг себя избежавших ареста членов и сотрудников Общества, к которым присоединялись ее сопроцессники, освобожденные на поруки и оправданные по суду. «Когда я вышел из тюрьмы, — вспоминал тот же Тихомиров, — все остатки старых “чайковцев” и, особенно, освобожденные из тюрьмы группировались около Перовской. Она их собрала около себя и держала в оппозиции к “троглодитам”»⁵²⁶.

Кстати — о «троглодитах». В то время как Перовская занялась восстановлением Большого общества пропаганды, уже складывалось и ядро будущего общества «Земля и воля», в котором окажутся, наряду с прочими, бывшие «чайковцы». Кружок будущих землевольцев был отлично законспирирован. Его участники скрывали от посторонних свои настоящие имена, маскируясь кличками (неожиданными и разнообразными): так, Александра Квятковского звали «Александром I»,

---

⁵²³ Вперед! 1876. № 34 (1 июня).

⁵²⁴ Там же. 1876. № 29 (15 марта).

⁵²⁵ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М.; Л., 1927. С. 99.

⁵²⁶ Там же. С. 85.

Александра Михайлова — «Дворником», Георгия Плеханова — «Оратором», Николая Колодкевича (бывшего «чайковца») — «Котом — Мурлыкой». С легкой руки «чайковца» — остролова Д.А. Клеменца⁵²⁷ их стали звать «троглодитами», т.е. пещерными людьми, поскольку никто, кроме их самих, не знал, где они живут, откуда появляются и куда исчезают.

Итак, цитирую далее Л.А. Тихомирова: «Нас, “освобожденных”, толкалось около Перовской человек сорок. Она легко сделалась центром, потому что прожила все время на воле, все время вела с нами сношения, и по выходе из тюрьмы мы, естественно, попадали к ней. Она жила в номерах в доме Фредерикса (напротив Николаевского вокзала. — *Н.Т.*), где занимала сама большое помещение, да еще ее сестра Мария Львовна, — тоже <...> Номера эти недели три были нашим пристанищем. Здесь мы собирались, разговаривали, ночевали. Потом, когда понадобилось помещение, менее доступное наблюдению, мы сняли квартиру на Знаменской площади, где жила нас целая куча, а шлялось (надо понимать: приходили сюда. — *Н.Т.*) еще больше <...> Перовская предлагала основать *свой* кружок или, точнее, восстановить кружок “чайковцев”, жить с народом, развивать его, но, конечно, все это по-революционному. В этом она, по сути, вовсе не далека была от “троглодитов”, и не ладила с ними, вероятно, более из кружкового патриотизма»⁵²⁸. Отчасти, может быть, Тихомиров здесь прав. Но Перовской не нравились тогда в «троглодитах» их чрезмерный, на ее взгляд, боевой настрой под впечатлением выстрела Засулич, чересчур изощренная конспирация (с кличками) и, главное, «нечаевская» тяга к лидерству даже со стороны глубоко уважаемого ею Марка Натансона, который когда-то создавал Большое общество пропаганды, а теперь занялся формированием кружка

---

⁵²⁷ Именно Клеменц назвал бакунистов «вспышкопускателями», архинароднический журнал «Община» — «Овчиной», эмигрантский ежемесячник «Общее дело» (с французским подзаголовком «La Cause Jenerale») — «Генеральской козой», внефракционную газету «Начало» — «Мочалой».

⁵²⁸ Тихомиров Л.А. Цит. соч. С. 87–88.

«троглодитов». Зато Софья Львовна была необычайно приветлива со всеми, кто хранил верность традициям «чайковцев». Поэтому в ее окружении царило взаимное согласие, доверие и просто удовольствие от общения друг с другом. Вот живописная сцена из воспоминаний Н.А. Морозова о том, как он, вместе с другим «чайковцем» М.Ф. Грачевским и народником П.А. Орловым, впервые после освобождения из тюрьмы по делу «193-х» появился у Перовской. Надеюсь, читатель не посетует на меня за длинную цитату, настолько она выразительна.

«Мы вошли в один из подъездов огромного дома Фредерикса. Поднявшись по его лестнице, мы вошли в квартиру второго этажа, состоящую из трех комнат. Еще раньше, чем отворилась на наш звонок дверь, мы могли по гулу голосов сообразить, что тут большое собрание.

И действительно, здесь присутствовало не менее тридцати человек из моих освобожденных вчера товарищей и несколько других, “со свободы”. В числе последних был и мой лучший друг, Кравчинский, с которым разговаривали два незнакомых мне человека. Один из них, могучего роста, был назван мне Юрием Богдановичем, а второй, худощавый, оказался Александром Соловьевым, стрелявшим через год в императора Александра II и казненным за это.

Все присутствовавшие, знакомые и незнакомые, бросились обнимать и целовать нас.

— Почему вас вчера не выпустили? Мы уже думали, что вас хотят сейчас же сослать административно! — воскликнула Перовская при виде нас.

— Не знаем! — отвечал я за всех и рассказал о взятой с нас подписке⁵²⁹.

— Я думаю, — сказал Кравчинский, — что никому из вас не надо посылать завтра заявление о своем местопребывании в Петербурге.

---

⁵²⁹ Всех «освобожденных» заставили подписать обязательство: «Мы в три дня по прибытии к месту избранного нами жительства сообщим в градоначальство наши адреса» (Морозов Н.А. Цит. соч. Т. 2. С. 258).

— Ходят слухи, — объяснил его слова Богданович, — что Третье отделение, осекшись с судом, решило расправиться с вами, освобожденными, посредством административной ссылки.

— Пусть думают, что вы сейчас же уехали к родным, в провинцию, — заметила Перовская, — и еще не успели послать им уведомления.

— А ты знаешь? — сказал мне Кравчинский, отводя меня в сторону. — Теперь, когда выпустили более половины нашего Общества, мы задумали возобновить его, приняв также и часть выпущенных с тобою, не принадлежавших ранее к нам.

— Это очень хорошо! — ответил я⁵³⁰...

Отдельные попытки восстановления Большого общества пропаганды предпринимались сразу после разгрома «хождения в народ» и в 1874–1876 г., без участия Перовской. Этой цели служила, в частности, уже тогда организация побегов заключенных участников Общества. Так, в ноябре 1874 г. была подготовлена, но не удалась попытка освобождения Ф.В. Волховского, летом 1875 г. «чайковцы» потерпели новую неудачу в устройстве побега Н.А. Морозова, а следующим летом блестяще организовали побег П.А. Кропоткина⁵³¹.

Теперь Перовская сумела придать новым попыткам восстановления общества «чайковцев» недостижимую ранее масштабность, с привлечением широкого круга специально подобранных лиц. История последней из этих попыток изложена в мемуарах Веры Фигнер с подробностями, которые нуждаются лишь в некоторых пояснениях. «Старые “чайковцы”, оставшиеся на свободе и освобожденные судом, — вспоминала Вера Николаевна, — порешили восстановить свою организацию; вместе с тем они наметили из среды товарищей по заключению лиц, которых было наиболее желательно привлечь к ней. Так образовалась группа в 40 человек: сюда вошли Богданович

⁵³⁰ Морозов Н.А. Цит. соч. Т. 2. С. 259–260.

⁵³¹ См. об этом нашумевшем побеге: Кропоткин П.А. Цит. соч. С. 335–345,

4. Перепутье

и Писарев⁵³² как члены прежней организации; Лешерн⁵³³, я, моя сестра Евгения, [Александр] Соловьев — как новые (Фигнер выделяет «новых», поскольку они уже состояли членами т.н. «сепаратистского» кружка «Земли и воли». — *Н.Т.*). В этой группе ранее уже были Клеменц, вернувшийся из-за границы, Софья Львовна Перовская, Татьяна Ивановна Лебедева, Зубок-Мокиевский, Саблин, Морозов, Кувшинская, Корнилова⁵³⁴, Сердюковы, муж и жена (все перечисленные — «чайковцы». — *Н.Т.*); из лиц, не принадлежавших до того к «чайковцам», — Завадская⁵³⁵, Якимова⁵³⁶ и др. На общем собрании группы была прочтена и принята программа (разработанная «чайковцами» Богдановичем, Иванчиным-Писаревым и Н.И. Драго. — *Н.Т.*) и избрало бюро, в которое вошел Клеменц; оно должно было оставаться в Петербурге и администрировать дела группы. Порешив на этом, большинство разъехалось: мы — чтобы устроиться в деревне, другие — чтобы покончить с семейными и финансовыми делами, третьи — для поправления расстроенного здоровья. К сожалению, на этом и окончилось существование группы: вследствие неутверждения царем приговора суда (по делу «193-х». — *Н.Т.*) многие члены были арестованы и сосланы административным порядком, некоторые бежали за границу. Наше бюро расстроилось, и отдельные лица (покончившие свои дела или бежавшие из ссылки), являясь в Петербург, одно за другим вступили в общество «Земля и воля»⁵³⁷.

---

⁵³² А.И. Иванчин-Писарев.

⁵³³ М.П. Лешерн-фон-Герцфельд (1847 — после 1921). Член «Земли и воли».

⁵³⁴ Александра Ивановна.

⁵³⁵ Е.Ф. Завадская (1852–1883). Жена «чайковца» и народовольца А.А. Франголи (1848–1883). Член Исполнительного комитета «Народной воли». Покончила с собой в день смерти мужа.

⁵³⁶ А.В. Якимова (Диковская) (1856–1942). Член ИК «Народной воли». По делу «20-ти» (1882 г.) осуждена на смертную казнь, замененную позднее вечной каторгой.

⁵³⁷ Фигнер В.Н. Цит. соч. Т. 1. С. 157–158.

Здесь — самое время сказать об исторической роли Большого общества пропаганды. Ведь его опыт и кадры стали ценным достоянием последующих этапов народнического движения. Очень многие «чайковцы» (М.А. Натансон, О.А. Шлейснер, Д.А. Клеменц, С.М. Кравчинский, Н.А. Морозов, Д.А. Лизогуб, А.И. Зунделевич, Ю.Н. Богданович, А.И. Иванчин-Писарев и, разумеется, Перовская) играли столь выдающуюся роль в создании и деятельности «Земли и воли», что один из вождей народовольцев А.Д. Михайлов считал «чайковцев» ее фактическими прародителями⁵³⁸. Во главе «Народной воли» тоже стояли «чайковцы» (А.И. Желябов, С.Л. Перовская, Н.А. Морозов, Л.А. Тихомиров, М.Ф. Фроленко, Н.Н. Колодкевич, М.Ф. Грачевский, А.И. Зунделевич, Ю.Н. Богданович, Т.И. Лебедева). «Черный передел» возглавляли, наряду с Г.В. Плехановым, «чайковцы» П.Б. Аксельрод и Я.В. Стефанович. Этот (отнюдь не исчерпывающий) перечень имен сам по себе характеризует общество «чайковцев» как своеобразную кузницу руководящих кадров революционного народничества.

Таким образом, Большое общество пропаганды надо признать организацией *базовой* в народническом движении 70-х годов: возникнув у истоков движения, Общество послужило отправным пунктом его развития на много лет вперед и выдвинуло из своей среды вожаков для всех последующих его организаций.

Софья Перовская не зря «молилась» на память о таких людях «с сердцами из золота и стали»⁵³⁹. Она могла бы гордиться участием в Большом обществе пропаганды, где она была, как никто, «общей любимицей». Но главное в ее жизни оставалось еще впереди...

В хлопотах по восстановлению сил революционного подполья после катастрофы 1874 г. народники не забывали обсуждать итоги и уроки «хождения в народ». Да, «народолюбцы» трагически проиграли свой «крестовый поход», но им было

---

⁵³⁸ См.: *Прибылева-Корба А.П., Фигнер В.Н.* Народоволец А.Д. Михайлов. Л., 1925. С. 98.

⁵³⁹ *Степняк-Кравчинский С.М.* Избранное. С. 452.

4. Перепутье

известно, что и царское правительство, хоть и «сдуру», но «перепугалось» (В.Г. Короленко уточнил даже так: «перепугалось насмерть»)⁵⁴⁰. Власти считали тогда народ «гранитным пьедесталом престола» и недоумевали, «отчего агитаторы пошли в гранит»⁵⁴¹. Сочувствие крестьян в ряде мест и случаев (как Даниловское дело «чайковцев») вызвало переполох в верхах. Об этом свидетельствует и полная тревог секретная записка министра юстиции К.И. Палена под многозначительным названием «Успехи революционной пропаганды в России»⁵⁴², и сенсационный факт увольнения (22 июля 1874 г.) всемогущего «Петра IV» (шефа жандармов П.А. Шувалова) как признание тщетности его репрессивного курса.

Что же касается уроков, извлеченных народниками из опыта «хождения в народ», то они сводились к следующему резюме: «хождение», оказавшееся неудачным, не стало бесплодным. Во-первых, оно все-таки отчасти пошевелило крестьянскую массу, положив начало небывалым ранее сдвигам в ее сознании, вплоть до антицаристской настроенности. В.А. Виноградов по данным только верхневолжских губерний выявил сотни крестьян, привлеченных в 70-е годы к следствию за участие в народнической пропаганде⁵⁴³. Во-вторых, опыт «хождения», как бы возвеличенный процессами «50-ти» и «193-х», расширил круг «народолюбцев» и приумножил их активность. Они теперь, с учетом уроков «хождения», стремились идти не от программы к народу, а от народа к программе, «выставить на своем знамени уже самим народом созданные идеалы» ЗЕМЛИ И ВОЛИ⁵⁴⁴, заменить поверхностную кочевую пропаганду оседлой, более

---

⁵⁴⁰ Короленко В.Г. Цит. соч. С. 427.

⁵⁴¹ Валуев П.А. Цит. соч. Т. 2. С. 314.

⁵⁴² Записка была разослана в апреле 1875 г. местным властям и вскоре попала в руки революционеров, которые опубликовали ее в том же году, в Женеве, отдельной брошюрой.

⁵⁴³ Виноградов В.А. Крестьянское движение на Верхней Волге в пореформенный период (1861–1881). АДД. Свердловск, 1990. С. 35.

⁵⁴⁴ Фигнер В.Н. Цит. соч. Т. 1. С. 139.

основательной, а главное, создать общероссийскую централизованную организацию, и продолжить начатое дело — до победы. Хорошо сказал о «трагедии одиноких борцов» 1874 г. В.Г. Базанов: «Это была оптимистическая трагедия»⁵⁴⁵.

Разумеется, готовить новый «крестовый поход» надо было с создания задуманной организации, в которую вошли бы лучшие кадры народничества, его герои. Поэтому, естественно, первоочередной задачей народников стало освобождение их арестованных и осужденных, ссыльно-каторжных товарищей, — главным образом, жертв процесса «193-х». Пожалуй, с наибольшим воодушевлением и энергией взялась за решение этой задачи Перовская.

Еще до окончания процесса, будучи «на воле» и сострадав друзьям и соратникам, томившимся в тюрьмах, Софья Львовна строила очень смелые, как это было ей свойственно, но довольно наивные (с декабристским оттенком) планы: ехать в Сибирь, чтобы там организовать побег ссыльных и каторжных. На этой почве случилась история, которую называют «тюремным романом» Перовской с бывшим «чайковцем» и будущим землевольцем, затем ренегатом и монархистом Львом Тихомировым. В то время нередки были факты, когда мужчины и женщины по деловым и, чаще всего, нелегально-политическим соображениям объявляли себя «женихами» и «невестами» и даже заключали фиктивные браки. Смысл «тюремного романа» Перовской и Тихомирова со знанием дела разъяснил брат Софьи Львовны Василий. Цитирую далее его разъяснение.

«Для того, чтобы получить право легально ехать в Сибирь, не возбуждая подозрения, Соня предполагала обвенчаться с Львом Тихомировым. Ввиду того, что власти могли по этому поводу обратиться к отцу, она письмом просила мать сообщить отцу, дабы он не препятствовал со своей стороны. Мать, конечно, сейчас же написала отцу об этом, но отец ни словом не ответил. Между тем Соня оставила это намерение — без

---

⁵⁴⁵ Базанов В.Г. Д.М. Рогачев — «особенный человек» // Русская литература. 1978. № 4. С. 134.

сомнения потому, что *обвиненных не посылали в Сибирь, а развозили по центральным тюрьмам*. После этого Соня приехала к мам (из Петербурга в Приморское. — *Н.Т.*). Несмотря на то, что я уверял мать, что этот брак несомненно фиктивный, только как средство поездки в Сибирь, мать не поверила моим доводам и, когда приехала Соня, поздравила ее и даже сообщила, что все близкие, узнав об этом, радовались вместе с ней. Соня очень рассердилась, и это сильно испортило настроение минуты»⁵⁴⁶.

Л.А. Тихомиров, хотя и преувеличивал истинный смысл своего «тюремного романа» с Перовской, по существу тоже признал его фиктивность: «В тюрьме я считался ее женихом. Это был один из множества тюремных романов. Она была “на воле”, я — “страдал”, она меня посещала и утешала, и оба влюбились, или, по малой мере, это вообразили...». Здесь Тихомиров ловит себя на том, что сгустил краски, и уточняет: «Думаю, что она, если и вообразила это, то разве на самую малую секунду. Я же считал себя очень сильно привязанным <...> Но едва ли я для нее в то время подходил. Она могла уважать меня и особенно жалеть, но любить — едва ли. <...> Когда я вышел из тюрьмы, она меня встретила и сконфуженно, и холодно, и сразу поставила на “благородную дистанцию”»⁵⁴⁷.

Биографы — и Перовской, и Тихомирова — разобрались в смысле и назначении их «тюремного романа»⁵⁴⁸. Но вот литераторы-беллетристы ударились в эротическую роспись этого романа, дав волю своему воображению: «Сонечка незаметно сунула ефрейтору местной команды двугривенный, и их оставили одних. Они кинулись друг к другу, задохнулись в объятиях. Он снова пил эти розовые полные губы, в затхлом полумраке рядом светились любимые голубые глаза»⁵⁴⁹...

---

⁵⁴⁶ Перовский В.Л. Цит. соч. С. 85. Курсив мой. — Н.Т.

⁵⁴⁷ Тихомиров Л.А. Воспоминания. С. 98–99.

⁵⁴⁸ См.: Павлюченко Э.А. Цит. соч. С. 28; Сегал Е.А. Цит. соч. С. 115; Ренников А.В., Милевский О.А. Две жизни Льва Тихомирова. М., 2011. С. 70–71.

⁵⁴⁹ Поляков А.П. Великаны сумрака // Молодая гвардия. 2010. № 7/8. С. 54. См. также: Михайлов О.Н. Забытый император. М., 1996. С. 88.

Итак, Сибирь из планов Перовской отпала. Софья Львовна могла рассудить только так: тем лучше и тем легче. Поскольку осужденных на каторгу решено отправлять не в сибирские рудники, а в Новобелгородскую и Новоборисоглебскую центральные каторжные тюрьмы Харьковской губернии, не исключалась возможность освободить хоть кого-то из них на пути в Харьков. Разумеется, в первую очередь Перовская занялась подготовкой всех и всяческих мер, необходимых для освобождения Ипполита Мышкина.

Софье Львовне дороги были все ее товарищи по делу «193-х». «Для нее, — вспоминал С.М. Кравчинский, — эти люди были не только представителями дорогих ей идей, это были друзья, в которых она вкладывала лучшую часть себя самой, друзья, какие бывают только в революционных кружках, где чувство дружбы, являясь живым воплощением и нежности сердца, и высших идейных начал, достигает такой силы и глубины, что далеко оставляет за собою даже узы самого близкого родства»⁵⁵⁰. Но Ипполит Мышкин был тогда и для карателей, и, главное, для его сподвижников на особом счету. «Мысль о необходимости освободить его вспыхнула во многих головах, носилась, можно сказать, в воздухе, привлекала многих. Но наиболее глубоко она могла запасть только в такое сердце, как у Перовской», — справедливо заключает Н.П. Ашешов⁵⁵¹.

Вера Фигнер вспоминала о Перовской: «Сильная личность Мышкина с его знаменитой речью на суде произвела на нее такое впечатление, что мысль об освобождении его из каторжного центра сделалась ее *idée fixe*»⁵⁵². По свидетельству близко знавшей Перовскую Ольги Любатович, к Мышкину Софья Львовна тогда «относилась почти с поклонением»⁵⁵³, как, впрочем, и очень многие, если не все, революционеры-народники той поры.

⁵⁵⁰ Степняк-Кравчинский С.М. Избранное. С. 456.

⁵⁵¹ Ашешов Н.П. Цит. соч. С. 51.

⁵⁵² Фигнер В.Н. Цит. соч. Т. 1. С. 277–278.

⁵⁵³ Любатович О.С. Далекое и недавнее. М., 1930. С. 35. Ольга Спиридоновна Любатович (1853–1917) — родная сестра оперной примадонны Т.С. Любатович, активный член «Земли и воли» и «Народной воли».

4. Перепутье

Перовская проявила невероятную энергию, разрабатывая вместе с бывшими «чайковцами» и будущими землеольцами планы освобождения Мышкина, а потом контролируя их выполнение. Решено было попытаться освободить Мышкина в момент его отправки из Петербурга в Харьков или даже в пути до Харькова. Дорогу из Петропавловской крепости, где содержался Мышкин, до Николаевского вокзала взяли под круглосуточное наблюдение. На самом вокзале организовали дежурство с целью проследить момент, когда Мышкина доставят к одному из поездов. На случай, если бы в этот момент попытка освобождения не удалась, были сформированы боевые отряды, которые могли бы отбить Мышкина у охранников в пути. «Однако, — с грустью резюмировал воспоминания участников тех событий Н.П. Ашешов, — власти были начеку. Носившаяся в воздухе идея освобождения Мышкина достигла и власть имущих, и жандармы обманули следивших весьма простым приемом: в то время как дежурившие революционеры следили за пассажирскими поездами, отходившими по Николаевской железной дороге, жандармы увезли Мышкина в товарном поезде. Об этом революционеры узнали уже тогда, когда Мышкин был в Харькове»⁵⁵⁴.

«Трудно описать, — сетовал С.М. Кравчинский, — что сделалось с Соней после этой неудачи. Попавшегося ей на глаза в этот день участника она ни за что разругала самым несправедливым образом и, успокоившись, просто застыла на мысли — непременно, во что бы то ни стало освободить других. Ходила она злая-презлая и только за своей больной (у нее на попечении была беременная г-жа С., страшно слабая и едва не умершая) ухаживала так же ласково и внимательно, как всегда»⁵⁵⁵...

После неудачи с попыткой освобождения Мышкина участники этой попытки решили любой ценой освободить кого-нибудь из других «централочников» во время перевозки их на почтовых из Харькова до тюрьмы. С этой целью в Харьков заранее приехали более 15 «чайковцев» и землеольцев: «словом

---

554 Ашешов Н.П. Цит. соч. С. 51.

555 Степняк-Кравчинский С.М. Избранное. С. 457.

тут была собрана вся тогдашняя “революция”, — с юмором вспоминал об этом М.Ф. Фроленко. — Перовская и Морозов — “чайковцы”, Александр Михайлов, Адр[иан] Михайлов, Баранников, Квятковский — землевольцы, я — «чайковец», <...> Ошанина — централистка»⁵⁵⁶ (далее в перечне имен — участники киевского кружка «бунтарей», которые вскоре разъехались из Харькова).

Революционеры сняли конспиративную квартиру, хозяевами которой значились (под чужими фамилиями) Александр Михайлов и Мария Ошанина, но «душой всего дела», как верно заметил Н.П. Ашешов, была Перовская, исполнявшая роль горничной. «Она и вообще, как я после узнала, — рассказывала о харьковском житии Софьи Львовны ее приятельница, — бралась всего охотнее за такие роли, где нужно было изображать простого человека. Роль барыни ей, вероятно, была не по нутру, и я сомневаюсь даже, чтобы она могла исполнить ее так же безукоризненно, как свои обычные роли. В качестве простой горничной Перовская являлась всюду, где нужно было следить и выслеживать. Особенно внимательно наблюдала она за вокзалом, где в то время был усилен полицейский караул, вследствие ожидавшегося прибытия поезда с осужденными»⁵⁵⁷.

В ожидании вестей от своих информаторов из Петербурга об отправке в Харьков новой партии каторжан Перовская и ее сотоварищи подготовили, казалось бы, все для нападения на жандармский конвой — боевую группу, линейку (многоместный экипаж), четырех лошадей, оружие, даже слесарный набор (рашпили, зубило, молоток), чтобы сбить кандалы, и, конечно, квартиру (на всякий случай, с лекарствами и медицинским оборудованием), где могли бы укрыться и освободители и освобожденный. «Наконец, — вспоминал Н.А. Морозов, —

---

⁵⁵⁶ Фроленко М.Ф. Собр. соч. Т. 1. С. 278. Мария Николаевна Ошанина (урожденная Оловеникова), предпочитавшая руководящую работу в «центре», позднее станет членом ИК «Народной воли».

⁵⁵⁷ К биографиям А.И. Желябова и С.Л. Перовской // Былое. 1906. № 8. С. 123–124.

наступил давно ожидаемый день (один из последних в июне 1878 г. — *Н.Т.*). Петербургские товарищи сообщили нам, что на товарном поезде с величайшей таинственностью и под огромным конвоем жандармов отправлено по Николаевской железной дороге четверо политических преступников. Новое известие из Москвы подтвердило и дополнило, что товарный поезд, в котором находятся Ковалик, Войноральский, Рогачев и Муравский⁵⁵⁸, в сопровождении 8 жандармов и жандармского офицера Лесника, в 9 часов вечера двинулся из Москвы и придет в Харьков не ранее полуночи (на следующие сутки. — *Н.Т.*). Мы приготовились»⁵⁵⁹.

Однако, из-за того, что с харьковского вокзала в централы вели две разные дороги, заговорщики упустили момент (как это было ранее с Мышкиным), когда жандармы провезли Ковалика. Только в третий раз, взяв заранее под контроль обе дороги, они смогли осуществить нападение на жандармов, которые везли в каторжный централ Войноральского.

Утром 1 июля Фроленко и Баранников в жандармских мундирах на линейке с Адрианом Михайловым в роли кучера и Квятковский верхом перехватили жандармскую тройку с Войноральским, но освободить Войноральского не удалось, главным образом потому, что жандармские лошади оказались более резвыми. Боясь попасть в Войноральского, революционеры стреляли не в жандармов, а в лошадей, но их револьверы («бульдоги») были так плохи, заряды так слабы, что пули только подхлестывали жандармскую тройку. Догнать ее было невозможно⁵⁶⁰.

Причину этой неудачи Сергей Кравчинский усматривал в том, что «стрельбу начали, не вырвав у ямщика вожжей или

---

⁵⁵⁸ Д.М. Рогачев — «чайковец», С.Ф. Ковалик и М.Д. Муравский — участники различных народнических кружков, П.И. Войноральский — сам по себе.

⁵⁵⁹ [Морозов Н.А.] Попытка освобождения Войноральского // Революционная журналистика семидесятых годов. Paris, 1905. С. 339.

⁵⁶⁰ Подробно об этом см.: Фроленко М.Ф. Собр. соч. Т. 1. С. 282–283; Морозов Н.А. Попытка освобождения Войноральского. С. 342–343.

не подрезав постромок»⁵⁶¹. Но Перовская не стала разбираться в причинах. Если верить Кравчинскому, который сам не участвовал в деле освобождения Войноральского и мог судить о нем только с чужих слов, она «была беспощадна: осыпала жестокими упреками своих и без того убитых (т.е. очень расстроенных. — *Н.Т.*) товарищей, называя это дело “постыдным и позорным для революции”. Никаких оправданий не хотела она признать: “Зачем давали промахи?... Зачем не гнались дальше?”»⁵⁶².

Как бы то ни было, из Харькова «войноральцам» после акции 1 июля надо было срочно исчезать. Все они в два дня, двумя партиями, разъехались — кто куда: *все, кроме Перовской*. Она осталась.

«Вообще, — вспоминал по этому поводу Кравчинский, — следует сказать, что в делах Перовская решительно не берегла себя. Эта маленькая, грациозная, вечно смеющаяся девушка удивляла своим бесстрашием самых смелых мужчин. Природа, казалось, лишила ее способности чувствовать страх, и потому она просто не замечала опасность там, где ее видели другие». Вот и теперь, «невзирая на жестокие полицейские репрессии, она решила не уезжать вовсе из Харькова, полагая, что ничего опасного нет и что надо продолжать дело»⁵⁶³.

Речь идет, конечно, все о том же деле освобождения каторжан из харьковских централов. О том, как задумала Перовская продолжать это дело уже после отъезда ее «боевой группы», сохранился подробный рассказ М.Ф. Фроленко. «Перовская, оставшись в Харькове, начала строить план новой попытки вытащить из централа Мышкина, Ковалика или еще кого-то, — вспоминал Михаил Федорович. — С этой целью

---

⁵⁶¹ Степняк-Кравчинский С.М. Избранное. С. 458.

⁵⁶² Там же. Не этот ли факт утрировал Л.А. Тихомиров, утверждая (без ссылки на какие-либо примеры), будто Перовская «могла довести человека до самоубийства за малейшую слабость» (К биографиям А.И. Желябова и С.Л. Перовской // Былое. 1906. № 8. С. 122).

⁵⁶³ Степняк-Кравчинский С.М. Избранное. С. 458.

4. Перепутье

она воспользовалась знакомством с матерью Дмоховского⁵⁶⁴, имевшею свидание с сыном, и через нее завела связь с сидящими. Кроме того, в одном централе (я теперь запомнил, в каком) был молодой врач, с которым она тоже познакомилась. Это, наверное, — там, где сидел Дмоховский. Далее Соня пригласила меня, а я — Меркулова⁵⁶⁵, моего будущего предателя, чтобы собрать информацию о централах. Для этого я и Меркулов переехали в Харьков⁵⁶⁶. Меркулов в качестве офени успел побывать на базарах около централа, а я в это время съездил в Крым, чтобы пригласить оттуда Эндаурова, жившего у Перовских с братом Сони (Василием. — *Н.Т.*) в их имении <...> Эндауров был нами приглашен для занятия места в канцелярии централа (какого, уже не помню). Соня Перовская узнала, что это место свободно. Она достала у кого-то совершенно легальный паспорт учителя, и вот с ним-то, мы и думали, Эндауров легко может заполнить это место»⁵⁶⁷.

Но все обернулось иначе: Эндауров сдал паспорт в полицейский участок, но заподозрил за собой слежку и бежал оттуда, — пришлось «сейчас же отправить его обратно в имение к брату Перовской»; тюремный врач сообщил Софье Львовне, «что у него обыск, он, оказывается, на подозрении и ничем не может быть полезен», а с Дмоховской тоже «вышла какая-то заминка»; в результате Перовская вынуждена была «отказаться от всякой попытки освобождения» харьковских каторжан⁵⁶⁸.

---

⁵⁶⁴ Лев Адольфович Дмоховский (1851–1881) — участник народнического кружка долгушинцев, осужденный в 1874 г. по делу об этом кружке на 10 лет каторги. Умер в каторжной тюрьме.

⁵⁶⁵ Меркулов Василий Аполлонович (1860–1910-е) — рабочий, народо-волец, ставший предателем и провокатором. По делу «20-ти» (1882 г.) выдал своих товарищей (включая М.Ф. Фроленко), осужденных на вечную каторгу, и был за это помилован.

⁵⁶⁶ Фроленко после дела Войноральского успел побывать у родных в Ставрополе, на Кавказе.

⁵⁶⁷ *Фроленко М.Ф.* Собр. соч. Т. 1. С. 284–285.

⁵⁶⁸ Там же. С. 285–286.

Н.А. Морозов впоследствии вспоминал, что Софья Львовна при встрече с ним (уже по возвращении из Харькова) в Петербурге подытожила все харьковские попытки. Вот ее слова: «Все дело можно считать ликвидированным — и не только без всяких положительных результатов, но и с серьезными лишениями для нас». Цитирую далее Морозова: «Она грустно опустила голову и на глазах ее блеснули слезы. Во всем этом разговоре меня особенно поразило употребленное ею выражение “дело ликвидировано”. Мы часто говорили так о других предприятиях, и выражение это не казалось мне каким-то диссонансом. А здесь оно так резко вошло в мой ум, что звучит в нем даже и теперь, когда произнесшей его Перовской уже давно нет на свете»⁵⁶⁹...

Огорчение Софьи Львовны было столь велико, что ее не мог утешить тот очень громкий и лестный для революционеров общественный резонанс, который вызвала в России попытка освобождения Войноральского 1 июля 1878 г. «Шум, поднятый безумно-дерзким нападением на жандармов днем, на проезжей дороге, в виду людей, бывших в поле, взбудоражил и жандармов и публику неизмеримо больше, чем тихая, мирная пропаганда какого-нибудь поселенца, имевшего дело с одним, двумя, тремя крестьянами на дому. Тут же заговорила, можно сказать, вся Россия. Одни ругали, другие дивились, третьи делались сами революционерами»⁵⁷⁰.

Из Харькова Перовская, судя по всему, ненадолго выехала в Петербург, где, по воспоминаниям Н.А. Морозова, общалась (кроме самого Морозова) с землевольцами Александром Михайловым, Марией Коленкиной, Александрой Малиновской⁵⁷¹, но пока формально не вступила в «Землю и волю», хотя сотрудничала с ними и при этом, конечно, прислушивалась к их идеям, присматривалась к ним самим. В первых числах августа 1878 г. Софья Львовна решила

⁵⁶⁹ Морозов Н.А. Повести моей жизни. Т. 2. С. 380.

⁵⁷⁰ Фроленко М.Ф. Собр. соч. Т. 1. С. 286–287.

⁵⁷¹ См.: Морозов Н.А. Повести моей жизни. Т. 2. С. 379–380.

навестить Варвару Степановну и отправилась из Петербурга в Приморское. Здесь ее ждал жестокий удар судьбы.

«Едва Соня приехала, — вспоминал Василий Львович, — как утром явился пристав и сообщил ей, что ему приказано привести ее в управление полицмейстера. Там жандармский капитан Гангардт⁵⁷² объявил, что получено распоряжение отправить ее с жандармами в административную ссылку в Повенец Олоонецкой губернии. Ее не пустили даже домой, чтобы проститься с родными и приготовиться к дороге»⁵⁷³.

В этой ситуации Василий Львович сделал все возможное для того, чтобы хоть как-то облегчить переживания сестры. Пристав разрешил ему свидание с ней наедине. «Соня сказала мне, — читаем у Василия Львовича, — что она при первой возможности постарается бежать, и потому просила, чтобы ей положили в чемоданчик как можно меньше белья и одежды. Я отправился к Гангардту на квартиру просить, чтобы он приказал жандармам заехать по пути на вокзал к нам, чтобы Соня могла проститься с матерью и больной теткой, Юлией Степановной, бывшей тогда у нас». Гангардт обещал сделать это, но не сдержал слова. «Под вечер, — вспоминал далее Василий Львович, — фэтон с Соней остановился на дороге против нашего дома, и жандарм пришел сообщить, что Гангардт разрешил Соне заехать домой, и предлагает матери сойти вниз, сесть вместе с дочерью в экипаж и проводить ее на вокзал до отхода поезда. Мать отправилась, а я и Владыкин⁵⁷⁴ запрягли лошадь в дроги и поехали следом, а пристав ехал верхом за фэтоном и сдал Соню жандармам под расписку только на вокзале. Поезда пришлось ждать довольно долго. Соня, большей частью, разговаривала с мамой»⁵⁷⁵

---

⁵⁷² И.И. Гангардт — впоследствии комендант главной в России Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. См. о нем: *Фигнер В.Н.* Цит. соч. Т. 2 (ук. имен).

⁵⁷³ *Перовский В.Л.* Цит. соч. С. 85–86.

⁵⁷⁴ Николай Иванович Владыкин (1860–?) — народник, близкий к «чайковцам», родной брат жены В.Л. Перовского, Александры Ивановны.

⁵⁷⁵ *Перовский В.Л.* Цит. соч. С. 86.

Итак, жандармы доставили Перовскую из Приморского в Симферополь, на вокзал, и оттуда, поездом, — в Москву, чтобы далее, из Москвы, следовать через Петербург и Петрозаводск в Оленец. «До Москвы, — как рассказала об этом впоследствии Софья Львовна брату Василию, — ей не представилось удобного случая бежать, да притом не хотелось подвергать ответственности жандармов, относившихся к ней хорошо и внимательно; а с Москвы дали ей жандармов, державших себя надменно и грубо, так что ей нечего было их жалеть. Счастливый случай помог ей и в денежном отношении. В том же поезде ехал Преображенский (кажется, верно)⁵⁷⁶, знакомый Сони, и, проходя по вагону, переглянулся с ней; после этого Соня вышла в уборную, открыла окно и переговорила с ним, когда он стоял на площадке. Он передал ей петербургский адрес и достаточную сумму денег»⁵⁷⁷ (ее собственные деньги жандармы сразу взяли себе «на хранение»).

О том, как удалось все-таки Софье Львовне совершить в ночь с 24 на 25 августа 1878 г. нашумевший и в жандармских и в революционных кругах побег из-под конвоя по дороге в ссылку, подробно (разумеется, с ее слов) рассказал Василий Львович. Привожу здесь этот его рассказ полностью⁵⁷⁸.

В пути из Москвы в Петербург «жандармы стали обдумывать, нельзя ли сократить маршрут, чтобы получить значительные сбережения прогонных денег. Им пришла мысль остановиться на Волховской станции (не доезжая 120 км до Петербурга. — *Н.Т.*) и парходом по р. Волхов спуститься

---

⁵⁷⁶ По всей вероятности, это был Георгий Николаевич Преображенский (1854–1881) — член «Земли и воли» и, позднее, общества «Черный передел».

⁵⁷⁷ Перовский В.Л. Цит. соч. С. 86–87.

⁵⁷⁸ Там же. С. 87–88. О том же см.: Степняк-Кравчинский С.М. Избранное. С. 460. В 1961 г. Р.Е. Альтшуллер и К.Ф. Сеницына опубликовали сохранившиеся в РГВИА документы Петербургского военно-окружного суда о побеге С.Л. Перовской, в которых названы конвоировавшие ее в ссылку жандармы — 34-летний унтер-офицер Христофор Штельмаков и 24-летний ефрейтор Федор Галкин (Исторический архив. 1961. № 3. С. 282–283).

в Ладожское озеро и плыть дальше, минуя, таким образом, Петербург. Так они и сделали. По приезде на станцию Волхов поздно вечером, они узнали, что пароход отходит на следующий день утром. Они выпросили у начальника станции позволение занять дамскую комнату. Соня (от нее жандармы не скрывали свой план. — *Н.Т.*) из расписания на стене узнала, когда пойдет пассажирский поезд на Москву; затем легла на диван лицом к спинке и притворилась спящей.

Один жандарм сел на стул, около выходной двери, чтобы караулить, а другой лег на пол, поперек той двери, и скоро заснул мертвым сном. Сидящий на стуле также стал клевать носом и просыпался лишь при сигнальном звонке, но скоро перестал совсем просыпаться. После сигнального звонка к московскому поезду сестра встала, отворила дверь и, перешагнув через жандарма (дверь отворялась наружу⁵⁷⁹), вышла на перрон и, далее, под железнодорожный мост. Однако, вскоре туда пришел сторож и, увидав ее, воскликнул: “Ты чего тут?”. — “Я, дяденька, пришла помочиться”. — “Ну, проваливай отсюда!”. Пришлось повиноваться, но поезд уже подходил, и сестра, переждав за углом палисадника, вошла в последний вагон и на скамейке у входной двери улеглась лицом к стенке, закрывшись с головой большим платком. Жандармы не проснулись, и поезд тронулся благополучно. Проехав, кажется, одну станцию по направлению к Москве, Соня вышла из поезда и наняла крестьянскую подводку до ближайшей деревни, а там, переждав немного, наняла до следующей деревни, но уже в сторону Петербурга. Так проехала она несколько деревень и, наконец, подъехала ко второй от Волхова станции, взяла билет и благополучно приехала в Петербург»...

В Петербурге, по нелегальному адресу, который Софья Львовна получила от Преображенского, она сразу же встретила компанию милых ее сердцу «чайковцев» и землевольцев. Она

---

⁵⁷⁹ Сергей Кравчинский так комментировал эту деталь: «В своем караульном рвении жандармы не обратили, однако, внимания, что дверь отворяется не вовнутрь, а наружу» (*Степняк-Кравчинский С.М. Избранное. С. 460*).

всех обрадовала и удивила своим появлением, поскольку не все они к тому дню знали не только о побеге ее, но и об аресте. И вот, «прежде чем распространилась весть о ее побеге, — вспоминал Кравчинский, — она как ни в чем не бывало явилась в Петербург, рассказывая со смехом подробности этой своей проделки»⁵⁸⁰.

Друзья ознакомили Перовскую, в деталях, с революционными событиями, потрясшими Россию летом 1878 г., — событиями, за которыми она, будучи то в Харькове, то в Приморском, то в круговерти со ссылкой, не успевала следить. 2 августа в Одессе по приговору военного суда был расстрелян лидер местного народнического кружка Иван Мартынович Ковальский — за вооруженное сопротивление при аресте (хотя он никого не убил). То была первая после казни Д.В. Каракозова 12 лет назад политическая казнь в России. Среди народников она вызвала не столько скорбь, сколько гнев. У всех на устах были последние слова Ковальского: «За меня отомстят!» Мсть не замедлила последовать. В роли мстителя выступил Сергей Кравчинский.

3 августа Петербург узнал о казни Ковальского, а 4-го, среди бела дня, на многолюдной Михайловской площади в центре столицы (перед царским Михайловским дворцом) Сергей преградил путь шефу жандармов Н.В. Мезенцову. Сразив главного жандарма империи одним ударом кинжала, Кравчинский сел в пролетку, запряженную знаменитым рысаком «Варваром» и умчался⁵⁸¹.

Убийство Мезенцова, как показалось кн. В.П. Мещерскому — будущему «ментору двух государей» (Александра III и Николая II)⁵⁸², «повергло в ужас правительственные сферы»⁵⁸³. Военный министр Д.А. Милютин усмотрел в нем «сатанинский

---

⁵⁸⁰ *Степняк-Кравчинский С.М.* Избранное. С. 460.

⁵⁸¹ Кучером здесь, как и месяцем ранее при попытке освобождения Войноральского, был земледелец Адриан Михайлов. Прикрывал Кравчинского Александр Баранников — с револьвером в кармане.

⁵⁸² *Миллюков П.Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 77.

⁵⁸³ *Мещерский В.П.* Цит. соч. Т. 2. С. 408.

4. Перепутье

план тайного общества навести террор на всю администрацию. И план этот начинает удаваться!»⁵⁸⁴. В чиновничьих кругах Петербурга водворилась паника. По городу ползли слухи о том, что к 15 ноября революционеры готовят «Варфоломеевскую ночь» своим противникам⁵⁸⁵.

Обо всем этом теперь Перовская слушала подробнейшие рассказы свидетелей и участников событий, включая главных из них — Сергея Кравчинского и Адриана Михайлова. Ей могли рассказать и об удачных (как у нее) побегах революционеров из тюрем и ссылки, которыми был так богат тот год. М.Г. Седов верно заметил, что «один 1878 год дает столько примеров организации побегов, сколько не знала до этого вся русская революционная история»⁵⁸⁶. Среди тех, кто вырвался тогда из неволи на волю, были, кроме Перовской, и другие герои народничества: Ольга Любатович, Анна Якимова, Лев Дейч, Яков Стефанович, Андрей Пресняков.

Словом, на этой встрече Перовской с друзьями после ее побега, — можно сказать, на «сходке» или «вечеринке», — царил мажорная, оптимистическая атмосфера. Не зря великий Александр Блок воспроизвел ее в главном из своих произведений, в поэме «Возмездие». Вечеринка народников у Блока идейно перекликается с такими шедеврами русской живописи, как «Сходка» И.Е. Репина и «Вечеринка» В.Е. Маковского. Поэт рисует облик Софьи Львовны с подчеркнутой симпатией к ней:

И этот милый, нежный взор
Горит отвагой и печалью...

Другой герой сцены («В своих движениях уверен / И степен; мужественный вид») Сергей Кравчинский поздравляет Перовскую:

---

⁵⁸⁴ Милютин Д.А. Дневник. Т. 3 (1878–1880). М., 1950. С. 85.

⁵⁸⁵ ГАРФ. Ф. 109. Секр. архив. Оп. 1. Д. 836.

⁵⁸⁶ Седов М.Г. Героический период революционного народничества. М., 1966. С. 100.

С побегом, Соня... Софья Львовна!
Опять — на смертную борьбу!

Вся эта сцена проникнута ощущением жертвенности, даже обреченности в судьбах ее героев. Но в ней (особенно, в финале ее, когда народники варят жженку) ощутим и неиссякаемый, вопреки грядущему лиху, оптимизм:

Как будто — свадьба, новоселье,
Как будто — всех не ждет гроза,
Такое детское веселье
Зажгло суровые глаза...⁵⁸⁷.

Но был на этой сходке-вечеринке момент, который разбередил еще свежую, не затянувшуюся рану в душе Софьи Львовны, — ту рану, что напоминала ей о неудачных попытках освобождения харьковских каторжан и как бы манила ее вернуться в Харьков, возобновить эти попытки и, в конце концов, добиться успеха. Дело в том, что Кравчинский именно здесь ознакомил Перовскую с брошюрой под названием: «Заживо погребенные (К русскому обществу от политических каторжников)». Автор брошюры, лидер кружка долгушинцев Александр Васильевич Долгушин, осужденный по делу о его кружке на 10 лет каторги, написал и переправил текст на волю через А.В. Дмоховскую — мать его товарища Л.А. Дмоховского и знакомую Софьи Перовской⁵⁸⁸. «Чайковцы» Кравчинский и Клеменц тут же опубликовали брошюру в нелегальной типографии «Земли и воли». Теперь Кравчинский показал ее как новинку Перовской.

Содержание брошюры было душераздирающим — факты и факты о доведении узников Новобелгородского каторжного центра «до совершенного истощения, до сумасшествия, до могилы», или о таких, к примеру, житейских деталях

---

⁵⁸⁷ Блок А.А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1971. Т. 3.С. 201–202.

⁵⁸⁸ См.: Кункль А.А. Долгушинцы. М., 1931. С. 191.

каторжного бытия: «Знаете ли вы, что такое карцеры в центральной тюрьме? Это клетки, отгороженные в ретирадном месте, по своей величине и абсолютной тьме напоминающие (без преувеличения) могилу. Впрочем, даже для мертвеца среднего роста такая могила была бы, пожалуй, тесна: живой может поместиться в ней, только согнувшись. Отсидевший в этой вонючей, тесной клетке при выходе обыкновенно едва держится на ногах от головокружения»⁵⁸⁹.

Перовская под впечатлением брошюры Долгушина буквально загорелась идеей вернуться к планам освобождения дорогих ее сердцу и разуму народолюбцев из харьковских централов и сделать для этого все возможное. Сергей Кравчинский, на глазах у которого все это происходило, заключал: «Все предыдущие неудачи не только не сломили, но, казалось, даже усилили в ней жажду осуществить свой *заветный* план освобождения»⁵⁹⁰. Кравчинский понял, что отговорить Перовскую от ее заветного плана (никакими ссылками на ужасные трудности и опасности) невозможно. Он только уговорил Софью Львовну задержаться в Петербурге еще на несколько дней, чтобы помочь сближению бывших «чайковцев» с землевольцами.

Судя по воспоминаниям самого авторитетного и осведомленного из мемуаристов-землевольцев О.В. Аптекмана, именно в те *летние* дни 1878 г. Перовская была принята в общество «Земля и воля»⁵⁹¹. При этом землевольцы обошлись без каких-либо формальностей, вроде голосования: «чайковцев» с их репутацией принимали, что называется «на ура». Софья Львовна была просто кооптирована в Основной кружок (т.е. в центральную организацию «Земли и воли»). Тогда же, в результате сближения бывших «чайковцев» с землевольцами (несомненно, при активном участии Перовской)

---

⁵⁸⁹ Долгушин А.В. Заживо погребенные. Пб., 1921. С. 60, 64–65, 68. После 1905 г. эта брошюра переиздавалась неоднократно.

⁵⁹⁰ Степняк-Кравчинский С.М. Избранное. С. 461.

⁵⁹¹ См.: Аптекман О.В. Цит. соч. С. 199.

членами Основного кружка «Земли и воли» стали «чайковцы» С.М. Кравчинский, Н.А. Морозов, Д.А. Клеменц, М.Ф. Фроленко, Л.А. Тихомиров⁵⁹².

5. «Земля и воля»

Итак, Перовская уезжала в Харьков на дело, давно взлелеянное ею, — попытаться освободить заключенных в каторжные центры товарищей, — уже как член «Земли и воли», по ее заданию и с надеждой на ее помощь. Между тем Кравчинский договорился с друзьями из прежних и новых членов «Земли и воли» устроить такое чествование Софьи Львовны перед ее отъездом в Харьков, которое, как выразился Н.П. Ашешов, «можно было бы назвать “безумством храбрых”»⁵⁹³.

Одиннадцать активных землевольцев (все — нелегалы, каждый из них в розыске у полиции) устроили *культпоход* на оперный спектакль «Пророк» Джакомо Мейербера в Мариинский театр, где Кравчинский купил для всех литерную ложу. «Вообще, — вспоминала об этом культпоходе Ольга Любатович, — революционеры в театры обычно не ходили, но Кравчинскому всегда как-то нравилось пытаться судьбу <...> Тогда в Петербурге, несмотря на жандармские облавы, арестов в “Земле и воле” еще не было, и все поддались его отважной фантазии. Нас было в ложе человек 11: Александр Михайлов, Адриан Михайлов, Морозов, Кравчинский, Перовская, Коленкина, Баранников, я, Оболевеш⁵⁹⁴, Ольга Натансон и еще кто-то. Мы собрались туда небольшими группами и просидели весь вечер под обаянием музыки»⁵⁹⁵.

⁵⁹² Аптекман О.В. Цит. соч. С. 199.

⁵⁹³ Ашешов Н.П. Цит. соч. С. 63.

⁵⁹⁴ Алексей Дмитриевич Оболевеш (1854–1881) — один из учредителей «Земли и воли». В 1880 г. приговорен к смертной казни, замененной 20 годами каторги. Умер, спустя год, в каторжной тюрьме.

⁵⁹⁵ Любатович О.С. Цит. соч. С. 35–36.

Опера Д. Мейербера «Пророк» была тогда «очень любима в революционном кругу» россиян⁵⁹⁶. Сюжет оперы (антифеодальная, христианско-социалистическая Мюнстерская коммуна 1534–1535 гг. и ее вождь, народолобец Иоанн Лейденский, казненный феодалами) волновал российских народолобцев и вдохновлял их на революционную борьбу. Кравчинский в передовой статье 1-го номера газеты «Земля и воля» назвал Иоанна Лейденского в ряду таких «исключительно талантливых» борцов за народ, как один из вождей Французской революции XVIII в. Жан Поль Марат и герой Парижской Коммуны 1871 г. Луи Эжен Варлен⁵⁹⁷.

В тот вечер в Мариинском театре Перовская и ее «честователи» не только наслаждались «Пророком» Мейербера. Цитирую Ольгу Любатович: «В антрактах мы шутили и смеялись, говорили, сколько бы дало правительство за удовольствие захватить сразу все это гнездо “злоумышленники”, но правительство меньше всего, конечно, могло искать нас здесь»⁵⁹⁸. Впрочем, и «злоумышленников», со своей стороны, меньше всего могли в тот день представить себе, что через два-три года все они (кроме Кравчинского, который успеет эмигрировать) будут схвачены и трое из них осуждены на смертную казнь, а двое — на вечную каторгу...

В Харьков Перовская отбыла из Петербурга на следующий же день после столь отградного культпохода в Мариинку. «Теперь, — подчеркивал Кравчинский, — она замышляет уже произвести *массовое* освобождение — если не всех, то, по крайней мере, значительной части заключенных». Цитирую далее подробный рассказ Кравчинского о том, какова была новохарьковская страда Перовской, — страда, которую, по современной моде, уместно было бы назвать: «Харьков-2». Итак, слово — Сергею Кравчинскому⁵⁹⁹.

---

⁵⁹⁶ Любатович О.С. Цит. соч. С. 35.

⁵⁹⁷ Революционная журналистика семидесятых годов. С. 127.

⁵⁹⁸ Любатович О.С. Цит. соч. С. 36.

⁵⁹⁹ Степняк-Кравчинский С.М. Избранное. С. 461.

«Дело было невероятно трудное и затруднялось для нее нелегальным положением⁶⁰⁰. Перовская преодолела, однако, первые препятствия и подготовила очень многое: ей удалось подыскать людей, устроить наблюдение за центральной тюрьмой и завести сношения с заключенными. Относящиеся к этому периоду письма, которые она посылала в Петербург, дышат верой в возможность осуществления ее плана. Она просила только поддержки — людьми и деньгами. Деньги посылались в достаточном количестве, но в людях почти всегда приходилось отказывать по множеству других дел. Таким образом, главную массу работы Перовская несла на своих плечах. Сверх разнообразных конспиративных забот по своему предприятию она взяла на себя столь хлопотливое дело, как снабжение заключенных провизией⁶⁰¹, книгами, одеждой, и исполняла это с обычной своей добросовестностью и усердием <...> Все эти занятия не помешали ей поступить под фальшивым паспортом на акушерские курсы, пройти их за 3 месяца до конца, отлично выдержать экзамен и получить диплом — все с целью устроиться когда-нибудь в деревне для пропаганды среди крестьян. При всем том у нее хватало еще времени (и сил! — *Н.Т.*) на активную пропаганду среди молодежи, где она имела массу знакомств и организовала местный кружок, просуществовавший более двух лет». В скором времени именно этот кружок станет ядром харьковской организации для партии «Народная воля».

Вот многозначная иллюстрация из воспоминаний Кравчинского о харьковском деле Перовской. «Редкая минута пропадала у нее даром. Если она приходила к кому-нибудь, то не иначе как по какому-нибудь делу или ввиду будущего дела. Посидев сколько нужно, она уходила, не тратя никогда часов и вечеров

---

⁶⁰⁰ После побега с пути в ссылку Перовская до конца своих дней жила нелегально, с разными паспортами.

⁶⁰¹ «Перовская старалась послать то, что было редкостью в тюремном обиходе, но что, с точки зрения здоровья, было в особенности необходимо во избежание обычных тюремных заболеваний. И она покупала массами и посылала в тюрьму сельдей, лимоны, сыр, яблоки...» (*Ашешов Н.П.* Цит. соч. С. 64).

для одного только удовольствия быть в обществе приятных людей <...> Она очень любила и людей и общество, но только “дело” любила еще больше. Приятельская болтовня, после некоторой весьма умеренной дозы, становилась ей скучной, и без малейшей тени рахметовской угловатости, с той же простотой и естественностью, с какой болтала и шутила сама, она уходила и мчалась куда-нибудь на другой конец города своей быстрой походкой неутомимого скорохода, засунув руки в рукава пальто или маленькую муфточку, наклонив немного вперед свою гладко причесанную русую головку, серьезная, сосредоточенная и слегка насупленная, точно и дорогой она продолжала думать о “делах”, чтобы не тратить понапрасну времени»⁶⁰².

«Однако, даже при ее энергии, ее способностях и упрямстве, — грустил Кравчинский, — не было никакой возможности довести до конца колоссальное дело, задуманное ею. Мало-помалу “Земля и воля” совершенно перестала поддерживать ее»⁶⁰³. Дело в том, что землевольцам в Петербурге самим не хватало сил для развернутой ими пропаганды во всех слоях русского народа от деревенских крестьян-сектантов до столичного офицерства. А через два месяца после убийства Мезенцова «Землю и волю» обескровил жесточайший погром: в одну ночь с 11 на 12 октября 1878 г. были арестованы Ольга Натансон (Марка Натансона взяли под стражу еще в июне того года), Адриан Михайлов, Алексей Оболешев, Леонид Буланов, Александра Малиновская, Мария Коленкина, Леонтий Бердников, Василий Трощанский и др.⁶⁰⁴.

«При таких условиях, — заключал Кравчинский, — нечего было и думать о попытке освободить “центральных”. Перовская поняла это. На вид спокойная и даже не особенно грустная, по ночам она рыдала, уткнувшись головой в подушки: ей приходилось бросать на произвол судьбы своих несчастных товарищей и друзей, которых она безгранично любила, бросать

---

⁶⁰² Степняк-Кравчинский С.М. Избранное. С. 462.

⁶⁰³ Там же.

⁶⁰⁴ См.: Аптекман О.В. Цит. соч. С. 329.

навсегда, безвозвратно, потому что она видела ясно, что невозможное теперь сделается потом еще более невозможным»⁶⁰⁵.

В Харькове Софья Львовна узнавала о положении дел в Петербурге из краткой шифрованной переписки с товарищами и, подробнее, из рассказов землевольцев, заезжавших в Харьков по тем или другим делам, — чаще всего именно для связи с нею. Однажды разыскал Перовскую в Харькове член Основного кружка «Земли и воли» Михаил Родионович Попов («Родионич», как запросто звали его друзья, хотя конспиративная кличка у него была импозантной: «Генерал»). Он показал Софье Львовне письмо от Александра Михайлова к землевольцам-провинциалам: «Продайте все, что можно продать и поспешите в Петербург! Мы разгромлены. Нет ни людей, ни средств»⁶⁰⁶. Под впечатлением такой информации и после такого призыва из центра Перовская вынуждена будет вернуться в Петербург, чтобы там, в центре событий, помочь общему делу восстановления сил и средств «Земли и воли»...

Что же представляла собой к тому времени «Земля и воля», чем, где и как она занималась? Вернемся к ее началу, чтобы лучше понять, как ориентировалась Софья Перовская в революционных событиях, оставаясь в Харькове и по возвращении в Петербург.

Возникновение «Земли и воли» датируют, как правило, осенью (Александр Михайлов конкретно называл октябрь⁶⁰⁷) 1876 г., хотя оформилась она лишь в январе 1877 г. на учредительном собрании в Петербурге членов «Общества северных народников», т.е. кружка во главе с М.А. Натансоном, и т.н. «Харьковско-ростовского кружка» (В.А. Осинский, О.В. Аптекман и др.). Название же «Земля и воля» было принято обществом в память о первой «Земле и воле» 1861–1863 гг. осенью

⁶⁰⁵ Степняк-Кравчинский С.М. Избранное. С. 462–463.

⁶⁰⁶ Попов М.Р. Записки землевольца. М., 1933. С. 199. Здесь явно речь идет о письме от 15 января 1879 г. с вызовом землевольцев на помощь центру. Текст письма см.: Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932. С. 97.

⁶⁰⁷ Прибылева-Корба А.П., Фигнер В.Н. Указ. соч. С. 111.

1878 г.⁶⁰⁸, когда начал выходить центральный орган общества — журнал «Земля и воля» (кстати, по инициативе и под редакцией Кравчинского; и другие из первых трех редакторов «Земли и воли» — Морозов и Клеменц — тоже были «чайковцами»).

Устав второй «Земли и воли», составленный коллективно, провозглашал «основными принципами» не только «согласие каждого члена с программой и обязательство действовать в ее духе», но и «подчинение меньшинства большинству», «безусловное принесение каждым членом на пользу организации всех своих сил, средств, связей, симпатий и даже своей жизни»⁶⁰⁹. Таким образом, «Земля и воля» 70-х годов строилась на жесткой основе централизма и дисциплины. Это придавало ей *внешнее* сходство с нечаевской «Народной расправой». Однако устав «Земли и воли» антинечаевски декларировал: «все члены Основного кружка совершенно равноправны»; каждый из них «обязан всеми силами поддерживать честь как всей организации, так и отдельных членов ее», между ними «должны существовать полнейшая искренность и откровенность в деловых отношениях».

Организационная структура «Земли и воли» была стройной и рациональной. Ее Основной кружок составили члены-учредители общества. Их было 26: М.А. Натансон, О.А. Натансон (Шлейснер), А.Д. Михайлов, Д.А. Лизогуб, В.А. Осинский, Г.В. Плеханов, О.В. Аптекман, А.Д. Оболевешев, А.И. Зунделевич, М.Р. Попов, А.А. Квятковский, А.И. Баранников и др.⁶¹⁰. Позднее в кружок были кооптированы еще 35 человек: Среди них в 1877 г. — Н.С. Тютчев, в 1878 — С.Л. Перовская, С.М. Кравчинский, Д.А. Клеменц, Н.А. Морозов, Л.А. Тихомиров, М.Ф. Фроленко, О.С. Любатович, в 1879 — В.Н. Фигнер, А.И. Желябов, Н.Н. Колодкевич, С.Г. Ширяев, П.Б. Аксельрод, М.Н. Ошанина,

---

⁶⁰⁸ В 1876–1878 гг. будущая «Земля и воля» называлась просто «Обществом народников» (Письма народовольца А.Д. Михайлова. М., 1933. С. 227).

⁶⁰⁹ Текст устава см.: РН. Т. 2. С. 34–42.

⁶¹⁰ Все 26 перечислены в кн.: *Ткаченко П.С.* Революционная народническая организация «Земля и воля» (1876–1879 гг.). М., 1961. С. 74–78.

Я.В. Стефанович, В.И. Засулич, Л.Г. Дейч. Таким образом, общая численность Основного кружка «Земли и воли» — 61 человек.

Среди ведущих деятелей «Земли и воли» вначале самыми авторитетными были соратники Перовской по Большому обществу пропаганды супруги Марк и Ольга Натансон. О.В. Аптекман называл их обоих «строителями общества», уточняя, что Марк Андреевич был «головой этого общества», а Ольга Александровна — «сердцем его»⁶¹¹. После того как Марк Натансон в июне 1877 г. был арестован, на первое место в «Земле и воле» выдвинулся Александр Дмитриевич Михайлов. Он стал как бы «хозяйном организации»⁶¹², ее главным администратором, который вникал буквально во все и вся, причем был «неутомим, неистощим, вездесущ и всеведущ»⁶¹³. Землевольцы метили его после победы революции (если бы удалось до нее дожить) в премьер-министры, а пока за неусыпные заботы о порядке в их организации дали ему кличку «Дворник».

Кроме Основного кружка, в состав «Земли и воли» входили местные группы — не менее чем в 15 городах (Москва, Нижний Новгород, Казань, Самара, Саратов, Астрахань, Тамбов, Воронеж, Ростов, Киев, Харьков, Одесса, ряд мест в Белоруссии, Прибалтике, Молдавии). Всего в местных группах общества О.В. Аптекман насчитывал, как минимум, 150 человек⁶¹⁴.

«Земля и воля» располагала большими денежными средствами, которые помогали ей ставить революционное дело, как говорится, «на широкую ногу». Пожалуй, главным источником ее «капитала» было состояние «чайковца» Дмитрия Андреевича Лизогуба — украинского помещика, который владел именьями в Черниговской и Каменец-Подольской губерниях с земельным массивом в 5,5 тыс. десятин⁶¹⁵. Впрочем, может

⁶¹¹ Аптекман О.В. Цит. соч. С. 215.

⁶¹² Фигнер В.Н. Полн. собр. соч. М., 1932. Т. 5. С. 252.

⁶¹³ Аптекман О.В. Цит. соч. С. 216.

⁶¹⁴ Там же. С. 200.

⁶¹⁵ ГАРФ. Ф. 109. З эксп. 1874. Д. 144. Ч. 3. Л. 365 об. (справка Черниговского губернского жандармского управления о состоянии Д.А. Лизогуба).

быть, помог землевозцам и другой капиталисты, выражаясь по-современному, *спонсор*. После смерти их кумира Н.А. Некрасова в обществе ходили усердные слухи, что поэт тайно завещал «Земле и воле» 500 тыс. руб.⁶¹⁶. Биографы поэта не исключают этого, учитывая, что Некрасов, бывший к концу жизни очень состоятельным человеком, вовсе не оставил, к удивлению родственников и друзей, денежных бумаг, между тем как сам говорил незадолго до смерти, что у него «не одна сотня тысяч в процентных бумагах»⁶¹⁷.

Программа «Земли и воли», хотя и уступала зрелостью и основательностью будущей программе «Народной воли», была все же более рациональной, чем все предыдущие программы народников. Правда, «конечным политическим и экономическим идеалом» «Земля и воля» провозглашала «анархию и коллективизм»⁶¹⁸. Здесь землевозцы оставались еще на старых позициях как социалисты-утописты и анархисты. Но, в отличие от большинства народников первой половины 70-х годов, они уже не считали возможным установление анархии сразу или вскоре после революции, для них анархия — лишь «конечный идеал». «Мы, — гласит программа «Земли и воли», — суживаем наши требования до реально осуществимых в ближайшем будущем, т.е. до народных требований, каковы они есть в данную минуту». Все они были сведены к «четырем главнейшим пунктам».

1. «Переход всей земли в руки крестьянства» и распределение ее главным образом по сельским *общинам*.

2. «Полное мирское самоуправление», т.е. создание на территории России союзов общин, из которых «каждый определит сам, какую долю общественных функций он отдаст» своему правительству.

---

⁶¹⁶ Штакеншнейдер Е.А. Дневник и записки (1854–1886). М.; Л., 1934. С. 435.

⁶¹⁷ Жданов В.В. Некрасов. М., 1971. С. 473, 474.

⁶¹⁸ Текст программы «Земли и воли» в окончательной редакции см.: РН. Т. 2. С. 30–33.

3. «Полнейшая свобода исповеданий».

4. Обязательство «содействовать разделению теперешней Российской империи на части соответственно местным желанием», поскольку в состав ее входят «такие местности и такие национальности, которые по первой возможности готовы отделиться, каковы, например, Малороссия, Польша, Кавказ и пр.».

Политических требований землевольцы не выдвигали, оставаясь на позициях специфически народнического аполитизма, т.е. полагая, что вершить следует не политическую, а более глубокую, всеохватывающую *социальную* революцию, побочным результатом которой, — «как дым при топке печи», — явится и политическая свобода⁶¹⁹.

В целом программа «Земли и воли» была глубоко демократической. Она отвечала самым насущным требованиям народных масс России. Афористически определил ее смысл Александр Михайлов: «В России одна теория, одна практика — добиться Воли, чтобы иметь Землю, иметь Землю и Волю, чтобы быть счастливым»⁶²⁰. Правда, *социалистический* (особенно ценимый самими землевольцами) акцент в программе на «общинном начале» и «мирском самоуправлении»

---

⁶¹⁹ Революционная журналистика семидесятых годов. С. 197 (автор статьи в № 2 «Земли и воли» — Д.А. Клеменц).

⁶²⁰ Письма народовольца А.Д. Михайлова. С. 202. Вот научно выверенные данные о том, как распределялась тогда в России земля: на одно помещичье хозяйство приходилось в среднем по стране 4666 десятин, а на крестьянское — 5,2 десятины, причем сумма налогов с крестьян более чем вдвое превышала доходность крестьянских хозяйств (Янсон Ю.Э. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1877. С. 32–33, 58, 111–113). Что касается воли, то и после отмены крепостного права народ оставался в неволе у самодержавия.

Юлий Эдуардович Янсон (1835–1893) — самый авторитетный в то время российский статистик, член-корр. Петербургской Академии наук, член Международного статистического комитета, почетный член многих российских и зарубежных научных обществ.

был утопичен, но, по сути дела, он представлял собой лишь *облачение* реального смысла программы.

В самой программе было подчеркнуто, что она может быть реализована «только путем насильственного переворота, и притом возможно скорейшего», пока развитие капитализма не разрушило общину (как зародыш социализма). Решающей силой революции землевольцы считали народ (главным образом, конечно же, крестьянство). «Революции, — разъяснял центральный орган «Земли и воли», — дело народных масс. Подготавливает их история. Революционеры ничего поправить не в силах. Они могут быть только орудиями истории, выразителями народных стремлений. Роль их заключается в том, чтобы, организуя народ во имя его стремлений и требований и поднимая его на борьбу с целью их осуществления, содействовать ускорению того революционного процесса, который по непреложным законам природы совершается в данный период. Вне этой роли они — ничто; в пределах ее они — один из могущественных факторов истории»⁶²¹.

Готовить революцию землевольцы предполагали двояко — посредством *организаторской* и *дезорганизаторской* деятельности. «Часть организаторская» их программы включала в себя пропаганду и агитацию среди крестьян, интеллигенции и рабочих (фактически, — во всех слоях общества). Для агитации среди крестьян предписывалось отныне устраивать постоянные поселения революционеров в деревне. «Бродячая» пропаганда á la 1874 год отвергалась.

«Часть дезорганизаторская» включала средства, призванные «дезорганизовать правительство», а именно «заведение связей в войсках», привлечение на сторону революции правительственных чиновников и, наконец, «систематическое истребление наиболее вредных лиц из правительства», т.е. уже индивидуальный террор. Появление этого пункта в программе

---

⁶²¹ Революционная журналистика семидесятых годов. С. 120 (цит. переводная статья из № 1 журнала «Земля и воля», автор статьи — С.М. Кравчинский, один из самых близких друзей и соратников Софьи Перовской).

«Земли и воли» было уступкой зарождавшемуся внутри народничества политическому направлению. Но в 1877–1878 гг. террор еще не был признан орудием политической борьбы и вообще отвергался как система. Он допускался лишь как совокупность отдельных актов самозащиты и мести «наиболее вредным» врагам. «С борьбой против основ существующего порядка терроризация не имеет ничего общего, — гласит передовая статья № 1 «Земли и воли». — <...> Разрушить систему может только сам народ. Поэтому главная масса наших сил должна работать в среде народа. Террористы — это не более как охранительный отряд, назначение которого — оберегать этих работников от ударов врагов»⁶²²...

Пока «Земля и воля» формировалась, вырабатывала устав и программу и начала действовать, Софья Перовская оставалась в стороне от нее: арестованная 5 января 1874 г. и вскоре освобожденная на поруки отцу, она до вызова в суд по делу «193-х» жила в Приморском под надзором полиции и могла лишь черпать какую-то информацию о «Земле и воле» от навещавших ее «чайковцев», других народников, от местных знакомых, вроде В.К. Винберга, а также из газет. Ее аналитический ум позволял ей уже тогда понять и оценить революционные акты землевольцев, иные из которых будоражили всю Россию с откликами за рубежом.

Да, «Земля и воля» очень громко заявила о себе первым же своим практическим шагом. То была организованная ею историческая Казанская демонстрация 6 декабря 1876 г. в Петербурге, на площади перед Казанским собором — первая в России уличная революционная демонстрация под красным знаменем. В ней приняли участие до 400 человек. Оратором выступил 20-летний член-учредитель «Земли и воли», впоследствии всемирно знаменитый социал-демократ Георгий Валентинович Плеханов, а знаменосцем был еще более юный, 18-летний рабочий Яков Потапов. Многолюдье демонстрантов было рассеяно отрядом полиции, но арестовать удалось лишь

---

⁶²² Революционная журналистика семидесятых годов. С. 124.

30 человек, причем среди них не оказалось ни одного из вожаков «Земли и воли». Скрылся и с того дня перешел на нелегальное положение Плеханов⁶²³. Арестованные же участники демонстрации судились на процессе в ОППС с 18 по 25 января 1877 г. Именно здесь был осужден (под фамилией «Боголюбов») на 15 лет каторги (!), а потом, в тюрьме, высечен розгами землеволец Алексей Емельянов — друг и свадебный шафер Василия Львовича Перовского. А вот знаменосца Потапова по не совершеннолетию сослали было на 5 лет в келью Соловецкого монастыря «для исправления», но он оказался неисправим: на заупокойной обедне в память об убиенном Александре II дал по уху настоятелю и за это был пересослан в Сибирь⁶²⁴.

Казанская демонстрация и суд над ее участниками («декабристами 1876 года») вызвали оживленные отклики в России и за границей. Перовская, несомненно, была наслышана об этих событиях, еще будучи в Крыму (в Приморском и Симферополе), а затем, по прибытии в Петербург летом 1877 г., общаясь уже непосредственно с «троглодитами», как обозвал (шутя) первых землевольцев Клеменц. Вероятно, она и ее друзья-«чайковцы» ждали от «троглодитов» новых шагов в том же духе. Но землевольцы избрали главным объектом организаторской части своей программы создание деревенских поселений для *оседлой* (вместо прежней «бродячей», «кочевой», «летучей»...) пропаганды среди крестьян.

Уже с осени 1877 г., с первой своей весны, «Земля и воля» «форсированным маршем», как выразился О.В. Аптекман, двинула свои основные силы в деревню. Организаторами деревенских *поселений* землевольцев стали члены Основного кружка, а в помощь им были мобилизованы местные группы общества.

---

⁶²³ Жандармы сразу начали искать его по всей России, причем в первых досъе фамилия варьировалась: Плюханов, Плюхов, Плюганов (Первая рабочая демонстрация в России. М.; Л., 1927. С. 72).

⁶²⁴ См.: *Лурье Г.И.* Как в монастыре рабочего исправляли // Каторга и ссылка. 1931. № 11–12.

Главными очагами землевольческих поселений были избраны Поволжье, Дон и Кубань. Эти места, богатые стародавними традициями крестьянского протеста, казалось, сулили землевольцам верный успех. «Мы верили и надеялись, — вспоминал О.В. Аптекман, — что там, где 200 и 100 лет тому назад разыгрались величайшие исторические драмы народной жизни, бунты Стеньки Разина и Пугачева, <...> нам удастся создать в народе рать, призванную осуществить народную революцию»⁶²⁵.

Самыми крупными из деревенских поселений «Земли и воли» стали два саратовских. Весной 1877 г. Ольга Натансон и Василий Трощанский основали первое из них⁶²⁶. Правда, через три месяца оба они были срочно вызваны в Петербург по случаю ареста Марка Натансона, но им на смену приехали в Саратов А.Д. Михайлов, Г.В. Плеханов, О.В. Аптекман, А.А. Хотинский и др., всего — больше 20 человек. Поселение действовало около восьми месяцев. В октябре 1877 г. местная полиция, слышавшая чуть ли не самой зоркой на периферии, выследила и разгромила его «штаб-квартиру», хотя арестовать никого из главных поселенцев не удалось. Той же осенью почти все землевольцы разъехались из саратовских деревень.

Саратовское поселение 1877 г. было первым, но не единственным. Землевольцы продолжали считать Саратовскую губернию одной из самых перспективных для агитации среди крестьян (ведь здесь были и Разин, и Пугачев!). Поэтому с весны 1878 г. в Саратове организуется центр нового землевольческого поселения, которое просуществовало до мая 1879 г., т.е. почти до конца «Земли и воли»⁶²⁷.

На этот раз в Саратов приехали Н.А. Морозов, Ю.Н. Богданович, А.И. Иванчин-Писарев, Н.А. Армфельд (все четверо —

---

⁶²⁵ Аптекман О.В. Цит. соч. С. 260.

⁶²⁶ Подробно о нем см.: Там же. С. 261–273.

⁶²⁷ Подробно о нем см.: *Воронихин А.В.* Один год из жизни Веры Фигнер (Новое о саратовском поселении землевольцев 1878–1879 гг.) // Освободительное движение в России. Саратов, 1992. Вып. 15.

бывшие «чайковцы»), А.К. Соловьев, сестры Вера и Евгения Фигнер. Кроме них в саратовских деревнях уже «оседло» действовали еще 8–10 землевольцев.

С помощью местного нотариуса Василия Степановича Праотцева, который имел обширнейшие связи по всей губернии, вплоть до близкого знакомства с начальником ГЖУ, Богданович, Иванчин-Писарев и Соловьев устроились писарями в селах Вольского уезда⁶²⁸, а сестры Фигнер — фельдшерицами в Петровском уезде (с. Вязьино). Для саратовской деревни 1870-х годов приезд «аж из самого Питера» интеллигентных барышень в качестве фельдшерлиц был диковинкой. «Бедный народ, — вспоминала Вера Фигнер, — стекался ко мне, как к чудотворной иконе, целыми десятками и сотнями. Около фельдшерского домика стоял с утра до позднего вечера целый обоз»⁶²⁹.

В первый же месяц работы сестры Фигнер приняли 800 больных, а за 10 месяцев — 5 тысяч. Крестьян трогала не только врачебная помощь, но и чуткость, сердечность к ним со стороны барышень-фельдшерлиц. Особенно популярны сестры Фигнер стали после того, как им удалось открыть школу, и Евгения Николаевна взялась бесплатно учить крестьянских детей. Крестьяне отзывались о Евгении Николаевне не иначе, как «наша золотая учительша» (впрочем, Веру Николаевну звали даже «богородицей»).

Доверие и признательность крестьян, естественно, облегчали сестрам Фигнер революционную пропаганду. Сестры использовали для этого и приемы больных, и уроки в школе, и, в особенности, беседы и чтения в крестьянских дворах.

Однако местные власти заподозрили в общении фельдшерлиц с сельчанами «крамолу» и стали бдительно следить за ними. В Саратов полетели доносы, что Евгения Фигнер внушает

---

⁶²⁸ «Эти три лица поставили себя так, что потом могли бы заместить по своей рекомендации все места писарей в Вольском уезде» (Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Т. 1. С. 160).

⁶²⁹ Там же. С. 162.

ученикам: «Бога нет, а царя не надо», и что обе сестры «ходят из избы в избу и читают прокламации»⁶³⁰. Вести пропаганду становилось все труднее. В таком же положении оказывались и другие землеvolьцы. Джордж Кеннан, изучавший тогда Россию, свидетельствовал, что народников, которые устраивались, например, писарями, «скоро арестовывали, заключая об их революционности по тому, что они не пьянствовали и не брали взятки»⁶³¹ (сразу было видно, что писари — не настоящие). Богданович, Иванчин-Писарев и Соловьев, а вслед за ними и другие землеvolьцы, спасаясь от ареста, вынуждены были уехать из Саратовской губернии. Последней скрылась из с. Вязьмино Вера Фигнер — 20 апреля 1879 г., за день до того, как жандармы явились арестовать ее.

Жители Вязьмина хранят благодарную память о Вере Фигнер из поколения в поколение, сохранили поныне и дом, где она жила. В 1974 г. на этом доме была открыта мемориальная доска⁶³²...

Агитация среди крестьян занимала главное место в практике землеvolьцев. М.Ф. Фроленко даже называл «Землю и волю» «народнически-поселенческой партией»⁶³³. Да и самый тип народника-пропагандиста 70-х годов С.М. Кравчинский характеризовал такими словами: «Социализм был его верой, народ — его божеством»⁶³⁴.

Перовская, всегда тяготевшая, как мы видели, именно к такой, пропагандистской работе среди простого люда, знала и могла оценить поселенческие идеи землеvolьцев. Ведь она по-деловому общалась с некоторыми из них, когда они — по окончании процесса «193-х», — вместе обсуждали проекты восстановления Большого общества пропаганды. В частности,

---

⁶³⁰ Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Т. 1. С. 167.

⁶³¹ Кеннан Д. Сибирь и ссылка. СПб., 1906. С. 143.

⁶³² Снимки дома и мемориальной доски (фотограф И.В. Кузнецова) везьминцы в октябре 1974 г. прислали мне.

⁶³³ Фроленко М.Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 58.

⁶³⁴ Степняк-Кравчинский С.М. Избранное. С. 397.

тогда Софья Львовна впервые познакомилась с Верой Фигнер, уже собиравшейся отправиться в одну из деревень саратовского поселения «Земли и воли». «Отрекомендованная ей в самых горячих выражениях, — вспоминала о той встрече с Перовской Вера Николаевна, — я была вполне очарована демократизмом ее вкусов и привычек, простотой и мягкостью ее обращения»⁶³⁵. Но в то время Перовская так стремилась восстановить организацию «чайковцев», а затем еще и освободить друзей-соратников из каторжных централов, что даже деревенские поселения отодвигала (временно) на второй план.

А тем временем «Земля и воля» все больше склонялась (не прекращая пропагандистской работы в деревне!) к борьбе с правительством, к тому, чтобы на «белый» террор властей отвечать «красным» террором. Сигналом к такому крену послужил выстрел Веры Засулич в петербургского градоначальника Трепова 24 января 1878 г.

Уже 30 января в Одессе Иван Ковальский с группой товарищей оказал вооруженное сопротивление отряду жандармов, который явился арестовать их. 1 февраля в Ростове Иван Ивичевич и Людвиг Брандтнер убили шпиона Акима Никонова, а 23 февраля в Киеве Валериан Осинский стрелял в местного прокурора-садиста М.М. Котляревского. Все пули застряли в роскошной шубе прокурора, он не был даже ранен, но от страха упал, и землевольцы сочли, что дело сделано. Узнав истину, они расклеили по Киеву прокламацию, в которой говорилось: «Случай помешал гибели Котляревского. Но пусть помнит этот негодяй, что каждую минуту его ждет смерть, если он не оставит своей мерзкой деятельности»⁶³⁶.

Сразу после покушения на Котляревского т.н. «дезорганизаторская группа» «Земли и воли» обособилась в «Исполнительный комитет Русской социально-революционной партии» (ИК РСРП). Организатором и вождем этого первого из четырех (!) Исполнительных комитетов народничества был Валериан

---

⁶³⁵ Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Т. 1. С. 157.

⁶³⁶ ЦДІА України. Ф. 316. 1879. Д. 35. Л. 52.

Андреевич Осинский — сын генерала, яркая во всех отношениях личность, «Аполлон русской революции»⁶³⁷, любимец «Земли и воли» и провозвестник «Народной воли». Вокруг него объединились землевольцы и близкие к ним народники, среди которых доминировали бывшие «чайковцы» Д.А. Лизогуб и М.Ф. Фроленко.

ИК Осинского продержался до середины 1879 г. Сам Осинский вместе с Ивичевичем в июне 1878 г. приезжал в Харьков, чтобы помогать Перовской и К^о в попытках освобождения «централочников»-каторжан, но тогда услуги ИК «харьковчанам» не понадобились⁶³⁸. Зато соратники Осинского осуществили ряд нашумевших актов «красного» террора. Самый громкий из них совершил Григорий Гольденберг — трагическая личность в народническом движении. 9 февраля 1879 г. в Харькове он подстерег местного генерал-губернатора кн. Д.Н. Кропоткина⁶³⁹, вскочил на подножку кареты, в которой князь возвращался к себе с бала, и в упор застрелил его. На дознании арестованный Гольденберг проявил исключительную стойкость: наотрез отказавшись назвать кого-либо из «соучастников», смело мотивировал свое покушение («Ты имел несчастье родиться в монархической стране, где слово преследуется так, как нигде в мире, — бей душителей народа их же оружием, иди и убей Кропоткина!»⁶⁴⁰).

Прокурор А.Ф. Добржинский, понаторевший на вымогательстве показаний у заключенных, понял, что такой узник не уступит силе, но, из-за своей чрезмерной эмоциональности и, отчасти, наивности, может раскрыться перед коварством. В камеру к Гольденбергу был подсажен провокатор Федор Курицын. Он повел с Гольденбергом «задушевные» беседы и помог

---

⁶³⁷ «Он был прекрасен как солнце, стройный, крепкий и гибкий, как дамаский клинок <...> Чудное лицо освещалось парой больших голубых глаз, полных огня и юношеской отваги» (*Степняк-Кравчинский С.М.* Избранное. С. 426).

⁶³⁸ См.: *Фроленко М.Ф.* Собр. соч. Т. 1. С. 280.

⁶³⁹ Двоюродный брат Петра Алексеевича Кропоткина.

⁶⁴⁰ РГИА. Ф. 1405. Оп. 77. Д. 7935. Л. 79 об., 80.

Добржинскому подкупить террориста химерической идеей: открыть правительству истинные цели и кадры революционной партии, после чего, мол, правительство, увидев, сколь благородны и цели партии, и ее люди, перестанет преследовать такую партию. 9 марта 1880 г. Гольденберг написал обширное (80 страниц убористой рукописи) показание, а 6 апреля составил к нему приложение на 74 страницах с *восторженной* характеристикой всех упомянутых в показании (143-х!) здравствовавших к тому времени революционеров. Тут были и Желябов, и Перовская, и Александр Михайлов, и Плеханов, и Морозов — словом, вся революционная элита, и о каждом из 143-х сообщались биографические данные, обрисовывались их взгляды, личные качества, даже внешние приметы⁶⁴¹. Все это, разумеется, очень помогло жандармам в розыске лиц, восславленных Гольденбергом.

А Гольденберг вскоре, из мимолетного разговора с арестованным А.И. Зунделевичем, понял, что он натворил, и впал в отчаяние. Не выдержав мук совести, он 15 июля 1880 г. повесился в тюремной камере. Что же касается Курицына, то он на четверть века исчез с политического горизонта. О нем напоминало лишь новое ругательство: «Ах ты, Курицын сын!». Но в 1906 г. Л.Г. Дейч рассказал на страницах журнала «Былое», что Курицын жив-здоров и служит мелким чиновником в Ташкенте. Прочел об этом юный эсер Юлий Грюнберг, поехал в Ташкент и там убил Курицына⁶⁴²...

Вернемся теперь в 1879 год. Еще до покушения Гольденберга на Кропоткина, 25 января, был арестован Валериан Осинский. Военный суд приговорил его к расстрелу, но, после того как Александр II 12 мая уведомил главного военного прокурора империи В.Д. Философова, что более «*соответственным*» (чем расстрел) наказанием для народников является виселица⁶⁴³, Осинского присудили к повешению. Казнили его и двух

---

⁶⁴¹ Показания Гольденберга см.: РГВИА. Ф. 1351. Оп. 2. Д. 525. Ч. 5-а. Л. 1–40. Приложение: Там же. Л. 75–111.

⁶⁴² Красная летопись. 1930. № 1. С. 252; Каторга и ссылка. 1933. № 9. С. 134.

⁶⁴³ Цит. по: *Венедиктов Д.Г.* Палач Иван Фролов и его жертвы. М., 1930. С. 27.

его товарищей (Людвига Брандтнера и Владимира Свириденко) 14 мая 1879 г. в Киеве⁶⁴⁴. Казнь была проделана садистски. Трех вешали поочередно на одной веревке. Глаза, вопреки обычаю, им не завязывали, и Осинский в ожидании своей очереди вынужден был смотреть на предсмертные судороги своих друзей. Очевидцы заметили, что голова его при этом за какое-то полчаса побелела, как снег. Когда же палач накинул петлю ему на шею, военный оркестр по знаку прокурора В.С. Стрельникова заиграл... «Камаринскую».

Так киевские каратели смаковали эту казнь. А под Москвой, в Ясной Поляне, величайший писатель России грустил: «юношу прекрасного Осинского повесили в Киеве»⁶⁴⁵.

Казнь Осинского стала невосполнимой потерей для первого ИК. Его деятели заметно сникли и, один за другим, становились жертвами царских репрессий. К середине 1879 г. ИК был почти поголовно уничтожен. Только за лето того года были казнены 11 народников⁶⁴⁶. Все землевольцы, а в особенности бывшие «чайковцы» больше всего переживали казнь 10 августа в Одессе своего «спонсора», харьковского члена-агента Большого общества пропаганды и члена-учредителя «Земли и воли» Дмитрия Андреевича Лизогуба. Это его Сергей Кравчинский называл «святым» за «идеальную нравственную красоту»⁶⁴⁷. Лизогуб был самозабвенно предан идее освобождения России и считал своим долгом и счастьем жертвовать собой во имя этой идеи. Поскольку же главным его оружием были деньги, он материально обеспечивал борцов за свободу (сначала «чайковцев», а потом землевольцев), в то время как сам «жил беднее последнего из своих приказчиков»⁶⁴⁸, не желая тратить

---

⁶⁴⁴ См.: *Баум Я.Д.* Суд и казнь Л.К. Брандтнера, В.А. Свириденко и В.А. Осинского // *Каторга и ссылка*. 1929. № 7.

⁶⁴⁵ *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. Юб. изд. Т. 63. С. 67.

⁶⁴⁶ Все они перечислены в кн.: *Троицкий Н.А.* Крестonosцы социализма. Саратов, 2002. С. 220.

⁶⁴⁷ *Степняк-Кравчинский С.М.* Избранное. С. 437, 440.

⁶⁴⁸ Там же. С. 437.

ни одной лишней копейки на себя лично. Весь он был поглощен служением делу и заботой о друзьях и соратниках, которые очень ценили исходившее от него трогательное, словно бы жертвенное тепло. Он и на эшафот поднялся с кроткой улыбкой.

Здесь уместно подчеркнуть, что Лев Толстой, потрясенный казнью Лизогуба, которого он относил к «лучшим, высоко нравственным, самоотверженным, добрым людям», наряду с Перовской и Осинским⁶⁴⁹, написал о нем рассказ «Божеское и человеческое», где изобразил Дмитрия Андреевича под именем Светлогуба — героя кристально-чистого и *светлого*⁶⁵⁰...

О трагических для «Земли и воли» событиях на Юге России, о казни Осинского и Лизогуба Перовская узнавала, будучи еще в Харькове. Там она вела активнейшую и плодотворную пропаганду среди учащейся молодежи. Правда, есть данные о том, что летом 1879 г. она вновь выезжала в Весьегонский уезд Тверской губернии, где в 1874 г. училась акушерству у доктора С.М. Шора. Теперь она провела в Весьегонске два месяца — надо полагать, для пропаганды среди крестьян (уже знакомых ей с 1874 г.), но автор публикации о втором весьегонском вояже Софьи Львовны П.Н. Корелин придает ему некую загадочность, так и оставшуюся до конца не раскрытой. По мнению Корелина, Перовская оказалась в Весьегонске, «чтобы укрыться от преследования полиции». «Пользуясь давними знакомствами и связями в среде радикальной земской интеллигенции, — читаем у Корелина, — Перовская находит в Весьегонске надежное убежище. Скрываясь под нелегальной фамилией Елены Федоровны Борщевской, она поселяется в доме А.К. Малиновской вместе со своим спутником Осипом Романовым, которого она выдает за своего мужа. Нам не удалось выяснить, кто был спутником Перовской, но мы должны категорически отклонить неправдоподобные указания молвы, что это был А.И. Желябов, так как последний в то время находился на Юге России»⁶⁵¹. По рассказам

---

⁶⁴⁹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 151.

⁶⁵⁰ Там же. Т. 42. С. 194–227, 645–646.

⁶⁵¹ Корелин П.Н. Новое о С.Л. Перовской. С. 66.

жителей Весъегонска, Софья Львовна будто бы случайно познакомилась с местным помещиком и говорила ему: «Если бы на православных церквях кресты были не из золота, то, поверьте, ни один бы мужик на них не крестился. Мужик крестится не из веры, а завидуя божьему золоту»⁶⁵². Оставим этот весъегонский сюжет в области легенд и загадок. Но вот факт: в 1919 г. улица в Весъегонске, где стоял дом Малиновских, была названа именем Перовской⁶⁵³.

Как бы то ни было, весну и начало лета 1879 г., до Воронежского съезда «Земли и воли» (18–21 июня) Софья Львовна оставалась в Харькове, стараясь компенсировать неудачи в попытках освобождения каторжан результативной пропагандой среди местной, радикально настроенной молодежи. Дело в том, что «Земля и воля» с декабря 1877 г. продолжала, — наряду с деревенскими поселениями и уже отдельными актами «красного» террора, — планомерную агитационную и пропагандистскую работу именно с молодежью (в первую очередь, студенческой), и в столице, и на местах.

Так, 29 декабря 1877 г. землевольцам удалась демонстрация с участием студентов в некрополе Новодевичьего монастыря в Петербурге, когда хоронили Н.А. Некрасова (их оратором здесь, как и на Казанской демонстрации 1876 г., выступил, — кстати, вслед за Ф.М. Достоевским — Плеханов). Довольные собой землевольцы провели тогда в ближайшем к некрополю трактире еще и революционную сходку. «А что, — вспоминал очевидец, — если бы начальство окружило трактир солдатами и арестовало находившихся там! Ведь в его руках оказался бы чуть не весь штаб русской революции»⁶⁵⁴. 25 февраля 1878 г. землевольцы организовали и уличную антиправительственную демонстрацию на похоронах студента-народника Антона Подлевского, умершего в тюрьме⁶⁵⁵. Примерно

---

⁶⁵² Корелин П.Н. Новое о С.Л. Перовской. С. 67.

⁶⁵³ Там же.

⁶⁵⁴ Литературное наследие Г.В. Плеханова. М., 1938. Сб. 6. С. 237.

⁶⁵⁵ См. о ней: ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1878. Д. 133.

300 молодых людей (почти исключительно студентов) пронесли в тот день гроб с телом своего товарища по центральным улицам столицы с вызывающими остановками у зданий Окружного суда и ДПЗ. Наконец, 31 марта 1878 г. землевольцы инициировали самую крупную за 70-е годы демонстрацию 1,5–2 тыс. «лиц всех званий» (по жандармской терминологии), но преимущественно учащейся молодежи, перед зданием Петербургского окружного суда по случаю оправдания Веры Засулич⁶⁵⁶.

Поддержать и повести за собой студентов землевольцы стремились не только в Петербурге, но и в Москве, а также в провинциальных центрах: в Казани, Вильно, Риге, Киеве, Харькове, Одессе — везде, где были вузы. В Харькове, к примеру, 14 декабря 1878 г. местный губернатор Д.Н. Кропоткин явился на студенческую сходку с двумя сотнями казаков и приказал им бить студентов нагайками. «Земля и воля» откликнулась на это гневной прокламацией⁶⁵⁷, а кн. Кропоткин поплатился за свое карательное рвение жизнью...

Итак, — Харьков: именно здесь почти целый год (кроме недолгих «командировок» по революционным делам в другие места), с сентября 1878 до июня 1879 г., вдохновителем, организатором и главным деятелем землевольческой пропаганды среди молодежи была Перовская. К сожалению, конкретных данных об этом немного. Лишь в 1981 г. И.Я. Лосиевский установил, что кружок молодых народников-активистов, организованный Перовской, собирался на сходки в квартире приват-доцента Харьковского университета О.С. Сыцянка на Малой Сумской улице (с 1909 г. — улица Гоголя), дом № 6. Здесь, кстати, Софья Львовна встречалась с А.И. Желябовым, когда тот вернулся с Липецкого съезда «Земли и воли»⁶⁵⁸.

---

⁶⁵⁶ Подробно о ней см.: *Левин Ш.М.* Две демонстрации // Исторические записки. 1955. Т. 54.

⁶⁵⁷ Текст ее см.: РН. Т. 2. С. 77–78.

⁶⁵⁸ См.: *Лосиевский И.Я.* На Малой Сумской // Красное знамя (Харьков). 1981. 27 декабря. Осип Семенович Сыцянка (1826–1886) и его сын, студент Александр

О воздействии Перовской на молодежную среду, о том, как юные харьковские народолюбцы не чаяли в ней души, читаем у С.М. Кравчинского: «Перовская горячо любила эту среду, и едва ли можно указать в нашей партии человека, деятельность которого здесь была бы до такой степени плодотворна. Она завоевывала себе все симпатии молодежи своей простотой, отсутствием какого бы то ни было желанья рисоваться и импонировать своим прошлым, очаровывала ее своим умом, покоряла непреодолимо убедительной речью и, главное, умела воодушевить, увлечь собственной заразительной преданностью делу, сквозившею из всего ее существа <...> Влияние ее на молодые души было неизгладимо именно потому, что она своей личностью действовала на самые глубокие нравственные стороны человеческой натуры»⁶⁵⁹.

Впрочем, мы уже знаем, что обаяние личности Перовской покоряло не только молодые души. Приведу еще один, харьковский пример — из воспоминаний Е.Н. Ковальской. «Моя мать, относившаяся весьма недружелюбно к моим знакомым, после первого визита ко мне Перовской вышла ко мне, улыбаясь: “Вот первая из твоих знакомых, которая мне понравилась; такое милое, чистое лицо, так сразу и влечет к себе”»⁶⁶⁰.

В Петербурге, до и после Харькова, Софья Львовна общалась с гораздо более широким кругом друзей, соратников, учеников, просто знакомых и на всех производила неотразимое впечатление. Она была душою конспиративных собраний в квартире М.В. Трубниковой⁶⁶¹, где встречались землевольцы,

---

Осипович судились на процессе по делу харьковской группы «Народной воли» осенью 1880 г. Отец был оправдан, сын осужден на каторгу, замененную ссылкой в Сибирь. Протокол суда и приговор по этому делу см.: ЦДІА України. Ф. 733. Оп. 1. Д. 9. 7 марта 1898 г. Александр Сыцянюк повесился в пересыльной тюрьме, после того как жандармы с целью провокации сочинили и подбросили ему, якобы от имени его товарищей, записку, в которой он объявлялся предателем.

⁶⁵⁹ *Степняк-Кравчинский С.М.* Избранное. С. 464.

⁶⁶⁰ *Ковальская Е.Н.* Цит. соч. С. 47.

⁶⁶¹ Мария Васильевна Трубникова (1835–1897) — одна из «триумвирата»

бывшие «чайковцы» и будущие народовольцы С.М. Кравчинский, Д.А. Клеменц, Ю.Н. Богданович, Н.Н. Колодкевич, В.Н. Фигнер, А.И. Баранников, М.Н. Ошанина, Л.А. Тихомиров. Дочь Трубниковой Ольга Буланова (землеволок, а с 1879 г. член общества «Черный передел») вспоминала о Перовской с восхищением: «Всегда серьезная, редко улыбающаяся своей очаровательной улыбкой, от которой ее лицо вдруг приобретало детски-веселое выражение, сердечная к людям, с глубоким, сосредоточенным взглядом, миниатюрной фигуркой и мягкими манерами»⁶⁶². Кстати, Буланова отметила, что «находчивость и самообладание» Софьи Львовны «были поразительны»⁶⁶³, в чем мы еще не раз убедимся. Но вот пока — пример из воспоминаний Булановой.

Однажды на конспиративную квартиру, когда там были Перовская и Е.Д. Дубенская (член московской группы «чайковцев»), явилась полиция. Цитирую далее Буланову: «При первом звонке Софья Львовна бросилась в кухню, где прислуга куда-то отлучилась, оставив дверь не запертой. Екатерина Дмитриевна встала в коридоре, заслоняя собой дверь в кухню. Увидев входивших в переднюю городских, Софья Львовна схватила с гвоздя кухаркин передник и, как была, без шляпки, в одном платье и этом переднике, стремглав сбежала с лестницы прямо в лавочку напротив, где купила себе семечек и платочек на голову и, пощелкивая семечки, благополучно прошла мимо шпиков с беззаботным видом горничной из ближайшего дома»⁶⁶⁴...

Между тем, и в деревенских поселениях среди крестьян, и в городах (особенно в Петербурге) среди студентов вести пропаганду становилось для землеволокцев все труднее. Поселения

лидеров женского движения в России, наряду с А.П. Философовой и Н.В. Стасовой; дочь декабриста В.П. Ивашова, мать двух революционерок — Ольги Булановой и Марии Вырубовой. Подробно о ней см.: *Павлюченко Э.А. Женщины в русском освободительном движении*. М., 1988 (ук. имен).

⁶⁶² Буланова-Трубникова О.К. Три поколения. М.; Л., 1923. С. 156.

⁶⁶³ Там же.

⁶⁶⁴ Там же.

они вынуждены были оставлять из-за преследований со стороны местных властей, а в городах царизм подверг беспощадным репрессиям как самих пропагандистов, так и все студенчество, карая любое проявление свойственного образованной молодежи недовольства мракобесием власти. Так, всю зиму 1878–1879 гг. в Петербурге шли аресты (главным образом, среди студентов), общее число которых «Земля и воля» определила более чем в 2 тысячи⁶⁶⁵.

Этот град арестов (который терроризировал, возмущал и озлоблял даже «равнодушных к политике» людей⁶⁶⁶) был следствием высочайше утвержденных 1 сентября 1878 г. Временных правил. Они дали жандармам право не только арестовывать всех «подозреваемых в совершении государственных преступлений или в прикосновенности к ним» (*подозреваемых в прикосновенности!*), но и определять любому из них в качестве наказания административную ссылку — все это «без участия прокурорского надзора» (прокурорам надо было лишь сообщать о том или ином аресте «для сведения»)⁶⁶⁷. Мало того, чтобы отягчить ссылку, 8 августа 1878 г. Александр II всех, подлежащих административной ссылке, «высочайше повелел ссылать преимущественно в Восточную Сибирь»⁶⁶⁸. В общем, страну захлестнула «какая-то оргия доносов, сыска, обысков, арестов и высылки»⁶⁶⁹. Царский министр адм. И.А. Шестаков, и тот признавал: «Явно, осязательно все убедились, что новые судебные уставы — просто фарс, что полиция может довести каждого до отчаяния»⁶⁷⁰.

Столь необузданный («изуверский», по выражению В.Г. Короленко⁶⁷¹) разгул преследований вынуждал землевольтцев

---

⁶⁶⁵ Революционная журналистика... С. 456.

⁶⁶⁶ Короленко В.Г. Цит. соч. С. 473.

⁶⁶⁷ Циркуляры по Корпусу жандармов за 1876–1884 гг. Библиотека РГИА.

⁶⁶⁸ Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. СПб., 1911. Т. 2. С. 554.

⁶⁶⁹ Короленко В.Г. Цит. соч. С. 470.

⁶⁷⁰ РНБ РО. Ф. 856. Д. 6. Л. 425.

⁶⁷¹ Короленко В.Г. Цит. соч. С. 473.

искать новые формы и способы революционной деятельности, все больше тяготея к тому, чтобы прекратить работу в деревне и сосредоточить все свои силы на непосредственной, политической борьбе с правительством. Внутри «Земли и воли» оформляется особая фракция «политиков», как стали их называть в отличие от прочих землевольцев — «деревенщиков». Не позднее февраля 1879 г. «политики» реорганизовали свою фракцию в новый *Исполнительный комитет*. К тому времени южный ИК В.А. Осинского был уже истреблен, и «северяне», принимая его название, тем самым подчеркивали свою преемственность от него.

Однако северный (Петербургский) ИК тоже не смог увлечь за собой значительных сил. На этот раз под «фирмой» ИК группировались в «Земле и воле» активные «политики» (А.Д. Михайлов, Н.А. Морозов, Л.А. Тихомиров, М.Ф. Фроленко, А.А. Квятковский, А.И. Баранников, А.И. Зунделевич, М.Н. Ошанина и др.), но их было «не более 15 человек на всю Россию»⁶⁷². Подавляющее большинство землевольцев — в самом Петербурге и, особенно, в провинции, — хотя и колебалось, еще не было готово к тому, чтобы отказаться от пропаганды среди крестьян. В их числе была и Перовская.

«Деревенщики» мирились с необходимостью *отдельных* актов «красного» террора как орудия самозащиты и мести карателям. Так, 13 марта 1879 г. очередной жертвой этого орудия едва не стал новый шеф жандармов А.Р. Дрентельн, который, кстати сказать, в прошлом дружил с отцом Софьи Перовской: «был с отцом нашим товарищ по полку, — вспоминал брат Софьи Львовны, — а во время губернаторства отца и после этого играл с ним в карты в клубе»⁶⁷³. Утром 13 марта в Петербурге на набережной Фонтанки 20-летний землевонец Леон Мирский верхом на коне погнался за каретой, в которой ехал к царю Дрентельн. Поравнявшись с Дрентельном, Мирский выстрелил в него через окно кареты. Только непостижимый

---

⁶⁷² Морозов Н.А. Повести моей жизни. Т. 2. С. 502.

⁶⁷³ Перовский В.Л. Цит. соч. С. 96.

промах помешал террористу отправить шефа жандармов на тот свет — следом за его предшественником Н.В. Мезенцовым. Большинство землевольцев, соглашаясь, время от времени, на такие акции, вместе с тем решительно отказывалось возводить террор в систему политической борьбы, причем главную.

Разлад «политиков» с «деревенщиками» достиг предела, после того как в Петербург из Саратова приехал Александр Константинович Соловьев (тот самый «не настоящий» писарь) — приехал и заявил, что он намерен убить царя. «Политики», к негодованию «деревенщиков», поддержали его. До тех пор «Земля и воля» вела войну против наиболее вредных царских слуг, а не против самого царя. Но по мере того, как террор народников обретал все более осознанный политический характер, он фатально толкал террористов к цареубийству. «Становилось странным, — вспоминала Вера Фигнер, — бить слуг, творивших волю пославшего, и не трогать господина»⁶⁷⁴.

Итак, 29 марта 1879 г. состоялось самое бурное в истории «Земли и воли» заседание ее центра, на котором обсуждался умысел нового «каракозова». «Деревенщики» резко осудили идею цареубийства. Г.В. Плеханов обвинил «политиков» в том, что они подрывают основы землевольческой программы: «Под влиянием ваших затей мы вынуждены покидать одну за другой наши старые области деятельности, подобно тому как Рим покидал одну за другой свои провинции под напором варваров»⁶⁷⁵. О том, как была накалена обстановка на заседании, говорит такой факт. «Господа! — воскликнул Михаил Попов («Родионич»). — Если среди вас найдется Каракозов, то не явится ли из нашей среды и новый Комиссаров?» В ответ на это лучший друг «Родионича» Квятковский, вместе с ним ходивший «в народ», запальчиво пригрозил: «Если Комиссаровым будешь ты, то я и тебя убью!»⁶⁷⁶.

⁶⁷⁴ Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Т. 1. С. 172.

⁶⁷⁵ Плеханов Г.В. Соч. Т. 24. С. 305.

⁶⁷⁶ Фигнер В.Н. Цит. соч. Т. 1. С. 180; Попов М.Р. Цит. соч. С. 202.

Заседание 29 марта впервые ясно обнаружило угрозу *раскола* «Земли и воли», крайне нежелательного для всех землевольцев. Перед лицом такой угрозы «заседатели» приняли компромиссное решение, больше удовлетворившее, однако, «политическое» меньшинство, чем «деревенское» большинство: террорист волен покушаться на жизнь царя, но не от имени «Земли и воли», а как частное лицо. Об этом решении были осведомлены все члены Основного кружка.

2 апреля 1879 г. на Дворцовой площади в Петербурге Соловьев, вооруженный револьвером, улучил момент, когда царь, рискнувший прогуляться возле Зимнего дворца, отдалился от стражи. Террорист выстрелил. Прوماх! Александр II бросился бежать ко дворцу, Соловьев — за ним, продолжая стрелять, а стражники — за Соловьевым. Царь, убегая от Соловьева, потерял фуражку, споткнулся и упал, но не прекращал бег даже на четвереньках. Соловьев же яростно гонялся за самодержцем по площади, расстрелял в него всю обойму из пяти патронов, но только продырявил царскую шинель⁶⁷⁷. Схваченный стражниками, он раскусил орех с ядом, но яд не подействовал. Судьба обрекла его пережить здесь же, на площади, зверское избиение, а затем допросы с пристрастием (по слухам, и с пытками), суд и смерть на виселице...

Покушение Соловьева еще более обособило «политиков» от «деревенщиков». Теперь сочетать терроризм и аполитизм становилось невозможным: землевольцам предстояло либо отказаться от террора, либо развивать его как чисто политическое средство борьбы с правительством, закономерно нацеленное против царя. Чтобы разрешить эту дилемму и попытаться урегулировать распри между «политиками» и «деревенщиками», решено было созвать общий съезд землевольцев.

Готовить этот съезд землевольцам пришлось в экстраординарных условиях. Царизм в ответ на покушение Соловьева развернул по всей стране военно-карательный психоз. 5 апреля

---

⁶⁷⁷ См.: Революционная журналистика... С. 508–509; *Прибылева-Корба А.П., Фигнер В.Н.* Цит. соч. С. 52, 198.

1879 г., спустя три дня после выстрелов Соловьева, Россия была расчленена на шесть сатрапий (временных военных генерал-губернаторств), во главе которых встали временщики с диктаторскими полномочиями, сразу «шесть Аракчеевых». В дополнение к самодержцу всея Руси воцарились еще петербургский, московский, киевский, харьковский, одесский и варшавский самодержцы, которые соперничали друг с другом в деспотизме и жестокости. О петербургском «аракчееве» И.В. Гурко Ф.М. Достоевский рассказывал, что ему «ничего не значит сказать: “я сошлю, повешу сотню студентов”»⁶⁷⁸. Только за 1879 год царизм сочинил 445 законодательных актов полицейского назначения⁶⁷⁹. Это — своего рода всероссийский рекорд.

«Аракчеевы» Александра II чинили карательный шабаш, сплошь и рядом не считаясь с законами. Но царизм стимулировал их усердие и чрезвычайным законодательством. Так, по закону от 9 августа 1878 г. генерал-губернаторы могли предавать *военному* суду народников, которые обвинялись в «вооруженном сопротивлении властям», а по закону от 5 апреля 1879 г. — обвиняемых в *любом* государственном преступлении, будь то распространение или даже «имение у себя» запрещенных изданий⁶⁸⁰. О назначении же военных судов С.М. Кравчинский имел все основания заявить, что они «являются лишь узаконенными поставщиками палача; их обязанности строго ограничены обеспечением жертв для эшафота и каторги»⁶⁸¹. Обстановка в стране за 1878–1879 гг. была так накалена, что военный министр Д.А. Милютин 3 декабря 1879 г. констатировал у себя в дневнике: «Вся Россия, можно сказать, объявлена в осадном положении»⁶⁸².

---

⁶⁷⁸ Цит. по: Голос минувшего. 1914. № 4. С. 124.

⁶⁷⁹ См.: Хейфец М.И. Вторая революционная ситуация в России (конец 70-х — нач. 80-х годов XIX в.). М., 1963. С. 83.

⁶⁸⁰ См.: ПСЗ. Собр. 2. Т. 53. Отд. 2. С. 90; Т. 54. Отд. 1. С. 298.

⁶⁸¹ Степняк-Кравчинский С.М. Россия под властью царей. М., 1964. С. 131.

⁶⁸² Милютин Д.А. Дневник. Т. 3. С. 136.

В такой обстановке «Земля и воля» провела даже не один, а два своих съезда. Общий съезд землевольцы назначили на середину июня 1879 г. в Воронеже. «Политики» тут же решили собрать предварительно и поблизости от Воронежа свою фракцию, чтобы согласовать их линию поведения на общем съезде. Главной задачей своего съезда «политики» считали изменение программы «Земли и воли». Они сохраняли верность основополагающим идеям народничества (в частности, идее «все для народа и посредством народа») и не отвергали землевольческую программу в принципе. Они намеревались только *дополнить* ее признанием необходимости политической борьбы, а затем выступить с обновленной программой на общеорганизационном съезде и добиться ее утверждения большинством делегатов. Иначе говоря, их план состоял в том, чтобы завоевать «Землю и волю» изнутри, скорректировав ее программу.

Местом проведения фракционного съезда «политики» избрали Липецк. «Требовалось подсчитать свои силы <...>, собрать, стянуть в один пункт из разных мест всех, на кого можно было положиться», — вспоминал М.Ф. Фроленко⁶⁸³. Ему петербургский ИК и поручил собрать единомышленников с Юга. Именно он пригласил на Липецкий съезд Александра Баранникова и Марию Ошанину из Орловской губернии, Николая Колодкевича из Киева и, главное, Андрея Желябова из Одессы. Далее цитирую подробный рассказ Фроленко о том, почему он не пригласил в Липецк Софью Перовскую.

«<...> двинулся я в Одессу, минуя Харьков, где жили в это время Софья Львовна Перовская и Татьяна Ивановна Лебедева. Вышла довольно неприятная оплошность с моей стороны: я не заехал к ним и не пригласил их на съезд в Липецк. После, когда на Воронежском съезде стало известно о Липецком съезде и его задачах, Перовская не раз корила меня за неприглашение, упрекая тем, что, живя так много в Харькове и выдавая с ней ежедневно, я бы должен знать ее лучше. Мы ведь вместе строили разные планы насчет централки, где находились

---

⁶⁸³ Фроленко М.Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 11.

Мышкин, Войноральский и др. Это было так, ее упреки отчасти были основательны, но, с другой стороны, и мое поручение было довольно щекотливого характера. Липецкий съезд держался в тайне от непосвященных членов “Земли и воли”. Поэтому, приглашая туда, надо было иметь в виду не только получение согласия, но и то, чтоб человек, отказавшись, не стал разглашать и не поднял тревоги. А между тем, еще незадолго до моей поездки в Питер (весной 1879 г. — *Н.Т.*), в одном разговоре Перовская явилась не только завзятой народницей, но еще и русачкой. Все русское — народ, Волга, Жигулевские на ней горы, русские песни — все это она ставила выше малороссийского (т.е. украинского. — *Н.Т.*) и не раз вступала в горячие споры, отстаивая свои симпатии. Землевольтческие народники как раз и действовали в ее излюбленных местах. Не будь на ее плечах дела с централкой, она, вероятно, и сама была бы там. К тому же всем было известно, что она почему-то недолюбливала так называемых “троглодитов”, и это сохранилось у нее и тогда, когда уцелевшая их часть стала землевольтческой. А ими-то и устраивался Липецкий съезд. Все это и было причиной, почему я не пригласил Перовскую, а вместе с ней и Татьяну Ивановну. Их надо было приглашать обеих, или ни одной. После мои соображения оказались неправильными. Соня, оставаясь в душе народницей, в то время находила новое направление настолько отвечающим запросам жизни, что не только пристала к нему, но и пошла впереди, отлично справляясь со своими симпатиями к народничеству и антипатиями к отдельным лицам»⁶⁸⁴.

Этот фрагмент из воспоминаний Михаила Фроленко нуждается в комментариях. Во-первых, как верно заметил его редактор И.А. Теодорович, «следовало бы констатировать тот факт, что первое время (после обособления «политиков» от «деревенщиков». — *Н.Т.*) Перовская оставалась верна традиционному землевольтчеству, полемизируя с новым направлением»⁶⁸⁵. Мы

---

⁶⁸⁴ Фроленко М.Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 15–16.

⁶⁸⁵ Там же. С. 317.

это еще увидим. А во-вторых, Фроленко почему-то не назвал, пожалуй, главную причину, по которой «политики» не стали приглашать Перовскую на фракционный съезд. Вспомним, как восхищался Сергей Кравчинский «необыкновенным искусством» Софьи Львовны в теоретических спорах («Трудно было найти более стойкого и искусного диалектика!») и магической силой ее обаяния. Вот современный историк Л.М. Ляшенко и заключил, вполне обоснованно: «Может быть, потому “политики” не пригласили Софью Львовну на Липецкий съезд, — опасаясь, что она, убежденная “деревенщица”, сумеет убедить товарищей продолжать работу по-прежнему»⁶⁸⁶...

Итак, «политики» собрались на свой фракционный съезд в Липецке. Здесь уже тогда был лечебный курорт (железный источник, открытый еще при Петре I), что привлекало на лето много приезжих. Среди них нелегалы (а таковыми были уже все «политики») могли легко затеряться под видом болящих, коим надобно «полечиться».

Всего на Липецкий съезд прибыли 11 человек: семь от ИК (А.Д. Михайлов, Н.А. Морозов, Л.А. Тихомиров, М.Ф. Фроленко, А.А. Квятковский, А.И. Баранников и М.Н. Ошанина) и четверо приглашенных, в том числе А.И. Желябов и Н.Н. Колодкевич. Перовская могла быть довольной таким составом делегатов, окажись она в нем: пятеро из 11-ти — бывшие «чайковцы».

Съезд работал три дня — с 15 по 17 июня 1879 г. Колоритным было открытие съезда. Делегаты приехали, словно на пикник, в загородный лес, нашли там уютную поляну, расселись, приготовили вина и закуску, наполнили стаканы и — начали... обсуждать проблему революционного переустройства России.

Главным предметом обсуждения стал проект новой программы «Земли и воли». Его основная идея формулировалась так: «Мы видим, что в России никакая деятельность, направленная к благу народа, невозможна вследствие правительственного произвола и насилия <...> Поэтому необходимо прежде всего покончить с существующим у нас образом

---

⁶⁸⁶ Ляшенко Л.М. Указ. соч. С. 125.

правления»⁶⁸⁷. Такой вывод все участники съезда поддержали единодушно. Но по вопросу о методах борьбы с царизмом их мнения разошлись. Морозов предлагал бороться исключительно «способом Вильгельма Телля»⁶⁸⁸, т.е. посредством индивидуального террора. Большинство же склонялось к точке зрения, которую наиболее веско отстаивал на съезде Желябов, именно здесь впервые сделавший заявку на роль вождя нового направления в народничестве. Он и был автором липецкой программы⁶⁸⁹.

Текст ее конспективно изложен в тюремных записях Александра Михайлова. «Общая цель» — «отнятие власти у правительства и передача народу для декретирования нового строя на социалистических началах». Для достижения этой цели «намечены несколько *главных средств*, включая царевубийство, но непременно в связи с другими главными средствами». Далее следовал перечень этих средств, предусмотренных старой программой «Земли и воли». Здесь — и «организация тайных обществ, сплоченных вокруг одного центра», и «деятельность пропагандистская и агитационная», и «приобретение связей в администрации, войске, обществе и народе» и т.д.⁶⁹⁰.

Отсюда видно, что липецкая декларация была не столько проектом новой программы, сколько поправкой к старой программе. Однако эта поправка так расходилась с анархистским началом старой программы, что фактически представляла собой новую программу. Смысл ее заключался в том, что она нацеливала русских социалистов на *политическую* борьбу с царским самодержавием.

---

⁶⁸⁷ Цит. по: Морозов Н.А. Повести моей жизни. Т. 2. С. 512.

⁶⁸⁸ Вильгельм Телль — легендарный швейцарский народолюбец и тираноборец XIV в., герой драмы Ф. Шиллера и оперы Д. Россини.

⁶⁸⁹ См.: Фроленко М.Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 45; Волк С.С. «Народная воля» (1879–1882). М.; Л., 1966. С. 90.

⁶⁹⁰ А.Д. Михайлов о Липецком съезде и программе Исполнительного комитета «Народной воли» (публ. Ю.А. Пелевина) // Советские архивы. 1982. № 5. С. 73.

Липецкий съезд обозначил шаг вперед и в организационном сплочении «политиков». Участники съезда объявили себя новым Исполнительным комитетом социально-революционной партии и приняли устав своего ИК. То был уже третий народнический ИК и первый, вооруженный уставом. Предвосхищая организационную структуру «Народной воли», липецкий устав обязывал членов ИК блюсти три главных принципа: централизм, дисциплину, конспирацию⁶⁹¹.

Теперь «политики» готовы были выступить на общем съезде «Земли и воли». Они предвидели два возможных исхода съезда. В случае, если бы съезд согласился с липецкой программой, ИК должен был взять политическую борьбу (включая вероятные попытки царубийства) на себя от имени «Земли и воли». В случае же раскола он становился самостоятельной организацией...

Тем временем «деревенщики» тоже готовились к общему съезду «Земли и воли», надеясь, по выражению Л.А. Тихомирова, «искоренить самые ростки» нового направления. Наиболее решительно были настроены против «новаторов» Плеханов и Попов. «Родионыч» даже «предпринял окружное путешествие по всем местам, где жили-были землевольцы»⁶⁹² (включая Харьков, — здесь он пригласил на съезд Перовскую). Перед открытием съезда (когда «политики» заседали в Липецке) «деревенщики» тоже провели ряд предварительных совещаний в Тамбове. Плеханов, Попов, Аптекман пытались настроить «деревенщиков» на отпор «политикам», но без особого успеха. Землевольцы большей частью колебались: старый путь уже терял, а новый еще не обрел для них притягательности. Поэтому предсъездовские совещания не придали «деревенщикам» боевого задора. Плеханов прямо говорил о своем настроении перед съездом: «Я был вполне готов к поражению»⁶⁹³. Его прогноз оказался верным.

---

⁶⁹¹ См.: Архив «Земли и воли» и «Народной воли». С. 154.

⁶⁹² Аптекман О.В. Цит. соч. С. 365.

⁶⁹³ Плеханов Г.В. Соч. Т. 24. С. 309.

Общий съезд «Земли и воли» (*первый* революционный съезд всероссийского значения) открылся 18 июня 1879 г. в Воронеже. Там находился знаменитый Митрофаньевский монастырь, куда съезжались отовсюду на лето тысячи богомольцев и просто любопытных. Среди них два десятка нелегалов терялись от недреманного ока карателей. Да, на съезд прибыли ровно 20 человек, а именно 10 делегатов Липецкого съезда (все ранее перечисленные плюс Степан Ширяев) и 10 участников тамбовских совещаний: Г.В. Плеханов, М.Р. Попов, О.В. Аптекман, С.Л. Перовская, В.Н. Фигнер, Ю.М. Тищенко, С.А. Харизомов, О.Е. Николаев, Н.А. Короткевич, Е.Д. Сергеева⁶⁹⁴. Члены Основного кружка «Земли и воли», которые были приглашены на съезд, но почему-то не смогли приехать (А.И. Зунделевич, А.А. Хотинский, В.Н. Игнатов и др.), поручили свои голоса особо доверенным единомышленникам из тех, кто приехал. По подсчетам Н.А. Морозова, 19 делегатов съезда имели 37 голосов⁶⁹⁵.

Съезд заседал с 18 по 21 июня в разных местах: в Ботаническом саду⁶⁹⁶, в Архиерейской роще за городом и даже в лодках на р. Воронеж. Именно здесь формально были приняты в «Землю и волю» «политики» Желябов, Колодкевич, Ширяев и (для равновесия сил) «деревенщики» Дейч, Стефанович, Засулич. Такое, внешне равнозначное, пополнение резко усилило «политиков», ибо кандидаты «деревенщиков» пребывали пока... за границей, а их «запасливые против-

---

⁶⁹⁴ О составе съезда см.: Архив «Земли и воли» и «Народной воли». С. 154; *Твардовская В.А.* Воронежский съезд землевольцев // Науч. доклады высш. школы. Ист. науки. 1959. № 2. В записях Н.А. Морозова о голосовании на съезде значатся 19 делегатов, — вероятно, потому что Плеханов ушел со съезда до голосования.

⁶⁹⁵ Архив «Земли и воли» и «Народной воли». С. 153.

⁶⁹⁶ На одном из столетних гигантов-дубов Ботанического сада Александр Квятковский вырезал тогда надпись: «Здесь заседал конгресс землевольцев» и дату «конгресса». «Этот дуб, — писал О.В. Аптекман полвека спустя, — вероятно и теперь находится там, как немой свидетель».

ники» (выражение Плеханова) держали своих «новобранцев» в Липецке и сразу после избрания вызвали их в Воронеж.

Вслед за избранием новых членов Морозов огласил на съезде предсмертное письмо Валериана Осинского. «Последний раз в жизни приходится писать вам, и потому прежде всего самым душевным образом обнимаю вас и прошу не поминать меня лихом, — обращался к друзьям Осинский. — <...> Мы ничуть не жалеем о том, что приходится умирать, ведь мы же умираем за идею, и если жалеем, то единственно о том, что пришлось погибнуть почти только для позора умирающего монархизма, а не ради чего-нибудь лучшего, и что перед смертью не сделали того, чего хотели <...>»⁶⁹⁷. Уходя из жизни, Осинский оставлял в этом письме политическое завещание землевольцам. Он доказывал необходимость, в ответ на «белый» террор властей, «красного» террора («Ни за что более, по-нашему, партия физически не может взяться»). Оглашая это письмо на Воронежском съезде, «политики» не просто чтити память любимца, героя и мученика «Земли и воли». Они тем самым ставили перед съездом сакраментальный вопрос *«что делать?»* и давали свой ответ на него, подкрепленный авторитетом Осинского. Таким образом, чтение письма Осинского явилось своеобразным (и выигрышным для «политиков») прологом к обсуждению на съезде программных вопросов.

Именно обсуждение землевольческой программы было главным делом съезда. Вся программа пересматривалась с начала до конца. Каждый ее параграф зачитывался, после чего обсуждались поправки к нему, и вопрос об изменении параграфа ставился на голосование. Позицию «деревенщиков» наиболее энергично и бескомпромиссно защищал Плеханов. Он выступил против самой постановки вопроса о политической борьбе, заявив, что «стремиться народному революционеру к конституции почти равносильно измене народному делу». Здесь налицо слабость его позиции. Но Плеханов верно

---

⁶⁹⁷ Полный текст письма Осинского см.: Революционная журналистика... С. 483–484.

подметил несостоятельность террора как средства борьбы. Во-первых, он доказывал, что «красный» террор дезорганизует не столько правительство, сколько самих революционеров, истощая их силы, а во-вторых, предсказывал, что «даже полная удача самого главного дезорганизаторского плана приведет к перемене лица, но не политической системы»⁶⁹⁸. «Единственная перемена, которую можно с достоверностью предвидеть, — говорил он, — это вставка трех палочек, вместо двух, при имени “Александр”»⁶⁹⁹.

К удивлению и раздражению Плеханова его филиппику против «красного» террора никто не поддержал. «Политики» горячо возражали ему, «деревенщики» угрюмо молчали. «В таком случае, господа, — заявил Плеханов, — здесь мне больше нечего делать. Прощайте!» — и он ушел со съезда (т.е. с лесной поляны, которая служила «залом» заседаний, — в глубь леса). Вера Фигнер бросилась было его удерживать — Михайлов остановил ее. Еще четверо «деревенщиков» вскочили со своих мест, чтобы последовать за Плехановым (Перовской среди них не было), но тут же снова сели, нервно переговариваясь между собой. Кто-то предложил считать Плеханова «добровольно выбывшим» из общества. Большинство согласилось. Этим печальным инцидентом закончился первый день работы Воронежского съезда⁷⁰⁰.

А на следующий день к «политикам» прибыло подкрепление: Желябов, Колодкевич, Ширяев. Выходит, проникшая в литературу и даже в кино (фильм «Софья Перовская») увлекательная версия о том, как на Воронежском съезде Плеханов и Желябов схватились друг с другом, лишена оснований: сам Плеханов со всей определенностью утверждал, что он покинул съезд раньше, чем появился там Желябов⁷⁰¹.

---

⁶⁹⁸ Плеханов Г.В. Соч. Т. 24. С. 144–145.

⁶⁹⁹ Аптекман О.В. Цит. соч. С. 370.

⁷⁰⁰ См. о нем: Морозов Н.А. Повести моей жизни. Т. 2. С. 520–521; Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Т. 1. С. 186–187.

⁷⁰¹ Плеханов Г.В. Соч. Т. 24. С. 138.

Тем не менее, Желябов столь же энергично и бескомпромиссно, как это делал Плеханов, отстаивал позицию своей фракции, призывая землевольцев «все силы и средства партии употребить исключительно на политическую борьбу». «Какие вы революционеры! — обращался он к «деревенщикам». — Вы просто культурники!»⁷⁰².

Плеханов и Желябов были единственными представителями обеих фракций, выступавшими на Воронежском съезде без околичностей, прямо, не боясь раскола «Земли и воли». Все остальные (и «деревенщики» и «политики») явно стремились избежать раскола, что и обусловило в целом сдержанный, дипломатичный тон прений. «На съезде царило общее желание — не разделяться», ибо «все боялись потери сил от разделения»⁷⁰³. Поэтому решения съезда обрели компромиссный характер.

Съезд сохранил старую программу, но записал в своем постановлении, что «находит необходимым дать особое развитие дезорганизаторской группе *в смысле борьбы с правительством*, продолжая в то же время и работу в народе»⁷⁰⁴. Показательно, что «борьба с правительством» объявлена здесь делом не всего общества, а его специальной (дезорганизаторской) группы. Такое решение не выходило за рамки старой землевольческой программы и не вносило в нее ничего принципиально нового. Борьба с правительством не имеет здесь политической нацеленности, а предусматривает лишь дезорганизацию власти на пути к социальному перевороту, средство самозащиты и мести. В этом смысле съезд признал даже возможность цареубийства. Однако резолюция сформулирована так, что она не мешала «политикам» трактовать их борьбу с правительством именно как политическую. По существу, резолюция признала законность политического направления в землевольчестве, как бы легализовала его и, значит, оставила

---

⁷⁰² Плеханов Г.В. Соч. Т. 24. С. 138.

⁷⁰³ Попов М.Р. Цит. соч. С. 219; Фигнер В.Н. Цит. соч. Т. 1. С. 186.

⁷⁰⁴ РН. Т. 2. С. 42. Курсив мой. — Н.Т.

«политикам» возможность завоевания «Земли и воли» изнутри, не доводя дела до раскола. В этом состоял двойственный, компромиссный смысл важнейшего из решений Воронежского съезда.

Более того, съезд легализовал и существование ИК «политиков» как «боевого отряда» внутри «Земли и воли», определив ему даже особую смету расходов. Правда, и здесь «деревенщики» усматривали в ИК лишь орган, предназначенный для дезорганизаторской, но не политической борьбы. Однако ничто не мешало «политикам», со своей стороны, рассматривать ИК в «липецком» духе, т.е. организацию, нацеленную на политическую борьбу с царизмом.

Итак, вопреки ожиданиям, Воронежский съезд «не стал решающей битвой» между двумя фракциями «Земли и воли» и вообще «прошел бледно». ⁷⁰⁵ Но при всей этой «бледности» он ярко продемонстрировал идейный кризис землевольчества. Достигнутый на нем компромисс не удовлетворил ни одну из сторон. Фактически съезд не только не прекратил фракционную борьбу, но, напротив, усилил ее, поскольку он, с одной стороны, подтвердил старую программу и тактику, а с другой стороны, санкционировал внутри общества ядро новой организации со своей программой и тактикой, собственным руководством и материальными средствами...

Еще до окончания съезда, в кулуарах его, «политики» начали осуществлять свой план завоевания «Земли и воли», т.е. привлечения на свою сторону большинства землевольцев. С этой целью они занялись индивидуальной обработкой (в частных беседах) тех лиц, которые колебались между фракциями. Так, Желябов «особенно хлопотал» около Софьи Перовской, а Морозов с той же целью «делал всякие подходы» к Вере Фигнер ⁷⁰⁶. Однако ни Перовская, ни Фигнер пока еще не были готовы отказаться от пропаганды в деревне

---

⁷⁰⁵ Фигнер В.Н. Цит. соч. Т. 1. С. 187.

⁷⁰⁶ К биографиям А.И. Желябова и С.Л. Перовской // Былое. 1906. № 8. С. 114; Фигнер В.Н. Цит. соч. Т. 1. С. 187.

и присоединиться к «политикам». «Нас приглашали к участию в политической борьбе, звали в город, — вспоминала об этом Вера Николаевна, — а мы чувствовали, что деревня нуждается в нас, что без нас там темнее. Разум говорил, что надо встать на тот же путь, на котором стоят наши товарищи, политические террористы, упоенные борьбой и одушевленные успехом. А чувство говорило другое, настроение у нас было иное, оно влекло в мир обездоленных»⁷⁰⁷.

Для «политиков», пожалуй, самым ценным кадровым приобретением была бы Перовская с ее авторитетом «нравственного эталона», который она заслужила в обществе «чайковцев» и сохранила у землевольцев. О.В. Аптекман свидетельствовал, что, например, член-учредитель «Земли и воли» А.А. Хотинский «из всех землевольцев с особенной симпатией и восторженностью относился к Перовской и Кравчинскому. Метко он охарактеризовал Перовскую: “Кремень, — холодный он, а ударишь по нем, искры сыпятся”»⁷⁰⁸. Не зря «хлопотать» о привлечении Софьи Львовны на сторону «политиков» взялся самый активный, авторитетный и, кстати, самый обаятельный из них — Андрей Желябов. Должно быть, он изначально верил в успех своих «хлопот» и потому был раздосадован неудачей; «Ничего с этой бабой не поделаешь!» — в сердцах жаловался он товарищам⁷⁰⁹. А ведь Софья Львовна, близко знакомая с Желябовым еще с Харькова, очень ценила его и как соратника по Большому обществу пропаганды, и просто как человека, «полного блеска», по выражению Веры Фигнер. Вспоминая о Воронежском съезде, где Вера Николаевна впервые встретилась с Желябовым и Фроленко, она отметила: «Перовская, знавшая их обоих (как «чайковцев». — *Н.Т.*) до этого много говорила мне об их превосходных качествах, но можно было заметить, что, как ни ценит она Михайлу, Желябов прямо восхищает ее»⁷¹⁰.

---

⁷⁰⁷ Фигнер В.Н. Цит. соч. Т. 1. С. 275.

⁷⁰⁸ Аптекман О.В. Цит. соч. С. 253.

⁷⁰⁹ К биографиям А.И. Желябова и С.Л. Перовской. С. 114.

⁷¹⁰ Фигнер В.Н. Цит. соч. Т. 1. С. 278

После съезда именно Перовская и Фигнер больше всех старались предотвратить назревавший раскол «Земли и воли». В штаб-квартире землевольцев под Петербургом, в Лесном, собирались и «деревенщики и «политики», но здесь «политики», ввиду отсутствия их главных оппонентов Плеханова и Попова, все очевиднее стали брать верх, склоняя на свою сторону колеблющихся. «Как трудно было им, — вспоминала Ольга Любатович, — перейти к одинокой титанической борьбе с властью, отрывавшей их от народа, лучшим примером может служить Софья Перовская»⁷¹¹. На собраниях в Лесном Софья Львовна, «страстно желавшая повлиять примирительно»⁷¹², все сделала для того, чтобы избежать раскола, но даже ей это не удалось. И Перовская, и Фигнер «перестали сопротивляться» неизбежному⁷¹³, осознав, что сохранить единство «Земли и воли» (сочетать, как тогда говорили «квас и спирт») нельзя. Обе они присоединились к «политикам», крайне огорчив тем самым «деревенщиков». Впрочем, «деревенщики» какое-то время еще надеялись, что Перовская вернется к ним, хотя едва ли очень верили в такую возможность. Вот что писал об этом Г.В. Плеханов своей жене Розалии Марковне: «Софья Перовская по своим воззрениям и симпатиям осталась революционной народницей, но она убеждена в необходимости казни Александра II и для этого, и только для этого акта, присоединилась к террористам. По совершении этого акта она вернется к деятельности в народе. Такая половинчатость не гармонирует с умом и энергией этой необыкновенной женщины»⁷¹⁴.

15 августа 1879 г. в Лесном на последнем собрании центра «Земли и воли» «деревенщики» и «политики» договорились разделить общество и назначили комиссию уполномоченных по оформлению раздела. В составе комиссии О.В. Аптекман

---

⁷¹¹ Любатович О.С. Цит. соч. С. 33.

⁷¹² Там же. С. 61.

⁷¹³ Фигнер В.Н. Цит. соч. Т. 1. С. 192.

⁷¹⁴ Плеханова Р.М. Наша жизнь до эмиграции (Отрывок из воспоминаний)

// Группа «Освобождение труда» М., Л., 1928. Сб. 6. С. 66.

называл четырех членов: Морозова, Тихомирова, Преображенского и себя⁷¹⁵; Л.Г. Дейч — шестерых: Тихомирова, Александра Михайлова, Зунделевича от «политиков», Преображенского, Попова, Стефановича от «деревенщиков»⁷¹⁶. Работа комиссии затянулась до октября...

В промежутке между созданием разделительной комиссии и разделом «Земли и воли» Перовская нашла возможность съездить в Приморское к матери, Варваре Степановне. Брат Софьи Львовны Василий, живший тогда вместе с матерью, вспоминал: «вероятно, в конце сентября или в самых первых числах октября» 1879 г. сестра прибыла в Симферополь, откуда близкий знакомый Перовских владделец местной публичной библиотеки Михаил Соломонович Берг доставил ее «в своем крытом фэтоне с четверкой лошадей» в Приморское⁷¹⁷.

Встреча Софьи Львовны с Варварой Степановной (после более чем года разлуки) была, конечно, очень радостной, но и очень грустной. Вот как она запомнилась Василию Львовичу. «Мать, разумеется, чрезвычайно рада была увидеть Соню. Хотя изредка получались от нее письма на безопасный адрес»⁷¹⁸, но мы старались приучить мать к мысли, что вряд ли доведется ей увидеть дочь, да также и той не доведется долго прожить на воле, а так или иначе погибнуть. Огорчало мать, что Соня покашливала, жаловалась на грудь и носила шерстяную фуфайку. Соня ласкалась к матери, однако веселости не обнаруживала и тоже подготавливала мать к своей скорой гибели в казематах крепости или на эшафоте»⁷¹⁹.

Среди прочих тем в домашних разговорах Варвары Степановны с детьми зашла речь и о браке. Василий Львович навсегда

---

⁷¹⁵ Аптекман О.В. Цит. соч. С. 377.

⁷¹⁶ Историко-революционный сб-к. Л., 1924. Т. 2. С. 309.

⁷¹⁷ Перовский В.Л. Цит. соч. С. 90–91.

⁷¹⁸ Этот адрес «устроила» для Перовской через свою знакомую член «Земли и воли» и «Народной воли» Софья Иванова (см. ее воспоминания в «Былом». 1906. № 3. С. 88).

⁷¹⁹ Перовский В.Л. Цит. соч. С. 91.

запомнил поразившее его рассуждение сестры — откровенное, словно на исповеди: «Несомненно право борющихся за свободу на ту долю счастья, которую может дать брак, хотя и краткосрочный, но для меня лично эта доля счастья совершенно невозможна, потому что, как бы сильно и глубоко я ни любила мужчину, все-таки любой момент увлечения будет отравлен неотступным сознанием, что в то же время дорогие и близкие мне друзья гибнут на эшафотах и в крепостях, да и народ страдает под гнетом деспотизма». Вспоминая эту «исповедь» Софьи Львовны, ее брат согласился с «чайковцем» Л.Э. Шишко, «отвергавшим брачный союз Перовской с Желябовым»⁷²⁰. Но о любви Перовской и Желябова речь еще впереди.

Цитирую далее Василия Львовича: «Уехала Соня от нас с Бергом же, на другой день не рано (чтобы приехать в Симферополь в потемках); прощаясь с матерью, горячо обнимала ее и целовала ей руки. В тот же день вечером она уехала из Симферополя»⁷²¹...

В октябре 1879 г. был оформлен, — весьма любовно — раздел «Земли и воли». Все материальное достояние общества (деньги, типографское оборудование, явочные квартиры, «паспортное бюро», оружие и пр.) разделили по взаимному согласию. Решено было, что ни одна из фракций не воспользуется названием «Земля и воля», чрезвычайно популярным в кругах (ведь его придумал для первой «Земли и воли» 1861–1863 гг. А.И. Герцен — кумир всех народников). Только такое решение смогло примирить «деревенщиков» и «политиков», ибо и те и другие претендовали на старое название и не желали уступать друг другу. В итоге, «деревенщики приняли название «Черный передел» (отразив в нем стремление крестьян к «черному», т.е. всеобщему переделу земли), а «политики» —

---

⁷²⁰ Перовский В.Л. Цит. соч. С. 92–93.

⁷²¹ Там же. С. 93. Кстати, — о судьбе М.С. Берга. Он был уличен властями в сношениях с Перовской и другими «государственными преступниками» и сослан в заholустье Костромской губ. Пробыл там три года, вернулся домой и «через несколько лет умер на хуторе по соседству с Приморским» (Там же. С. 97).

5. «Земля и воля»

«Народная воля»⁷²². Таким образом, разделено было, по выражению Н.А. Морозова, само название общества: «деревенщики» взяли себе *землю*, а «политики» — *волю*, и каждая фракция пошла своей дорогой.

---

⁷²² Название «Народная воля» предложил В.В. Зегс фон Лауренберг — член первого состава народовольческого ИК, умерший летом 1880 г. от туберкулеза на 23 году жизни (Деятели СССР и революционного движения России. Энци. словарь Гранат. М., 1989. С. 312). Название «Черный передел» придумал земледелец Н.П. Щедрин, в 1881 г. осужденный на бессрочную каторгу, где он потерял рассудок.

Глава III. Народоволка

Если вы, господа судьи, взглянете в отчеты о политических процессах, в эту открытую книгу бытия, то вы увидите, что русские народолюбцы не всегда действовали метательными снарядами, что в нашей деятельности была юность, розовая, мечтательная, и если она прошла, то не мы тому виною.

А.И. Желябов,
на суде по делу о цареубийстве

1. Партия «Народная воля»

В первое время, пока «Народная воля» и «Черный передел» оформляли свою организационную структуру, разрабатывали уставы и программы, некоторые из «политиков» (в первую очередь, именно Софья Перовская и Вера Фигнер, а также Анна Корба, и даже такой застрельщик «красного» террора, как Александр Баранников) очень сожалели о разрыве с главным, как они думали ранее, делом их жизни (т.е. с пропагандой среди крестьян) и с товарищами, соратниками по тому делу. «Все мы так недавно жили среди крестьян в деревне и столько лет держались требования деятельности в этой среде! — с грустью вспоминала Вера Фигнер. — Отрешиться от прошлого было трудно, и хотя не по своей доброй воле мы ушли в город, а были вынуждены к этому полицейским строем, парализовавшим наши усилия, в душе был тайный стыд, боязнь, что, отказываясь от традиций прошлого, изменяешь интересам народа, истинное освобождение которого находится в области экономической»⁷²³. По воспоминаниям А.П. Корба, «политики» «больше, чем о других, жалели

---

⁷²³ Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Воспоминания в 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 203–204.

1. Партия «Народная воля»

о разрыве с Родионым, т.е. с М.Р. Поповым, с Плехановым, с «Юристом», т.е. с Преображенским»⁷²⁴.

Перовская в этой ситуации старалась как-то объясниться с «деревенщиками», не исключая даже возможности для себя присоединиться к ним. Баранников в самом начале 1880 г. написал Попову: «Как только дело (убийство Александра II) будет окончено, надо будет приняться за осуществление воронежских поселений». Вспоминая об этом письме Баранникова, Попов заметил: «В таком же духе было и письмо Перовской ко мне»⁷²⁵. Примерно в то же время Софья Львовна откровенничала с Е.Н. Ковальской, которая перешла из «Земли и воли» в «Черный передел»: «А знаете, будь у вас сейчас живое серьезное дело, я пошла бы с вами, — но я не вижу у вас такого дела»⁷²⁶. О том же свидетельствовал О.В. Аптекман: «Перовская прямо заявила мне, что пристанет к нам лишь в том случае, если у нас будет работа в деревне»⁷²⁷.

Что же заставило Софью Львовну, при всей ее страстной тяге к деревне, преодолеть мучительные сомнения и не только солидаризироваться с «политиками», но и активно включиться в их «красный» террор? Соратники Перовской все поняли и, каждый в свое время, подробно рассказали об этом. Землеволец, а затем чернопеределец Лев Дейч, анализируя, четверть века спустя, свое революционное прошлое, очень убедительно разделил народников к моменту раскола «Земли и воли» «на три категории: на лиц, охваченных чувством возмущения и негодования против правительственного террора, на сторонников “красного” террора как наиболее целесообразного при данных условиях способа для изменения политического строя

---

⁷²⁴ Прибылева-Корба А.П. «Народная воля». Воспоминания о 1870–1880-х гг. М., 1926. С. 40.

⁷²⁵ Попов М.Р. Записки землевольца. М., 1933. С. 196–197.

⁷²⁶ Ковальская Е.Н. Мои встречи с С.Л. Перовской. Отрывки из воспоминаний // Былое. 1921. № 16. С. 48.

⁷²⁷ Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х годов. По личным воспоминаниям. Пг., 1924. С. 384.

России и, наконец, на любителей таинственной обстановки, сильных ощущений и т.п. Представители этих категорий были, конечно, и среди членов партии “Народная воля” и ее Исполнительного комитета. Когда я в конце лета 1879 г., приехав в Петербург, встретился с Софьей Перовской, то нашел в ней самую яркую представительницу первой из указанных категорий. Она олицетворяла собой возмущенное чувство русского передового человека: она всегда повторяла, что нельзя оставлять без ответа преследования правительства⁷²⁸. Народоволец А.В. Тырков вспоминал о том же более конкретно: «Она точно мстила Александру II за то, что он оторвал ее от мирной, спокойной работы пропагандистки»⁷²⁹.

Ольга Любатович сумела подробно развить этот тезис: «Перовская, по принципу еще горячая народница, не примкнула к “Черному переделу”, она пошла за теми, кто обнажил меч на защиту народа <...> Еще вся потрясенная бесплодными усилиями, потраченными на сношения с заключенными Центральной харьковской тюрьмы, где томились ее товарищи, в их числе боготворимый ею сын народа Мышкин, бессильная вырвать их на свободу, разобщенная полицейскими насилиями с народом, которому она отдала всю душу, несла ему мирное слово свободы и правды, она теперь вся отдалась борьбе, принятой ее товарищами против государя, как верховного вершителя невзгод всей России»⁷³⁰.

Конечно, государь Александр II был ненавистен Софье Львовне не сам по себе как личность, а именно как «верховный вершитель» карательного террора, ответственный за все зверства его «шести Аракчеевых» и прочих сатрапов. Анна Корба вспоминала о том, как близко к сердцу воспринимала Перовская репрессии одного из тех «аракчеевых» Э.И. Тотлебена, который «свирепствовал» в Одессе: «Бесконечные вереницы

---

⁷²⁸ Дейч Л.Г. Из воспоминаний // Дело 1 марта 1881 г. Процесс Желябова, Перовской и др. Правительственный отчет. СПб., 1906. С. 407–408.

⁷²⁹ Тырков А.В. К событию 1 марта 1881 г. // Былое. 1906. № 5. С. 146.

⁷³⁰ Любатович О.С. Далекое и недавнее. М., 1930. С. 66.

1. Партия «Народная воля»

ссылных потянулись из Одессы в Сибирь⁷³¹. Софья Львовна с гневом и болью говорила об их страданиях и о том, что большая часть из них ни в чем не повинны, даже с точки зрения русских законов. Она знала многих из них и интересовалась судьбой каждого⁷³².

Более всего возмущали и ожесточали Перовскую, как, впрочем, и всех вообще народовольцев, казни их товарищей, участвовавшие в 1879 г.: вслед за расстрелянным Иваном Ковальским, погибли на виселицах Валериан Осинский, Владимир Свириденко, Александр Соловьев, Сергей Чубаров, Лев Майданский, Дмитрий Лизогуб и многие другие. «Никто не мог и не хотел простить правительству смерть товарищей, — читаем у О.С. Любатович. — В особенности поражала и возмущала до глубины души расправа над Лизогубом. Мысль не мирилась с казнью этого идеального юноши не от мира сего, жившего, казалось, где-то высоко над землей и спускавшегося на нее только для того, чтобы снять с нее страдания и бедствия»⁷³³. Не зря Сергей Кравчинский называл Лизогуба «святым» народолюбом.

Но у Перовской была еще одна, глубоко личная причина, подтолкнувшая ее к политической борьбе и цареубийству, — это влияние, если не сказать больше — давление, на нее со стороны Желябова. Можно согласиться с Н.П. Ашешовым в том, что среди всех факторов, действовавших на Софью Львовну в сближении ее с «политиками», «только слово Желябова было последним, которое легло уже на душу крепко-накрепко и сделалось неизгладимым»⁷³⁴.

«Да, — цитирую далее интересный ход мыслей Ашешова, — здесь приходит важный психологический фактор: Перовская

---

⁷³¹ М.Ф. Фроленко вспоминал, что всех «подозрительных» тогда «вагонами отправляли из Одессы» (Собр. соч.: В 2 т. М., 1932. Т. 1. С. 195).

⁷³² *Прибылева-Корба А.П.* Цит. Соч. С. 40.

⁷³³ Там же. С. 41.

⁷³⁴ *Ашешов Н.П.* Софья Перовская. Материалы для биографии и характеристики. Пб., 1920. С. 74.

полюбила Желябова<...> Она вынесла из своего детства большую нелюбовь к сильному полу. Считала женщин выше мужчин в нравственном отношении и презирала “бабников” <...> Жизнь Перовской сложилась так, что ее сердце было забронировано от страстных увлечений, свойственных вообще людям. Ей было некогда заниматься такими “пустяками”. А темперамент, если бы он был даже ярко выраженным, должен был спать под прессом ригоризма, высокой личной чистоты и постоянной победы идеи и духа над материальными и физическими зовами человеческого существа. Но когда приходит двенадцатый час и для такой забронированной души, и сердце тает, несмотря на замораживание его суровостью долга, тогда природа обретает полноту реванша, и сердце отдается порывам чувства с повышенной углубленностью <...> Понятно, что при условиях полной духовной близости и общности социально-политических стремлений влияние сильного, яркого, красивого и пламенного Желябова на Перовскую было весьма большим, вероятно, исключительно большим»⁷³⁵. Да, так и было. Главное же, любовь Желябова и Перовской была взаимной. Можно понять ту «необычайную радость», с которой Желябов сообщил своим оппонентам-чернопередельцам о том, что Софья Львовна вступила в «Народную волю»⁷³⁶, — причем сразу в члены ее Исполнительного комитета...

Один из самых авторитетных исследователей «Народной воли» С.С. Волк вычислил, что Перовская одной из первых (вместе с группой друзей и соратников по Большому обществу пропаганды и «Земле и воле», включая Веру Фигнер) присоединилась к десяти членам-учредителям народовольческого ИК, — участникам Липецкого съезда, — в августе — сентябре 1879 г.⁷³⁷

Теперь (полагаю, читатель согласится со мной) необходимо рассмотреть организационные и программные основы,

---

⁷³⁵ Ашешов Н.П. Софья Перовская. Материалы для биографии и характеристики. Пб., 1920. С. 73.

⁷³⁶ Степняк-Кравчинский С.М. Избранное. С. 464–465.

⁷³⁷ Волк С.С. «Народная воля» (1879–1882). М.; Л., 1966. С. 96.

1. Партия «Народная воля»

кадровый состав и, конечно, исторически значимые особенности самого ИК и «Народной воли» в целом. Здесь прошли последние полтора года в жизни Перовской, последние и главные.

Свои организационные принципы «Народная воля» унаследовала от «Земли и воли», из недр которой она вышла. Однако народовольцы ушли далеко вперед в развитии централизма, конспирации, дисциплины и массовости, выработав более совершенный тип нелегального объединения по сравнению со всеми своими предшественниками от декабристов до землевольцев. «Народная воля» — первая по времени революционная организация в России, которую принято называть *партией*. Само понятие «партия» (как политическое объединение), в отличие, например, от общества (тем более группы, кружка и пр.) предполагает наличие по крайней мере трех обязательных критериев — *идеологически* развитой платформы, столь же развитых *уставных* принципов и *организационной* структуры плюс *национальный* масштаб. В «Народной воле» все эти три критерия были налицо.

Организационная структура «Народной воли» включала в себя Исполнительный комитет как «становой хребет» партии с его руководящим ядром — Распорядительной комиссией, специальные Студенческую, Рабочую и Военную организации, местные группы общим числом 80–90 по всей России, включая Украину, Белоруссию, Прибалтику, Закавказье и Казахстан⁷³⁸, издательский центр (5 периодических изданий и 16 типографий), контрразведку, динамитную лабораторию, Общество «Красного Креста», заграничное представительство в Париже.

Численность «Народной воли» 1879–1881 гг. определить трудно. Оформленных членов ее организации в то время было, как полагают, примерно 500⁷³⁹, но ее участников и соучастников — раз в десять больше. Ежегодные обзоры Департамента полиции свидетельствуют: только с июля по декабрь

---

⁷³⁸ Волк С.С. «Народная воля» (1879–1882). М.; Л., 1966. С. 276. Подробно см.: Троицкий Н.А. Крестonosцы социализма. Саратов, 2002. С. 268–270.

⁷³⁹ См.: Волк С.С. Цит. соч. С. 277.

1881 г. число обвиняемых в государственных преступлениях (почти исключительно в принадлежности к «Народной воле» или в пособничестве ей) составило 1915, а за 1882 г. — 3860⁷⁴⁰. Первая же половина 1881-го и весь 1880 г. в «обзорах» не отражены, а ведь тогда преследования «Народной воли» были не меньшими (если не большими), чем во второй половине 1881 или в 1882 г. Таким образом, можно прикинуть, что за все время с конца 1879 до середины 1881 г. были репрессированы за участие и соучастие в делах «Народной воли» едва ли меньше 6 тыс. человек. В общем, ИК «Народной воли» мог располагать такими силами, о каких ни одна революционная организация ранее не могла и мечтать. Впервые в России счет революционерам одного объединения шел на тысячи, а не на десятки и сотни, как раньше...

Теперь познакомимся с народовольческим ИК конкретно, в лицах. Напомню читателю, что его учредителями были 10 членов Липецкого ИК: А.И. Желябов, А.Д. Михайлов, Н.А. Морозов, М.Ф. Фроленко, Л.А. Тихомиров, Н.Н. Колодкевич, С.Г. Ширяев, А.А. Квятковский, А.И. Баранников, М.Н. Ошанина. К ним сразу же после раскола «Земли и воли», уже в августе-сентябре 1879 г. присоединились С.Л. Перовская, В.Н. Фигнер, М.Ф. Грачевский, А.И. Зунделевич, Т.И. Лебедева, С.А. Иванова, А.В. Якимова, С.С. Златопольский, Г.П. Исаев, Н.К. Бух, В.В. Зеге фон Лауренберг; несколько позднее, но еще до конца 1879 г. — О.С. Любатович, П.А. Теллалов, М.Н. Тригопи, Е.Д. Сергеева; в 1880 г. — А.П. Корба, Ю.Н. Богданович, Н.Е. Суханов, М.В. Ланганс, А.А. Франжоли, Е.Ф. Завадская⁷⁴¹. Это и есть изначальный (до

---

⁷⁴⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 201. Обзоры жандармских дознаний за вторую половину 1881 г. (л. 3) и 1882 г. (л. 140, 158, 175).

⁷⁴¹ Показательны для личной (помимо идейной) близости членов ИК их супружеские связи: Лебедева станет женой Фроленко, Иванова — Квятковского, Якимова — Ланганса, Любатович — Морозова, Сергеева — Тихомирова, Завадская — Франжоли. Ошанина к тому времени уже была супругой Баранникова. Гражданский брак Перовской и Желябова — еще впереди. Для того поколения революционеров такие факты были в порядке вещей: вспомним, что в Большом обществе пропаганды сложились больше десяти супружеских пар.

1. Партия «Народная воля»

1 марта 1881 г.) и основной состав членов ИК, который сами народовольцы впоследствии называли «*Великим*»: 31 человек, не считая агентов Комитета (т.е. кандидатов в члены)⁷⁴².

После 1 марта на смену выбывшим (арестованным, расстрелянным, повешенным) в члены ИК были приняты еще 14 человек и, стало быть, за все время существования ИК насчитывал 45 членов, но, ввиду текучести состава из-за частых арестов, одновременно их никогда не было больше 20-ти.

Что касается агентов ИК, то среди них до 1 марта 1881 г. выделялись, в особенности, Н.И. Кибальчич и Н.В. Клеточников (два гения — каждый в своем роде), а также С.Н. Халтурин, Г.М. Гельфман, А.К. Пресняков, Н.А. Саблин, П.С. Ивановская, Л.Н. Гартман.

С начала и до конца «Народной воли» ее Исполнительный комитет как «самочинный центр» партии «стоял вне отчетности и вне контроля»⁷⁴³. «Он никогда не был *исполнительным*, а всегда *распорядительным*», — подчеркивала Мария Ошанина⁷⁴⁴. В условиях революционного подполья ИК вынужден был грешить авторитарностью руководства ради собственной и всей партии безопасности. К тому же уникальный по совокупности достоинств состав допервомартовского, «Великого» ИК гарантировал его от злоупотреблений властью, как и от чванства, карьеризма и прочей корысти.

Вопреки ходячему — от М.Н. Покровского до А.А. Левандовского — мнению, будто «Народная воля» преемственно связана с нечаевщиной так, что «нечаевщина переселилась в «Народную волю»⁷⁴⁵, в действительности у «Народной воли»

---

⁷⁴² Списки членов ИК «Народной воли» публиковались (с разночтениями) в различных источниках. Критический пересмотр их см.: *Твардовская В.А.* Организационные основы «Народной воли» // Исторические записки. 1960. Т. 67.

⁷⁴³ *Седов М.Г.* Героический период революционного народничества. М., 1966. С. 205.

⁷⁴⁴ «Из истории партии Народной воли. «Показания» М.Н. Полонской // Былое. 1906. № 7. С. 5.

⁷⁴⁵ *Покровский М.Н.* Избр. произв.: В 4 кн. М., 1965. Кн. 2. С. 463; *Лурье Ф.М.*

при чисто внешнем сходстве отдельных признаков не было ничего общего с нечаевщиной. Принцип «цель оправдывает средства» ИК допускал только «по отношению к правительству, как врагу», подчеркнув при этом в своей программе: «лица и общественные группы, стоящие вне нашей борьбы с правительством, признаются нейтральными; их личность и имущество неприкосновенны»⁷⁴⁶. Внутри самой партии устав ИК провозглашал: «Все члены Исполнительного комитета равноправны <...> Все за каждого и каждый за всех», а устав низовой ячейки (дружины) народовольцев предписывал им «такое личное поведение, которое не вредило бы ни репутации партии, ни интересам самой дружины»⁷⁴⁷.

Нравственная сторона революционного дела всегда была предметом особой заботы ИК и всей партии. «Только строгое соблюдение высокого нравственного ценза дает нам возможность создавать революционную организацию» — читаем в газете «Народная воля»⁷⁴⁸. «В истории русской мысли, — резонно считает ее авторитетный знаток, — возможно, не было другого течения, представители которого придавали бы столь великое значение «нравственному фактору», как революционные народники»⁷⁴⁹...

Конечно, — в семье не без урода: встречались среди народовольцев (иногда и в самом ИК) как исключения авантюрист Г.Г. Романенко, ренегат Л.А. Тихомиров, предатель Н.И. Рысаков, провокатор С.П. Дегаев. Но истинные герои «Народной воли», корифеи ее «Великого ИК», большей частью загубленные на эшафоте и в застенках царизма, отличались и в нравственном, и в деловом, и в прочих отношениях столь

Созидатель разрушения. СПб., 1994. С. 352; *Левандовский А.А.* Бомбисты // Родина. 1996. № 4. С. 56.

⁷⁴⁶ РН. Т. 2. С. 174.

⁷⁴⁷ Там же. С. 200, 212.

⁷⁴⁸ Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 216.

⁷⁴⁹ *Малинин В.А.* Философия революционного народничества. М., 1972. С. 153.

1. Партия «Народная воля»

выдающимися достоинствами, что в любой цивилизованной стране были бы национальной гордостью. Это, в первую очередь, — блистательный самородок из крепостных крестьян, великолепный агитатор, трибун и организатор с интеллектом первоклассного государственного деятеля, прирожденный лидер российских народолюбцев и тираноборцев Андрей Иванович *Желябов*⁷⁵⁰. Это — и бывший главный администратор «Земли и воли», ее «Катон-Цензор», несравненный классик революционной конспирации Александр Дмитриевич *Михайлов*, который и в «Народной воле» играл прежнюю роль вездесущего и всеведущего стража ее безопасности. Это, конечно же, — и Софья Львовна *Перовская*, общая любимица и «нравственный диктатор», «идейная Жанна д'Арк». Все, кто знал Софью Львовну как народоволку, восхищались необычайным обаянием ее личности — обаянием, в котором сочетались женственность и мужество, железная воля и сердечная доброта, верность долгу и самоотверженность. О таких людях на Востоке говорят: «человек тверже камня, но нежнее розы».

Рядом с трехзвездием Желябов — Перовская — Михайлов в составе ИК «Народной воли» действовали столь же выдающиеся, хотя, кроме двух-трех, менее известные организаторы, теоретики и практики. В их числе одно из первых мест занимал Николай Александрович *Морозов* — бывший «чайковец» и землеволец, пропагандист, заговорщик, террорист, публицист (редактор центральных органов и «Земли и воли» и «Народной воли»), автор ценнейшего 3-томника мемуаров, ученый-энциклопедист с тернистой судьбой: был осужден в 1882 г. на вечную каторгу, провел 23 года в одиночных склепах Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей, после чего, освобожденный революцией 1905 г., плодотворно

---

⁷⁵⁰ Недаром В.И. Ленин ставил Желябова в ряд таких «великих революционеров», как М. Робеспьер и Д. Гарибальди, и мечтал о том, чтобы в России «выдвинулись социал-демократические Желябовы» (Полн. собр. соч. Т. 6. С. 171; Т. 26. С. 226).

трудился еще больше 40 лет, стал почетным членом Академии наук СССР и умер 30 июля 1946 г. на 93-м году жизни, *последним* из революционеров-народников⁷⁵¹.

Замечательными организаторами были также герои «хождения в народ» и зачинатели политического направления в «Земле и воле» Александр Александрович *Квятковский* и Степан Григорьевич *Ширяев*. Оба они стали центральными фигурами процесса «16-ти» (1880 г.) — первого суда над партией «Народная воля», — и оба были приговорены к смертной казни: Квятковского повесили, а Ширяеву заменили казнь вечной каторгой, столь убийственной, что он не прожил там и одного года. Далее, в первом ряду народовольцев — организаторов блистали: руководитель московской группы «Народной воли», «народовольческий московский генерал-губернатор», по выражению В.Я. Богучарского⁷⁵², Петр Абрамович *Теллалов* (грек по национальности), тоже осужденный на смертную казнь — по делу «17-ти» в 1883 г.⁷⁵³; лидер Военной организации «Народной воли» Николай Евгеньевич *Суханов* — человек настолько беззаветный, рыцарски великодушный и обаятельный, что Вера Фигнер вспоминала о нем так: «Счастлива та партия, к которой пристают Сухановы!»⁷⁵⁴. Не зря Перовская перед смертью, из тюрьмы завещала товарищам «беречь Наума (псевдоним Суханова. — Н.Т.) и Верочку»⁷⁵⁵.

О Вере Николаевне Фигнер хочется говорить красиво. Умница и красавица, слывшая «мадонной» и даже «Венерой»

---

⁷⁵¹ Имя Н.А. Морозова носит малая планета — астероид Морозовия и кратер на обратной стороне Луны.

⁷⁵² *Богучарский В.Я.* Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX века. Партия «Народной воли», ее происхождение, судьбы и гибель. М., 1912. С. 133.

⁷⁵³ После замены виселицы пожизненной каторгой Теллалов, как и Ширяев, прожил меньше года.

⁷⁵⁴ *Фигнер В.Н.* Цит. соч. Т. 1. С. 239. Н.Е. Суханов был приговорен к смертной казни по делу «20-ти» в 1882 г. и расстрелян.

⁷⁵⁵ Там же. С. 157.

1. Партия «Народная воля»

русской революции»⁷⁵⁶, высший авторитет в партии после гибели Желябова и Перовской, «мать-командирша», как называли ее (не достигшую и 30-ти лет!) товарищи по делу, она производила на всех, кто с ней сталкивался, неотразимое впечатление. Писатель В.В. Вересаев так вспоминал о первом знакомстве с нею: «...ей было за 60, но и теперь она поражала сдержанно-гордой, властной красотой и каким-то прирожденным изяществом. Что же было, когда она была молода!»⁷⁵⁷. А было все — талант организатора, энтузиазм пропагандистки, мудрость политика, при этом еще обаяние ума и красоты, и лишь одна, чисто женская слабость (в спорах), за которую друзья прозвали ее «Топни-Ножкой».

Пожалуй, третьей по значению из женщин «Народной воли», после Софьи Перовской и Веры Фигнер, была Мария Николаевна *Ошанина*, урожденная Оловеникова, по второму мужу Кошурникова (фактически Баранникова, ибо по паспорту Кошурникова — из конспиративных соображений — венчался с Ошаниной Александр Баранников), партийные псевдонимы — «Марина Полонская», «мадам Якобсон». Женщина такого же склада ума и силы характера, как Перовская и Фигнер, хотя и менее цельная идейно и нравственно, очень эрудированная и светски воспитанная, изящная, красноречивая, властная и честолюбивая, Ошанина пользовалась в «Земле и воле», а затем и в «Народной воле» большим авторитетом и влиянием, репутацией «*торговца сердцами*», как говорил Шиллер о своем Фиеско.

Среди практиков выделялись в ИК четверо: Михаил Федорович *Фроленко* — революционный удалец, сумевший десять лет кряду, находясь при этом на первом плане и ни разу не подвергнувшись аресту, инициативно участвовать во множестве рискованных актов на всех этапах движения⁷⁵⁸ и лишь в марте

---

⁷⁵⁶ Хроника социалистического движения в России 1878–1887 гг. Официальный отчет. М., 1906. С. 215.

⁷⁵⁷ *Вересаев В.В.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1961. Т. 5. С. 384.

⁷⁵⁸ Увез из жандармских казарм в Одессе арестованного «чайковца» В.Ф. Костюрина, вывел из Киевской тюрьмы узников Я.В. Стефановича,

1881 г. был арестован и приговорен по делу «20-ти» к смертной казни («милостью» царя казнь была заменена вечной каторгой, которую Фроленко отбывал больше 23 лет, пока не освободила его революция 1905 г.); Михаил Федорович *Грачевский* — фанатически целеустремленный герой и мученик «Народной воли», «человек-факел», который осенью 1887 г. в Шлиссельбургской крепости — после того, как за три года в ней погибли 22 узника, — покончил с собою мучительным, но символичным для революционера способом (сжег себя!) и ценой такого самопожертвования заставил царизм смягчить шлиссельбургский режим, что позволило некоторым узникам (среди них — Морозову, Фигнер, Фроленко, Герману Лопатину) дожить до 1905 г. и выйти на волю; Николай Николаевич *Колодкевич* — один из самых авторитетных (ныне забытых) корифеев «Народной воли» и «самых выдающихся по своей нравственной чистоте», «совершенно идеальных людей» с «особым, чарующим обаянием»⁷⁵⁹, известный в то время всем революционерам и жандармам империи под кличкой «Кот-Мурлыка»; Арон Исаевич *Зунделевич*, который выполнял в «Народной воле» прежние, землевольческие обязанности своеобразного «министра иностранных дел» и, кроме того, вникал в каждое практическое дело ИК как исполнитель или даже инициатор.

Что касается Льва Александровича *Тихомирова*, то его совершенно особая судьба требует и особого разговора. В российской истории, столь богатой идейными перевертышами, все-таки мало примеров такого жизненного кульбита: поборник, отчасти даже разработчик самой антицаристской идеологии перешел на службу к царизму и написал книгу, которую поныне считают «основой монархического мышления»⁷⁶⁰; редактор (вместе с Морозовым) подпольных, самых революционных в России

И.В. Бохановского и Л.Г. Дейча, экспроприировал из Херсонского казначейства 1,5 млн. руб. на революционные нужды и т.д.

⁷⁵⁹ Фигнер В.Н. Полн. собр. соч.: в 7 т. М., 1932. Т. 1. С. 240; Т. 4. С. 150; Т. 5. С. 128.

⁷⁶⁰ От издательства // Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 3.

1. Партия «Народная воля»

газет «Земля и воля» и «Народная воля» стал редактировать черносотенную газету «Московские ведомости». Политическое ренегатство Тихомирова 1888 г. современники восприняли как сенсацию, но вскоре осознали его закономерность. Сказались и религиозная закваска Тихомирова (в роду его со времени Павла I насчитано больше 200 попов, дьячков и прочего церковного люда)⁷⁶¹, а главное, зыбкость его идейного и душевного склада. Вера Фигнер свидетельствовала, что он был «человек безвольный и бесхарактерный: он поддавался влияниям, которые могли поднимать его на высоты или спускать в низины»⁷⁶². Здесь, как говорится, и «собака зарыта»: пока революционное народничество шло в гору, Тихомиров оставался вместе с ним на высоте, но когда оно было разгромлено, у Тихомирова не нашлось сил для дальнейшей борьбы, и он скатился в низину реакции.

Роль Тихомирова в «Народной воле» обычно недооценивается, поскольку (вольно или невольно) рассматривается сквозь призму его последующего ренегатства. В.Н. Фигнер и В.А. Твардовская называли его «рупором», а Н.С. Русанов — даже «громкоговорителем» Исполнительного комитета⁷⁶³. Думается, более точно выразилась А.П. Корба: Тихомиров в ИК «исполнял роль статс-секретаря»⁷⁶⁴. Конечно, он не был генератором идей ИК, но не был и просто рупором. Тихомиров творчески участвовал в коллективной разработке программы «Народной воли», вполне разделял тогда ортодоксально-народовольческие идеи и талантливо формулировал их в программных документах партии⁷⁶⁵.

---

⁷⁶¹ Бах А.Н. Записки народовольца. М., 1931. С. 204.

⁷⁶² Фигнер Вера. По поводу записок Л. Тихомирова // Тихомиров Л.А. Воспоминания. М.; Л., 1927. С. XXXVI.

⁷⁶³ Теодорович И.А. Постскрипtum // Каторга и ссылка. 1932. № 1. С. 102; Твардовская В.А. Н.А. Морозов в русском освободительном движении. М., 1983. С. 97.

⁷⁶⁴ Прибылева-Корба А.П. Цит. соч. С. 57.

⁷⁶⁵ Недавно увидела свет капитальная и довольно объективная биография Л.А. Тихомирова: Репников А.В., Милевский О.А. Две жизни Льва Тихомирова. М., 2011. — 560 с.

После 1 марта 1881 г. состав ИК и его роль как руководящего центра «Народной воли» существенно изменились — в худшую сторону. В послемартовском его пополнении (когда уже выбыли из строя Желябов, Перовская, Михайлов, Фроленко, Колодкевич, Ширяев, Квятковский, Суханов, Зунделевич...) не оказалось равноценной замены кому-либо из выбывших. Единственное исключение — желябовского масштаба — представил собой член созданного в январе 1884 г. нового ИК Герман Александрович Лопатин. Он ненадолго (до своего ареста 6 октября 1884 г.) возглавил не только ИК, но и всю партию. Поэтому весь этот короткий период в истории «Народной воли» называют «лопатинским»...

До сих пор речь шла о наиболее выдающихся членах ИК. Из агентов же Комитета выделялись, как уже сказано (не скрою: с намерением заинтриговать читателя) «два гения». Да, каждый из них в своей области был гениален: это — общепризнанный технический гений Николай Иванович *Кибальчич*, провозвестник космической эры, первым в мире (за 15 лет до К.Э. Циолковского) разработавший проект летательного аппарата с реактивным двигателем⁷⁶⁶, и поныне недооцененный гений разведки Николай Васильевич *Клеточников*, который был «ангелом-хранителем» не только для революционеров, но и для всех вообще «неблагонадежных», предупреждая их о доносах, грозящих обысках и арестах, а потому имел право заявить на суде перед вынесением ему смертного приговора: «Я служил русскому обществу, всей благомыслящей России»⁷⁶⁷.

Таковы были деятели Исполнительного комитета «Народной воли». «Что за красочные, сильные индивидуальности! — восклицал их идейный противник чернопеределец О.В. Аптектман. — Все смелые, стойкие, волевые, самоотверженные <...>

---

⁷⁶⁶ Сегодня имя Кибальчича, как и Н.А. Морозова, носит кратер на обратной стороне Луны.

⁷⁶⁷ Литература партии «Народная воля». С. 183. Подробно о Клеточникове см.: *Троицкий Н.А.* Подвиг Николая Клеточникова // Прометей. М., 1972. Т. 9.

1. Партия «Народная воля»

Лучшие силы тогдашней революционной среды, отбор самых испытанных»⁷⁶⁸. Повторю сказанное: в любой цивилизованной стране такие люди были бы гордостью нации. В царской России они стали «государственными преступниками» и подверглись жесточайшим репрессиям. Из 57 членов и агентов ИК (45 членов и 12 агентов) 30 человек были осуждены на смертную казнь⁷⁶⁹ и 12 — на каторгу от 4-летней до пожизненной. Еще 5 членов ИК «отделались» ссылкой в Сибирь, а избежали репрессий только 10: восемь из них эмигрировали, В.В. Зеге фон Лауренберг умер своей смертью, Н.А. Саблин застрелился...

Рассмотрим теперь программные основы «Народной воли». Партия имела несколько программных документов. Первым из них по времени и значению стала «Программа Исполнительного комитета» — плод коллективного творчества учредителей и лидеров ИК, обсуждение которого началось в сентябре-октябре 1879 г., а принятый текст опубликован 1 января 1880 г. в 3-м номере газеты «Народная воля». Позднее, с весны 1880 до конца 1881 г., в дополнение к программе ИК народовольцы выработали еще пять программных документов. Это — «Подготовительная работа партии», «Программа рабочих, членов партии «Народная воля»», «Программа Военно-революционной организации», «Инструкция молодежи», «Письмо Исполнительного комитета Александру III».

Перовская как член ИК и (с января 1880 г.) его Распорядительной комиссии, естественно, участвовала в обсуждении всех программных документов партии, кроме программы Военной организации, обсужденной в конце 1881 г., уже после гибели Софьи Львовны. Рукопись «Подготовительной работы партии» — секретной инструкции, которая поясняла разделы «Программы ИК» и была предназначена только «для вполне

---

⁷⁶⁸ «Черный передел». Орган социалистов-федералистов (1880–1881). М.; Пг., 1923. С. 7.

⁷⁶⁹ 15-ти из них виселица была заменена вечной каторгой, где почти все они погибли.

своих людей» с целью «установить в организации общую, одинаковую точку зрения на деятельность»⁷⁷⁰, — эта рукопись была изъята при обыске в квартире Перовской в день ее последнего ареста (10 марта 1881 г.) как вещественное доказательство для суда по делу о цареубийстве⁷⁷¹. Судя по всему, Софья Львовна работа с этой рукописью.

Итак, первоочередной задачей «Народной воли» программа ИК⁷⁷² провозглашала свержение царизма: «наша цель — отнять власть у существующего правительства и передать ее Учредительному собранию», избранному «свободно, всеобщей подачей голосов». На выборах в это Собрание и в самом Собрании «Народная воля» обязалась пропагандировать следующие требования своей программы⁷⁷³:

постоянное народное представительство с законодательными функциями, т.е. фактически парламентская республика; выборность всех должностей снизу доверху;

всеобщее избирательное право для совершеннолетних россиян, без сословных и имущественных ограничений;

свобода совести, слова, печати, собраний, объединений, избирательной агитации;

переход земли, фабрик и заводов во всенародную собственность с передачей земли в пользование сельским, а заводов и фабрик — заводским и фабричным общинам;

мирское самоуправление, т.е. самостоятельность крестьянской общины (мира) как экономической и административной единицы;

замена постоянной армии территориальной (другими словами, вместо регулярной армии — народное ополчение: «все обязаны военной службой, обучаются военному делу, не отрываясь от работы и семьи, и созываются только в случае определенной законом надобности»).

---

⁷⁷⁰ Календарь «Народной воли» на 1883 г. Женева, 1883. С. 121.

⁷⁷¹ См.: РН. Т. 2. С. 379–380.

⁷⁷² Текст ее см.: РН. Т. 2. С. 170–174.

⁷⁷³ См.: Там же. Т. 2. С. 172 (программа ИК), 188–189 («Программа рабочих...»).

1. Партия «Народная воля»

В программе ИК почему-то не оказалось пункта о праве наций на самоопределение, но уже в «Программе рабочих...», а затем и в других документах ИК народовольцы подтвердили право всех национальностей России «на полную политическую независимость» вплоть до отделения, хотя и с оговоркой: до полной победы «нового строя» действовать сообща, а не «брести врозь»⁷⁷⁴.

Таким образом, в отличие от «Земли и воли», которая объявляла своей программной целью анархию, «Народная воля» отрицала анархизм и признавала необходимым революционное государство в форме демократической республики, «народного самодержавия», как выражались народовольцы⁷⁷⁵. Вождь «Народной воли» А.И. Желябов в речи на суде по делу о цареубийстве подчеркнет: «Мы — государственники, не анархисты. Анархисты — это старое обвинение»⁷⁷⁶.

Вместе с анархизмом народовольцы отбросили и характерный для 70-х годов специфически народнический аполитизм. Программа «Народной воли» декларировала необходимость политической борьбы с царизмом и завоевания политических свобод. Взяв курс на политическую борьбу, народовольцы преодолели «ходячий предрассудок, что будто бы, участвуя в ней, мы загребаем своими руками жар для других, что результатами победы воспользуется не народ. Мы думаем совершенно наоборот. Именно устранившись от политической борьбы, мы готовим победу для враждебных народу элементов, потому что при такой системе действий просто дарим им власть, которую обязаны были бы отстаивать для народа»⁷⁷⁷.

Здесь важно подчеркнуть, что народовольцы, как и все вообще народники, были социалистами-утопистами. Они тоже верили в крестьянскую общину как зародыш социализма и надеялись опереться на нее в стремлении перевести Россию

---

⁷⁷⁴ РН. Т. 2. С. 188, 320; Литература партии «Народная воля». С. 165–166.

⁷⁷⁵ Литература партии «Народная воля». С. 93, 215.

⁷⁷⁶ Дело 1 марта 1881 г. С. 333.

⁷⁷⁷ Литература партии «Народная воля». С. 5.

из сущего полуфеодалного состояния сразу в социализм, минуя капиталистическую стадию развития. Однако самый факт наличия капитализма в России народовольцы не отрицали. Напротив, они констатировали, что «в деревнях крестьянская земля постепенно переходит в руки кулаков и спекулянтов; в городах фабричные и заводские рабочие попадают все в большую кабалу к фабриканту; капиталисты становятся силой»⁷⁷⁸. Но в представлении народовольцев российский капитализм был «искусственным детищем деспотизма» («у нас не государство есть создание буржуазии, как в Европе, а наоборот, буржуазия создается государством»), и. стало быть, свержение царизма в результате *политического* переворота могло бы «подсечь в корне» его экономическое «детище»⁷⁷⁹.

Впрочем, социализм народовольцы провозглашали лишь теоретически и не ставили его в порядок дня практически. Он был для них «путеводной звездой», пока недостижимой, но они считали, что предусмотренные их программой «перемены в порядках должны приближать жизнь к социалистическому строю»⁷⁸⁰. Одно бесспорно: эти «перемены» совокупно (при всей утопичности отдельных «общинно-социалистических» требований) отвечали жгучим потребностям национального развития России и уже тогда поставили бы нашу страну вровень с передовыми державами Запада.

Осуществлять свои требования «Народная воля» предполагала «различными путями»⁷⁸¹, не обязательно связанными с революционным насилием, восстанием. Она допускала даже, что царизм, «не дожидаясь восстания, решится пойти на самые широкие уступки народу», или, «не сдаваясь вполне, даст, однако, настолько свободную конституцию, что для партии будет выгоднее отсрочить восстание с тем, чтобы, пользуясь свободой действий, возможно лучше организовать и укрепиться».

---

⁷⁷⁸ РН. Т. 2. С. 186.

⁷⁷⁹ Литература партии «Народная воля». С. 23, 24.

⁷⁸⁰ РН. Т. 2. С. 186, 187.

⁷⁸¹ Там же. С. 175. Курсив мой — Н.Т.

1. Партия «Народная воля»

Но, учитывая, что, «во-первых, всякие уступки, крупные или мелкие, мыслимы со стороны правительства только тогда, если оно будет к этому *вынуждено*; во-вторых, никаких существенных уступок со стороны правительства может очень легко и не быть (и гораздо вероятнее — не будет)», «Народная воля» заявила: «Партия должна подготавливаться именно к восстанию; если же оно паче чаяния, окажется излишним, то тем лучше: собранные силы пойдут тогда на мирную работу»⁷⁸².

Восстание, по мысли народовольцев, должно было быть *народным*. «Принцип указывает нам вообще, что главная созидательная сила революции в народе», — гласит передовая статья № 4 «Народной воли»⁷⁸³. Поднять на революцию предполагалось «весь народ — городских рабочих и крестьянство», но при этом «городским рабочим» внушалось, что «главная народная сила не в них, а в крестьянстве»⁷⁸⁴. Здесь налицо традиционно народническая позиция. Однако далее следует уже принципиально новый, специфически народовольческий тезис: «Ввиду придавленности народа <...> партия должна взять на себя *почин* самого переворота, а не дожидаться того момента, когда народ будет в состоянии обойтись без нее»⁷⁸⁵.

Видимое противоречие между новым тезисом и старой позицией разрешалось в программе «Народной воли» логично. С одной стороны, программа обязывала народовольцев вести пропагандистскую, агитационную и организаторскую работу «*во всех слоях населения*» страны от крестьянских «низов» до чиновных «верхов», чтобы мобилизовать против царизма всех недовольных. «Народная воля» стремилась к максимальному расширению своей социальной базы, требуя от революционеров готовить себе опору среди крестьян и рабочих, заводить связи в администрации, войске, обществе, «сходиться

---

⁷⁸² РН. Т. 2. С. 175–176.

⁷⁸³ Литература партии «Народная воля». С. 93.

⁷⁸⁴ РН. Т. 2. С. 189.

⁷⁸⁵ Там же. С. 174. Курсив мой. — *Н.Т.*

с либералами» и даже обеспечивать «сочувствие народов» Европы (особый раздел «Подготовительной программы партии» так и назывался: «Европа»)⁷⁸⁶. Самым благоприятным моментом для восстания «Народная воля» считала массовые «возмущения» в городах или деревнях, которые партия могла бы объединить, возглавить и «расширить на всю Россию»⁷⁸⁷.

С другой стороны, на случай «неблагоприятный», когда «партии придется самой начинать восстание, а не присоединяться к народному движению», она должна была «создать сама себе благоприятный момент действия», который позволил бы по ее сигналу «всем недовольным подняться и произвести повсеместный переворот»⁷⁸⁸. В качестве *одного из средств* подготовки такого переворота «Народная воля» рассматривала «красный» террор.

«Искусно выполненная система террористических предприятий, одновременно уничтожающих 10–15 человек, столпов современного правительства, — читаем в «Подготовительной работе партии», — приведет правительство в панику, лишит его единства действий и в то же время возбудит народные массы, т.е. создаст удобный момент для нападения»⁷⁸⁹. Иначе говоря, террор рассматривался как прелюдия и ускоритель народной революции. «История движется ужасно тихо, — говорил А.И. Желябов, — надо ее подталкивать»⁷⁹⁰.

---

⁷⁸⁶ РН. Т. 2. С. 173, 179–183.

⁷⁸⁷ Там же. С. 190.

⁷⁸⁸ Там же. С. 176, 181, 190.

⁷⁸⁹ Там же. С. 176. Заглядывая вперед, подчеркну, что за все 10 лет существования и старой, и новой «Народной воли» она «уничтожила» лишь 6 (шесть!) человек из карательного аппарата, причем среди них только трое были «столпами правительства»: сам царь Александр II, шеф тайной полиции Г.П. Судейкин и военный прокурор генерал В.С. Стрельников. К этому подсчету, от которого, как черт от ладана, отмахиваются критики «Народной воли», бичующие ее «кровавую оргию», мы еще вернемся.

⁷⁹⁰ Семенюта П.П. Из воспоминаний об А.И. Желябове // Былое. 1906. № 4. С. 219.

1. Партия «Народная воля»

Правда, были среди народовольцев (даже внутри ИК) люди, считавшие террор главным средством политической борьбы, но их легко пересчитать на пальцах одной руки. Это, в первую очередь, — Н.А. Морозов, который еще в «Земле и воле» считал приоритетным террористический «способ Вильгельма Телля», «теллизм». Теперь он как «теллист» вступил в оппозицию к программе ИК и демонстративно опубликовал за границей брошюру «Террористическая борьба». В ИК его поддержали лишь О.С. Любатович (жена Морозова) и Г.Г. Романенко — автор брошюры á la Морозов. В феврале 1880 г. ИК отправил супругов Морозовых в «бессрочный отпуск», который сами «отпускники» расценили как «отставку»⁷⁹¹. Вера Фигнер и полвека спустя, в письме к Морозову от 27 мая 1933 г., подчеркивала: «пропасть разделяла тебя, узкого теллиста, от народовольцев»⁷⁹².

Были в «Народной воле» и в самом ИК также бланкисты, которые держались идеи захвата власти революционной партией («для народа, но без народа») с последующим декретированием сверху демократических преобразований. И таких людей в ИК было лишь трое — четверо: Л.А. Тихомиров, его жена Е.Д. Сергеева, М.Н. Ошанина и, возможно, ее муж А.И. Баранников.

Итак, ни «теллисты», ни бланкисты не могли столкнуть «Народную волю» с ее многовариантного политического курса на террористическую позицию. Г.В. Плеханов ошибался, когда говорил, что «народовольцы были народниками, изверившимися в народе»⁷⁹³. Верить в народ как главную силу грядущего преобразования России народовольцы не переставали. Но в революционную инициативу народа они действительно уже не верили...

Одновременно с обсуждением уставных и программных документов партии народовольцы приступили и к практическим

---

⁷⁹¹ *Твардовская В.А.* Н.А. Морозов в русском освободительном движении. М., 1983. С. 107.

⁷⁹² АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1967. Л. 36 об.

⁷⁹³ *Плеханов Г.В.* Соч. М.; Л., 1927. Т. 24. С. 147.

делам, ради которых шли на разрыв с товарищами и друзьями, соратниками по «Земле и воле». Среди этих дел значилось и цареубийство. 26 августа 1879 г. Исполнительный комитет «Народной воли» на специальном заседании в поселке Лесном под Петербургом вынес смертный приговор Александру II. С этого дня и началась беспримечная в истории, 18-месячная охота на царя.

2. «Красный» террор против «белого» террора

Враги и критики «Народной воли» много (особенно в наше время) говорят о том, что она злодейски преследовала и умертвила царя — «Освободителя»⁷⁹⁴. При этом замалчивается неоспоримый, вопиющий факт: к концу 70-х годов царь, в свое время освободивший, наконец, от крепостной неволи крестьян (хотя и ограбив их), снискал себе уже новое титло: «Вешатель». Это он утопил в крови народное возмущение реформой 1861 г., когда сотни крестьян были расстреляны и тысячи биты кнутами, шпицрутенами, палками (многие — насмерть), после чего выжившие разосланы на каторгу и в ссылку⁷⁹⁵. С еще большей кровью Александр II подавил национально-освободительные восстания 1863–1864 гг. в Белоруссии, Литве, Польше (входившей тогда в состав России, как и Литва): только в Польше —

---

⁷⁹⁴ См., напр.: Лурье Ф.М. Указ. соч. С. 352; Левандовский А.А. Указ. соч. С. 49; Михайлов О.Н. Забытый император. Александр III. М., 1996. С. 15–17; Холмогорова Е.С., Холмогоров М.К. Лорис-Меликов. М., 1998. С. 302; Семанов С.Н. Александр II. История царя-Освободителя, его отца и его сына. М., 2003. С. 354. 6 марта 2013 г. доктор исторических наук А.Ю. Полунов в специальной лекции об Александре II заявил с экранов ЦТ, что царь «заплатил жизнью за освобождение крестьян», и что убили его «террористы» (лектор ни разу не выговорил слова «народовольцы», выражался только так: «террористы»).

⁷⁹⁵ Подробно см.: Революционная ситуация в России в середине XIX в. Коллективная монография. М., 1978. С. 225–238, 244–247.

2. «Красный» террор против «белого» террора.

25 тыс. осужденных⁷⁹⁶, не считая погибших в боях и расстрелянных без суда. Почти 20 лет гноил «Освободитель» за инакомыслие в тюрьме, на каторге и в якутской ссылке «российского Прометея» Н.Г. Чернышевского, а с 70-х годов сотнями отправлял в ссылку и на каторгу народников из тех 8 тыс. арестованных за их «хождение» с пропагандистскими книжками «в народ». Из всех российских государей только Александр II использовал (и не один раз) монаршую прерогативу не для смягчения, а для отягчения судебных приговоров по политическим делам — С.Г. Нечаева и «193-х».

Когда же некоторые из народников в ответ на «белый» террор царизма начали прибегать с 1878 г., как мы это видели, к отдельным актам «красного» террора, Александр II повелел судить их *всех* по законам военного времени. Только за 1879 г. он санкционировал повешение 16-ти народников. К 1881 г. число казненных выросло до 21. В их числе И.И. Логовенко и С.Я. Виттенберг были повешены за «умысел» на цареубийство, И.И. Розовский (студент) и М.П. Лозинский — за «имение у себя» революционных прокламаций, а Д.А. Лизогуб — за то, что он по-своему распорядился собственными деньгами, отдав их в революционную казну⁷⁹⁷. Орган русской политической эмиграции газета «Общее дело» в № 26 за 1879 г. очень уместно приписала Александру II такой «самодержавный афоризм»: «*Не повешаешь — не поцарствуешь!*».

Смертные приговоры народникам Александр II воспринимал с удовлетворением, а замену их — с недовольством. Стоило петербургскому «аракчееву» И.В. Гурко «помиловать» террориста Л.Ф. Мирского (вечной каторгой вместо виселицы), как царь кольнул его презрительным отзывом: «Действовал под влиянием баб и литераторов»⁷⁹⁸. Зато «помазанник Божий» поощрял своих сатрапов в стремлении не просто казнить бунтарей, но

---

⁷⁹⁶ См.: *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы: В 5 т. М., 1961. Т. 2. С. 535.

⁷⁹⁷ Подробно об этом см.: *Троицкий Н.А.* Безумство храбрых. М., 1978. С. 195, 198–200.

⁷⁹⁸ ГАРФ. Ф. 109. Секр. архив. Оп. 1. Д. 977. Л. 10 об.

и палачески надругаться над ними, о чем свидетельствует и плясовая «Камаринская» в момент, когда вешали Валериана Осинского, и следующее повеление одесскому «аракчеву» Э.И. Тотлебену: поскольку «целование осужденных друг с другом перед казнью» производит на зрителей «впечатление, ни в коем случае не желательное, <...> устранить на будущее время повторение подобных слишком интимных прощаний» на эшафоте⁷⁹⁹.

Все это ИК «Народной воли» учитывал, вынося — от имени народа — смертный приговор царю. Лев Толстой, который знал об этом меньше, чем знали народовольцы, и тот восклицал: «Как же после этого не быть 1-му марта?»⁸⁰⁰.

Цареубийство ИК планировал в числе своих первоочередных дел и начал его готовить еще до того, как были окончательно утверждены его программные документы, — по крайней мере, с начала сентября 1879 г. Неожиданно для народовольцев, по целому ряду причин (включая непредвиденные случайности), их «охота» на царя затянулась на полтора года и удалась им лишь с 8-й попытки, из которых только три были результативными. Перовская приняла активное участие в первой из результативных попыток и сыграла решающую роль в последней из них.

Все началось с того, что ИК сразу после вынесения смертного приговора Александру II составил план покушения на него в трех различных пунктах на пути возвращения царя из Крыма (где он тогда отдыхал) по железным дорогам через Одессу, Харьков и Москву в Петербург. О времени и маршруте царского вояжа уведомил ИК его агент Николай Клеточников, служивший тогда в III отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии⁸⁰¹. «В первых числах сентября»⁸⁰² Вера Фигнер приехала с запасом динамита в Одессу, где

⁷⁹⁹ ДАОО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 44. Л. 38 об.

⁸⁰⁰ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1958. Т. 90. С. 308.

⁸⁰¹ Жандармский формуляр Н.В. Клеточникова см.: ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 504. Ч. 2. Л. 354–355, 368 об.

⁸⁰² Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Т. 1. С. 211.

2. «Красный» террор против «белого» террора.

ее ждал Николай Кибальчич. Именно он обеспечил техническую сторону покушения. Осуществить взрыв царского вагона должны были супруги Михаил Фроленко и Татьяна Лебедева. Оба они устроились в качестве железнодорожного будочника и его жены под Одессой на линии железной дороги Одесса — Москва и повели подкоп из своей будки под рельсы, чтобы подложить в промежутке между поездами мину под рельсы к прибытию царского поезда. Но в тот момент, когда все было готово к взрыву, ИК узнал, что царь из-за дурной погоды не поедет в Одессу⁸⁰³. Так осталась безрезультатной первая народовольческая попытка цареубийства.

Впрочем, царский поезд еще был в пути — через Екатеринослав и Харьков к Москве. Случившуюся оказию ИК предусмотрел. Одновременно с одесским подкопом народовольцы готовились встретить царский поезд, если он минует Одессу, в другом месте, под станцией Александровск Екатеринославской губернии, на линии Симферополь — Харьков — Москва. Организатором и главным участником этого, второго покушения народовольцев на Александра II был Андрей Желябов.

В Александровске Желябов поселился под видом купца Черемисова якобы для того, чтобы устроить здесь кожевенный завод. Роль супруги «купца» сыграла член ИК Анна Якимова. Помогали Желябову также двое рабочих — Иван Окладский и Яков Тихонов. Желябов купил лошадей и телегу, распустил на весь Александровск слух о том, что он вскоре займется устройством завода, а сам втихомолку устраивал подкоп и закладку мины под железнодорожное полотно на четвертой версте от станции и с постоянным риском для жизни перевозил туда на телеге динамит.

Царский поезд проходил через Александровск 18 ноября. Народовольцы узнали об этом заблаговременно — от того же Клеточникова. В момент, когда поезд подошел к месту, где была заложена мина, Желябов по сигналу Окладского («Жарь!») сомкнул провода, ведущие к заряду, но... взрыва не последовало.

---

⁸⁰³ Подробно об этом см.: Там же. С. 211–213.

Оказалось, как это позднее установила специальная комиссия ИК, кто-то из железнодорожных рабочих, которые чинили здесь рельсы, нечаянно перерезал желябовский провод⁸⁰⁴. Это и спасло царя...

Но путь до Москвы был еще долог. А под Москвой, в трех верстах от станции по Московско-Курской железной дороге, народовольцы готовили одновременно с подкопами под Одессой и Александровском третий подкоп на случай, если царь минует два предыдущих. Организатором этого, третьего народовольческого покушения на самодержца был Александр Михайлов, участниками — Николай Морозов, Александр Баранников, Григорий Исаев, агент ИК Лев Гартман. Главными же исполнителями, подрывниками стали Софья Перовская и Степан Ширяев, под видом супружеской четы «Сухоруковых».

Михайлов еще в первой половине сентября 1879 г. приехал в Москву и здесь, на окраине города, в Рогожской части, купил дом у мещанина Кононова — не далее чем в 50 м от железной дороги. В этом доме 19 сентября и поселились «Сухоруковы» — «Марина Семеновна» (Перовская) и «Михайло Иванович» (Гартман)⁸⁰⁵. Да, первым «Сухоруковым» стал было Гартман, но незадолго до покушения 19 ноября его заменил Ширяев.

Нашумевший на всю Россию московский подкоп под линию железной дороги из дома «Сухоруковых» хозяева и жильцы этого дома начали с 1 октября. Собственно, хозяйкой и, как мы увидим, *караульным* здесь была единственная среди них женщина — Перовская, а все остальные, включая Михайлова, обратились на полтора месяца в рабочих-землекопов. Впрочем, один из них, Ширяев, выполнял к тому же работу

---

⁸⁰⁴ Таково свидетельство члена комиссии Л.А. Тихомирова: ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 61. Л. 6. Есть и другие версии: Н.А. Морозов в 1926 г. вспоминал, будто Желябов неправильно соединил провода (РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 604. Л. 154–155), что маловероятно, а по словам И.Ф. Окладского, «были плохо подготовлены» запалы (Волк С.С. Указ. соч. С. 101).

⁸⁰⁵ См.: Цымрина Т.В. Софья Перовская. Политический портрет. Таганрог, 2006. С. 88.

2. «Красный» террор против «белого» террора.

инженера — электрика и минера. Этот воспитанник Саратовской гимназии лишь недавно (в ноябре 1878 г.) вернулся на родину из Парижа, где учился электротехнике у другого саратовца, всемирно знаменитого изобретателя Павла Николаевича Яблочкова⁸⁰⁶.

Работа в подкопе была адски трудной. Каждый день с 7 час. утра до 9-ти вечера «землекопы» успевали вырыть проход не более 2,5 м, а надо было прорыть подземный ход длиной в 47 м и обить его по бокам досками: вооруженные буравом «мы, — вспоминал А.Д. Михайлов, — влезали в образовавшийся склеп и, лежа по грудь в воде, сверлили, упираясь спиной и шеей в плотину, а ногами в грязь»⁸⁰⁷. В конце этой подземки на глубине пяти метров под рельсами была заложена мина. Ее заложил Ширяев. Он же установил (в сарае рядом с домом) гальваническую батарею и проводники. От батареи провода шли на второй этаж дома, к спирали Румкорфа, оттуда на первый этаж и затем в подземку к мине⁸⁰⁸.

А чем была занята в это время Перовская? Она не только следила за порядком в доме, обеспечивала «землекопов» провизией, выполняла обязанности кухарки и уборщицы, но и следила за всем и вся окрест дома, готовая предупредить товарищей о любой нежелательности, не говоря уж об опасности. «Ловкость и умелость Перовской избавляли заговорщиков от многих опасностей, — читаем у Н.П. Ашешова. — А бывали минуты весьма скверные и жуткие»⁸⁰⁹. Да, Сергей Кравчинский приводил два примера «необыкновенной находчивости» и «чрезвычайной ловкости» Софьи Львовны

---

⁸⁰⁶ См.: Автобиографическая записка Степана Ширяева // Красный архив. 1924. Т. 7. С. 77; Дмитриева О.Н. Первый динамит «Народной воли» // Н.А. Троицкому — к юбилею. Сб. статей / Под ред. С.А. Мезина. Саратов, 2011. С. 207–208.

⁸⁰⁷ Цит по: Прибылева-Корба А.П., Фигнер В.Н. Народоволец А.Д. Михайлов. Л.; М., 1925. С. 138, 140.

⁸⁰⁸ Автобиографическая записка Степана Ширяева. С. 95.

⁸⁰⁹ Ашешов Н.П. Цит. соч. С. 76.

как раз из истории «дома Сухоруковых». Вот они — в изложении Кравчинского (со слов очевидцев), лучше его об этом не расскажешь.

«Однажды купец — сосед зашел к Сухорукову по делу о закладе дома. Хозяина на ту пору не оказалось. Перовская очень не хотела допустить нежданного посетителя до осмотра дома, и во всяком случае нужно было оттянуть время, чтобы дать товарищам возможность убрать все подозрительное.

Она внимательно выслушала купца и переспросила. Тот повторил. Перовская с самым наивным видом опять переспрашивает. Купец старается объяснить ей все как можно вразумительнее, но бестолковая хозяйка с недоумением отвечает:

— Уж и не знаю! Ужо как скажет Михайло Иваныч.

Купец опять силится объяснять. А Перовская все твердит:

— Да вот Михайло Иваныч придет. Я уж не знаю...

Долго шли у них эти объяснения. Несколько товарищей, спрятанных в каморке за тонкой перегородкой и смотревших сквозь щели на всю эту сцену, просто душились от подавленного смеха; до такой степени естественно играла она роль дуры мещанки. Даже ручки на животике сложила по-мещански.

Купец в конце концов махнул рукой:

— Нет уж, матушка, я уж лучше после зайду!

Он действительно *махнул* рукой и ушел к величайшему удовольствию Перовской.

В другой раз где-то в двух шагах случился пожар. Сбежались соседи выносить вещи. Разумеется, войди они в дом, все бы поггло. А между тем, какая возможность их не пустить? Однако Перовская нашлась: она схватила икону, выбежала во двор и со словами: «Не трогайте, не трогайте! Божья воля!» — стала против огня и простояла, пока не был потушен пожар, не впустив никого в дом под предлогом, что от божьей кары следует защищаться молитвой»⁸¹⁰.

А вот поразительный факт, свидетельствующий, что товарищи Перовской по делу о попытке цареубийства, — шестеро

---

⁸¹⁰ Степняк-Кравчинский С.М. Избранное. С. 458–459.

2. «Красный» террор против «белого» террора.

сильных и неустрашимых мужчин, — воспринимали ее как своего лидера, «нравственного диктатора». Именно ей поручили они «воспламенить выстрелом из револьвера бутылку с нитроглицерином, чтобы взорвать все и всех, в случае если бы полиция явилась их арестовывать <...> Однако, невзирая на все опасности, самая искренняя веселость царил в страшном домике. За обедом, когда все сходились вместе, болтали и шутили, как ни в чем не бывало. Чаше всех раздавался серебристый смех Софьи Перовской, хотя у нее-то в кармане и лежал заряженный револьвер»⁸¹¹...

Наконец, час пробил! — царский поезд подходил к Москве вечером 19 ноября. Первый состав, в котором обычно размещалась свита царя, народовольцы пропустили. Когда же с минированным участком поравнялся второй состав, где всякий раз для большей безопасности (если что случится впереди, пусть страдает свитский поезд!) ехал сам царь с чадами и домочадцами, — в этот момент Ширяев по сигналу Перовской замкнул цепь. Раздался взрыв. Поезд потерпел крушение. Но, как выяснилось, в Симферополь к поезду царь прибыл, когда свитский состав еще не был готов, и министр двора граф А.В. Адлерберг, чтобы не терять времени, предложил отправить царский поезд первым по расписанию свитского, а свитский — по расписанию царского. Так и сделали, что и спасло вновь царя⁸¹²

Позднее в руки властей попала телеграмма «Сухорукову» из Симферополя: «Цена пшенице — 2 руб., наша цена — 4», что означало: 2-й поезд, 4-й вагон, в котором должен был ехать царь. Ширяев и взорвал 4-й вагон 2-го поезда, но поезд оказался свитским, а вагон — багажным, с крымскими фруктами; этот вагон оторвался от других и перевернулся. Но жертв не было. Пассажир того самого (свитского) поезда кн. Д.Д. Оболенский

---

⁸¹¹ *Степняк-Кравчинский С.М.* Избранное. С. 468, 478.

⁸¹² *Наброски из воспоминаний Д.Д. Оболенского // Русский архив. 1894. № 10. С. 270. О том же см.: Милютин Д.А. Дневник. Т. 3 (1878-1880). М., 1950. С. 179-180.*

свидетельствовал, что ни один человек не пострадал: «получился мармелад — только яблочный, а не человеческий»⁸¹³.

За день до взрыва все участники покушения, кроме Перовской и Ширяева, покинули «дом Сухоруковых», но Перовская осталась и после взрыва. Рискуя собой, «она замешалась в толпу железнодорожных рабочих и местных зевак, теснившихся вокруг мины у самого сухоруковского дома»⁸¹⁴, — так ей хотелось увидеть своими глазами, что же произошло. А ведь ее знали как хозяйку дома все соседи. Но, к счастью, никто из соседей не выдал Софью Львовну, и полиция не обратила на нее внимания. «Она была из тех, кто чувствовал настоящую жизнь в безумстве храбрых», — заметил по поводу этого эпизода Н.П. Ашешов⁸¹⁵.

Итак, Александр II опять миновал неизбежную, казалось бы, смерть и смог благополучно завершить свое многотрудное путешествие. Всю эту цепь покушений на царя от Одессы до Москвы Г.В. Плеханов назвал «облавой на медведя»...

Разумеется, власти немедленно затеяли жандармское дознание. Ход и результаты его выявил по архивным данным М.Г. Седов. Цитирую его исследование: «Несмотря на лихорадочные розыски, виновников задержать не удалось. Начальник Московского губернского жандармского управления И.Л. Слезкин собрал всех соседей Сухорукова и предъявил им фотокарточки политических преступников, хранившихся у него. Лев Гартман сразу был опознан. Все жандармские управления империи получили приказы о его аресте. Но Гартман, как известно, проживал с “женой”, которую соседи называли Мариной Семеновной. Кто она такая? Поиски в Петербурге не дали результатов, а выписанные из домовых книг лица с именем и отчеством «Марина Семеновна» составили цифру 500 (выписывали, должно быть, — по ошибке или на случай, — и каждую “Марию Семеновну”. — *Н.Т.*). Поэтому

---

⁸¹³ Наброски из воспоминаний Д.Д. Оболенского. С. 271.

⁸¹⁴ *Степняк-Кравчинский С.М.* Избранное. С. 458.

⁸¹⁵ *Ашешов Н.П.* Цит. соч. С. 78.

2. «Красный» террор против «белого» террора.

узнать, кто из них жил в Москве, не удалось. Все Марины Семеновны Москвы тоже были проверены, но и здесь — тот же результат»⁸¹⁶.

В ходе дознания одна из свидетельниц, малограмотная мещанка Анна Трофимова, 48-ми лет, на допросе 22 ноября 1879 г. подробно рассказала о том, как выглядела «Марина Семеновна» (то бишь Софья Львовна) и даже как она одевалась. Вот протокольная запись ее показания: «Росту маленького, волосы на голове русые, носила их заплетенными в косу, наложенную на голову; лицо чистое, круглое, собой очень красивая, брови темней волос, лет, по-видимому, не более 19 или 20 (на самом деле шел 27-й год. — *Н.Т.*). Одевалась в серое шерстяное платье, ситцевую или шерстяную кофту, подпоясанную черным ремнем, широким, лакированным; воротнички с рукавами носила белые, с красными каемками. Когда она выходила на рынок, то одевалась в черное сатиновое пальто, стеганое на вате, и подпоясывалась тем же ремнем; голову повязывала постоянно — или синим вязаным или черным платком»⁸¹⁷...

ИК «Народной воли» 28 ноября обнародовал специальную прокламацию по поводу московского взрыва. В ней говорилось: «Мы уверены, что наши агенты и вся наша партия не будут обескуражены неудачей, а почерпнут из настоящего случая только новую опытность, урок осмотрительности, а вместе с тем уверенность в своих силах и в возможность успешной борьбы». Далее здесь же ИК провозглашал: «Александр II заслуживает смертной казни. Но не с ним одним мы имеем дело. Наша цель — народная воля, народное благо. Наша задача — освободить народ и сделать его верховным распорядителем своих судеб. Если бы Александр II осознал, какое страшное зло он причиняет России, и, отказавшись от власти, передал ее всенародному Учредительному собранию, избранному свободно посредством всеобщей подачи голосов, — тогда только

---

⁸¹⁶ Седов М.Г. Цит. соч. С. 211–212.

⁸¹⁷ РГВИА. Ф. 1351. Оп. 2. Д. 525. Ч. 4. Л. 22.

мы оставили бы его в покое, и простили бы ему все его преступления. А до тех пор — борьба! Борьба непримиримая!»⁸¹⁸.

«Прокламация обошла всю страну и произвела сильнейшее впечатление не только в России, но и Европе», — констатировал М.Г. Седов, отметив при этом, что «в заграничной прессе первой поместила прокламацию Исполнительного комитета армянская газета, выходившая в Константинополе. Она дала ее полный текст 17 декабря 1879 г.»⁸¹⁹.

Отклики на московский взрыв, а затем и на петербургский (в Зимнем дворце!) взволновали не только Константинополь, но и всю Западную Европу — главным образом, сочувственно к народовольцам, — особенно после того, как 3 (15) февраля 1880 г. в Париже был арестован эмигрировавший туда сразу после московского взрыва Лев Гартман, и царизм потребовал его выдачи. Начавшаяся во Франции бурная общественная кампания в защиту Гартмана была подхвачена и в других странах. Ее возглавляли такие знаменитости, как Виктор Гюго, Огюст Бланки, Джузеппе Гарибальди. В результате, французское правительство отказалось выдать Гартмана, и царизм, таким образом, получил, по выражению Веры Фигнер «звонкую всеевропейскую пощечину»⁸²⁰...

Между тем, не успели царские «верхи» оправиться от испуга перед случившимся 19 ноября, как народовольцы устроили новое, еще более дерзкое покушение на царя. Еще до ноябрьской «облавы» в ИК обратился с предложением услуг по цареубийству (указав при этом на способ его: взрыв в Зимнем дворце) рабочий-революционер, организатор знаменитого

---

⁸¹⁸ РН. Т. 2. С. 221–222.

⁸¹⁹ Седов М.Г. Цит. соч. С. 210.

⁸²⁰ Фигнер В.Н. Цит. соч. Т. 1. С. 245. Подробно об этом см.: Гюго В. Против выдачи Гартмана // Собр. соч. М., 1956. Т. 15; Троицкий Н.А. Царизм под судом прогрессивной общественности (1866–1895 гг.). М., 1979. С. 252–254; Куперман А.Я. Народовольческая эмиграция во Франции в 80-х годах XIX в. // Освободительное движение в России. Саратов, 1981. Вып. 10. С. 53–55; Сидоров Н.А. Л.Н. Гартман. М., 1930.

2. «Красный» террор против «белого» террора.

«Северного союза русских рабочих» Степан Николаевич Халтурин. Он загорелся тогда *idée fixe*: «Александр II должен пасть от руки рабочего»⁸²¹. ИК принял его предложение и взял подготовку взрыва в свои руки. Непосредственное руководство акцией Халтурина было поручено Александру Квятковскому. Через Квятковского Халтурин был постоянно связан с ИК.

Первоклассный столяр-полировщик, который так отшлифовывал изделия, что о них говорили: «блоха не вскочит» (мол, поскользнется), Халтурин уже работал прежде на царской яхте, получил отличные рекомендации и устроился столяром в Зимний дворец. Он был даже поселен вместе с двумя другими рабочими экстра-класса в подвале дворца⁸²².

Освоившись со своим положением и вычислив план дворца, Халтурин избрал объектом взрыва царскую столовую и начал осторожно, малыми дозами, переносить к себе в подвал динамит, который он получал от Квятковского. Динамит Халтурин складывал в сундучок из дерева, служивший ему подушкой.

Как лучшему дворцовому столяру Халтурину случалось работать и в царских покоях. Однажды он даже столкнулся там лицом к лицу с императором. Тот был один. Вокруг — никого. В руке у Халтурина — молоток.

Конечно же, Халтурин подумал тогда, не кончить ли всю его грандиозно задуманную акцию одним ударом молотка. При этом он мог бы еще спастись. Но, во-первых, рука его (23-летнего атлета) не поднялась на монарха, показавшегося ему очень старым и жалким⁸²³, а главное, он понимал, что царевубийство только ради убийства царя (тихое, тайное) революционерам не нужно. Для них важно было казнить самодержца так, чтобы всем было ясно, чьих рук эта казнь. Тем самым они надеялись дезорганизовать правительство, взбудоражить

---

⁸²¹ Тихомиров Л.А. Заговорщики и полиция. М., 1930. С. 170.

⁸²² Подробно о нем см.: Полевой Ю.З. Степан Халтурин. М., 1979.

⁸²³ «Коронованная полуразвалина»: Валуев П.А. Дневник 1877-1884 гг. Пг., 1919. С. IV (запись 3 июня 1879 г.).

общественное мнение, а возможно и всколыхнуть массы. Вот почему Халтурин с молотком в руке поклонился царю и пропустил его мимо себя⁸²⁴.

24 ноября 1879 г. был арестован Квятковский. Руководство акцией Халтурина взял на себя Андрей Желябов. Поскольку Желябов тогда был уже очень близок с Перовской, то, как резонно заметил Н.П. Ашешов, конечно, и Перовская (она к тому же еще член ИК и Распорядительной комиссии) «была посвящена во все детали» халтуринской операции⁸²⁵.

К началу февраля 1880 г. Халтурин перенес к себе в дворцовый подвал около 2,5 пудов динамита. Желябов решил, что дальше рисковать с накоплением динамита нельзя, и предложил Халтуруину действовать. В первые четыре дня февраля Халтурин встречался с Желябовым ежедневно, но всякий раз, проходя мимо, бросал на ходу: «нельзя было», «ничего не вышло». Вечером 5 февраля при встрече с Желябовым он сказал: «Готово». Одно слово, но можно себе представить, как реагировали на него Желябов и Перовская!

Оказалось, Халтурин подготовил взрыв царской столовой к тому времени, когда семья царя должна была обедать со своим гостем принцем Александром Гессенским — братом императрицы Марии Александровны (жены Александра II) и отцом Алисы Гессенской, т.е. будущей российской императрицы (переименованной в Александру Федоровну), жены Николая II. За несколько часов до взрыва Халтурин увел своих соседей по жилью в трактир отпраздновать его именины, а сам вернулся во дворец, запалил шнур и ушел из дворца навсегда. Взрыв был рассчитан верно по цели и по мощности. Но царя и на этот раз спасла игра случая. Встречая принца, он опоздал к обеду. Взрыв застал его на пути в столовую. «Таким образом, — констатировал ИК «Народной воли» в прокламации от 7 февраля 1880 г., — к несчастью родины, царь уцелел»⁸²⁶.

---

⁸²⁴ См. об этом: *Фигнер В.Н.* Цит. соч. Т. 1. С. 209; *Любатович О.С.* Цит. соч. С. 81.

⁸²⁵ *Ашешов Н.П.* Цит. соч. С. 79.

⁸²⁶ РН. Т. 2. С. 223.

2. «Красный» террор против «белого» террора.

Впрочем, спасла царя не столько его встреча с принцем, сколько оплошность террориста. Халтурин не предусмотрел, что между подвальным этажом и столовой была антресольная камера, где находились солдаты царского караула. Они и стали жертвами взрыва (по официальным данным — 11 убитых и 56 раненых⁸²⁷). Что касается семьи и свиты царя, то они отделались шоком, хотя и столовая пострадала от взрыва: по свидетельству очевидца, военного министра Д.А. Милютина, в столовой поднялся пол, треснула стена, были разбиты все окна и перебита посуда на обеденном столе; даже в соседних залах и коридорах дворца погасло газовое освещение, дворец погрузился по тьму⁸²⁸.

Напомню здесь, что до возникновения «Народной воли» все террористические акты народников обходились без *посторонних*, невинных жертв. И народовольцы следовали этому правилу: именно так они казнили ими же приговоренных к смерти — В.С. Стрельникова, Г.П. Судейкина, А.Я. Жаркова, С.И. Прейма, Ф.П. Шкрябу. Народовец Н.А. Желваков даже осведомился у самого Стрельникова, точно ли он генерал Стрельников, прежде чем застрелить его. Словом *все* народовольческие и вообще народнические теракты, кроме покушений на царя, обошлись без лишних жертв. Казнить царя таким же образом было почти невозможно (разве только — молотком Халтурина...), ибо царь появлялся на людях всегда с охраной и свитой. Поэтому народовольцы могли лишь свести число жертв цареубийства к минимуму.

Они и старались это сделать: тщательно планировали каждое покушение, выбирали для нападений на царя самые малолюдные места — Малую Садовую улицу, Каменный мост, Екатерининский канал в Петербурге⁸²⁹. Чреватый наиболь-

---

⁸²⁷ Процесс 16-ти террористов. СПб., 1906. С. 32.

⁸²⁸ Милютин Д.А. Дневник. Т. 3. С. 211–212.

⁸²⁹ Кстати, взрывами двух бомб на Екатерининском канале 1 марта 1881 г., кроме царя и цареубийцы были ранены еще 20 человек (включая 13 царских охранников), из которых двое умерли (Дело 1 марта 1881 г.

шими жертвами (впрочем, *не посторонними!*) план взрыва в Зимнем дворце все же исходил не из самой «Народной воли», а был предложен ей со стороны. Но, конечно же, «облава» на царский поезд в ноябре 1879 г. тоже сулила лишние (хотя и далеко не посторонние) жертвы. Все это нравственно роняет народовольцев в наших глазах. К чести ИК, он публично выразил сожаление по поводу жертв взрыва в Зимнем 5 февраля 1880 г. «С глубоким прискорбием смотрим мы на погибель несчастных солдат царского караула, этих подневольных хранителей венчанного злодея, — гласит прокламация ИК от 7 февраля. — Но пока армия будет оплотом царского произвола, пока она не поймет, что в интересах родины ее священный долг стать за народ против царя⁸³⁰, такие трагические столкновения неизбежны. Еще раз напоминаем всей России, что мы начали вооруженную борьбу, будучи вынуждены к этому самим правительством, его трагическим и насильственным подавлением всякой деятельности, направленной к народному благу <...> Объявляем еще раз Александру II, что эту борьбу мы будем вести до тех пор, пока он не откажется от своей власти в пользу народа, пока он не предоставит общественное переустройство всенародному Учредительному собранию, составленному свободно, с инструкциями от избирателей»⁸³¹...

Взрыв в Зимнем дворце произвел на российские «верхи» и «низы» потрясающее впечатление. Каждый россиянин мог понять, что цареубийство не удалось лишь случайно, «а если бы удалось, то жертвой его стал бы не только император Александр, но и вся царская фамилия, и получилось бы, что уничтожены были бы вместе с императором и все законные наследники государя, и таким образом, в сущности говоря, по

Правительственный отчет. СПб., 1906. С. 17). В советской и постсоветской литературе эти официальные данные преувеличиваются без каких бы то ни было оснований.

⁸³⁰ Долго, еще 37 лет, до Февральской революции 1917 г. пришлось ждать борцам против царизма, пока армия исполнила этот «священный долг».

⁸³¹ РН. Т. 2. С. 223–224.

2. «Красный» террор против «белого» террора.

произволу кучки людей мог бы возникнуть вопрос, совершенно неожиданно для всей страны, или об избрании новой династии или, как мечтали революционеры, о полной перемене формы правления»⁸³².

В правящих верхах после взрыва в Зимнем возникла, по признанию вел. кн. Константина Константиновича (племянника Александра II), «всеобщая паника»⁸³³. Правительство, двор, царская семья потеряли ощущение безопасности. «Каждый истопник, входящий к нам, чтобы вычистить камин, — вспоминал другой племянник царя вел. кн. Александр Михайлович, — казался нам носителем адской машины»⁸³⁴. Об «ужасе и растерянности» в «верхах» после 5 февраля 1880 г. свидетельствовали посол Франции в Петербурге М. Палеолог и секретарь французского посольства Э.М. де Вогюз⁸³⁵. В гостиных Петербурга получил хождение устрашающий акростих по первым буквам имен царских сыновей в строгом порядке от старшего к младшему (Николай, Александр, Владимир, Алексей, Сергей): сверху вниз — *на вас*, снизу вверх — *саван*⁸³⁶. «Страшное чувство овладело нами, — плакался наследник престола (будущий Александр III). — Что нам делать?!»⁸³⁷.

Впечатление от акций «красного» террора «Народной воли» было тем сильнее, что ИК сопровождал их разъяснениями, полными уверенности в конечном успехе. Показателен новогодний спич Александру II в передовой статье № 3 газеты «Народная воля» от 1 января 1880 г.: «Смерть Александра II — дело решенное, и вопрос тут может быть только во времени, в способах, вообще в подробностях»⁸³⁸.

---

⁸³² Корнилов А.А. Курс истории России XIX в. М., 1993. С. 368.

⁸³³ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 16. Л. 101 об.

⁸³⁴ Александр Михайлович вел. кн. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 49.

⁸³⁵ Палеолог Морис. Александр II и Екатерина Юрьевская. Пг.; М., 1924. С. 130.

⁸³⁶ Тихомиров Л.А. Тени прошлого // Каторга и ссылка. 1926. № 4. С. 92–93.

⁸³⁷ ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 79. Л. 320.

⁸³⁸ Литература партии «Народная воля». С. 48. Автор статьи — Лев

Все это радикализовало революционные настроения в различных слоях россиян. «Чем больше были инертность и забитость общества, — вспоминала Вера Фигнер, — тем изумительнее казались ему энергия, изобретательность и решительность революционеров <...> Вокруг нас росла слава [Исполнительного] комитета, эффект его действий ослеплял всех и кружил головы молодежи. Общий говор был, что теперь для Комитета нет ничего невозможного»⁸³⁹.

Восхищались отвагой народовольцев и демократические круги Запада. Карл Маркс, беседуя с членом ИК «Народной воли» Н.А. Морозовым в январе 1881 г. (в Лондоне), заявил, что борьба народовольцев против самодержавия представляется ему и всем европейцам «чем-то совершенно сказочным, возможным только в фантастических романах»⁸⁴⁰. Венгерская газета «Будапешт» 20 февраля 1880 г. фигурально зафиксировала, что центр мирового революционного движения переместился из Западной Европы в Россию: «Не было здания, упоминаемого чаще, чем Тауэр в XVII в., Бастилия в XVIII в., и Зимний дворец в наши дни». «Остановить на себе зрачок мира — разве не значит уже победить?» — писал народовольцам из-за границы после 5 февраля 1880 г. их идейный противник Г.В. Плеханов⁸⁴¹...

Однако самим народовольцам их «красный» террор стоил многих жертв, восполнять которые становилось все труднее. Еще до конца 1879 г. были арестованы члены ИК Александр Квятковский, Арон Зунделевич, Степан Ширяев, эмигрировал агент ИК Лев Гартман. В январе 1880 г. жандармы арестовали членов ИК Николая Буха и Софью Иванову (жену Квятковского), а затем, после вооруженного сопротивления, был схвачен на

Тихомиров, но рекомендую моему читателю учесть, что в обсуждении таких статей, как и фактически всех документов ИК, участвовала до своего ареста 10 марта 1881 г. Софья Перовская.

⁸³⁹ Фигнер В.Н. Цит. соч. Т. 1. С. 221.

⁸⁴⁰ Морозов Н.А. Повести моей жизни. М., 1947. Т. 3. С. 264.

⁸⁴¹ Фигнер В.Н. Цит. соч. Т. 1. С. 221.

2. «Красный» террор против «белого» террора.

одной из петербургских улиц агент ИК, «истребитель шпионов», как называли его друзья, Андрей Пресняков.

На смену выбывшим бойцам ИК выдвигал новых, а это влекло за собой (в Петербурге, по крайней мере) ослабление пропагандистской, агитационной и организаторской работы, о которой речь еще впереди. Террор отвлекал от нее и поглощал лучшие силы партии. «Мы проживаем капитал», — с тревогой говорил Желябов⁸⁴². В середине 1880 г. решено было приостановить «красный» террор, а к тому времени, за первую половину года, народовольцы подготовили еще два покушения на царя — в Одессе, куда ожидался приезд Александра II, и в Петербурге. Первое из этих покушений возглавила Перовская, второе — Желябов.

Софья Львовна вместе с агентом ИК, замечательным агитатором и поэтом Николаем Саблиным в апреле 1880 г. по заданию ИК отправилась в Одессу, чтобы там организовать покушение на Александра II, тогда как Желябов пока был очень занят в Петербурге делами Студенческой и Рабочей организаций «Народной воли». В Одессе Перовская и Саблин связались с Верой Фигнер, которая в то время готовила убийство С.Ф. Панютина — правителя канцелярии и правой руки одесского «Аракчеева» Тотлебена, ибо Панютин был еще более рьяным и лютым карателем, нежели сам Тотлебен. Уже был подобран исполнитель теракта, готовый заколоть Панютина кинжалом, но «приезд Перовской с поручением [Исполнительного] комитета заставил бросить этот проект»⁸⁴³.

Перовская, Саблин, а также прибывшее к ним пополнение в лице техника Григория Исаева и Анны Якимовой имели, по воспоминаниям Фигнер, уже готовый план очередной попытки цареубийства: Перовская и Саблин под фамилией супругов Прохоровских «должны были выбрать улицу, которая имела наибольшие шансы на проезд государя от вокзала к паровой

---

⁸⁴² Тихомиров Л.А. «Начала и концы» (либералы и террористы). М., 1890. С. 46.

⁸⁴³ Фигнер В.Н. Цит. соч. Т. 1. С. 223.

пристани, на этой улице снять лавочку и завести торговлю, а из лавочки предполагалось провести мину под уличную мостовую. Словом, это был проект, осуществленный потом на Малой Садовой в Петербурге»⁸⁴⁴, — кстати, с участием Якимовой (о том проекте речь пойдет в следующей главе). Фигнер, со своей стороны, привлекла к участию в этом деле двух агентов ИК — Льва Златопольского (родного брата члена ИК Савелия Соломоновича Златопольского) и Василия Меркулова (того самого рабочего, который стал впоследствии предателем и выдал 10 февраля 1883 г. Веру Фигнер жандармам).

Цитирую далее воспоминания Веры Фигнер о том, как шла работа над одесским «проектом» Софьи Перовской. «Лавка была нанята на Итальянской улице, и тотчас было приступлено к работе: надо было спешить — государя ждали в мае, а наши приготовления шли в апреле, между тем работать можно было только ночью, так как проводка мины начата была не из жилых комнат, а из самой лавочки, куда приходили покупатели. Мы предполагали провести ее не посредством подкопа, а при помощи бурава. Работа с ним оказалась очень трудной: почва состояла из глины, которая забивала бурав, — он двигался при громадных физических усилиях и с поразительной медленностью. В конце концов мы очутились под камнями мостовой, бурав пошел кверху и вышел на свет божий. Вскоре при приготовлении запала Григорию Исаеву оторвало три пальца»⁸⁴⁵. Он перенес это как стойк, но мы были в высшей степени огорчены: он должен был лечь в больницу. После этого все вещи (динамит, гремучая ртуть, провода и пр.), хранившиеся у него, были перенесены ко мне, так как мы боялись, что грохот взрыва в его квартире мог бы обратить на себя внимание всего дома. Одним работником стало меньше. Я предлагала привлечь некоторых местных людей, мне известных, но все были против этого. Решили. бросив бурав, провести подкоп в несколько аршин

---

⁸⁴⁴ Фигнер В.Н. Цит. соч. Т. 1. С. 224.

⁸⁴⁵ Вот где не хватало такого техника, как Степан Ширяев или Николай Кибальнич!

2. «Красный» террор против «белого» террора.

длины и уже с конца его действовать буравом. Землю должны были складывать в одну из жилых комнат. По окончании работы мы решили непременно всю ее вынести вон на случай осмотра домов по пути следования царя. Поэтому уже заранее начали уносить ее, кто сколько мог, и выбрасывать»⁸⁴⁶.

Судя по всему, в одесском, — как и ранее, в московском, — подкопе работали только мужчины (здесь: Саблин, Исаев, Меркулов, Златопольский), но и женщинам (Перовской, Фигнер, Якимовой) наверху приходилось выполнять тяжелую физическую работу: таскать и перетаскивать, выносить и выбрасывать мешки с землей.

Когда все для минирования подкопа было уже готово, ИК известил «подкопщиков», чтобы они прекратили все свои земляные работы, ибо выяснилось: царь в Одессу и на этот раз (как в предыдущем году) не приедет. «Тогда мы, — вспоминала Вера Фигнер, — предложили Комитету воспользоваться нашей работой, чтобы взорвать графа Тотлебена. Но это было отвергнуто, так как способ этот берегли специально для императора, а мы получили разрешение на теракт против графа каким-нибудь другим способом»⁸⁴⁷.

Пока народовольцы в Одессе искали «другой способ», чтобы «изъять из обращения» графа Тотлебена, он был переведен по службе из Одессы в Вильно. После этого все приготовления к попытке цареубийства были ликвидированы: лавку на Итальянской улице закрыли, подкоп под ней заполнили землей, ранее вынутой из него, — и все участники «проекта» Перовской вернулись из Одессы в Петербург, где этот «проект» со временем вновь будет задействован.

А тем временем Желябов с группой членов и агентов ИК, в которую входили А.И. Баранников, М.Ф. Грачевский, А.К. Пресняков и двое рабочих (тот же Меркулов и М.В. Тетерка), подготовил уже шестое по счету покушение на Александра II

---

⁸⁴⁶ Фигнер В.Н. Цит. соч. Т. 1. С. 225.

⁸⁴⁷ Там же. ИК «Народной воли» считал подлежащими смерти пятерых из «шести Аракчеевых» (всех, кроме харьковского, — М.Т. Лорис-Меликова).

в Петербурге. На этот раз народовольцы сумели заложить динамитную подушку под Каменный мост через Екатерининский канал — к тому времени, когда царь должен был проследовать по мосту из Зимнего дворца на Царскосельский железнодорожный вокзал, чтобы оттуда ехать на отдых в Крым. Теперь спасла императора только оплошность подрывника Макара Тетерки: «по неимению часов» он опоздал к назначенному времени⁸⁴⁸, и царь успел миновать подготовленное для него место взрыва...

После этих двух весенне-летних покушений 1880 г. на Александра II Исполнительный комитет решил временно приостановить свой «красный» террор. Два обстоятельства побудили народовольцев к такому решению. Во-первых, напуганный февральским взрывом в Зимнем дворце царизм взялся искать спасение от революции в фарисейской (не по-аракчеевски) диктатуре и пошел на видимые уступки оппозиции. Через неделю после взрыва Александр II учредил, вместо генерал-губернаторской военщины «шести Аракчеевых», Верховную распорядительную комиссию из десяти самых хитроумных и находчивых (как сочли при дворе) сановников⁸⁴⁹ — орган беспрецедентный в российской истории. Главным начальником комиссии был назначен граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов.

Это был, бесспорно, самый находчивый и хитроумный из царских грандов того времени. Его таланты и заслуги впечатляли не только числом, но и разнообразием. В русско-турецкой войне 1877–1878 гг. он штурмом взял Карс, считавшийся неприступной крепостью, а затем управился с эпидемией чумы в Поволжье, когда казалось, что уже никто не сможет с нею справиться, причем удивил всю Россию, вернув (!) казне неизрасходованные

---

⁸⁴⁸ Процесс 20-ти народовольцев в 1882 г. Ростов н/Д., 1906. С. 28. О том же: *Левандовский А.П.* М.В. Тетерка. М., 1930. С. 18.

⁸⁴⁹ Обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев, и.о. шефа жандармов П.А. Черевин, обер-прокурор Сената П.А. Марков и др. Особо включен был в состав комиссии вел. кн. Александр Александрович (будущий царь Александр III).

2. «Красный» террор против «белого» террора.

средства. Наконец, будучи харьковским генерал-губернатором, Лорис-Меликов действовал достаточно энергично, чтобы заслужить одобрение императора, но и довольно-таки осмотрительно, чтобы не вызвать к себе сугубой ненависти революционеров, — словом, изловчился стать единственным из «шести Аракчеевых», кого ИК «Народной воли» не включил в список «смертников».

В феврале 1880 г. Лорис-Меликов заявил себя при царском дворе чуть не Христом-Спасителем. Он был наделен почти неограниченными полномочиями. «Ни один временщик — ни Меншиков, ни Бирон, ни Аракчеев, — никогда не имели такой всеобъемлющей власти», — вспоминал он позднее сам о себе⁸⁵⁰. На какое-то время перед ним стушевался, отошел в тень даже самодержец Всея Руси. Если институт «шести Аракчеевых» означал некую *децентрализацию* власти в империи, то с учреждением диктатуры Лорис-Меликова царизм ударился в противоположную крайность — чрезмерной *централизации* власти в руках некоронованной особы. Обе крайности ущемляли принцип самодержавия и служили показателем его кризиса.

Став «полуимператором», Лорис-Меликов успел за весну и лето 1880 г. прослыть в либеральных кругах «бархатным диктатором». Он обещал расширить права земства, назначил сенатские ревизии для расследования чиновничьих злоупотреблений; с помпой упразднил зловещее III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, заменив его Департаментом полиции; сместил с поста министра просвещения самого ненавистного из царских министров Д.А. Толстого⁸⁵¹. Харьковский толстосумы даже воздвигли в честь Лорис-Меликова триумфальную арку с надписью: «Победителю Карса, чумы и всех сердец»⁸⁵².

---

⁸⁵⁰ Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1966. Т. 5. С. 195–196.

⁸⁵¹ Подробно о диктатуре Лорис-Меликова см.: *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964. Гл. 2–3; *Итенберг Б.С., Твардовская В.А.* Граф М.Т. Лорис-Меликов и его современники. М., 2004. Гл. 3–4.

⁸⁵² *Клейнмихель М.Э.* Из потонувшего мира. Воспоминания. Пг.; М., 1923. С. 39.

Режим «бархатной» диктатуры оставлял «Народной воле», казалось бы, явственную надежду на ослабление репрессий и расширение возможностей для политической борьбы без террора. Главное обстоятельство, которое побудило народовольцев приостановить «красный» террор, заключалось именно в их стремлении *сосредоточиться* на той, основополагающей для них деятельности, — пропагандистской, агитационной, организаторской во всех слоях населения России, включая армию, — деятельности, которая, кстати, уже шла в 1880 г. полным ходом.

3. Мобилизация всех недовольных

Пропаганда, агитация, организация — все это было неизмеримо ближе Софье Перовской по ее душевным качествам (как, впрочем, и большинству ее соратников), чем любое насилие и террор. Софья Львовна включилась во все мирные начинания Исполнительного комитета с присущими ей предприимчивостью, энергией, страстью и (не по годам!) мудростью. «Она была самым полезным человеком во всех организационных работах, потому что при своем холодном, проницательном уме всегда умела предвидеть, оценить и взвесить самые ничтожные мелочи, от которых часто зависит успех или неуспех даже грандиозных предприятий»⁸⁵³.

Диапазон и разнообразие дел Перовской как члена ИК и Распорядительной комиссии поражают. Софья Львовна творчески участвовала в обсуждении программных документов партии и в составлении прокламаций, играла (вместе с Желябовым) руководящую роль в создании и деятельности Студенческой и Рабочей организаций, принимала участие в начинаниях Военной организации, издательского центра «Народной воли» и ее типографии, общества «Красного Креста», ведала сношениями с узниками Петропавловской крепости и других

---

⁸⁵³ Степняк-Кравчинский С.М. Избранное. С. 463–464.

петербургских тюрем, а также (вместе с Верой Фигнер) заграничными связями ИК, всегда была первой в оказании материальной и моральной помощи кому-либо из близких и пострадавших. Как и Желябов (нередко и вместе с ним) она стремилась вникать во все везде и всюду, руководствуясь латинской максимой: «Слова учат, а примеры ведут за собой».

В этом стремлении Софья Львовна и проявляла свои лучшие качества пропагандистки, агитатора и организатора. Народо-волец (тогда еще членски не оформленный «волонтер партии», как называла его Перовская) Сергей Иванов⁸⁵⁴ так вспоминал о первой же встрече с ней в студенческой явочной квартире: «Есть такие люди, обладающие редкой способностью привлекать к себе симпатии и вызывать полное доверие с первых же минут знакомства <...> Все в них просто и естественно, но за этою простотою чувствуется какая-то особенная сила, привлекающая и подчиняющая себе других. Мне кажется, что тогда я исполнил бы все, что бы ни предложила мне Софья Львовна»⁸⁵⁵.

Особое, трогательно заботливое, не просто женски, а как бы матерински нежное внимание Перовской к людям (в ее-то годы: ведь ей к моменту, когда она стала членом ИК «Народной воли», не было и 26 лет!), — такое ее внимание проявлялось в различных ситуациях по-разному. Член ИК Софья Иванова навсегда запомнила, как после ареста в начале 1880 г., находясь в тюрьме, она была обрадована «совершенно неожиданным» сюрпризом: «в день моих именин я получила букет живых цветов и коробку сладостей. Так как до этого времени я с воли официальным путем ничего не получала, то меня это очень заинтересовало. Перебирая в уме тех, кто мог послать все это, я невольно вспомнила Софью Львовну — это было так на

---

⁸⁵⁴ Иванов Сергей Андреевич (1853–1927) — впоследствии член «лопатинского» ИК «Народной воли». Был осужден на процессе «21-го» в 1887 г. (Г.А. Лопатина и др.) на смертную казнь, замененную вечной каторгой.

⁸⁵⁵ Иванов С.А. Из воспоминаний о 1881 годе // Былое. 1906. № 4. С. 234. Говоря о «таких людях», Иванов явно имел в виду, кроме Перовской, А.И. Желябова и Г.А. Лопатина, которых он лично и хорошо знал.

нее похоже. Но как могла она прийти сюда? Потом оказалось, что она придумала послать эти подарки с посыльным, взятым с улицы», а сама она «приезжала в Питер на несколько дней и нашла такой способ передачи мне привета»⁸⁵⁶.

А вот другой пример — из воспоминаний агента ИК Прасковьи Ивановской (свояченицы В.Г. Короленко): «Однажды Лилочка⁸⁵⁷ <...> начала докучать Софье Львовне просьбой дать ей более опасную партийную работу. Софья Львовна очень внимательно выслушала Лилу, и тень печали покрыла ее утомленное лицо. Она совсем близко подошла к наборщице, ласково погладила разгоряченную голову Лилочки и с грустью в голосе проговорила: “Не думайте, Лиля, что для партии работа печати менее нужна и дорога, чем бросание бомб”»⁸⁵⁸.

Заботливая и нежная, Софья Львовна, вместе с тем, была в «Народной воле» «требовательна и строга по отношению к товарищам-единомышленникам»⁸⁵⁹. «Эта святая, чистая натура, строгая к другим, как и к себе, — вспоминал студент-народовец Евгений Сидоренко, — не умела простить ни минутной слабости, ни легкомыслия»⁸⁶⁰. Ольга Любатович утверждала, что Перовская была избрана в Распорядительную комиссию ИК, где оказалась единственной женщиной, именно «в целях нравственного оздоровления» комиссии»⁸⁶¹.

---

⁸⁵⁶ *Иванова С.А.* Воспоминания о С.Л. Перовской // Былое. 1906. № 3. С. 88.

⁸⁵⁷ Терентьева Людмила Дементьевна (1861–1882) — наборщица в двух первых типографиях «Народной воли». Погибла на каторге.

⁸⁵⁸ *Ивановская П.С.* Первые типографии «Народной воли» // Каторга и ссылка. 1926. № 3. С. 477.

⁸⁵⁹ *Фигнер В.Н.* Цит. соч. Т. 1. С. 277.

⁸⁶⁰ *Сидоренко Е.М.* 1 марта 1881 г. (Воспоминания участника, члена наблюдательной дружины) // Пути революции. Харьков, 1926. № 2–3. С. 29.

⁸⁶¹ *Любатович О.С.* Цит. соч. С. 79. О функциях этой комиссии Вера Фигнер сообщала в статье «По поводу записок Л. Тихомирова»: «Эта комиссия из трех, с одной стороны, ведала дела особенно секретные, а с другой, — в ее ведении были текущие дела в промежутках между общими собраниями Исполнительного комитета» (*Тихомиров Л.А.* Воспоминания. М.; Л., 1927. С. XXIII).

Да, Софья Львовна была для соратников не только «эталонном нравственности», но и «нравственным диктатором». «Дух ее был настолько же могуч, как и ум, — восхищался ею Сергей Кравчинский. — Ужасная работа непрерывной конспирации при русских условиях, эта работа, истощающая, сожигающая, как на адском огне, самые сильные темпераменты, потому что беспощадный бог Революции требует в жертву не жизнь, не кровь своих служителей — о, если бы он требовал только этого! — а лучший сок их нервов и мозга, душу их души, энтузиазм, веру, — эта ужасная работа не могла надломить душу Софьи Перовской <...> Она была не только руководителем и организатором; она первая шла в огонь, жаждая наиболее опасных постов. Это-то и давало ей, быть может, такую власть над сердцами»⁸⁶². «Можно сказать, — перекликаясь с Кравчинским, резюмировал Н.П. Ашешов, — что Перовская вместила в себе всю душу Исполнительного комитета первого состава, который называли «Великим». Душу, полную неукротимого гнева против насилия и жажды подготовить окончательно и победно финал, к которому стремился Комитет»⁸⁶³...

Политические взгляды Перовской и ее позиция в Исполнительном комитете по программным вопросам были ортодоксально-народовольческими, без уклона к терроризму («теллизму») á la Морозов или к бланкизму á la Ошанина. «Наши цели и тактика, — разъясняла Софья Львовна «волонтеру партии» Сергею Иванову, — не имеют ничего общего с бланкистской идеей насильственного разрешения сверху главных вопросов общественной жизни и навязыванием народу тех или иных социально-политических форм. Наш девиз «Народная воля» не является пустым звуком, он действительно выражает собой сущность нашей программы и наших стремлений. За собою мы оставляем лишь одно безусловное право — право свободной пропаганды своих идей, а во всем остальном готовы подчиниться верховной воле народа, выраженной ясно

---

⁸⁶² Степняк-Кравчинский С.М. Избранное. С. 466–467.

⁸⁶³ Ашешов Н.П. Цит. соч. С. 83.

и свободно. Но во имя этого для революционной партии, кроме настоящей непосредственной борьбы с современным политическим строем, встает еще другая задача: создать, после падения этого строя, такую общественную обстановку, при которой весь народ имел бы реальную возможность выразить свободно свою волю и осуществить ее»⁸⁶⁴.

Что касается террора, то, по воспоминаниям Сергея Иванова, Перовская решительно восстала против «довольно распространенной версии», объяснявшей «красный» террор народников «побуждением мести». «Мечь есть дело личное, — говорила Софья Львовна на одной из встреч с Ивановым в феврале 1881 г., — объяснять ею можно было бы, да и то с некоторой натяжкой, лишь теракты, совершаемые по собственному побуждению и инициативе отдельными лицами, а не партией. Но таких фактов, кроме случаев самообороны, наша революционная история почти не знает. Вокруг знамени мести невозможно было бы собрать политическую партию и, тем более, привлечь к ней те общественные симпатии, которыми она, несомненно, пользуется. Первый грянувший выстрел — Веры Засулич — был не мезтью, а возмездием за поруганное человеческое достоинство <...> Но и формулой возмездия невозможно объяснить цели и мотивы русского политического террора. Возводя его в систематическое средство борьбы, партия «Народная воля» пользуется им как мощным оружием агитации, как наиболее действенным и выполнимым способом дезорганизовать правительство и, держа его под дамокловым мечом, принудить к результативным уступкам. Все иные пути нам заказаны самим правительством»⁸⁶⁵...

Будучи непреклонной в своих революционных убеждениях, строгая и требовательная (при всей ее заботливости) к соратникам, «осуждая малодушных и изверившихся» (как вспоминала об этом А.П. Корба), Перовская, тем не менее, подчеркивала: «Прежде всего, мы люди, и не должны чувствовать себя

---

⁸⁶⁴ Иванов С.А. Цит. соч. С. 236.

⁸⁶⁵ Там же. С. 236–237.

стоящими выше законов нравственности и гуманности, а следовательно, свободными от них»⁸⁶⁶. Именно такими людьми она хотела бы видеть юных народолюбцев и тираноборцев из Студенческой организации «Народной воли» — ведь эту организацию Софья Львовна могла бы считать своим детищем.

Из всех слоев населения «Народная воля» уделяла наибольшее внимание интеллигентной, преимущественно учащейся, молодежи. Именно в ней (особенно в студенчестве), а не в крестьянстве и не в рабочих или военных народолюбцы усматривали главный источник пополнения *кадров* для своей партии. Наблюдательный директор Департамента полиции В.К. Плеве в 1881 г. верно подметил: «Крамола производит во время студенческих беспорядков рекрутский набор»⁸⁶⁷.

Студенческая организация «Народной воли» сложилась на основе Центрального университетского кружка в Петербурге, организаторами и руководителями которого были Желябов и Перовская, а этот кружок вырос из кружка студентов Петербургского университета, который организовала и политически ориентировала Перовская⁸⁶⁸. Центральный кружок объединял усилия народолюбческих кружков не только в самом университете, но и в других вузах столицы. В университетских кружках выделялись активностью Л.М. Коган-Бернштейн и П.П. Подбельский — герои и жертвы всемирно известной Якутской трагедии 1889 г., а также В.Г. Богораз-Тан, Л.Я. Штернберг, С.С. Салазкин — впоследствии выдающиеся ученые (Салазкин к тому же стал видным государственным деятелем, последним министром просвещения досоветской России)⁸⁶⁹.

---

⁸⁶⁶ Прибылева-Корба А.П. Цит. соч. С. 40–41.

⁸⁶⁷ Выдрин Р.И. Основные моменты студенческого движения в России. М., 1908. С. 27.

⁸⁶⁸ См.: Волк С.С. Указ соч. С. 342; Цырина Т.В. Указ соч. С. 99; Щетинина Г.И. Студенчество и революционное движение в России (последняя четверть XIX в.). М., 1987. С. 70.

⁸⁶⁹ Жандармское дознание о народолюбце С.С. Салазкине см.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 419. Л. 271–272 об., 284–284 об.

В одном из университетских кружков «Народной воли» участвовал и В.И. Вернадский — будущий академик.

Центральные кружки, подобные петербургскому, координировали деятельность многочисленных студенческих кружков в Москве, Казани, Киеве. Киевский центральный кружок возглавлял А.Н. Бах (еще один будущий академик). В одном из киевских народовольческих кружков участвовал и Н.П. Василенко⁸⁷⁰ — будущий президент Академии наук Украины (в 1918 г. — и.о. председателя Совета министров при гетмане П.П. Скоропадском).

Отдельные студенческие кружки создавались при местных организациях «Народной воли» во всех городах, где были высшие учебные заведения (Одесса, Харьков, Вильно, Дерпт, Ярославль). В одном из одесских кружков участвовал студент А.А. Мануйлов⁸⁷¹ — впоследствии крупный ученый-экономист, ректор Московского университета и министр просвещения, в другом — студент В.А. Хавкин⁸⁷², будущий бактериолог и эпидемиолог с мировым именем, первоиспытатель вакцин против чумы и холеры, национальный герой Индии, у нас, россиян, полузабытый. В контакте со студенческими кружками и под эгидой Студенческой организации «Народной воли» действовали гимназические и даже семинарские кружки тех же городов и, кроме того, многих других, где не было вузов. Так, в Иркутске народоволец К.Г. Неустроев (вскоре арестованный и казненный) руководил кружком учащейся молодежи, в котором выделялся юный гимназист Д.Н. Прянишников — тоже будущий академик⁸⁷³. Всего же, по данным С.С. Волка, которые нельзя считать исчерпывающими, студенческих кружков «Народной воли» было 30–40, гимназических — до 25⁸⁷⁴...

---

⁸⁷⁰ См.: *Мошинский И.Н.* На путях к I съезду РСДРП. М., 1928. С. 16.

⁸⁷¹ См.: ГАРФ. Ф. 533. Д. 1240. Л. 45.

⁸⁷² См.: ДАОО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 682. Л. 5–6, 14 об.

⁸⁷³ См.: *Прянишников Д.Н.* Мои воспоминания. М., 1961. С. 66.

⁸⁷⁴ *Волк С.С.* Указ. соч. С. 276.

Вся широко разветвленная сеть вузовских, гимназических, семинарских кружков «Народной воли» действовала энергично. Она вносила организующее и политическое начало в стихийные волнения молодежи. Ряд антиправительственных выступлений студентов, организованных народовольцами, заставил говорить о себе всю мыслящую Россию⁸⁷⁵. Наибольшее впечатление произвела демонстрация против министра просвещения А.А. Сабурова на университетском акте в Петербурге 8 февраля 1881 г. в присутствии самого министра и 4 тысяч студентов, преподавателей и почетных гостей (среди которых, к примеру, были светлейший князь А.А. Ливен и знаменитейший из русских путешественников Н.М. Пржевальский)⁸⁷⁶.

Организовали демонстрацию Желябов, Перовская и еще двое членов ИК — Вера Фигнер и Николай Суханов. Они подготовили две группы самых активных, надежных и физически крепких студентов — одну внизу, во главе с Паппием Подбельским; другую на хорах, во главе со Львом Коганом-Бернштейном. В составе групп различные источники называют поэта-народовольца П.Ф. Якубовича, К.Г. Неустроева, В.Г. Богораза. Среди очевидцев демонстрации были студенты С.Ф. Платонов (будущий академик)⁸⁷⁷, М.М. Филиппов (впоследствии известный ученый-энциклопедист), В.А. Караулов (позднее народоволец, кадет, депутат I Государственной Думы).

Едва ректор университета проф. А.Н. Бекетов (будущий почетный академик, дед А.А. Блока) закончил отчетный доклад, Коган-Бернштейн с хор произнес короткую и яркую речь, бросая

---

⁸⁷⁵ См.: Щетинина Г.И. Указ. соч. С. 67–69.

⁸⁷⁶ Официальные материалы об этой демонстрации см.: ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. 1881. Д. 59. Здесь подсчитано: «публики было до 4000 чел.» (Л. 8 об.), а не 2 тыс., как сообщает С.С. Волк в его указ. соч. (С. 343). Подробно об этом см.: *Троицкий Н.А.* «Один ответ, одна кара: позор!» (8 февраля 1881 г. в Петербургском университете) // Из истории русской общественной мысли XVIII–XX вв. Сб-к научных статей к 70-летию проф. В.А. Китаева. Нижний Новгород, 2012.

⁸⁷⁷ Жандармское досье о С.Ф. Платонове и его революционно-народническом прошлом см.: ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. 1894. Д. 172.

в оцепеневший зал резкие фразы: «Вместе с насилием нас хотят подавить хитростью! Но мы понимаем лживую политику правительства <...> Мы не позволим издеваться над собой: лживый и подлый Сабуров найдет в рядах интеллигенции своего мстителя!»⁸⁷⁸. Вслед за словами оратора в зал полетели «кипы прокламаций», которые, как фиксирует агентурное донесение, «все тотчас же были расхвачаны»⁸⁷⁹. По словам очевидицы, «вся зала моментально превратилась в крутящийся вихрь: крик, рев, смятение»⁸⁸⁰. «Педели (надзиратели) кинулись на хоры, — вспоминал В.Г. Богораз, — но мы их оттеснили и сбросили с лестницы вниз»⁸⁸¹. Тем временем Подбельский, шагнув в президиум, демонстративно на глазах у окружающих и под крики протестантов «вон мерзавца Сабурова!» заклеил восседавшего там министра пощечиной. В невероятной суматохе и Подбельский и Коган под защитой их «группы поддержки» благополучно скрылись.

Все это вызвало в разных кругах бурю откликов. «Всем было ясно, — резонно заключает С.С. Волк, — что пощечина была нанесена не Сабурову, а всему правительству»⁸⁸². Царь раздраженно запрашивал «полуимператора» М.Т. Лорис-Меликова: «Был ли кто арестован? Кто и сколько?»⁸⁸³. Между тем радикальные круги еще больше радикализировались. Очень способствовал этому ИК «Народной воли». Он опубликовал в своей типографии (работу которой курировала Перовская) большими по тому времени для нелегальных изданий тиражами (до 3 тыс. экземпляров) и распространял по стране две «антисабуровские» прокламации от имени Центрального университетского кружка⁸⁸⁴.

---

⁸⁷⁸ Текст речи Коган-Бернштейна, подготовленный с участием Желябова, см.: Литература партии «Народная воля». С. 117.

⁸⁷⁹ ГАРФ. Ф. 102. З д-во. 1881. Д. 59. Л. 8 об.

⁸⁸⁰ *Дмитриева В.И.* Так было (Путь моей жизни). М.; Л., 1930. С. 193.

⁸⁸¹ Памяти В.Г. Богораз. М.; Л., 1937. С. XVII.

⁸⁸² *Волк С.С.* Указ. соч. С. 344.

⁸⁸³ ГАРФ. Ф. 102. З д-во. 1881. Д. 59. Л. 3.

⁸⁸⁴ Текст обеих прокламаций см.: РН. Т. 2. С. 230–232.

3. Мобилизация всех недовольных

Студенчество, особенно в Петербурге, вдохновлялось «антисабуровским» протестом. Те, кто стал если не участником его, то хотя бы свидетелем, «разошлись взволнованные, получив революционный заряд»⁸⁸⁵, а те, кому увидеть протест не довелось, «горячо обсуждали» его в общении с участниками и очевидцами⁸⁸⁶. Такие «обсуждения», перераставшие в сходки и «беспорядки», происходили после 8 февраля во многих вузах.

Учитывая, что ИК «Народной воли» руководил в то время не только Студенческой, но и Рабочей и Военной организациями, местными группами партии по всей России, вплоть до Сибири, редколлегией и типографией, контрразведкой и обществом «Красного Креста», динамитной лабораторией, своим заграничным представительством, — учитывая все это, трудно представить себе, как успевала Перовская, вникавшая во все и вся (кроме, может быть, контрразведки), находить время для индивидуально-пропагандистской работы, личных встреч с отдельными кандидатами в ту или иную организацию («волонтерами партии», по выражению Софьи Львовны). Один из таких «волонтеров»-студентов Сергей Иванов вспоминал, как после двух-трех бесед с ним Перовская объявила, что считает его готовым к вступлению в партию. «Оставаться долго волонтером партии, — говорила Софья Львовна, — положение неудобное и малопродуктивное. Нужно самому входить в курс дела. Одно это уже сильно поднимает и энергию человека и продуктивность его работы. Нужно, чтобы революционная работа не была чем-то лишь добавочным к частной, личной жизни человека, а тем центральным пунктом, у которого сосредоточиваются все интересы и помышления. Говорила она это замечательно хорошо, просто и сердечно, и в словах ее чувствовались убеждение и уверенность, почерпнутые из личного опыта. Впечатление от ее слов надолго сохранилось у меня,

---

⁸⁸⁵ Добрускина Г.Н. Автобиография // Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 75.

⁸⁸⁶ Попов И.И. Минувшее и пережитое. Л., 1924. Ч. 1. С. 80.

и я потом всегда вспоминал об этих минутах, как о чем-то светлом и бодрящем, в самые трудные моменты жизни»⁸⁸⁷...

Пожалуй, еще большее внимание, нежели студентам, Перовская уделяла рабочим, поскольку они были дальше от политики и нуждались в более основательном политическом просвещении. К тому же Софья Львовна, по воспоминаниям народовольцев, усматривала в рабочих один из решающих факторов грядущей революции. Она «всегда утверждала, что без широкого участия рабочих, без поддержки войска революционный переворот в России немислим»⁸⁸⁸. Поэтому она вместе с Желябовым играла руководящую роль в Студенческой и Рабочей организациях «Народной воли» и помогала ему в делах Военной организации. Именно Желябов и Перовская создали и возглавили Центральную рабочую группу в Петербурге, ставшую руководящим ядром народовольческой Рабочей организации⁸⁸⁹.

Да, готовясь к народному восстанию, «Народная воля» впервые в России создала специальную Рабочую организацию всероссийского масштаба с центром в столице и с филиалами практически во всех фабрично-заводских регионах страны. Всего, по подсчетам С.С. Волка, народовольцы организовали 100–120 рабочих групп, разных по численности и влиянию. Самыми крупными были три группы: московская объединяла больше 100 рабочих, одесская — до 300, петербургская, Центральная группа — несколько сот. В общей сложности, «Народная воля» имела до 2 тыс. распропагандированных и организованных рабочих⁸⁹⁰.

При Центральной группе создавались «Боевые дружины рабочих», которые должны были, по словам Желябова, в случае необходимости «принять на себя инициативу

---

⁸⁸⁷ Иванов С.А. Цит. соч. С. 240.

⁸⁸⁸ К биографиям А.И. Желябова и С.Л. Перовской // Былое. 1906. № 8. С. 127.

⁸⁸⁹ См.: Волк С.С. Цит. соч. С. 286.

⁸⁹⁰ История пролетариата СССР. М., 1930. Сб. 1. С. 58.

3. Мобилизация всех недовольных

инсurreкционного движения», а пока «устранять шпионов, действующих в рабочей среде»⁸⁹¹. В состав «Боевых дружин» входили самые надежные рабочие.

Рабочая организация «Народной воли» имела свой печатный орган, который так и назывался: «Рабочая газета». Основали ее Желябов и Перовская в январе 1880 г.⁸⁹² Желябов составил и «Программу рабочих, членов партии “Народная воля”», а Перовская ведала делами народовольческой типографии, где печаталась, наряду с центральным органом, газетой «Народная воля», и «Рабочая газета»: «раз в неделю, по субботам», в квартире Софьи Львовны на Большой Белоцерской улице, с июля 1880 г. в их совместной с Желябовым квартире (Измайловский полк, 1-я Рота, 18 — 2-я Рота, 17, кв. 23)⁸⁹³ собирались наборщики типографии с отчетами об их работе⁸⁹⁴.

«Первый номер “Рабочей газеты”, — вспоминала агент ИК Прасковья Ивановская, — вышел 15 декабря 1880 г., и мы вместе с Софьей Львовной с огромным интересом читали только что отпечатанные страницы этого номера. “Всеми силами будем мы в “Рабочей газете” разрушать въевшуюся идею царского авторитета и возрастим в народе веру в собственные силы, сознание мощи трудового люда», — говорила Софья Львовна накануне распространения среди рабочих только что родившегося первого номера. Второй номер “Рабочей газеты” вышел 27 января 1881 г. Он был только что принесен из типографии для окончательного его просмотра так же во время нашего посещения Софьи Львовны. Популярно написанная передовица указывала, что у царя слишком много власти и что он считается только с богатыми и знатными людьми. Софья Львовна пояснила, что газета, предназначенная для

---

⁸⁹¹ Показания и заявления А.И. Желябова // Былое. 1918. № 4–5. С. 280.

⁸⁹² Ивановская П.С. Цит. соч. С. 50.

⁸⁹³ Адреса квартир см.: Барбанова А.И., Ямщикова Е.А. Народовольцы в Петербурге. Л., 1984. С. 210–211, 214–215.

⁸⁹⁴ См.: Ивановская П.С. Цит. соч. С. 47.

распространения среди широких рабочих масс, неизбежно должна сохранить сжатость и сдержанность тона, без резко революционного подхода, сразу отпугивающего любопытство малоразвитых рабочих»⁸⁹⁵.

С.С. Волк считал «возможным» участие Перовской в «Рабочей газете» как одного из авторов газетных публикаций⁸⁹⁶, хотя точных данных об этом нет. Кстати, сын известного тогда в Петербурге букиниста А.П. Наумова вспоминал, что Желябов нередко, а дважды вместе с Перовской, покупал в магазине его отца книги «по рабочему вопросу»⁸⁹⁷.

В то же время Перовская руководила подготовкой специальной «Группы для пропаганды в рабочей среде» из шести студентов (в том числе Льва Коган-Бернштейна и Паппия Подбельского), каждый из которых «получил в свое ведение небольшой рабочий кружок». «Для связи с Исполнительным комитетом, — вспоминал член этой группы В.А. Бодаев, — на заседания нашей группы (раз в неделю. — *Н.Т.*) методично, не пропуская ни одного заседания, приходила Софья Львовна Перовская. В первый раз она пришла с И. Каковским⁸⁹⁸. Софья Львовна взяла на себя выработку программы по географии, а когда речь пошла о программе по русской истории, Софья Львовна заявила, что на следующее заседание она приведет одного из товарищей, занимавшихся этим предметом и хорошо с ним знакомого. Действительно, на ближайшее заседание группы она пришла с Андреем Франжоли. Он был уже с готовой программой, которую и прочитал нам. Программа всем нам очень понравилась и была принята без всяких поправок. Собрания группы проходили у кого-либо из ее членов: сначала собирались

---

⁸⁹⁵ *Ивановская П.С.* Цит. соч. С. 50.

⁸⁹⁶ *Волк С.С.* Цит. соч. С. 282.

⁸⁹⁷ *Наумов С.А.* Воспоминания о моем отце // Альманах библиофила. М., 1973. С. 220.

⁸⁹⁸ Каковский Иван Павлович (1859–1881) — студент, талантливый пропагандист среди рабочих.

у Л.М. Когана-Бернштейна, несколько раз — в нашей комнате на Моховой, где Николай (Н.М. Флеров. — *Н.Т.*) и я поселились с декабря месяца»⁸⁹⁹.

Собрания этой группы продолжались до февраля 1881 г., после чего Коган-Бернштейн и Подбельский перешли (в связи с «антисабуровским актом») на нелегальное положение, «а затем и Софью Львовну поглотили иные заботы в подготовке события 1 марта»⁹⁰⁰.

Группа «шести» была не единственной в своем роде. Участник другой группы с тем же предназначением готовить пропагандистов для рабочих студент М.А. Кроль вспоминал: «Среди нас была также одна молодая женщина, которая нам очень импонировала своим большим опытом, знанием рабочей среды и своей способностью ясно и убедительно отстаивать свои мнения. Она держала себя чрезвычайно скромно и нечасто брала слово, но когда она высказывалась по какому-либо вопросу, то все очень внимательно к ней прислушивались. Вообще ее присутствие создавало какую-то особенно чистую и серьезную атмосферу. Неудивительно, что мы все относились к ней с большим уважением»⁹⁰¹.

Разумеется, Софья Львовна и лично сама напрямую общалась с рабочими как пропагандистка и агитатор. После Большого общества пропаганды ей было уже не привыкать к такому общению. Сергей Иванов свидетельствовал: «Перовская была очень популярна между петербургскими рабочими, среди которых она вела в это время (февраль 1880 г. — *Н.Т.*) деятельную агитацию»⁹⁰². Из них уже тогда выделялись такие борцы и подвижники, как, например: котельщик Тимофей Михайлов, которого его адвокат на суде по делу 1 марта 1881 г. назвал

---

⁸⁹⁹ Бодаев В.А. Н.М. Флеров и «Подготовительная группа партии "Народная воля"» // Народовольцы 80–90-х годов. М., 1929. С. 16–17.

⁹⁰⁰ Там же. С. 17.

⁹⁰¹ Цит. по: Волк С.С. Цит. соч. С. 342–343. «Только после 1 марта Кроль узнал, что это была Перовская» (Там же. С. 343).

⁹⁰² Иванов С.А. Цит. соч. С. 234.

рабочим «апостолом»⁹⁰³; слесарь Макар Тетерка, отметивший пощечиной рабочего предателя Меркулова в зале суда по делу «20-ти»; ткач Яков Тихонов, который заявил со скамьи подсудимых на процессе «16-ти»: «Идея, за которую я боролся и умираю, со мною не погибнет. Ее нельзя бросить, как нас, в мрачные тюрьмы, ее нельзя повесить!»⁹⁰⁴. Все они были осуждены по разным процессам на смертную казнь (Тихонову и Тетерке виселицу заменили вечной каторгой в таких условиях, что первый из них прожил два года, а второй — один год).

О том, насколько популярна была Перовская среди петербургских рабочих к 1881 г., свидетельствовал и такой осведомленный народоволец, как Аркадий Тырков: после царевбийства «рабочие ей говорили: “Что нам теперь делать? Веди нас, куда хочешь!”»⁹⁰⁵. Но что могла ответить на это Софья Львовна? Не только народовольцы, не только рабочие, — весь народ российский еще не был готов к революции. А ведь на стороне царизма оставалась армия...

Считая, что в грядущей революции «успех первого нападения всецело зависит от рабочих и войска»⁹⁰⁶, народовольцы создали, наряду с Рабочей, свою Военную организацию, более мощную, чем вся совокупность организаций декабристов в 1825 г. Л.Н. Годунова установила, что военных кружков «Народной воли» было не 20–25, как считал С.С. Волк, а не менее 50-ти в 41 (как минимум) городе⁹⁰⁷.

Все кружки возглавлял Военно-революционный центр, подчиненный Исполнительному комитету. В состав Центра входили пять человек: двое — от ИК (А.И. Желябов

---

⁹⁰³ Дело 1 марта 1881 г. С. 306.

⁹⁰⁴ Процесс 16-ти террористов. С. 228.

⁹⁰⁵ «Народная воля» и «Черный передел». Воспоминания участников революционного движения в Петербурге 1879–1882 гг. Л., 1989. С. 276.

⁹⁰⁶ РН. Т. 2. С. 181.

⁹⁰⁷ Годунова Л.Н. Военная организация народовольцев // Вопросы истории. 1973. № 9. С. 123. Все города здесь перечислены. Ср.: Волк С.С. Цит. соч. С. 276, 329.

и Н.Н. Колодкевич) и трое — от Петербургского кружка (Н.Е. Суханов, тоже принятый в ИК, а вместе с ним А.П. Штромберг и Н.М. Рогачев — родной брат «чайковца» и героя «хождение в народ» Д.М. Рогачева, погибшего на каторге)⁹⁰⁸.

Признанным главой Военно-революционного центра был Желябов. Перовская в конкретных делах Военной организации не участвовала, но, конечно, помогала Желябову налаживать деловые (включая личные) связи и, должно быть, радовалась, вместе с ним, успехам в процессе создания организации.

Всего Военная организация «Народной воли» насчитывала до 400 офицеров⁹⁰⁹. Каждый из них был интересен и многого стоил. Подполковник М.Ю. Ашенбреннер, кавалер пяти орденов, имел отличную боевую репутацию и широкие связи в армейских кругах. Служивший под его начальством А.Н. Куропаткин в 1901 г., уже как военный министр Российской империи, ходатайствуя перед царем Николаем II о смягчении участи каторжанина Ашенбреннера, подчеркнул, что «Ашенбреннер был очень начитанный, добрый, ласковый и в делах с неприятелем вел себя доблестно <...> Отличался честностью и благородством. Пользовался общей любовью»⁹¹⁰.

Другой народоволец, гусарский майор Н.А. Тихоцкий был, по его словам, «старым товарищем» начальника дворцовой охраны генерала Е.Н. Ширинкина⁹¹¹, а по сообщению В.Л. Перовского, дружил с самим Александром III в бытность его великим князем⁹¹². Как великосветский жуир, блиставший на придворных балах, Тихоцкий был вхож в самые верхи

---

⁹⁰⁸ Все пятеро в 1881–1884 гг. были приговорены царским судом к смертной казни, причем Желябов повешен, Суханов, Штромберг и Рогачев расстреляны, а Колодкевич после замены ему виселицы вечной каторгой прожил лишь два года.

⁹⁰⁹ *Ашенбреннер М.Ю.* Военная организация «Народной воли» и другие воспоминания (1860–1904 гг.). М., 1924. С. 101.

⁹¹⁰ ГАРФ. Ф. 102. 5 д-во. 1901. Д. 5288. Ч. 10. Л. 25, 48.

⁹¹¹ Там же. 7 д-во. 1883. Д. 42. Т. 2. Л. 71 об.–72.

⁹¹² Там же. В.533. Д. 1254. Л. 112.

военной аристократии и заводил таким образом полезные для «Народной воли» знакомства. Оберфейерверкер Н.Н. Богородский был сыном смотрителя Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Он помог народовольцам — узникам крепости наладить письменную связь с волей.. В Рижском военном кружке «Народной воли» участвовал прапорщик Андрей Пумпур — будущий создатель латышского народного эпоса «Лачплесис» (членом «спортивного» общества при этом кружке был и юный Ян Райнис — этот «латышский Пушкин») ⁹¹³, а в личных связях с Тифлисским кружком офицеров-народовольцев был уличен великий сын Грузии Илья Чавчавадзе ⁹¹⁴.

Многие офицеры-народовольцы, избежав репрессий, смогли впоследствии ярко, с большой пользой для России, проявить себя на военной службе. Капитаны 1-го ранга П.О. Серебренников, Н.В. Юнг и В.Н. Миклухо-Маклай (родной брат великого путешественника) командовали броненосцами: соответственно — «Бородино», «Орел», «Адмирал Ушаков». Все они погибли в Цусимской битве ⁹¹⁵. Сражался под Цусимой и капитан 1-го ранга Л.Ф. Добротворский — командир крейсера «Олег», а генерал А.И. Вершинин был к 1905 г. градоначальником Порт-Артура. Знаменитый руководитель восстания 1905 г. на крейсере «Очаков» лейтенант П.П. Шмидт тоже участвовал в военном кружке «Народной воли», но уже «второго призыва» (1884–1886 гг.) ⁹¹⁶...

Софья Перовская была свидетельницей и, в какой-то мере (это зависело от Желябова), соучастницей формирования

---

⁹¹³ История Латвийской ССР. Рига, 1954. Т. 2. С. 135–139.

⁹¹⁴ ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. 1884. Д. 208. Л. 15, 25; Д. 1168. Л. 1 об.-2. Подробно см.: *Троицкий Н.А.* Илья Чавчавадзе и «Народная воля» // Вопросы литературы. 1974. № 4.

⁹¹⁵ Подробно о них см.: *Троицкий Н.А.* Народовольцы — герои Цусимы // Освободительное движение в России. Саратов, 1989. Вып. 13.

⁹¹⁶ См.: *Шмидт-Очаковский Е.П.* Лейтенант Шмидт. Воспоминания сына. Прага, 1926. С. 13; *Самолис Г.В.* Лейтенант Шмидт. М., 1982. С. 120. Широко известный как «лейтенант» П.П. Шмидт в действительности был к 1905 г. капитаном 2-го ранга в отставке.

Военной организации «Народной воли», но ей не довелось дожить до того времени, когда «Народная воля» со всеми ее организациями должна была победить или погибнуть. А вот о планах и возможностях Военной организации Софья Львовна знала и даже участвовала в обсуждении важнейших из них в Исполнительном комитете как член Комитета и его Распорядительной комиссии.

Так, в январе 1881 г. ИК обсуждал вариант ареста всей царской фамилии, когда она соберется на церковную службу в Петропавловском соборе. «Выяснилось, — вспоминал Л.А. Тихомиров, — что у нас в караулах [Петропавловской] крепости бывало иногда большинство своих офицеров. План казался не невозможным и, конечно, обещал в тысячу раз больше, чем убийство Александра II, однако был все-таки отклонен»⁹¹⁷. Почему ИК отклонил этот план, Тихомиров не объяснил. Может быть, дело не только в том, что народовольцы тогда увлеклись форсированной подготовкой цареубийства, но и в том, что их Военно-революционный центр (во главе с Желябовым!) предлагал новые планы, из которых каждый следующий казался выигрышнее предыдущего. Майор Н.А. Тихоцкий с группой офицеров готовил арест царской семьи на только что отстроенной императорской яхте «Александрия». «Государь с великими князьями должны были ее осматривать, — вспоминала об этом со слов Тихоцкого его сестра, — и в это время находившиеся там военные и почетный караул арестовали бы государя и великих князей, тут же заставили бы царя подписать отречение от престола, затем назначили бы временное правительство. Государя должны были судить судом народным»⁹¹⁸.

В феврале 1881 г., незадолго до своего ареста, Желябов выступил на заседании Военно-революционного центра с еще более дерзким планом восстания и захвата столицы: военные суда во главе с офицерами-народовольцами должны были атаковать Петербург с моря, в то время как рабочие, студенты

---

⁹¹⁷ Цит. по: Годунова Л.Н. Указ. соч. С. 122.

⁹¹⁸ ГАРФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 649. Л. 2 об.

и «прочий люд», заранее подготовленные и вооруженные, восстали бы в самом городе. По данным царского сыска, одни члены Центра сомневались в осуществлении такого плана, другие же говорили о «полной возможности осуществления» его⁹¹⁹. Здесь надо учесть, что Военно-революционный центр в то время только в Кронштадте «рассчитывал на два морских экипажа (около 8 тысяч человек) и на два небольших броненосца, а также на гарнизоны девяти крепостных фортов»⁹²⁰. По всей вероятности, периферийные кружки Военной организации тоже рассчитывали на местные гарнизоны.

Но, пока офицеры-народовольцы «разрабатывали детально» желябовский план⁹²¹, арестованы были и сам Желябов, и Суханов (их арест обезглавил Военно-революционный центр), а затем последовала грандиозная провокация С.П. Дегаева, приведшая к полному разгрому Военной организации «Народной воли»⁹²²...

В повседневных заботах о Студенческой, Рабочей и Военной организациях, и даже в изматывающей охоте на царя ИК не забывал о крестьянстве. Ведь его программа требовала «защищать интересы» крестьян и добиваться их «активного содействия»⁹²³. Осенью 1880 г. Желябов выступил с инициативой создать, наряду с Рабочей, Военной и Студенческой, также и Сельскую (т.е. крестьянскую) организацию «Народной воли»⁹²⁴. Более того, он созвал экстренное заседание ИК, чтобы обсудить его идею крестьянского восстания в Поволжье, поскольку из-за недорода и голода положение крестьян поволжских губерний стало катастрофически бедственным. «Эпидемии, огромная смертность и безысходность страданий

⁹¹⁹ Цит. по: Годунова Л.Н. Указ. соч. С. 121.

⁹²⁰ Ашенбреннер М.Ю. Указ. соч. С. 97.

⁹²¹ Ашенбреннер М.Ю. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 23.

⁹²² Подробно об этом см.: Троицкий Н.А. Дегаевщина // Вопросы истории. 1976. № 3.

⁹²³ РИ. Т. 2. С. 173–174.

⁹²⁴ См.: Волк С.С. Цит. соч. С. 368.

крестьянства», — вспоминала Анна Корба, — вызвали тревожные отклики в прессе, а правительство «тщательно скрывало истинные размеры бедствия», как будто не происходит ничего особенного⁹²⁵. Цитирую далее ее подробную информацию о заседании ИК.

«В это время, т.е. осенью 1880 г., Желябов созвал членов Исполнительного комитета на заседание (на конспиративной квартире, хозяевами которой были А.П. Корба и М.В. Ланганс. — *Н.Т.*). На нем присутствовали, кроме Желябова, Баранников, Колодкевич, Перовская, Исаев, С. Златопольский, Ланганс, а из ныне живущих А.В. Якимова и я. Вера Николаевна Фигнер к тому времени еще не возвратилась из Одессы. Что же касается Михаила Федоровича Фроленко, то память мне изменяет, и я не могу определенно сказать, был ли он на собрании, или нет. Когда все собрались, Желябов заявил: <...> “Если мы останемся в стороне в теперешнее время и не поможем народу свергнуть власть, которая его душит и не дает ему даже возможности жить, то мы потеряем всякое значение в глазах народа и никогда вновь его не обретем <...> Я сам отправлюсь в приволжские губернии и встану во главе крестьянского восстания. Я чувствую в себе достаточно сил для такой задачи и надеюсь достигнуть того, что права народа на безбедное существование будут признаны правительством. Знаю, что вы поставите мне вопрос: а как быть с новым покушением⁹²⁶, отказаться ли от него? И я вам отвечу: нет, ни в коем случае. Я только прошу у вас отсрочки”. На это ему ответили, что об отсрочке не может быть и речи: “Мы должны воспользоваться благоприятными обстоятельствами теперешнего момента, или расстаться с мыслью о возможности снять голову с монархии, существующей только для угнетения и устрашения народа”, — отвечали члены Комитета Желябову. Было также сказано, что нельзя ручаться, что через полгода все,

---

⁹²⁵ Привалова-Корба А.П. К биографии А.И. Желябова // Народовольцы. Сб. 3. М., 1931. С. 17–18.

⁹²⁶ Речь идет о подкопе на Малой Садовой улице в Петербурге с целью очередной попытки цареубийства.

здесь собравшиеся, будут целы и невредимы, а следовательно, мы не можем быть уверены, что наш план будет выполнен. С этим согласились все, слышавшие речь Желябова, и это очень сильно подействовало на него. Он не захотел, чтобы вопрос об его отъезде был поставлен на баллотировку, так как предвидел отрицательный ответ. На этом кончилось заседание, оставившее в сердцах всех присутствовавших впечатление неизгладимой грусти, так как все чувствовали, что собрание подрезало крылья одному из самых выдающихся своих членов»⁹²⁷...

Судя по всему, Желябов воспринял решение ИК без грусти и, как это было ему свойственно, с головой погрузился в труды и заботы и о мобилизации всех недовольных в столице, и об очередном покушении на самодержца, причем, по воспоминаниям той же Анны Корба, «так щедро расходовал огромный запас своих сил, что их стало не хватать, доказательством чему служит факт, что в это героическое время три раза с ним делались глубокие обмороки»; узнавали об этом соратники Желябова, конечно, «не от него самого, а от С.Л. Перовской — его преданного и заботливого друга»⁹²⁸.

Крестьянам «Народная воля» уделяла меньше внимания, чем землевольцы, но все-таки рассылала пропагандистов и распространяла прокламации среди крестьян в десятках губерний. Эти прокламации (особенно — «Честным мирянам, православным крестьянам и всему народу русскому» с призывом бороться за «правду на земле» против «всякой неправды»⁹²⁹) находили у крестьян сочувственный отклик, вызывая (или усиливая

---

⁹²⁷ Прибылева-Корба А.П. К биографии А.И. Желябова. С. 18–19. По всей вероятности, против довольно авантюрной идеи Желябова была и Перовская, о чем она могла сказать Желябову еще до заседания ИК, ведь они с июля 1880 г. и вплоть до ареста Желябова 27 февраля 1881 г. жили вместе, в гражданском браке.

⁹²⁸ Прибылева-Корба А.П. К биографии А.И. Желябова. С. 19.

⁹²⁹ РН. Т. 2. С. 233–234. Авторами этой прокламации были Софья Перовская, Григорий Исаев и Юрий Богданович (см.: Прибылева-Корба А.П. «Народная воля»... С. 57).

начавшееся ранее) брожение. Так, под влиянием и, видимо, не без участия народовольцев вспыхнуло в марте 1881 г. восстание крестьян двух уездов Тверской губернии (не менее 3 тыс. только в Бежецком уезде), подавленное лишь силой войск⁹³⁰.

Пока во главе ИК и всей партии стояло трехзвездие лидеров (Желябов, Перовская, Александр Михайлов), «Народная воля» о крестьянах не забывала. Но уже в конце 1881 г., после того как Михайлов был арестован, а Желябов и Перовская казнены, ИК в письме к заграничным товарищам признал революционную пропаганду среди крестьян бесперспективной: «Для того, чтобы крестьянскую скалу низвергнуть на правительство, нужны пуды пороха, а у нас его — только несколько фунтов. Это вышел бы не взрыв, а фейерверк»⁹³¹. Затем, в начале 1882 г. ИК официально заявил: «организация крестьянских сил не входит в наши расчеты»⁹³². Когда было сделано это заявление, Желябова и Перовской уже почти год, как не было в живых...

К сожалению, у меня нет данных о причастности Перовской к делам народовольческого «Красного Креста», хотя, по склонности своей натуры, она просто не могла обойти такие дела вниманием. Зато есть интересные сведения об участии Софьи Львовны в таких, привычных для нее еще со времен Большого общества пропаганды операциях, как сношения с заключенными и конспиративные связи с границей. Именно ей было доверено руководство сношениями с узниками и охранниками Алексеевского рavelина Петропавловской крепости после сенсационно неожиданного для ИК «Народной воли» сигнала к нему от самого шумевшего и таинственного из тех узников Сергея Нечаева.

Вера Фигнер вспоминала: «В один из вечеров января (1881 г. — *Н.Т.*) Исаев пришел домой (в конспиративную квар-

---

⁹³⁰ См.: *Виноградов В.А.* О влиянии борьбы народовольцев на крестьянские настроения в губерниях Верхневолжья // Освободительное движение в России. Саратов, 1981. Вып. 10. С. 27–29.

⁹³¹ РН. Т. 2. С. 319.

⁹³² Литература партии «Народная воля». С. 159.

тиру ИК на Вознесенском проспекте, 25/76, у Вознесенского моста. — *Н.Т.*) Сбросив пальто и шапку, он подошел к столу, у которого сидели я и человека два из Комитета, и, положив перед нами маленький свиток бумажек, сказал спокойно, как будто в этом не было ничего чрезвычайного: “От Нечаева, из равелина”. От Нечаева! Из равелина!»⁹³³. Для народовольцев, как подметила Елена Сегал, эти слова Исаева прозвучали «столь же дико, если бы он сказал: “От Степана Разина, с того света”»⁹³⁴.

Дело в том, что Нечаев, осужденный в 1873 г. на 20 лет каторги как *уголовник*, секретно, по личному приказу Александра II был заточен «навсегда» в Петропавловскую крепость — главную *политическую* тюрьму империи: «вместо отправки в Сибирь он исчез бесследно; никто не знал, что было с ним дальше, ни где он, ни того, жив ли он или мертв. Так прошли годы...»⁹³⁵. Теперь вдруг случилось непредвиденное. Нечаев установил связь с другим узником равелина, членом ИК Степаном Ширяевым и, с его согласия, отправил в ИК письмо — через распропагандированного им караульного солдата по адресу студента Медико-хирургической академии, народовольца Евгения Дубровина, «земляка Ширяева и хорошего знакомого Исаева». В письме Нечаев «просто и прямо ставил вопрос о своем освобождении»⁹³⁶.

ИК поставил вопрос Нечаева на обсуждение. «Удивительное впечатление производило это письмо, — вспоминала много лет спустя Вера Фигрер. — Исчезало все, темным пятном лежавшее на личности Нечаева: пролитая кровь невинного (студента И.И. Иванова — *Н.Т.*), денежные вымогательства (у А.И. Герцена и Н.П. Огарева. — *Н.Т.*), добывание компрометирующих документов с целью шантажа — все, что развертывалось под девизом “цель оправдывает средства”, вся та ложь,

---

⁹³³ Фигнер В.Н. Цит. соч. Т. 1. С. 249.

⁹³⁴ Сегал Е.А. Софья Перовская. М., 1962. С. 301.

⁹³⁵ Фигнер В.Н. Цит. соч. Т. 1. С. 251.

⁹³⁶ Там же. С. 252.

которая окутывала революционный образ Нечаева. Оставался разум, не померкший в долголетнем одиночестве застенка; оставалась воля, не сломленная всей тяжестью обрушившейся кары; энергия, не разбитая всеми неудачами жизни. Когда на собрании Комитета было прочтено обращение Нечаева, с необыкновенным душевным подъемом все мы сказали: «Надо освободить!»⁹³⁷.

Увы! — Эмоциональный запал быстро прошел, и члены ИК поняли: отвлекать силы и время на освобождение Нечаева от уже начатых приготовлений к решающей попытке цареубийства на Малой Садовой улице при проездах Александра II по воскресеньям в Михайловский манеж было бы нецелесообразно. Да и сам этот нечаевский «вопрос» значил не более, чем готовность членов ИК задействовать в интересах партии *личность* Нечаева, чуждого «Народной воле» идейно и нравственно, но полезного по своим деловым качествам, вроде Ф.Н. Юрковского (по кличке «Сашка-инженер»), о котором Вера Фигнер говорила: «Быть может, одного Сашку-инженера в партии иметь должно, двух можно, но терпеть трех невозможно». В общем, ИК дал знать Нечаеву, что «дело его освобождения может быть организовано только после того, как кончится начатое против царя <...> Тот ответил, что, конечно же, будет ждать»⁹³⁸.

Однако сношения с Нечаевым продолжались через Дубровина, а затем Исаева, которого Дубровин свел с завербованным караульным солдатом. Но, судя по всему, контролировала эти сношения Перовская. В зашифрованной записке, изъятой у нее при аресте 10 марта 1881 г., как доносил об этом «полуимператору» М.Т. Лорис-Меликову начальник Петербургского ГЖУ генерал А.В. Комаров 13 марта, «имеются указания на попытки социалистов завязать сношения с лицами, служащими в комендантском управлении С.-Петербургской крепости и при Алексеевском рavelине. К последнему заключению приводит

---

⁹³⁷ Фигнер В.Н. Цит. соч. Т. 1. С. 252.

⁹³⁸ Там же. С. 254–255.

то соображение, что членами социалистического кружка были собраны сведения о семейном положении надзирателей рavelина, а также о материальном их обеспечении и свойствах характера (“оба бедны”, — говорится в записке, — “один храбр, другой пуглив”)⁹³⁹.

В дополнительном к донесению Комарова докладе прокурора Петербургской судебной палаты В.К. Плеве от 14 марта (с пометой Александра III: «читал») сообщалось, что, «по сведениям, извлеченным из записки, найденной у обвиняемой Перовской, приняты двоякие меры. Одни из направлены к розыску лиц, фамилии коих упомянуты в записке, а другие имеют целью выяснить указания на писаря комендантского управления Дубровина⁹⁴⁰ и жандармов Алексеевского рavelина Александрова и Исакова <...> В разъяснение указаний на жандармов Исакова и Александрова, а также на писаря Дубровина, были допрошены как эти лица, так равно и все члены их семейств, причем не обнаружено никаких оснований, дающих право подозревать их в сношениях с членами революционной партии. Несмотря на это, принимаются меры к выяснению личностей их знакомых и общественного положения последних»⁹⁴¹.

Можно предположить, что Перовская вела эти сношения с караульными Алексеевского рavelина, рассчитывая, с их помощью, на освобождение не только Нечаева, но и Ширяева, но до своего ареста не успела добиться много, главным образом потому, что вынуждена была сосредоточиться на подготовке царевубийства. После же ареста Перовской сношения с Нечаевым и его охранниками, хотя и продолжались, но к успеху не привели. Союзник Нечаева Леон Мирский в ноябре 1881 г. выдал их коменданту крепости. Последовала жестокая расправа с жертвами этой выдачи. Военный суд за стенами крепости «с могильной, чисто петропавловской безгласностью» (по выражению

---

⁹³⁹ К делу 1 марта 1881 г. Неизданные доклады графа М.Т. Лорис-Меликова, В.К. Плеве, А.В. Комарова // Былое. 1918. № 4–5. С. 35.

⁹⁴⁰ Унтер-офицер Александр Дубровин — однофамилец Е.А. Дубровина.

⁹⁴¹ К делу 1 марта 1881 г. С. 35–36.

газеты «Народная воля») приговорил народовольцев Е.А. Дубровина и А.А. Филиппова, которые руководили связными, к различным срокам каторги и 16 караульных солдат — к ссылке в Сибирь»⁹⁴². Александр III на докладной записке об этом деле оставил запись: «Более постыдного дела для военной команды и ее начальства, я думаю, не бывало до сих пор»⁹⁴³. Нечаев же после этого был ввергнут в столь жуткие условия каторжного режима, что уже через пять с половиной месяцев умер⁹⁴⁴...

Что касается конспиративных связей с заграницей, которыми Перовская занималась как член ИК и Распорядительной комиссии, то, в первую очередь, это была, конечно, официальная (главным образом информационная) связь с заграничным представительством ИК в Париже, но были в ведении Софьи Львовны и отдельные акции конкретно-персонального характера. В архиве РАН сохранились документы, которые иллюстрируют и уточняют известную, в принципе, историю отъезда за границу в «бессрочный отпуск» члена ИК Н.А. Морозова и его возвращения в Россию.

15 июля 1929 г. в письме к Вере Фигнер Морозов объяснил, что он запрашивал у ИК бессрочный отпуск в конце января 1880 г. вовсе не из-за теоретических разногласий с большинством Комитета: «то была душевная драма», его жена Ольга Любатович забеременела, но «конфузилась этого», ехать за границу рожать одна не хотела («без тебя не поеду») и уговорила Морозова отпроситься в отпуск «не объяснив истинной причины»⁹⁴⁵.

За границей Морозов и Любатович устроились в швейцарском городке Кларан, где Любатович родила дочь. Шел февраль 1880 г., когда они осели в Швейцарии, а с начала июня Перовская, явно по поручению ИК, стала настойчиво призывать Морозова вернуться обратно.

---

⁹⁴² Протокол суда по делу Е.А. Дубровина и др. см.: РГВИА. Ф. 1351. Оп. 2. Д. 650. Л. 128–134.

⁹⁴³ Гернет М.Н. История царской тюрьмы. М., 1961. Т. 3. С. 197–198.

⁹⁴⁴ Там же. С. 198.

⁹⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Ед. хр. 604. Л. 164–165 об.

В архиве РАН (личный фонд Н.А. Морозова) хранятся два текста одного и того же письма к нему Софьи Львовны от 6 июня 1880 г. — один, явный, для маскировки, подчеркнуто обыденного содержания, и другой, тайный, вписанный между строк симпатическими чернилами. Полагаю, читателю интересно будет прочесть и сравнить оба текста, как примеры конспиративной переписки народников. Первым цитирую явный текст.

«Ну как вы поживаете, дорогая Леночка, как чувствуете себя на новом месте? Хорошо ли уживаетесь со своими новыми хозяевами? Очень меня интересуют все вообще подробности вашего жития за границей. Верно, у вас много новых впечатлений и наблюдений? Скучаете ли вы по России? Впрочем, недолго уже вам придется там оставаться. Как рано вы приедете сюда?

Мы живем тут довольно скучненько. На лето большинство знакомых разъехалось, даже на дачах почти никого нет. Единственное развлечение — катанье на лодках: соберется человека 3–4 и уходим на взморье; там так хорошо! — забываешь про город, его духоту и суету.

Пишите, дорогая Леночка, нам побольше, освежите нашу однообразную жизнь своими впечатлениями. Крепко вас обнимаю. Наши шлют вам бесчисленные поклоны. С.П. 6.VI. 1880»⁹⁴⁶.

А вот тайный текст, вписанный между строк явного. «Дорогие друзья, вернулась в столицу и опять принимаюсь вам строчить. Что вы все подельваете и когда собираетесь в наши края? Слыхала я, будто вы думаете сюда перебраться. Приезжайте, а то право даже нехорошо так становится, когда подумаешь, что тут и там нужны люди, а между тем люди сидят, бог ведает где <...>

Ну, прощайте, дорогие друзья. *Это подписывают все наши.* Сердечный привет Кате (? — Н.Т.), Сергею (С.М. Кравчинскому. — Н.Т.) и другим, помнящим меня. Крепко всех обнимаю. Соня»⁹⁴⁷.

Морозов и Любатович задерживались в Швейцарии, обремененные заботами о связях с народнической эмиграцией и о новорожденной дочери. Между тем, в Петербурге 28 ноября

⁹⁴⁶ АРАН. Ф. 543. Оп. 2. Ед. хр. 57. Л. 12 об.–13 об.

⁹⁴⁷ Там же. Курсив мой. — Н.Т.

1880 г. был арестован Александр Михайлов. Перовская буквально воззвала к Морозову в письме, текст которого Николай Александрович воспроизвел на память (не буквально) и сохранил в своем архиве: «Приезжай, как можно скорее! Отсутствии Александра отзывается здесь страшно тяжело. Как будто выпало центральное звено, соединявшее нас всех воедино, а между тем наступают такие события, в твоём роде, которые скоро должны потрясти всю страну. Ты один можешь в такие дни заменить Александра. Приезжай же как можно скорее!»⁹⁴⁸.

Получив такое письмо (уже в январе 1881 г.), Морозов быстро собрался и, оставив в Кларане жену и дочь, выехал из Швейцарии на родину, но, к несчастью для него, его жены и дочери, он 28 января был арестован при переходе российской границы⁹⁴⁹...

В невероятном, сверхчеловеческом напряжении всех умственных, душевных и физических сил, под неизбывной угрозой ареста, за которым следовала бы, как минимум, вечная каторга, а скорее всего смертная казнь, Софья Перовская и ее соратники-народовольцы находили время и возможности для того, чтобы чисто житейски расслабиться, отключиться хотя бы на считанные часы от конспиративной взрывоопасности. Таковы были их вечеринки, смысл и особенности которых навсегда запомнил и, 40 лет спустя, рассказал о них известный революционер-народоволец и литератор Иван Иванович Попов (1862–1942 гг.) Цитирую фрагмент из книги его воспоминаний.

---

⁹⁴⁸ АРАН. Ф. 543. Оп. 2. Ед. хр. 57. Л. 29. В конце 2012 г. увидел свет сборник документов «Из истории “Земли и воли” и “Народной воли”. Споры о тактике» (отв. ред. В.Н. Гинев), в котором опубликованы «Размышления перед старинными письмами Николая Морозова» с включением на с. 295–296 и 310 полного текста цитированных здесь писем С.Л. Перовской к Морозову. Преувеличенное представление о роли Н.А. Морозова («Ты один можешь заменить Александра»), — как будто рядом с Перовской не было Желябова! — объясняется, скорее всего, стремлением Софьи Львовны подзадорить Морозова к скорому возвращению в ИК.

⁹⁴⁹ *Твардовская В.А.* Н.А. Морозов в русском освободительном движении. С. 132.

«Благодаря связям с революционными деятелями, я иногда приглашался на их вечеринки, где приходилось видеть многих активных работников, с которыми впоследствии я близко сошелся. На этих вечеринках меня поражало бесконечное веселье людей, над которыми уже висел Дамоклов меч. Угощение было самое простое — чай, сыр, колбаса, пиво, иногда вино и очень редко водка. На вечеринках я почти никогда не слышал споров. Люди собирались повеселиться — и только. Если где-нибудь в сторонке пытались заспорить, то спорщики тотчас же прерывали. Вечеринки проходили оживленно и весело, не менее весело, чем студенческие вечеринки, устраиваемые обыкновенно в кухмистерских (столовых или небольших рестораничках. — *Н.Т.*) На студенческих вечеринках было немало пьяных, были и мертвецкие, но на вечеринках революционеров пьяных совершенно не было. На одной вечеринке я видел Желябова и Перовскую. Софья Львовна скромно сидела за чайным столом и тихо разговаривала с отдельными лицами. Желябов, с темно-русой бородкой и длинными густыми волосами, зачесанными назад, в вышитой малороссийской рубашке под пиджаком, принимал активное участие в танцах (плясал русскую) и пении»⁹⁵⁰.

Тип как раз такой (не просто товарищеской, а именно политической) вечеринки запечатлел классик русской живописи Владимир Егорович Маковский в картине «Вечеринка» (1897 г.), — одной из главных в его творчестве. Молодую, очень симпатичную женщину в центре этой картины (на взгляд реакционной прессы, «особу, пламенно декламирующую какое-нибудь трескучее и запретное социалистическое стихотворение»⁹⁵¹) современники не зря отождествляли по традиции того времени именно с Софьей Перовской⁹⁵².

---

⁹⁵⁰ Попов И.И. Минувшее и пережитое. Воспоминания за 50 лет. Л., 1924. Ч. 1. С. 84.

⁹⁵¹ Гамаюн. Заметки вольного художника (на XXV Передвижной выставке) // Русский вестник. 1897. № 7. С. 454–455.

⁹⁵² См.: Алтаев Ал. [М.В. Ямщикова]. Памятные встречи. М., 1957. С. 170.

4. Кризис «верхов».

Безусловно, самая яркая и памятная для Желябова, Перовской и К^о из таких вечеринок состоялась в квартире их друга, писателя-классика Глеба Успенского, где они встречали вместе с радушным хозяином роковой и славный для них 1881 год. Вот как вспоминал об этом «чайковец», земледелец и народоволец А.И. Иванчин-Писарев: «Глеб Иванович был знаком, отчасти даже дружен со многими видными членами партии «Народная воля». Юрий Богданович, Желябов, Кибальчич, А.П. Корба, Ланганс, Перовская, Саблин, Лев Тихомиров и др. (в том числе Иванчин-Писарев. — *Н.Т.*) всегда находили у него радушный прием <...> Глеб Иванович, точно предчувствуя грядущие события, непременно хотел, чтобы все собрались у него для встречи нового 1881 года, и, несмотря на рискованность этой затеи, для нелегальных людей, очень многие были в числе его новогодних гостей, — может быть, даже с уверенностью, что в последний раз жмут руку любимому писателю и человеку»⁹⁵³.

4. Кризис «верхов»

«В России в те времена, — писал в 1894 г. один из крупнейших умов Европы Фридрих Энгельс о рубеже 70–80-х годов, — было два правительства: правительство царя и правительство тайного Исполнительного комитета (Iсполnitel'nyi Komitet) заговорщиков-террористов. Власть этого второго, тайного правительства возрастала с каждым днем. Свержение царизма казалось близким»⁹⁵⁴.

Гость храбрых на тьмы ополчилась врагов.
Шатались могучего трона ступени... —

Так вспоминал о том времени поэт-народоволец П.Ф. Якубович.

---

⁹⁵³ Иванчин-Писарев А.И. *Хождение в народ*. М., 1929. С. 390–391.

⁹⁵⁴ Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* Т. 22. С. 449.

Кризис самодержавия, который подспудно нарастал с весны 1878 г., в 1879–1880 гг. проявился со всей очевидностью⁹⁵⁵. Своеобразие сложившейся на рубеже 1870–1880-х годов в России новой, второй после 1859–1861 гг. революционной ситуации заключалось в том, что ее решающим фактором было не массовое (крестьянское) движение, как в 1859–1861 гг., а революционно-демократическое, народническое, выражавшее интересы масс. За 20 лет между 1861 и 1881 гг. революционно-народнический лагерь буквально приумножил себя. Главной силой этого лагеря в 1879–1881 гг. являлась партия «Народная воля», которая тогда вела, как высказался жандармский генерал П.А. Черевин, «querre á mort» (войну не на жизнь, а на смерть)⁹⁵⁶ с царизмом. Именно натиск народовольцев, этот «нож деятелей, приставленный к горлу правительства» (выражение Ф. Энгельса), главным образом и обусловил новый после 1859–1861 гг. кризис «верхов» в России.

Разумеется, здесь надо иметь в виду не один террор, а всю совокупность революционных действий «Народной воли». Более того, борьба «Народной воли» была вдвойне опасна для царизма ввиду угрозы ее соединения с массовым (прежде всего крестьянским) движением, ибо стихийный подъем крестьянских масс служил социальной базой народничества, питал собою его революционную энергию. Царизм учитывал и студенческие демонстрации, и рабочие стачки, и крестьянские бунты под воздействием и (в иных случаях) руководством народовольцев, распространение по всей стране народовольческих прокламаций. «Прокламации сыплются градом. И какие?! — Ужасался, например, либеральный профессор А.Ф. Кистяковский. — Прокламации 60-х годов в сравнении с нынешними — верх смирения и невинной риторики»⁹⁵⁷.

---

⁹⁵⁵ Подробно о нем см.: *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. М., 1964.

⁹⁵⁶ РГА ВМФ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 11. Л. 153.

⁹⁵⁷ Цит. по: Из истории общественной мысли и общественного движения в России. Саратов, 1964. С. 195.

4. Кризис «верхов».

В отчетном докладе за 1878 год шеф жандармов еще мог утешать царя: «Общее положение дел, относящихся до распространения пропаганды в России, отменно серьезно, но не безвыходно»⁹⁵⁸. Доклады шефа жандармов за 1879 и 1880 гг. были уже безутешными. Кризис «верхов» год от году разрастался.

После того как народовольцы 5 февраля 1880 г. чуть не взорвали Александра II в Зимнем дворце, правительственный лагерь долго находился в смятении, даже под защитой «полумператора» Лорис-Меликова и его Верховной распорядительной комиссии. Царь и министры боялись, что 19 февраля (по случаю очередной годовщины падения крепостного права) революционеры поднимут восстание. Из-за этого даже были отменены национальные торжества, назначенные на 19–20 февраля в честь 25-летнего юбилея царствования Александра II⁹⁵⁹. Сам царь между 5 и 19 февраля никуда не выходил из дворца. Класс имущих со дня на день ждал новых взрывов и всеобщей «резни». «Люди состоятельные выезжали за границу, ценные вещи в домах зарывали в подвалы», — свидетельствовали современники⁹⁶⁰. «Только во время уже разгоревшегося вооруженного восстания бывает такая *паника*, какая овладела всеми (в «верхах». — *Н.Т.*) в России в конце 70-х годов и в 80-м, — вспоминал действительный статский советник А.А. Плансон. — Все ждали чего-то неизвестного, но ужасного. Никто не был уверен в завтрашнем дне»⁹⁶¹...

В такой ситуации Лорис-Меликов сполна проявил свои главные качества — хитроумие и находчивость. С одной стороны, понимая, что «у него не отвалится язык от лишней либеральной

---

⁹⁵⁸ *Богучарский В.А.* В 1878 г. // *Голос минувшего.* 1917. № 7–8. С. 161.

⁹⁵⁹ *Воейков В.В.* Последние дни императора Александра II и воцарение императора Александра III // *Изв. Тамбовской ученой археографической комиссии.* Тамбов, 1911. Вып. 54. С. 67.

⁹⁶⁰ *Граф М.Т. Лорис-Меликов* // *Русская старина.* 1889. № 1. С. 69. Ср.: *Де-Воллан Г.А.* *Очерки прошлого* // *Голос минувшего.* 1914. № 4. С. 139.

⁹⁶¹ *Плансон А.А.* *Былое и настоящее.* СПб., 1905. С. 261–262. Курсив мой. — *Н.Т.*

фразы»⁹⁶², он шумно творил, как мы видели, — более на словах! — либеральные послабления. С другой стороны, именно он, как никто до него, обеспечил усиленную охрану императора. 2 августа 1880 г. Верховная распорядительная комиссия специально обсудила вопрос о том, как гарантировать «благополучное преследование государя на Юг России», и выработала целую программу мер, «удостоившихся высочайшего одобрения». Так, вдоль линии железной дороги от Петербурга до Симферополя решено было выставить, кроме войск, полиции и железнодорожной стражи, по 10 «самых благонадежных» обывателей на каждую версту, а в извилистых местах — больше, чтобы каждый из них видел соседей и справа и слева⁹⁶³.

Главное же, Лорис Меликов усматривал смысл своей диктатуры в том, чтобы создать благоприятные условия для победы над «крамолой» путем комбинирования репрессий против революционеров с послаблениями по отношению к либералам, дабы привлечь либералов на сторону реакции и таким образом изолировать революционный лагерь. Его интригующие посулы привели большинство либералов в восторг. Ведь либералы, хотя и сочувствовали, а иные из них даже содействовали народовольцам в борьбе против самодержавия (информацией, деньгами, укрывательством, ходатайствами перед властями)⁹⁶⁴, хотели бы не ликвидировать самодержавие, а лишь выторговать у него какую-нибудь конституцию, «хоть такую, — иронизировали народники, — какую имеют от царя зубры в Беловежской пушке»⁹⁶⁵, только бы оградить себя от крайностей деспотизма и произвола.

Шумно заигрывая с либералами, Лорис-Меликов втихомолку расправлялся с революционерами: за 14 месяцев его «бархатной» диктатуры власти наскоро устроили 32 судебных процесса (почти все — в закрытом порядке) с 18 смертными

---

⁹⁶² Литература партии «Народная воля». С. 71.

⁹⁶³ ГАРФ. Ф. 58. Оп. 1. Д. 13. Л. 43–44.

⁹⁶⁴ См. об этом: *Троицкий Н.А.* Крестonosцы социализма. С. 324–325.

⁹⁶⁵ Революционная журналистика 70-х годов. С. 80.

4. Кризис «верхов».

приговорами⁹⁶⁶. Газета «Народная воля» нашла для режима Лорис-Меликова меткое определение: «лисий хвост — волчья пасть»⁹⁶⁷. В радикальных кругах ходила по рукам эпиграмма:

Мягко стелет — жестко спать:
Лорис-Меликовым звать⁹⁶⁸.

Диктатура Лорис-Меликова не остановила революционеров. 20 февраля 1880 г. террорист-одиночка Ипполит Млодецкий стрелял в самого диктатора, но промахнулся и был схвачен, а 22 февраля публично казнен. На казнь Млодецкий шел с улыбкой. Поднявшись на эшафот, он крикнул толпе народа, которая собралась поглазеть на него: «Я умираю за вас!»⁹⁶⁹.

Исполнительный комитет «Народной воли» в специальной прокламации о деле Млодецкого заявил, что Млодецкий покушался на диктатора «не только без пособия, но даже без ведома ИК». «Исполнительный комитет, без всякого сомнения, — говорилось в прокламации, — изыскал бы более верные средства казни Меликова, если бы над ним состоялся смертный приговор»⁹⁷⁰. Тем временем «Народная воля» усилила антиправительственную пропаганду, агитацию и мобилизацию. Кризис «верхов» продолжался...

---

⁹⁶⁶ См.: *Троицкий Н.А.* «Народная воля» перед царским судом (1880–1894). 2 изд. Саратов, 1983. С. 359–372 (перечислены все процессы, обвиняемые и приговоры).

⁹⁶⁷ Литература партии «Народная воля». С. 79.

⁹⁶⁸ *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. Прага, 1929. С. 94.

⁹⁶⁹ Подробно см.: *Троицкий Н.А.* Дело Ипполита Млодецкого // Освободительное движение в России. Саратов, 2009. Вып. 23. С. 129–131.

⁹⁷⁰ «Народная воля» в документах и воспоминаниях. М., 1930. С. 95. Млодецкий вышел на Лорис-Меликова (когда тот подъезжал в экипаже к своему дому) с револьвером «возле двух стоявших у подъезда часовых, вблизи двух верховых казаков, конвоировавших экипаж, и торчавших тут же городских» (*Милютин Д.А.* Дневник. Т. 3. С. 223).

1880 год был для «Народной воли» годом наращивания сил и активизации всех форм деятельности. При этом очень помогли ей в натиске на царизм ее более обширные, чем у какой-либо другой из российских революционных организаций XIX в., международные связи — с английскими, французскими, немецкими, итальянскими, чешскими, румынскими, болгарскими, сербскими, венгерскими, американскими и другими социалистами и демократами⁹⁷¹. «Политика партии должна стремиться к тому, чтобы обеспечить русской революции сочувствие народов», — таково было одно из программных требований «Народной воли»⁹⁷². Следуя ему, народовольцы держали мировую общественность в курсе своих революционных дел, при случае обращались к ней с воззваниями о поддержке, опирались на ее сочувствие и солидарность. Так, еще до ареста Софьи Перовской были подготовлены с ее участием и обнародованы прокламации «Исполнительный комитет европейскому обществу» и «Французскому народу», послание Карлу Марксу⁹⁷³.

Между тем, все звенья карательной системы царизма по всей стране были мобилизованы на борьбу с «Народной волей». Аресты вырывали из ее рядов одного бойца за другим, включая членов и агентов ИК. Особенно болезненными для ИК были две утраты в канун 1880 г. — арест Александра Квятковского

---

⁹⁷¹ См. об этом: *Меринг Ф.* История германской социал-демократии. М.; Пг., [б.г.]. Т. 4. С. 158–160; *Раджоньери Э.* Итало-русские общественные связи (1860–1900). М., 1968; *Иванова Н.В.* Из истории русско-английских общественных связей в 80–90-х гг. XIX в. // Учен. зап. Курского пед. ин-та. 1969. Т. 60; *Гросул В.Я.* Революционная Россия и Балканы (1874–1883). М., 1980; *Corbet Ch.* A l'ère des nationalisms l'opinion française face à l'inconnue (1799–1894). Paris, 1967; *Mechur J.* Ohlasy narodnictvi v českem delnickém hnutí v 80-ch letech minulého století // Acta Universitatis Carolinae, 1964. Philosophica et Historica. 3; *Hollingsworth B.* The Society of Friends of Russian Freedom // Oxford Slavonic papers. New Series, 1970. V. 3.

⁹⁷² РН. Т. 2. С. 183.

⁹⁷³ Там же. С. 224–230, 235–236.

4. Кризис «верхов».

и Степана Ширяева. При обыске у Квятковского нашли листок с наброском какого-то плана, одно место в котором было помечено крестом. После того как в Зимнем дворце произошел взрыв, выяснилось, что на листке был набросан план Зимнего, а крест обозначал место взрыва. Эта улика погубила Квятковского.

С 25 по 30 октября 1880 г. в Петербургском военно-окружном суде проходил т.н. «процесс 16-ти» — первый из политических процессов, на котором «Народная воля» заявила о себе как партия. Центральными фигурами процесса были члены ИК Квятковский и Ширяев. Оба они выступили со скамьи подсудимых с яркими речами. Ширяев, в частности, заявил: «Я не касался и не буду касаться вопроса о своей виновности, потому что у нас с вами нет общего мерила для решения этого вопроса. Вы стоите на точке зрения существующих законов, мы — на точке зрения исторической необходимости <...> Как член партии я действовал в ее интересах и лишь от нее, да от суда потомства жду себе оправдания. В лице многих своих членов наша партия сумела доказать свою преданность идее, решимость и готовность принимать на себя ответственность за все свои поступки. Я надеюсь доказать это еще раз своею смертью»⁹⁷⁴. Квятковский перед смертным приговором написал матери: «Даже самую смерть я приму спокойно (не потому, что жизнь мне надоела, нет, жить еще хочется, даже ах, как хочется!) — в том меня поддерживает сознание, что я действовал честно, по своим убеждениям»⁹⁷⁵.

Суд вынес обвиняемым садистский приговор: Квятковскому, Ширяеву и Андрею Преснякову — смертная казнь, Арону Зунделевичу и Якову Тихонову — вечная, а Софье Ивановой и Николаю Буху — срочная каторга. Ширяеву казнь была заменена пожизненным заточением в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, где он уже через 10 месяцев был

---

⁹⁷⁴ Процесс 16-ти террористов. С. 227–228.

⁹⁷⁵ Предсмертные письма Александра Квятковского // Каторга и ссылка. 1927. № 2. С. 208.

умерщвлен. Квятковский и Пресняков 4 ноября 1880 г. героически приняли смерть на виселице. Их повесили на том самом кронверке Иоанновского равелина Петропавловской крепости, где 13 июля 1826 г. вешали пятерых декабристов.

5 ноября ИК выступил с прокламацией по поводу казни Квятковского и Преснякова, в которой объявил, что «судный час недалеко!»⁹⁷⁶. Члены ИК решили форсировать подготовку цареубийства и во что бы то ни стало привести смертный приговор Александру II в исполнение. «Теперь мы с ним покончим!» — сказал в те дни Александр Михайлов⁹⁷⁷...

Это вовсе не значило, что террор для «Народной воли» «стал главнейшим и всепоглощающим средством борьбы»⁹⁷⁸. Такое заключение С.С. Волк сделал вопреки данным собственного исследования: ведь он признал⁹⁷⁹, что даже землевольцы, которых критики народничества не считают преимущественно террористами, за четыре года, с 1876 по 1879, осуществили 9 политических убийств⁹⁸⁰, тогда как народовольцы за десять лет, с 1880 по 1890, — всего 6⁹⁸¹.

Напомню читателю, что за участие в делах «Народной воли» и причастность к ним только за 1880–1881 гг. были репрессированы, по данным жандармских дознаний, не менее 6 тыс. человек, а за все время деятельности партии, включая попытки восстановить ее былую мощь, предпринятые Г.А. Лопатиным, А.И. Ульяновым, С.М. Гинсбург, т.е. с 1880 до

⁹⁷⁶ «Народная воля» в документах и воспоминаниях. С. 97.

⁹⁷⁷ *Тырков А.В.* К событию 1 марта 1881 г. Ростов н/Д, 1907. С. 15.

⁹⁷⁸ *Волк С.С.* Цит. Соч. С. 234.

⁹⁷⁹ Там же. С. 227.

⁹⁸⁰ Казнили шефа жандармов Н.В. Мезенцова, харьковского военного генерал-губернатора кн. Д.Н. Кропоткина, жандармского офицера Г.Э. Гейкинга и шесть шпионов (Н. Шарашкина, В. Тавлеева, А. Никонова, Н. Рейнштейна, Т. Курилова и В. Барановского).

⁹⁸¹ Казнили Александра II, проконсула Юга России В.С. Стрельникова, шефа тайной полиции Г.П. Судейкина, предателя А.Я. Жаркова и двух шпионов (С. Прейма и Ф. Шкрябу).

4. Кризис «верхов».

1890 г. — как минимум 10 тыс. человек⁹⁸². В каждом из актов «красного» террора были задействованы буквально единицы из этих тысяч. Так, в подготовке и осуществлении всех восьми народовольческих покушений на Александра II вместе взятых (включая пять несостоявшихся), участвовали — кроме членов и ближайших агентов ИК, занимавшихся, как мы видим, отнюдь не только и не столько террором, — в общей сложности лишь 12 рядовых народовольцев, известных нам поименно⁹⁸³. Все остальные были заняты пропагандистской, агитационной, мобилизационной работой в местных и специальных (Студенческой, Рабочей, Военной) организациях «Народной воли», в ее издательском центре, заграничном представительстве, обществе «Красного Креста».

Царизм намеренно выставлял террор главным из средств борьбы народовольцев для вящего обвинения их как злодеев, бомбистов, убийц. Обывательское же представление о народовольцах как террористах основывалось частично на официальной (усиленно внедрявшейся в массовое сознание) версии, а также на распространенной тогда иллюзии, ибо террор как борьба вооруженная, как своего рода боеголовка революционного заряда «Народной воли» был *на виду*, заслоняя собой прочую, глубоко законспирированную деятельность партии. Что касается историков (царских, советских, посткоммунистических), повторяющих донныне тезис о «главнейшем и всепоглощающем» месте террора у «Народной воли», то они сочетают в своем отношении к народовольцам обывательское неведение и охранительное пристрастие.

Здесь важно подчеркнуть, что «красный» террор народников (землевольцев и народовольцев) был исторически обусловлен, навязан им как ответ на «белый» террор царизма.

---

⁹⁸² Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом. 2 изд. С. 356–357 (таблица «Обзоров» жандармских дознаний).

⁹⁸³ Г.Д. Гольденберг, И.И. Гриневицкий, И.П. Емельянов, В.А. Меркулов, Т.М. Михайлов, И.Ф. Окладский, Н.И. Рысаков, Е.М. Сидоренко, М.В. Тетерка, Я.Т. Тихонов, А.В. Тырков, П.В. Тычинин.

Андрей Желябов со скамьи подсудимых по делу о цареубийстве 1881 г. резонно напоминал судьям: «Русские народолюбцы не всегда действовали метательными снарядами. В нашей деятельности была юность, розовая, мечтательная, и если она прошла, то не мы тому виною»⁹⁸⁴. Смерть репрессий против *мирных* пропагандистов 1874 г. вызвал у народников стремление к отпору. «Боритесь же, если вы люди!» — этот клич с тех пор стал в народничестве всеобщим⁹⁸⁵. Но после 1874 г. бороться против царизма мирными средствами было уже нельзя. «Когда человеку, хотящему говорить, зажимают рот, то тем самым развязывают руки», — так определил реакцию народников на расправу с «хождением в народ» Александр Михайлов⁹⁸⁶. Естественно, что на многочисленных (больше 80-ти!) судебных процессах «Народной воли» обвиняемые вновь и вновь повторяли мысль, которую афористически сформулировал на первом из них Степан Ширяев: «Красный террор Исполнительного комитета был лишь ответом на белый террор правительства. Не будь белого, не было бы и красного»⁹⁸⁷.

Сами народовольцы веско оговаривали преходящую обусловленность своего террора. ИК официально заявил протест против покушения террориста Ш. Гито 2 июля 1881 г. на жизнь президента США Джеймса Гарфилда. «В стране, где свобода личности дает возможность честной идейной борьбы, где свободная народная воля определяет не только закон, но и личность правителей, — разъяснял ИК, — в такой стране политическое убийство есть проявление того же духа деспотизма, уничтожение которого в России мы ставим своей задачей»⁹⁸⁸. Сознавая политическую и нравственную ущербность террора, народовольцы допускали его лишь как вынужденное крайнее

---

⁹⁸⁴ Дело 1 марта 1881 г. С. 337.

⁹⁸⁵ *Степняк-Кравчинский С.М.* Избранное. С. 298.

⁹⁸⁶ *Прибылева-Корба А.П., Фигнер В.Н.* Цит. соч. С. 157.

⁹⁸⁷ Процесс 16-ти террористов. С. 227.

⁹⁸⁸ Литература партии «Народная воля». С. 127.

4. Кризис «верхов».

средство. «Террор — ужасная вещь. — Говорил Сергей Кравчинский. — Есть только одна вещь хуже террора: это — безропотно сносить насилия»⁹⁸⁹.

Всю ответственность за ужас террора — и «белого», и «красного», — народовольцы возлагали на царизм, который своими разнузданными преследованиями заставлял прибегать к насилию, хотя бы в целях самозащиты, даже людей, казалось бы органически неспособных по своим душевным качествам на какое-либо насилие⁹⁹⁰. Замечательно сказал об этом со скамьи подсудимых перед оглашением ему смертного приговора член ИК Александр Квятковский: «Чтобы сделаться тигром, не надо быть им по природе. Бывают такие общественные состояния, когда агнцы становятся ими»⁹⁹¹. Не зря великий гуманист В.Г. Короленко, лично знакомый с очень многими народниками и народовольцами, говорил летом 1881 г. пермскому губернатору В.А. Енакиеву: «Знаю, что стали террористами люди, раньше не помышлявшие о терроре, и считаю людей, гибнущих теперь на виселицах, одними из лучших русских людей. Очевидно, правительство, обратившее против себя такое отчаяние и такое самоотвержение, идет ложным и гибельным путем»⁹⁹².

Итак, для России 1870-х годов «красный» террор «Народной воли» не был ни случайным, ни чужеродным явлением. Он был тогда исторически обусловлен. В том фазисе, которого достигло к 80-м годам российское освободительное движение, террор нельзя было просто отбросить, его можно было только преодолеть. Он оказывался тогда единственно возможным,

---

⁹⁸⁹ Цит. по: *Таратута Е.А.* С.М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. М., 1973. С. 168.

⁹⁹⁰ Именно этот тип людей чуть ли не преобладал в столь страшном для царизма «Великом ИК». Назову для примера, кроме Перовской, еще Морозова, Тихомирова, Колодкевича, Кибальчича, Грачевского, Богдановича, Лебедеву, Теллалова, Тригоны, Зунделевича, Савелия Златопольского, Клеточникова, Саблина, Гесю Гельфман.

⁹⁹¹ Процесс 16-ти террористов. С. 226.

⁹⁹² *Короленко В.Г.* История моего современника. М., 1965. С. 660.

еще не испытанным в масштабах всего движения способом борьбы, т.е. как бы собирательным примером таких действий, о которых хорошо сказал А.И. Герцен: «Как только человек видит возможность действовать, действие становится для него физиологической необходимостью. Оно может быть преждевременно, необдуманно, даже ложно, но не может не быть. Никакая религия, никакая общественная теория не доходит до полноты сознания прежде начала осуществления. В приложении она узнает свои односторонности, восполняет их, отрекается от них»⁹⁹³...

В конце 1880 — начале 1881 г. кризис «верхов» достиг апогея. С одной стороны, режим Лорис-Меликова наращивал интенсивность карательных мер против крамолы, с другой — готовил проекты реформ с целью разрядить взрывоопасную политическую атмосферу в стране. Именно с конца 1880 г. на «Народную волю» обрушился губительный шквал полицейских репрессий. Рабочий Иван Окладский — участник покушения на Александра II под Александровском (вместе с Желябовым), — который лично знал многих членов и агентов ИК, был приговорен по делу «16-ти» за борьбу против царизма к смертной казни, но купил себе жизнь ценой предательства. Завербованный в секретную агентуру Департамента полиции, он начал выдавать бывших своих товарищей. Как агент-provokator Окладский прослужил до Февральской революции 1917 г., т.е. почти 37 лет (всероссийский рекорд длительности шпионского стажа!), затем скрылся под фамилией «Петровский» и лишь в 1924 г. был разоблачен, судим теперь уже советским судом и вновь приговорен к смертной казни — на этот раз как царский прислужник⁹⁹⁴. Предательство Окладского позволило карателям напасть на след ИК и нанести ему тягчайшие потери.

---

⁹⁹³ Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1959. Т. 17. С. 108.

⁹⁹⁴ См.: Процесс предателя-provokatora Окладского-Петровского в Верховном суде. Л., 1925. За давностью преступлений и ввиду преклонного возраста Окладского (66 лет) Верховный уголовный суд РСФСР заменил ему смертную казнь тюремным заключением на 10 лет.

4. Кризис «верхов».

28 ноября 1880 г. был арестован главный страж безопасности «Народной воли», ее «всевидящее око» Александр Михайлов, когда он, вопреки собственным правилам конспирации, пришел в фотоателье на Невском проспекте взять заказанные там снимки казненных товарищей Квятковского и Преснякова. Когда личность Михайлова, давно разыскиваемого по всей империи, была установлена, жандарм уязвил его: «Видно, на всякого мудреца довольно простоты!»⁹⁹⁵.

Рана, нанесенная Исполнительному комитету арестом Михайлова, еще кровоточила, когда на Комитет обрушились новые удары. 25 января 1881 г. по указанию Окладского жандармам удалось схватить Александра Баранникова, который, кстати, был соседом по квартире Ф.М. Достоевского и арест которого, как предполагают авторитетные исследователи (В.Б. Шкловский, И.Л. Волгин), стал причиной болезненного припадка и скорой (через два дня) смерти гения русской литературы⁹⁹⁶. На следующий день с помощью Окладского в квартире Баранникова был арестован Николай Колодкевич, а 28 января в квартире Колодкевича — Николай Клеточников и в тот же день Николай Морозов. Колодкевич, Баранников и Морозов принадлежали к числу наиболее влиятельных членов ИК, а что касается Клеточникова, то он был уникальным стражем безопасности, «ангелом-хранителем» «Народной воли» извне, как Михайлов оберегал ее внутри...

Тем временем правящие верхи, не имея точной информации о силах и возможностях «Народной воли» и учитывая опасные для царизма последствия ее мобилизационных связей во всех слоях населения, вплоть до военных и даже (в лице Клеточникова) жандармских структур, — учитывая все это и продолжая лавировать между репрессиями и послаблениями, «верхи» пошли на серьезные, хотя и тактического характера, уступки. 28 января 1881 г. (в день ареста Клеточникова) Лорис-Меликов

---

⁹⁹⁵ Прибылева-Корба А.П., Фигнер В.Н. Цит. соч. С. 52–53.

⁹⁹⁶ См.: Волгин И.Л. Последний год Достоевского. Исторические записки. М., 1986. С. 436–472.

представил Александру II проект реформ, с помощью которых «полуимператор» намеревался вызволить правительство из кризиса. В литературе этот проект фигурирует под названием «Конституция Лорис-Меликова». Суть проекта сводилась к образованию в лице «Временных комиссий» (из назначенных сверху чиновников и выборных снизу от «общества») совещательного органа при Государственном совете, который сам был совещательным органом при царе⁹⁹⁷. Иначе говоря, т.н. «Конституция Лорис-Меликова» вовсе не являлась конституцией, а лишь могла бы стать шагом к ней при удачном для оппозиции царизму соотношении сил. «Все зависело от того, резонно заключал В.И. Ленин, — что пересилит: давление ли революционной партии и либерального общества, или противодействие <...> партии непреклонных сторонников самодержавия»⁹⁹⁸.

Сначала все будто бы шло к тому, что лорис-меликовский проект будет шагом к конституции. Царизм вынужден был, при всей его карательной рьяности, уступать силе демократического натиска. Лица, близкие к трону (брат царя вел. кн. Константин Николаевич, Д.А. Милютин, Е.А. Перетц, А.А. Сабуров, П.П. Шувалов), предлагали ради «спасения России» проекты новых реформ. Иные из них в течение 1880 и первых месяцев 1881 г. обсуждались с тревогой, но без толку на совещаниях при царе⁹⁹⁹. В записке к очередному совещанию Д.А. Милютин констатировал: «У нас постоянное осадное положение»¹⁰⁰⁰.

Сам царь был удручен таким положением, признавался своей любовнице и морганатической супруге кн. Е.М. Юрьевской (если верить ее рассказу) в желании отречься от престола и удалиться... в Каир, к «теплому климату»¹⁰⁰¹, а на уступки крамоле

---

⁹⁹⁷ Проект был опубликован через 36 лет: Русский архив. 1916. № 1. С. 5–12.

⁹⁹⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 43.

⁹⁹⁹ См.: Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 40–42, 131–146, 192–203.

¹⁰⁰⁰ РГБ РО. Ф. 169. Оп. 1. Карт. 39. Ед. хр. 33. Л. 1.

¹⁰⁰¹ Laferte V. Alexandre II. Details inedits sur sa vie intime et sa mort. Paris, 1882. P. 59.

4. Кризис «верхов».

смотрел как на зло, столь же пагубное, сколь и неизбежное. «Да ведь это Генеральные штаты!» — возмутился он, прочитав «конституцию» Лорис-Меликова, но одобрил ее «основную мысль» и 1 марта 1881 г., за считанные часы до своей смерти, повелел созвать на 4 марта Совет министров для того, чтобы обсудить вопрос о предстоящей реформе¹⁰⁰². Дальнейший ход событий, как мы увидим, круто изменил соотношение сил.

---

¹⁰⁰² См. об этом сообщение П.А. Валугева (в записи М.И. Семевского): ИРЛИ РО. Ф. 274. Оп. 1. Д. 16. Л. 553 об.–554.

Глава IV. Цареубийца

Я жила так, как подсказывали мне мои убеждения, поступать же против них была не в состоянии. Поэтому со спокойной совестью ожидаю все, предстоящее мне.

Софья Перовская
в предсмертном письме к матери

1. Первое марта

Авторитетный знаток социально-политической истории России при двух последних самодержцах XIX в. (т.е. двух Александрах — II и III) Петр Андреевич Зайончковский считал, что народовольцы неоправданно «игнорировали те уступки, на которые шло правительство под непосредственным влиянием их же революционной борьбы». По мнению Зайончковского, «тот факт, что “Народная воля” в условиях *отсутствия массового революционного движения* не внесла никаких изменений в свою тактику в связи с реформаторской деятельностью Лорис-Меликова, свидетельствует о недооценке ею изменившихся условий. Решение задач привлечения народных масс к революционной борьбе с царизмом, поставленных Исполнительным комитетом <...>, проходило и в дальнейшем могло бы проходить более успешно в условиях лорис-меликовского режима, явившегося порождением их героической борьбы»¹⁰⁰³. Вместе с тем Петр Андреевич признавал «в целом правильную» народовольческую оценку режима Лорис-Меликова как

---

¹⁰⁰³ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х годов. М., 1964. С. 298-299.

1. Первое марта.

«волчьей пасти» с «лисыим хвостом», что побуждало «Народную волю» стремиться к «продолжению террора и казни как самого царя, так и его лицемерно-либерального приближенного»¹⁰⁰⁴.

Действительно, на 32 судебных процессах за время лорис-меликовской «бархатной диктатуры», кроме 18 смертных приговоров, были вынесены еще 9 вечнокаторжных и 27 — на сроки от 10 до 20 лет каторги¹⁰⁰⁵. Именно в то время, 6 марта 1880 г., студент И.И. Розовский был повешен в Киеве за «имение у себя» народовольческой прокламации. Не зря В.И. Ленин в 1901 г. отмечал эту казнь как пример жестокостей царизма, «не бывавших ни раньше, ни позже»¹⁰⁰⁶.

Итак, именно при Лорис-Меликове, — после казни Квятковского и Преснякова и ареста Александра Михайлова, — ИК «Народной воли» форсировал подготовку цареубийства. Это вовсе не означало свертывания или, хотя бы, ослабления пропагандистской, агитационной, организаторской работы. Напротив, в 1880 и начале 1881 г. основные силы партии, как и прежде, были заняты мобилизацией всех недовольных: активно действовала Студенческая организация «Народной воли», устроившая, как мы видели, «антисабуровскую» демонстрацию 8 февраля 1881 г.; Рабочая организация, не довольствуясь созданием кружков, боевых дружин и касс взаимопомощи, участвовала в организации стачек на заводах и фабриках Петербурга, Москвы, Иваново-Вознесенска, Серпухова, Воронежа, Киева и др. городов¹⁰⁰⁷, помогала рабочим формулировать политические требования (ибо в России, как говорил Андрей Желябов, «стачка есть факт политический»¹⁰⁰⁸); набиралась

---

¹⁰⁰⁴ Из автобиографии Веры Фигнер // Былое. 1917. Кн. 4. С. 63–64.

¹⁰⁰⁵ Подробно см.: *Троицкий Н.А.* «Народная воля» перед царским судом (1880–1894). 2 изд. Саратов, 1983. С. 359–383.

¹⁰⁰⁶ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 5. С. 44.

¹⁰⁰⁷ См.: *Бозучарский В.Я.* Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX в. Партия «Народной воли», ее происхождение, судьбы и гибель. М., 1912. С. 128.

¹⁰⁰⁸ *Плеханов Г.В.* Соч. М.; Л., 1927. Т. 24. С. 137.

сил и строила планы восстания Военная организация; работали типографии, издавались газета «Народная воля», Листок «Народной воли», «Рабочая газета», множество прокламаций; не опускало рук общество «Красного Креста» и не забывал ИК о своем заграничном представительстве. Но в то же время часть актива ИК и специально подготовленные группы народо-вольцев сосредоточенно приступили к очередной и решающей попытке цареубийства. Возглавили все приготовления к этой попытке (не отключаясь от прочих партийных дел) Желябов и Перовская...

Софья Львовна в июле 1880 г. поселилась нелегально, с паспортом на имя вдовы Лидии Антоновны Войновой, в 1-й Роте Измайловского полка, дом № 17/18, кв. 23. Здесь с сентября вместе с ней жил под видом ее двоюродного брата Николая Ивановича Слатвинского Андрей Желябов. Он к тому времени уже давно (еще в 1878 г.) разошелся с женой Ольгой Семеновной — певицей и пианисткой, дочерью бывшего одесского городского головы С.С. Яхненко¹⁰⁰⁹. Теперь, всего на пять последних месяцев жизни, связала Желябова и Перовскую, помимо идейной близости, еще и любовь. Об их любви народо-вольцы-мемуаристы, историки «Народной воли» и, конечно, биографы Желябова и Перовской писали много, но — без подробностей. Бесспорным и очевидным для всех, кто знал их обоих, было одно — неразрывное и взаимообогащающее единение разума и сердца этих людей, равно заслуживающих бессмертной славы. Можно согласиться с таким суждением Н.П. Ашешова: «понятно, что Желябов не мог не зажечь Перовской своим темпераментом пылкого южанина¹⁰¹⁰,

---

¹⁰⁰⁹ См.: Белоконский И.П. Андрей Иванович Желябов (Отрывки из воспоминаний) // Былое. 1906. № 3. С. 78.

¹⁰¹⁰ А.И. Желябов был родом из крымских крестьян. В 1959 г. (Исторический архив. № 4. С. 205–206) мне довелось установить точную дату его рождения: 17 августа 1851 г. До тех пор дата рождения Желябова не была известна, — год назывался приблизительно, с разночтениями, число же и месяц не указывались вовсе.

1. Первое марта.

действовавшего бурностремительно и дерзко. Перовская должна была привносить в его планы свою уравновешенность, расчетливость, ловкость и сообразительность»¹⁰¹¹. Зато никак нельзя принять всерьез надуманный пассаж Б.Б. Глинского о Перовской: «Целиком подпала под чары Желябова и создала из него того кумира, который был для нее предметом поклонения и под углом любовного чувства и под углом политического зрения»¹⁰¹².

Новый план царевубийства, одним из главных разработчиков которого был Желябов, а решающим исполнителем стала Перовская, включал в себя три возможных (в зависимости от перемещений царя) варианта. Во-первых, на углу Невского проспекта и Малой Садовой улицы в Петербурге, в доме Менгдена, было снято подвальное помещение для сырной лавки с вывеской «Склад русских сыров Е. Кобозева». Здесь под видом супругов Кобозевых — торговцев сыром устроились члены ИК Юрий Богданович и Анна Якимова. Отсюда народовольцы повели подкоп под малолюдную Малую Садовую, выяснив, что по этой улице царь нередко (практически каждое воскресенье) проезжал из Зимнего дворца в Михайловский манеж на развод, т.е. контрольный смотр, караулов и обратно. В подкоп предполагалось заложить мину. Над устройством подкопа скрытно, по ночам, трудились до изнеможения, кроме Богдановича, еще несколько, — пожалуй, физически самых крепких, — членов ИК: Желябов, Фроленко, Баранников, Колодкевич, Суханов¹⁰¹³.

Мнимые сыроторговцы вызвали подозрение у полиции, и старший техник при Петербургском градоначальстве генерал-майор К.И. Мравинский с двумя помощниками проверил «лавку», но не обнаружил в ней следов подкопа. Впоследствии,

---

¹⁰¹¹ *Ашешов Н.П.* Софья Перовская. Материалы для биографии и характеристики. Пб., 1920. С. 96.

¹⁰¹² *Глинский Б.Б.* Революционный период русской истории (1861–1881). СПб., 1913. Ч. 2. С. 504.

¹⁰¹³ См.: *Барабанова А.И., Ямщикова Е.А.* Народовольцы в Петербурге. Л., 1984. С. 134.

уже после цареубийства, генерал за такой недосмотр был предан суду и сослан на Север¹⁰¹⁴. А подкоп во второй половине февраля был доведен до конца.

Одновременно с подкопом под Малую Садовую в динамитной мастерской народовольцы изготовляли по последнему слову техники метательные снаряды. Руководил этим изготовлением Николай Кибальчич. Четверо метальщиков должны были замкнуть Малую Садовую улицу (по двое с разных концов) и в случае, если бы не сработала мина, взорвать царя снарядами. Группу метальщиков, в которую входили студенты Игнатий Гриневицкий и Николай Рысаков, рабочий Тимофей Михайлов и выпускник ремесленного училища Иван Емельянов, сформировал Желябов¹⁰¹⁵.

Наконец, если бы почему-то не сработал ни первый, ни второй вариант плана, Желябов вызвался сам (разумеется, жертвуя собой) напасть на царя с кинжалом — «и кончить дело»¹⁰¹⁶. Читая об этом бесспорное свидетельство, невольно думаешь, как восприняла Перовская такой вызов Желябова? Ее любимый, самый дорогой для нее человек, казалось, безрассудно идет на верную смерть. Советовался ли он с ней, прежде чем принять такое решение? И могла ли она разубедить его в этом безрассудстве?

Заглянем недалеко вперед: Желябов, арестованный еще до цареубийства, потребует от властей приобщить его к судебному разбирательству по делу о цареубийстве, чреватому неизбежной виселицей, а Перовская перед смертным приговором напишет матери: «давно знала и ожидала, что рано или поздно, а так будет». Нам, людям XXI века, трудно понять такую, характерную для народовольцев, словно бы немислимую, фанатичную

---

¹⁰¹⁴ О суде над ним см.: *Спасович В.Д.* Семь судебных речей по уголовным делам. Берлин, 1900. С. 24–85. Генерал К.И. Мравинский — отец примадонны Петербургской оперы Е.К. Мравиной и дед народного артиста СССР дирижера Е.А. Мравинского.

¹⁰¹⁵ См.: *Барбанова А.И., Ямщикова Е.А.* Указ. соч. С. 134; *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд. Воспоминания: В 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 262.

¹⁰¹⁶ *Фигнер В.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 262.

1. Первое марта.

верность революционному долгу. Но для них такая самоотверженность была в порядке вещей: они буквально прониклись ею, поскольку уже *не могли* больше терпеть царившего в России деспотизма, произвола, насилия. При этом, конечно, воодушевляли их надежда на счастливый случай, ту или иную удачу, а главное, вера в *конечное* торжество дела, которому они беззаветно посвятили свою жизнь...

А пока Желябов и Перовская подготовили *наблюдательный отряд* из шести человек для изучения выездов и проездов царя по Петербургу из дворца и обратно. Отряд стал действовать с ноября 1880 г. Его составили Игнатий Гриневицкий и Николай Рысаков (эти двое вскоре перейдут в группу метальщиков), а также сестра члена ИК М.Н. Ошаниной Елизавета Оловеникова и три студента — Евгений Сидоренко, Аркадий Тырков, Петр Тычинин. Кстати, Евгений Матвеевич Сидоренко (1862 — после 1926 гг.) был знаком с семьей Перовских, когда учился в Симферопольской гимназии, и поэтому теперь Софья Львовна относилась к нему как «наблюдателю» «с особым вниманием и покровительством»¹⁰¹⁷.

Наблюдательный отряд регулярно (раз в неделю) собирался на «заседания», где отчитывался о результатах своих наблюдений. По воспоминаниям А.В. Тыркова, «на нескольких заседаниях присутствовал Желябов. Он хотел, вероятно, на основании наших слов составить себе более ясное представление о всей обстановке выездов <...> Главная роль принадлежала Перовской, которая записывала результаты наблюдений»¹⁰¹⁸.

---

¹⁰¹⁷ Сидоренко Е.М. 1 марта 1881 г. (Воспоминания участника, члена наблюдательной дружины) // Пути революции. Харьков, 1926. № 2–3. С. 29.

¹⁰¹⁸ Тырков А.В. К событию 1 марта 1881 г. // «Народная воля» и «Черный передел». Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879–1882 гг. Л., 1989. С. 271. Аркадий Владимирович Тырков (1859–1924) — родной брат Ариадны Владимировны Борман (по второму мужу Вильямс) (1869–1962) — кузины С.А. Лешерн фон Герцфельд, школьной подруги Н.К. Крупской, члена ЦК партии кадетов (была там единственной женщиной), известной мемуаристки и писательницы.

За время с ноября 1880 по февраль 1881 г. отряд наблюдателей досконально изучил маршруты царских поездов. «Обыкновенно, — вспоминал А.В. Тырков, — царь выезжал из Зимнего дворца около половины второго и отправлялся в Летний сад. Он ездил в карете, окруженной шестью всадниками из конвоя Его Величества, на великолепных лошадях, очень быстро. Двое из этих всадников прикрывали собой дверцы кареты. Из Летнего сада он или возвращался прямо во дворец, или заезжал куда-нибудь. Таков был маршрут по будням. По воскресеньям царь ездил в Михайловский манеж на развод. Путь его лежал обыкновенно по Невскому, а оттуда по Малой Садовой <...> По его пути расхаживала многочисленная охрана из каких-то штатских, вероятно сыщиков»¹⁰¹⁹. Поэтому «наблюдения за царем, — читаем в автобиографии Е.Н. Оловенниковой, — требовали большого напряжения и внимания, с одной стороны, за ним самим, а с другой — в смысле маневрирования перед шпиками»¹⁰²⁰.

Цитирую далее А.В. Тыркова: «Перовская не только отби-рала у нас сведения, но и сама участвовала с нами в наблюдениях. Из манежа царь возвращался домой мимо Михайловского театра по Екатерининскому каналу. Перовская первой заметила, что на повороте от Михайловского театра на Екатерининский канал кучер придерживает лошадей, и карета идет почти шагом. Рассказывая нам об этом на ближайшем заседании, она прибавила: “Вот удобное место!”. Для меня ее замечание стало понятно только в день 1 марта. План нападения не всем был известен, так как по требованиям конспирации в него не посвящали тих, кому незачем было о нем знать»¹⁰²¹...

Казалось, все у народовольцев шло по плану. Но 27 февраля 1881 г. Исполнительному комитету был нанесен самый тяжкий удар и опять-таки по «наводке» провокатора Окладского. В тот день в квартире члена ИК Тригопи (дом № 66 по

---

¹⁰¹⁹ Тырков А.В. Цит. соч. С. 271.

¹⁰²⁰ Оловенникова Е.Н. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 178.

¹⁰²¹ Тырков А.В. Цит. соч. С. 272.

1. Первое марта.

Невскому проспекту возле Аничкова моста, сохранившийся поныне) вместе с хозяином был арестован Желябов.

Михаил Николаевич Тригони, друг и однокашник Желябова по Керченской гимназии, жил в Петербурге легально как помощник присяжного поверенного, не подозревая о том, что он стал объектом пристального, круглосуточного полицейского наблюдения, причем четверо сыщиков поселились в одной из комнат по соседству с его квартирой «27 февраля, — вспоминал Тригони, — я вернулся домой от Николая Евгеньевича Суханова в половине седьмого вечера. Через полчаса приходит ко мне Желябов и, поздоровавшись, говорит: “У тебя в коридоре, кажется, полиция...”. Желяя узнать, в чем дело, я сейчас же вышел в коридор, но едва успел сказать: “Катя (служанка), принесите самовар”, как был подхвачен со всех сторон толпою людей, выскочивших из противоположного пустого номера. Меня отвели в пустой номер, где сейчас же и обыскали. Одновременно был арестован Желябов в моем номере»¹⁰²².

Об аресте Желябова подробно сообщалось в официальных бумагах секретной полиции: когда Тригони «схватили и затащили в его комнату, в это время его гость (по агентурным данным, некто “Петр Иванович”. — *Н.Т.*), человек с чрезвычайно красивым лицом и длинной черной бородой, видимо, догадавшись о случившемся, выскочил из комнаты и бросился к выходным дверям, которые, как и следовало ожидать, были заперты. Он пытался плечом высадить дверь, но был схвачен подоспевшей полицией. “Петр Иванович” моментально выхватил из кармана револьвер, который у него удалось выбить из рук неожиданным сильным ударом рукояткой револьвера по его руке»¹⁰²³.

Обоих задержанных доставили в канцелярию градоначальника, где товарищ прокурора Петербургской судебной палаты А.Ф. Добржинский «встретил “Петра Ивановича”

---

¹⁰²² Тригони М.Н. Мой арест в 1881 г. // Былое. 1906. № 3. С. 76–77.

¹⁰²³ 1 марта 1881 года. М., 1933. С. 58.

восклицанием: “Желябов, да это вы!”. Желябов не нашел нужным это отрицать, ибо Добржинский хорошо знал его по делу “193-х”»¹⁰²⁴...

Арест Желябова очень обрадовал и успокоил правящие круги. Царь 28 февраля записал в своей памятной книжке: «3 важ[ных] ареста, в том числе Желябов», и еще 1 марта делился с окружающими этой радостью¹⁰²⁵. Бывший у него с докладом Н.К. Гирс (управляющий министерством иностранных дел) засвидетельствовал, что 28 февраля Александр II «был особенно весел и доволен, предполагая, что с арестом Желябова открыта нигилистическая гидра»¹⁰²⁶. Развеселился самодержец всяя Руси еще и оттого, что узнал нелегальную кличку Тригони: «Милорд». Дело в том, что «Милордом» звали любимую собаку царя, с которой он часто гулял, выпуская экипаж, в котором располагался его «Милорд», впереди собственного экипажа (как свитский поезд впереди царского). Вот сценка из воспоминаний начальника Главного управления по делам печати Е.М. Феоктистова: «По направлению от Зимнего дворца мчится тройка, на которой сидит фельдъегерь с собакой, а через полчаса показались другие сани, окруженные конвоем. Это ехал император на обычную утреннюю прогулку со своею собакой в сад Аничкова дворца»¹⁰²⁷.

Если царский двор радовался аресту Желябова, то Исполнительный комитет «Народной воли», напротив, пережил тогда сильнейшее потрясение. «Известие об этом несчастье громом поразило нас», — вспоминала Вера Фигнер¹⁰²⁸. Действительно, «удар по партии и, в особенности, по замыслу, который был накануне приведения в исполнение, был оглушительным.

¹⁰²⁴ Тригони М.Н. Цит. соч. С. 77.

¹⁰²⁵ Зайчковский П.А. Цит. соч. С. 302. Третьим (кроме арестов Желябова и Тригони) Александр II, возможно, посчитал здесь арест, месяцем ранее, Клеточникова.

¹⁰²⁶ Ламздорф В.Н. Дневник. 1886–1890. М.; Л., 1926. С. 215.

¹⁰²⁷ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. М., 1991. С. 191.

¹⁰²⁸ Фигнер В.Н. Цит. соч. Т. 1. С. 263.

1. Первое марта.

Быть может, при иной обстановке все растерялись бы и опустили бы руки, чем не преминула бы воспользоваться и полиция, которая шла уже с момента ареста А. Михайлова по верным следам, а с арестом Клеточникова сделалась вдвое опаснее для революционеров.

Но в Исполнительном комитете была Перовская»¹⁰²⁹...

Утром 27 февраля Желябов и Перовская вместе вышли из дома, взяли извозчика, доехали до Публичной библиотеки и здесь расстались: он поспешил к Тригони по делам Военной организации, она — к своим наблюдателям и метальщикам. Когда, вернувшись домой к вечеру, Софья Львовна не застала там Андрея, она сразу почувствовала недоброе, но ждала его, стараясь не терять надежды на какой-нибудь счастливый случай. Можно представить, как она провела ту ночь с 27 на 28 февраля, с каждым часом убеждаясь в том, что Андрей не придет, что он уже арестован.

А на следующий день, 28-го февраля, в конспиративной квартире Веры Фигнер у Вознесенского моста в Петербурге (ныне: проспект Майорова, д. 25/78, кв. 3) Исполнительный комитет «Народной воли» созвал экстренное заседание всех своих членов, которые оставались тогда еще на свободе (кроме откомандированных по делам ИК из столицы). Собрались лишь 8–9 человек: В.Н. Фигнер, С.Л. Перовская, Н.Е. Суханов, М.Ф. Грачевский, М.Ф. Фроленко, Т.И. Лебедева, А.П. Корба, Г.П. Исаев и, возможно, М.В. Ланганс. Некоторые историки называют еще Л.А. Тихомирова, но это — ошибка. Сам Тихомиров свидетельствовал: «Я был в отъезде и приехал только 1 марта»¹⁰³⁰.

На заседании обсуждался один вопрос. Его поставила Перовская: если завтра, в воскресенье 1 марта, еще не будет заложена мина или царь не поедет в Манеж по малой Садовой, не действовать ли одними метательными снарядами? «Все присутствовавшие, — вспоминала Фигнер, — единогласно

---

¹⁰²⁹ *Ашев* Н.П. Цит. соч. С. 96.

¹⁰³⁰ ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 63. Л. 4 об.

ответили: «Действовать! Завтра во что бы то ни стало действовать!»¹⁰³¹. Откладывать попытку цареубийства до следующего воскресенья в условиях, когда — после ареста Александра Михайлова, Клеточникова и Желябова, — каждый день сулил народовольцам новые утраты, было бы опасно и неразумно.

Руководство решающим покушением на царя ИК доверил Перовской. Она после ареста Желябова фактически возглавила «Народную волю». Впервые в истории российского освободительного движения на безоговорочно первый план выступила женщина. «Любовь и революционный долг, — пишет о ней В.А. Твардовская, — слились в ее фантастическом, все-сокрушающем стремлении немедленно довести до конца дело, казавшееся наиважнейшим и как бы уже обезглавленное»¹⁰³².

В руководстве цареубийством Софья Львовна проявила необыкновенную выдержку, распорядительность и энергию. Почти всю ночь с 28 февраля на 1 марта она, вместе с Верой Фигнер, помогала Кибальчичу, Грачевскому и Суханову изготовить четыре метательных снаряда, секрет устройства которых так озадачит царских экспертов. Той же ночью была заложена мина под Малую Садовую улицу. Утром 1 марта Перовская расставила четырех метальщиков (Тимофея Михайлова, Гриневицкого, Емельянова и Рысакова) на Малой Садовой — с двух концов улицы, — т.е. на обычном пути царя из Зимнего дворца в Михайловский манеж и обратно. Царь, однако, проехал в манеж и оттуда в Михайловский дворец, к своей кухне Екатерине Михайловне, другими улицами. И вот тут Софья Львовна, «как опытный полководец, по глазомеру переменяла перед лицом неприятеля фронт»¹⁰³³: сообразив, что из Михайловского дворца в Зимний царь поедет не иначе, как по Инженерной улице и Екатерининскому каналу, она перевела метальщиков на Екатерининский канал и закрыла царю обратный путь.

¹⁰³¹ Фигнер В.Н. Цит. соч. Т. 1. С. 265.

¹⁰³² Россия в революционной ситуации на рубеже 1870–1880-х годов. Коллективная монография. М., 1983. С. 282.

¹⁰³³ Степняк-Кравчинский С.М. Избранное. С. 468.

1. Первое марта.

Сама Перовская перешла на другую сторону канала и встала там у решетки набережной так, чтобы просматривалась перед нею Инженерная улица, по которой царь должен был выехать от Михайловского дворца на канал. Она договорилась с метальщиками, что как только увидит царскую карету, даст им знать об этом, — достанет белый платок и приложит его к лицу. А пока метальщики прохаживались вдоль канала по безлюдной, как обычно, в полуденные часы набережной, завернув снаряды, — кто в салфетку, кто в полотенце, — под видом ожидающих, когда откроется баня, здесь же, поблизости.

Софья Львовна распределила метальщиков так, что первый снаряд должен был бросить Михайлов как самый опытный (он даже участвовал в предварительном испытании снарядов), а Рысакова предполагалось «поставить на последнее место», «дать ему понюхать пороху»¹⁰³⁴. Но неожиданно для Перовской (и, пожалуй, для себя самого) Михайлов вдруг почувствовал себя как метальщик неуверенно и ушел со своего поста, а трое остальных, фланируя по набережной туда-сюда, перепутали свои номера.

Около 14 часов 30 минут пополудни царская карета под охраной казачьего эскорта из шести человек выехала с Инженерной улицы на Екатерининский канал. Здесь ее ждали — по сигналу от Софьи Львовны — три оставшихся метальщика. Первым оказался на линии огня Рысаков. Он и бросил свой снаряд в царскую карету. Бросил метко. Снаряд взорвал карету и ранил несколько казаков, но Александр II вылез из разбитой кареты цел и невредим. Что могла подумать Перовская в ту минуту, глядя на такое квипрокво? — не заколдован ли «помазанник Божий»? Ведь то было уже 11-е покушение на его жизнь, считая три донародовольческих!

Сопровождавший царя полицмейстер А.И. Дворжицкий предложил: «Государь, благоволите сесть в мои сани и ехать немедленно во дворец». Александр II согласился: «Хорошо. Но прежде покажи мне преступника». Подходя к Рысакову, уже

---

¹⁰³⁴ Тырков А.В. Цит. соч. С. 272.

схваченному казаками, он произнес с облегчением: «Слава Богу, я уцелел...». Это были его последние слова. «Еще слава ли Богу!» — откликнулся Рысаков. В следующее мгновение Гриневицкий бросил свой снаряд оземь между собой и царем: снаряд поразил обоих¹⁰³⁵. Третий метальщик, Емельянов (как он рассказывал об этом позднее — уже в тюрьме — А.В. Тыркову) бросился было к Гриневицкому, «желая узнать, жив ли он и нельзя ли его спасти в суматохе, но было уже поздно. Тогда Емельянов подошел к царю и помог уложить его в сани»¹⁰³⁶...

Таким образом смертный приговор Александру II от 26 августа 1879 г. был приведен в исполнение. Вот как вспоминала об этом дне Вера Фигнер: «Конечно, как при всяком сложном замысле со многими участниками, трудно разграничить, что именно каждым внесено в общее дело; все же думается, что будет только справедливостью сказать: не будь Перовской с ее хладнокровием и несравненной обдуманностью и распорядительностью, факт цареубийства мог и не пасть на этот день. День спасла она и заплатила за него жизнью»¹⁰³⁷.

Сразу после цареубийства, в тот же день, Софья Львовна пришла на заранее назначенное свидание с «наблюдателями» — Сидоренко и Тырковым в кофейной на Владимирской улице, близ Невского. «Придя в кофейную, — вспоминал о том свидании Тырков, — я прошел в маленькую заднюю комнату, в которой и раньше встречался с Перовской. Я застал в ней студента С. (Сидоренко. — *Н.Т.*), члена наблюдательного отряда. Он тоже ждал Перовскую. Вскоре дверь открылась, и она вошла

---

¹⁰³⁵ Подробно см.: 1 марта 1881 г. Казнь императора Александра II // Документы и воспоминания. Л., 1991. С. 38–40 и др. Цареубийство не обошлось (к сожалению для цареубийц) без «посторонней» жертвы: при взрыве первого снаряда был смертельно ранен единственный оказавшийся здесь прохожий — 14-летний мальчик Николай Максимов.

¹⁰³⁶ Тырков А.В. Цит. соч. С. 274. Иван Пантелеймонович Емельянов (1860–1916) будет приговорен по делу «20-ти» в 1882 г. к смертной казни, замененной ему вечной каторгой.

¹⁰³⁷ Фигнер В.Н. Цит. соч. Т. 1. С. 276.

своими тихими, неслышными шагами. По ее лицу нельзя было заметить волнения, хотя она пришла прямо с места катастрофы. Как всегда, она была строго сосредоточена, с оттенком грусти. Мы сели за один столик и хотя были одни в этой полутемной комнате, но соблюдали осторожность. Первыми ее словами было: “Кажется, удачно, — если не убит, то тяжело ранен”. На мой вопрос: “Как, кто это сделал?” — она ответила: “Бросили бомбы: сперва Николай, потом Котик (Гриневицкий). Николай арестован. Котик, кажется, убит”¹⁰³⁸.

Цитирую далее воспоминания Тыркова: «Перовская передала мне маленькую подробность о Гриневицком. Прежде чем отправиться на канал, она, Рысаков и Гриневицкий сидели в кондитерской Андреева на Невском, против Гостиного двора, в подвальном этаже, и ждали момента, когда пора будет выходить. Один только Гриневицкий мог спокойно съесть поданную ему порцию. Из кондитерской они пошли врозь и опять встретились уже на канале. Там, проходя мимо Перовской уже по направлению к роковому месту, он тихонько улыбнулся ей чуть заметной улыбкой. Он не проявил ни тени страха или волнения и шел на смерть с совершенно спокойной душой»¹⁰³⁹.

Перовская и ее «наблюдатели» еще не знали тогда о завещании, которое Гриневицкий написал перед царевубийством. Оно их не удивило бы, — напротив, еще больше могло бы убедить в том, насколько душе Гриневицкого претил страх смерти. Вот что он завещал российским народолюбцам и тираноборцам: «Александр II должен умереть. Дни его сочтены. Мне или кому другому придется нанести последний удар, который гулко отзовется по всей России и эхом откликнется в отдаленнейших уголках ее, — это покажет недалекое будущее. Он умрет, а вместе с ним умрем и мы, его убийцы. Это необходимо для дела свободы, так как тем самым значительно пошатнется то, что хитрые люди зовут правлением монархическим, а мы — деспотизмом <...> Мне не придется участвовать в последней

---

¹⁰³⁸ Тырков А.В. Цит. соч. С. 273.

¹⁰³⁹ Там же.

борьбе. Судьба обрекла меня на раннюю гибель, и я не увижу победы, <...> но считаю, что своей смертью сделаю все, что должен был сделать, и большего от меня никто на свете требовать не может. Дело революционной партии — зажечь скопившийся уже горячий материал, бросить искру в порох, и затем принять все меры к тому, чтобы наше движение кончилось победой, а не повальным избиением лучших людей страны»¹⁰⁴⁰...

1-е марта 1881 г. всколыхнуло всех и вся — прежде всего и главным образом в Петербурге, а затем по всей России и за ее пределами. Народоволец Н.С. Русанов, близкий к таким литераторам, как Г.И. Успенский, Н.В. Шелгунов, К.М. Станюкович, навсегда запомнил, как в тот день по улицам Петербурга «бежали городовые и гвардейцы и запирали наскоро портерные, кабаки, харчевни: правительство боялось бунта и думало, что покушение было только сигналом к восстанию»¹⁰⁴¹, а когда в редакцию журнала «Дело» к Шелгунову пришла правительственная телеграмма о цареубийстве, которая начиналась словами: «Воля Всевышнего свершилась...», кто-то из журналистов сострил: «*Народная воля*» — воля Божия»¹⁰⁴².

Цареубийство, дерзко анонсированное народовольцами, дважды (19 ноября 1879 г. и 5 февраля 1880 г.) лишь чудом не удавшееся и, наконец, совершенное, как ужасался трубадур реакции М.Н. Катков, в столице империи, «на публичном проезде, среди дня, в средоточии всех властей»¹⁰⁴³, повергло в транс правительственный лагерь. «Верхи» на время потеряли ориентацию и в первые дни действовали по принципу «Спасайся, кто может!». 3 марта председатель Комитета министров граф П.В. Валуев предложил новому царю Александру III назначить регента на случай, если его тоже убьют. Царь обиделся и десять

---

¹⁰⁴⁰ Цит. по: Жуковский-Жук И.И. Игнатий Иоакимович Гриневицкий. М., 1930. С. 22–23.

¹⁰⁴¹ Русанов Н.С. Событие 1 марта и Николай Васильевич Шелгунов // Былое. 1906. № 3. С. 44.

¹⁰⁴² Там же. С. 45.

¹⁰⁴³ Московские ведомости. 1882. 1 марта (передовая статья).

1. Первое марта.

дней делал вид, что не согласится на такое самоуничижение, но 14 марта все-таки назначил регента (вел. кн. Владимира Александровича)¹⁰⁴⁴, а сам, будучи не в силах более превозмочь страх пред вездесущими террористами, сбежал из Петербурга в Гатчину.

Там, в Гатчине, «самодержец Всея Великия, Малыя и Белья Руси» обрек себя на положение «военнопленного революции», как назвали его К. Маркс и Ф. Энгельс¹⁰⁴⁵. Ничто, даже необходимость коронации, не могло заставить царя отлучиться из гатчинского бомбоубежища — больше двух лет, 26 месяцев, он правил некоронованным. Генерал А.А. Киреев 7 апреля записывал в дневнике: «Царь сидит в Гатчине безвыездно, ничего не говорит, ничем о себе не заявляет»¹⁰⁴⁶. Народ уже распускал слухи, «будто царь содержится в плену»¹⁰⁴⁷. Лишь т.н. «желтая» пресса, нарочито игнорируя политику, продолжала развлекать своих читателей вульгарно-бульварными сенсациями. Так, 6 марта 1881 г. «Санкт-Петербургские ведомости» сообщили под заголовком «Двадцать три раза замужем» о некой американке из штата Миннесота, которая «воспользовалась свободой американских нравов» и занялась «коллекционированием» мужей, из коих она «семерых схоронила и с 16-ю развелась».

Между тем аристократический Петербург был в панике. «Положение, как ни взгляни, страшное», — сокрушался официальный, близкий к царскому двору литератор Б.М. Маркевич¹⁰⁴⁸. Кн. С.М. Воронцов и редактор консервативной газеты «Русь» И.С. Аксаков просили царя перенести столицу в Москву¹⁰⁴⁹. Околотворцовые круги поговаривали «о том, что

---

¹⁰⁴⁴ Милютин Д.А. Дневник. М., 1950. Т. 4. (1881–1882). С. 28, 41.

¹⁰⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 305.

¹⁰⁴⁶ РГБ РО. Ф. 126. Карт. 2. Ед. хр. 8. Л. 227.

¹⁰⁴⁷ Милютин Д.А. Дневник. Т. 4. С. 55.

¹⁰⁴⁸ РГБ РО. Ф. 120. Карт. 28. Ед. хр. 2. Л. 45.

¹⁰⁴⁹ См.: Письмо К.П. Победоносцева из Санкт-Петербурга в Москву к Е.Ф. Тютчевой // Русский архив. 1907. № 5. С. 92.

с нигилистами не справишься и что действительно уж пусть будет по-ихнему, пусть дадут конституцию¹⁰⁵⁰. «Одна конституция может спасти ныне Россию!» — восклицал петербургский губернский предводитель дворянства, родственник царя, внук внебрачного сына Екатерины Великой А.Г. Бобринского, А.А. Бобринский¹⁰⁵¹. «Наше правительство теряет голову», — считал в те дни адмирал И.А. Шестаков¹⁰⁵². Обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев и главный «трубадур» реакции М.Н. Катков с прискорбием констатировали «маразм власти»¹⁰⁵³.

Действительно, такой паники в «верхах», как в 1881 г., когда вся страна была объявлена на осадном положении, придворная знать жила в пароксизме страха, министры лихорадочно искали рецепты «спасения» империи, один царь был убит, а другой бросил столицу и укрылся в предместном замке, где и прозябал, словно в одиночном заключении, — такого Россия не знала за все время правления династии Романовых ни раньше, ни позже, вплоть до 1905 г. Другое дело, что в 1861 г. царизм пошел на большие уступки. Ведь в 1881 г., через 20 лет после отмены крепостного права, самодержавию в сущности нечего было уступать, кроме... самодержавия. Теперь ему приходилось, как заметил Ф. Энгельс, «уже подумывать о возможности капитуляции и об ее условиях»¹⁰⁵⁴. Если в 1861 г. царизм решал задачу «уступить и остаться», то теперь оказался перед вопросом «*быть или не быть*»...

Итак, одна из двух функций «красного» террора, а именно дезорганизация правительства, «Народной воле» удалась. Момент был удобен для того, чтобы ударить по самодержавию и если не свергнуть его, то для начала вырвать у «верхов»

¹⁰⁵⁰ РГБ РО. Ф. 126. Карт. 2. Ед. хр. 8. Л. 210.

¹⁰⁵¹ Бобринский А.А. Воспоминания // Каторга и ссылка. 1931. № 3. С. 105.

¹⁰⁵² РНБ РО. Ф. 856. Ед. хр. 7. Л. 1.

¹⁰⁵³ Московские ведомости. 1881. 16 апреля (передовая статья). Ср.: Русский архив. 1907. № 5. С. 90.

¹⁰⁵⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 451.

1. Первое марта.

уступки, более выгодные «низам», чем ублюбочная «конституция» Лорис-Меликова. Но в этот выигрышный момент у народных масс не оказалось сил, которые можно было бы бросить в решающий бой. Вопреки их надеждам и ожиданиям, народные массы революционно не всколыхнулись.

Брожение умов в «низах» после цареубийства стало явно сильнее. Рабочие и крестьяне начали сознавать неустойчивость власти и авторитета царя. Только за восемь месяцев 1881 г. (с 1 марта по 1 ноября) власти рассмотрели до 4 тыс. дел об «оскорблении Величества», т.е. в три раза больше обычного¹⁰⁵⁵. В архивах царского сыска хранятся сотни откликов на цареубийство крестьян Петербургской, Московской, Казанской, Нижегородской, Саратовской, Харьковской, Одесской, Минской и многих других губерний: «собаке — собачья смерть», «так и нужно, чтобы меньше вешал», «одного убили, и этого убьют, тогда, может, лучше будет жить», «нехай убивают царей; одного убили, другого убьют, всех побьют, тогда будут цари из нашего брата», «во имя Отца убили отца, во имя Сына надо бы — и сына, во имя Святого духа — чтоб не было Романовых и духа» и т.д.¹⁰⁵⁶. Но все это затронуло лишь ничтожно малую часть многомиллионных рабоче-крестьянских масс. Возбудить в них именно *массовый* революционный подъем (что составляло вторую из двух главных функций «красного» террора) народолюбцам не удалось. Крестьянское и рабочее движение в целом с 1881 г. уже шло на убыль. «Больше ничего не было — ни баррикад, ни революции», — с грустью вспоминала о том времени народоволка В.И. Дмитриева¹⁰⁵⁷.

Не проявила тогда должной активности и либеральная оппозиция. Большей частью она пассивно пребывала «в уверенности какого-то близкого переворота, в близости тем или

---

¹⁰⁵⁵ Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 145, 170.

¹⁰⁵⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 540. Д. 8. Л. 16; Д. 30. Л. 200; Д. 33. Л. 297; Д. 62. Л. 8, 42, 206 и др.; ГАСО. Ф. 9. Оп. 1. Дела об «одобрительных высказываниях» по поводу цареубийства: 231, 244, 246, 247, 257, 258, 262 и др.

¹⁰⁵⁷ Дмитриева В.И. Так было (Путь моей жизни). М.; Л., 1930. С. 201.

иным путем конституции»¹⁰⁵⁸. По подсчетам авторитетного историка и писателя Д.Л. Мордовцева, в первые мартовские недели 1881 г. из 288 органов российской печати только 8 (3 — в Москве, 2 — в Петербурге, 3 — в провинции) занимали охранительно-реакционные позиции, а 280 — просили реформ¹⁰⁵⁹. Но дальше верноподданнических просьб российские либералы даже в условиях послемартовского «маразма власти» не пошли.

ИК мог учесть в то время и реакцию мировой общественности на содеянное им 1 марта. Эхо от взрывов на Екатерининском канале «града Петрова» прокатилось по всему миру. Русская политическая эмиграция почти единодушно приветствовала казнь царя — «Вешателя». П.А. Кропоткин в № 2 своей газеты «Le Revolte» от 18 марта 1881 г. заявил: «Теперь цари будут знать, что нельзя безнаказанно угнетать народ, нельзя безнаказанно попираť народные права <...> Событие 1 марта — огромный шаг к грядущей революции в России»¹⁰⁶⁰. В поддержку цареубийц выступили социалисты и либералы Старого и Нового света — в частности, Луиза Мишель и Анри Рошфор во Франции, Джон Морли в Англии, Август Бебель и Иоганн Мост в Германии, Захар Стоянов в Болгарии, Вильгельм-Людвиг Флерон в Дании, Хоакин Миллер в США, Карл Маркс и Фридрих Энгельс¹⁰⁶¹.

Даже правая, враждебная ко всем и всяким революционерам, европейская пресса признавала их силу и авторитет в России. Агент ИК в Лондоне Л.Н. Гартман 1 мая 1881 г. сообщал

---

¹⁰⁵⁸ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М.; Л., 1927. С. 97. О том же: Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 118.

¹⁰⁵⁹ Неделя. 1881. № 16. С. 559–561. Нельзя принять голословный тезис В.В. Леонтовича о том, что российская общественность была тогда охвачена «глубоким чувством стыда» (? — Н.Т.) и печали», а потому ей «казалось невозможным ожидать от царя продолжения реформ» (*Леонтович В.В. История либерализма в России*. М., 1995. С. 333).

¹⁰⁶⁰ 1 марта 1881 г. М., 1933. С. 124.

¹⁰⁶¹ См.: Там же. С. 232–233, 281, 286–287; Волк С.С. «Народная воля» (1879–1882). М.; Л., 1966. С. 131–132.

1. Первое марта.

о влиятельных английских газетах «Standart», «Daily Telegraph» и «Globe»: «В них каждый день и по сей час — огромные корреспонденции из России, переданные по телеграфу (в две-три тысячи строк), и передовые статьи, выставяющие нигилистов и Исполнительный комитет чем-то *всемогущим в России*»¹⁰⁶². Император Германии Вильгельм I (дядя Александра III) и тот советовал своему племяннику откупиться от «нигилистов» конституцией — лишь, по возможности, самой куцей¹⁰⁶³. Все это совокупно подтверждало, сколь выигрышным был момент после царевубийства для решающего удара по самодержавию.

Рядовые народовольцы в те мартовские дни были настроены по-боевому, готовились действовать и ждали сигнала из центра. Член ИК Ольга Любатович, находившаяся тогда в Минске, вспоминала, что местные революционеры расспрашивали ее: «Почему молчит Россия? Что делать? Не устроить ли какую-нибудь демонстрацию» или даже «вооруженное нападение»?¹⁰⁶⁴. В Москве точно так же «со всех сторон требовали объяснений» у Марии Ошаниной, возглавлявшей московскую организацию «Народной воли»: что будет дальше и «чем можно быть полезным?»¹⁰⁶⁵. В Петербурге особенно возбуждены были распропагандированные рабочие, которые (напомню читателю) обращались к Перовской: «Что нам теперь делать? Веди нас, куда хочешь!» В ряде мест народовольцы действовали, не дожидаясь указаний ИК: в Москве¹⁰⁶⁶, Казани, Нижнем Новгороде, Перми разбрасывались революционные прокламации¹⁰⁶⁷. Власти боялись, что с такими прокламациями народовольцы пойдут «в народ», ибо, как писал Александру III

---

¹⁰⁶² Красный архив. 1931. Т. 2. С. 147. Курсив мой. — Н.Т.

¹⁰⁶³ Конституция гр. Лорис-Меликова и его частные письма. Берлин, 1904. С. 68–70.

¹⁰⁶⁴ Любатович О.С. Далекое и недавнее. М., 1930. С. 93.

¹⁰⁶⁵ К истории партии «Народной воли». «Показания» М.Н. Полонской // Былое. 1907. № 6. С. 8–9.

¹⁰⁶⁶ См.: ГИАМО. Ф. 16. Оп. 113. Д. 251. Л. 2, 15.

¹⁰⁶⁷ См.: Волк С.С. Указ. соч. С. 126–127.

К.П. Победоносцев, «народ возбужден, озлоблен, и если еще продлится неизвестность, можно ожидать бунтов и кровавой расправы»¹⁰⁶⁸ ...

Как же повел себя в этой взрывоопасной ситуации Исполнительный комитет? Он ограничился распространением прокламаций. Первая из них была напечатана уже 1 марта. В ней говорилось: «Напоминаем Александру III, что всякий насилователь воли народа есть народный враг и тиран. Смерть Александра II показала, какого возмездия достойна такая роль»¹⁰⁶⁹. В следующие дни ИК выступил с прокламациями «Честным мирянам, православным крестьянам и всему народу русскому», «От рабочих, членов партии “Народная воля”», «Европейскому обществу», а 10 марта обнародовал историческое «Письмо Исполнительного комитета Александру III». В обсуждении текста этих документов ИК участвовала Перовская.

Обратиться к новому царю с письмом-ультиматумом ИК решил сразу же после цареубийства. Проекты письма подготовили Лев Тихомиров и Михаил Грачевский. На заседаниях 7 и 8 марта ИК их обсудил. Участвовали в обсуждении, кроме Тихомирова и Грачевского, С.Л. Перовская, Н.Е. Суханов, М.Ф. Фроленко, Т.И. Лебедева, А.П. Корба, Г.П. Исаев и С.С. Златопольский. За основу был принят проект Тихомирова, в который внесли ряд поправок — главным образом от Перовской и Суханова¹⁰⁷⁰. Здесь же члены ИК поручили Тихомирову ознакомиться с текстом письма Н.К. Михайловского (как «внештатного» редактора газеты¹⁰⁷¹ «Народная воля»), который, по словам Тихомирова, «дал лестный отзыв о рукописи и сделал в ней лишь одну или две стилистические поправки». 10 марта окончательный вариант письма был утвержден на очередном

¹⁰⁶⁸ Письма К.П. Победоносцева к Александру III. М., 1925. Т. 1. С. 316–317.

¹⁰⁶⁹ РН. Т. 2. С. 233.

¹⁰⁷⁰ См.: *Прибылева-Корба А.П.* «Народная воля». Воспоминания о 1870–1880-х гг. М., 1926. С. 58.

¹⁰⁷¹ Здесь, по сравнению с предыдущими заседаниями, присутствовала В.Н. Фигнер, но уже не было Перовской, арестованной утром 10 марта.

1. Первое марта.

заседании ИК и в тот же день напечатан. Один экземпляр его, отпечатанный на веленовой бумаге, народовольцы вложили в конверт с титлами Александра III и опустили в почтовый ящик у здания Городской Думы на Невском проспекте¹⁰⁷². Остальные распространялись и по России и за границей. Всего, по данным Календаря «Народной воли», «Письмо ИК Александру III» выдержало три издания общим тиражом в 13 тыс. экземпляров. Летом 1881 г. «полиция находила его повсеместно»¹⁰⁷³.

В этом обращении к новому царю¹⁰⁷⁴ ИК вновь заявил о своей готовности прекратить «вооруженную борьбу», как он делал это ранее, в прокламациях от 22 ноября 1879 г. и 7 февраля 1880 г., обращаясь к Александру II после очередных покушений на него. Повторил ИК и главное условие своего «разоружения» — отказ самодержца от верховной власти в пользу Учредительного собрания. «Надеемся, что чувство личного озлобления не заглушит в Вас сознания своих обязанностей, — гласит «Письмо ИК Александру III». Озлобление может быть и у нас. Вы потеряли отца. Мы теряли не только отцов, но еще братьев, жен, детей, лучших друзей. Но мы готовы заглушить личное чувство, если того требует благо России. Ждем того же и от Вас». ИК убеждал царя в тщетности любых попыток искоренить революционное движение: «революционеры создают обстоятельства, всеобщее недовольство народа, стремление России к новым общественным формам. Весь народ истребить нельзя <...> Поэтому на смену истребленным постоянно выдвигаются из народа все в большем количестве новые личности, еще более озлобленные, еще более энергичные». ИК ставил царя перед дилеммой: «или революция, совершенно неизбежная, которую нельзя предотвратить никакими казнями, или добровольное обращение верховной власти к народу (курсив мой. — Н.Т.). В интересах родной страны, <...> во избежание тех

---

¹⁰⁷² Прибылева-Корба А.П. Указ. соч. С. 59.

¹⁰⁷³ Елпатьевский С.Я. Воспоминания за 50 лет. Л., 1929. С. 128–129

¹⁰⁷⁴ Текст его см.: РН. Т. 2. С. 191–195.

страшных бедствий, которые всегда сопровождают революцию, Исполнительный комитет обращается к Вашему Величеству с советом избрать второй путь».

К несчастью для России, Александр III, который даже «конституцию» Лорис-Меликова посчитал неприемлемо «фантастической»¹⁰⁷⁵, избрал первый путь, в конце которого ждала царизм расплата, точно предсказанная в «Письме ИК»: «страшный взрыв, кровавая перетасовка, судорожное революционное потрясение всей России»¹⁰⁷⁶...

Сдержанный, полный достоинства и силы тон «Письма ИК Александру III», а главное, его политический анализ и прогноз ситуации в России произвели большое впечатление не только на революционное подполье¹⁰⁷⁷, но также и на российскую и зарубежную общественность. Ф. Энгельс говорил Г.А. Лопатину: «И я, и Маркс находим, что письмо Комитета к Александру III положительно прекрасно по своей политичности и спокойному тону. Оно доказывает, что в рядах революционеров находятся люди с государственным складом ума»¹⁰⁷⁸. Даже консервативный лондонский «Таймс» не без уважения назвал «Письмо ИК» «самой смелой и страшной “петицией о правах”»¹⁰⁷⁹, уподобив его той «Петиции о правах», которую парламент Англии навязал королю Карлу I в преддверии революции 1640–1649 гг. Казалось, партия, обратившаяся к самодержцу с такой «петицией» и в таком тоне, очень сильна и способна на дела, адекватные ее слову. Но таких дел не последовало.

---

¹⁰⁷⁵ Помета Александра III на первой странице лорис-меликовского проекта // Былое. 1918. № 4–5. С. 162.

¹⁰⁷⁶ РН. Т. 2. С. 193.

¹⁰⁷⁷ Александр Михайлов, к тому времени уже арестованный, назвал «Письмо» «венцом Исполнительного комитета и в литературном, и в практически-программном смысле» (Письма народовольца А.Д. Михайлова. М., 1933. С. 216).

¹⁰⁷⁸ Письмо Г.А. Лопатина о беседе с Ф. Энгельсом о России // Голос минувшего. 1923. № 2. С. 148. Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35. С. 147–148.

¹⁰⁷⁹ 1 марта 1881 г. М., 1933. С. 250.

2. Арест

Сами народовольцы упрекали тогда ИК в нерешительности. Однако, Комитет был, по-своему, прав, воздерживаясь от боевых акций. Еще в первой половине февраля 1881 г. он обсуждал возможность антиправительственного восстания и, посчитав свои силы, признал, что такой возможности пока нет¹⁰⁸⁰. После 1 марта пассивность «низов» и либеральной оппозиции не прибавила ему оптимизма. Поэтому ИК и действовал в те дни осмотрительно, по ситуации.

2. Арест

Софья Перовская все дни после 27 февраля, когда она поняла, что арестован Желябов, и до своего ареста 10 марта, — даже в день царевубийства, когда она проявила, казалось, сверхчеловеческую энергию, — постоянно ощущала, и физически, и психологически, недомогание. «Говорили, — вспоминал о тех днях Аркадий Тырков, — что она была больна», и действительно, «с трудом ходила, но оставалась все такой же сдержанной и спокойной на вид, глубоко хороня в себе свои чувства». Далее Тырков рассказывает, как 3 марта они с Перовской шли по Невскому проспекту. «Мальчишки-газетчики шныряли и выкрикивали какое-то новое правительственное сообщение о событиях дня; “новая телеграмма о злодейском покушении...” и т.д. Около них собралась толпа и раскупала длинные листки. Мы тоже купили себе телеграмму. В ней сообщалось, что недавно арестованный Андрей Желябов заявил, что он организатор дела 1 марта. До сих пор можно было еще надеяться, что Желябов не будет привлечен к суду по этому делу. Хотя правительство и знало, что он играет крупную роль в делах партии, но для обвинения по делу 1 марта у него еще

---

¹⁰⁸⁰ Вера Фигнер называет здесь цифру «500 человек», явно имея в виду партийный актив как организаторов восстания, а не общую численность всех местных и специальных организаций «Народной воли» (Фигнер В.Н. Цит. соч. Т. 1. С. 260–261).

не могло быть улики против Желябова. Из телеграммы было ясно, что теперь участь Желябова решена»¹⁰⁸¹.

Да, Желябов, как только он узнал, в ночь с 1 на 2 марта, о цареубийстве и об аресте одного Рысакова, тотчас направил из тюрьмы прокурору Петербургской судебной палаты следующее заявление с пометкой на конверте: «очень нужное»: «Если новый государь, получив скипетр из рук революции, намерен держаться в отношении цареубийц старой системы; если Рысакова намерены казнить, было бы вопиюще несправедливостью сохранить жизнь мне, многократно покушавшемуся на жизнь Александра II и не принявшему физического участия в умерщвлении его лишь по глупой случайности. Я требую приобщения себя к делу 1-го марта и, если нужно, сделаю уличающие меня разоблачения. Прошу дать ход моему заявлению. Андрей Желябов. 2 марта 1881 г. Д[ом] П[редварительного] закл[ючения]».

Опасаясь отказа властей и как бы подзадоривая их принять его заявление, Желябов приписал в постскриптуме: «Только трусостью правительства можно было бы объяснить *одну* виселицу, а не *две*»¹⁰⁸².

Это заявление Желябов написал сразу же после очной ставки с Рысаковым, заключив, что для столь ответственного судебного процесса «Народной воли», как процесс о цареубийстве, Рысаков — фигура слишком мелкая и ненадежная, хотя о предательстве Рысакова он еще не знал.

Возвращаюсь к воспоминаниям А.В. Тыркова о встрече его с Перовской 3 марта. «Даже в этот момент, полный страшной для нее неожиданности, Софья Львовна не изменила себе. Она только задумчиво опустила голову, замедлила шаг и замолчала. Шла, не выпуская из руки телеграммы, с которой как будто не хотела расстаться. Я тоже молчал, боялся заговорить, зная, что она любит Желябова. Она первая нарушила

¹⁰⁸¹ Тырков А.В. Цит. соч. С. 274.

¹⁰⁸² Показания первомартовцев. Из актов предварительного следствия // Былое. 1918. № 4–5. С. 279.

2. Арест

молчание. На мое замечание: “Зачем он это сделал?” — она ответила: “Верно, так нужно было”¹⁰⁸³.

Вероятно, в тот момент Перовская еще только обдумывала смысл самопожертвования Желябова. Но уже через несколько дней на тот же вопрос Анны Михайловны Эпштейн (своей сподвижницы по Большому обществу пропаганды, жены Д.А. Клеменца) она ответила «следующими точными словами: “Иначе нельзя было. Процесс против одного Рысакова вышел бы слишком бледным”»¹⁰⁸⁴. Именно так мог думать и говорить в те дни сам Желябов. Революционный долг был для него (как, впрочем, и для Перовской) превыше всего. Жертвывая собой, он, конечно же, понимал, что тем самым зовет и Софью Львовну следовать его примеру. В.Г. Короленко так и сказал о Желябове: «Вместе с собой он взводил на плаху любимую женщину, Софью Перовскую»¹⁰⁸⁵. Но поступить иначе он не мог, а что касается ее, то она, как мы видим, жертву любимого мужчины поняла и зов его приняла, — оба они знали, что рано или поздно им плахи не миновать, и заранее смирилась с такой неизбежностью.

Разумеется, сознание фатальной обреченности не могло тогда заглушить в Перовской (как и в Желябове) простых человеческих чувств. Все время от ареста Желябова до собственного ареста Софья Львовна переживала день за днем, час за часом, судя по воспоминаниям близких к ней людей, психологически даже более мучительно, чем впоследствии суд и казнь. Тот же А.В. Тырков навсегда запомнил, с какой страстью она искала хотя бы самую малейшую возможность спасти Желябова: «как человек, не привыкший опускать руки, она хотела испробовать все средства. Она искала лазейки в Окружной суд, где предполагалось заседание суда. Мы искали свободную квартиру около III отделения (т.е. уже Департамента полиции. — *Н.Т.*). Тут она

---

¹⁰⁸³ Тырков А.В. Цит. соч. С. 274.

¹⁰⁸⁴ Степняк-Кравчинский С.М. Избранное. С. 522. Кравчинский подробно излагает здесь, на с. 518–523, рассказ Анны Эпштейн о ее встречах с Перовской в марте 1881 г. — рассказ, к которому мы еще вернемся.

¹⁰⁸⁵ Короленко В.Г. История моего современника. М., 1965. С. 736.

имела в виду устроить наблюдательный пункт и, вероятно, при выезде Желябова из ворот здания III отделения надеялась организованным нападением освободить его. Не помню, что она еще придумывала. Нигде ничего не устраивалось. Отговаривать ее было совершенно бесполезно, — она все равно стала бы делать по-своему. В этих поисках и суете она хоть немного забывалась. Поэтому я беспрекословно исполнял все ее поручения, ходил с ней повсюду, куда она меня вела. Тогда говорили: “Соня потеряла голову”. Она действительно потеряла всякое благоразумие <...> Она вилась, как вьется птица над головой коршуна, который отнял у нее птенца, пока сама не попала ему в когти»¹⁰⁸⁶.

И без того опасное положение всех нелегалов усугублялось в связи с вакханалией репрессий, охвативших после 1 марта 1881 г. главным образом, естественно, Петербург. Царское правительство, «ошеломленное, разъяренное, — читаем в № 1 Листка «Народной воли» за 1881 г., — кинулось искать врага по улицам и домам Петербурга. Кто пережил в Петербурге дни, наступившие за 1-м марта, не забудет зрелища бесчисленных правительственных агентов, шпионов и полицейских, рыщущих по городу, высматривающих, выслушивающих и хватающих. Без преувеличения можно сказать, что в те дни брали людей, потому что они шли, потому что стояли, потому что взглянули, потому что не посмотрели и проч.»¹⁰⁸⁷.

Первыми жертвами этой вакханалии стали хозяева конспиративной квартиры Исполнительного комитета на Тележной улице (д. № 5 и кв. № 5), агенты ИК Геся Мировна Гельфман (жена члена ИК Н.Н. Колодкевича) и Николай Алексеевич Саблин — поэт, автор поэмы «Малюта Скуратов» и остросатирического стихотворения «Голуби», балагур и весельчак, любимец народовольцев. Квартиру выдал Рысаков в показании 2 марта¹⁰⁸⁸ (далее он выдавал всех и вся — до,

¹⁰⁸⁶ Тьрков А.В. Цит. соч. С. 275.

¹⁰⁸⁷ Литература партии «Народная воля». С. 125.

¹⁰⁸⁸ Показания первомартовцев. С. 238, 242. Полный текст предательских показаний Рысакова с 1 марта по 2 апреля см.: Там же. С. 234–277, 307–310.

2. Арест

во время и после суда над первомайцами, вплоть до дня казни, каковой он был предан, несмотря на его всепоглощающее предательство).

Итак, в ночь со 2-го на 3 марта полиция нагрянула в дом № 5 на Тележной. Пока она взламывала дверь 5-й квартиры, Саблин сделал три выстрела (не в жандармов!), чтобы их грохотом предупредить соседей и, главное, товарищей, которые могли прийти в квартиру, а последним выстрелом покончил с собой. Его друзья потом вспоминали, что он «обдумал и решил это наперед», не желая переживать последующей «трагикомедии суда и казни»¹⁰⁸⁹. Геся Гельфман была арестована под собственным именем, но назвать Саблина отказалась. Его опознал родной брат, подполковник лейб-гренадерского полка И.А. Саблин, на что Александр III отреагировал со злобной радостью: «Приятно иметь такого брата»¹⁰⁹⁰. 3 марта царь узнал еще одну приятную для него новость: метальщик Тимофей Михайлов утром того же дня пришел в квартиру на Тележной, где уже была готова засада, и — после вооруженного сопротивления (сделал шесть выстрелов из револьвера, ранив двух городских), — был арестован...

После трагедии на Тележной улице, в условиях, когда след царским ищейкам указывал не только Окладский, но и еще более осведомленный Рысаков, Перовская оставалась на свободе только семь дней. Каждый из них был для нее полон забот, надежд и смертельных угроз. Вся в поисках средств к освобождению Желябова, она находила время и возможность для прочих дел, включая ответственные поручения Исполнительного комитета. Мало того, что она до своего ареста участвовала в обсуждении всех документов ИК, а текст прокламации «Честным мирянам, православным крестьянам и всему народу русскому» (с призывом требовать от нового царя, чтобы

---

¹⁰⁸⁹ Подробно об этом см.: *Михайлов Б.Г.* Агент Исполнительного комитета «Народной воли» Н.А. Саблин // Освободительное движение в России. Саратов, 1981. Вып. 10. С. 80–82.

¹⁰⁹⁰ Там же. С. 81.

его советниками были «не господа, а выборные люди от всего народа»¹⁰⁹¹) подготовила сама, вместе с Ю.Н. Богдановичем и Г.П. Исаевым. Она работала и в специальном бюро ИК, «располагавшем грудой адресов, по которым оно рассылало прокламации во все концы и закоулки России»¹⁰⁹².

«Узнав о близкой, неминуемой казни дорогого человека, — писал о Софье Львовне С.М. Кравчинский со слов очевидцев, — она ни на мгновение не оставляет строя: она рыскает по городу, имея до семи свиданий в день; спокойная и бодрая, она ведет по-прежнему дела, и никому из видевших ее в эти ужасные дни не приходит в голову, какая бесконечная мука таится в ее груди»¹⁰⁹³.

Ознакомимся с подробными свидетельствами двух очевидцев тех «ужасных дней». Слово — Вере Николаевне Фигнер. «В те дни я познала всю ее деликатность и бескорыстную заботу о товарищах. Дело состояло в следующем: после ареста Желябова 27 февраля квартира его и Перовской 28-го была очищена от нелегального имущества и покинута. С этого дня и до 10 марта, когда Перовскую арестовали, она ночевала то у одних, то у других друзей. При тогдашних обстоятельствах такое наименование своего угла было особенно тягостно и совершенно не вызывалось необходимостью, так как мы имели несколько общественных квартир, где каждый товарищ мог считать себя равноправным хозяином и быть как у себя дома <...> “Верочка, можно у тебя ночевать?” — спросила Перовская за день или два до ее ареста. Я смотрела на нее с удивлением и упреком: “Как это ты спрашиваешь? Разве можно об этом спрашивать?!” — “Я спрашиваю, — сказала Перовская, — потому что если в дом придут с обыском и найдут меня, тебя повесят”. Обняв ее и указывая на револьвер, который лежал у изголовья моей постели, я сказала: “С тобой или без тебя, если придут, я буду стрелять”»¹⁰⁹⁴.

¹⁰⁹¹ РН. Т. 2. С. 234.

¹⁰⁹² Тьрков А.В. Цит. соч. С. 276.

¹⁰⁹³ Степняк-Кравчинский С.М. Избранное. С. 466.

¹⁰⁹⁴ Фигнер В.Н. Цит. соч. Т. 1. С. 278–279.

2. Арест

Здесь же Вера Николаевна вспоминает такую подробность, характерную для Софьи Львовны: «Перовская согласно идеалам нашей эпохи была великой аскеткой. Я уж не говорю о скромности всего домашнего обихода повседневной жизни, но вот характерный образчик ее отношения к общественным деньгам. В один из мартовских дней она обратилась ко мне: “Найди мне рублей 15 займы. Я истратила их на лекарство — это не должно входить в общественные расходы. Мать прислала мне шелковое *sorti de bal*; портниха продаст его, и я уплачу долг”. До такого ригоризма у нас, кажется, еще никто не доходил»¹⁰⁹⁵.

Обратимся теперь к рассказу Анны Михайловны Эпштейн о последних днях Софьи Львовны перед ее арестом¹⁰⁹⁶. «За два или за три дня до 1 марта», как вспоминала Эпштейн, у нее была короткая деловая встреча с Перовской. Перед уходом Софья Львовна сказала, что еще повидается с Анной Михайловной, «если будет “жива”». И вот через несколько дней друзья Эпштейн дали ей знать, что Перовская ждет ее в условленном месте. Цитирую далее подробный рассказ Эпштейн об этой и следующих (последних) ее встречах с Перовской.

«Я чуть не подпрыгнула от радости. Соня была “жива” и, очевидно, собиралась ехать за границу. Мне и в голову не приходило, что я могу быть нужна ей для чего-нибудь другого, так как переправа через границу составляла мою давнишнюю и единственную специальность.

С такими розовыми мыслями вошла я в комнату, где меня ожидала Перовская. Она встала мне навстречу. Я начала с того, как я рада, что она, наконец, решилась ехать за границу.

---

¹⁰⁹⁵ Фигнер В.Н. Цит. соч. Т. 1. С. 278.

¹⁰⁹⁶ См.: Степняк-Кравчинский С.М. Избранное. С. 518–523. Рассказ А.М. Эпштейн (под именем «Рины») составил основу целой главы «Поездка в Петербург» в знаменитой книге Кравчинского «Подпольная Россия». Очень понравился этот рассказ И.С. Тургеневу: «Особенно хорошо рассказаны ощущения Перовской после ареста Желябова» (цит. по: Таратута Е.А. С.М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. М., 1973. С. 282).

Она вытаращила на меня глаза, точно я сказала величайшую нелепость. Поняв свою ошибку, я начала просить, умолять ее оставить Петербург, где ее так сильно искали. Я не подозревала даже в то время о том, какую роль она играла в деле Первого марта, но ее участие в московском покушении было уже рассказано Гольденбергом, как о том печатали все газеты, и этого, по-моему, было за глаза довольно, чтобы оставить Петербург в такое время.

Но на все мои доводы и просьбы она отвечала категорическим отказом.

— Нельзя оставить город в такую важную минуту. Теперь здесь столько работы, — нужно видеть такое множество народу.

Она была в большом энтузиазме от грозной победы партии, верила в будущее и видела все в розовом свете.

Чтобы положить конец моим просьбам, она объявила, зачем позвала меня. Ей хотелось узнать что-нибудь о процессе цареубийц. Дело шло о том, чтобы сходить к одной высокопоставленной особе, “генералу”, человеку, служившему в высшей полиции, который, без сомнения, мог дать нам сведения о процессе, хотя следствие по нем велось в величайшей тайне. Этот человек не состоял в правильных сношениях с революционерами. Но случайно я была с ним знакома несколько лет тому назад. Вот почему Перовская подумала обо мне. Вопрос касался ее очень близко. Человек, которого она любила, находился в числе обвиняемых. Хотя страшно скомпрометированный, он случайно не принимал прямого участия в деле Первого марта. И она надеялась.

Я сказала ей, что пойду охотно не только к своему “генералу”, но, если она находит это нужным, даже к своему “жандарму”, с которым несколько лет тому назад я вела сношения по переписке с заключенными. Но на последнее Перовская не согласилась, говоря, что мой жандарм прервал всякие сношения с революционерами и, наверное, выдаст меня полиции или же, если побоится моих разоблачений, выпустит за мною следить целую свору шпионов. Во всяком случае, ничего не скажет, да, может быть, и сам ничего не знает. С “генералом” же, напротив, бояться было нечего, потому что лично он был

2. Арест

неспособен на подлость и в глубине души сочувствовал, до известной степени, революционерам. Было решено, что завтра в десять часов я пойду к генералу. Перовская хотела иметь ответ как можно скорее. Но, несмотря на все старания, никак не могла назначить свидание раньше *шести часов вечера*. Когда же я выразила свое удивление, она рассказала мне распределение своего времени: оказалось, что на завтра у нее *семь свиданий*, и все в противоположных концах города.

По окончании наших переговоров Перовская позвала молодого человека, члена семейства, где было наше свидание, и послал его в адресный стол взять адрес моего генерала. Девушка, приятельница хозяйки, была послана Перовскою искать мне ночлег, так как я сказала ей, что у меня его нет.

Мы опять остались одни, и я снова принялась упрашивать ее уехать за границу. Предлагала ей, если она считает невозможным оставить Россию надолго, уехать в какой-нибудь из маленьких пограничных городков, где мы можем прожить с ней две-три недели. Она ничего не хотела слышать и смеялась над моей трусостью, но добродушно. Затем она переменяла разговор. Она сказала мне, кто был молодой человек, убитый взрывом бомбы, которую он бросил к ногам царя. Сказала также, что застрелившийся на Тележной улице был Николай Саблин, которого я когда-то знавала. Мороз пробежал у меня по коже при этом известии.

Когда вернулась барышня, посланная искать мне ночлег, мы расстались. Перовская спросила, не нужно ли мне денег, чтобы одеться приличней, прежде чем идти к генералу. На этот раз денег у нее были полные карманы (вероятно, портниха продала ее *sorti de bal*. — *Н.Т.*), но я сказала ей, что мне ничего не нужно, потому что со мной было довольно приличное платье.

На другой день я отправилась к генералу, который принял меня гораздо лучше, чем я ожидала, и сообщил самые точные и подробные сведения о деле. Но как они были печальны! Участь Желябова, как и всех прочих подсудимых, была бесповоротно решена. Процесс должен был совершиться только *pro forma*, для публики.

С такими-то сведениями пришла я к шести часам на свидание. Перовская явилась только в девять. Я вздохнула свободно, завидевши ее в дверях. Лица у нас обеих были нельзя сказать чтобы особенно хорошие: у меня от мучения, причиненного мне ее поздним приходом, у нее, как она говорила, от большой усталости, а быть может, и от чего-нибудь другого. Нам принесли самовар и оставили одних. Без всяких предисловий я передала ей, что знала. Я не видела ее лица, потому что смотрела в землю. Когда я подняла глаза, то увидела, что она дрожит всем телом. Потом она схватила меня за руки, стала нагибаться ниже и ниже и упала ничком, уткнувшись лицом в мои колени. Так оставалась она несколько минут. Она не плакала, а вся дрожала. Потом она поднялась и села, стараясь оправиться, но снова судорожным движением схватила меня за руки и стала сжимать их до боли...

<...> Генерал сообщил мне многие подробности относительно гордого и благородного поведения Желябова. Когда я рассказывала это Перовской, то заметила, что глаза ее загорелись, и румянец вернулся на ее щеки. Очевидно, это доставляло ей большое удовольствие. Генерал сказал мне также, что обвиняемые знают об ожидающей их участи и выслушали известие о близкой смерти с поразительным спокойствием и хладнокровием. Услышав это, она вздохнула. Мучилась она ужасно; ей хотелось плакать, но она сдерживалась. Однако была минута, когда глаза ее подернулись слезой.

В эти дни по городу ходили уже упорные слухи, что Рысаков выдает. Но генерал отрицал это, не знаю почему. Помню, что я обратила ее внимание на это противоречие, чтобы вывести заключение, что, может быть, генерал и сам не знает всего. Мне попросту хотелось успокоить ее так или иначе, но она отвечала мне:

— Нет, я уверена, что все это так, потому что и тут он, должно быть, прав. Я знаю Рысакова и убеждена, что он ничего не скажет. Михайлов тоже.

<...> Мы оставались вдвоем почти до полуночи. Она хотела уйти раньше, но была так утомлена, что едва держалась на ногах. На этот раз она говорила мало, кратко и отрывисто.

2. Арест

Перовская обещала прийти завтра в тот же дом между двумя и тремя часами. Я пришла в половине третьего. Она была, но ушла, не дождавшись меня, потому что ей было очень некогда. Так мы больше и не увиделись. Два дня спустя она была арестована».

Один факт из всего рассказанного здесь Анной Эпштейн, нуждается в комментариях. Почему Перовская была так уверена, что Рысаков не станет предателем, что он «ничего не скажет»? Ведь она судила о людях очень проникательно: и к А.В. Низовкину в Большом обществе пропаганды отнеслась с недоверием, и С.П. Дегаеву в «Народной воле» с самого начала не вполне доверяла. Вот как вспоминал о Дегаеве (еще не предателе) член Военной организации «Народной воли» Е.А. Серебряков: «В нем как-то сказывалось, что преданность делу и партии у него только *головная*, а сердце, если и принимает в этом участие, то уж очень мало, и невольно чувствовалось, что он *единомышленник*, а не *товарищ*. В этом мнении, между прочим, сходились Софья Львовна Перовская и Суханов»¹⁰⁹⁷. Ответ на поставленный здесь вопрос очевиден: Рысакову доверял Желябов, рекомендовавший его в отряд метальщиков, и для Перовской эта рекомендация была гарантией революционной надежности Рысакова...

Итак, наступило 10 марта 1881 г. Утром 11-го «полуимператор» М.Т. Лорис-Меликов представил императору Александру III следующий доклад:

«Долгом считаю всеподданнейше доложить Вашему Императорскому Величеству, что 10-го числа, в 5 часов пополудни, на Невском проспекте, против памятника императрице Екатерине II, по указанию девицы Луизы Сундберг, задержана оклоточным надзирателем 1-го участка Нарвской части Широковым женщина, проживавшая по 1-ой Роте Измайловского полка с Андреем Желябовым, в доме № 18, квартира № 23, под именем вдовы Лидии Антоновой Войновой. Арестованная отказалась назвать свое имя, указать квартиру и вообще дать

---

¹⁰⁹⁷ Серебряков Е.А. Революционеры во флоте // Былое. 1907. № 4. С. 112.

какие-либо показания. При осмотре у нее отобраны различные прокламации. При предъявлении задержанной обоим дворникам дома № 18 по 1-й Роте Измайловского полка, а также торговцу табачного магазина, все они в ней признали именно ту женщину, которая жила с Андреем Желябовым. При доставлении ее в С.-Петербургское губернское жандармское управление арестованная в 11 $\frac{1}{4}$ часов ночи созналась, что она Софья Львовна Перовская»¹⁰⁹⁸.

Да, вот как все было. Околоточный надзиратель Федор Широков получил задание разыскать и арестовать сожительницу Андрея Желябова Лидию Войнову. Он взял себе в помощь хозяйку мелочной лавки того дома, где жили «Войнова» и «Слатвинский», 30-летнюю девицу Луизу Сундберг, которая знала «Войнову» в лицо как покупательницу. Вдвоем Широков и Сундберг несколько дней ходили и ездили по улицам Петербурга, пока к вечеру 10 марта Сундберг, сидя рядом с надзирателем в пролетке извозчика, не увидела, как по Невскому быстро идет Перовская. Широков тут же выпрыгнул из пролетки, подскочил к Софье Львовне и схватил ее за обе руки, видимо, опасаясь, как бы она не оказала вооруженного сопротивления.

В жандармском протоколе ареста Перовской¹⁰⁹⁹ зафиксировано, что арестованная не сопротивлялась, назвала себя Верой Андреевной Семеновой и предложила Широкову взятку в 30 руб., чтобы тот ее отпустил. «Конечно, эта черточка, — комментировал “взятку” Н.П. Ашешов, — быть может, и выдуманная (скорее всего, именно так, поскольку ничем не подтверждается. — *Н.Т.*), только усиливала в глазах властей героизм и “честность” их верного слуги»¹¹⁰⁰.

---

¹⁰⁹⁸ К делу 1 марта 1881 г. Неизданные доклады гр. М.Т. Лорис-Меликова, В.К. Плеве, А.В. Комарова // Былое. 1918. № 4–5. С. 31.

¹⁰⁹⁹ См.: ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 522. Л. 4–5 об. См. также относящийся к Перовской фрагмент из «Книги для записи арестованных» (Былое. 1918. № 4–5. С. 208).

¹¹⁰⁰ *Ашешов Н.П.* Цит. соч. С. 120.

2. Арест

При обыске в Нарвской части у Перовской были изъяты следующие, перечисленные в жандармском протоколе, вещественные доказательства ее преступности: печатных листов от Исполнительного комитета «Народной воли» по поводу царевубийства — 18, «Программа Исполнительного комитета» — 1 экз., «Программа рабочих, членов партии “Народная воля”» — 2 экз., приложение к № 2 «Рабочей газеты» с эпитафией от Иисуса Христа: «Нет больше той любви, как если кто душу свою положит за друзей своих» — 17 экз., рукопись инструкции «Подготовительная работа партии» — 7 стр., записная книжка в черном коленкором переплете с шифрованными записями и чертежами. В «Книге для записи арестованных» перечислены также личные вещи, изъятые у Софьи Львовны, в том числе золотое кольцо, которое жандармы вернут уже Варваре Степановне. После смерти Варвары Степановны кольцо хранилось у Василия Львовича, а после него — у Софьи Глебовны Перовской¹¹⁰¹.

Из Нарвской части Софья Львовна была доставлена в Петербургское ГЖУ, где, около полуночи 10 марта, она раскрыла себя как Перовская и была заключена в камеру № 1 зловещей тюрьмы Департамента полиции (а ранее — III отделения) в здании у Цепного моста. Кстати, доставил ее туда штабс-капитан Матвей Соколов — впоследствии смотритель Алексеевского рavelина Петропавловской крепости и Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, «бездушный палач», душегуб, заклеянный на века прозвищем «Ирод»¹¹⁰². Здесь, у Цепного моста, Перовскую трижды допрашивали и устраивали ей очные ставки с другими узниками до суда...

Первый допрос, в ночь с 10 на 11 марта, снял с Перовской жандармский подполковник Никольский в присутствии

---

¹¹⁰¹ Софья Глебовна рассказала мне об этом кольце в письме от 20 декабря 1991 г.

¹¹⁰² См. о нем: *Фигнер В.Н.* Цит. соч. Т. 2.С. 64; *Колосов Е.Е.* Государева тюрьма Шлиссельбург. М., 1930. С. 68–69; *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы: В 5 т. 3 изд. М., 1961. Т. 3 (1870–1900). С. 209–211.

прокурора судебной палаты В.К. Плева¹¹⁰³. Допрос был очень кратким — и по причине слишком позднего времени, и, может быть, еще по одной причине, на которую указал Н.П. Ашешов: «Краткость первого допроса при отсутствии даже ответов на протокольные вопросы свидетельствует, по-видимому, о том, что в этот момент жандармы вели с Перовской устные разговоры, не заботясь о протоколе. Важно было огорошить Перовскую ознакомлением ее с важнейшими против нее уликами, собранными из показаний Гольденберга, Рысакова и Желябова, в особенности Рысакова. Важно было в беседе выяснить бесполезность запираательства — обычный жандармский прием, — и убедить “показывать правду”»¹¹⁰⁴.

Второй допрос Софьи Львовны, на следующий день, 11 марта, вел тот же подполковник Никольский в присутствии, на этот раз, товарища прокурора судебной палаты А.Ф. Добржинского. Вот протокольная запись ее данных о себе¹¹⁰⁵. *«Зовут меня Софья Львовна Перовская. От роду имею 27 лет. Вероисповедания Православного. Происхождение и народность Из дворян, русская. Звание Дочь действительного статского советника, незамужем. Место рождения и место постоянного жительства Родилась в Петербурге, где и проживала почти безвыездно с конца ноября 1879 г. Занятие Революционная деятельность. Средства к жизни Частью из фонда партии, частью работой по переводам и переписке. Семейное положение Имею двух братьев, живущих в Крыму, и сестру, замужем за доктором Загорским, который, кажется, служит в Саратовской губ. Экономическое положение родителей Отец, Лев Николаевич, служит в совете при министерстве внутренних дел, мать моя, Варвара Степановна, живет в Крыму. Место воспитания и на чей счет воспитывался Воспитание получила домашнее, за счет родителей»*¹¹⁰⁶.

¹¹⁰³ Протокол допроса см.: Былое. 1918. № 4–5. С. 285.

¹¹⁰⁴ Ашешов Н.П. Цит. соч. С. 121.

¹¹⁰⁵ Курсивом выделены слова, отпечатанные на протокольном бланке.

¹¹⁰⁶ Показания первоисточников. С. 285.

2. Арест

На этом допросе Перовская подробно и откровенно рассказала о своем участии в подготовке и осуществлении царевбийства, отказываясь при этом называть кого-либо из соучастников, кроме тех, которых следствие уже выявило. Итак, под протокольной рубрикой *«На предложенные мне вопросы отвечаю»* следует собственноручно записанный текст показаний Перовской от 11 марта 1881 г.

«Участие мое в покушении 1 марта на жизнь государя выразилось в следующем: окончательное решение действовать 1 марта было принято 28 февраля, вечером; в этом решении участвовала и я. Затем, 1 марта утром, я отнесла на Тележную улицу (д. № 5) часть метательных снарядов, предназначенных для действия, именно два. На самом месте действия я выслеживала, куда направится государь из манежа, — для этого я находилась на Большой Итальянской улице и на Михайловской площади. Увидя, что государь направился в Михайловский дворец, я пошла по Михайловской улице, где и подала знак, означавший, что лица со снарядами должны направиться на Екатерининский канал, как было заранее условлено. Знак заключался в том, что я должна была вынуть носовой платок при встрече, не говоря ни слова. Подав знак, я направилась по Невскому через Казанский мост на противоположную сторону Екатерининского канала, где и была во время обоих взрывов и вскоре после них удалилась оттуда. О том, что государь из Михайловского дворца направится по Екатерининскому каналу, я знала по целому ряду наблюдений за ним, которые я вела в течение последних месяцев. На Михайловской улице встретила я с несколькими лицами, в числе которых был Рысаков. Других же лиц, кроме Рысакова, а также число их указывать я не желаю. На Тележной улице своих снарядов не было, но они были принесены туда утром 1 марта мною и другими лицами, назвать которых я не желаю, а также не желаю показывать, откуда они были принесены. 1 марта утром на Тележной было несколько человек; некоторые из них получили снаряды, в числе последних был Рысаков, других же назвать не желаю. О назначении квартиры на Тележной улице говорить не желаю,

хозяевами же там были застрелившийся при обыске человек и Геся Гельфман. Фамилию того человека назвать не желаю.

Дав сигнал, я направилась к Екатерининскому каналу, чтобы присутствовать при факте (цареубийства. — *Н.Т.*) и удостовериться в его последствиях; снаряда же не имела с собою, так как на этот день для меня их не достало. На Екатерининском канале должны были действовать несколько лиц, но сколько, я не желаю показывать. Действия их должны были заключаться в бросании снарядов.

О подкопе на Малой Садовой улице мне было известно, что он подготовлялся для покушения на покойного государя, и если бы он проехал 1 марта по Садовой, то, по всей вероятности, действие (т.е. взрыв мины в подкопе. — *Н.Т.*) состоялось бы. Я не желаю определять, с какого момента знала о подкопе на Малой Садовой и вообще по поводу этого подкопа отказываюсь давать какие-либо показания, хотя как член партии и агент Исполнительного комитета¹¹⁰⁷ я знала обо всем, что совершалось в партии и что предполагалось <...>¹¹⁰⁸...

В этих показаниях Перовская, как, должно быть, заметил читатель, очень часто подчеркивает: «сказать (отвечать, назвать, объяснить и т.д.) не желаю» (в тексте показаний, публикация которых в «Былом» заняла 5,5 стр., это сделано

---

¹¹⁰⁷ Устав ИК «Народной воли» гласил, что в случае ареста ни один из членов ИК «не вправе называть себя членом Комитета. Комитет должен быть невидим и недосягаем» (цит. по: *Морозов Н.А.* Повести моей жизни. М., 1947. Т. 2. С. 513). Народовольцы использовали это правило для того, чтобы внушить царизму даже в тех случаях, когда он судил вождей партии (Желябова, Александра Михайлова, Перовскую), будто у него в плену лишь второстепенные деятели, а главные — все еще на свободе. И Желябов, и Перовская, и Михайлов, и другие члены ИК называли себя под арестом и на суде агентами Комитета. Это, по справедливому замечанию Г.В. Плеханова «не умаляло, а увеличивало обаяние знаменитого Комитета» (*Плеханов Г.В.* Соч. М., 1926. Т. 12. С. 427), ибо все непосвященные умы думали, что если даже такие люди, как Желябов и Перовская, — всего лишь агенты ИК, то каковы же должны быть члены Комитета!

¹¹⁰⁸ Показания первомартовцев. С. 286.

2. Арест

28 раз). Зато о мотивах обращения народовольцев и лично ее к антиправительственному террору Софья Львовна высказывалась безотказно. Цитирую:

«Относительно мотивов, под влиянием которых партия и я как член партии начали террористическую деятельность, пояснить могу следующее. Стремясь поднять экономическое благосостояние народа и уровень его нравственного и умственного развития, мы видели первый шаг к этому в пробуждении среди народа общественной жизни и сознания своих гражданских прав. Ради этого мы стали селиться в народе для пропаганды, для пробуждения его умственного сознания. На это правительство ответило страшными репрессиями и рядом мер, делавших почти невозможной деятельность в народе. Таким образом правительство само заставило партию обратить преимущественное внимание на наши политические формы, как на главное препятствие народного развития. Партия, придерживаясь социалистического учения, долго колебалась, перейти ли к политической борьбе, и первые шаги по этому пути встречали сильное порицание со стороны большинства партийцев как отступление от социализма. Но ряд виселиц и других мер, показавший необходимость должного отпора правительству, заставил партию перейти решительно на путь борьбы с правительством, при которой террор являлся одним из важных средств. Упорство же в посягательствах на жизнь покойного государя вызывалось и поддерживалось убеждением, что он коренным образом никогда не изменит своей политики, а будут только колебания: одной ли виселицей больше или меньше, народ же и общество будут оставаться в прежнем, вполне бесправном положении»¹¹⁰⁹...

На первом же или, в крайнем случае, на втором допросе Перовскую, конечно, ознакомили с показаниями Рысакова, который к тому времени уже погубил Николая Саблина, Гесю Гельфман и Тимофея Михайлова. Для нее предательство метальщика, которому доверял сам Желябов, было тягчайшей

---

¹¹⁰⁹ Показания первоартоцев. С. 287.

психологической травмой. Может быть, именно поэтому после краткого ответа следователям на первом допросе она сделала в протоколе такую запись: «Подробные показания прошу отложить до завтраго»¹¹¹⁰. Ей надо было обдумать возможные последствия предательства Рысакова и учитывать их на собственных допросах.

Мы видели, что Софья Львовна Перовская, категорически отказываясь предоставлять какие-либо данные для царского сыска, революционную *позицию* своей партии и лично свою излагала открыто, мотивированно, убежденно. Так же вели себя на дознании, следствии и суде Андрей Желябов и Николай Кибальчич. Таким образом, по заключению (очень удачному) Т.В. Цымриной, «Желябов, Перовская и Кибальчич старались дать как можно больше сведений будущему историку и как можно меньше — следствию»¹¹¹¹...

Тем временем власти занялись «дезинфекцией» семьи Перовских. Брат Софьи Львовны Василий, лишь недавно, 12 января 1881 г., освобожденный после предыдущего ареста, 13 или 14 марта (точную дату он не запомнил) вновь был арестован, доставлен из Приморского через Симферополь и Москву в Петербург, заключен в тюрьму Департамента полиции, а затем в административном порядке, без предъявления каких бы то ни было обвинений, сослан в Сибирь, где оставался до 1885 г. Перед ссылкой он прочел на полях журнала из тюремной библиотеки надпись карандашом: «3 апреля на Семеновском плацу повешены — Кибальчич, Перовская, Желябов, Михайлов и Рысаков». «Вот тогда только я понял, что меня арестовали не по делу сестры, а просто из страха, как предохранительная мера, — вспоминал Василий Львович. — Потом кому-то из наших знакомых директор Департамента полиции Плева сказал, что сослали меня в Сибирь ради *дезинфекции*»¹¹¹².

¹¹¹⁰ Показания первоартоцев. С. 285.

¹¹¹¹ Цымрина Т.В. Софья Перовская. Политический портрет. Таганрог, 2006. С. 113.

¹¹¹² Перовский В.Л. Воспоминания о сестре (Софье Перовской). М.; Л., 1927. С. 97, 98, 102.

2. Арест

Через день или два после ареста Василия Львовича в Приморское к Варваре Степановне явился начальник местной жандармерии И.И. Гангардт, «показал ей бумагу Департамента полиции о вызове ее в Петербург и выдал ей 150 рублей на путевые издержки»¹¹¹³. То был не арест, а именно вызов Варвары Степановны к самому «полуимператору» Лорис-Меликову. Главной причиной вызова был, конечно, арест Софьи Львовны, но учитывалась при этом настороженная характеристика, которую дал Варваре Степановне начальник Таврического ГЖУ, донося о ней летом 1880 г. в Департамент полиции: «Мать Перовских, бывавшая у меня по делам, в разговорах, между прочим, нисколько не стесняясь, высказывалась с недовольством о правительственных мероприятиях в отношении преследующих социально-революционные цели. Заметно, что тенденции ее детей (имеются в виду Софья и Василий. — *Н.Т.*) находят в ней сочувственное отражение»¹¹¹⁴.

Лорис-Меликов принял Варвару Степановну у себя в кабинете в присутствии министра юстиции Д.Н. Набокова¹¹¹⁵. Вот что рассказал об этом приеме Василий Львович со слов самой Варвары Степановны:

«Лорис-Меликов пригласил ее сесть против него, около его письменного стола. Начал он, не называя ее по имени и отчеству: “Я должен вам передать, г-жа Перовская, настоятельную просьбу или (спохватившись), верней, приказание государя, чтобы вы употребили все ваше влияние на дочь, дабы она выдала всех своих соучастников, потому что необходимо положить конец этому пролитию крови”. Мать ответила на

---

¹¹¹³ *Перовский В.Л.* Воспоминания о сестре (Софье Перовской). М.; Л., 1927.

Там же. С. 102.

¹¹¹⁴ ЦДА України. Ф. 419. Оп. 1. 1880. Д. 445. Л. 54.

¹¹¹⁵ Набоков Дмитрий Николаевич (1826–1904) — статс-секретарь, сенатор, министр юстиции Российской империи 1878–1885 гг., отец профессора уголовного права, одного из основателей и лидеров партии кадетов Владимира Дмитриевича Набокова (1869–1922) и дед писателя Владимира Владимировича Набокова (1899–1977).

это: “Дочь моя с раннего детства обнаруживала такую самостоятельность, что ее нельзя было заставить делать что-либо по приказанию, а только лаской и убеждением. В настоящее же время она уже в зрелом возрасте, вполне сложившихся взглядов, ясно понимала, конечно, что делала, и поэтому никакие просьбы не могут повлиять на нее”. “Не забудьте, сударыня, что еще ваш сын в наших руках, и мы сгноим его в тюрьме, если понадобится!” — произнес повышенным тоном этот “славный сын своей родины” <...> “Я знаю, что вы можете это сделать” — сказала мать, без сомнения, подавленным голосом. “Но вы все-таки пожелаете видеть вашу дочь?” — спросил Лорис-Меликов. “Конечно, хотела бы”. — “Так вам будет дано свидание!” — сказал он, вставая, и тем самым давая понять, что прием окончен¹¹¹⁶.

«На другой день, — читаем у Василия Львовича, — мать известили, в котором часу и где ей дано будет свидание с дочерью. Не помню только, куда ее пригласили». Скорее всего, — в Дом предварительного заключения. Цитирую далее, что рассказала об этом свидании Варвара Степановна сыну после его возвращения из Сибири.

«Ее ввели в отдельную комнату, посередине которой стояли четыре стула. Там находились жандармский офицер и товарищ прокурора. Сейчас же жандармы ввели Соню. Едва они успели обняться и поцеловаться, как их заставили сесть рядом на стульях, а офицер и товарищ прокурора сели против каждой, придвинув стулья так близко, что, как говорила мать, буквально касались их колен своими¹¹¹⁷. Соня всячески упрасивала мать успокоиться, прося ее простить ей то горе и муки, какие она ей причинила, и верить, что она не могла поступить иначе. Говорила, что она с радостью встретит смерть, потому что жизнь ей была невыносимо тяжела, и страшна ей только

¹¹¹⁶ Перовский В.Л. Цит. соч. С. 102–103.

¹¹¹⁷ Позднее, во время суда над Верой Фигнер (1884 г.), надзирательницы ДПЗ говорили ей, что в камере Перовской «день и ночь сидели два жандарма» (Фигнер В.Н. Цит. соч. Т. 1. С. 274).

2. Арест

возможность помилования. Так как оба свидетеля пригибались близко к их лицам, нахально впивались в них своими глазами, рассказывала мать, обе они чувствовали невыносимость этого положения, и сами безмолвно согласились прекратить скорее свидание¹¹¹⁸. Между прочим, Соня просила мать прислать ей простое черное платье. Это удалось сделать скоро благодаря знакомой симферопольской студентке Паше Личкус¹¹¹⁹, которая с другими еще приходила к матери в гостиницу и старалась всячески оказывать ей внимание. Хотя она была много полней Сони, но роста приблизительно такого же, по ней скроено было платье. Второе свидание дано было матери вскорости и ввиду того, что они были обе спокойнее, да и свидетели посдержаннее, то оно и продолжалось дольше. Соня, между прочим, указывала матери, что у нее есть еще целая семья, для которой она чрезвычайно необходима, и что это поможет ей залечить душевные раны, причиненные ей теперь»¹¹²⁰.

«В довершение ко всем ее душевным потрясениям, — вспоминал Василий Львович о том, что пережила Варвара Степановна в те (после ареста Софьи Львовны) дни, — ей довелось испытать еще глубокое разочарование в своем старшей брате, Константине Степановиче Веселовском, продолжавшем секретарствовать в Академии наук. Мать на первых же порах по приезде в Петербург пошла к нему. Едва она вошла в переднюю, к ней выбежала дочь брата (уже не молодая) Софья и со слезами стала обнимать ее, но за ней следом вошла жена брата, Александра Сильвестровна, и стала оттягивать дочь свою, а вслед за этим вошел и сам брат и, махая

---

¹¹¹⁸ Надзирательницы ДПЗ рассказывали, что на свидании с матерью Софья Львовна «мало говорила: как больное, измученное дитя, тихая и безмолвная, она все время полулежала, положив голову на колени матери» (*Фигнер В.Н.* Цит. соч. Т. 1. С. 274). Н.П. Ашешов по этому поводу восклицал: «И все! Какой сюжет для картины художника!» (*Ашешов Н.П.* Цит. соч. С. 134).

¹¹¹⁹ Личкус Прасковья (Паша, Пашета) Марковна (ок. 1859–1902) — сестра Фанни Марковны Личкус (жены С.М. Степняка-Кравчинского).

¹¹²⁰ *Перовский В.Л.* Цит. соч. С. 103–104.

руками, произнес: «Я боюсь, уходи, пожалуйста, поскорей!». Матери пришлось повернуться и уйти»¹¹²¹...

После двух свиданий с матерью по ходу следствия Софья Львовна больше уже не видела ее. За четыре дня до начала суда, 22 марта, она написала и передала Варваре Степановне через своего адвоката Е.И. Кедрина письмо — то самое, которое будет размножено мировой прессой и объявлено 7 апреля 1883 г. в № 2893 английского журнала «The Athenaeum» «самым замечательным и трогательным из всех известных миру произведений эпистолярной литературы»¹¹²². «Никогда еще женщина не выразила так всего чувства любящей души, как Перовская в этом письме к матери», — подчеркивал П.А. Кропоткин¹¹²³. Сергей Кравчинский выразился еще сильнее: отметив, что «величайшей привязанностью жизни Перовской была ее мать, «которую она любила со всей трогательной и наивной нежностью, какая бывает только у дочерей», он заключал: «*Вся Перовская* (не только как дочь! — *Н.Т.*) со своей чистой и великой душой отражается в нем»¹¹²⁴.

Тем временем, и до и после 22 марта, пока не начал заседать суд, Софью Львовну вызывали на допросы и очные ставки. Она признала на очных ставках свое знакомство с Рысаковым и Гесей Гельфман¹¹²⁵, поскольку Рысаков об этом знакомстве уже дал подробные показания. Но на очной ставке Перовской с Аркадием Тырковым (о котором Рысаков точных сведений не имел) никаких признаний следователи не услышали. Вот рассказ Тыркова об этой очной ставке с любопытными подробностями профессионально-сыскного и даже чисто психологического характера:

¹¹²¹ *Перовский В.Л.* Цит. соч. С. 106–107.

¹¹²² Полный текст письма см. здесь далее, в приложении № 1.

¹¹²³ *Кропоткин П.А.* Записки революционера. М., 1966. С. 282.

¹¹²⁴ *Степняк-Кравчинский С.М.* Избранное. С. 449–450, 470. Курсив мой. — *Н. Т.* См. также об этом письме: *Цветаева Марина.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1995. Т. 7. С. 593, 629.

¹¹²⁵ См.: Показания первоартоновцев. С. 251, 288.

2. Арест

«По правде сказать, не понимаю до сих пор цели этой ставки, так как Перовская никаких показаний против кого-либо не давала, а я в то время еще отрицал показания Рысакова. Расчет следователей мог быть только один — уловить игру физиономий. У них вырабатывается особая наблюдательность и умение играть на неожиданностях. С меня снимали допрос Добржинский и жандармский офицер в синих очках, по фамилии, кажется, Иванов. Они сидели друг против друга за одним столом со мной, мешали перекрестные вопросы с веселой болтовней о разных разностях, стараясь придать характер полной непринужденности и беззаботности всему допросу. Я, со своей стороны, зная уже показание Рысакова¹¹²⁶, все время был настороже. Вдруг один из них обращается ко мне: “Г. Тырков, потрудитесь обернуться”. Оборачиваюсь — передо мной стоит Перовская. Видно было, что она очень много выстрадала за последние дни и утомилась. Поэтому я боялся задержать ее хоть одну лишнюю минуту и поторопился сказать: “Незнаком”. Ее увели. Дверь, через которую ввели Перовскую, открывалась бесшумно и вела в коридор, устланный ковром. Вероятно, не со мной одним проделывался этот фокус, рассчитанный на эффект неожиданного появления за спиной человека, шаги которого нельзя было вперед услышать»¹¹²⁷...

Суда над цареубийцами все в России (да и многие за рубежом) ждали с напряженным вниманием. Ведь речь шла о людях, совершивших небывалое для Российской империи преступление: ранее царей (Петра III, Ивана VI, Павла I) убивали тайно их служители по воле и с санкции высочайших *верхов*, а теперь царь был убит открыто, прилюдно, НА УЛИЦЕ, в исполнение смертного приговора, вынесенного ему *снизу*, от имени народа. Кстати, «Народная воля» строила различные планы освобождения первомайцев и до, и во время, и даже

---

¹¹²⁶ «Рысаков знал только мое имя и мог дать показание о каком-то Аркадии», — поясняет здесь же А.В. Тырков.

¹¹²⁷ Тырков А.В. Цит. соч. С. 278, 281.

после суда над ними. Член ее рабочей организации Василий Панкратов (будущий комиссар Временного правительства 1917 г. «по охране бывшего царя») свидетельствовал, что питерские рабочие «поговаривали об освобождении Желябова, Перовской и Михайлова», и что «некоторые надежды возлагались при этом на Военную организацию, на офицеров», но до суда эти планы расстроились, поскольку обвиняемых «держали под сильным конвоем»¹¹²⁸. Зато царский сыск с добротной помощью таких подсказчиков, как Рысаков и Окладский, мог радоваться в марте — апреле 1881 г. удаче за удачей. Вслед за арестом Перовской, 17 марта был арестован главный техник «Народной воли» Николай Кибальчич, а следом за ним — члены ИК Михаил Фроленко, Николай Суханов, Григорий Исаев, Анна Якимова. ИК, уже потерявший ранее Желябова, Александра Михайлова, Квятковского, Ширяева, Морозова, Колодкевича, Баранникова, Зунделевича, Клеточникова, теперь — после череды новых арестов по подсказке предателей — был обескровлен и почти обезглавлен.

Таким образом цареубийство оказалось для «Народной воли» пирровой победой. «Революционеры исчерпали себя 1-ым марта»¹¹²⁹. Эту ленинскую сентенцию нельзя понимать буквально, как это делали в большинстве своём советские историки, но в принципе она верна. Конечно, «Народная воля» и после 1 марта сохранила часть сил, а затем пополнила их и ещё долго продолжала борьбу¹¹³⁰. Но возместить и материальные, людские (гибель «Великого ИК»), и моральные потери (крах расчётов на то, что цареубийство повлечёт за собой взрыв революционной активности масс) она уже не могла.

---

¹¹²⁸ Панкратов В.С. Из деятельности среди рабочих в 1880–1884 гг. // Былое. 1906. № 3. С. 239.

¹¹²⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 5 С. 44

¹¹³⁰ Подробно о «Народной воле» после 1 марта 1881 г. см.: Волк С.С. Указ. соч.; Седов М.Г. Героический период революционного народничества. М., 1966.

3. Суд

Судебный процесс по делу 1 марта 1881 г. вначале готовился торопливо, хотя и поэтапно. Как явствует из доклада М.Т. Лорис-Меликова Александру III от 2 марта, предполагалось экстренно, уже 3 марта, судить военно-полевым судом, а 4-го казнить одного Рысакова¹¹³¹. Но заявление Желябова в ночь на 2 марта с требованием приобщить его к делу о цареубийстве побудило Лорис-Меликова обратиться к царю с просьбой об отсрочке суда и казни на одни сутки: судить, теперь уже двоих, 4-го и казнить 5 марта. Царь согласился¹¹³².

Когда же была открыта, 3 марта, конспиративная квартира ИК на Тележной улице и арестованы Геся Гельфман и Тимофей Михайлов, Лорис-Меликов в тот же день доложил царю о своей просьбе отложить начало суда ещё на двое-трое суток. Однако 4 марта был открыт подкоп на Малой Садовой улице, что стало, по резонному предположению С.Н. Валка, причиной «не только новой отсрочки, но и видимости правосудия»¹¹³³. Поскольку на 7 марта было назначено торжественное погребение останков Александра II в Петропавловском соборе, «полуимператор» предложил новому императору отодвинуть суд и казнь за 7-е число. Мотивировал он это предложение двумя аргументами: 1) казнь цареубийц может толкнуть их единомышленников, «ободренных удачей» 1 марта, на покушение против Александра III, и во время предстоящих похорон трудно было бы уберечь нового государя; 2) казнь «в месте пребывания тела в Бозе почившего», но не схороненного Александра II оскорбила бы «чувство священного благоговения масс к непогребённому монарху». А коли так, заключал Лорис-Меликов, нет более оснований прибегать к военному

---

¹¹³¹ См.: Валк С.Н. Вокруг 1 марта 1881 г. // Красный архив. 1930. Т. 3. С. 180.

¹¹³² См.: Там же.

¹¹³³ Там же. С. 177

суду, а следует передать дело о цареубийстве в ОППС, где процесс мог бы начаться «на другой день после погребения»¹¹³⁴.

6 марта Александр III созвал особое совещание высших чиновников империи по вопросу о статусе суда над цареубийцами. Присутствовали: вел. кн. Владимир Александрович (брат царя), председатель Комитета министров П.А. Валуев, министры — внутренних дел (Лорис-Меликов), военный (Д.А. Милютин), юстиции (Д.Н. Набоков), двора (А.В. Адлерберг), статс-секретарь кн. С.Н. Урусов. Здесь и «состоялось решение в пользу суда Сената»¹¹³⁵.

9 марта был готов обвинительный акт против четырёх цареубийц (Желябова, Рысакова, Тимофея Михайлова и Геси Гельфман), но арест 10 марта Перовской вновь заставил «верхи» отдалить судебный процесс: составили новый обвинительный акт и передвинули начало суда на 26 марта, а когда был арестован (17-го) Кибальчич, наскоро присовокупили дополнение к обвинительному акту, не меняя более даты начала суда¹¹³⁶.

Когда, казалось, все вопросы относительно статуса суда и всех атрибутов самого судебного процесса были решены, 25 марта Андрей Желябов предъявил в ОППС сенсационное заявление, которое сенаторам пришлось срочно (чтобы уже не откладывать начало суда ни на один день) рассмотреть и принять о нём решение. Вот текст этого заявления, с которым Желябов, безусловно, ознакомил Перовскую, когда они, уже на скамье подсудимых, сидели рядом и обменивались впечатлениями.

«Принимая во внимание, во-первых, что действия наши, отданные царским указом на рассмотрение Особого присутствия Сената, направлены исключительно против правительства и лишь ему одному в ущерб; что правительство как сторона пострадавшая должна быть признана заинтересованной в этом деле стороной и не может быть судьёй в своём

¹¹³⁴ Валк С.Н. Вокруг 1 марта 1881 г. // Красный архив. 1930. Т. 3. С. 180–181

¹¹³⁵ Валуев П.А. Дневник 1877–1884 гг. Пг., 1919. С. 150.

¹¹³⁶ См.: Показания первоапретовцев. С. 230.

3. Суд

собственном деле; что Особое присутствие, как состоящее из правительственных чиновников, обязано действовать в интересах этого правительства, руководясь при этом не указаниями совести, а правительственными распоряжениями, произвольно именуемыми законами, — дело наше неподсудно Особому присутствию Сената.

Во-вторых, действия наши должны быть рассматриваемы, как одно из проявлений той открытой, всеми признанной борьбы, которую русская социально-революционная партия много лет ведёт за права народа и права человека против русского правительства, насильственно завладевшего властью и насильственно удерживающего её в своих руках по сей день;

единственным судьёю в деле этой борьбы между социально-революционной партией и правительством может быть лишь весь русский *народ* через непосредственное голосование или, что ближе, в лице своих законных представителей в *Учредительном собрании*, правильно избранном.

И, в-третьих, так как эта форма суда (Учредительное собрание) в отношении нас лично неосуществима; так как суд присяжных в значительной степени представляет собою общественную совесть и не связан в действиях своих присягой на верную службу одной из заинтересованных в деле сторон;

на основаниях вышеизложенных я заявляю о неподсудности нашего дела Особому присутствию Правительствующего Сената и требую суда присяжных в глубокой уверенности, что суд общественной совести не только вынесет нам оправдательный приговор, как Вере Засулич, но и выразит нам признательность Отечества за деятельность особо полезную. 1881 г. 25 марта. Андрей Желябов. Петропавловская крепость»¹¹³⁷.

Верил ли Желябов в такую фантастику, что его заявление будет удовлетворено? Конечно, нет. Он просто использовал любую возможность для пропаганды идей и требований «Народной воли». Ради этого он вызвался стать обвиняемым по делу о цареубийстве, чтобы превратить скамью подсудимых

---

¹¹³⁷ См.: Показания первоапрельцев. С. 230.

в революционную трибуну. Ту же пропагандистскую цель преследовало и его заявление от 25 марта.

Ну, а сенаторы обязаны были, соблюдая чисто формальную процедуру, обсудить заявление обвиняемого. Сделали они это в распорядительном заседании ОППС 26 марта, за считанные часы (если не минуты) до начала суда, и приняли единственно мыслимое для них решение: «заявленный подсудимым отвод о неподсудности дела, по которому подсудимый Желябов предан суду Особого присутствия за силою (далее перечислены статьи Свода законов Российской империи и Устава уголовного судопроизводства. — *Н.Т.*), как лишённый всякого законного основания, не заслуживает уважения» и поэтому оставлен без последствий¹¹³⁸...

Судебный процесс по делу о цареубийстве открылся в ОППС 26 марта 1881 г. Председательствовал на процессе первоприсутствующий сенатор Эдуард Яковлевич Фукс (1834–1909 гг.) — многоопытный и, в оценке лично знакомого с ним А.Ф. Кони «весьма услужливый» юрист, который с конца 1870-х годов «погрузился в тину усердия по политическим дознаниям», истерично взывая «лишить пропаганду почвы, вырвать с корнем её побеги, погасить её очаг»¹¹³⁹. Кстати сказать, Фукс был в «не столь дальнем» родстве с Л.Н. Толстым, ибо его жена, Елена Михайловна Кузминская, была сестрой Александра Михайловича Кузминского — мужа Татьяны Андреевны Берс, т.е. сестры Софьи Андреевны Берс, которая стала женой Льва Николаевича Толстого.

Кроме Фукса, в состав ОППС по делу 1 марта входили ещё пять сенаторов и четыре сословных представителя. Фамилии сенаторов нам ничего не говорят, а вот из сословных представителей двое заслуживают нашего внимания: петербургский губернский предводитель дворянства граф Алексей Александрович Бобринский (1852–1927 гг.) — сын бывшего петербургского губернатора, в доме которого семья Перовских жила с 1861

¹¹³⁸ Показания первоапрельцев. С. 230.

¹¹³⁹ Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., Т. 2. С. 28, 38, 314.

по 1866 г., и московский городской голова Сергей Михайлович Третьяков (1834–1892 гг.) — музыковед и собиратель живописи, родной брат основателя Третьяковской художественной галереи П.М. Третьякова. Наконец, вот она — мефистофельская гримаса истории: обвинителем на процессе выступал товарищ прокурора Петербургской судебной палаты Николай Валерианович Муравьев (да, тот самый «Николенька», друг детства Сони Перовской, которому она когда-то, во Пскове, с помощью брата Васи и сестры Маши спасла жизнь, вытаскив его из пруда).

Достоинство была представлена на процессе первомайцев адвокатура. Правда, здесь не оказалось двух её бесспорных в то время лидеров — «короля адвокатуры» В.Д. Спасовича и слышшего «совестью адвокатуры» Д.В. Стасова, но, тем не менее, каждый из пяти присяжных поверенных, задействованных на этом процессе, имел отличную репутацию и как профессионал и просто как личность¹¹⁴⁰. Пожалуй, самым авторитетным из них был Владимир Николаевич Герард (1839–1903 гг.) — брат генерал-губернатора Финляндии Н.Н. Герарда, одноклассник по Училищу правоведения и близкий друг П.И. Чайковского, первоклассный криминалист и оратор-художник, ярко сочетавший в себе светскость, джентльменство и бойцовскую отвагу, уже блеснувший к тому времени как адвокат на самых громких политических процессах — «50-ти» и «193-х». Блестяще проявил себя ранее на процессе «193-х» и Евгений Иванович Кедрин (1851–1921 гг.) — талантливый и гуманный юрист, либерал (будущий кадет), который, однако, сотрудничал с революционерами и подвергался за это репрессиям, в 1905–1907 гг. трижды был арестован. Столь же талантлив, гуманен и либерален был Алексей Михайлович Унковский (1828–1893 гг.) — не только юрист, но и видный общественный деятель, автор самого демократичного из дворянских проектов отмены крепостного права в 1861 г., друг и душеприказчик Н.А. Некрасова и М.Е. Салтыкова-Щедрина.

---

¹¹⁴⁰ Подробно о них см.: *Троцкий Н.А.* Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. Тула, 2000 (ук. имён); *Троцкий Н.А.* Корифеи российской адвокатуры. М., 2006 (биографические очерки о В.Н. Герарде и А.М. Унковском).

Менее авторитетны, но известны и уважаемы были тогда в России ещё два защитника по делу первомаковцев: Август Антонович Герке (1841–1902 гг.) — сын профессора Петербургской консерватории, друг П.И. Чайковского и А.Г. Рубинштейна, филантроп, возглавлявший множество благотворительных учреждений от судебного ведомства до родовспомогательного приюта для женщин, и Константин Фёдорович Хартулари (1841–1897 гг.) — адвокат, ранее веско заявивший о себе на процессах нечаевцев и «50-ти», а посмертно признанный «одним из столпов сословия присяжных поверенных»¹¹⁴¹.

Итак, защитников на суде о цареубийстве было пятеро, но подсудимых-то шестеро: Андрей Иванович Желябов, Софья Львовна Перовская, Николай Иванович Кибальчич, Гесья Мировна Гельфман, Тимофей Михайлович Михайлов и Николай Иванович Рысаков. Дело в том, что Желябов, заранее поставивший целью использовать скамью подсудимых для программно-революционного выступления, отказался от услуг адвокатуры и защищал себя сам. Остальных подсудимых защищали: Кедрин — Перовскую, Герард — Кибальчича, Герке — Гельфман, Хартулари — Михайлова, Унковский — Рысакова...

Публики на заседаниях суда по делу 1 марта 1881 года было так много, как ни на одном из политических процессов ни до, ни после этого: зал Петербургского окружного суда был переполнен. Сказалось, прежде всего конечно, ещё небывалое для судебного процесса в России обвинение — в цареубийстве. Учитывая это обстоятельство и считая его выигрышным для того, чтобы не только осудить, но и всячески опорочить подсудимых, власти разрешили допуск в зал суда — в *последний раз* при царском режиме — нетитулованного люда. Главное же, как никогда (ни раньше, ни позже), допущено было на процесс многолюдье журналистов, причём десять — от иностранной (английской, французской, немецкой) прессы и пять —

---

¹¹⁴¹ Глинский Б.Б. Русское судебное красноречие. СПб., 1897. С. 32.

3. Суд

от российских газет: «Правительственный вестник», «Голос», «Порядок», «Новое время», «Московские ведомости»¹¹⁴².

Разумеется, как всегда, первый план на местах для публики заполняли сильные мира сего: принц Пётр Ольденбургский, министры — военный (Д.А. Милютин), юстиции (Д.Н. Набоков), финансов (А.А. Абаза), государственный секретарь Е.А. Перетц, главный военный прокурор В.Д. Философов, государственный контролёр Д.М. Сольский, сонмище генералов и даже английский посол лорд Фредерик Дэфферин¹¹⁴³.

Интерес к процессу в зале суда, как и по всей России и в мире, был из ряда вон выходящим, но понятным, естественным: ведь то был самый громкий судебный процесс XIX века. После 21 января 1793 г., когда французский Конвент отправил на эшафот короля Людовика XVI, мир не знал другого судебного дела, которое так взбудоражило бы народы. Царизм при этом старался жёстко контролировать ход процесса, чтобы подсудимые были максимально стеснены в своих правах и возможностях и не смогли бы «kozyрять» на суде своим героизмом, как это делали Пётр Алексеев, Ипполит Мышкин и др. Александр III лично вмешивался в процедуру суда. Вот свидетельство государственного секретаря Е.А. Перетца: «Во время процесса, кажется в первый день его, приезжал в суд Баранов (петербургский градоначальник. — *Н.Т.*). Прямо из суда поехал он к Победоносцеву и пожаловался на слабость председателя, позволявшего подсудимым вдаваться в подробные объяснения их воззрений. Победоносцев поспешил к государю. Его Величество немедленно послал за Набоковым и потребовал от него объяснений. Набоков заступился за Фукса, доложив, что, несмотря на мягкость его, никаких неприличий на суде не происходило»¹¹⁴⁴.

---

¹¹⁴² Перечислены в газете «Голос» от 27 марта (8 апреля) 1881 г.

¹¹⁴³ Все перечислены в приложениях к газете «Московские ведомости» от 27, 28 и 29 марта 1881 г.

¹¹⁴⁴ *Перетц Е.А.* Дневник государственного секретаря (1880–1883). М.; Л., 1927. С. 55.

А вот рассказ о тех днях самого Фукса: «Я поставил дело так, что подсудимые не позволяли себе ни одного неуважительного слова. Я, со своей стороны, не притеснял их, не отнимал у них прав, предоставленных на подобный случай законом. А кто окружал меня сзади и с боков? Разные генералы. Дешёвым для себя образом являя своё верноподданническое усердие, они роптали, почти кричали по поводу показаний подсудимых, делали даже недовольный вид на моё будто бы снисхождение к ним <...> Градоначальник Баранов то вбегал, то выбегал из зала, соглядатайствуя. <...> Наконец, один прислуживающийся сенатор из угодливости посетовал Набокову, бывшему в это время на суде: “Как это можно, чтобы председатель, когда суд уходит, допускал подсудимых разговаривать между собой?”. Набоков укоризненно заметил мне на это, как на действие незаконное. “Да где же закон это запрещает? — возразил я министру. — Следствие закончено. Разговор подсудимых никакого вреда делу не причиняет, доколе они не позволяют себе чего-либо неприличного”. Ропот и шипение всех этих соглядатаев сделали то, что наутро, совсем рано, Набоков призвал меня к себе. Государь его уже вызывал. Его Величеству представили дело так, что будто бы сам Сенат возмутился на суде. *Возможна уже мысль прервать процесс и передать его в военный суд*»¹¹⁴⁵.

«Набоков успокоил государя, указав ему, что Фукс ведёт дело с большим достоинством, — читаем далее в воспоминаниях Фукса, — что же касается ошибки его о допущении разговоров между подсудимыми, то он, министр, уже мне на это указал <...> В этот же день, вечером, жандармский полковник объявил мне высочайшее повеление не допускать разговоров среди подсудимыми. Я был возмущён. Пригласил прокурора судебной палаты В.К. Плева и заявил ему: “Что же это такое? Уже жандармские полковники объявляют высочайшие повеления?”. Плева взялся уладить

---

¹¹⁴⁵ Шницер С.М. Как судили первоапрельцев (По неизданным мат-лам) // Суд идёт! 1926. № 4. С. 208. Курсив мой. — Н.Т.

3. Суд

это дело. Я же приказал в моменты, когда суд уходит, уводить подсудимых в их тюремные кельи»¹¹⁴⁶...

Главными и общими для всех шести подсудимых обвинениями здесь были два — принадлежность к тайному революционному сообществу и участие в цареубийстве, что по ст. 241, 242, 243 и 249 Уложения о наказаниях Российской империи влекло за собой смертную казнь. Кроме того, конкретно Желябов обвинялся в покушении на жизнь Александра II под Александровском 18 ноября, а Перовская — под Москвой 19 ноября 1879 г., и Михайлов — в вооружённом сопротивлении при аресте 3 марта 1881 г.¹¹⁴⁷. Словом, все подсудимые обвинялись как *цареубийцы* (и в день казни каждому из них повесят на шею дощечку с надписью «Цареубийца»). Между тем, никто из них царя не убивал. С чисто юридической точки зрения, как подметил известный в России публицист Г.К. Градовский, в деле 1 марта 1881 г. «немало было оснований к замене смертной казни другим тяжким, но всё же поправимым наказанием»: Желябов был арестован ещё до цареубийства, Перовская, Кибальчич, Гельфман и Михайлов не убивали царя, даже Рысаков (бросивший первую бомбу в царскую карету) его не убил; непосредственным убийцей был И.И. Гриневицкий, но он сам погиб от второй бомбы, которая поразила царя¹¹⁴⁸. Эти юридические тонкости в сугубо *политическом* (в подчёркнутом смысле слова) процессе судьи не стали даже рассматривать, тем более, что царское Уложение о наказаниях *одинаково* карало и совершение цареубийства, и всего лишь «голый умысел» на него¹¹⁴⁹. Желябов и Перовская, как и все их сопроцессники, об этом знали заранее.

---

¹¹⁴⁶ *Шпицер С.М.* Как судили первомагтовцев (По неизданным мат-лам) // Суд идёт! 1926. № 4. С. 208.

¹¹⁴⁷ См.: Дело 1 марта 1881 г. Процесс Желябова, Перовской и др. Правительственный отчёт. СПб., 1906. С. 67–69 (обвинительный акт).

¹¹⁴⁸ *Градовский Г.К.* Итоги (1862–1907). Киев, 1908. С. 85.

¹¹⁴⁹ *Кони А.Ф.* Собр. соч. Т. 2. С. 313.

Насквозь политической была на этом процессе обвинительная речь прокурора Муравьева. Хотя она и была поставлена его льстецами в ряд «с наиболее известными речами знаменитых ораторов всех времён и народов»¹¹⁵⁰, эта речь с юридической точки зрения весьма ординарна. Собственно, исследовать что-либо, выяснять и аргументировать прокурор не имел нужды. Фактически сторона обвинения была очевидна, подсудимые признали её, в достатке имелись и вещественные доказательства. Поэтому Муравьев изложил не юридический разбор дела, а политические соображения о нём. В политическом же отношении речь его не просто предвзята, главное — невежественна. Достаточно сказать, что русские революционеры в его изображении — это «исчадия», т.е. «люди без нравственного устоя и собственного (?! — Н.Т.) внутреннего содержания»; их идеалы он уподобил «геркулесовым столбам бессмыслия и наглости», а к движущим мотивам их деятельности отнёс даже «предвкушение кровожадного инстинкта, почуявшего запах крови»¹¹⁵¹.

Выразив своё «глубокое убеждение в том, что между честными людьми не найдётся и не может найтись ни одного человека, сколько-нибудь сочувствующего» таким «исчадиям», Муравьев тужился доказать *чужеземное* происхождение идеологии русского народничества, будто бы «выкроенного по образцам крайних теорий западного социализма»: это, мол, — «язва неорганическая, недуг наносный, пришлый, переходящий, русскому уму несвойственный, русскому чувству противный. Русской почве чужды и лжеучения социально-революционной партии, и её злодейства, и она сама»¹¹⁵².

Обвинитель «исчадий» намеренно извращал суть дела и сгущал краски. Оглушительно патетическая речь его была рассчитана на то, чтобы разжечь политическое настроение (подстать своему) у суда, публики и всего общества. «Господа сенаторы! Господа сословные представители! — начал

¹¹⁵⁰ Ильинский В.В. Адвокат против адвокатуры. СПб., 1894. С. 11.

¹¹⁵¹ Дело 1 марта 1881 г. С. 284, 285, 287–288, 292, 294.

¹¹⁵² Там же. С. 283, 287, 291.

Муравьев. — Призванный быть на суде обвинителем *величайшего из злодеяний*, когда-либо совершившихся на русской земле, я чувствую себя совершенно подавленный *скорбным величием* лежащей на мне задачи. Перед свежее, едва закрывшеюся *могилою нашего возлюбленного монарха*, среди *всеобщего плача отечества...*». Так был задан тон всей растянувшейся на пять часов обвинительной речи, сладострастно ориентированной на шесть виселиц.

В наше время эту заурядно-палаческую речь Муравьева буквально воспел как «блистательную», а его самого как «великого юриста», обозвав при этом Желябова и Перовскую по-муравьевски «взбаламученными, маргинализированными элементами», адвокат Анатолий Кучерена¹¹⁵³. А вот действительно великий (по-моему, даже величайший) русский юрист, сенатор и почётный академик, друг И.С. Тургенева и Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и А.П. Чехова Анатолий Фёдорович Кони, лично знавший Муравьева, был о нём прямо противоположного, по сравнению с Кучереной, т.е. *истинно верного* мнения: «жадный карьерист», «фальсификатор правосудия», «мазурик и хриstopродавец»¹¹⁵⁴. В личном архиве Анатолия Фёдоровича сохранился конверт с вырезками из газет о жизни и смерти Муравьева и с итоговой оценкой его как личности: «Мерзавец Муравьев»¹¹⁵⁵...

Достойную отповедь юридической казуистике и политическим инсинуациям «мерзавца Муравьева» дал в своей речи

---

¹¹⁵³ Кучерена А.Г. Когда люди плачут — желябовы смеются // Независимая газета. 2000. 31 октября. С. 8. Кстати, здесь Кучерена осведомляет своих читателей, что Николай Кибальчич работал в тюрьме над созданием «какого-то (?! — Н.Г.) летательного аппарата». Какого именно, Кучерена не знает. Весь мир знает, а Кучерена не знает. Зато он принят как человек что-то (?) знающий в Общественную палату при президенте Российской Федерации.

¹¹⁵⁴ Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 269; Т. 8. С. 218, 245. Любопытно, знает ли А.Г. Кучерена об этих оценках Кони, да и ведомо ли ему, кто такой Анатолий Фёдорович Кони.

¹¹⁵⁵ ГАРФ. Ф. 564. Ед. хр. 441. Л. 38

Желябов. Кстати, Набоков (надо полагать, по высочайшему повелению) потребовал у Фукса, чтобы он не давал слова Желябову для защитительной речи¹¹⁵⁶. Фукс, к чести его (должно быть, сославшись на закон), слово Желябову дал, но придиричиво (19 раз!) прерывал его речь, требуя «не впадать в изложение теории». Обвинительную же речь прокурора Фукс выслушал в почтительном молчании, хотя, как он сам признал это, прокурор карикатурил программу «Народной воли» «с разными передержками»¹¹⁵⁷.

Желябов, сознавая юридическую предвзятость и политическую невежественность обвинения, потребовал на суде, «чтобы речь прокурора была отпечатана с точностью; таким образом будет отдана на суд общественный и суд Европы»¹¹⁵⁸. Собственную же защитительную речь он целиком употребил на разъяснение, в противовес наветам прокурора, истинных целей и средств борьбы «Народной воли».

«Господа судьи, дело всякого убеждённого деятеля ему дороже жизни, — так начал Желябов свою речь. — Дело наше здесь было представлено в более извращённом виде, чем наши личные свойства. На нас, подсудимых, лежит обязанность по возможности представить цель и средства партии в настоящем их виде <...> Я желал бы предпослать краткий исторический очерк, следуя тому пути, которым шёл прокурор. Всякое общественное явление должно быть познаваемо по его причинам, и чем сложнее и серьёзнее общественное явление, тем взгляд на прошлое должен быть глубже. Чтобы понять ту форму революционной борьбы, к которой прибегает наша партия в настоящее время, нужно познать это настоящее в прошедшем партии, а это прошедшее имеется — небогато оно годами, но очень богато опытом. Если вы, господа судьи, взглянете в отчёты о политических процессах, в эту открытую книгу бытия, то вы увидите, что русские народолюбцы не всегда действовали метательными

---

¹¹⁵⁶ Шницер С.М. Цит. публ. С. 208

¹¹⁵⁷ Там же.

¹¹⁵⁸ Дело 1 марта 1881 г. С. 338.

снарядами, что в нашей деятельности была юность, разовая, мечтательная, и если она прошла, то не мы тому виною»¹¹⁵⁹.

С фактами в руках Желябов доказывал, что поначалу народническое движение развивалось в форме «мирной пропаганды социалистических идей». Но правительство обрушилось на мирных пропагандистов 1873–1874 гг. с жестокими репрессиями. «Движение, крайне безобидное по средствам своим, и чем оно окончилось? — обращался к суду Желябов. — Оно разбилось исключительно о многочисленные преграды, которые встретило в лице тюрем и ссылок». После этого мирная пропаганда оказалась невозможной — «пришлось от слова перейти к делу», т.е. к прямой борьбе с правительством, отвечать на правительственный «белый» террор революционным «красным» террором¹¹⁶⁰.

Желябов мыслил свою защитительную речь на суде как программную. Первоприсутствующий понял это с первых слов подсудимого и старался не допустить такого казуса, чтобы в стенах царского судилища прозвучала революционная программа. Стоило Желябову сказать «Мы критикуем существующий экономический строй и утверждаем...», как Фукс остановил его: «Вы излагаете теоретические воззрения!». Едва Желябов заявил: «Основные положения нашей программы таковы: политический строй...», как Фукс вновь прервал его: «Подсудимый, я решительно лишу вас слова, потому что вы не хотите следовать моим указаниям. Вы постоянно впадаете в изложение теории!»¹¹⁶¹.

Под «теорией» многодумный сенатор Фукс разумел именно революционную программу. Но, кроме теории, был для суда в речи Желябова ещё один жупел — слово «партия». Судьи не хотели мириться с тем, что подсудимый выступает от имени революционной партии. Фукс старался сбить Желябова к частным объяснениям, одёргивал, требовал говорить только о себе лично:

---

¹¹⁵⁹ Дело 1 марта 1881 г. С. 332, 336–337.

¹¹⁶⁰ Там же. С. 337, 339.

¹¹⁶¹ Там же. С. 333, 340.

«Первоприсутствующий. Вы опять говорите о партии...

Подсудимый Желябов. Я принимал участие в ней!

Первоприсутствующий. Говорите только о себе»¹¹⁶².

Требуя соблюдения узаконенного судебной реформой 1864 г. принципа состязательности и равенства сторон на суде в пре-
ниях, Желябов утверждал своё право очищать революцион-
ную программу от клеветы прокурора. «Ввиду того, — говорил
он, — что прокурор пять часов употребил на извращение того
самого вопроса, который я считал выясненным, мне прихо-
дится считаться с этим фактом и я полагаю, что защита в тех
рамках, какие вы мне теперь определяете, не может иметь той
свободы, какая была предоставлена прокурору»¹¹⁶³.

Можно только удивляться тому, как много «в тех рамках»
успел сказать Желябов в защиту целей и средств борьбы своей
партии. Он в особенности подчёркивал, что средства борьбы
«Народной воли» отнюдь не сводятся к террору, к покушениям
на царя: «отдельные террористические акты занимают только
одно из мест в ряду других задач, намечаемых ходом русской
жизни». «Намечена была задача не такая узкая, как говорит
прокурор: мол, повторение покушений — и в случае неудачи —
совершение удачного покушения во что бы то ни стало <...>
Основное положение было таково — организация революци-
онных сил в самом широком смысле»¹¹⁶⁴. Здесь, как явствует
из цензурной купюры в тексте речи Желябова (купюра вос-
становлена по записи народовольца В.А. Тихоцкого, присут-
ствовавшего на суде), Желябов признал, что «пока главный
контингент революционеров состоит из молодёжи дворян-
ского сословия, в силу, конечно, того, что они имеют возмож-
ности получать образование и проникаться, следовательно,
идеями наших великих мучеников-просветителей». Но при
этом вождь «Народной воли» прогнозировал участие в рево-
люционном движении разных сословий, включая буржуазию:

---

¹¹⁶² Дело 1 марта 1881 г. С. 340.

¹¹⁶³ Там же. С. 335

¹¹⁶⁴ Там же. С. 336, 342.

3. Суд

«Представители промышленных классов не чужды нам, пока не осуществились у нас гарантии для развития свобод, личности, образования. Они равно с нами нуждаются в падении самодержавия, в правосудии, веротерпимости, в знаниях, в праве бюджета и контроля и развития внутреннего рынка»¹¹⁶⁵.

Сознание правоты того дела, которое он отстаивал, придавало Желябову на суде избыток сил, так удивлявший (а то и восхищавший) очевидцев даже из враждебного лагеря. Держался он гордо, выступал красноречиво и с такой уверенностью в себе, какой не доставало даже его судьям¹¹⁶⁶. Зная, что его ждёт виселица, он был полон неиссякаемого оптимизма, который сквозил и в том, как он оживлённо переговаривался с товарищами, — особенно с Перовской, сидевшей рядом¹¹⁶⁷, и в том, как проследовательно вел свою программную речь сквозь 19 окриков первоприсутствующего, и в том, с каким достоинством одёрнул он взглядом сановную публику, когда она зашикала на его слова «я русский человек». Очевидец этой сцены граф Р. Фон Пфейль навсегда запомнил, как Желябов «выпрямился и почти угрожающе глядел на публику, пока опять не водворилась тишина»¹¹⁶⁸.

---

¹¹⁶⁵ Цензурная купюра в тексте речи А.И. Желябова на процессе 1 марта 1881 г. // Советский архивы. 1990. № 6. С. 91 (публ. Н.А. Троицкого).

¹¹⁶⁶ Враги по неразумению видели в этой уверенности Желябова фанатическую рисовку. «Желябов рисуется героем своих доктрин», — записывал в дневнике 28 марта 1881 г. граф П.А. Валуев (Дневник 1877–1884 гг. С. 159). Как «наглость» и «нахальство» фанатика воспринимал поведение Желябова на суде М.Н. Катков (Собр. передовых статей «Московских ведомостей». 1881. М., 1898. С. 162, 163).

¹¹⁶⁷ К.П. Победоносцев в дни суда уведомлял царя: «Желябова оставили сидеть рядом с Перовской, так как уже считают их за отпетых людей» (Письма К.П. Победоносцева к Александру III. М., 1925. Т. 1. С. 324).

¹¹⁶⁸ Пфейль фон Р. Последние годы императора Александра II // Новый журнал литературы, искусства и науки. 1908. № 4. С. 56. Рихард фон Пфейль оставил здесь выразительный портрет Желябова: «Высокого роста, стройный, сильный, с удивительным лицом: высокий лоб, густые, слегка вьющиеся

Только великий оптимист мог чуть ли не с верёвкой на шее посмеяться над злобой своих палачей. Когда прокурор, наращивая карательную патетику своей речи, сказал: «Из кровавого тумана, застилающего печальную святыню Екатерининского канала, выступают перед нами *мрачные облики царевбийц...*», — Желябов (который, возможно, смотрел в ту минуту на Перовскую) рассмеялся. Прокурор смолк, судьи и публика оцепенели, поражённые весёлым смехом «мрачного облика». И хотя через минуту *внешне* всё вновь встало на свои места, а Муравьев сумел даже вернуть в речь (и в память о себе будущим «кучеренам») ловкий верноподданнический экспромт: «когда люди плачут — желябовы смеются»¹¹⁶⁹, смех Желябова всё-таки смазал эффект разглагольствований прокурора о клейме мрака на думах и лицах борцов за свободу, а в значительной степени и эффект всей обвинительной речи.

Кстати, и в юридической полемике с обвинением Желябов был на высоте. Просто и веско опроверг он традиционную для царских юристов уловку Муравьева подогнать взгляды подсудимых под те «вещественные доказательства» (книги, письма и пр.), которые находили у них при обысках, хотя бы тот, у кого нашли полученное им письмо или прочитанную книгу, не был согласен с прочитанным. «Все эти вещественные доказательства, — иронизировал Желябов, — находятся в данный момент у прокурора. Имею ли я основание и право сказать, что они суть плоды его убеждений, потому у него и находятся?»¹¹⁷⁰...

В общем, Перовская вполне могла гордиться поведением Желябова на таком процессе, за которым следил весь мир, и, думается, прямо сказала ему об этом, сидя *рядом с ним* на скамье подсудимых. Сама она держалась скромно, говорила мало

волосы, довольно длинная борода, смуглый цвет лица, к которому отлично подходили тёмные, сильно блестящие глаза. Никто не мог поверить, что это — крестьянин» (Там же. С. 51.).

¹¹⁶⁹ Этот инцидент запечатлён в официальном отчёте о процессе: Дело 1 марта 1881 г. С. 210–211.

¹¹⁷⁰ Там же. С. 336.

и коротко, хотя и весомо. Так, она заявила, что «партия “Народной воли” отнюдь не считает возможным *навязывать* какие бы то ни было учреждения или общественные формы народу и обществу и полагает, что народ и общество рано или поздно примут эти (“Народной воли”. — *Н.Т.*) взгляды и осуществят их в жизни»¹¹⁷¹.

Главное, Софья Львовна всем своим видом и каждым словом проявляла столько жертвенности, самообладания, достоинства и чисто женского обаяния, что очень разные очевидцы процесса выделяли её вслед за Желябовым и вровень с ним. Литератор Б.М. Маркевич — любимец Александра III, вхожий в царскую семью, и заглавный герой аллегории И.С. Тургенева «Гад» — сделал показательное и для Желябова, и для Перовской, и для самого «Гада»-Маркевича обобщение: «Перовская и Желябов являют дерзость и спокойствие, свойственные всей этой сволочи»¹¹⁷². Государственный секретарь Е.А. Перетц, наблюдая за Софьей Львовной в дни суда, понял: «Она должна владеть замечательной силой воли и влиянием на других»¹¹⁷³ (явно почувал, что перед ним — «нравственный диктатор»). Корреспондент лондонской «Times» воспринял Перовскую как «утончённо воспитанную леди»¹¹⁷⁴, а граф фон Пфейль не без доли наивности удивлялся: «Видя на скамье подсудимых эту миловидную блондинку, с круглым лицом, с ласковыми голубыми глазами, одетую в простое, но со вкусом сделанное тёмное платье, трудно было поверить, что это одна из опаснейших государственных преступниц, в числе преступлений которой было и убийство 1 марта»¹¹⁷⁵. Впрочем, адвокат Софьи Львовны Кедрин, обращаясь к судьям, как бы повернул ту же мысль вполне серьёзно (и, надо признать, очень смело): «Когда вы услышали в первый раз, что в этом преступлении участвует

¹¹⁷¹ Там же. С. 91. Курсив мой. — *Н.Т.*

¹¹⁷² РГБ РО. Ф. 120. Карт. 28. Ед. хр. 2. Л. 29.

¹¹⁷³ *Перетц Е.А.* Цит. соч. С. 54.

¹¹⁷⁴ 1 марта 1881 г. М., 1933. С. 247.

¹¹⁷⁵ *Пфейль фон Р.* Цит. соч. С. 56.

женщина, то у вас, вероятно, родилась мысль, что эта женщина является каким-то извергом, неслыханною злодейкою. Когда же вы встретились с нею на суде, то это впечатление, я думаю, оказалось диаметрально противоположным»¹¹⁷⁶...

Кстати, все адвокаты на этом процессе исполняли свой долг достойно и смело. Рискуя прослыть в глазах властей политически неблагонадёжными, они старались, в отличие от прокурора, повернуть ход процесса от эмоций к рассудку, напоминая судьям, что нельзя «обращать этого дела в дело мести» и что подсудимые «должны пользоваться всеми гарантиями правосудия»¹¹⁷⁷.

Главное, что отличало здесь линию защиты, — осуждение того разгула полицейских репрессий, жертвами которого становятся, наряду с виновными, и невинные люди, и который, по мнению адвокатов, не только не пресекает революционное движение, но, напротив, восстанавливает против властей и толкает в лагерь революции всё больше и больше разных, «включая честных и даже благоразумных» людей¹¹⁷⁸. При этом защитники сочувственно характеризовали моральный облик подсудимых, не смущаясь тем, что их подзащитные — «цареубийцы». Именно так говорили Кедрин о Перовской, Герке — о Гельфман, Хартулари — о Михайлове, а Герард не только выразил глубокое уважение к личности Кибальчича, но и пытался заинтересовать суд и сановную публику его работой над проектом первого в мире летательного аппарата с реактивным двигателем: «Вот с каким человеком вы имеете дело!»¹¹⁷⁹.

На приговор суда речи адвокатов в защиту первоартовцев, естественно при тех условиях, повлиять не смогли, хотя Унковский резонно доказывал, что Рысаков, которому не было ещё 20 лет, по смыслу ст. 139-й Уложения о наказаниях

---

¹¹⁷⁶ Дело 1 марта 1881 г. С. 329–330.

¹¹⁷⁷ Там же. С. 298, 299, 329 (речи Унковского и Кедрина).

¹¹⁷⁸ Дело 1 марта 1881 г. С. 299, 313, 325–326, 331–332 (речи Герарда, Кедрина, Унковского, Герке).

¹¹⁷⁹ Там же. С. 329.

3. Суд

не подлежит смертной казни как несовершеннолетний¹¹⁸⁰, а Хартулари просил суд учесть, что против его подзащитного Михайлова в материалах обвинения фигурирует только «самое несовершенно доказательство виновности», а именно оговор другого подсудимого, Рысакова¹¹⁸¹.

Вернёмся, однако, к Софье Львовне. Ведь ей пришлось слушать о себе самые тяжкие и грязные обвинения из уст приятеля своего детства, которому тогда она не дала утонуть в пруду. Муравьев требовал виселицу для Перовской с таким озлоблением, какого он не выказывал даже к самому Желябову. Именно Перовскую силился он представить олицетворением безнравственности и жестокости, «ужасающего извращения всех человеческих чувств и инстинктов», вообще будто бы свойственного народовольцам. «Обыкновенное нравственное чувство отказывается понимать», — негодовал этот «мазурик и христопродавец», — как могла женщина встать «во главе заговора» и «с циничным хладнокровием» организовать «злодеяние» цареубийства, да ещё «любоваться» этим «делом рук своих»¹¹⁸².

При этом Муравьев норовил не только опорочить, но и принизить Перовскую как революционерку: противореча самому себе, он удивлялся, почему руководство цареубийством было доверено «слабым рукам женщины», которую он сам только что представлял ужасной, *способной* на любое злодеяние, преступницей¹¹⁸³. Исполнительный комитет «Народной воли» отлично знал, слаба или, напротив, необычайно сильна эта женщина как «нравственный диктатор» народолюбцев и тираноборцев.

Софья Львовна на выпады прокурора против неё лично не отвечала. Но его попытка выставить всех вообще народолюбцев жестокими и безнравственными отщепенцами возмутила

---

¹¹⁸⁰ Дело 1 марта 1881 г. С. 357–361.

¹¹⁸¹ Там же. С. 308.

¹¹⁸² Там же. С. 209, 255, 277–278.

¹¹⁸³ Там же. С. 254. Курсив мой. — Н.Т.

её настолько, что она всё своё — очень краткое — «последнее слово» целиком употребила на отповедь этой попытке: «Много, очень много обвинений сыпалось на нас со стороны г. прокурора. Относительно фактической стороны обвинений я не буду ничего говорить, — я все их подтвердила на дознании, — но относительно обвинения меня и других в безнравственности, жестокости и пренебрежении к общественному мнению, относительно всех этих обвинений я позволю себе возражать и сошлюсь на то, что тот, кто знает нашу жизнь и условия, при которых нам приходится действовать, не бросит в нас ни обвинения в безнравственности, ни обвинения в жестокости»¹¹⁸⁴.

Можно понять, как такая женщина раздражала особей из лагеря реакции, настроенных и, главное, мысливших à la «мерзавец Муравьев». Так, генеральша Александра Богданович (жена Е.В. Богдановича — генерала от инфантерии, члена совета министерства внутренних дел, т.е. сослуживца Льва Николаевича Перовского) оставила в дневнике за день до начала суда над первомайцами такую запись о Желябове и Перовской: «Я бы не допустила их судить — их дела так подлы, без суда видно, чего они заслужили»¹¹⁸⁵, а придворный генерал А.А. Киреев в первый день суда поделился со своим дневником такими впечатлениями о подсудимых: «Всматриваю в их лица. Самое чудовищное существо из всех их — Софья Перовская (в нравственном отношении)»¹¹⁸⁶...

Но не эти «мерзопакостные» эмоции преобладали в том, как были восприняты процесс и поведение на нём подсудимых самыми влиятельными — и чиновничьими, и журналистскими — верхами. Председатель Комитета министров П.А. Валуев 29 марта озадаченно констатировал в дневнике: «Процесс о цареубийстве ведётся так, что наиболее видную роль играют подсудимые, и отчёты о заседаниях таковы, что

¹¹⁸⁴ Дело 1 марта 1881 г. С. 349.

¹¹⁸⁵ *Богданович А.В.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 63.

¹¹⁸⁶ РГБ РО. Ф. 126. Карт. 2. Ед. хр. 8. Л. 223 об.

3. Суд

они могут выставить себя героями-жертвами, воевавшими за народ»¹¹⁸⁷. Валуев вторил, уже по окончании процесса, главварь реакционной журналистики, хозяин газеты «Московские ведомости» (которую современники называли «русской литературной полицией») М.Н. Катков: «Скамья подсудимых обращается в трибуну, с которой льются возмутительные речи, на которой деятели чёрного дела показывают себя так, как им хочется показать себя публице»¹¹⁸⁸.

Да, не только Желябов и Перовская, — все (кроме Рысакова) подсудимые вели себя на суде героически. Николай Кибальчич даже переконфузил весь суд, а главное, царских экспертов, когда они, встав в тупик перед секретом устройства его летательных снарядов, заключили, будто гремучий студень (взрывчатый состав) для них доставлен из-за границы. Такой экспертной оплошности Кибальчич из чувства патриотизма не стерпел и объявил: «Я должен возразить против мнения экспертизы о том, что гремучий студень — заграничного приготовления. Он сделан нами»¹¹⁸⁹.

Патриотизм Кибальчича (как, впрочем, и всех русских народолюбцев) был чужд национальной ограниченности: предпочтительную любовь к своему народу он сочетал в себе с любовью к другим народам мира. В камере смертника Кибальчич закончил работу над своим проектом летательного аппарата с реактивным двигателем. Сдавая проект начальнику Петербургского ГЖУ генералу А.В. Комарову, Николай Иванович предварил его текст следующим заявлением: «Находясь в заключении, за несколько дней до своей смерти, я пишу этот проект. Я верю в осуществимость моей идеи, и эта вера поддерживает меня в моём ужасном положении. Если же моя идея, после тщательного обсуждения учёными специалистами, будет признана исполнимой, я буду счастлив тем, что окажу громадную услугу *родине и человечеству*. Я спокойно тогда

---

¹¹⁸⁷ Валуев П.А. Дневник 1877–1884. С. 159.

¹¹⁸⁸ W. Петербургские письма // Московские ведомости. 1881. 11 апреля.

¹¹⁸⁹ Дело 1 марта 1881 г. С. 170.

встречу смерть, зная, что моя идея не погибнет вместе со мной, а будет существовать среди человечества, для которого я готов был пожертвовать своей жизнью»¹¹⁹⁰.

Геся Гельфман и Тимофей Михайлов, в отличие от Желябова, Перовской и Кибальчича, каких-либо политически значимых заявлений не делали, но признали свою причастность к «Народной воле» и ни в чём не раскаивались, не малодушничали. Желябов и Перовская, со своей стороны, настойчиво выгораживали и Гесю, и Тимофея, чтобы спасти их от виселицы, ссылаясь на то, что они не участвовали в цареубийстве и прямых улик против них, кроме оговоров Рысакова, нет. Цитирую заявление Перовской со скамьи подсудимых: «Гельфман как хозяйка конспиративной квартиры, как член партии «Народная воля» вовсе не примыкала к террористической деятельности партии. Она занималась только распространением её прокламаций. Поэтому она не участвовала в совещаниях, которые проводили для подготовки террористических акций; точно так же вообще не знала о ходе террористических дел. Относительно подсудимого Михайлова я должна сказать, что он тоже не принимал участия в террористических делах партии, не готовился в метальщики и не был 1 марта на квартире, где, собственно, решался план действий, — следовательно, в этом факте цареубийства. — *Н.Т.* он не принимал никакого участия»¹¹⁹¹...

Приговор ОППС по делу о цареубийстве был объявлен 30 марта, в 4 часа пополудни: все шестеро обвиняемых — к смертной казни через повешение¹¹⁹². Назначен был суточный срок для подачи кассационных жалоб, но их никто не

---

¹¹⁹⁰ Проект воздухоплавательного аппарата Н.И. Кибальчича // Былое. 1918. № 4–5. С. 115 (курсив мой. — *Н.Т.*) Царизм, повесив Кибальчича, схоронил его гениальный проект в жандармском архиве, где он оставался 36 лет, до августа 1917 г., пока не стал достоянием мировой науки и техники.

¹¹⁹¹ Дело 1 марта 1881 г. С. 91. См. там же, на С. 95–96 аналогичное заявление Желябова о Михайлове.

¹¹⁹² Текст приговора см.: Там же. С. 384–385.

3. Суд

подал. Зато Рысаков и Михайлов подали прошение на высочайшее имя о помиловании¹¹⁹³. С прошением Рысакова всё ясно и просто: в нём — и политическое, и чисто человеческое раскаяние, самоунижение и самобичевание, отрешивание от революционной греховности. А вот прошение Михайлова, который и на суде и, как мы увидим, после суда (по дороге к месту казни, а также на эшафоте) держался мужественно, следует расценивать как юридический демарш перед царём против суда, ибо суд не смог его уличить хотя бы в причастности к цареубийству.

ОППС, рассмотрев оба прошения, сочло их «не заслуживающими уважения», ибо «злодеяние» просителей «так противоестественно, так ужасно, омрачило русскую землю таким потрясающим горем, так неслыханно в летописях русского народа¹¹⁹⁴, что и самая малая доля участия в таком злодеянии должна стоять выше величайших злодеяний на земле»¹¹⁹⁵. Александр III наложил на этом документе резолюцию: «Поступить сообразно заключению Особого присутствия».

В совершенно исключительном положении оказалась Геся Гельфман. Ввиду того, что она сделала заявление о своей беременности¹¹⁹⁶, после её медицинского освидетельствования 31 марта «в присутствии лиц прокурорского надзора и С.-Петербургского градоначальника», сенаторы постановили казнь беременной женщины ... *отложить* до рождения ребёнка¹¹⁹⁷ (мол, пусть сначала родит, а потом мы её повесим). Пять остальных первоартовцев решено было казнить 3 апреля на Семёновском плацу в Петербурге — том самом,

---

¹¹⁹³ См.: ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 515. Л. 228–228 об. (прошение Рысакова) и 229–230 (прошение Михайлова).

¹¹⁹⁴ Н.П. Ашешов, цитируя этот текст, здесь подметил: «Сенат забыл про Петра III и Павла I» (Цит. соч. С. 133). Добавлю от себя: и про Ивана VI.

¹¹⁹⁵ Дело 1 марта 1881 г. С. 386–387.

¹¹⁹⁶ Г.М. Гельфман была женой члена ИК «Народной воли» Н.Н. Колодковича. Подробно о ней см.: *Иохельсон В.И., Кантор Р.М.* Геся Гельфман. Материалы для биографии и характеристики. Пг.; М., 1922.

¹¹⁹⁷ Дело 1 марта 1881 г. С. 387–388.

где 22 декабря 1849 г. была инсценирована казнь петрашевцев (включая Ф.М. Достоевского), а 22 февраля 1880 г. казнён Ипполит Млодецкий...

Варвара Степановна Перовская все дни, пока заседал суд, прожила в Петербурге — по всей вероятности, отдельно от мужа, Льва Николаевича. Василий Львович свидетельствовал, что устроилась она «в Северной гостинице, против [Николаевского] вокзала»¹¹⁹⁸. Известно также, что Лев Николаевич отказался от свидания с дочерью, и, как верно заметила Елена Сегал, «это было лучше, что он мог для неё сделать»¹¹⁹⁹. В самом деле, о чём могли бы тогда говорить друг с другом такие отец и дочь — люди не просто из враждебных лагерей, но, можно сказать, уже из разных миров?

«Идти на заседание суда мать не хотела совсем и не спрашивала пропуска», — вспоминал Василий Львович¹²⁰⁰. Пропуск она могла бы достать с помощью адвоката Софьи Львовны Е.И. Кедрина, который «выразил готовность всё сделать» для Варвары Степановны и её детей¹²⁰¹. Но после свидания с дочерью ещё до начала суда и полученного от неё письма от 22 марта Варвара Степановна не находила в себе душевных сил для того, чтобы видеть, как судят её дочь и приговаривают к смерти. Когда же, сразу после суда, она обратилась к сенаторам с просьбой дать ей возможность проститься с дочерью, «ей ответили, что с момента вынесения приговора дочь её считается мёртвой, и потому никаких свиданий не полагается»¹²⁰².

В те дни родилась легенда, быстро обраставшая слухами, о том, что, будто бы, власти всё-таки назначили Варваре Степановне свидание с дочерью на утро 3 апреля, — издевательски назвав тот самый день и час, когда осуждённых увозили из тюрьмы к месту казни. «Она пришла, — читаем о Варваре

¹¹⁹⁸ Перовский В.Л. Цит. соч. С. 102.

¹¹⁹⁹ Сегал Е.А. Цит. соч. С. 353.

¹²⁰⁰ Перовский В.Л. Цит. соч. С. 106.

¹²⁰¹ Там же. С. 107.

¹²⁰² Там же. С. 106.

3. Суд

Степановне у С.М. Кравчинского, — но в ту минуту, когда она подходила к тюрьме, ворота распахнулись, и она действительно увидела дочь, но уже на роковой колеснице»¹²⁰³. Эта версия налицо и в сборнике материалов о событии 1 марта 1881 г. под редакцией литературной комиссии народовольцев с участием М.Ф. Фроленко и А.В. Якимовой¹²⁰⁴. Однако такой (в данном случае самый авторитетный) источник, как Василий Львович Перовский, утверждает, что брат его, Николай Львович, после отказа Варваре Степановне в свидании с дочерью, — ибо она «считается мёртвой», — «сказал, что мама очень расстроена и что завтра же они уезжают домой», в Приморское, где они жили тогда вместе¹²⁰⁵...

После того как был объявлен смертный приговор всем осуждённым, какие-либо свидания с ними были запрещены. В связи с этим родилась тогда, как сказано в № 1 Листка «Народной воли», «общая молва о пытках после суда»; правда, здесь же редакция Листка делает оговорку: «Не решаемся подтвердить слух, не имея для этого положительных доказательств»¹²⁰⁶.

В реакционных кругах, даже близких к царскому двору, высказывались за то, чтобы применить к осуждённым пытки, либо даже констатировали их (по слухам) как факт. Если царская фрейлина А.Ф. Тютчева (старшая дочь великого поэта Ф.И. Тютчева и жена известного публициста И.С. Аксакова) раздражалась самим фактом суда над «висельниками», предпочитая любой вид расправы с ними без «показного соблюдения юридических норм»¹²⁰⁷, а генеральша А.В. Богданович после суда откровенно возжелала: «Дай Бог, чтобы их попытали»¹²⁰⁸, то Б.М. Маркевич ещё до суда, 14 марта 1881 г., сообщил М.Н. Каткову слух, будто Перовскую и её товарищей

---

¹²⁰³ *Степняк-Кравчинский С.М.* Избранное. С. 469.

¹²⁰⁴ См.: 1 марта 1881 г. М., 1933. С. 206.

¹²⁰⁵ *Перовский В.Л.* Цит. соч. С. 107.

¹²⁰⁶ Литература партии «Народная воля». С. 121.

¹²⁰⁷ *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров. Тула, 1990. С. 340.

¹²⁰⁸ *Богданович А.В.* Цит. соч. С. 64.

«к понуждению их говорить» пытали «гальваническими батареями тока, которых не в состоянии долго выдержать никакой организм»¹²⁰⁹.

Слухи о том, что первоартовцев перед казнью пытали, наиболее упорными были, конечно, в революционной (подпольной и эмигрантской) среде. Об этом писали П.А. Кропоткин, О.С. Любатович, И.И. Попов¹²¹⁰. В органе русских бланкистов «Набат» (под редакцией П.Н. Ткачева) при этом обыгрывалось одно доказательство, оставшееся без подтверждений: в № 1 — «когда Желябова, Рысакова, Перовскую, Михайлова и Кибальчича везли на казнь, Михайлов кричал: “Нас всех пытали!”»¹²¹¹; в № 3 — «с каторжной колесницы, на которой везли 3 апреля на казнь 5 мучеников <...>, ясно и отчётливо раздалась следующие слова: “Нас пытали, расскажите!”, а в толпе, которая находилась недалеко от колесницы, слышалось трижды повторённое: “Слышите, их пытали!”»¹²¹².

«Были ли то пустые выдумки или чьи-нибудь нескромные разоблачения? — задавался вопросом Сергей Кравчинский и заключал. — Никому не известно»¹²¹³. Присоединяется к этому заключению и разумно дополняет его Елена Сегал: «Пытали приговорённых или нет, так и осталось невыясненным <...> Но что могли бы дать пытки? Ясно было, что у Перовской, Желябова, Кибальчича, Михайлова никакая мука не вырвет лишнего слова, а Рысаков и так, без пыток, готов вывернуть душу наизнанку»¹²¹⁴...

Весь ход процесса по беспримерному делу о цареубийстве и, особенно, смертные приговоры всем шести «цареубийцам»,

¹²⁰⁹ РГБ РО. Ф. 120. Папка 33. Л. 204.

¹²¹⁰ См.: Любатович О.С. Цит. соч. С. 108; Попов И.И. Минувшее и пережитое. М., 1933. С. 94; Кропоткин П.А. В русских и французских тюрьмах. СПб., 1906. С. 33–34.

¹²¹¹ Набат. Лондон, 1881. № 1. С. 1

¹²¹² Там же. № 3. С. 3

¹²¹³ Степняк-Кравчинский С.М. Избранное. С. 469.

¹²¹⁴ Сегал Е.А. Цит. соч. С. 380.

3. Суд

из которых на деле никто не был цареубийцей, причём среди осуждённых на виселицу условных цареубийц оказалась беременная женщина, — всё это вызвало и в России, и в мире небывалый, сравнительно со всеми судебными процессами XIX века, ажиотаж откликов, преимущественно сочувственных к «цареубийцам». Сочувствовали не только соратники и единомышленники «цареубийц», но и большинство нейтральных (либеральных и даже консервативных) слоёв общества, в представлении которых расправа с первомаковцами была и более жестокой и менее праведной, нежели их преступление.

Вот несколько показательных примеров такого рода откликов. Видный историк и публицист либерально-демократического направления (с 1905 г. — кадет) И.П. Белоконский не мог без волнения вспоминать речь Желябова на процессе («слёзы выступают на глаза, когда читаешь следующее заявление Желябова на суде: “Если вы, гг. судьи, заглянете в отчёты о политических процессах...”»)¹²¹⁵. А юная курсистка О.Г. Райс (Каллистратова) так вспоминала о Желябове и его сопроцессниках: «Речь, сказанная на суде Желябовым, заучивалась наизусть. Восхищение перед этой колоссальной фигурой было необъяснимо и можно без преувеличения сказать, что не было уголка в России, где бы не говорили о Желябове, Перовской, Кибальчиче, а больше всего о Желябове. *Обаяние Перовской было не меньше*»¹²¹⁶.

Громче всех голосов об осуждении первомаковцев прозвучали тогда на всю Россию и эхом отозвались в мире два голоса — Льва Николаевича Толстого и Владимира Сергеевича Соловьёва.

Толстой ещё до суда над первомаковцами, между 8 и 15 марта 1881 г., написал письмо на имя Александра III и послал его своему другу, литератору и философу Н.Н. Страхову с просьбой передать его через К.П. Победоносцева лично в руки

---

¹²¹⁵ Белоконский И.П. Андрей Иванович Желябов (Отрывки из воспоминаний) // Былое. 1906. № 3. С. 82.

¹²¹⁶ РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 87. Л. 2. Курсив мой. — Н.Т.

царю. «Революционеры могли — хотя несправедливо — осуждать его (Александра II. — *Н.Т.*) за гибель десятков своих, — внушал Лев Николаевич Александру III. — Но вы чисты перед всей Россией и перед ними. На руках ваших нет крови...» Писатель убеждал царя в бесплодности репрессией против революционеров: «Убивая, уничтожая их, нельзя бороться с ними. Не важно их число, а важны их мысли. Для того, чтобы бороться с ними, надо бороться духовно. Их идеал есть общий достаток, равенство, свобода. Чтобы бороться с ними, надо поставить против них идеал такой, который был бы выше их идеала, включал бы в себя их идеал». В качестве такого идеала Толстой предлагал самодержцу «идеал любви, прощения и воздаяния добра за зло», считая возможным, чтобы Александр III «позвал этих людей (первомартовцев. — *Н.Т.*), дал им денег и услав их куда-нибудь в Америку»¹²¹⁷.

К.П. Победоносцев отказался передать царю такое письмо¹²¹⁸. Тогда Н.Н. Страхов добился передачи письма через очень авторитетного профессора-историка К.Н. Бестужева-Рюмина и вел. кн. Сергея Александровича (брата царя). Кстати, генерал В.Н. Бестужев-Рюмин (брат историка), которому Толстой показал текст письма перед отсылкой его царю, «деловитым тоном объявил, что за такое письмо — “места отдалённые”»¹²¹⁹. Но никаких последствий письмо не имело: царь, конечно, не собирался миловать убийц своего «августейшего родителя», но и не рискнул спровадить в «места отдалённые» их великого заступника.

Вслед за Толстым ещё более смелую попытку спасти первомартовцев от казни предпринял видный философ, профессор Петербургского университета В.С. Соловьев (сын великого историка С.М. Соловьева).

---

¹²¹⁷ Цит. черновик письма (*Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. Юб. изд. М.; Л., 1934. Т. 63. С. 50–52). Окончательная его редакция до сих пор не разыскана.

¹²¹⁸ Там же. С. 59.

¹²¹⁹ Там же. Т. 75. С. 114.

3. Суд

28 марта в зале Кредитного общества в Петербурге перед аудиторией более чем в 1000 человек Соловьев выступил с публичной лекцией на тему «Критика современного просвещения и кризис мирового процесса», в заключение которой потребовал амнистии для цареубийц. «Сегодня судятся и верно будут осуждены на смерть убийцы 1 марта, — говорил он. — Царь может простить их. И если он действительно вождь народа русского, если он, как и народ, не признаёт двух правд, если он признаёт правду Божью за правду, а правда Божья говорит “не убий”, то он должен простить их. Если ещё и можно допустить убийство как частное исключение для самообороны, то холодное и обдуманное убийство безоружного, называемое смертной казнью, претит душе народа. Великая теперь минута самоосуждения и самооправдания! Пусть царь и самодержец заявит на деле, что он прежде всего христианин. Он не может не простить их! Он должен простить их!»¹²²⁰.

Пожалуй, больше, чем выступление самого Соловьева, означила в данном случае реакция на него тысячной, разнородной (преимущественно из столичной интеллигенции) аудитории. Отдельные «вопли остервенения» и угрозы по адресу лектора¹²²¹ заглушила овация, которую устроила Соловьеву (видимо, не из одних только христианских побуждений) подавляющая масса слушателей. Молодёжь вынесла Соловьева на руках до самой кареты¹²²². Сочувственно откликнулась на

---

¹²²⁰ РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 352. Л. 2 об. (цит. по нелегальному списку). Запись лекции, опубликованная П.Е. Щеголевым в № 3 «Былого» за 1906 г., отличается от цитируемой: в частности, там нет двух последних фраз, которые, однако, удостоверены очевидцем Л.З. Слонимским (Былое. 1907. № 3. С. 306–307).

¹²²¹ «У самой кафедры, — рассказывал очевидец, — какой-то военный (кажется, генерал) что-то кричал со свирепым видом и угрожающими жестами по направлению к лектору» (Былое. 1907. № 7. С. 322).

¹²²² Письма в редакцию // Былое. 1907. № 3. С. 306–307 и № 7. С. 322; *Никуфоров Н.* Петербургское студенчество и В.С. Соловьев // Вестник Европы. 1912. № 1. С. 181–184; *Гнедич П.П.* Книга жизни. Л., 1929. С. 135; *Попов И.И.* Указ. соч. С. 94.

выступление Соловьева российская общественность. «Молодец Соловьев!» — похвалил его Лев Толстой¹²²³. Текст выступления в списках и гектографированных оттисках ходил по рукам¹²²⁴. Немудрено, что власти всполошились. М.Т. Лорис-Меликов в докладе царю 31 марта признал, что Соловьева следовало бы лишить профессорского звания и выслать из столицы, но, «имея в виду, что Соловьев — сын недавно умершего знаменитого учёного и, по отзывам сведущих лиц, отличается строго аскетическим образом жизни и склада убеждений», счёл возможным ограничиться запрещением Соловьеву выступать с публичными лекциями. Царь согласился с экс-диктатором (после 1 марта уже постепенно терявшим власть)¹²²⁵.

Возможно, были и другие демарши перед правительством в защиту первомайцев. Во всяком случае, 30 марта К.П. Победоносцев пожаловался царю, что «сегодня пущена в ход мысль» о возможности помилования цареубийц, которая его, Победоносцева, «приводит в ужас». Царь утешил своего наставника, сделав на его письме (с неизменными ошибками в орфографии и пунктуации) следующую «историческую» приписку: «Будь-те покойны с подобными предложениями ко мне не посмеют прийти никто и что *все шестеро будут повешены за это я ручаюсь*»¹²²⁶...

Жгучий интерес буквально всех слоёв населения привлёк к себе процесс первомайцев за пределами России. Все солидные европейские, а также американские газеты печатали подробные корреспонденции о ходе суда, а публика без различия убеждений, пола и возраста зачитывалась ими. Вот что сообщил, например, 29 марта (9 апреля) 1881 г. корреспондент петербургской газеты «Голос» из Вены: «Читатели, — а такими

¹²²³ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 63. С. 61.

¹²²⁴ РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 352, 385.

¹²²⁵ Щеголев П.Е. Событие 1 марта и Владимир Соловьев // Былое. 1918. № 4–5. С. 335–336.

¹²²⁶ К.П. Победоносцев и его корреспонденты. М.; Пг., 1923. Т. 1. Ч. 1. С. 46–47. Подчёркнуто на факсимиле приписки Александра III им самим.

можно теперь без преувеличения считать всю Вену, не исключая 8-летних мальчиков и девочек, ходящих с котомкой книжек в школы, а также извозчиков, или, как их здесь называют, “фиакров”, которые, сидя на козлах, считают священной обязанностью читать иллюстрированный “Extrablatt”, — с напряжённым вниманием читают и перечитывают все эти (о суде, подсудимых, свидетелях, публике. — *Н.Т.*) подробности»¹²²⁷.

Разумеется, тон и смысл откликов на процесс разных (революционных, либеральных, консервативных, реакционных и политически нейтральных) сфер были разными. Консервативный американский журнал «Macmillan Magazine» уподоблял народовольцев «маньякам эпохи французского террора», способным только на разрушение¹²²⁸. Одна из самых влиятельных немецких газет «Allgemeine Zeitung», посвятившая первомагтовцам три редакционные статьи в номерах от 23, 24 и 25 марта 1881 г. под общим названием «Нигилизм в России», хотя и признавала в народовольцах «целеустремлённость и готовность к самопожертвованию», даже «нечто вроде античного величия» (!), ссылалась на «общий ужас, возбуждаемый преступлениями нигилизма»¹²²⁹.

Явно бо́льшая часть мировой общественности уважительно оценила силу духа, жертвенность и благородство «цареубийц». «Это действительно дельные люди, без мелодраматической позы, простые, деловые, героические», — писал о них К. Маркс дочери Женни 11 апреля 1881 г.¹²³⁰. Даже консервативная лондонская «Times», которая за считанные дни до суда по делу 1 марта злобствовала против народовольцев как «политических извергов» и «головорезов»¹²³¹, о суде писала в сдержанном тоне, не без симпатии к подсудимым, будь то «пытливый химик»

¹²²⁷ Голос. 1881. 2 (14) апреля.

¹²²⁸ Costelloe. Russia and Revolution // «Macmillan Magazine». 1882. № 3. P. 408 (цит. по кн.: *Кеннан Д.* Сибирь и ссылка. СПб., 1999. Т. 2. С. 292).

¹²²⁹ Der Nihilismus in Russland // Allgemeine Zeitung. Augsburg, 1881. 25 märs.

¹²³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35. С. 147.

¹²³¹ The Times. 1881. 22 March (передовая статья).

Кибальчич, «утончённо воспитанная леди» Перовская или «чеканный тип гордого и непреклонного демагога», каким показался корреспонденту «Times» (очевидцу процесса) Желябов¹²³².

Впрочем, не только личности подсудимых, но и программа, которую они провозглашали перед судом, вызвала сочувственный интерес за границей. Особенно впечатляла речь Желябова: он ведь отмежевывал «Народную волю» от анархизма, ставшего пугалом для европейской общественности («Мы государственники, не анархисты»¹²³³), и требовал политических свобод, столь ценимых на Западе и желанных на Востоке. Та же «Times» добросовестно пересказала речь Желябова¹²³⁴, а в передовой статье от 16 апреля 1881 г. признала, что в требованиях «Народной воли» нет «ничего недопустимого и неосновательного».

Солидарность с русскими «цареубийцами» выражали в марте-апреле 1881 г. свободолюбивые американцы на митингах в Нью-Йорке и (с участием 2 тыс. рабочих) в Чикаго¹²³⁵.

Казнь героев 1 марта повлекла за собой буквально взрывы протеста в разных концах мира. Но об этом речь — впереди.

4. Казнь

В 1965 г. увидела свет неоценимая для биографа С.Л. Перовской публикация кандидата филологических наук И.М. Юдиной¹²³⁶. Автор публикации разыскала в рукописном отделе ИРЛИ АН СССР, среди редакционных бумаг журнала «Русское богатство», машинописный текст воспоминаний неизвестного автора под названием «Последние дни жизни Софьи Перовской». «Судя по содержанию, — резонно предполагает И.М. Юдина, — записки эти принадлежат перу лица, приставленного к Софье Львовне

¹²³² См.: 1 марта 1881 г. М., 1933. С. 246–247.

¹²³³ Там же. С. 333.

¹²³⁴ См.: The Times. 1881. 14 April. P. 5.

¹²³⁵ См.: 1 марта 1881 г. М., 1933. С. 286.

¹²³⁶ Юдина И. За день до эшафота // Неделя. 1965. № 20. С. 8–9.

Перовской в Доме предварительного заключения, где она находилась перед казнью. Автором их, возможно, был один их охранявших ее жандармских офицеров, который, по понятным причинам, пожелал остаться неизвестным». Предлагаю вниманию читателей — с некоторыми сокращениями и комментариями — текст этих записок, публикация которых впервые позволила узнать о последних, перед казнью, трех днях жизни Перовской.

Итак, за три дня до казни Софья Львовна вместе с Гесей Гельфман была переведена из тюрьмы Департамента полиции в женское отделение ДПЗ: Гельфман поместили в камеру № 1, Перовскую — в камеру № 2. Цитирую далее жандармского (скорее всего) «мемуариста»: «Перовская была замечательно спокойна, на нее не влияло даже то, что к ней в камеру был приставлен жандарм (привыкла к этому в полицейской тюрьме. — *Н.Т.*). Дверь ее камеры была не заперта на ключ, и за дверями в коридоре помещался второй жандарм <...> Воспитание ее сразу было видно во всем: за каждую мелочь она благодарила; ни одного резкого слова ни по адресу жандармов, ни по адресу администрации».

Накануне казни Софья Львовна «попросила разрешения принять ванну». Для этого требовалась санкция «*высшего начальства*» (то ли начальника ДПЗ, то ли самого шефа жандармов... — *Н.Т.*). Разрешение было получено лишь через несколько часов.

«В 8 часов в коридоре на женском отделении была приготовлена ванна. Один жандарм стоял недалеко от ванны, другой — в коридоре у дверей в мужское отделение, третий — у дверей, ведущих на прогулку. Перовская в сопровождении помощницы начальника ДПЗ и надзирательницы подошла к ванной комнате. Глядя на жандармов, расставленных у дверей, и видя, что помощница начальника с надзирательницей хотят быть у незапертой двери ванной, она сказала: “Напрасно вы боитесь, что я с собой что-нибудь сделаю: я за счастье считаю умереть вместе с товарищами”». Отвлечемся ненадолго от жандармских «мемуаров». Официальный отчет о казни первомартовцев гласит: «В 6 утра всех преступников, за исключением Геси Гельфман, разбудили. Им предложили чай. После чая их поодиночке приводили

в управление ДПЗ, где. в особой комнате, переодевали в казенную одежду: белье, серые штаны, полушубки, поверх которых арестантский черный армяк, сапоги и фуражку с наушниками. На Перовскую надели платье тиковое с мелкими полосками, полушубок и также черную арестантскую шинель»¹²³⁷.

Возвращаемся к воспоминаниям неизвестного охранника о Перовской: «Когда она была готова, жандарм сообщил об этом своему начальнику. Вошел палач¹²³⁸: он был пьян. Перовская со словами: “Прощайте” поклонилась до земли помощнице начальника и надзирательнице. Когда она встала, палач грубым движением заломил ей руки назад. Слышно было, как хрустнули ее суставы. Связав ей за спиной руки, палач надел на ее грудь черную доску с надписью “Цареубийца” и велел следовать за собой. Перовская шла за ним, а позади нее шли два жандарма».

Когда Софью Львовну вывели во двор ДПЗ, там уже стояли две колесницы с четырьмя мужчинами, привязанными к сиденьям: на одной колеснице — Желябов и Рысаков, на другой — Кибальчич и Михайлов. «Желябов сидел близко к дверям и увидел, как ведут Перовскую. “Женщину! неужели женщину будут казнить?!” — крикнул он. Шея и лицо его нанились кровью, и он порывался вскочить»¹²³⁹. Перовская успокоила Желябова «прощальным поцелуем»...

---

¹²³⁷ Суд и казнь первомайцев. Рисунки очевидца и официальный отчет // Былое. 1918. № 4–5. С. 316.

¹²³⁸ Это был самый знаменитый за всю историю России заплечных дел мастер, душегуб-виртуоз (из уголовников), почти штатный служитель царизма. Только в 1879–1882 гг. он повесил, исполняя смертные приговоры царского суда, 26 «народных заступников», в том числе Валериана Осинского, Дмитрия Лизогуба, Александра Квятковского, Николая Суханова и пятерых первомайцев 1881 г. См. о нем: *Венедиктов Д.Г.* Палач Иван Фролов и его жертвы. М., 1930; Белов К.М. Палач. Роман. 2 изд. М., 1993.

¹²³⁹ Желябов, скорее всего, был уверен, что Перовской заменят смертный приговор, как заменили его в 1879 г. Софье Лешерн фон Герцфельд. Ведь до 3 апреля 1881 г. женщин в России, не только политически, но даже и уголовно осужденных, не вешали.

О том, что и как было дальше, сообщают уже другие источники, — главным образом, конечно, официальный отчет. Вера Фигнер со слов очевидцев поведала о том, как палач Фролов усаживал Перовскую на арестантскую колесницу: посадив ее между Кибальчицем и Михайловым, как сидели они, спиной к лошади, он стал привязывать Софью Львовну к сиденью и так скрутил ей руки, уже травмированные им минутами ранее, что она попросила: «Отпустите немного. Мне больно...» «После будет еще больше», — зловеще усмехнулся жандармский офицер, руководивший доставкой «цареубийц» к месту казни. «Это был, — читаем у Веры Фигнер, — тюремщик Алексеевского равелина, в котором немного спустя медленной смертью умерщвляли наших народовольцев, он же — последний комендант нашего Шлиссельбурга¹²⁴⁰ Яковлев»¹²⁴¹. Как шлиссельбургский комендант Яковлев запомнился Вере Николаевне таким: «За 20 лет он состарился, пожелтел и уродливо растолстел. Мы все узнали его и как-то сразу дали ему кличку Бочка»¹²⁴².

Таким образом, в судьбу Софьи Львовны Перовской напоследок вмешались два самых одиозных тюремщика Российской империи: в тюрьму на допрос ее доставил «Ирод»-Соколов, а из тюрьмы на эшафот — «Бочка»-Яковлев...

«В 7 часов 50 минут, — читаем в официальном отчете о казни¹²⁴³, — ворота, выходящие из Дома предварительного заключения на Шпалерную улицу, открылись и, спустя несколько минут, из них выехала первая позорная колесница, запряженная парой лошадей. На ней, с привязанными к сиденью руками, помещались два преступника: Желябов и Рысаков <...>

---

¹²⁴⁰ Имеется в виду Шлиссельбургская каторжная тюрьма — самая страшная в России.

¹²⁴¹ *Фигнер В.Н.* Цит. соч. Т. 1. С. 279.

¹²⁴² Там же. Т. 2. С. 198.

¹²⁴³ Весь отчет был извлечен из «Дела о совершенном 1 марта 1881 г. злодеянии, жертвою коего пал в Бозе почивший император Александр II» (СПб., 1881. С. 135–140) и перепечатан с рисунками очевидца в «Былом» (1918. № 4–5. С. 312–325).

Вслед за первой выехала из ворот вторая позорная колесница с тремя преступниками: Кибальчицем, Перовской и Михайловым. На груди у каждого из пяти висела черная доска с белой надписью «Цареубийца».

Везли «цареубийц» на казнь от ДПЗ по улице Шпалерной (ныне — Воинова), Литейному проспекту, улицам Кировной (Салтыкова-Щедрина), Надеждинской (Маяковского) и Николаевской (Марата) до Семеновского плаца. Помню, с каким волнением, в бытность мою аспирантом МГПИ им. В.И. Ленина, прошел я по тому маршруту и, кстати, постоял возле дома № 36/2 на Литейном проспекте с четырьмя мемориальными досками в честь Н.А. Некрасова, В.Ф. Одоевского, Н.И. Пирогова и Н.Н. Фигнера (великого певца, родного брата Веры Фигнер), а также у дома № 60 по Литейному, где на одной лестничной площадке жили М.Е. Салтыков-Щедрин и петербургский градоначальник Ф.Ф. Трепов.

Читаем далее официальный отчет о казни. «Конвой, сопровождавший преступников, состоял из двух эскадронов кавалерии и двух рот пехоты <...> У Дома предварительного заключения, по пути следования и на Семеновском плацу были, сверх того, усиленные наряды конных жандармов. В помощь полиции по пути следования от войск находились следующие части: рота на Шпалерной улице, рота на Литейном проспекте, рота на углу Невского проспекта и Николаевской улицы, рота на Николаевской улице, <...> четыре роты и две сотни казаков на Семеновском плацу, две роты у входа на плац с Николаевской улицы и две роты у входа с Гороховой улицы, одна рота у Царскосельской железной дороги и одна рота по Обводному каналу»¹²⁴⁴.

«Не было только артиллерии против таких сильных врагов, как пять привязанных ремнями к колесницам осужденных государственных преступников», — комментировала это воинское многолюдье член ИК «Народной воли» А.В. Якимова¹²⁴⁵.

---

¹²⁴⁴ Одна рота пехоты в русской армии того времени насчитывала не менее 200–250 солдат.

¹²⁴⁵ «Народная воля» перед царским судом / Под ред. А.В. Якимовой-Диковской, М.Ф. Фроленко и др. М., 1930. Вып. 1. С. 87.

«Следом за преступниками, — гласит далее официальный отчет о казни, — ехали три кареты с пятью православными священниками, облаченными в траурные ризы, с крестами в руках Они, для напутствия осужденных, прибыли в Дом предварительного заключения накануне вечером, в начале восьмого часа. Рысаков охотно принял священника, долго беседовал с ним, исповедался и приобщился святых тайн. 2 апреля Рысакова видели плачущим. Прежде он зачастую читал в заключении святое евангелие. Михайлов также принял священника, довольно продолжительно говорил с ним, исповедался, но не причащался. Кибальчич два раза диспутировал со священником¹²⁴⁶, от исповеди и причастия отказался; в конце концов он попросил священника оставить его. Желябов и Софья Перовская категорически отказались принять духовника».

Вдоль пути следования колесниц с «цареубийцами» к месту казни глазела на них, как сказано в официальном отчете, «собравшаяся по всему пути сплошная масса народа». Правда, многотысячные толпы зевак, наблюдавшие за провозом «цареубийц» по улицам города на казнь и за самой казнью, почти сплошь состояли из верноподданных обывателей, разбавленных на всякий случай переодетыми жандармскими агентами. Люди, более развитые умственно и нравственно, которым претило зрелище публичного умерщвления себе подобных, без особых причин не хотели идти ни на Семеновский плац, где осужденных вешали, ни на улицы, по которым везли их к виселицам.

Впрочем, те, чьи квартиры оказались на пути скорбной процессии, следили за нею из окон. Так, на углу Литейного проспекта и Бассейной улицы, из окон Литейной женской гимназии смотрели на последний путь первомайцев тогдашние гимназистки Н.К. Крупская (будущая жена В.И. Ленина) и М.Ф. Андреева (впоследствии гражданская жена А.М. Горького), дочери Ф.М. Достоевского, Я.П. Полонского,

---

¹²⁴⁶ Напомню, что Н.И. Кибальчич был сыном священника.

В.И. Сергеевича — главы государственной юридической школы в России¹²⁴⁷. Что же касается революционеров, то они, как правило, избегали этого зрелища, не желая «трепать свои нервы»¹²⁴⁸. Из народовольцев был на месте казни, пожалуй, только Николай Желваков (будущий убийца проконсула Юга России генерала В.С. Стрельникова), который, как он сам об этом рассказывал, «тогда же на площади дал себе самому клятву умереть, как они умерли»¹²⁴⁹, и он эту клятву уже через год сдержал, приняв, вместе со Степаном Халтуриним, смерть на виселице за убийство Стрельникова.

Поскольку осужденные на пути к эшафоту были окружены шпалерами войск (помимо пеших и конных жандармов), решиться на какое-либо выражение сочувствия к цареубийцам и суметь (просто даже успеть) это сделать, казалось, было немыслимо. Но, как это засвидетельствовано очевидцами, находились лица, которые посмели и сумели выразить такое сочувствие. Может быть, побудили их к этому обращения к ним Тимофея Михайлова, который, как зафиксировано в официальном отчете о казни, уже «при выезде на улицу несколько раз что-то крикнул. Что именно, — разобрать было довольно трудно, так как в это самое время забили барабаны. Михайлов делал подобные возгласы и по пути следования, зачастую кланяясь на ту и другую сторону» людским толпам. Он мог кричать (по одной из версий) «нас пытали!», но мог повторять и то, что уже слышали массы людей с эшафота от Ипполита Млодецкого: «Я умираю за вас!».

Скорее же всего на зрителей колесниц с пятью смертниками воздействовал общий вид (спокойный, преисполненный достоинства) всех осужденных, кроме впавшего в полубессознательное состояние Рысакова. Уже на пути к месту казни в толпе любопытных, ожидавшей увидеть злодеев с дегенеративными физиономиями и налитыми кровью глазами, «слышались

---

¹²⁴⁷ См.: Альф Н.С. Семья Крупских в Петербурге. Л., 1965. С. 21–22.

¹²⁴⁸ Прибылева-Корба А.П. Указ. соч. С. 86.

¹²⁴⁹ Там же.

оханья и восклицания: “Какие молодые!”, “Какие хорошие лица и такое преступление!” и т.д.»¹²⁵⁰. При этом несколько женщин было арестовано за «приветствование Перовской» и «неодобрение казни»¹²⁵¹.

Да, Софья Львовна и здесь — на пути к месту казни — привлекала к себе особое внимание. Очень разные люди, от друзей ее до врагов, поражались ее гордому самообладанию, а то и восхищались им. Цитирую официальный отчет о казни: «Перовская казалась бодрее других. На лице ее можно было заметить легкий румянец, вспыхнувший мгновенно при выезде на Шпалерную улицу». Свидетельствует Л.А. Плансон — гвардейский офицер из конвоя, сопровождавшего «цареубийц» к эшафоту: «На тонком, как бы восковом, но красивом и породистом лице Перовской бродила злая усмешка, а глаза презрительно сверкали»¹²⁵². Корреспондент немецкой газеты «Kölnische Zeitung» — с восхищением: «Софья Перовская выказывает поразительную силу духа. Щеки ее сохраняют даже розовый цвет, а лицо ее преисполнено истинного мужества и безграничного самоотвержения. Взгляд ее ясен и спокоен»¹²⁵³. А вот что великая актриса Мария Гавриловна Савина, видевшая с балкона своей квартиры, как первомайцев везли на казнь, рассказывала корифею адвокатуры Н.П. Карабчевскому: «Кроме одного из приговоренных, Рысакова, лица остальных, влекомых на казнь, были светлее и радостнее лиц, их окружавших. Софья Перовская зарделась и просто сияла на темном фоне мрачной процессии»¹²⁵⁴. «Они, — вспоминала о том же

---

¹²⁵⁰ Брейтфус А.Л. Из воспоминаний о казни 3 апреля 1881 г. // Былое. 1924.

№ 25. С. 60.

¹²⁵¹ Московские ведомости. 1881. 4 апреля; Плансон Л.А. Казнь цареубийц (Из личных воспоминаний) // Исторический вестник. 1913. Т. 131. № 2. С. 527; Богданович А.В. Цит. соч. С. 55.

¹²⁵² Плансон Л.А. Указ. соч. С. 527.

¹²⁵³ Kölnische Zeitung. 1881. 16 april. S. 2.

¹²⁵⁴ Карабчевский Н.П. Что глаза мои видели. Ч. 1–2 (Революция и Россия). Берлин, 1921. Ч. 2. С. 33.

близкая к «Народной воле» курсистка и будущая писательница Валентина Дмитриева, — прошли мимо нас *не как побежденные, а как триумфаторы*¹²⁵⁵...

В 8 часов 50 минут колесницы «цареубийц» прибыли на Семеновский плац. По воспоминаниям очевидцев, в тот день была теплая весенняя погода. Цитирую официальный отчет о казни: «Начиная с восьми часов утра, солнце ярко обливало своими лучами громадный Семеновский плац, покрытый еще снегом с большими тающими местами и лужами. Несметное число зрителей обоего пола и всех сословий заполняло обширное место казни, толпясь тесною, непроницаемою стеною за шпалерами войск. Плац был местами окружен цепью казаков и кавалерии. Ближе к эшафоту были расположены в квадрате сперва конные жандармы и казаки, а еще ближе к эшафоту, на расстоянии двух-трех сажень от виселицы, — пехота лейб-гвардии Измайловского полка». Всего, по официальным данным, «народа собралось на плацу до 100 000 человек», а «четыреугольник вокруг виселиц образовали 10 или 12 тысяч войска всех гвардейских полков».

Читаем отчет далее. «Вот описание эшафота: черный, почти квадратный помост, двух аршин¹²⁵⁶ вышины, обнесен небольшими, выкрашенными черною краскою, перилами. Длина помоста — 12 аршин, ширина — 9,5. На этот помост вели шесть ступеней. Против единственного входа, в углублении, возвышались три позорных столба с цепями на них и наручниками, а по бокам помоста — еще два столба, на которых была перекладина с шестью железными кольцами для веревок (шестая веревка предназначалась для Геси Гельфман. — *Н.Т.*) Два боковых столба и перекладина на них изображали букву П. Это и была общая виселица для смертников. Позади эшафота находились пять черных деревянных гробов с парусиновыми саванами. <...> У эшафота еще задолго до прибытия палача находились четыре арестанта (уголовники. — *Н.Т.*) в нагольных тулупах — помощники Фролова».

¹²⁵⁵ Дмитриева В.И. Цит. соч. С. 203. Курсив мой. — Н.Т.

¹²⁵⁶ Аршин — 0,711 м.

Рядом с эшафотом была пристроена небольшая платформа для лиц судебного и полицейского ведомств, среди которых были генерал-лейтенант Н.М. Баранов — петербургский градоначальник и председатель Совета при градоначальстве (его называли «*бараньим парламентом*») и прокурор судебной палаты В.К. Плеве. Здесь же находились корреспонденты русских и иностранных газет. «По прибытии колесниц, — гласит официальный отчет о казни, — власти и члены прокуратуры заняли свои места на платформе. Когда колесницы остановились, палач Фролов влез на первую из них, где сидели рядом связанные Желябов и Рысаков. Отвязав сперва Желябова, потом Рысакова, помощники палача ввели их по ступенькам на эшафот, где поставили вновь рядом. Тем же порядком были сняты со второй колесницы Кибальчич, Перовская и Михайлов и введены на эшафот. К трем позорным столбам были поставлены Желябов, Перовская и Михайлов. Рысаков и Кибальчич остались стоять рядом, у перил эшафота. Осужденные казались довольно спокойными — особенно, Перовская, Кибальчич и Желябов; менее Рысаков и Михайлов, они были смертельно бледны <...> Желябов часто поворачивал голову в сторону Перовской, стоя рядом с нею (должно быть, что-то говорил ей. — *Н.Т.*), и раза два к Рысакову, находясь между первой и вторым. На спокойном, желтовато-бледном лице Перовской блуждал легкий румянец; когда она подъехала к эшафоту, глаза ее блуждали, лихорадочно скользя по толпе, и тогда, когда она, не шевеля ни одним мускулом лица, пристально глядела на платформу, стоя у позорного столба».

Да, Софья Львовна и на эшафоте «была тверда всей своей стальной твердостью»¹²⁵⁷. Корреспондент лондонской «*Times*», наблюдавший за нею с платформы у эшафота, отметил: «Перовская выглядела самой спокойной из всех и даже сохранила легкий румянец на щеках до последней минуты»¹²⁵⁸. Не зря кто-то из русских журналистов сравнил: «Любой храбрец бледнеет на эшафоте, а эта зарделась румянцем, как невесты перед алтарем».

¹²⁵⁷ Фигнер В.Н. Цит. соч. Т. 1. С. 279.

¹²⁵⁸ The Times. 1881. 16 April. P. 5.

Студент консерватории и будущий революционер, социал-демократ Андрей Брейтфус вспоминал 43 года спустя: «Особенно добрым и нежным лицом мне показалось лицо Перовской, и эти черты ее лица остались мне милыми на всю жизнь»¹²⁵⁹...

После того как все «цареубийцы» были выставлены к позорным столбам, обер-секретарь ОППС В.В. Попов начал читать приговор. «Бедняга, видимо, очень волновался, — вспоминал о нем Л.А. Плансон. — Голос его, монотонный и невыразительный, сильно вибрировал, а бумага, по которой он читал, заметно дрожала в его руках»¹²⁶⁰.

Когда обер-секретарь умолк, взшли на эшафот пять священников с крестами в руках. Все осужденные приложились, каждый к отдельному кресту, причем Желябов, как сказано в официальном отчете, «тряхнул головою и улыбнулся». И Желябов, и Перовская, и Кибальчич целовали крест перед многотысячной толпой народа, чтобы поколебать, если не рассеять, ее предубеждение против них, цареубийц, как «антихристов». О церковном покаянии с их стороны не могло быть и речи. Священники уже поняли это при свиданиях с ними в камерах смертников перед казнью.

Здесь очень важно иметь в виду, что церковь тогда не просто духовно, но и заданно-инквизиторски обслуживала карательный аппарат царизма. История царской тюрьмы 1825–1866 гг. знает, как часто святые отцы по заданию карателей духовно пытали арестованных (либо осужденных) борцов увещеваниями, проповедями, посулами и угрозами, чтобы вырвать у них раскаяние и нужные показания. Протопоп Петр Мысловский «обрабатывал» таким образом декабристов, священник Алексей Малов — «кириллومهфодиевцев», протоиерей Михаил Архангельский — М.Л. Михайлова, другой протоиерей, Василий Полисадов — Н.Г. Чернышевского, Д.И. Писарева, Д.В. Каракозова¹²⁶¹.

¹²⁵⁹ Брейтфус А.Л. Цит. соч. С. 60.

¹²⁶⁰ Плансон Л.А. Цит. соч. С. 530.

¹²⁶¹ Подробно см.: Венедиктов Д.Г. Попы: провокаторы, тюремщики, погромщики. М., 1930.

На заре русского освободительного движения, особенно против декабристов, такие духовные пытки нередко приносили карателям успех. Но, по мере того как движение набиралось сил и опыта, крепло идейно и социально, все реже удавались святым отцам их психологические диверсии против пленников царизма. С 1870-х годов «народные заступники» уже почти всегда распознавали в священниках своих врагов, «жандармов во Христе», и не только не допускали их в души свои, но и вообще, как правило, отказывались иметь с ними дело. Теперь они держались взгляда, который в 1875 г. сформулировал герой процесса «193-х» Ипполит Мышкин: «Священник и палач помогают друг другу. Если первому не удастся запутать душу человека в расставленные им сети, запугать его адом, то второй действует на тело арестанта в надежде, что физические страдания победят упорство его»¹²⁶²...

Итак, после священников в ритуале казни цареубийц наступил черед палача. Он выждал пару минут, дав осужденным проститься друг с другом. В официальном отчете о казни сказано только, что «Желябов и Михайлов, приблизившись на шаг к Перовской, поцелуями простились с нею» — и все. Но граф Р. фон Пфейль как очевидец засвидетельствовал прощальные поцелуи *всех* смертников, кроме Рысакова: «с Рысаковым, как с изменником, никто не хотел прощаться»¹²⁶³. Впрочем, другой очевидец (укрывшийся в публикации под инициалами «В.К.») утверждал: «на эшафоте поцелуями простились не только Желябов и Михайлов с Перовской, но и все осужденные друг с другом, и одна только Перовская отвернулась от Рысакова, когда он потянулся к ней»¹²⁶⁴.

Цитирую далее официальный отчет о казни: «Палач Фролов, сняв поддевку и оставшись в красной рубашке, “начал”

---

¹²⁶² Цит. по: Антонов В.С. И. Мышкин — один из блестящей плеяды революционеров 70-х годов. М., 1959. С. 46.

¹²⁶³ Пфейль фон Р. Цит. соч. С. 59.

¹²⁶⁴ В.К. Несколько слов о казни цареубийц 3 апреля 1881 г. // Былое. 1919. № 15. С. 135.

с Кибальчича. Надев на него саван и наложив вокруг шеи петлю, он притянул ее крепко веревкою, привязав конец веревки к правому столбу виселицы. Потом он приступил к Михайлову, Перовской и Желябову. Желябов и Перовская, стоя в саване, потряхивали неоднократно головами. Последний по очереди был Рысаков, который, увидав других облаченными в саваны и готовыми к казни, заметно пошатнулся; у него подкосились колени, когда палач быстрым движением накинул на него саван».

Рысаков, должно быть, все-таки до последнего надеялся на то, что власть сохранит ему жизнь даже на эшафоте, как это было с петрашевцами в 1849 г. и с Н.А. Ишутиным в 1866, но в последний момент эту надежду потерял. Что касается власти, то, во-первых (это отметил П.Е. Щеголев в предисловии к публикации следственных показаний Рысакова), «когда уводили Рысакова на эшафот, власть могла с чистой совестью сказать себе: “Рысаков рассказал все, что он знал, рассказал даже больше того, что он знал”. Для следственной власти он был отныне бесполезен»¹²⁶⁵. Главное же, по-моему, заключалось в том, что судьба Рысакова как «бомбиста», взорвавшего царскую карету, была предрешена, несмотря ни на какие его услуги следствию: суд не мог (да и царь — сын *убитого* царя! — не позволил бы) помиловать его.

«В 9 часов 20 минут, — читаем далее в официальном отчете, — палач Фролов, окончив все приготовления к казни, подошел к Кибальчичу и подвел его на высокую черную скамью, помогая подняться на две ступеньки. Палач отдернул скамейку, и преступник повис в воздухе. Смерть постигла Кибальчича мгновенно <...> После Кибальчича вторым был казнен Михайлов»...

Поразительно! О казни Тимофея Михайлова в официальном отчете — всего четыре слова: «вторым был повешен Михайлов». А ведь эта варварская, беспрецедентная не только в России, но, пожалуй, и в истории всех времен и народов, казнь

---

¹²⁶⁵ Показания первоартовцев. С. 231–232.

описана в подробностях очевидцами и вызвала скандальный резонанс во всем мире. До тех пор в памяти россиян жила как невидаль (с клеймом позора на царском режиме) казнь декабристов 13 июля 1826 г., когда трое из пяти заключенных, — Сергей Муравьев-Апостол, Кондратий Рылеев и Петр Каховский, — сорвались с виселицы и были повешены вторично, причем Муравьев-Апостол, поднимаясь второй раз на эшафот, произнес: «Бедная Россия! Даже повесить как следует не умеют...»¹²⁶⁶. Теперь, 3 апреля 1881 г. рабочий-народоволец Тимофей Михайлов был повешен ТРИ РАЗА, — дважды он, уже повешенный, срывался с виселицы на помост.

Вот как это было. Свидетельствует офицер лейб-гвардейского конвоя Лев Плансон: «Когда к Михайлову подошли палачи, то он не дал им взвести себя на поставленную лестницу, как бы брезгая их услугами, и, несмотря на закрытое башлыком лицо, сам решительно и быстро взошел по ступеням лестницы на верхнюю площадку, где позволил надеть себе на шею петлю. И вот в тот момент, когда из под его ног была выдернута лесенка, и Михайлов должен был повиснуть на веревке, она не выдержала его тяжести, оборвалась, и его грузная масса с высоты 2,5 аршин грохнулась с шумом на гулкий помост... Из нескольких тысяч грудей одновременно вырвался крик ужаса. Толпа заволновалась, послышались возгласы:

— Надобно его помиловать!

— Простить его нужно! Нет такого закона, чтобы вешать сорвавшегося!

— Тут перст божий!

— Царь завсегда таких милует. Пришлет своего флигель-адъютанта!»¹²⁶⁷.

Цитирую далее воспоминания В.К.: «Несмотря на связанные руки, на саван, стеснявший его движения, и на башлык,

---

¹²⁶⁶ В.А. Федоров в кн. «"Своей судьбой гордимся мы..." Следствие и суд над декабристами» (М., 1988. С. 267) приводит «различные варианты высказываний сорвавшихся с виселицы».

¹²⁶⁷ Плансон Л.А. Цит. соч. С. 532.

мешавший видеть, Михайлов поднялся сам и лишь направляемый, но не поддерживаемый помощниками палача, вошел на ступени скамьи, подставленной под петлю палачом. Последний быстро сделал новую петлю на укрепленной веревке и через две-три минуты Михайлов висел уже вторично. Секунда, две... и Михайлов вновь срывается, падая на помост!»¹²⁶⁸.

«Невозможно описать, — вспоминал Л.А. Плансон, — того взрыва негодования, криков протеста и возмущения, брани и проклятий, которыми разразилась заполнявшая площадь толпа. Не будь помост с виселицей окружен внушительным нарядом войск с заряженными винтовками, то, вероятно, и от виселицы с помостом, и от палачей и других исполнителей приговора суда в один миг не осталось бы ничего... Но возбуждение толпы достигло апогея, когда народ увидел, что Михайлова собираются вздернуть на виселицу в третий раз. Тут поднялось целое море возбужденных голосов, требовавших помилования Михайлова. Многие поворачивали головы в сторону Загородного проспекта, как бы ожидая появления царского гонца с вестью о помиловании. Многие грозили кулаками в сторону виселицы, кричали что-то угрожающее и по закипавшему в толпе движению можно был ждать, что с минуты на минуту она бросится на нас и разнесет всех и вся... Однако ничего подобного не случилось. Энергичными мерами казаков и полиции несколько десятков бросившихся вперед горлодеров были моментально отброшены назад, а толпа, видя решительные действия начальства и суровые, сосредоточенные лица солдат, взявшихся за оружие, больше не решалась наступать и ограничилась пассивным выражением своего недовольства»¹²⁶⁹.

---

¹²⁶⁸ В.К. Цит. соч. С. 135. Автор воспоминаний — «видный боевой представитель прежней нашей армии. По некоторым соображениям, он не считал возможным поместить свою фамилию полностью, но редакция может заверить ее авторитетность» (Былое. 1919. № 15. С. 136).

¹²⁶⁹ Плансон Л.А. Цит. соч. С. 533.

В тот момент даже часть солдат «громко потребовала» помилования Михайлова «и тут же — “налево кругом марш” — была отправлена под арест»¹²⁷⁰.

К ужасу и негодованию ста тысяч зрителей Михайлов был повешен в третий раз — с помощью дополнительной веревки, предназначенной поначалу для Геси Гельфман. «Минута была ужасна! — восклицал граф Р. фон Пфейль. — Но какие страшные минуты должны были пережить трое оставшихся смертников, которые видели все это через свои капюшоны!»¹²⁷¹.

Еще один очевидец, публицист Г.К. Градовский, стал свидетелем тронувшей его сцены: чья-то 12-летняя девочка, оказавшаяся в толпе зрителей казни, спрашивала взрослых: «Значит, их убьют? А тем, которые их убьют, ничего не будет?»¹²⁷²...

Следующей, после Михайлова, «в очереди» на казнь была Перовская. В официальном отчете сказано только, что она «*сильно упав* на воздухе со скамьи, вскоре повисла без движения». Граф Р. фон Пфейль рассказал подробнее: «Перовская подошла (к виселице. — *Н.Т.*) довольно быстро. Она, видимо, потеряла сознание прежде, чем скамейка была выбита из-под ее ног. Стоя еще на ней, она упала в петлю»¹²⁷³. Версия фон Пфейля о том, что Софья Львовна «потеряла сознание», сомнительна. Скорее она *падала* в петлю (до того как палач выбил из-под ног у нее скамью) вполне осознанно. Полицейский околоточный, из рассказа которого «было видно, что он находился вблизи самого эшафота», рассказывал после казни своим приятелям в полицейском участке, где его слышал арестованный народоволец Сергей Иванов: «Вы представляете себе — вот так женщина! Ведь сама оттолкнула скамейку и затянула на себе петлю»¹²⁷⁴. Смерть ее была мгновенной.

---

¹²⁷⁰ Пфейль фон Р. Цит. соч. С. 59.

¹²⁷¹ Дмитриева В.И. Цит. соч. С. 204.

¹²⁷² Градовский Г.К. Цит. соч. С. 83.

¹²⁷³ Пфейль фон Р. Цит. соч. С. 59.

¹²⁷⁴ Иванов С.А. Из воспоминаний о 1881 г. // Былое. 1906. № 4. С. 241.

«Всего одну секунду» после падения в петлю продолжалась и жизнь Андрея Желябова¹²⁷⁵. Выходит, он пережил Софью Львовну — своего наиважнейшего соратника и любимейшую женщину — на считанные секунды. Писатель Илья Бражнин так сказал об их любви: «Она была сильна, как жизнь, и крепка, как смерть»¹²⁷⁶...

Последним в тот страшный день казнили Рысакова. С ним палачу и его помощникам довелось повозиться, ибо он (цитирую официальный отчет о казни), «будучи сталкиваем палачом со скамьи, несколько минут старался придержаться ногами на скамье. Помощники палача, видя отчаянные движения Рысакова, быстро стали отдергивать из-под его ног скамью, а палач Федоров дал телу преступника сильный толчок вперед. Тело Рысакова, сделав несколько медленных оборотов, повисло также спокойно рядом с трупом Желябова»...

Казнь окончилась в 9 часов 30 минут. К эшафоту подвезли две ломовые телеги. Затем на эшафот были внесены пять черных гробов. Тела казненных сняли с виселиц, уложили в гробы, погрузили на телеги и отвезли, как подчеркнуто в официальном отчете о казни, «под сильным конвоем» на Преображенское кладбище (с 1925 г. — Кладбище памяти жертв 9 января). Там их хоронили «под большим секретом. Кладбище охраняла сотня казаков. Могила была тщательно замаскирована. Смотрителя кладбища вынудили дать подписку о том, что он никогда никому не укажет могилу и не назовет имен похороненных. Специальный охранник был приставлен к смотрителю и в течение ряда лет неотступно следил за ним»¹²⁷⁷.

После того как тела казненных увезли с места казни, войска отправились в казармы, а толпы народа стали расходиться под присмотром конных жандармов и казаков. В многочисленной массе зевак многие проявляли болезненный интерес к самым жутким из виселичных деталей, а иные в заключение

¹²⁷⁵ Пфейль фон Р. Цит. соч. С. 59.

¹²⁷⁶ Бражнин И.Я. «Как мимолетное виденье». Л., 1965. С. 90.

¹²⁷⁷ Павлюченко Э.А. Софья Перовская. М., 1959. С. 76

«зрелища» норовили (как обычно в таких случаях) запастись на эшафоте каким-нибудь «сувениром» вроде куска веревки с шеи «висельника»¹²⁷⁸.

Садистским инстинктам такой публики шокирующе потворствовала и охранительная печать. Драматург и публицист Дмитрий Аверкиев («вонючая сволочь», по выражению И.Е. Репина¹²⁷⁹) в статье для газеты А.С. Суворина «Новое время»¹²⁸⁰ буквально смаковал жуткие подробности казни перво-мартовцев: «А, задрогал ногами? Дрыгай, дрыгай, — в другой раз не станешь такого делать!»¹²⁸¹. Люди интеллигентные, хотя бы и умеренных, даже консервативных взглядов, в подавляющем большинстве возмущались палаческими эмоциями обывателей (в частности, и «подлейшей статьёй подлеца Аверкиева»¹²⁸²), выражали если и не солидарность с «цареубийцами», не симпатии к ним, то по крайней мере сострадание.

Общероссийский и мировой резонанс от казни «цареубийц» был тем сильнее, что казнь возымела беспримерно дикий, изуверский характер. Всю Европу обошла тогда фраза немецкого корреспондента, очевидца расправы с перво-мартвцами: «Я присутствовал на дюжине казней на Востоке, но никогда не видел подобной *живодерни*»¹²⁸³...

Исполнительный комитет «Народной воли» уже 4 апреля выступил со специальной прокламацией по поводу казни перво-мартвцев. «Над свежей могилой наших дорогих товарищей, — гласил ее текст, — мы подтверждаем всенародно, что

---

¹²⁷⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 1879. 30 мая (11 июня); Голос. 1881. 4(16) апреля. С. 2; Суд и казнь перво-мартвцев // Былое. 1918. № 4–5. С. 325.

¹²⁷⁹ Репин И.Е. Избр. письма: В 2 т. М., 1969. Т. 1. С. 304.

¹²⁸⁰ Именно этой газете М.Е. Салтыков-Щедрин дал кличку «Чего изволите?»

¹²⁸¹ Аверкиев Д.В. Казнь пяти преступников // Новое время. 1881. 4 (16) апреля. С. 2.

¹²⁸² Южин-Сумбатов А.И. Воспоминания. Записки. Статьи. Письма. М., 1951. С. 35. О том же: Градовский Г.К. Цит. соч. С. 85.

¹²⁸³ Kölnische Zeitung. 1881. 16 april. S. 2. Курсив мой. — Н.Т.

будем продолжать дело народного освобождения. На этом пути не остановят нас виселицы, как не остановили они в прошлое царствование целый ряд бойцов, начиная с Каракозова <...> и кончая Млодецким, Квятковским и Пресняковым <...> Реакционная политика по традиции Александра II неизбежно приведет к последствиям, еще более пагубным для правительства, чем 1 марта»¹²⁸⁴. Народовольцы вспоминали, что эта прокламация «произвела сильное впечатление» на петербургских рабочих¹²⁸⁵. Без сомнения, — не только на рабочих и главное, по многим градам и весям Российской империи.

А в передовой статье Листка «Народной воли» (№ 1 за 1881 г.) партия так же всенародно заявила: «Начало царствования (Александра III. — *Н.Т.*) ознаменовывается казнью наших дорогих товарищей, в том числе Перовской, — первый у нас случай исполнения смертного приговора над женщиной: *этого мы не забудем*»¹²⁸⁶. То были не просто слова, — то была клятва отмщения царскому режиму за небывалую бесчеловечность. Перовская навсегда осталась живой в памяти российских народолюбцев и тираноборцев, которые в конце концов довели начатую еще декабристами борьбу с царским самодержавием до победы. Самодержавие, о котором Лев Толстой писал Николаю II, что оно «есть форма правления отжившая, могущая соответствовать требованиям народа где-нибудь в Центральной Африке (конца XIX века! — *Н.Т.*), отделенной от всего мира, но не требованиям русского народа»¹²⁸⁷, — эту форму правления Россия сбросит с себя в 1917 г. Безвозвратно.

А пока — даже в самый день казни (как и до и во время суда), — «Народная воля» делала, точнее сказать, пыталась сделать все возможное для спасения «цареубийц». Военная и рабочая организации были задействованы для выполнения плана,

---

¹²⁸⁴ РН. Т. 2. С. 236–237.

¹²⁸⁵ Панкратов В.С. Из деятельности среди рабочих в 1880–1884 гг. М., 1906. С. 7.

¹²⁸⁶ Литература партии «Народная воля». С. 121.

¹²⁸⁷ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 73. С. 187.

согласно которому предполагалось освободить Желябова, Перовскую и других смертников во время провоза их к месту казни. Вот что вспоминал об этом плане член Военно-революционного центра «Народной воли» Эспер Серебряков.

«Предполагалось собрать человек триста петербургских рабочих, разделить их на три группы: две — человек по пятидесяти, а одну — в двести. Во главе этих групп должны были находиться все петербургские и кронштадские офицеры (народовольцы. — *Н.Т.*). Группы планировалось распределить на трех, выходящих на Литейный проспект, параллельных улицах: на крайних — малые группы, на средней — большую. И вот, когда процессия (осужденных. — *Н.Т.*) проходила бы среднюю улицу, все три группы по сигналу должны были броситься вперед, увлекая в своем порыве толпу, и одновременно прорвать шпалеры войск; боковые группы произвели бы замешательство, а средняя окружила бы колесницы, вскочив на которую, офицеры обрезали бы веревки на осужденных и увлекли бы их в толпу, с которой вместе отхлынули бы обратно в боковую улицу, где должны были ожидать две кареты с платьем и всем необходимым для переодевания.

Не знаю, кем был выработан этот план, но когда нас (офицерский кружок народовольцев в Кронштадте. — *Н.Т.*) о нем известили, то вместе с тем сообщили, что инициатива освобождения принадлежит рабочим и что нужное число рабочих уже есть. Мы тоже были согласны. Но почему этот план не состоялся и насколько серьезно им занимались, я не знаю»¹²⁸⁸.

Теперь, когда мы знаем обо всем, что происходило 3 апреля 1881 г. и как была обставлена казнь «цареубийц», лучше, чем знал Э.А. Серебряков, легко понять, почему этот план «не состоялся». Исполнительный комитет прикинул по своим каналам связи, какое — невиданное ранее в подобных случаях — количество войск «охраняет» пятерых смертников («не было только артиллерии!»), и естественно, отказался от плана, обреченного на неудачу и бесчисленные жертвы...

---

¹²⁸⁸ Серебряков Э.А. Революционеры во флоте. Пг., 1920. С. 49–50

В откликах российских революционеров на «живодерню» 3 апреля 1881 г. особое место заняла Перовская. Ее чуть ли не канонизировали и воспевали в стихах даже не профессиональные поэты — народовольцы И.И. Попов и В.Г. Богораз, бывший «ходебщик в народ» П.В. Григорьев и будущий эсер М.О. Цетлин. Попов и Богораз посвятили Софье Львовне поэмы. У Попова она в последний раз смотрит из тюремной камеры на луч заходящего солнца и прощается с ним:

Мой поцелуй ты передай народу,
Поклон полям, и нивам и лугам.
Всем беднякам скажи, что, за свободу
Борясь, я отдана здесь палачам¹²⁸⁹.

Богораз, преклонившийся перед жертвенностью Софьи Львовны, изложил стихами в своей поэме «Софья Перовская» ее предсмертное письмо к матери:

Был труден путь мой, но свернуть
С него на пошлый путь
Я не могла и не хотела.
И вот теперь недалеко
От искупленья рокового
Я не жалею, я готова¹²⁹⁰.

Поэмы Богораз и Попова значимы, конечно же, не в художественном, а в идейном отношении. То же можно сказать о стихотворениях Григорьева («Перовская»)¹²⁹¹ и Цетлина

---

¹²⁸⁹ Попов И.И. Монолог из поэмы «Перовская» // Вольная русская поэзия XVIII–XIX веков. Л., 1988. Т. 2. С. 465.

¹²⁹⁰ Поэты-демократы 1870–1880-х гг. Л., 1968. С. 273. Владимир Германович Богораз (псевдоним Тан: (1865–1936) — активный народоволец, переживший пять арестов и ссылку в Сибирь. После 1917 г. видный ученый (этнограф, лингвист), публицист. С 1932 г. директор Музея истории религии и атеизма АН СССР.

¹²⁹¹ См.: Григорьев П.В. Стихотворения. Париж, 1883. С. 33.

(«Памяти Софии Перовской») ¹²⁹². А вот профессиональный поэт и народоволец П.Ф. Якубович откликнулся на арест Софьи Львовны стихотворением, в котором уже предвидел и переживал ее гибель:

На поле битвы, кровью залита,
Под грудой тел, хрипя и умирая,
Лежит она — прекрасная, *святая*,
Когда-то гордая мечта ¹²⁹³.

Российская политическая эмиграция в один голос с отечественной и мировой прогрессивной общественностью скорбила о гибели Перовской и славил ее имя. Бывший «чайковец» и будущий вождь всемирного анархизма П.А. Кропоткин делал это в газете «Le Révolté», которую он издавал в Женеве, и в лекциях о русском революционном движении перед рабочими Глазго и Эдинбурга, когда «толпы слушателей восторженно кричали на улицах после лекций “ура” в честь “нигилистов”» ¹²⁹⁴. Главное же, Петр Алексеевич сразу же после казни первомайцев опубликовал в Женеве брошюру «Правда о казнях в России», где разоблачил изуверство царских палачей и восславил подвиг жертвенности Софьи Львовны: «твердо и спокойно пошла на смерть» и «смертью своей нанесла ужасный удар русской автократии» ¹²⁹⁵.

Еще громче откликнулся на казнь Перовской ее друг и соратник Сергей Кравчинский. Его книга «Подпольная Россия» — своего рода *гимн и реквием* героям и жертвам «Народной

---

¹²⁹² См.: *Амари*. Стихотворения. М., 1906. С. 42. Амари́ («à Marie» — «Для Марии», французский псевдоним Михаила Осиповича Цетлина, по имени его жены).

¹²⁹³ *Якубович П.Ф.* Стихотворения. Л., 1960. С. 313, 479. Курсив мой. — *Н.Т.*

¹²⁹⁴ *Кропоткин П.А.* Записки революционера. М., 1966. С. 399.

¹²⁹⁵ *Kropotkine P.* La Vérité sur les Exécutions en Russie. Genève, 1881. P. 29. Цит. по: *Итенберг Б.С.* Российская интеллигенция и Запад: век XIX. Очерки. М., 1999. С. 175.

воли», где в специальной главе «Революционные профили» выделяется биографический очерк «Софья Перовская», лучшее из всего, что вообще написано о Софье Львовне, — эта книга с 1882 г. в первые же десять лет была издана из 12 языках (французском, английском, немецком, испанском, португальском, голландском, шведском, датском, польском, болгарском, венгерском, еврейском), распространялась в США, Китае, Японии¹²⁹⁶. А в романе Кравчинского «Андрей Кожухов» Перовская стала прототипом одной из главных героинь — Зины¹²⁹⁷. В эмоциональном изображении смертной казни Зины Кравчинский отразил поведение и даже внешний облик Софьи Львовны: «С подмостков над толпой царит женщина. Все эти тысячи глаз, казалось, смотрели на одно лицо, видели одну фигуру <...> Прекрасная, как только может быть прекрасна женщина» с таким «лучезарным лицом», она «обводила добрым жалостливым взглядом теснившуюся у ее ног толпу»¹²⁹⁸...

Многозначаще и, главным образом, сочувственно к первомартовцам (особенно к Перовской!) реагировали на апрельскую казнь 1881 г. практически все слои российского общества, включая корифеев отечественной культуры. генерал А.А. Киреев уже 10 апреля с досадой записал в дневнике: «Много полунигилистов (“интеллигенция”) возмущены смертной казнью Перовской и К^о»¹²⁹⁹.

Пожалуй, самым многозначимым из откликов россиян на казнь Перовской стал литературный шедевр И.С. Тургенева

---

¹²⁹⁶ Таратута Е.А. История двух книг. «Подпольная Россия» С.М. Степняка-Кравчинского и «Овод» Э.Л. Войнич. М., 1987. С. 48–49. Здесь же, на с. 110–112, впервые опубликован на русском языке отзыв дочери К. Маркса Элеоноры о «Революционных профилях» Кравчинского: «Хочется снова и снова рассказывать истории Стефановича, Лизогуба, Веры Засулич, но прежде всего историю самой благородной, самой чистой и самой великой из них — Софьи Перовской».

¹²⁹⁷ Таратута Е.А. С.М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. М., 1973. С. 355.

¹²⁹⁸ Степняк-Кравчинский С.М. Избранное. С. 255–256.

¹²⁹⁹ РГБ РО. Ф. 126. Карт. 2. Ед. хр. 8. Л. 228.

«Порог», написанный им, по воспоминаниям близких к нему людей, в первой половине 1881 г., когда, кстати сказать, Иван Сергеевич бережно хранил у себя нарисованные карандашом «изящные портреты Перовской, Желябова и Кибальчича»¹³⁰⁰. Героиня «Порога», навеянная образом Софьи Львовны, вызывала у самого писателя, а затем и у читателей не столько сострадание, сколько восхищение, о чем говорят заключительные строки стихотворения:

— Дура! — проскрежетал кто-то сзади.

— *Святая!* — принеслось откуда-то в ответ.

Проникновенное стихотворение памяти Софьи Львовны «Погребена, оплакана, забыта...»¹³⁰¹ написал в августе 1881 г. Константин Михайлович Фофанов — сегодня неоправданно забытый, но в то и последующее время настолько выдающийся поэт, что Лев Толстой в 1907 г. (когда блистали А.А. Блок, К.Д. Бальмонт, В.Я. Брюсов) заявил о нем: «Лучше поэта нынче нет»¹³⁰².

В художественной прозе столь же проникновенно, хотя и несколько отвлеченно, откликнулась на судебную расправу с первомартовцами Софья Васильевна Ковалевская — светило российской и мировой науки, *математик*, первая русская женщина-профессор (Стокгольмского университета!) и первая женщина вообще — член-корреспондент Петербургской Академии наук. Имею в виду ее неоконченную повесть «Нигилистка», где описан политический процесс над участниками «хождения в народ», проиллюстрированный деталями из народо-вольческих процессов¹³⁰³. В числе пяти главных подсудимых

---

¹³⁰⁰ И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. В 2 т. М., 1983. Т. 1. С. 378 (свидетельство П.Л. Лаврова).

¹³⁰¹ Текст его см. здесь, в приложении № 2.

¹³⁰² Гусев Н.Н. Летопись жизни и творчества Л.Н. Толстого (1891–1910). М., 1960. С. 584.

¹³⁰³ См.: Ковалевская С.В. Воспоминания детства. Нигилистка. М., 1960. С. 201–208.

здесь — две женщины (как на процессе первомартовцев). Одна из них портретируется под Софью Перовскую («Совершенно молодая девушка с бледным продолговатым лицом, с мечтательными серо-голубыми глазами. Это дочь высокопоставленного чиновника. Товарищи называют ее “святой”»); другая — под Гесю Гельфман («Крепкого телосложения, по-видимому, более грубой породы. Ее широкое, плоское лицо совсем не красиво»). Прокурор очень похож на Н.В. Муравьева, каким он был на процессе «цареубийц» («Человек молодой, желающий сделать быструю карьеру. Красноречие его поэтому оглушительно. Более двух часов рисует он перед судьями мрачную картину революционного движения в России. Он сортирует обвинения по группам с такою же смелостью и быстротою, с какою ботаник классифицирует растения своего гербария»). Судьи («двенадцать сенаторов, у которых на груди больше орденов, чем волос на голове») обрисованы как лакеи правительства: «им наперед были даны инструкции, и приговор их можно было предсказать»...

Исторически значимы отклики на казнь первомартовцев в отечественном искусстве. Именно под впечатлением той казни были задуманы лучшие творения двух величайших гениев нашей живописи — «Иван Грозный и сын его Иван» И.Е. Репина и «Боярыня Морозова» В.И. Сурикова.

Иван Ефимович Репин был демократом до мозга костей. Он ненавидел самодержавие, полагая (как и Лев Толстой), что «этот допотопный способ правления годится только еще для диких племен, неспособных к культуре»¹³⁰⁴. Царь Александр III был, в его представлении, «осел во всю натуру»¹³⁰⁵, а Николай II — «тупая скотина <...>, скиф-варвар держиморда»¹³⁰⁶; К.П. Победоносцев и М.Н. Катков — «паскудные фальшивые нахальники»¹³⁰⁷; министр внутренних дел В.К. Плеве — «ограниченный

---

¹³⁰⁴ Репин И.Е. Избр. письма. Т. 2. С. 190.

¹³⁰⁵ Там же. С. 356.

¹³⁰⁶ Там же. С. 191.

¹³⁰⁷ Там же. Т. 1. С. 330.

детина, темная личность — бездарность»¹³⁰⁸; все вообще правительство Александра III — «царство идиотов, бездарностей, трусов, холуев и тому подобной сволочи»¹³⁰⁹. Зато Илья Ефимович преклонялся перед Н.Г. Чернышевским, дружил с народолюбцами Г.А. Лопатиным, Н.А. Морозовым, З.Г. Ге, был хорошо знаком с П.Л. Лавровым, В.Н. Фигнер, М.Н. Ошаниной, П.Ф. Якубовичем¹³¹⁰.

Карательный террор царизма после 1 марта 1881 г. и, в особенности, казнь первоапрельцев потрясли Репина. Он был свидетелем казни. «Ах, какие это были кошмарные времена! — вспоминал он много лет спустя. — Сплошной ужас... Я даже помню на груди каждого дощечки с надписью “Царубийца”. Помню даже серые брюки Желябова, черный капор Перовской»¹³¹¹. «Сплошной ужас» «живодерни» 3 апреля 1881 г. и натолкнул Репина на мысль о картине «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 г.» как иносказательном обличении современности. «Какая-то кровавая полоса прошла через этот год, — рассказывал он о рождении именно в 1881 г. замысла картины. — Страшно было подходить — не одобровать... Естественно было искать выхода наболевшему трагизму в истории... Началась картина вдохновенно, шла залпами. Чувства были переполнены ужасами современности»¹³¹².

Современники — и друзья, и недруги Репина — сознавали, сколь злободневно (при всей отдаленности сюжета) содержание картины «Иван Грозный и сын его Иван». «Тут, — писал о картине самому Репину Лев Толстой, — что-то бодрое, сильное, смелое и *попавшее в цель*»¹³¹³. А К.П. Победоносцев уже

¹³⁰⁸ Репин И.Е. Избр. письма. Т. 2. С. 187.

¹³⁰⁹ Там же. Т. 1. С. 333.

¹³¹⁰ Подробно см.: *Троицкий Н.А.* Репин и «Народная воля» // Искусство. 1971. № 9.

¹³¹¹ *Каменский В.В.* «Среды» в Пенатах // Репин. К 10-летию со дня смерти. Л., 1940. С. 14.

¹³¹² Беседа с И.Е. Репиным // Русское слово. 1913. 17 января.

¹³¹³ *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. Т. 63. С. 223. Курсив мой. — *Н.Т.*

нашептывал царю: «Картина просто отвратительна. И к чему тут Иоанн Грозный? Кроме *тенденции известного рода* не прибегнешь другого мотива»¹³¹⁴. Слышались в лагере реакции и такие голоса об этой картине: «Ведь это цареубийство!»¹³¹⁵.

Действительно, в обстановке, когда царизм нещадно душил освободительное движение, уничтожая молодость нации, картина, изображающая, как бесноватый царь-деспот убивает собственного сына, походила на взрыв протеста против царского деспотизма. Поэтому 6 апреля 1885 г. последовало высочайшее повеление, чтобы картина «Иван Грозный и сын его Иван» «ни в Москве и нигде более, ни под каким предлогом не была выставляема для публики или распространяема в ее среде какими-либо другими способами»¹³¹⁶...

Василий Иванович Суриков — самый выдающийся в России и один из крупнейших в мире мастер исторического жанра — был демократом, как все передвижники, и особым даже среди них народолюбом. Он, как никто, умел изобразить народную массу героем истории, не безликой толпой, а сочетанием неповторимых индивидуальностей, словно ЛИЧНОСТЬЮ титанических масштабов. Естественным поэтому был и его интерес к народным заступникам.

«Боярыню Морозову» Суриков начал писать под впечатлением казни Софьи Перовской, точнее говоря — под впечатлением провоза первомартовцев, среди которых была Перовская, к месту казни¹³¹⁷. Был ли он свидетелем казни, как полагает

---

¹³¹⁴ К.П. Победоносцев и его корреспонденты. М.; Пг., 1923. Т. 1. Ч. 2. С. 499. Курсив мой. — Н.Т.

¹³¹⁵ И.Н. Крамской, его жизнь, переписка и художественно-критические статьи. СПб., 1888. С. 516. Подробно см.: Ляковская О.А. К истории создания картины И.Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 г.» // ГТГ. Мат-лы и исследования. М., 1956. Т. 1. С. 187–197.

¹³¹⁶ ГАРФ. Ф. 102. З д-во. 1885. Д. 298. Л. 2. К чести Александра III, у него хватило ума через три месяца снять свой запрет.

¹³¹⁷ См.: Юрова Т.В. К вопросу о замысле картины «Боярыня Морозова» В.И. Сурикова // Искусство. 1952. № 1; Кеменов В.С. Историческая

Т.В. Юрова, или он узнал ее подробности от очевидцев (например, от Репина), не столь существенно. Подвиг женщины — первой в России, которая взшла на эшафот как народная заступница, — поразил воображение художника, и он в поисках иносказательного отклика на это событие обратился к личности Феодосии Морозовой, которая считалась тогда в демократических кругах примером героического и самоотверженного характера, готового скорее погибнуть, чем изменить своим убеждениям¹³¹⁸.

Современники легко находили в историческом сюжете «Боярыня Морозова» злободневный подтекст. Официозный искусствовед Н.А. Александров даже вульгаризировал актуальность картины, заявив, что Суриков попросту облек в исторические костюмы «современное происшествие»¹³¹⁹. Здесь важно отметить, что в эскизе картины, датированном 1881 г., у Морозовой на груди — доска (как у Перовской перед казнью), и сидит она на арестантской скамье (как Перовская)¹³²⁰; в окончательном же варианте картины и доска, и скамья убраны.

Замечательно, что в представлении Веры Фигнер, не ведавшей об истории суриковского замысла, «Боярыня Морозова» воскрешала именно казнь Софьи Перовской. Гравюра говорит живыми чертами — о борьбе за убеждения, о гонении и гибели стойких, верных себе. Она воскрешает страницу жизни ... 3 апреля 1881 года... Колесницы цареубийц... Софья Перовская»¹³²¹...

живопись Сурикова (1870–1880-е годы). М., 1963; *Варшавский А.С.* Крамольные полотна. М., 1963. С. 145.

¹³¹⁸ В рассказе В.Г. Короленко «Чудная» (Собр. соч.: В 10 т. М., 1953. Т. 1. С. 17) революционер, желая подчеркнуть стойкость характера героини, говорит ей: «Настоящая вы боярыня Морозова!». Феодосия Прокопиевна Морозова, жена знатного боярина, защищала старообрядцев, за что была арестована, подвергнута пыткам и в 1675 г. загублена в земляной тюрьме.

¹³¹⁹ Сторонний зритель. Стадное развитие // *Художественный журнал*. 1887. № 3. С. 187.

¹³²⁰ См.: *Варшавский А.С.* «Боярыня Морозова» // *Знание — сила*. 1962. № 2. С. 34.

¹³²¹ *Фигнер В.Н.* Цит. соч. Т. 1. С. 272.

После зверской казни первомайцев, когда впервые в России была повешена женщина, многие россияне отыскивали черты Перовской и в героине картины Николая Александровича Ярошенко «У Литовского замка» (кстати, Ярошенко хранил у себя фотокарточки Софьи Львовны и Веры Засулич)¹³²², и в той девушке, которая выступает то ли с речью, то ли с чтением призывных стихов, в центре картины Владимира Егоровича Маковского «Вечеринка»¹³²³.

Очень громко, с мировым резонансом, откликнулся на казнь первомайцев величайший русский художник-баталист Василий Васильевич Верещагин. Далекий от революционных идей, он был по общему складу мировоззрения, как и передвижники (хотя формально в «Товарищество» их не входил) гуманистом и антимонархистом. Он был нетерпим к царским верхам, которые, со своей стороны, ненавидели его. «Русское правительство, в особенности САМ (Александр III. — *Н.Т.*), — писал Верещагин В.В. Стасову 15 ноября 1882 г., — считает меня за агента революционеров и поджигателей»¹³²⁴. Впрочем, сам Александр III судил о Верещагине проще: «скотина и помешанный»¹³²⁵.

Картина Верещагина «Казнь заговорщиков в России» (1884–1886 гг.) стала самым антиправительственным созданием всей его жизни. Здесь запечатлен Семеновский плац с пятью виселицами, как в день казни первомайцев, 3 апреля 1881 г., но в зимний день, в снегопад, что символизировало гнетущую политическую атмосферу Петербурга. Пафос этой картины — не в прославлении борцов за свободу, а в осуждении их палачей. Верещагин включил ее в свою всемирно известную «Трилогию

¹³²² См.: *Нестеров М.В.* Н.А. Ярошенко // Октябрь. 1942. № 5–6. С. 115.

¹³²³ См.: *Алтаев Вл.* [М.В. Ямщикова]. Памятные встречи. М., 1957. С. 170.

Злобный отзыв журналиста-катковца о героине «Вечеринки» см.: *Гамаюн*. Заметки вольного художника // Русский вестник. 1897. № 7. С. 454–455.

¹³²⁴ Переписка В.В. Верещагина и В.В. Стасова. М., 1951. Т. 2. С. 139.

¹³²⁵ Цит. по: *Зильберштейн И.С.* Тургенев и художник В.В. Верещагин // Литературное наследство. 1963. Т. 73. Кн. 1. С. 315.

казней», другие части которой составили «Распятие на кресте у римлян» и «Подавление индийского восстания англичанами». Таким образом, трилогия ставила «белый» террор царизма 1880-х годов «в один ряд с самыми отвратительными проявлениями деспотического варварства всех времен и народов»¹³²⁶.

«Казнь заговорщиков в России» демонстрировалась на персональных выставках Верещагина в крупнейших городах Европы и Америки (в 1886 г. в Берлине, в 1887 — в Париже, в 1888–1889 гг. — в Нью-Йорке, в 1889–1891 гг. — в Чикаго, Филадельфии, Бостоне¹³²⁷), но на родине художника была запрещена до 1917 г. Даже на посмертную выставку Верещагина 1904 г. царские власти ее не допустили¹³²⁸...

Ценным и своеобразным памятником не столько живописи, сколько истории стал живой рисунок (с натуры) известного в то время художника и врача Павла Яковлевича Пясецкого (1843–1919 гг.). Это — портретная зарисовка с Андрея Желябова и Софьи Перовской на суде по делу 1 марта 1881 г., где сам Пясецкий присутствовал среди избранной публики. Глядя на этот рисунок, невольно думаешь, что художник не стал скрывать своей симпатии к личностям цареубийц.

Наконец, документально свидетельствуют о «живодерне» 3 апреля 1881 г. бесстрастные карандашные рисунки флигель-адъютанта царской свиты А.А. Насветевича, опубликованные в № 4–5 журнала «Былое» за 1918 г. Среди них — два рисунка с Перовской: Софья Львовна запечатлена на колеснице с доской «Цареубийца» и на эшафоте, где видно, как она, уже с веревкой на шее, отталкивается от скамьи, которую палач еще не успел отодвинуть (С. 321). Есть и рисунок, сделанный флигель-адъютантом со всех пяти трупов «цареубийц», висящих в петлях (С. 323); здесь Перовскую — в середине, между двумя мужчинами, — можно определить по ее фигурке...

---

¹³²⁶ Лебедев А.К. Василий Васильевич Верещагин. Жизнь и творчество. М., 1958. С. 221.

¹³²⁷ Там же. С. 227, 234, 236.

¹³²⁸ Там же. С. 222.

Казнь первомартовцев (в особенности, конечно же, — Софьи Перовской) взволновала и артистический мир России — мир театра и музыки. Гениальнейшая из актрис, когда-либо выступавших на российской сцене, Мария Николаевна Ермолова под впечатлением казни Перовской выбрала для своего бенефисного спектакля в Малом театре неизвестную до тех пор в России драму неведомого (итальянского) автора Луиджи Гуальтьери «Корсиканка» и вдохновенно исполнила в ней заглавную роль Гюльнаны, убивающей деспота. Спектакль прошел 25 ноября 1881 г. с триумфальным успехом. То был самый смелый, самый рискованный из всех иносказательно-тенденциозных (сродни картине Репина «Иван Грозный и сын его Иван») спектаклей на сцене Малого театра и в России вообще. Власти были так встревожены опасной тенденциозностью «Корсиканки», что после первого же представления сняли ее с репертуара навсегда¹³²⁹.

Сама же Мария Николаевна после этого спектакля оказалась под наблюдением Департамента полиции. Командир корпуса жандармов П.В. Оржевский в секретной записке к министру императорского двора И.И. Воронцову-Дашкову от 10 июля 1884 г. характеризовал ее как «личность, сочувствующую революционному движению»¹³³⁰.

Документы свидетельствуют, что Мария Гавриловна Савина в день казни «цареубийц» преклонилась перед их мужеством¹³³¹, а юная Евгения Мравина¹³³² в тот день плакала от сострадания к ним¹³³³. Возмущался варварской казнью первомартовцев корифей Малого театра Александр Иванович

---

¹³²⁹ Подробно об этом см.: *Дурылин С.Н.* Мария Николаевна Ермолова. Очерк жизни и творчества. М., 1953. С. 160–166.

¹³³⁰ *Троицкий Н.А.* Эпизод из биографии М.Н. Ермоловой // Прометей. 1977. Т. 11. С. 349–350.

¹³³¹ См.: *Карабеский Н.П.* Цит. соч. Т. 2. С. 33.

¹³³² Мравина (наст. фам. — Мравинская) Евгения Константиновна (1864–1914), с 1886 г. станет одной из ярчайших звезд русского музыкального театра.

¹³³³ См.: *Коллонтай А.М.* Из моей жизни и работы. М., 1974. С. 48–49.

Южин (Сумбатов)¹³³⁴. Великий Леонид Витальевич Собинов, которому в 1881 г. не исполнилось еще и десяти лет, именно с того года и навсегда проникся симпатией к героям «Народной воли»: «Имена Желябова, Перовской, Кибальчича были для меня именами героев»¹³³⁵...

Среди городского и, особенно, деревенского простонародья, в то время еще очень сильно зараженного царистскими иллюзиями, откликов на казнь «цареубийц» с выражением сочувствия к ним было немного, но они были и служили опасным для царских верхов предзнаменованием. Так, по данным жандармских дознаний, «сожаление о казни цареубийц» выражали симбирский купец Кузьма Андреевич Фадеев, херсонский артельщик Николай Васильевич Попов, маляр рабочей артели в Самаре Степан Аверьянович Зимин¹³³⁶.

Рабочие Дмитрий Алексеевич Бычков из Николаева и Василий Николаевич Иевлев из Нижнего Новгорода после казни цареубийц говорили: «Всех Перовских да Рысаковых не перевешаешь!», «Нас много, всех не перевешаешь!»¹³³⁷, а мещанин из Подмосковья Сорокин сочинил крамольный «акростих» на смерть Перовской¹³³⁸.

В деревнях — даже окраинных губерний, как, например, Ковенская, — тоже слышались красноречивые отклики, вроде того, что «вот Перовскую и Кибальчича повесили, а нас все-таки много, всех не перевешают»¹³³⁹, «хотя повесили пять человек, но еще тысяча есть таких»¹³⁴⁰ и т.д. Крестьянин Калужской губернии Иван Комов обвинялся в том, что переписывал и передавал по рукам «биографии казненных

---

¹³³⁴ Южин-Сумбатов А.И. Цит. соч. С. 35.

¹³³⁵ Собинов Л.В. Автобиография // Леонид Витальевич Собинов. М., 1970 Т. 2. Статьи, речи, высказывания... С. 9.

¹³³⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 540. Д. 19. Л. 160; Д. 42. Л. 144; Д. 54. Л. 224–224 об.

¹³³⁷ Там же. Д. 7. Л. 282–282 об.; Д. 20. Л. 261 об.

¹³³⁸ 1 марта 1881 г. М., 1933. С. 110.

¹³³⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 540. Д. 12. Л. 287.

¹³⁴⁰ Валк С.Н. После 1 марта 1881 г. // Красный архив. 1931. № 2. С. 152.

государственных преступников»¹³⁴¹, а крестьянин Федор Чернов из Владимирской губернии — в «провозглашении тоста за Желябова и Перовскую»¹³⁴²...

Даже в стан врагов и карателей «Народной воли» проникло сочувствие к жертвам изуверской казни первомайцев. «Что бы там ни было, что бы они ни совершили, но таких людей нельзя вешать, — говорил о Желябове и Кибальчиче некий генерал, «сослуживец и приятель самого Тотлебена». — А Кибальчича я бы засадил крепко-накрепко до конца его дней, но при этом предоставил бы ему полную возможность работать над своими техническими изобретениями»¹³⁴³. Иные из военных и даже судебных чинов подвергались судебным преследованиям за добрые чувства к Перовской, Кибальчичу и другим первомайцам. Член Кавказского военно-окружного суда полковник Казин был арестован по обвинению в том, что он на товарищеском ужине предложил «сочувственный тост за государственных преступников Кибальчича и Перовскую»¹³⁴⁴. За «сочувствие казненным государственным преступникам» привлекался к жандармскому дознанию в Одессе подполковник Чурин¹³⁴⁵...

Обратимся теперь к международным откликам на расправу с первомайцами, которые охватили тогда не только Европу, но и Америку (как северную, так и южную) и Азию. Протестовали участники народных митингов в Париже (под председательством «Красной девы» Коммуны Луизы Мишель) и Лондоне¹³⁴⁶, в Женеве¹³⁴⁷ и далеком Монтевидео (столице экзотического для России государства — Уругвай)¹³⁴⁸, социалисты

---

¹³⁴¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1. Обзоры важнейших жандармских дознаний. 1883. Л. 108.

¹³⁴² 1 марта 1881 г. М., 1933. С. 109.

¹³⁴³ Иванов С.А. Цит. соч. С. 237.

¹³⁴⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 534. Д. 1345.

¹³⁴⁵ 1 марта 1881 г. М., 1933. С. 109.

¹³⁴⁶ См.: Валк С.Н. Цит. публ. С. 148, 149.

¹³⁴⁷ См.: ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. 1881. Д. 1574. Л. 178–178 об.

¹³⁴⁸ См.: Le Révolté. 1881. 28 mai. P. 3.

Константинополя¹³⁴⁹, центральный орган социал-демократической партии Германии «Социал-демократ»¹³⁵⁰, Организационный комитет по созыву международного социалистического конгресса (в обращении «К революционерам всего мира»¹³⁵¹. Женщины Парижа вотировала текст призыва «К женщинам всего мира» протестовать против казни Софьи Перовской¹³⁵². Французская газета «Le Proletaire» отозвалась на смертный приговор первомайцам такими словами: «Вы умрете!... Прощайте, братья социалисты, стоящие в тысячу раз выше, чем христианские мученики». И далее: «А ты, русский народ, смотри, как умеют умирать те, кто тебя любит, и не забывай этого никогда!»¹³⁵³.

Выдающийся английский политик, историк, публицист, умеренный либерал Джон Морли (1838–1923 гг.) пророчески заявил в апреле 1881 г. на страницах своего «Двухнедельного обозрения», что «Софья Перовская станет *святой* в революционном календаре»¹³⁵⁴. Он мог бы сказать: «не только в революционном». Кстати, в Италии еще более выдающийся политик и публицист, один из основателей Итальянской социалистической партии Филиппо Турати (1857–1932 гг.) откликнулся на казнь Перовской волнующим стихотворением «Апрельские цветы», в котором он назвал Софью Львовну «*святой Софией*»¹³⁵⁵.

А на другом краю света, в Бостоне, где (как, впрочем, и в Нью-Йорке и в Чикаго) после 1 марта 1881 г. продолжались

---

¹³⁴⁹ См.: Le Révolté. 1881. 25 juni. P. 4.

¹³⁵⁰ См.: In memoriam // Der Sozialdemocrat. 1881. 24 april.

¹³⁵¹ См.: Le Révolté. 1881. 30 april. P. 2.

¹³⁵² Ibid. 14 mai. P. 2.

¹³⁵³ Цит. по: Итенберг Б.С. Цит. соч. С. 174, 181.

¹³⁵⁴ Morley J. Home and foreign affairs // Fortnightly Review. 1881. V. 29. № 173. P. 669–670.

¹³⁵⁵ См.: Раджоньери Э. Итало-русские общественные связи (1860–1900). М., 1968. С. 17; Идеи социализма и литературный процесс на рубеже XIX–XX вв. М., 1977. С. 294.

митинги солидарности с российскими тираноборцами, прославленный борец за свободу американских негров Уэнделл Филлипс (1811–1884 гг.) — «лучший (в оценке Ф. Энгельса) оратор Америки, а возможно и всего мира», — говорил: «Я смотрю на Россию, лежащую за 4000 миль отсюда, и вижу, какой кошмар тяготее над ее народом. Но я надеюсь, что найдется кто-нибудь, кто освободит от него народ»¹³⁵⁶. В Японии боевая группа демократической партии «Дзюто» наставляла своих adeptов: «Мы должны брать пример с русских нигилистов»¹³⁵⁷, а в Китае демократически настроенная молодежь с тех пор и в XX веке «не забывала Софьи Перовской»¹³⁵⁸...

Поскольку одной из осужденных, Гесе Гельфман, ввиду ее беременности казнь была отсрочена до рождения ребенка, международная кампания протеста против казни Перовской и ее соратников слилась с кампанией в защиту Гельфман. Громче всех стран, как обычно, протестовала Франция. Авторитетный публицист и «жженный» политик (радикал, но не революционер!) маркиз Анри Рошфор со страниц своей газеты «L'Intransigeant» («Независимый») призвал «всех матерей, любящих своих детей, и всех детей, любящих своих матерей», организовать повсюду «громкие митинги протеста против удушения как матери, которая уже осуждена, так и младенца, который не осужден»¹³⁵⁹. и митинги были организованы. В Париже больше 4 тыс. человек собрались в цирке Фернандо, где с речью в защиту Гельфман выступил генерал Парижской Коммуны 1871 г. Эмиль Эд и была зачитана страстная телеграмма польских социалистов за подписью Людвика Варыньского: «Сын, наследник, превзошел своего отца. Пять виселиц бледнеют перед муками беременной женщины, Геси Гельфман... Пусть будет проклят царь-отец, пусть будет проклят и его сын!»¹³⁶⁰. В Марселе перед

¹³⁵⁶ Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35. С. 143.

¹³⁵⁷ Бедняк И.Я. и др. Очерки новой истории Японии. М., 1958. С. 277.

¹³⁵⁸ Лу Синь. Собр. соч. М., 1955. Т. 2. С. 99.

¹³⁵⁹ Цит. по: Иохельсон В.И., Кантор Р.М. Указ. соч. С. 43.

¹³⁶⁰ Набат (Лондон). 1881. № 4. С. 8; Валк С.Н. Цит. публ. С. 149–150.

российским консульством состоялась демонстрация с участием от 1 тыс. до 2,5 тыс. (по разным данным) человек, которых вела за собой с красным знаменем в руках героиня Коммуны Полина Менк¹³⁶¹. Многолюдным был митинг солидарности с мучениками «Народной воли» и в Сент-Этьене¹³⁶².

Вновь после дела Гартмана, и не в последний раз, поднял голос в защиту народовольцев Виктор Гюго¹³⁶³. Как явствует из воспоминаний П.А. Кропоткина, он откликнулся стихотворением о Гесе Гельфман «Да, ужас дошел до такой степени...»¹³⁶⁴.

Кампания за помилование Гельфман охватила и другие страны. В Лондоне и Брюсселе состоялись митинги¹³⁶⁵, а в итальянском городке Сампьердарен (близ Генуи) 825 женщин подписали адрес на имя российской императрицы с ходатайством помиловать осужденную¹³⁶⁶.

Царизм не мог на посчитаться с такой кампанией. Более трех месяцев Гельфман ждала родов со смертным приговором, но 2 июля Александр III все-таки заменил ей казнь через повешение казнью через пожизненное каторжное заточение. 12 октября в тюрьме, в антисанитарных условиях, Гесья родила дочь, а через три месяца ребенка отняли у матери и сдали под № 824 в петербургский воспитательный дом, причем царь позаботился распорядиться, «чтобы дочь Гельфман носила иную фамилию». У самой Геси врач засвидетельствовал «потрясающие ознобы» и «общее воспаление брюшины». 1 февраля 1882 г. она умерла в страшных мучениях¹³⁶⁷. Вскоре, не прожив и года, умерла ее дочь, а еще через год, в одиночном

---

¹³⁶¹ Неделя. 1881. 17 мая (заграничная хроника).

¹³⁶² Le Révolté. 1881. 14 mai. P. 2.

¹³⁶³ Подробно см.: *Troitski N.* Victor Hugo et la Russie révolutionnaire des années 1870–1880 // *Sciences sociale.* 1988. № 1(71). P. 139–146.

¹³⁶⁴ *Kropotkine P.* La Vérité sur les Exécutiens en Russie. P. 18. Кропоткин приводит здесь полный текст стихотворения Гюго.

¹³⁶⁵ Набат (Лондон). 1881. № 4. С. 8.

¹³⁶⁶ РГАЛИ. Ф. 1744. Оп. 1. Д. 80. Л. 1–5.

¹³⁶⁷ См.: *Иохельсон В.И., Кантор Р.М.* Цит. соч. С. 44–45.

склепе Алексеевского рavelина был умерщвлен осужденный на смертную казнь и «помилованный» царем муж Геси — член ИК «Народной воли» Николай Колодкевич (так любимый соратниками «Кот-Мурлыка»)...

В заключение обзора международных откликов на казнь первомайцев и главным образом, конечно, Перовской — несколько примеров из творчества зарубежных писателей (поэтов, прозаиков, драматургов). Классик французской литературы Эмиль Золя в одном из лучших своих романов «Жерминаль» (1885 г.) изобразил казнь *пяти первомайцев* как варварское злодеяние. Сцена казни здесь буквально вопиет против царских палачей. «Они, — говорит о вешателях герой романа, очевидец казни, народоволец Суварин, — провозились целых двадцать минут, чтобы повесить четырех до Аннушки; веревка обрывалась, и они никак не могли покончить с четвертым¹³⁶⁸... Она стояла тут же, дожидаясь своей очереди». Этот рассказ Суварина завершается многозначным выводом: все попытки царизма задушить освободительное движение зверскими репрессиями тщетны, казни «народных заступников» дают эффект, противоположный тому, на который рассчитывают каратели. «Да, хорошо, что она умерла, — вспоминает Суварин об Аннушке. — На ее крови родятся герои, а во мне больше нет никакой трусости... Рука ни от чего не дрогнет, когда придет день и нужно будет отнять жизнь у других или отдать свою!»¹³⁶⁹.

В Англии великий Бернард Шоу называл своей «любимой героиней» Софью Перовскую¹³⁷⁰, а молодой поэт Генри Эллис воспел Софью Львовну в стихотворении 1884 г.¹³⁷¹. Гениальный

---

¹³⁶⁸ Золя использует фактические подробности казни 3 апреля 1881 г. пятерых первомайцев, среди которых тоже была одна женщина и над одним из осужденных (Тимофеем Михайловым) дважды обрывалась веревка. Софья Перовская точно так же, как и Аннушка, «дождалась своей очереди», пока перед ней трижды вешали Михайлова.

¹³⁶⁹ Золя Э. Соч. М., 1957. Т. 10. С. 345.

¹³⁷⁰ Цит. по: *Гражданская З.Т.* Бернард Шоу. М., 1965. С. 35.

¹³⁷¹ *Ellis H. Sophia Perovskaia. Executed 16 april 1881 // To-day. 1884. № 4. P. 256.*

норвежец, один из самых выдающихся драматургов мира Генрик Ибсен приветствовал царевубийство 1 марта 1881 г., посчитав, что «на земле одним тираном стало меньше»¹³⁷², а юный Стефан Жеромский (будущий классик польской литературы, автор знаменитого романа «Пепел» и трилогии «Борьба с сатаной») преклонился перед Андреем Желябовым и Софьей Перовской¹³⁷³. В Румынии замечательный поэт-демократ Константин Милле посвятил памяти Софьи Перовской свое знаменитое «Poezia roşie» («Красное стихотворение») 1882 г.¹³⁷⁴, а много лет спустя в далекой Японии популярнейший поэт начала XX в. Такубоку Исикава почтил память Софьи Львовны своим, нетривиальным стихотворением:

Русское имя
Соня
Я дал дочурке совей,
И радостно мне бывает
Порой окликнуть ее¹³⁷⁵...

Теперь подведем итоги тому, взволновавшему мир, событию, которое произошло в Петербурге 3 апреля 1881 г. Ведь в тот день, как обобщающе выразился член ИК «Народной воли» Михаил Фроленко, «была повешена, можно сказать, вся Россия»¹³⁷⁶, т.е. представители всех российских сословий, как будто некий рок подбирал их специально: *дворянка* Перовская, выходец из *духовенства* Кибальчич, *мещанин* Рысаков, *рабочий* Михайлов и *крестьянин* Желябов. Проникновенно сказал об их жизни советский публицист Андрей Меркулов: «Повесили способность народа самому управлять собой. Повесили науку.

---

¹³⁷² Цит. по: Адмони В.Г. Генрик Ибсен. Очерк творчества. М., 1956. С. 158.

¹³⁷³ См.: Wasilewski A. S. Żeromski w świetle nieznanych pamiątek // Nowa kultura. Warszawa, 1950. 19 listopada. S. 5.

¹³⁷⁴ Mille C. Versuri și proza. București, 1953. P. 60–62.

¹³⁷⁵ Исикава Т. Стихи. М., 1957. С. 195.

¹³⁷⁶ Фроленко М.Ф. Собр. соч.: В 2 т. М., 1932. Т. 2. С. 65.

Повесили идеал высокой и нежной женской души. Повесили любовь и дружбу. И с ними же вместе — предательство»¹³⁷⁷.

Разумеется, казнь, о которой идет речь, отпечаталась навеки веков в российской истории еще и тем, что здесь *впервые* была казнена ЖЕНЩИНА (и какая! — наша «идейная Жанна д'Арк»). Кстати, в жандармских кругах 1870–1880-х годов расхожими были толки об имени «Софья», как «апокалипсическом» для них, и не случайно: первой приговоренной к смерти была Софья Лешерн фон Герцфельд, первой казненной — Софья Перовская, а кроме них ненавистны были царским карателям и героиня процесса «50-ти» Софья Бардина, и народоволки Софья Богомолец, Софья Гинсбург, Софья Шехтер, Софья Гуревич, Софья Иванова (трижды судимая царским судом), Софья Новаковская (четырежды осужденная!), народница Софья Субботина — мать трех дочерей — революционерок (все четверо были осуждены на разных процессах).

Наконец, казнь 3 апреля 1881 г. исторически значима как *последняя* в России публичная смертная казнь. Дело в том, что она, вопреки ожиданиям властей, которые сделали все, чтобы представить ее перед публикой в свою пользу, произвела впечатление, убийственно невыгодное для правительства. Не зря Лев Толстой вспоминал: «Когда казнь совершилась, я только получил еще большее отвращение к властям и к Александру III»¹³⁷⁸. Либеральный юрист, один из главных творцов судебной реформы 1864 г. С.И. Зарудный в самый день казни перво-мартовцев направил царю письмо с предложением «теперь же и как можно скорее издать высочайший манифест об окончательной отмене смертной казни в России»¹³⁷⁹. Царизм на это не пошел, но былую надежду на какой-либо выигрыш из публичного ритуала смертных казней отныне и навсегда потерял. 26 мая 1881 г. особым царским указом публичное исполнение

---

¹³⁷⁷ Меркулов А.А. Ветераны мечты и бессмертия // Молодой коммунист. 1962. № 9. С. 102.

¹³⁷⁸ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 75. С. 114.

¹³⁷⁹ К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1. Ч. 1. С. 172.

смертной казни было отменено. Теперь казнить «государственных преступников» предписывалось не на площадях, а тайно, «в пределах тюремной ограды, а при невозможности сего — в ином, указанном полицейским начальством, месте»¹³⁸⁰.

Остается сказать еще об одном последствии изуверской расправы с первомартовцами. Она как бы акцентировала собой одно из главных качеств нового царя — палаческую жестокость, что (вместе с его кретинизмом и мракобесием) уже свидетельствовало об одиозности, гнилости и обреченности царского режима.

Казалось, невозможно даже представить себе, чтобы палач, кретин и мракобес обратился в положительного героя, но невозможное стало возможным: сегодня у наших ученых, литераторов, кинематографистов (не всех, но титулованно известных¹³⁸¹) Александр III в моде как «земной пастырь миллионов» и «самый народный монарх»¹³⁸², излучавший «совершенно выдающееся благородство» и «неисчерпаемую доброту»¹³⁸³, эдакий «Герой-Отец», которого Никита Михалков всенародно, через Центральное телевидение, объявил своим «любимым национальным героем» и сам любовно изобразил его в собственном фильме «Сибирский цирюльник».

А ведь что представлял собою Александр III в действительности — как монарх и человек? Громадный и неуклюжий, с доисторическими манерами («бегемот в эполетах», по выражению

---

¹³⁸⁰ ПСЗ. Собр. 3. Т. 1. С. 95.

¹³⁸¹ Таких, например, как профессор-историк А.Н. Боханов, доктор-филолог и беллетрист О.Н. Михайлов, киноактер и режиссер, председатель правления Союза кинематографистов России Н.С. Михалков.

¹³⁸² *Боханов А.Н.* Император Александр III. М., 1998. С. 425, 471.

¹³⁸³ *Михайлов О.Н.* Забытый император. Исторический роман. М., 1997. С. 290–292. В унисон О.Н. Михайлову другой доктор наук (исторических!) А.П. Логунов 7 марта 2013 г. с экранов ЦТ в псевдоартистической манере, с придыханием, á la Радзинский, воспел Александра III как умного, доброго, заботливого монарха, сожалея при этом, что он не прожил «еще хотя бы 15 лет», — вот тогда, дескать, в России все было бы о'кей!

лично знакомого с ним А.Ф. Кони¹³⁸⁴), колосс в физическом отношении, этот царь был пигмеем в отношении умственном. Наследником престола он стал неожиданно, уже в зрелом возрасте (20 лет), после смерти старшего брата Николая. Поэтому к царским занятиям его своевременно не готовили, а сам он учиться не любил и до вступления на трон не осилил даже ни орфографию, ни пунктуацию, писал с диковинными ошибками («идеот», «а вость», «будь-те», «при дерзкия»), а знаков препинания вообще не признавал, кроме восклицательных, которые он вбивал, как гвозди, по два-три-четыре кряду. Воспитатель Александра III профессор Московского университета А.И. Чивилев «ужаснулся», когда его 20-летний воспитанник был объявлен наследником престола. «Я не могу примириться с мыслью, что он будет управлять Россией», — признался тогда Чивилев в разговоре с профессором К.Н. Бестужевым-Рюминым¹³⁸⁵.

Кстати, «пришел в ужас», узнав о том же, далеко не такой, как Чивилев, интеллигент — начальник императорской Главной квартиры генерал-адъютант О.Б. Рихтер¹³⁸⁶.

Оно и понятно. Став императором, Александр III продолжал шокировать, а то и «ужасать» своим тупоумием даже преданных ему сподвижников и почитателей: «слабоумный монарх»¹³⁸⁷, «умственное его развитие стояло очень низко»¹³⁸⁸, «вахлак» — «ниже среднего ума, ниже средних способностей и ниже среднего образования»¹³⁸⁹. Военный министр П.С. Ванновский, желая сказать комплимент царю, выразился было так: «Это Петр со своей дубинкой», но тут же поправил себя: «Нет, это одна дубина без Великого Петра, чтобы быть точным»¹³⁹⁰.

---

¹³⁸⁴ Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 1. С. 16.

¹³⁸⁵ Цит. по: Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы (1848–1896). М., 1991. С. 215.

¹³⁸⁶ Епанчин Н.А. На службе трех императоров. М., 1996. С. 155.

¹³⁸⁷ Ламздорф В.Н. Дневник 1886–1890 гг. М.; Л., 1926. С. 82.

¹³⁸⁸ Феоктистов Е.М. Цит. соч. С. 215.

¹³⁸⁹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. СПб., 2003. Т. 1. Кн. 1. С. 162.

¹³⁹⁰ Цит. по: Ламздорф В.Н. Дневник 1891–1892 гг. М.; Л., 1934. С. 342.

Здесь невольно возникает вопрос: как такой, интеллектуально убогий «вахлак» мог управлять государством? Ответ прост: у «вахлака» был высокообразованный, мудрый (хотя и столь же реакционный, как и сам «вахлак») наставник — обер-прокурор Святейшего Синода, глава русской церкви, — «русский папа», как называли его в Европе, — Константин Петрович Победоносцев. Он подсказывал Александру III все основные решения, наставляя его на тот путь, куда и по субъективным качествам, и по объективным условиям самосохранения склонялась воля царя — к безраздельной реакции. «Русский папа» правил царем, руководил им, как поводырь руководит слепым. В 1880-е годы его влияние было удушающе въедливым. То было время, когда, по словам Александра Блока,

Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла¹³⁹¹.

Примером для себя из российских монархов Александр III считал (скорее всего, тоже по подсказке Победоносцева) не отца своего, Александра II, а деда — Николая I. Как и Николай, Александр III полагался на палаческий способ правления и (символическая деталь!) ознаменовал свое восшествие на престол, точно по примеру деда, пятью виселицами. Точно так же, пятью виселицами он покарает «нигилистов» в 1887 г. за *неудавшуюся* попытку устроить покушение на его жизнь (в числе казненных был тогда Александр Ульянов — старший брат В.И. Ленина). Поэт Леонид Трефолов (автор *народной* песни «Когда я на почте служил ямщиком...») заклеил виселичный террор Александра III в стихотворении «Сердце государево»:

Мы между народами
Тем себя прославили,

---

¹³⁹¹ Блок А.А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1971. Т. 3. С. 216.

Что громоотводами
Виселицы ставили¹³⁹².

Впрочем, Александр III предпочитал смертной казни через повешение казнь через пожизненное заточение в каторжных тюрьмах Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей и даже, более того, рекомендовал министру внутренних дел Д.А. Толстому «узнавать от арестованных все, что только возможно, не предавать их суду и просто без всякого шума¹³⁹³ отправлять в Шлиссельбургскую крепость. Это самое сильное и неприятное наказание»¹³⁹⁴.

Действительно, каторжный режим для «нигилистов» Александре III был «самым жестоким» за всю историю царской тюрьмы с 1762 г.¹³⁹⁵ Именно Александр III в 1884 г. открыл зловещую «Государеву тюрьму» в Шлиссельбурге, а вслед за тем (в 1886 г.) — политическую каторгу на Сахалине. Злодеяния его тюремщиков, вроде «Ирода»-Соколова или «Бочки»-Яковлева, возмущали и российскую, и мировую общественность. То, что каторжане вскорости теряли здоровье, сходили с ума, умирали, кончали с собой, не подлежало огласке. Все шестеро народовольцев, осужденных на смертную казнь по делу «17-ти» в 1883 г. (М.Ф. Грачевский, Ю.Н. Богданович, П.А. Теллалов, А.В. Буцевич, С.С. Златопольский и М.Ф. Клименко), были «помилованы» вечной каторгой и погибли в первые же пять лет. Но случилось так, что весь мир узнал о самосожжении Грачевского в 1887 г. и о двух трагедиях 1889 г. (Якутской — 22 марта и Карийской — 7 ноября).

В Якутске царские опричники застрелили и закололи штыками заявивших *словесный* протест ссыльных, включая жен-

---

¹³⁹² Трефолов Л.Н. Стихотворения. Л., 1958. С. 230.

¹³⁹³ Вот что пугало царя в политических процессах — «шум», который они вызывали, особенно после всемирного шума вокруг суда над первоапрельцами и казни Софьи Перовской.

¹³⁹⁴ А.И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г. М.; Л., 1927. С. 360.

¹³⁹⁵ Вывод авторитетнейшего специалиста: Гернст М.Н. История царской тюрьмы: В 5 т. Т. 3. С. 109.

щину — Софью Гуревич, а затем после суда над остальными еще троих повесили, причем Лев Коган-Бернштейн, тяжело раненый, был внесен на эшафот (как и прежде в суд) прямо в кровати, поднят с нее и вдет в петлю, после чего кровать из-под него выдернули¹³⁹⁶. А на Карийских рудниках первое в России телесное наказание женщины-политкаторжанки¹³⁹⁷ — по личному велению Александра III: «Дать ей сто розог!»¹³⁹⁸ — повлекло за собой ее и других каторжан массовое самоубийство¹³⁹⁹.

Под впечатлением этих трагедий один из лучших в то время поэтов Англии Чарльз Суинберн написал оду под названием «Россия», где говорилось: сам Данте «на отдаленнейших дорогах ада <...> не видел ужасов, которые могли бы сравниться с тем, что ныне происходит в России»¹⁴⁰⁰. В США вторил Суинберну знаменитый Марк Твен. «Только в аду, — писал он Сергею Кравчинскому, — можно найти подобие правительству вашего царя»¹⁴⁰¹. «Каменносердый, кровожадный маньяк всея Руси», — так назвал Марк Твен Александра III¹⁴⁰². А в самой России Лев Толстой с болью писал об «ужасах, совершаемых над политическими»¹⁴⁰³.

Все эти ужасы были заранее узаконены таким детищем Александра III и Победоносцева, как пресловутое «Положение об охране» от 14 августа 1881 г., согласно которому Россия

---

¹³⁹⁶ См. об этом: Якутская трагедия 22 марта 1889 г. Сб-к воспоминаний и материалов. М., 1925.

¹³⁹⁷ То была Надежда Константиновна Сигида (1862–1889) — член «Народной воли», муза выдающегося украинского поэта Павло (Павла Арсеньевича) Грабовского (1864–1902).

¹³⁹⁸ ИРЛИ РО. Ф. 9122. Б. 14. Л. 11 об.

¹³⁹⁹ Подробно см.: Карийская трагедия (1889 г.). Воспоминания и материалы. Пг., 1920.

¹⁴⁰⁰ *Swinburne A.Ch.* Russia: an ode // *Fortnightly Review*. 1890. № 284. P. 165–167.

¹⁴⁰¹ *Твен Марк*. Собр. соч.: В 12 т. М., 1961. Т. 12. С. 610.

¹⁴⁰² Там же. С. 611.

¹⁴⁰³ *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. Т. 65. С. 138.

вплоть до 1917 г. балансировала на грани чрезвычайщины¹⁴⁰⁴. Миллионы своих верноподданных Александр III норовил держать в положении бесправных «скотов». Ведь даже псевдо-«конституцию» Лорис-Меликова он счел не просто вредной, а «преступной»¹⁴⁰⁵: «Конституция! — зло восклицал он в разговоре с петербургским градоначальником Н.М. Барановым 20 апреля 1881 г. — Чтоб русский царь присягал каким-то скотам!»¹⁴⁰⁶. Понятно, что заботиться об условиях жизни и, тем более, о просвещении «каких-то скотов» Александр III не хотел. Страшный голод в России 1891–1893 гг. его не встревожил. Он лишь рассердился на... голодающих. «Александра III раздражали упоминания о “голоде”, как о слове, выдуманном теми, кому “жрать нечего”, — свидетельствовал выдающийся российский юрист О.О. Грузенберг. — Он высочайше повелел заменить слово “голод” словом “недород”. Главное управление по делам печати разослало незамедлительно строгий циркуляр»¹⁴⁰⁷. А можно ли забыть и простить Александру III его скандальный указ 1887 г. «о кухаркиных детях», который закрыл доступ всему простонародью к среднему образованию! Немудрено, что к концу царствования самодержавного «вахлака» до 80% россиян оставались неграмотными»¹⁴⁰⁸.

Итак, Александр III старался держать русский народ в скотском бесправии, нищете и темноте. Лев Толстой в полном согласии с фактами определил все его царствование как «глупое, ретроградное»: Александр III пытался «вернуть Россию к варварству времен начала столетия», вся его «постыдная деятельность виселиц, розг, гонений, одурения народа» вела

---

¹⁴⁰⁴ См. об этой «карательной конституции»: Гессен В.М. Исключительное положение. СПб., 1908. Гл. 3 и прил.

¹⁴⁰⁵ Конституция графа Лорис-Меликова. Материалы для ее истории // Былое. 1918. № 4–5. С. 162.

¹⁴⁰⁶ Цит. по: Суворин А.С. Дневник. 2 изд. Лондон; М., 2000. С. 304.

¹⁴⁰⁷ Грузенберг О.О. Вчера. Воспоминания. Париж, 1938. С. 27.

¹⁴⁰⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи. СПб., 1905. Т. 1. С. 3.

4. Казнь

к этому¹⁴⁰⁹. Так же, в принципе, оценивали правление Александра III П.Н. Милюков, К.А. Тимирязев, В.И. Вернадский, В.Г. Короленко, А.А. Блок¹⁴¹⁰ (несравнимо более авторитетные и осведомленные, чем бохановы и К^о), а М.Е. Салтыков-Щедрин увековечил режим «кровожадного маньяка всея Руси» в образе «Торжествующей свиньи», которая «кобенится» перед Правдой и «чавкает» ее¹⁴¹¹.

Могла ли быть у такого режима иная судьба, нежели та, которая неотвратимо вела и, — при незадачливом сыне ретроградного отца, — привела его к полному краху. Нет, не могла. Тринадцать лет Александр III «сеял ветер»¹⁴¹². Его преемнику — Николаю II — выпало на долю *пожать бурю*. Как самая яркая и трагическая *буревестница* той бури незабвенна во веки веков для России Софья Львовна Перовская.

---

¹⁴⁰⁹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 69. С. 134; Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1960. Т. 2. С. 32.

¹⁴¹⁰ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 176; Тимирязев К.А. Соч. М., 1939. Т. 8. С. 177; Страницы автобиографии В.И. Вернадского. М., 1981. С. 45–46; Короленко В.Г. Собр.соч.: В 10 т. М., 1956. Т. 7. С. 197; Блок А.А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. С. 216–217.

¹⁴¹¹ Салтыков-Щедрин М.Е. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1936. Т. 14. С. 245.

¹⁴¹² Плеханов Г.В. Соч. Т. 24. С. 168.

Αποφειο3

Да, захотелось мне озаглавить заключительный раздел моей книги не обиходно («Заключение» или «Эпилог»), а именно так, — может быть, кому-то покажется, вычурно: «*Апофеоз*». Теперь, подытоживая все сказанное здесь о Софье Львовне Перовской, следует всесторонне оценить масштаб и своеобразие ее личности (интеллект, нравственность, идейные убеждения, деятельность, судьбу), но всесторонне оценить — это и значит *восславить* Софью Львовну как ярчайшую представительницу особого типа «народных заступников» в России, а именно *народовольцев*, в коих сочетались народолюбцы и тираноборцы. Их отличали две главные особенности.

Во-первых, эти люди свято верили в историческую правоту и неизбежное торжество дела борьбы за освобождение русского народа от самодержавных оков, — дела, которому они посвятили свою жизнь (нередко при этом отказываясь от всех благ знатного происхождения). Они понимали, сколь трудной будет эта борьба. Вспомним, что говорила Перовская П.А. Кропоткину: «Мы затеяли большое дело. Быть может, двум поколениям придется лечь на нем, но сделать его надо». Так же были настроены и соратники Софьи Львовны. Член ИК «Народной воли» Михаил Грачевский, осужденный на смертную казнь по делу «17-ти», предрекал царским карателям: «если они не вложат свои окровавленные сабли в ножны и не удовлетворят народные требования, то должны заранее помириться с мыслью, что в раздутом ими пожаре им придется сгореть»¹⁴¹³. Агент ИК Николай Желваков (исполнитель смертного приговора от

---

¹⁴¹³ Автобиографические показания М.Ф. Грачевского // Красный архив. 1926. Т. 5. С. 162.

имени «Народной воли» военному прокурору-садисту генералу В.С. Стрельникову), обращаясь к своим палачам с эшафота, возгласил: «От ожидающего вас конца ничто не спасет вас!»¹⁴¹⁴, а рядовой народоволец, рабочий Яков Тихонов в последнем слове на процессе «16-ти» перед смертным приговором заявил: «Идея, за которую я боролся и умираю, со мною не погибнет. Ее нельзя бросить, как нас, в мрачные тюрьмы, ее нельзя повесить»¹⁴¹⁵. Это — первое.

Во-вторых, ради грядущего, — пусть даже через два поколения, но неизбежного, — торжества их убеждений народовольцы с готовностью и потрясающим оптимизмом жертвовали собственной жизнью, ибо каждый из них (за единичными исключениями) мог повторить слова Перовской из ее предсмертного письма к матери: «Я жила так, как подсказывали мне мои убеждения...» Об этом свидетельствует и адресованное властям требование Желябова приобщить его к делу о цареубийстве, и предсмертное обращение из Алексеевского рavelина на волю к друзьям Александра Баранникова: «Живите и торжествуйте! Мы торжествуем и умираем»¹⁴¹⁶, и сказанное Александром Михайловым в письме к родным перед оглашением ему неизбежно смертного приговора: «Прекрасна смерть в сражении!»¹⁴¹⁷. О том же говорят предсмертные письма Николая Суханова и Александра Квятковского, а также их соратников, казненных до возникновения «Народной воли», — Дмитрия Лизогуба и Валериана Осинского¹⁴¹⁸.

В постсоветской России хулители народников обвиняют их в том, что они-де рвались «на вершину власти» ради

---

¹⁴¹⁴ Из Одессы // На родине. Женева, 1883. № 3. С. 58.

¹⁴¹⁵ Процесс 16-ти террористов. СПб., 1906. С. 228.

¹⁴¹⁶ *Народовелец А.И. Баранников* в его письмах. М., 1935. С. 133.

¹⁴¹⁷ Письма народовольца А.Д. Михайлова. М., 1933. С. 199.

¹⁴¹⁸ См.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 82. Д. 9124. Л. 5–5 об.; Предсмертные письма Александра Квятковского // Каторга и ссылка. 1927. № 2. С. 208; Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932. С. 107; Революционная журналистика 70-х годов. Ростов н/Д., 1907. С. 304–305.

собственного блага и славы, а «более всего пугало революционеров благополучие народа, тогда они оставались ни с чем»¹⁴¹⁹. Такие обвинения столь же абсурдны, сколь кощунственны. Живые голоса Андрея Желябова и Софьи Перовской, их соратников-народовольцев и героев «хождения в народ» (таких, как Ипполит Мышкин, Софья Бардина, Петр Алексеев) удостоверяют, что каждый из них готов был душу свою положить за народ, о собственной же славе думал «так же мало, как о том, чтобы сделаться китайским богдыханом»¹⁴²⁰. Разве о собственном благе и власти думал Андрей Желябов, когда требовал приобщить его к делу о цареубийстве? Или Софья Перовская, признаваясь в письме к матери перед казнью: «Я о своей участи нисколько не горюю, совершенно спокойно встречаю ее, так как давно знала и ожидала, что рано или поздно, а так будет», — именно в виселице усматривала «благо», «славу» и «вершину власти»?

Нет, и Желябов, и Перовская, и все иже с ними верили не только в историческую правоту и неотвратимое торжество их идей, но и в *справедливый* по отношению к ним (а не такой, как á la Ф. Лурье и К^о) суд истории. На последнем из главных судебных процессов «Народной воли» (по делу «21-го» в 1887 г.) Герман Лопатин апеллировал к суду истории точно так же, как это сделал на первом из них (16-ти) — в 1880 г. Степан Ширяев: «Вы представители заинтересованной стороны и не вам судить меня трезво и беспристрастно. Но я верю, что над всеми нами и над вами в том числе есть суд высший, который произнесет со временем свой правдивый и честный приговор. Этот суд — история»¹⁴²¹...

Для нашего «Апофеоза» важно подчеркнуть, что в партии «Народная воля» (первой в России политической *партии!*)

---

¹⁴¹⁹ Лурье Ф.М. Созидатель разрушения. СПб., 1994. С. 20; «Дело» молодых историков // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 111; История России с начала XVIII до конца XIX в. / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 2000. С. 434.

¹⁴²⁰ Прибылева-Корба А.П. «Народная воля». Воспоминания о 1870–1880-х гг. М., 1926. С. 51.

¹⁴²¹ Процесс «21-го». Женева, 1888. С. 37.

Перовская играла совершенно особую, только ей принадлежавшую и ни с кем не делимую, вдохновляющую роль «нравственного диктатора», а ведь эта партия непоправимо расшатала вековые устои полуфеодального, самодержавного режима в России. Вспомним, какова была в правящих верхах (по признанию самих верхов) паника после революционных акций «Народной воли» 5 февраля 1880 и, особенно, 1 марта 1881 г. Народовольцы не смогли тогда довершить начатое до победы, которая, в случае реализации их программы, уже тогда поставила бы Россию вровень с передовыми державами Запада, — не смогли потому, что многомиллионные, угнетенные и недовольные массы народа еще не были готовы активно поддержать партию своих «заступников». Но заступники и без должной поддержки народных масс добились в 1879–1882 гг. многого.

Именно «Народная воля» стала решающим фактором сложившейся тогда в России второй (после 1861 г.) революционной ситуации¹⁴²². Она не просто свергла царизм в панику и поставила перед вопросом «быть или не быть?», но и вырвала у него ряд важных уступок в различных областях политики, экономики, культуры¹⁴²³. Наиболее значимы они в крестьянском вопросе: с декабря 1881 г. до середины 1882 г. было упразднено временнообязанное (т.е. полукрепостное) состояние крестьян, отменена подушная подать, снижены (примерно на

---

¹⁴²² Как исторический конфуз отмечу здесь выдвинутый академиком И.Д. Ковальченко псевдонаучный тезис, первая часть которого заведомо исключает вторую: «Деятельность народовольцев представляла собой уже нисходящий этап в истории революционного народничества. Но это, разумеется, не означало спада общего накала революционного движения» (В.И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970. С. 81). Слабый накал крестьянского и рабочего движения в России 1870–1880-х годов общепризнан. По мнению И.Д. Ковальченко, и народовольческое движение было ущербным. Спршивается, откуда же, за чей счет рос тогда «общий накал» революционной борьбы?

¹⁴²³ Подробно о них см.: *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964. С. 419–430.

30% по стране) выкупные платежи, учрежден Крестьянский банк. В рабочем вопросе царизм вынужден был положить начало фабричному законодательству (1 июня 1882 г. вышел закон об ограничении детского труда и введении фабричной инспекции). Из политических уступок, вырванных «Народной волей», царизм один взял обратно (например, «конституцию» М.Т. Лорис-Меликова), но другие оставил: было ликвидировано III отделение, освобожден из якутской ссылки Н.Г. Чернышевский. В области культуры примечательны отставка весной 1880 г. уникально реакционного министра просвещения, мракобеса Д.А. Толстого и начавшийся пересмотр толстовских школьных правил.

Главное же, царизм, хотя и выбрался из острого «кризиса верхов» 1879–1881 гг., отразил революционный натиск тех лет и подавил «Народную волю», так и не смог, несмотря на все репрессии и контрреформы Александра III, восстановить устойчивость своего режима, безнадежно расшатанного народолюбцами. Пока Александр III сеял ветер реакции, неотвратимо надвигалась буря революции; новое поколение революционеров (большевиков, меньшевиков, эсеров) и воспрянувших духом либералов (кадетов, октябристов, прогрессистов) общими усилиями довело столь впечатляюще начатое дело «Народной воли» до победы: царизм пал...

Вернемся, однако, к личности Софьи Перовской и к ее роли не только в народолюбческом, но и, вообще, в народническом движении, начиная с «чайковцев». Везде и всегда она была на первых ролях (а в смысле личного влияния и обаяния — именно первой), соединяя в себе, по выражению Сергея Кравчинского, «оба высочайших типа человеческого величия: мученика и героя». Вот как (лучше не скажешь) рассказывал об этом Сергей Михайлович в легендарном очерке «Софья Перовская»:

«В течение одиннадцати лет стоит она на бреши, присутствуя при огромных потерях и разочарованиях, и все-таки вновь и вновь бросается она в самую жестокую сечу. Она сумела сохранить в себе нетронутую искру божественного огня. Ее стоицизм и суровый культ долга были лишь мантией, делавшей

ее похожей на античных героев, а не мрачным и унылым саваном, под которым благородные и несчастные души хоронят свои разбитые верования и надежды. Несмотря на весь свой стоицизм, несмотря на видимую холодность, в глубине души она остается вдохновенной жрицей, потому что под ее сверкающей стальной броней все же билось сердце женщины. А женщины, должно сознаться в этом, много-много богаче мужчин этим божественным даром. Вот почему им прежде всего обязано русское революционное движение своим почти религиозным пылом; вот почему, пока в нем остаются женщины, оно будет непобедимым»¹⁴²⁴.

Да, эта героиня и мученица, облаченная в «сверкающую стальную броню», заставляет вспомнить строки советского поэта Николая Грибачева:

Природа придумала прорву чудес,
Но женщина — чудо из чуд.

И ничто женское, в лучших проявлениях, не было ей чуждо. Не довелось ей стать матерью, но материнское начало проявлялось, как мы видели, в ее трогательно заботливом отношении ко всем слабым, больным, нуждающимся в помощи. Она испытала недолгое счастье быть женой такого же, как она, героя и мученика. А главное, через всю свою жизнь она пронесла «самую постоянную и высокую любовь» (по ее собственному выражению¹⁴²⁵) к матери, Варваре Степановне. Сколь сильна и высока была эта любовь Софьи Львовны, читатель сможет понять и даже ощутить, ознакомившись с приложением № 1. Здесь же уместно рассказать о судьбе Варвары Степановны — по материалам Департамента полиции, опубликованным мною в 1971 г.¹⁴²⁶

---

¹⁴²⁴ Степняк-Кравчинский С.М. Избранное. М., 1972. С. 404, 467.

¹⁴²⁵ См. текст предсмертного письма С.Л. Перовской к матери в приложении № 1.

¹⁴²⁶ Троицкий Н.А. Департамент полиции и мать Софьи Перовской // Прометей. 1971. Т. 8. С. 342–343.

После казни дочери Варвара Степановна жила в своем имении Приморское под Севастополем отдельно от мужа, оставшегося в Петербурге, где он и умер (отслужив четверть века в Совете министра внутренних дел) 13 февраля 1890 г. Жандармские власти, казнив дочь, не спускали глаз с матери «цареубийцы», а 2 января 1890 г. официально установили за ней негласный полицейский надзор. Далее, на протяжении 12 лет, крымские жандармы надзирали за Варварой Степановной и ежегодно по два раза в год присылали в Департамент полиции «Сведения», с грифом «Совершенно секретно» и трафаретными отметками: «В политическом отношении ни в чем предосудительном не замечена».

Наконец 1 января 1903 г агент, приставленный для наблюдения за Варварой Степановной, не стерпел и предположил трафарету «Сведений» красноречивое предисловие: «Имеет более 80 лет, глухая, почти слепая, ни в чем предосудительном замечена не была». Департамент полиции призадумался больше чем на два месяца, но в конце концов нашел разумное решение: «Согласно циркулярному распоряжению Департамента от 12 марта 1903 г. за № 4652 негласный надзор за Варварой Степановной Перовской прекращен». Варвара Степановна ненадолго пережила освобождение от надзора. Она умерла 27 марта 1904 г.

Дум-музей Софьи Львовны в Приморском (ныне — селение Любимовка) служит общим памятником ей и Варваре Степановне. Этот дом, как сообщила мне в письме от 1 февраля 1978 г одна из основательниц музея, редактор многотиражной газеты совхоза-завода имени С. Перовской Людмила Владимировна Тупикова, был построен в 1871 г. именно Варварой Степановной. Совхоз в Любимовке был создан в 1920 г. под названием «Алькадар», а в 1927 г. получил имя Софьи Перовской¹⁴²⁷. В 1970 г. открылся музей истории совхоза, и его энтузиасты занялись сбором материала для создания в доме Перовских (на

---

¹⁴²⁷ Подробно об этом см.: *Тупикова Л.В.* Музей Софьи Перовской // Освободительное движение в России. Саратов, 1981. Вып. 10. С. 118–121.

центральной совхозной усадьбе) мемориального музея Софьи Львовны. В начале 1978 г. газета «Правда» и журнал «Преподавание истории в школе» объявили, что «мемориальный Дом-музей Софьи Перовской» создан¹⁴²⁸. Однако после этого начались в музее и затянулись реставрационные работы, об окончании которых Л.В. Тупикова уведомила меня в письме от 12 июня 1984 г. с такой припиской: «Бьемся за средства на художественный проект и оборудование экспозиции. Обещают!».

После распада СССР, когда постсоветские власти начали выбрасывать имена «народных заступников» из названий городов и улиц, Софья Глебовна Перовская забеспокоилась о судьбе Дома-музея своей тетки и (двоюродной) бабушки. Она поддерживала связь с музеем, сама бывала в нем, и сотрудники музея бывали у нее дома, в Запорожье. 19 января 1992 г. Софья Глебовна написала мне, что «ведает музеем Андрей Александрович Якубов», который «в новогоднем письме» успокаивал ее: пока ни о закрытии, ни даже о переименовании музея «никто (из властей. — *Н.Т.*) не говорит», а в письме Софьи Глебовны ко мне от 28 декабря того года (последнем из всех 13-ти писем, которые я получил от нее) значилось: «Из Севастополя пишут: музей цел и закрывать его не собираются. Пока?..». С 1993 г. моя связь и с С.Г. Перовской, и с Л.В. Тупиковой оборвалась. Выстоит ли Дом-музей Софьи Перовской в смутное постсоветское время, — оставалось только гадать. Но вот, уже в апреле 2013 г., в ответ на мой запрос, Лариса Прокофьевна Бирюкова — заместитель председателя правления ЗАО «С. Перовской» — письменно уведомила меня, что «музей семьи Перовских работает»!.. Его официальное название: «Народный музей ЗАО им. С. Перовской».

В заключение моего апофеоза Софье Львовне Перовской обращаюсь к читателям — вы, должно быть, уже заметили, как часто знаменитости из разных сфер бытия (политики, ученые, литераторы), — не только российские, но и зарубежные:

---

¹⁴²⁸ Дом Перовской // Правда. 1978. 4 января. С. 3; Памяти С. Перовской // Преподавание истории в школе. 1978. № 2. С. 125.

И.С. Тургенев, С.В. Ковалевская, П.Ф. Якубович, Д. Морли, Ф. Турати, — величали Софью Львовну «*святой*». Она заслужила такое величание всей своей жизнью — очень короткой (27 лет!), но необыкновенно яркой и насыщенной, с уникально трагическим концом, заслужила своей жертвенностью как «народная заступница». Итальянский философ, психиатр и криминалист с мировым именем Чезаре Ломброзо объявил «совершенно установленным факт, что настоящие революционеры, т.е. зачинатели великих научных и политических переворотов, которые вызывают и приближают подлинный прогресс человечества, почти всегда являются гениями или *святыми* и отличаются замечательно гармоничным обликом <...> Какие благородные лица у <...> Мадзини, Гарибальди, <...> Перовской!»¹⁴²⁹.

Невольно вспоминаются здесь и строки из стихотворения Н.А. Некрасова «Памяти Добролюбова», которые Элеонора Павлюченко очень кстати использовала как эпиграф для своей книги «Софья Перовская»:

Природа-мать! Когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни...¹⁴³⁰

Такие люди остаются в истории человечества навсегда. Есть мудрая поговорка: «Умер лишь тот, кто забыт». Софья Львовна Перовская не забыта ни в России, ни в мире. Она *бессмертна* в народной памяти, как все «святые». Масштаб ее личности и всего содеянного ею, пожалуй, лучше всех определил Лев Толстой: «идейная Жанна д'Арк»¹⁴³¹. Я добавил бы к этому глобальному определению, для исчерпывающей конкретности, только одно слово: НАША.

¹⁴²⁹ Цит. по: Кеннан Джордж. Сибирь и ссылка. СПб., 1999. Т. 2. С. 307. Курсив мой. — *Н.Т.*

¹⁴³⁰ Некрасов Н.А. Собр. соч.: В 4 т. М., 1979. Т. 2. С. 96.

¹⁴³¹ *Л[ебедева] В.[Д.]* Встречи с Л.Н. Толстым (Отрывки из воспоминаний // Современник. 1912. № 4. С. 179.

Приложения

I

Письмо С.Л. Перовской к матери, Варваре Степановне от 22 марта 1881 г.¹⁴³²

Дорогая моя, неоцененная мамуля! Меня все давит и мучает мысль, что с тобой? Дорогая моя, умоляю тебя, успокойся, не мучь себя из-за меня, побереги себя ради всех, окружающих тебя, и ради меня также.

Я о своей участи нисколько не горюю, совершенно спокойно встречаю ее, так как давно знала и ожидала, что рано или поздно, а так будет. И право же, милая моя мамуля, она вовсе не такая мрачная. Я жила так, как подсказывали мне мои убеждения; поступать же против них я была не в состоянии, поэтому со спокойной совестью ожидаю все, предстоящее мне.

Единственно, что тяжелым гнетом лежит на мне, это твое горе, моя неоцененная; это одно меня терзает, и я не знаю, что бы я дала, чтобы облегчить его.

Голубонька моя, мамочка. вспомни, что около тебя есть еще громадная семья, и малые и большие, для которых для всех ты нужна, как великая своей нравственной силой. Я всегда от души сожалела, что не могу дойти до той нравственной высоты, на которой ты стоишь, но во всякие минуты колебания

---

¹⁴³² Это последнее, предсмертное письмо Софьи Львовны, написанное в тюрьме за 4 дня до суда и за 12 дней до казни. В нем впечатляюще отразились идейная убежденность этой великой женщины, благородство, несокрушимая сила и, вместе с тем, детская нежность ее характера.

твой образ меня всегда поддерживал. В своей глубокой привязанности к тебе я не стану уверять, так как ты знаешь, что с самого детства ты была всегда моей самой постоянной и высокой любовью. Беспокойство о тебе было для меня всегда самым большим горем. Я надеюсь, родная моя, что ты успокоишься, простишь хоть частью все то горе, что я тебе причиняю, и не станешь меня сильно бранить. Твой упрек единственно для меня тягостный.

Мысленно крепко и крепко целую твои ручки и на коленях умоляю не сердиться на меня. Мой горячий привет всем родным. Вот и просьба к тебе есть: дорогая мамуля, купи мне воротничок и рукавчики с пуговками, потому как запонки не позволяют носить, и воротничок поуже, а то нужно для суда хоть несколько поправить свой костюм: тут он очень расстроился.

До свидания же, моя дорогая, опять повторяю свою просьбу: не терзай и не мучай себя из-за меня; моя участь вовсе не такая плачевная, и тебе из-за меня горевать не стоит.

Твоя Соня

1 марта 1881 года. Казнь императора Александра II.
Документы и воспоминания. Л., 1991. С. 294–295.

II

Константин Михайлович Фофанов **«Погребена, оплакана, забыта...»¹⁴³³**

Погребена, оплакана, забыта,
Давно в земле покоится она,

---

¹⁴³³ К.М. Фофанов написал это стихотворение в августе 1882 г. По свидетельству его сына и дочери (К.К. Фофанова и Е.К. Фофановой-Устиновой), он говорил им, что посвящает его Софье Перовской.

А кем судьба неопытной разбита, —
Тем жизнь, как встарь, привычна и красна.
В чертогах их цветы, сиянье, пенье
Тревожат нас соблазнами досель...
И страшно им гнилого гроба тленье,
Их бедных жертв суровая постель...

Фофанов К.М. Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1962. С. 55, 295.

III

Игорь Леонидович Волгин «Софья Перовская»¹⁴³⁴

Пусть ты пошла совсем иным путем,
Своей судьбы крутой не избежала
Но что-то в самом главном, в основном
То поколение с нами вдруг сближало.
...Я помню фото: сорок первый год!
В Петрищеве у школьницы московской,
Что через миг взойдет на эшафот,
Такие же глаза, как у Перовской.

Волгин Игорь. Кольцевая дорога. Новые стихи. М., 1970. С. 48–49.

---

¹⁴³⁴ В 1970 г. опубликовал это стихотворение Игорь Волгин — тогда еще молодой поэт (род. в 1942 г.), а ныне авторитетный ученый, доктор филологических наук, автор капитальных трудов о Ф.М. Достоевском. Вполне правомерна его, основанная на идее самопожертвования, параллель между Софьей Перовской и Героем Советского Союза Зоей Космодемьянской.

IV

Это приложение необычно. В нем я отдаю на суд читателя текст 1-й и далеко не законченной части под названием «Детство» из моего *исторического романа* «Цареубийца». Я начал было писать этот роман в 1961 г. и тогда же, с 55-й страницы, отставил его, переключившись на докторскую диссертацию, после чего к роману не возвращался.

Но к 1961 г. я уже владел основным кругом источников о родословной Софьи Перовской, ее семье и детстве. Все действующие лица в романе реальны, выявленные не только по воспоминаниям брата Софьи Львовны Василия Львовича, но и по губернским «Адресам-календарям» того времени, как, например, псковский архиепископ Евгений или учитель словесности из Псковской гимназии Михаил Андреевич Васильев. Реален и «серый попугай» — «общий любимец» семьи Перовских, который умел «произносить разные слова и даже фразы на потеху гостей»¹⁴³⁵. Я только имя ему придумал (Петр Иванович»), исходя из того, что попугай был валяжен, храбр, горбонос и поэтому мог казаться похожим на знаменитого генерала и князя П.И. Багратиона.

Хотелось бы надеяться, что читатель с интересом воспримет мой беллетристический опус как иллюстрацию и, отчасти, дополнительную информацию к научной биографии С.Л. Перовской.

Итак: Троицкий Н.А. Цареубийца. Исторический роман.

Рукопись 1-й части: Детство.

Глава I. Псков: новоселье

Барвара Степановна Перовская давно не была так довольна жизнью, как в эти промозглые ноябрьские дни 1856 года. Муж

---

¹⁴³⁵ Перовский В.Л. Воспоминания о сестре (Софье Перовской). М.; Л., 1927. С. 8–9.

казался ей добрее, дети — послушнее, гувернантка — симпатичнее, чем обычно. Даже лакеи, которые суетливо, но бестолково меблировали еще необжитый дом, не столько сердили барыню, сколько забавляли. Варвара Степановна бранила их вежливо, почти ласково. «Днем раньше — днем позже все сделают, — говорила она себе, глядя на работу дворовых. — Велика ли беда, что они не так искусны, как хочется? Грешно досадовать на мелочи, когда успеваешь в главном...» Варвара Степановна обрывала на полуслове начатый выговор дворецкому и улыбалась, теплея при мысли о том непривычно радостном, что стало главным в жизни ее семьи.

Муж Варвары Степановны младший деректор 1-го отделения Экспедиции государственных кредитных билетов коллежский советник Лев Николаевич Перовский счастливо продвинулся по службе: его назначили вице-губернатором в Псков. На днях семья Перовских поселилась в красивейшем уголке Пскова. Глава семьи приступил к исполнению служебных обязанностей, а Варвара Степановна занялась благоустройством квартиры.

Дом, снятый Перовскими, — с мезонином, садом и прудом, — принадлежит самому богатому из местных купцов Фаддею Курбатову и считается лучшим в городе после соседнего, губернаторского дома. Все разместились в нем как нельзя удобнее. Варвара Степановна облюбовала себе комнату в мезонине с окнами на двор и в сад. Две комнаты на противоположной стороне мезонина с окнами на улицу отведены детям: та, что побольше, — дочерям Маше и Соне с гувернанткой Анной Карловной, а другая, поменьше, — сыновьям Николаю и Василию. На левом крыле второго этажа две смежные комнаты выделены под кабинет и библиотеку Льва Николаевича. Через коридор напротив кабинета — господская опочивальня, а напротив библиотеки — комната камердинера Льва Николаевича, шустрого и толкового Прохора, которого барин привык всегда иметь под руками. Центральную часть этажа занимают громадная, очень светлая гостиная и вдвое меньшая, но тоже довольно просторная и еще более светлая портретная зала, где

только что вывешена главная реликвия семьи — живописная родословная Перовских из 20 портретов в оригиналах и копиях с работ именитых мастеров кисти. Все правое крыло второго этажа мебелируется под столовую.

Внизу две большие комнаты оставили себе владельцы дома — Фаддей Никифорович Курбатов и его жена Мавра Лукинична, которые, однако, живут в другом доме, поменьше и похуже. Комнаты хозяев разделены широким коридором. Один конец его выходит на высокое резное крыльцо, а другой упирается в две витые парадные лестницы, ведущие наверх, в гостиную. Напротив каждой из хозяйских комнат — по две маленькие комнаты для дворовой аристократии: на левом крыле, по соседству с комнатой хозяйки устроились старенькая няня Льва Николаевича Василиса Ниловна и молоденькая горничная Варвары Степановны Лиза; на правом крыле, по соседству с комнатой хозяина — дворецкий Максим и повар Галактион. Остальная дворня (прачка, две кухарки, портной, садовник и кучер) расселена в помещениях подвального этажа. Здесь же оборудована и кухня, которая соединяется лестницей через коридор первого этажа со столовой...

Варвара Степановна вышла на крыльцо. Щурясь от колючего ветра, обвела взглядом двор, сад с липовой аллеей, пруд, величавый каштан над прудом. Все это по-своему красиво, но после петербургских дворцов, парков и набережных кажется деревенски убогим. Варвара Степановна вдруг почувствовала, как сердце ее на какое-то мгновение тоскливо сжалось. Она спустилась во двор, придирчиво, со стороны присмотрелась к дому, и дом будто подмигнул ей лупоглазыми окнами: а что, мол, Варвара, видишь, какой я деревянный, а все-то вокруг — деревня деревней, только большая; небось жалеть будешь о Санкт-Петербурге золотокаменном?

— Нет! — громко сказала Варвара Степановна, виновато огляделась (не слышал ли кто?) и про себя, с лукавинкой добавила: «Не пожалею».

Да, с Петербургом Перовские расстались без сожаления. Лев Николаевич имел завидные родственные связи, но не хотел

быть в тягость своим сородичам и по гордости характера делал вид, что не нуждается в чьей бы то ни было материальной помощи. Между тем, семья Перовских довольствовалась его скромным жалованьем. Выдюжить на таком жалованье в столице, имея четырех малолетних детей, мудро было и неродовитым дворянам, которым вполне приличествует средний достаток. Перовских же мучила необходимость жить не как-нибудь, а на широкую ногу и напоказ, дабы не уронить себя в глазах сановитой родни. Поэтому Лев Николаевич — коренной петербуржец, влюбленный в столицу, едва ли представлявший себе не только Перовских без Петербурга, но и Петербург без Перовских, — согласился ехать в Псков. Провинция сулила ему и высокую должность, и материальный выигрыш, и освобождение от печальной заботы щеголять в условиях нужды мнимым благополучием.

Больше того: могущественный дядя Льва Николаевича граф Лев Алексеевич Перовский (министр уделов и управляющий Кабинетом Его Величества) заверил племянника, что через исправное вице-губернаторство в Пскове перед ним открыт путь к губернаторству в столице. Лев Алексеевич не часто обещал родственникам свое покровительство, но все обещанное выполнял. Его слову можно было довериться...

Роясь в воспоминаниях, Варвара Степановна незаметно для себя пришла в сад. Тем временем у ворот послышался конский топот. Во двор въехал почтовый возок. Варвара Степановна радостно всплеснула руками и заспешила к дому. Она видела, как дворецкий Максим принял почту, унес ее в дом. Уже поднимаясь на крыльцо, вдруг услышала резкий и хриплый зов:

— Варвара!

Варвара Степановна вздрогнула. Она вздрагивала каждый раз, когда слышала этот голос.

В доме Перовских жил серый попугай по прозвищу «Петр Иванович» (его прозвали так за то, что он, по общему мнению, не только большим крючковатым носом, но и безграничной храбростью напоминал легендарного князя Багратиона). Голос у него был скрипучий и властный, как у Льва Николаевича.

Во всяком случае, имя Варвары Степановны «Петр Иванович» выговаривал совершенно так же, как и Лев Николаевич. Это конфузило и пугало Варвару Степановну. «Ну и проказник», — в который уж раз мысленно пожурила она «Петра Ивановича».

На лестнице ее встретил взволнованный Прохор.

— Барин в гостиной... Просят.

Варвара Степановна торопливо поднялась в гостиную. Лев Николаевич стоял у дверей с газетой в руках и молчал. Зато «Петр Иванович» не замедлил крикнуть из клетки голосом Льва Николаевича.

— Добр-рое утро, Варвара!

Варвара Степановна хотела поправить птицу (уж вечер, мол), но, увидев расстроенное лицо мужа, промолчала. «Боже, — подумалось ей, — неужели дурные вести?». Лев Николаевич бросил на клетку коврик и протянул жене «Санкт-Петербургские ведомости».

— Граф Лев Алексеевич представился.

Варвара Степановна испуганно перекрестилась, дрожащими руками взяла газету. На четвертой странице зловеще чернело сообщение:

«В ночь на 10-е число сего ноября скончался в Санкт-Петербурге генерал-адъютант, генерал от инфантерии, министр уделов и управляющий Кабинетом Его Императорского Величества граф Лев Алексеевич Перовский».

Дальше следовал длинный некролог, в котором Варвара Степановна уже не могла различить ни одного слова. Когда она подняла затуманенные глаза на мужа, тот бросил Прохору:

— Детей сюда!

Дети появились через несколько минут. Сначала гувернантка Анна Карловна, нанятая еще в Петербурге, — чопорная дева неопределенного возраста и любопытного происхождения (от немца, воспитанного в России, и русской, воспитанной в Германии), — привела девочек: старшую (девяти лет), грациозную и флегматичную Машу и младшую, трехлетнюю Соню — шаловливую и забавную, с большими смышленными глазками на круглом личике. Вслед за ними пришли мальчики —

одиннадцатилетний Коля и семилетний Вася, непоседы и забияки, главные враги попугая «Петра Ивановича». Их сопровождал учитель Васильев (словесник из местной гимназии) — длинный и тонкий, как жердь, с молодежью интеллигентным лицом, которое обидно портил горбатый нос, оседланный золотым пенсне. Васильева рекомендовал Перовскому сам губернатор как «весьма благонадежного, хотя и на удивление развитого».

Лев Николаевич ответил на приветствия детей, гувернантки, учителя и потом грустно сказал:

— Дети, в прошлую пятницу умер дедушка Лев Алексеевич. Лица детей стали сосредоточенными.

— Папа, — после минутной паузы встревожено затараторил Вася, — умер дедушка, у которого серебряный наконечник вместо пальца?

Лев Николаевич нервно поморщился.

— Болван! Серебряный наконечник носит дед Василий Алексеевич — твой тезка.

Коля ткнул брата в бок.

— Понял?

Маленькая Соня с любопытством послушала старших и спросила:

— А сколько у нас всего дедушек?

Лев Николаевич открыл было рот, чтобы ответить малышке, но... передумал.

— Варенька, — обратился он к жене, — и вы, Анна Карловна, ведите детей в портретную. Вас, Михаил Андреевич (Васильев почтительно согнулся пополам) тоже прошу быть с нами. Я сам объясню нашу родословную...

В портретной зале дети раскрыли рты и притихли. Со всех четырех стен на них в упор смотрели грозные дяди, блиставшие золотом звезд и крестов, а на самом почетном месте из самой дорогой рамы улыбалась сказочно нарядная тетя. Пока Лев Николаевич думал, как начать рассказ, Соня храбро приблизилась к нарядной тете в дорогой раме, запрокинула голову и выпалила:

— Кто?

Лев Николаевич взял ее на руки.

— Это наша всемилостивейшая императрица, Елизавета Петровна. Умница была и бесподобная красавица. Знаете ли, — повернулся Лев Николаевич к Васильеву, — ведь ни один портрет Елизаветы Петровны не передает ее истинной красоты — даже этот, лучший из всех, шедевр Карла Ван Лоо¹⁴³⁶ (у меня, разумеется, — копия)... Государыня уж изволила огорчиться по такому случаю, но преподобный Сильвестр Кулябко¹⁴³⁷ утешил ее тремя словами: «красота ваша неописуема».

Васильев приготовился что-то сказать, но Соня опередила его.

— Мама красивее, — проворковала она.

— О, наша мама хорошая, очень добрая, — откликнулся Лев Николаевич, — в этом больше проку, чем быть красавицей.

Соня хитро прищурилась, стараясь понять, соглашается ли с нею отец или нет.

— Красавица? Это значит какая? — спросила она.

— Ну, как бы тебе сказать... — несколько растерялся Лев Николаевич, — Такая, на которую очень приятно смотреть.

Соня кивнула головкой и подумала.

— На маму смотреть приятнее, — объявила она, потянувшись от государыни к маме.

Лев Николаевич снисходительно окинул взглядом свою пеструю свиту. Варвара Степановна, покраснев от удовольствия и смущения, ласкала глазами дочь, а гувернантка, учитель и дети, кто с тревогой — кто с любопытством, ждали, что скажет отец.

— Ты права, малышка, — согласился Лев Николаевич, передавая Соню с рук на руки Варваре Степановне, — Конечно, на маму смотреть приятнее... Но есть и другие люди, на которых

---

¹⁴³⁶ Ван Лоо Карл (Шарль-Андре) (1705–1765) — французский художник нидерландского происхождения.

¹⁴³⁷ Кулябко Сильвестр (Семен Петрович) (1701–1761) — петербургский архиепископ.

тоже приятно смотреть. Вот, например, — продолжал он, обращаясь предпочтительно к Васильеву, — по правую руку Елизаветы Петровны красуется генерал-фельдмаршал граф Алексей Григорьевич Разумовский. Чем не Аполлон? А ведь прежде чем стать соправителем Российской империи, он был свинопасом.

— Да, — с чувством поддакнул Васильев, — красота и вознесла его на земной Олимп!

— Только ли красота? — возразил Лев Николаевич. — Красавцев, которых Елизавета Петровна за двадцать лет царствования приглашала на свое ложе, не счесть, а власть в империи все двадцать лет делил с ней один Разумовский.

— Не спорю... — Васильев низко склонил голову. — Кстати, Лев Николаевич, позвольте мне полюбопытствовать... Впрочем, покорнейше прошу извинить меня: я не знаю, расположены ли вы в такой день...

— О том, что касается Перовских и Разумовских, — прервал учителя Лев Николаевич, — в такой день я расположен говорить больше обычного.

Васильев еще ниже наклонил голову.

— Мне захотелось спросить у вас: брак Елизаветы Петровны с Алексеем Разумовским — быль или небылица?

— Быль. При дворе ни для кого не было тайной, что Елизавета Петровна и Алексей Григорьевич — муж и жена. Государыня публично одаривала Разумовского супружеским вниманием: сама, к примеру, застегивала на нем шубу, когда они в мороз выходили из дворца... Историки знают и время, и место их венчания, и даже имя священника, который совершил венчальный обряд.

— Вот как! — удивился Васильев. — Значит, Алексей Григорьевич по сути дела был царь российский?

— Да, только некоронованный.

— Лев Николаевич, неужто и дети императрицы от Разумовского, — княжна Тараканова, например, — тоже не выдуманы?

— Едва ли. Все, что рассказывают о детях Елизаветы Петровны — это легенда, если не сплетня. Мы потолкуем на сей счет как-нибудь в досужее время. А пока не будем

увлекаться подробностями, тем паче, что некоторым молодым людям наша беседа уже наскучила.

Лев Николаевич поманил пальцем Колю, строившего гримасы за спиной Анны Карловны, и внушительно сказал ему:

— Тебя, братец («братцами» отец называл сыновей, когда хотел выразить им свое недовольство), — тебя, братец, не в первый раз знакомят с твоими предками и однако же ты умудряешься путать их. Запомни: сегодня будешь отвечать мне по родословной, как батюшке по закону Божьему, и посмей только соврать хоть самую малость!

Теперь Вася ткнул «братца» в бок и шепотом передразнил его: «Понял?»

— Хорошо, папа, — Коля изобразил на лице послушание. Лев Николаевич внимательно посмотрел на Васю, как бы говоря: «и ты у меня на примете», скользнул взглядом по лицу Сони, которая жадно ловила каждое слово взрослых, а потом указал на портрет курносого, лобастого, глазастого и губастого, но симпатичного вельможи.

— Вот патриарх нашего рода, мой прадед Кирилл Григорьевич Разумовский, брат Алексея Григорьевича. Полюбуйтесь, каков букет его чинов: гетман Малороссии, генерал-фельдмаршал, граф, камергер императорского двора, президент Академии наук.

Выждав паузу, Лев Николаевич, шагнул к следующему портрету.

— Жена Кирилла Григорьевича. Екатерина Ивановна Нарышкина, внучатая племянница государыни Елизаветы Петровны. Государыня ее и сосватала.

— Представляю, какова была свадьба! — мечтательно сказал Васильев.

— Чуть ли не царская, — не без гордости заметил Лев Николаевич. — Сама императрица, все высшие особы двора и даже иностранные послы проводили молодых к алтарю. Семья получилась на диво: Екатерина Ивановна подарила Кириллу Григорьевичу шесть сыновей и пять дочерей. Вот портрет их старшего сына — Алексея Кирилловича Разумовского. Это мой дед.

— Низко кланяюсь памяти вашего деда, — подхватил Васильев. — Много ли детей имел Алексей Кириллович, я не знаю...

— Четырнадцать, — вставил Лев Николаевич.

— О боже!... Но одно его детище любо-дорого и мне, как всякому русскому: Царскосельский лицей!

Лев Николаевич был тронут.

— Понимаю вас. Ведь я учился в лицее, — сказал он и поискал глазами Колю. — Слышишь, братец, с каким чувством Михаил Андреевич помянул твоего прадеда? А ты знаешь ли титул и чины Алексея Кирилловича?

— Граф, действительный статский советник, сенатор, министр просвещения! — перечислил Коля так бойко, что даже чопорная Анна Карловна воскликнула:

— Ого!

Лев Николаевич, привыкший к тому, что Коля забывает титулы предков так же легко, как и запоминает, только кивнул сыну в знак одобрения. Затем он отступил к портрету дамы с красивым, но постным лицом и некоторое время помолчал, встретив умоляющий взгляд Варвары Степановны. Всякий раз, когда ему приходилось в присутствии детей говорить о семье графа Алексея Кирилловича, он чувствовал на себе этот взгляд и с раздражением читал в нем одну и ту же просьбу: «Пожалуйста, без подробностей». «Ох, уж эта мне ее провинциальная щепетильность!» — подумал Лев Николаевич, отворачиваясь от Варвары Степановны и с нарочитой небрежностью, через плечо, указывая на портрет красавицы с постным лицом.

— Первая жена Алексея Кирилловича, — сказал он, мысленно похвалив себя за то, что в пику Варваре Степановне сделал ударение на слове «первая», — Варвара Петровна, внучка фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, преславного сподвижника Петра Великого. Считалась самой богатой невестой в России. Знаете ли вы, Анна Карловна, — неожиданно обратился Лев Николаевич к гувернантке, — какое приданое получил Алексей Кириллович за Варварой Петровной? На полтора тысяч рублей!

— Ого! — опять сказала Анна Карловна, которая больше любила и лучше умела говорить по-немецки, но в присутствии Льва Николаевича изъяснялась на русском языке, хотя знала в нем безошибочно только числительные и междометия.

— Все сулило молодым вечный рай, — продолжал Лев Николаевич. — Знатность, богатство, царская милость, манна небесная и та была у них в доме. Четырех детей нажили. И что же: за десять лет натешились супружеством и разошлись. Почему, вы спробсите?

— Да, почему? — Васильев слегка придвинулся к Перовскому и даже снял пенсне в предвкушении возможной сенсации.

— Только потому, — охотно начал объяснять Лев Николаевич, не глядя на Варвару Степановну, — что Алексей Кириллович заразился французским вольномыслием, сделался вольтерьянцем. Варвара Петровна как женщина, воспитанная в старых русских обычаях, царелюбивая и богомольная, стала противна ему. Он и прогнал ее.

— А-а! — протянул Васильев, вновь надевая пенсне и размышляя, можно ли поверить тому, что вельможа Разумовский только из любви к вольномыслию прогнал от себя внучку «преславного сподвижника Петра Великого». Лев Николаевич между тем рассказывал:

— Вторую жену мой дед взял из престолярства без венчания и прижил с нею пять сыновей и пять дочерей: «воспитанников», как он говорил, ибо церковь не могла признать их законными. Много горя пришлось бы хлебнуть этим «воспитанникам» из-за шалостей их родителя, если бы государь Александр Благословенный не позволил Алексею Кирилловичу приписать их всех ко дворянству. Фамилию они получили от подмосковного имения Разумовских Перова — того самого, где некогда императрица Елизавета Петровна венчалась с Алексеем Григорьевичем Разумовским. Так и появились на государевой службе Перовские.

— Перовские! Перовские! — весело захлопала в ладошки Соня.

Лев Николаевич отблагодарил дочь многозначительным взглядом.

— Все Перовские, — подчеркнул он, вновь и вновь обращаясь к Васильеву, — обязаны своим положением больше всего самим себе и меньше всего тому, о чем говорят наши завистники и недруги, то есть, якобы, отблеску славы Разумовских. «Воспитанники» Алексея Кирилловича сделали карьеру талантами и усердием, а «воспитанницы» составили себе выгодные партии умом и красотой. Слава прадедов здесь не при чем.

«Стоило ли тогда зубрить их титулы!» — подумалось Васильеву, меж тем как Лев Николаевич, неожиданно помрачневший и ссутулившийся, переходил от одной стены портретной залы к другой. В новой группе портретов центральное место занимал казавшийся менее удачным, сравнительно с другими, портрет сановника в цилиндре и с тростью. Лев Николаевич подошел к этому портрету и долго, при общем молчании, смотрел на него. Все, кроме маленькой Сони, поняли, в чем дело. В зале стало напряженно тихо, как в церкви. Наконец, когда Вася, не выдержав томительной паузы, громко шмыгнул носом, Лев Николаевич сказал, будто подумал вслух:

— Из всех Перовских лучшим был покойный граф Лев Алексеевич...

Едва Лев Николаевич выговорил слово «покойный», как Варвара Степановна, до сих пор не проронившая ни звука, всхлипнула и, стыдясь слез, прикрыла глаза платочком. Лев Николаевич недовольно замолчал, видя, что дети готовы расплакаться вслед за мамой, а гувернантка и учитель сочувственно переминаются с ноги на ногу. Но Варвара Степановна быстро овладела собой, улыбнулась детям и взглядом, еще не прояснившимся от слез, дала понять мужу, что готова слушать его.

— Заслуги Льва Алексеевича перед Россией известны каждому русскому человеку, — вновь заговорил Лев Николаевич. — Он одинаково искусно управлял и царским двором, и министерством внутренних дел, и Академией художеств. Мне же он дорог как дядя, родной брат моего отца, а детям моим — как дед... Считаю, малышка, — наклонился он к дочери, — вот первый, самый знатный твой дедушка.

«Не по родству считает — по знатности», — заметил себе Васильев и, уловив печальный взгляд Варвары Степановны, стал прикидывать, как считала бы предков сентиментальная жена вице-губернатора, по знатности или по родству. Лев Николаевич тем временем подозвал к себе Васю. Тыча пальцем в портрет, соседний с портретом Льва Алексеевича, он говорил сыну:

— Ну-ка, братец, подумай и расскажи, кто здесь нарисован... А вы, Михаил Андреевич, и вы, Анна Карловна, — Лев Николаевич жестом пригласил учителя и гувернантку поближе к себе, — взгляните. Не доводилось ли вам где-нибудь видеть такой портрет?

— Как же, как же..., — тотчас начал вспоминать Васильев, вглядываясь в портрет чернокудрого генерала с волевым лицом и молодецкими усами, портрет, сделанный, несомненно, рукой большого мастера. — Да ведь это Брюллов!

— Простите, это мой дедушка Василий Алексеевич Перовский, у которого серебряный наконечник вместо пальца, — вежливо, но не без злорадства поправил учителя Вася. Лев Николаевич легонько ухватил сына за ухо.

— Ты говоришь правду, Василек. Но Михаил Андреевич тоже не ошибся. Портрет графа Василия Алексеевича написал наш величайший художник Карл Брюллов. Эта работа подлинная, одно из повторений, которые Брюллов сделал с оригинала 1837 года. Кстати, и портрет графа Льва Алексеевича был написан Брюлловым. Только мой экземпляр не настоящий. Заурядная копия.

— Лев Николаевич, — нерешительно заговорил Васильев, — я слышал, что жизнь Василия Алексеевича Перовского подобает описывать в романах, так она интересна. Вот хотя бы серебряный наконечник, о котором говорит Вася, конечно, таит в себе что-нибудь необычайное. Могу ли я попросить вас наскоро, в двух словах, поведать нам биографию Василия Алексеевича?

— Извольте, — ответил Лев Николаевич, — Граф Василий Алексеевич, действительно, человек необыкновенный и жизнь прожил необыкновенную. В двух словах о такой жизни не

поведаешь. При случае я расскажу вам подробно, как Василий Алексеевич сделал себе карьеру. Теперь же могу только перечислить самые интересные эпизоды. А впрочем, ... ну-ка, Василек, похвастайся перед Михаилом Андреевичем, как ты знаешь службу твоего любимого деда.

Вася сделал страдальческое лицо.

— Извини, папа, но я... Голова у меня болит.

— Бедный ты мой, — усмехнулся Лев Николаевич, — мысли очень путаются и. к тому же, еще в ушах звенит, не так ли?

— Так, папочка, — вздохнул Вася.

— Ну вот что, братец, — Лев Николаевич плохо сдерживал гнев, — придешь сегодня ко мне отвечать по родословной вместе со своим любезным братцем.

«Братцы» понимающе ущипнули друг друга, а Лев Николаевич, отвернувшись от них, начал рассказывать о своем дяде.

— Серебряный наконечник граф Василий Алексеевич носит в память о Бородинской битве. Под Бородиным семнадцати лет отроду он потерял палец. Французы пальцем его не удовлетвовались. В Москве они взяли самого Василия Алексеевича в плен и приготовились было расстрелять его. В последний момент передумали: повели с собой во Францию. Не бросили по дороге, в Орлеан привели Василия Алексеевича. Только в 1814-м, при капитуляции Парижа, вырвался Василий Алексеевич из плена на родину...

Лев Николаевич говорил быстро, но не забывал проверить, все ли слушают его. Слушали все. Соня время от времени громким шепотом переспрашивала о чем-нибудь Варвару Степановну, а та, наклоняясь к дочери, тихо объясняла ей непонятное.

— Государственная карьера Василия Алексеевича началась 17 апреля 1818 года, — продолжал Лев Николаевич. — В тот день великий князь Николай Павлович (будущий государь Николай I) поручил ему известить своего брата, императора Александра Благословенного о рождении нынешнего государя Александра Николаевича. Далее с каждым годом Василий Алексеевич заслуживал новые царские милости — всех не

перечтешь. Он был облечен таким доверием государя Николая I, что в бытность Василия Алексеевича военным губернатором в Оренбурге государь жаловал ему чистые бланки за собственной подписью. Дядя мог писать на них любые распоряжения...

Здесь Лев Николаевич вновь сделал паузу, благодарно улыбнулся слушателям за их внимание и закончил рассказ:

— Сегодня Василий Алексеевич — член Государственного совета, член Адмиралтейств-совета, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, кавалер всех российских орденов.

Несколько минут все молча разглядывали портрет Василия Алексеевича Перовского. Потом Васильев еще с большей почтительностью и бóльшим смущением, чем прежде, вновь обратился к хозяину:

— Лев Николаевич, рассказывают, что Василий Алексеевич был близок с Пушкиным. Когда Пушкин приезжал в Оренбург собирать материалы о Пугачеве, он как будто жил там в доме Василия Алексеевича.

— Верно, — подтвердил Лев Николаевич. — И с Карамзиным Василий Алексеевич был в дружбе, и с Жуковским. Василий Андреевич Жуковский перед смертью последнее свое письмо, ощупью, по линейке, написал графу Василию Алексеевичу. Надеюсь, вы как литератор не посчитаете это за мелочь.

— Еще бы! Теперь мне будет вдвойне приятно ознакомиться с биографией Василия Алексеевича подробнейшим образом.

— Наш род составляют не только друзья писателей. Есть в нем и писатели. Вот перед вами портрет Алексея Алексеевича Перовского...

— Антоний Погорельский! — вырвалось у Васильева.

— Да, он сочинял под именем Погорельского. Читали его «Лафертовскую маковницу»? Сам Пушкин был от нее в восторге. А «Монастырку» тоже читали? Дивная вещь — эта «Монастырка». Правда, Анна Карловна?

— О да, — согласилась гувернантка.

— А «Черная курица или подземные жители»! — воскликнул вдруг Вася.

— Вот, вот! — поддержал его Лев Николаевич. — Эту сказку или, как ее называют, «волшебную повесть» Алексея Алексеевича не просто знают, но и любят все мои дети. И Соня ее уже понимает... Но я все-таки продолжаю. Алексей Алексеевич имел завидных друзей. Пушкин, Жуковский Крылов, Вяземский не чаяли в нем души. Карл Брюллов был его приятелем. Этот портрет скопирован с работы Брюллова. Оригинал сделан в начале 1836 года, когда Брюллов только что вернулся из-за границы и жил в доме Алексея Алексеевича.

Лев Николаевич поманил к себе Соню и взял ее на руки.

— Ну, маленькая, ты считаешь своих дедушек?

Соня оглянулась на Варвару Степановну.

— Мы с мамой вместе считаем.

— А... ну-ну. Это хорошо, — похвалил Лев Николаевич, вновь осторожно передал дочь с рук на руки жене и продолжал рассказывать:

— Алексей Алексеевич рано умер, но подготовил себе достойную смену в литературе. Пройдемте на минуту сюда... Видите в углу портрет юноши в охотничьем костюме? Это любимый племянник Алексея Алексеевича, мой двоюродный брат граф Алексей Константинович Толстой.

— Колокольчики мои,
Цветики степные? —

вопросительно продекламировал Васильев.

— Да, «Колокольчики» он сочинил. Прелестная вещица, не правда ли? А вот в майском номере «Отечественных записок» за сей год граф Толстой напечатал другой шедевр — «Средь шумного бала». Не заметили?

— Я в восторге от этого шедевра! — заверил Васильев.

— Приятно слышать, — отозвался Лев Николаевич. — Но моим детям больше всех пришлось по душе стихотворение графа Толстого «Коль любить, так без рассудку»... Ну-ка, Машенька, порадуй нас...

Маша не заставила себя ждать. Она изящно поклонилась, устремила томный взгляд к портрету Алексея Толстого и с видимым удовольствием, без запинки, прочла наизусть два четверостишья:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж с плеча!

Коли спорить, так уж смело,
Коль стоять, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

Василий и Анна Карловна аплодировали Маше несмело, без уверенности в том, что их аплодисменты уместны. Они заметили, как виновато посмотрела Варвара Степановна на портрет покойного Льва Алексеевича Перовского. Но Лев Николаевич, казалось, был доволен успехом дочери.

— Теперь, Михаил Андреевич, — сказал он Васильеву, — попытаюсь вас озадачить. Как вы оцениваете сочинения Козьмы Пруткова?

Васильев, забыв о трауре дня, улыбнулся.

— С наилучшей стороны, Лев Николаевич.

— А знаете ли вы, что такое Козьма Прутков?

— Признаюсь, нельзя сказать, чтобы..., — замялся Васильев.

— Вот-вот! Козьма Прутков — это и есть граф Алексей Константинович Толстой плюс двое Жемчужниковых: Алексей Михайлович и Владимир Михайлович. Все трое — мои двоюродные братья. Сочинения Козьмы Пруткова — их коллективная выдумка.

Васильев действительно был озадачен.

— Однако же..., — только и сказал он, снимая пенсне.

А Лев Николаевич невозмутимо продолжал рассказывать об Алексее Толстом и его связях с Перовскими:

– Все Перовские — почитатели таланта графа Толстого, но и граф Толстой — большой почитатель Перовских. Мать его — Анна Алексеевна Перовская — из нашего рода, моя тетушка. Сам он воспитывался в доме Алексея Алексеевича Перовского и унаследовал все состояние дяди. Кстати, именно для него, тогда 10-летнего, Алексей Алексеевич написал сказку «Черная курица». Тогда же заботами Перовских Толстой был представлен цесаревичу, нынешнему государю Александру Николаевичу (он годом моложе Толстого), и подружился с ним. Царская дружба и по сей день красит жизнь графа. Он из людей, самых близких к государю.

Лев Николаевич смахнул пылинку с портрета Алексея Толстого, проверил, все ли его слушают, и продолжал рассказ, обращаясь (уже привычно) к Васильеву:

— Этот портрет тоже скопирован с работы Брюллова. Графу Толстому здесь нет и девятнадцати. Сейчас ему под сорок, но он так же красив и молод духом... Теперь вернемся к той стене. Я показал вам трех братьев моего отца: Льва Алексеевича, Василия Алексеевича и Алексея Алексеевича. Вот портрет четвертого брата, Бориса Алексеевича. Он сейчас флигель-адъютант. Государь любит его. Вся царская семья к нему благоволит. Далеко пойдет Борис Алексеевич...

— Папа! — вдруг звонко воскликнула Соня. — Мы считаем только дедушек! А бабушек будем считать?

Лев Николаевич метнул строгий взгляд в сторону Варвары Степановны (мол, следи хорошенько за дочерью, пусть не мешает старшим), но, переглянувшись с Васильевым, сказал шутливо:

— Резонный упрек!... Бабушек тоже надо считать. Вот супруга графа Льва Алексеевича Екатерина Васильевна, урожденная Горчакова, а это — супруга Бориса Алексеевича Перовского Софья Константиновна, урожденная Булгакова... Считаешь, Сонечка? Вот тебе уже две бабушки. Алексей Алексеевич Перовский умер холостым. Граф Василий Алексеевич тоже холост... Пройдемте опять сюда, к этой стене. Здесь Соня будет довольна: она увидит сразу трех своих бабушек... Обратите внимание на эту миниатюру.

Лев Николаевич снял со стены возле портрета Алексея Толстого и протянул Васильеву блюдо с изображением юной девы в тюрбане. Васильев нашел, что дева очаровательна: нежный овал лица с задорными глазами, мило вздернутым носиком и едва уловимой кокетливой улыбкой мог прельстить самого строгого ценителя женской красоты.

— Анна Алексеевна Перовская, — объяснил Лев Николаевич. — Родная сестра моего отца. Первая красавица в нашем роду. Мать графа Алексея Константиновича Толстого.

Васильев хотел было передать миниатюру жене вице-губернатора, но Варвара Степановна предупредительно сказала ему:

— Не беспокойтесь... Мы все привыкли к этим портретам. Вы один видите их впервые. Пожалуйста, любопытствуйте, не стесняйтесь.

Лев Николаевич, не без боязни следивший за тем, как Васильев неловко вертит в руках дорогую миниатюру, стал рассказывать о других портретах-блюдах, не снимая их со стены.

— Здесь перед вами Екатерина Алексеевна Перовская — супруга министра просвещения и президента Академии наук графа Сергея Семеновича Уварова. Рядом — портрет Елизаветы Алексеевны Перовской. Она замужем за тайным советником и сенатором Михаилом Николаевичем Жемчужниковым... Дети, вы меня слушаете? Анна Алексеевна, Екатерина Алексеевна и Елизавета Алексеевна — ваши бабушки.

Дети закивали головами (слушаем, слушаем...), а Соня подняла ладошку, растопырив на ней все пять пальцев (сосчитала: пять бабушек!). Тогда Лев Николаевич подошел к четвертой стене залы и перед портретом, который занимал центральное место на этой стене, объявил:

— Вот, наконец, и мой родитель, Николай Иванович Перовский.

— Иванович? — переспросил Васильев.

— Да, представьте себе: Иванович! — Лев Николаевич пожал плечами. — А почему сын Алексея Кирилловича Разумовского вздумал называть себя «Ивановичем», он не пожелал

объяснить даже собственным детям. Должно быть, из ложной скромности: чтобы не бросалось в глаза его происхождение, вровень с другими Перовскими.

— Ваш батюшка жив-здоров? — вкрадчиво осведомился Васильев.

— Жив только милостью божьей. Здоровья нет. Батюшке сейчас за семьдесят. Службу он оставил при Александре Благословенном в должности таврического губернатора и с тех пор, вот уже больше тридцати лет, только и делает, что борется с болезнями... Портрет, как видите, писан давно: батюшке не было и сорока. Рисовал его Орест Кипренский. К сожалению, я смог заполучить только копию. Подлинник батюшка хранит у себя.

Лев Николаевич повернулся было к следующему портрету, но после минутного колебания вновь заговорил об отце:

— Родитель мой всегда был прямодушен и потому нажил себе много врагов. Один из них — Филипп Вигель, известный в России сплетник, — недавно умер, но, боюсь, будет пакостить батюшке и после смерти. Кажется, в Петербурге собираются печатать его мемуары. Вигель лет пятнадцать читал их всем, кто только терпел его слушать, и мне рассказывали, что отца моего он в этих мемуарах облаял по-собачьи. Примите это к сведению, Михаил Андреевич, если вам доведется когда-нибудь читать Вигеля.

— Непременно, Лев Николаевич!

— Ну, и слава богу... Оставим на этом в покое моего батюшку. Рядом с его портретом, как вы догадываетесь, портрет моей матушки Шарлоты Петровны, урожденной Володкевич. Вы, Михаил Андреевич, верно, знаете историю Марьи Антоновны Нарышкиной — подруги императора Александра Благословенного.

— Немного. Без подробностей...

— Подробности знать и не следует, — нахмурился Лев Николаевич. — Но если я скажу, что моя родительница до замужества была компаньонкой и наперсницей Марьи Антоновны, вы поймете, как дорого ценилась ее рука (Васильев утвердительно

наклонил голову)... Батюшка завоевал ее в буквальном смысле слова проездом. В 1811 г. Марья Антоновна путешествовала из Петербурга в Одессу. Матушка сопровождала ее по обыкновению, а батюшка оказался в свите Марьи Антоновны по делу. Перед тем как путешествие началось, батюшка познакомился с матушкой, а после того как оно закончилось, женился на ней.

— О, это по-немецки! — воскликнула Анна Карловна с такой экспрессией, что даже Варвара Степановна, которая с той минуты, как она прочла известие о смерти Льва Алексеича, чувствовала себя больной, слабо улыбнулась. А Лев Николаевич, только теперь заметивший, что жена его бледна, как полотно, взглянул на часы и скороговоркой дал пояснения по последним трем портретам.

— Этот юноша не кто иной как ваш покорный слуга в возрасте сорока лет, рядом — портреты моих братьев. Покойный Алексей Николаевич... Счастливо здравствующий Петр Николаевич (он служит сейчас в Министерстве иностранных дел начальником 1-го отделения Азиатского департамента). Всё.

Лев Николаевич подозвал к себе сыновей, топтавшихся за спиной учителя, и погрозил им пальцем.

— Надеюсь, любезнейшие, что сегодняшний урок по родословной вы усвоили лучше прежних. После ужина проверю... Сонечка тоже знает теперь, что дедушек и бабушек у нее много, и все они — знатного рода. Ну, а вы, Михаил Андреевич, не посетуйте на меня за нескладность моих объяснений (Васильев протестующе поднял руку: мол, что вы говорите, Лев Николаевич!...). Я полагаю, вам как учителю моих детей интересно было во всех отношениях познакомиться с родословным деревом Перовских... Варенька, распорядись накрыть к ужину.

***

После ужина Лев Николаевич до поздней ночи засиделся в кабинете, разбирал почту и служебные бумаги. Варвара Степановна легла в постель около полуночи, но заснуть не могла: почти два часа терпеливо ждала мужа. Хотелось теперь же,

с глазу на глаз и откровенно, поговорить с ним о будущем семьи. Смерть такого всесильного покровителя, каким был для Перовских граф Лев Алексеевич, и в такой момент, когда Перовские решились уехать из Петербурга с надеждой вернуться туда на повышение при содействии именно Льва Алексеевича, показала Варваре Степановне дурным предзнаменованием.

...Часы прозвонили двенадцать, потом звякнули один раз. Тихо. Наконец, дверь опочивальни бесшумно приоткрылась. Лев Николаевич прошел к своей кровати на цыпочках. Это значило, что он настроен благодушно (в плохом настроении стучал дверью и шаркал туфлями). Варвара Степановна облегченно вздохнула и решила спросить мужа напрямик:

— Левушка, что же теперь будет с твоими видами на Петербург? Лев Алексеевич почти гарантировал тебе вице-губернаторство в Питере, но... это несчастье...

— Ты почему не спишь? — вместо ответа строго спросил Лев Николаевич. — Тебе нездоровилось. Уже полегчало?

— Да, мне легче.

Лев Николаевич недоверчиво хмыкнул. Молча разделся. Натянул на себя халат, приладил ночной колпак. Только потом заговорил:

— Брат Петр пишет, что покойный дядя успел начать хлопоты обо мне. Обещает помочь и Борис Алексеевич. Он сейчас входит в фавор и нас, по доброте своей, не забудет... Спи.

Варвара Степановна помолчала.

— Извини меня, пожалуйста, — робко молвила она после долгой паузы, когда Лев Николаевич уже засопел в постели, — но для чего ты устроил зрелище в портретной зале в такой печальный день? И для кого так подробно рассказывал? Для Васильева?

Лев Николаевич рассердился.

— Этот Васильев, к твоему сведению, уважаемый человек в городе. И при том самый общительный. Вот увидишь, он в два-три дня раззвонит на весь Псков о наших связях и родословной. Ты должна понять, как это выгодно для меня. Что же касается «зрелища», которое я устроил в такой печальный день,

то для поминания графа Льва Алексеевича оно уместнее самой плаксивой молитвы. Всё.

Лев Николаевич зевнул, улегся поудобнее и невнятно, чувствуя, что засыпает, успел предупредить жену:

— Проследи, чтобы дворовые завтра же окончили все работы по дому. В воскресенье у нас будут гости. Пожалуют губернатор, архиепископ и начальник жандармской команды...

Глава II. Соседи и гости

Воскресное утро выдалось погожее. Впервые за много дней проглянуло солнце. Ветер стих. Только легкий морозец напоминал, что зима не за горами.

После завтрака дети Перовских высыпали в сад.

— Играем в Шамиля, — объявил Коля. — Вася, ты — Шамиль. Беги прячься, а мы тебя будем ловить.

— Я вчера два раза был Шамилем, — возмутился Вася, — а ты, Коля, ни разу. Сегодня твоя очередь.

Коля высокомерно сплюнул.

— Чудак. Ведь меня вы никогда не поймаете.

— А вот поймаем! — задиристо сказал Вся и топнул ногой.

— Поймаем! — поддержали Васю Маша и Соня и тоже затоптали ножками.

Коля отвернулся. Ему не хотелось быть Шамилем. Уж лучше совсем не играть «в Шамиля». Гораздо интересней пойти подразнить «Петра Ивановича», да и научить его новым словам. И Коля, даже не ответив на оскорбительный вызов брата и сестер, с большим достоинством удалился от них.

— Что, струсил? — крикнул ему вдогонку Вася.

— Струсил! — эхом откликнулись Маша и Соня.

— Пусть уходит, — махнул рукой Вася. — Мы без него еще лучше сыграем. Плохо только, что теперь у нас женщин больше, чем мужчин...

Маша и Соня озабоченно переглянулись. Как быть?

— А без мужчин нельзя? — спросила Соня.

Вася только руками развел. Вдруг за дощатым забором, который отделял сад Перовских от губернаторского сада, послышался звонкий мальчишеский голосок: «Марш! Марш!» и в следующий миг — drobный цокот копыт. Вася и обе девочки подбежали к забору.

— Ничего не видно, — сердито бормотал Вася, пытаясь рассмотреть, что делается на губернаторском дворе, в узкие щели между досками. — Это лошадь или не лошадь? Надо узнать...

Не успела Маша ахнуть, как Вася уже сидел на заборе верхом. Соня радостно захлопала в ладошки.

— Что ты видишь? — в один голос спросили девочки.

— Карапуз меньше меня катается на осле, — докладывал сверху Вася. — В коляске. Сам правит. У осла уши дли-и-инные!... А карапуз тоже ушастый.

— Он мужчина? — спросила Соня.

Вася не ответил. Его любопытный взгляд встретился со взглядом «карапуза», удивленным и не менее любопытным.

— Ты кто? — спросил «карапуз».

— Перовский. А ты?

— Я Муравьев. Мой папа — губернатор. Но, все равно, ты можешь со мной играть. Иди сюда!

— Мой папа тоже губернатор, — сказал Вася. — И потом здесь со мной мои сестры. Две. Давай поможем им перелезть через забор.

— Зачем же через забор? — фыркнула оказавшаяся поблизости в аллее дама, которую Вася раньше не заметил («это моя бонна», — тут же сообщил «Муравьев»). — Через забор лазить нехорошо. Пожалуйста, войдите в ворота.

Но «Муравьев», не обращая внимания на бонну, вышел из коляски и заторопился к Васе. Вдвоем они помогли перебраться через забор Соне.

— Николенька! — сердилась между тем бонна, не выходя однако из аллеи. — Какое непослушание! Я пожалуйю папеньке!

Николенька и бровью не повел.

— Давай другую сестру, — сказал он Васе.

Маша заупрямилась:

— Я не полезу. На мне новое пальто. А кроме того я уже взрослая!

— Не важничай! — прикрикнул на сестру Вася. — Забор невысокий: может и взрослый перелезть. Давай руку! Николенька... Мы тебя будем звать Колей, ладно? Коля, помоги Маше подняться. Так, теперь спускаемся. Маша, не хнычь, — ты же взрослая! А ты, Коля, не тяни ее за ногу, возьми под руку. Вот и хорошо!

Когда все четверо оказались в губернаторском саду, Вася спросил Колю:

— Это твой собственный осел?

— Сам ты осел, — обиделся Коля. — Это мул. Он мой собственный. Мне подарил его папа в день рождения. Ты еще не видел моего папу? Я тебе его сейчас покажу. Папа!!

Коля позвал отца так оглушительно, что бонна даже заломила руки от негодования, но ничего не сказала. Через минуту на крыльце губернаторского дома появился седоусый мужчина в теплом халате и с дымящейся трубкой в зубах.

— Что случилось, Николенька? — спросил он.

— У меня гости, — отвечал Коля. — Тебе надо с ними познакомиться. Их папа — тоже губернатор.

— Вон как! — заинтересовался Муравьев-отец. — Какой же губернии?

— Псковской, — сказал Вася.

— А-а, — понимающе усмехнулся Муравьев и, попыхи-вая трубкой, подошел к детям. — Я, Николенька, знаю твоих гостей. Это наши соседи. Их папа — мой помощник, младший губернатор. Добро пожаловать, дети. Николенька, я буду рад, если подружитесь. Будь ласков с девочками. Видишь, какая маленькая у тебя гостя? (Муравьев наклонился к Соне, придвинул свое мясистое и усатое лицо к ее личику). Сколько тебе лет, крошка?

— Много, — буркнула Соня, опасливо сторонясь губернаторских усов.

Муравьев выпрямился и с хохотом стукнул себя по лбу.

— Ах, я невежда! Поделом мне такой ответ. Разве прилично выпытывать у светской дамы ее возраст?! Ну, не сердись, душечка, впредь я буду вести себя *comme il faut*¹⁴³⁸. Мы еще станем друзьями. Открою вам секрет, мои юные соседи: сейчас вы гостите в моем доме, а вечером сегодня же мы с Николенькой пожалуем в гости к вам.

***

Лев Николаевич ждал гостей к пяти часам вечера. Но уже в четыре приехал начальник жандармской команды подполковник Ходкевич.

— Знаю! Знаю, что прибыл раньше всех, — откровенно признался гость, едва успев поздороваться с хозяином. — Люблю, знаете ли, бывать в обществе. Дома немогоуту. Скучаю.

— Милости прошу, Дмитрий Матвеевич, ко мне в дом... в любое время, — поклонился гостю Лев Николаевич. Он знал, что Ходкевич — бабник и циник, чрезмерно общителен и хамоват, но на отличном счету в III отделении и, стало быть, желателен, как друг семьи.

Пока Варвара Степановна одевалась сама и следила за тем, как одевали «для выхода» детей, Лев Николаевич вынужден был занимать раннего гостя малозначащим разговором. Говорил, впрочем, больше гость — главным образом, о женщинах и лошадях. Так, выяснилось, что для Ходкевича женщина на лошади — верх совершенства (не то что Венера). Лев Николаевич рассеянно слушал гостя, вставляя не всегда уместные замечания, и украдкой поглядывал на часы. Наконец, дворецкий Максим доложил:

— Его превосходительство господин губернатор! Его высокопреосвященство господин архиепископ!

Преосвященный Евгений, архиепископ Псковский и Порховский, осенил Льва Николаевича крестным знамением и смачно

---

¹⁴³⁸ *Comme il faut* (франц.) — буквально «как надо», т.е. прилично.

расцеловал. Муравьев дружески пожал руку «младшему губернатору», представил ему своего сына, одетого по парижской моде, напомаженного и надушенного. С Ходкевичем губернатор и архиепископ раскланялись без лишних церемоний. В этот момент к гостям вышла Варвара Степановна. Лев Николаевич представил ее. Гости приосанились и в том порядке, как Лев Николаевич называл их, один за другим подступали к хозяйке: Муравьевы и Ходкевич поцеловали ей руку, а преосвященный Евгений чмокнул в лоб.

— Будьте нашим добрым ангелом, Варвара Степановна, — кокетливо обратился к ней бравый Ходкевич. — Все мы лишены женского внимания. Судите сами: его высокопреосвященство — холостяк, а мы с Валерианом Николаевичем — вдовцы.

Варвара Степановна рассмеялась.

— Не требуйте от меня многого Дмитрий Матвеевич. Учтите, что кроме мужа на мое внимание рассчитывают четверо детей.

— Кстати, где они? — быстро спросил Лев Николаевич, спеша прервать диалог жены с Ходкевичем и таким образом избежать возможных сальностей со стороны начальника жандармской команды. Варвара Степановна не успела ответить, как Анна Карловна, видимо стоявшая с детьми за дверью в ожидании удобного момента, легонько втокнула в гостиную Машу, а вслед за ней — Соню, Васю и Колю. Гости заахали и заохали.

— Истинный бог, ангельские создания! — возгласил преосвященный Евгений.

— Прелестные детишки, — умилился Ходкевич. — Самая маленькая — просто чудо. Олицетворенная чистота. А ведь вырастет — не дай Бог, научится и лгать, и... (он присел перед Соней на корточки и взял ее волосатой рукой за подбородок) и богохульствовать?

Варвара Степановна всплеснула руками.

— Побойтесь бога, Дмитрий Матвеевич!... Что вы такое говорите?

Соня брезгливо отстранила руку Ходкевича, а когда он выпрямился, исподлобья взглянула на его массивную фигуру.

— Я стану ростом выше вас, — сказала она, отчетливо выговаривая каждое слово, и голосок ее зазвучал не по детски строго. — А лгать никогда не буду.

— О-о! — воскликнул Ходкевич, заметно уязвленный рассудительностью ребенка. — Это похвально! Ну, а богохульствовать?

Лев Николаевич взял жандармского начальника за локоть.

— Полно, Дмитрий Матвеевич. Ребенок все принимает всерьез. Я представлю вам более занятного собеседника...

Как только Лев Николаевич снял коврик с клетки, в которой томился «Петр Иванович», попугай встрепенулся и крикнул свое излюбленное:

— Добр-рое утро, Варвара!

Дети и гости, а громче всех — преосвященный Евгений, захохотали.

— Вот так собеседник! — веселился Ходкевич. — Это кто ж — какаду? (для него все попугаи были какаду).

Льва Николаевича даже передернуло от такого невежества.

— Бог с вами! Это жако.

Коля Муравьев, который, не в пример жандарму, считал лишним выяснять природу попугая, сразу же обратился к «Петру Ивановичу» с деловым предложением:

— Попка, скажи «дурак»!

«Петр Иванович» нахохлился.

— Сам дур-рак!

Теперь и Лев Николаевич, и Варвара Степановна хохотали вместе со всеми. Даже Анна Карловна беззвучно смеялась.

— Ах ты, тварь! — разозлился Коля и хотел дернуть попугая за хвост.

— Смир-рно! — заорал попугай. — Мор-р-ду набыю!

Преосвященный Евгений суеверно перекрестился. Лица взрослых стали кисло-серьезными. Лев Николаевич остановил недобрый взгляд на старшем сыне, который буквально давился от смеха за спиной Анны Карловны.

— Кто научил?

Вопрос был задан таким тоном, что Коля счел за лучшее подойти с виноватым видом к отцу.

— Сегодня ты останешься без гулянья, а завтра после уроков придешь ко мне в кабинет для объяснений, — сформулировал Лев Николаевич приговор сыну и, переменив строгое выражение лица на приветливое, заговорил с гостями. — Господа, предлагаю перейти в столовую. Там нас ждут не менее приятные, но более полезные развлечения. Николенька до обеда пусть играет здесь с моими детьми. Вы не возражаете, Валериан Николаевич?

— Напротив, Лев Николаевич, — с живостью откликнулся губернатор, — я очень рад за Николеньку. Я даже хочу просить вас почаще разрешать вашим детям навещать к нам в сад. Сегодня они восхитительно играли у нас «в Шамиля».

Лев Николаевич сказал, что ему приятно об этом слышать. Губернатор не остался в долгу, заявив, что ему вдвойне приятно видеть это собственными глазами. Обмениваясь любезностями, хозяева и гости проследовали в столовую...

Условные сокращения

АРАН	Архив Российской Академии наук (Москва)
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации (Москва)
ГАСО	Государственный архив Саратовской области
ГИАМО	Государственный исторический архив Московской области
ГИМ	Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва)
ОПИ	
ДАОО	Государственный архив Одесской области (Украина)
ИРЛИ РО	Рукописный отдел Института русской литературы РАН (Санкт-Петербург)
РГА ВМФ	Российский государственный архив Военно-морского флота (Санкт-Петербург)
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
РГБ РО	Рукописный отдел Российской государственной библиотеки (Москва)
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
РГИА	Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
РНБ РО	Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)
ЦДІА України	Центральный государственный исторический архив Украины (Киев)
ГЖУ	Губернское жандармское управление
ГТГ	Государственная Третьяковская галерея
ДПЗ	Дом предварительного заключения
ОППС	Особое присутствие Правительствующего Сената
ПСЗ	Полное собрание законов Российской империи
РН	Революционное народничество 70-х годов XIX в. Сб-к документов и материалов: В 2 т. М.; Л., 1964–1965

Указатель имен

- Абаза А.А. — 409
Аверкиев Д.В. — 451
Агапитов Н.Н. — 129, 132
Адлерберг А.В. — 295, 404
Адмони В.Г. — 471
Аксаков И.С. — 371, 427
Аксельрод П.Б. — 140, 202, 225
Александр Александрович, вел. кн. см. *Александр III*
Александр Благословенный — см. *Александр I*
Александр Гессенский, принц — 300
Александр Михайлович, вел. кн. — 193, 303
Александр I — 11, 66, 95, 197, 505, 508, 514
Александр II — 36, 45, 51, 52, 69, 74, 80, 89, 93, 94, 95, 97, 98, 116, 117, 147, 162, 178, 189, 191, 194, 199, 231, 237, 244, 247, 248, 249, 260, 267, 268, 286, 288, 289, 290, 291, 296, 297, 299, 300, 303, 305, 307, 308, 332, 333, 341, 346, 347, 350, 352, 356, 364, 367, 368, 369, 376, 411, 417, 430, 437, 452, 475, 493, 508, 512
Александр III — 37, 38, 41, 51, 52, 64, 89, 216, 281, 288, 303, 308, 325, 327, 334, 335, 356, 370, 375, 376, 377, 378, 380, 383, 389, 403, 404, 409, 417, 419, 425, 429, 430, 432, 452, 458, 459, 460, 462, 469, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 486
Александра Федоровна, рос. императрица — 300
Александров В.М. — 123, 127, 128, 133
Александров Н.А. — 461
Александров П.А. — 193
Алексеев В.И. — 136
Алексеев П.А. — 160, 161, 195, 196, 409, 455, 484
Алексеева О.Г. — 129
Алиса Гессенская — см. *Александра Федоровна, рос. императрица*
Алтаев Ал. — см. *Ямщикова М.В.*
Альтшуллер Р.Е. — 214
Альф Н.С. — 440
Андреева М.Ф. — 439
Анна Карловна, гувернантка — 78, 496, 499, 500, 503, 504, 505, 507, 509, 511, 515, 521, 522
Анненский Н.Ф. — 108
Антонов В.С. — 187, 445
Антонов В.Ф. — 49, 142
Антонова (Волховская) М.И. — 125, 162
Анферов А. — 28
Апраксина Е.К. — 61
Аптекман О.В. — 35, 109, 137, 149, 150, 156, 219, 220, 223, 224, 225, 226, 231, 232, 253, 254, 256, 259, 260, 261, 267
Аракчеев А.А. — 309
Арапетов Иван, чиновник — 74
Армашевский П.Я. — 125
Армфельд Н.А. — 120, 232
Арнштам Л.О. — 28, 51
Архангельский Михаил, протоиерей — 444
Ахтырская З.А. — 46
Ашенбреннер М.Ю. — 325, 328
Ашешов Н.П. — 46, 47, 50, 58, 72, 73, 93, 111, 113, 114, 163, 167, 168, 206, 207, 208, 220, 222, 269, 270, 293, 296, 300, 313, 358, 359, 365, 390, 392, 399, 425

- Багратион П.И. — 495, 498
 Базанов В.Г. — 136, 142, 185, 204
 Базаров, лит. персонаж — 104
 Базилевский В. — см. *Яковлев В.Я.*
 Базылев Л. — 54
 Байрон Д. — 61
 Бакунин М.А. — 142, 143, 144, 162
 Балакирев М.А. — 119
 Бальмонт К.Д. — 457
 Барабанова А.И. — 321, 359, 360
 Баранников А.И. — 208, 209, 216, 220, 225, 243, 245, 249, 251, 266, 267, 272, 277, 287, 292, 307, 329, 351, 359, 402, 483
 Баранов Н.М. — 409, 410, 443, 478
 Баранова Н.О. — 166
 Барановский В., шпион — 346
 Бардина С.И. — 472, 484
 Барриве Л.Е. — 45
 Барятинский А.И. — 80
 Басов И.И. — 129, 132
 Бассинова Н.А. — 38
 Батюшков К.Н. — 82, 83
 Батюшкова В.Н. — 120
 Баум Я.Д. — 238
 Бах А.Н. — 279, 316
 Бачин И.А. — 161
 Бебель А. — 374
 Бедняк И.Я. — 468
 Безухов Пьер, лит. персонаж — 317
 Бекетов А.Н. — 317
 Белов К.М. — 436
 Белоконский И.П. — 358, 429
 Берви (Флеровский) В.В. — 109, 118, 148, 149, 150, 151
 Берг М.С. — 261, 262
 Бердников Л.Ф. — 223
 Березовский А.И. — 98
 Берлин-Кауфман Ф.М. — 121
 Берс С.А. — 406
 Берс Т.А. — 406
 Бестужев-Рюмин В.Н. — 430
 Бестужев-Рюмин К.Н. — 106, 430, 474
 Биконсфилд Б. — 192, 193
 Бирон Э.И. — 309
 Бирюкова Л.П. — 489
 Бисмарк О. — 192, 193
 Битюгова И.А. — 24
 Блан Л. — 126, 128, 148
 Бланки Л.О. — 142, 298
 Блок А.А. — 27, 217, 218, 317, 457, 475, 479
 Бобринский Александр А. — 86, 88, 372
 Бобринский Алексей А. — 406
 Бобринский А.Г. — 372
 Богданович А.В. — 36, 422, 427, 441
 Богданович Е.В. — 422
 Богданович Ю.Н. — 136, 162, 199, 200, 201, 202, 232, 233, 234, 243, 272, 330, 339, 349, 359, 384, 476
 Богина С.Л. — 176
 Боголюбов — см. *Емельянов А.С.*
 Богомолец С.Н. — 472
 Богораз В.Г. — см. *Богораз-Ган В.Г.*
 Богораз-Ган В.Г. — 315, 317, 318, 454
 Богородский Н.Н. — 326
 Богучарский В.Я. — см. *Яковлев В.Я.*
 Бодаев В.А. — 322, 323
 Божко-Божинский Г.Г. — 141
 Борман (Вильямс) А.В. — 361
 Бородин А.П. — 119
 Борщевская Е.Ф. — 239
 Боханов А.Н. — 51, 52, 473
 Бохановский И.В. — 278

- Бражнин И.Я. — 450
Браилко Н., чиновник по особым поручениям — 81, 82
Брандтнер Л.К. — 235, 238
Брейтфус А.Л. — 36, 441, 444
Брюллов К.П. — 63, 507, 510, 512
Брюсов В.Я. — 457
Будницкий О.В. — 52, 134
Буланов Л.П. — 223
Буланова-Трубникова О.К. — 243
Буонарроти — 96
Бутурлин А.С. — 120
Бух Л.К. — 120
Бух Н.К. — 120, 141, 272, 304, 345
Буцевич А.В. — 476
Бычков Д.А. — 465
- В.В. — см. *Воронцов В.П.*
В.К. — 36, 446, 448
Вагнер Н.П. — 156
Валерьян Николаевич — см. *Муравьев В.Н.*
Валишевский К. — 59
Валк С.Н. — 39, 49, 403, 404, 465, 466, 468
Валовой Д.В. — 50
Валуев П.А. — 85, 95, 97, 99, 100, 116, 117, 203, 299, 353, 370, 404, 417, 422, 423
Ван Лоо К. — 501
Ванновский П.С. — 474
Варлен Л.Э. — 221
Варшавский А.С. — 461
Варыньский Л. — 468
Василенко Н.П. — 316
Василиса Ниловна, няня — 497, 502, 503, 504, 505, 506
- Васильев М.А. — 78, 495, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516
Васильчиков А.А. — 58, 59, 60, 61
Венгеров С.А. — 35
Венедиктов Д.Г. — 237, 436, 444
Вентури Ф. — 13, 54
Венюков М.И. — 99, 178
Вересаев В.В. — 277
Верещагин В.В. — 158, 462, 463
Верещагин Н.В. — 158
Верморель О. — 126, 128
Вернадский В.И. — 316, 479
Вернер И.А. — 129, 133
Вершинин А.И. — 326
Веселовская (Долгово-Сабурова) Л.П. — 66
Веселовский К.С. — 66, 67, 68, 399
Веселовский С.С. — 66
Виардо П. — 159
Вигель Ф.Ф. — 60, 514
Вильберг А.К. — 105, 106, 108, 109
Вильгельм Телль — 252, 287
Вильгельм I — 375
Винберг А.В. — 168, 169
Винберг В.К. — 168, 181, 230
Винберг Н.А. — 14, 169
Виноградов В.А. — 203, 331
Виноградов С.И. — 161
Висковатов П.А. — 159
Витте С.Ю. — 474
Виттенберг С.Я. — 289
Владимир Александрович, вел. кн. — 64, 371, 404
Владыкин Н.И. — 192, 213
Владыкина А.И. — 192

- Вогюэ Э.М., де — 303
 Водовозов В.И. — 146
 Воейков В.В. — 303
 Войнич Э.Л. — 456
 Войноральский П.И. — 35, 176, 209–212, 216, 250
 Волгин И.Л. — 351, 494
 Волк С.С. — 49, 252, 270, 271, 292, 315, 316, 317, 318, 320, 322, 323, 324, 328, 346, 374, 375, 402
 Волконский С.Г. — 91
 Володкевич П. — 64
 Володкевич Ш.П. — см. *Разумовская (Володкевич) Ш.П.*
 Волховская М.О. — 168, 180, 181
 Волховский Ф.В. — 133, 135, 140, 146, 162, 180, 200
 Воронихин А.В. — 232
 Воронский А.К. — 43
 Воронцов В.П. — 146, 459
 Воронцов С.М. — 371
 Воронцов-Дашков И.И. — 464
 Выдрин Р.И. — 315
 Вырубова М.К. — 243
 Габрилович Е.И. — 51
 Гагарин П.П. — 97
 Галактион, повар — 497
 Галкин Федор, ефрейтор — 214
 Гангардт И.И. — 213, 397
 Гарибальди Д. — 275, 298, 490
 Гартман Л.Н. — 273, 292, 296, 298, 304, 374
 Гарфилд Дж. — 348
 Гаусман А.Л. — 166
 Гафт В.И. — 63
 Ге З.Г. — 459
 Гейкинг Г.Э. — 346
 Гельфман Г.М. — 273, 349, 382, 383, 394, 395, 400, 403, 404, 408, 411, 420, 424, 425, 435, 442, 449, 458, 468, 469
 Генкина Э.Б. — 46
 Герард В.Н. — 407, 408, 420
 Герард Н.Н. — 407
 Герд А.Я. — 106, 107
 Герке А.А. — 408, 420
 Гернет М.Н. — 289, 335, 391
 Герцен А.И. — 16, 91, 92, 96, 97, 103, 114, 117, 142, 148, 262
 Герценштейн Д.М. — 123
 Герье В.И. — 106
 Гессен В.М. — 478
 Гиляров Ф.А. — 45
 Гинёв В.Н. — 337
 Гинсбург С.М. — 346, 472
 Гирс Н.К. — 364
 Гито Ш. — 348
 Глинский Б.Б. — 45, 169, 359, 408
 Гнедич П.П. — 431
 Говорливый П. — 78
 Гоголь Н.В. — 73, 241
 Годунова Л.Н. — 324, 327, 328
 Голиков Л.И. — 162
 Голицын Н.Н. — 45, 60
 Головнин А.В. — 98, 99
 Головнин В.М. — 99
 Голоушев С.С. — 121
 Гольденберг Г.Д. — 236, 237, 347, 386, 392
 Гончаров Н.П. — 131, 132, 159, 163
 Горев Б.И. — 48
 Городничий А.Е. — 161
 Горчаков А.М. — 192, 193, 196, 512
 Горький А.М. — 439
 Грабовский П.А. — 477

- Градовский Г.К. — 36, 193, 411, 449, 451
Гражданская З.Т. — 470
Грачевский М. Ф. — 136, 189, 199, 202, 272, 278
Гресь В. С. — 63
Грибачев Н. — 487
Григорьев П.В. — 454
Гриневицкий И.И. — 347, 360, 361, 366, 368–370
Гросул В.Я. — 344
Грузенберг О.О. — 478
Грюнберг Ю. — 237
Гуальтьери Л. — 464
Гурамова О.А. — 120
Гуревич П.М. — 100
Гуревич С.Я. — 472, 477
Гурко И.В. — 248, 289
Гусев Н.Н. — 457
Гюго В. — 464, 469
Гюльнара, лит. Персонаж — 464
- Данилевский Г.П. — 64
Данте А. — 477
Дарвин Ч. — 126, 161
Двинянинов Б.Н. — 24
Дворжицкий А.И. — 367
Де-Воллан Г.А. — 341
Дегаев С.П. — 274, 328, 389
Дейч Л.Г. — 109, 217, 226, 237, 254, 261, 267
Деньер А.И. — 75
Джабадари И.С. — 195, 196
Диковский А.М. — 38
Дмитриев С.С. — 48
Дмитриева В.И. — 36, 318, 373, 442, 449
Дмитриева О.Н. — 293
- Дмоховская А.В. — 211, 218
Дмоховский Л.А. — 211, 218
Добржинский А.Ф. — 236, 237, 363, 364
Добролюбов Н.А. — 102, 103, 126, 148
Добротворский Л.Ф. — 326
Добрускина Г.Н. — 38, 319
Довженко А.П. — 63
Долгий В.Г. — 50
Долгово-Сабуров П.В. — 67
Долгоруков П.В. — 61, 99
Долгушин А.В. — 218, 219
Достоевский Ф.М. — 68, 118, 193, 240
Драго Н.И. — 201
Дрентельн А.Р. — 245
Дреппер Д.У. — 103
Дружинин А.В. — 74
Дубенская Е.Д. — 243
Дубровин Александр, унтер-офицер — 334
Дубровин Е.А. — 332–335
Дубянский Ф.Я. — 58
Дурново Е.П. — 121
Дурылин С.Н. — 464
Дэфферин Ф. — 409
- Евгеньев-Максимов В.Е. — 196
Евгений, архиепископ Псковский и Порховский — 495, 520
Евдокимов В.Я. — 126
Евецкий Ф.О. — 120
Евстигнеев Е.А. — 63
Екатерина Павловна, вел. кн. — 95
Екатерина II Великая, рос. императрица — 59, 86, 372, 389
Елизавета Петровна, рос. императрица — 58, 59, 65, 501–503, 505, 513

- Елисеев Г.З. — 118
 Елпатьевский С.Я. — 377
 Емельянов А.С. — 191–193, 231
 Емельянов И.П. — 347, 360, 366, 368
 Енакиев В.А. — 349
 Епанчин Н.А. — 474
 Ермолова М.Н. — 27, 464
 Есипович Я.Г. — 95, 97
- Жанна д'Арк — 26, 33, 55, 84, 275, 472, 490
 Жарков А.Я. — 301, 346
 Жданов В.В. — 227
 Желваков Н.А. — 301, 440, 482
 Желеховский В.А. — 183, 188
 Желябов А.И. — 27, 32, 47, 49, 52–54, 72, 73, 94, 112, 113, 126, 140, 167, 189, 193, 202, 208, 219, 225, 237, 239, 241, 249, 251, 252, 254, 256–259, 262, 266, 268–270, 272, 275, 277, 280, 283, 286, 291, 292, 300, 305, 307, 310, 311, 315, 317, 318, 320–322, 324–331, 337–339, 348, 350, 357–361, 363–366, 379–385, 387–396, 402–406, 408, 411, 413–419, 421–424, 428, 429, 434, 436, 437, 439, 443–446, 450, 453, 457, 459, 463, 465, 466, 471, 483, 484
 Жемчужников Александр М. — 65, 73
 Жемчужников Алексей М. — 65, 69, 73, 511
 Жемчужников М.Н. — 513
 Жемчужников В.М. — 65, 73, 511
 Жемчужникова (Перовская) Е.А. — 65
 Женни — см. *Лонге Ж.*
 Жеромский С. — 27, 471
 Жихарев С.С. — 178
 Жуковский В.А. — 62, 64, 82, 509, 510
 Жуковский Г.В. — 85, 86
 Жуковский-Жук И.И. — 370
- Завадская Е.Ф. — 201, 272
 Загрязская Н.К. — 62
 Зайончковский П.А. — 13, 309, 340, 352, 356, 485
 Зарубаев С.П. — 161
 Зарудный С.И. — 472
 Засулич А.И. — 172
 Засулич В.И. — 172, 191–194, 196, 198, 226, 235, 241, 254, 314, 405, 456
 Засулич Е.И. — 172
 Захаров М.А. — 193
 Зеге фон Лауренберг В.В. — 263, 272, 281
 Зильберштейн И.С. — 462
 Зимин С.А. — 465
 Златопольский Л.С. — 306, 307
 Златопольский С.С. — 272, 306, 329, 349, 376, 476
 Золя Э. — 470
 Зотов Н.Л. — 166
 Зубок-Мокиевский (Мокиевский-Зубок) С.В. — 201
 Зунделевич А.И. — 23, 136, 202, 225, 237, 245, 254, 261, 272, 278, 280, 304, 345, 349, 402
- Ибсен Г. — 471
 Иван IV Грозный — 458, 460, 464
 Иван VI — 401, 425
 Иванайнен К.А. — 161
 Иванова С.А. — см. *Иванова-Борейшо С.А.*
 Иванов И.И. — 124, 332
 Иванов С.А. — 36, 311, 313, 314, 319, 320, 323, 449, 465
 Иванова (Квятковская) С.А. — см. *Иванова-Борейшо С.А.*

- Иванова Г.Д. — 27
Иванова Н.В. — 344
Иванова-Борейшо С.А. — 36, 155, 189, 190, 261, 272, 304, 311, 312, 345, 472
Ивановская А.С. — 172
Ивановская Е.С. — 172
Ивановская П.С. — 36, 172, 273, 312, 321, 322
Ивановский В.С. — 127
Иванчин-Писарев А.И. — 40, 125, 126, 174, 175, 201, 202, 232, 233, 234, 339
Ивашов В.П. — 243
Ивичевич И.Н. — 235, 236
Игнатов В.Н. — 254
Иевлев Н.В. — 465
Ильинский В.В. — 412
Иохельсон В.И. — 425, 468, 469
Исаев Г.П. — 272, 292, 305, 306, 307, 329, 330, 332, 333, 365, 376, 384, 402
Исикава Т. — 471
Итенберг Б.С. — 48, 136, 309, 455, 467
Ишутин Н.А. — 94, 97, 118, 446
- Казин, полковник — 466
Каковский И.П. — 322, 466
Каменский В.В. — 459
Кан Г.С. — 52
Канно С. — 27
Кантор Р.М. — 32, 158, 425, 467, 469
Карабчевский Н.П. — 14
Каракозов Д.В. — 94, 95, 96, 97, 98, 100, 101, 117, 118, 216, 246, 444, 452
Карамзин Н.М. — 64, 509
Караулов В.А. — 317
Карелин П.Н. — 46
Каренина Анна, лит. персонаж — 64
- Каржанский Н.С. — 196
Карл I, англ. король — 378
Карпачев М.Д. — 49, 142
Карпова (Иванова) М.С. — 153, 154, 156, 157
Карпов Е. — 153
Каррель А. — 148
Катаяма С. — 27
Катков М.Н. — 39, 370, 372, 417, 423, 427, 458
Кафиеро ди Барлетт К. — 158
Кафиеро-Кугузова О.Е. — 158
Каховский П.Г. — 447
Квятковский А.А. — 197, 208, 209, 225, 245, 246, 251, 254, 272, 276, 280, 299, 300, 304, 344, 345, 346, 349, 351, 357, 402, 436, 452, 483
Кедрин Е.И. — 400, 407, 408, 419, 420, 426
Кеменов В.С. — 460
Кеннан Дж. — 234, 433, 490
Кибальчич Н.И. — 273, 280, 291, 306, 339, 349, 360, 366, 396, 402, 404, 408, 411, 413, 420, 423, 424, 428, 429, 434, 436, 437, 438, 439, 443, 444, 446, 457, 465, 466, 471
Кизеветгер А.А. — 343
Киперман А.Я. — 298
Кипренский О.А. — 62, 514
Киреев А.А. — 41, 371, 422, 456
Кириченко Т.М. — 176
Киров С.М. — 48
Кирсанов, лит. персонаж — 104
Кислякова (Шапир) О.А. — 121
Кистяковский А.Ф. — 340
Клейнмихель М.Э. — 309

- Клеменц Д.А. — 123, 125, 129, 133, 135, 146, 162, 174, 191, 198, 201, 202, 218, 220, 225, 228, 231, 243, 381
Кленова Р.М. — 161
Кленовская С.Н. — 120
Клеточников Н.В. — 273, 280, 290, 291, 349, 351, 364, 365, 366, 402
Клименко М.Ф. — 476
Клячко С.Л. — 139, 162
Кобиев Г.Г. — 120
Кобозев Е. — 359
Ковалевская С.В. — 107, 457, 490
Ковалик С.Ф. — 172, 209, 210
Ковальская Е.Н. — 121, 122, 125, 127, 128, 242, 267
Ковальский И.М. — 216, 235, 269
Ковальский Я.И. — 125
Ковальченко И.Д. — 485
Коган-Бернштейн Л.М. — 166, 315, 317, 318, 322, 323, 477
Кожухов Андрей, лит. персонаж — 456
Козьмин Б.П. — 35, 122
Кокушкин М.Ф. — 129, 132
Коленкина М.А. — 212, 220, 223
Коллонтай А.М. — 464
Колодкевич Н.Н. — 140, 198, 202, 225, 243, 249, 251, 254, 256, 272, 278, 280, 325, 329, 349, 351, 359, 382, 402, 425, 470
Колосов Е.Е. — 47, 48, 391
Комаров А.В. — 138, 333, 334, 390
Комиссаров Осип, крестьянин — 95, 246
Комов Иван, крестьянин — 95, 246
Кони А.Ф. — 98, 99, 178, 183, 191, 192, 193, 309, 406, 411, 413, 474
Корали З.С. — 112
Корали Н.С. — 112
Корба А.П. — см. *Прибылева-Корба А.П.*
Корелин П.Н. — 165, 239, 240
Корнилов А.А. — 45, 94, 99, 172, 303
Корнилова В.И. — 110, 113, 121, 122, 133, 162
Корнилова Л.И. — 110, 113, 121, 122, 129, 132, 146, 162, 163, 195
Корнилова Н.И. — 110, 113
Корнилова-Мороз А.И. — 35, 46, 68, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 121, 122, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 162, 201
Короленко В.Г. — 128, 186, 187, 189, 192, 194, 196, 203, 244, 312, 349, 381, 461, 479
Короткевич Н.А. — 254
Корф М.А. — 99
Корье П. — 148
Космодемьянская З. — 494
Костомаров Н.И. — 101
Костюрин В.Ф. — 277
Котляревский М.М. — 235
Котоку Д. — 27
Кочина П.Я. — 107
Краевич К.Д. — 106, 107
Крамской И.Н. — 119, 460
Краснов П.Н. — 28
Красноперов И.М. — 153
Крафт Ф.Ф. — 175
Кроль М.А. — 323
Кропоткин Д.Н. — 236, 237, 241, 346
Кропоткин П.А. — 35, 39, 40, 93, 120, 134, 136, 137, 138, 141, 143, 144, 147, 164, 170, 171, 173, 174, 175, 200, 374, 400, 428, 455, 469, 471, 482
Крупская Н.К. — 134, 361, 439, 440
Крыжановская М.А. — 90
Крыжановский М.К. — 90

- Крылов А.Н. — 107
Крылов Г.Ф. — 161
Крылов И.А. — 62, 510
Кувшинская А.Д. — 195, 201
Кугушева В.М. — 176
Куделли П.Ф. — 194
Кузминская Е.М. — 406
Кузминский А.М. — 406
Кузнецов А.К. — 124
Кузнецова И.В. — 234
Кулябко Сильвестр С.П., архиепископ — 501
Кункль А.А. — 218
Купрянов М.В. — 129, 133, 135, 139, 146, 152, 189
Курбатова М.Л. — 497
Курбатов Ф.Н. — 496, 497
Курилов Т., шпион — 346
Курицын Ф.Е. — 236, 237
Куропаткин А.Н. — 325
Кучерена А.Г. — 193, 413
Кюи Ц.А. — 193
- Лавров П.Л. — 23, 142, 143, 144, 145, 169, 173, 194, 197, 457, 459
Ламздорф В.Н. — 364, 474
Ламони С.А. — 129
Ланг П.И. — 83
Ланганс М.В. (Р.) — 173, 189, 272, 329, 339, 365
Ланглуа Ш. — 46
Ланжолле П. — 148
Лассаль Ф. — 126, 146, 148
Лебедев А.К. — 463
Лебедева Т.И. — 189, 201, 202, 249, 272, 291, 349, 365, 376
- Левандовский А.А. — 52, 273, 274, 288, 308
Левашов А.К. — 129, 133, 162
Левашов Н.В. — 99
Левин Ш.М. — 46, 48, 189, 241
Левицкий (Цедербаум) В.О. — 47, 48
Лейденский Иоанн — 221
Лейкина-Свирская В.Р. — 117
Ленин В.И. — 15, 46, 94, 134, 275, 352, 357, 402, 438, 439, 475, 485
Леонтович В.В. — 374
Лермонтов М.Ю. — 9, 52, 73, 156
Лермонтов Ф.Н. — 123, 133, 139, 146, 162
Лесник, жандармский офицер — 209
Лешерн фон Герцфельд М.П. — 201, 101
Лешерн фон Герцфельд С.А. — 106–109, 120–122, 361, 436, 472
Ливен А.А. — 317
Лиза, горничная — 497
Лизогуб Д.А. — 141, 153, 202, 225, 226, 236, 238, 239, 269, 289, 436, 456, 483
Литвинова Е.Ф. — 121
Личкус П.М. — 399
Логовенко И.И. — 289
Логунов А.П. — 473
Лозинский М.П. — 289
Ломброзо Ч. — 490
Лонге (Маркс) Ж. — 433
Лопатин В.А. — 181
Лопатин Г.А. — 14, 34, 35, 38, 112, 123, 155, 278, 280, 311, 346, 378, 459
Лопатин Н.К. — 123, 129, 132, 162
Лопатина Е.Б. — 14, 38
Лопухов, лит. персонаж — 104
Лорис-Меликов М.Т. — 38, 288, 307, 308, 309, 318, 333, 334, 341, 342, 343,

- 350, 351, 352, 353, 356, 357, 373, 375, 378, 389, 390, 397, 398, 403, 404, 432, 478, 486
 Лосиевский И.Я. — 241
 Лу Синь (Чжоу Шу-жэнь) — 27, 468
 Лурье Ф.М. — 32, 134, 231, 273, 288, 484
 Львова З.К. — 168
 Льюис Д.Г. — 103
 Любарская Л.С. — 110
 Любатович В.С. — 172
 Любатович О.С. — 35, 172, 206, 217, 220, 221, 225, 260, 268, 269, 272, 287, 300, 312, 335, 336, 375, 428
 Любатович Т.С. — 206
 Людовик XVI, король Франции — 409
 Лясковская О.А. — 460
 Ляшенко Л.М. — 50, 134, 251
- Мадзини Д. — 490
 Майданский Л.О. — 269
 Майков А.Н. — 82, 159
 Майков Л.Н. — 62, 83
 Макаев А.Л. — 120
 Макаревич (Розенштейн; рев. псевд. — Кулишова) А.М. — 140, 168, 180, 181
 Макаров И.К. — 79
 Маковский В.Е. — 217, 338, 462
 Максим, дворецкий — 497, 498
 Максимов Н. — 368
 Калинин В.А. — 49, 142, 274
 Малиновская А.К. — 212, 239, 240
 Малов Алексей, священник — 444
 Мансвешташвили Я.А. — 36
 Мануйлов А.А. — 316
 Марат Ж.П. — 221
 Мария Александровна, рос. императрица — 300
- Мария Павловна, вел. кн. — 45
 Маркевич Б.М. — 41, 371, 419, 427
 Марков П.А. — 308
 Маркс К. — 27, 67, 131, 139, 143, 148, 160, 304, 339, 344, 371, 372, 374, 378, 433, 456, 468
 Мартов Ю.О. — 20
 Мезенцов Н.В. — 216, 223, 246, 346
 Мейербер Д. — 220
 Мейнгард Е.П. — 220
 Мельников О.Д. — 121
 Мельников П.Д. — 121
 Менделеев Д.И. — 103, 106, 107, 118, 119
 Менк П. — 469
 Меншиков А.Д. — 309
 Меншиков А.С. — 82
 Меринг Ф. — 342
 Меркулов А.А. — 471, 472
 Меркулов В.А. — 211, 306, 307, 324, 346
 Мещерский В.П. — 178, 194, 216
 Микеладзе П.А. — 120
 Миклухо-Маклай В.Н. — 326
 Милевский О.А. — 205, 279
 Милле К. — 471
 Миллер Х. — 374
 Милль Д. С. — 126, 131
 Милюков П.Н. — 216, 374, 479
 Милютин Д.А. — 37, 98, 99, 216, 217, 248, 295, 301, 343, 352, 371, 404, 409
 Минье Ф. — 148
 Мирский Л.Ф. — 245, 334
 Михаил Андреевич — см. *Васильев М.А.*
 Михайлов А.Д. — 137, 198, 202, 208, 212, 220, 224, 225, 226, 228, 232, 237, 245, 251, 252, 256, 261, 272, 275, 280, 292, 293, 331, 337, 346, 348, 351, 357, 365, 366, 378, 394, 402, 483.

- Михайлов А.Ф. — 38, 208, 209, 216, 217, 220, 223
Михайлов Б.Г. — 383
Михайлов М.Л. — 104, 109, 117, 444
Михайлов О.Н. — 51, 52, 205, 288, 473
Михайлов Т.М. — 323, 347, 360, 367, 383, 395, 396, 397, 403, 404, 408, 411, 420, 421, 424, 425, 428, 436, 437, 438, 439, 440, 443, 445-449, 470, 471
Михайлов Ф.А. — 38
Михайловский Н.К. — 209, 376
Михалков Н.С. — 473
Мишель Л. — 374, 466
Младенцев М.Н. — 107, 118
Млодецкий И.О. — 343, 426, 440, 452
Моисеенко П.А. — 194
Молешотт Я. — 103
Молоствов М.П. — 121
Мордовцев Д.Л. — 374
Морейнис-Муратова Ф.А. — 36
Морли Д. — 27
Морозов Н.А. — 32, 35, 46, 52, 119, 120, 129, 130, 140, 141, 174, 175, 185, 189, 199, 200, 201, 202, 208, 209, 212, 220, 225, 232, 237, 245, 251, 252, 254, 255, 256, 258, 261, 263, 272, 275, 276, 278, 279, 280, 287, 292, 304, 313, 335, 336, 337, 349, 351, 394, 402, 459
Морозова Ф.П., боярыня — 458, 460, 461
Мост И. — 374
Мотли Д.Л. — 148
Мошинский И.Н. — 316
Мравина (Мравинская) Е.К. — 360, 464
Мравинский Е.А. — 360
Мравинский К.И. — 360
Мстиславский С.Д. — 134
Муравский М.Д. — 209
Муравьев А.Н. — 96
Муравьев В.Н. — 75, 77, 519, 521
Муравьев М.А. — 96, 104
Муравьев М.Н. («Вешатель») — 95, 96, 97, 99
Муравьев Н.В. — 76, 77, 407, 412, 413, 418, 421, 422, 458, 518, 522
Муравьев Н.М. — 91
Муравьев-Амурский Н.Н. — 76
Муравьев-Апостол С.И. — 96, 447
Мусоргский М.П. — 119
Мысловский Петр, протопоп — 444
Мышкин И.Н. — 177, 185, 186, 187, 188, 195, 206, 207, 209, 210, 250, 268, 409, 445, 484
Мюльгаузен О.К. — 83
Мясников В.И. — 161

Набоков В.В. — 397
Набоков В.Д. — 397
Набоков Д.Н. — 397, 404, 409, 410, 414
Назарова А., актриса — 51
Назимова Н.А. — 121
Наполеон III — 98
Нарышкина Е.А. — 120
Нарышкина Е.И. — 59, 503
Нарышкина М.А. — 514
Насветевич А.А. — 463
Натансон (Шлейснер) О.А. — 121, 122, 126, 127, 129, 130, 131, 133, 146, 162, 202, 220, 223, 225, 226, 232.
Натансон М.А. — 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 146, 152, 162, 182, 198, 202, 224, 225, 226
Наум — см. *Суханов Н.Е.*
Наумов А.П. — 322

- Наумов Н.И. — 157
 Наумов С.А. — 322
 Невский В.И. — 48
 Некрасов Н.А. — 39, 58, 74, 96, 100, 106, 114, 116, 119, 120, 126, 156, 161, 196, 227, 240, 407, 438, 490
 Нессельроде К.В. — 83
 Нестеров М.В. — 462
 Неустроев К.Г. — 316, 317
 Нефедов Ф.Д. — 157
 Нечаев С.Г. — 122, 123, 124, 132, 138, 189, 289, 331, 332, 333, 334, 335
 Низовкин А.В. — 139, 184, 389
 Никифоров Н. — 431
 Николаев О.Е. — 254
 Николай Александрович, вел. кн. — 89, 474
 Николай Павлович, вел. кн. — см. *Николай I*
 Николай I — 475, 508
 Николай II — 51, 216, 300, 325, 458, 479
 Николенька — см. *Муравьев Н. В.*
 Никонов А., шпион — 235, 346
 Никонов С.А. — 23
 Новаковская С.И. — 472

 Обнорский В.П. — 161
 Ободовская А.Я. — 121, 129, 132, 146, 159, 162, 170
 Оболенский Д.Д., кн. — 95, 295
 Обошешев А.Д. — 220, 223, 225
 Овчинников Е.М. — 179
 Огарев Н.П. — 332
 Одоевский В.Ф. — 438
 Оккель, доктор — 112, 113
 Окладский И.Ф. — 291, 292, 347, 350, 351, 362, 383, 402
 Окунева Е.П. — 77

 Окунев — 87
 Оловеникова Е.Н. — 172
 Оловеникова М.Н. — 172
 Оловеникова Н.Н. — 172
 Ольденбургский Пётр, принц — 95, 409
 Оржевский П.В. — 464
 Оржеховский И.В. — 100
 Орлов Г.Г. — 86
 Орлов П.А. — 199
 Осинский В.А. — 121, 224, 225, 235, 236, 237, 238, 239, 245, 255, 269, 290, 436, 483
 Осипов Е.А. — 153
 Охременко И.В. — 129, 133
 Ошанина М.Н. — 208, 225, 243, 245, 249, 251, 272, 273, 277, 287, 313, 361, 375, 459

 Павел I — 88, 279, 401, 425
 Павленков Ф.Ф. — 103, 117
 Павлюченко Э.А. — 50, 117, 163, 205, 243, 450, 490
 Пален К.И. — 129, 196, 203
 Палеолог М. — 303
 Панкратов В.С. — 402, 452
 Пантин И.К. — 49
 Панютин С.Ф. — 305
 Панютина В.Н. — 172
 Панютина М.Н. — 172
 Панютина С.Н. — 172
 Панютина Ю.Н. — 172
 Паульсон И.И. — 107
 Пелевин Ю.А. — 252
 Пельконен И.И. — 176, 177, 179
 Перетц Е.А. — 37, 352, 409, 419
 Переяславцева С.М. — 121
 Перовская (Булгакова) С.К. — 512
 Перовская (Веселовская) В.С. — 66

- Перовская (Горчакова) Е.В. — 512
 Перовская М.Л. — 70, 71, 75, 76, 77, 78, 79, 83, 87, 89, 102, 108, 111, 198, 407, 496, 499, 510, 511, 517, 518, 519, 521
 Перовская С.В. — 79
 Перовская С.Г. — 14, 37, 38, 60, 61, 67, 79, 391, 489
 Перовская (Володкевич) Ш.П. — 60, 61, 65, 70, 81, 87, 92, 514
 Перовский А.А. — 62, 63, 72, 509, 510, 512
 Перовский Базиль, лит. персонаж — 64
 Перовский А.Н. — 67, 79, 515
 Перовский Б.А. — 64, 69, 86, 89, 90, 512, 516
 Перовский В.А. — 63, 64, 68, 69, 89, 507, 508, 509, 512
 Перовский В.Л. — 33, 37, 60, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 93, 94, 102, 103, 104, 105, 106, 108, 111, 112, 113, 121, 149, 152, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 180, 181, 188, 192, 204, 211, 205, 213, 214, 231, 245, 261, 262, 325, 391, 396, 397, 398, 399, 400, 402, 407, 426, 427, 495, 496
 Перовский Л.А. — 63, 64, 74, 78, 498, 499, 500, 506, 507, 508, 511, 512, 515, 516, 517
 Перовский Л.Н. — 63, 64, 65, 66, 67, 69, 70, 71, 72, 74, 75, 77, 78, 79, 80, 81, 83, 85, 86, 87, 89, 90, 92, 101, 102, 104, 105, 108, 111, 112, 113, 163, 164, 392, 426, 430, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 520, 521, 522, 523
 Перовский Н.А.(И.) — 37, 60, 61, 62, 64, 65, 75, 79, 81, 82, 83, 513, 517
 Перовский Н.Л. — 70, 83, 87, 99, 108, 427
 Перовский П.Н. — 67, 70, 79, 90, 91, 92, 102
 Пестель В.И. — 82
 Пестель П.И. — 82, 91
 Петерс К.К. — 82, 91
 Петерсон А.Н. — 161
 Петр I Великий — 39, 58, 59, 251, 474
 Петр III — 401, 425
 Пирогов Н.И. — 118, 438
 Пирумова Н.М. — 152, 153
 Писарев Д.И. — 100, 103, 104, 106, 114, 117, 126, 148, 444
 Плансон А.А. — 341
 Плансон Л.А. — 36, 441, 444, 447, 448
 Платонов С.Ф. — 317
 Плеве В.К. — 38, 315, 334, 390, 392, 396, 410, 443, 458
 Плеханов Г.В. — 120, 171, 190, 198, 202, 225, 230, 231, 232, 237, 240, 246, 253, 254, 255, 256, 257, 260, 267, 296, 304, 357, 394, 479
 Плеханова Р.М. — 260
 Плимак Е.Г. — 49
 Победоносцев К.П. — 37, 308, 371, 372, 376, 409, 417, 429, 430, 432, 458, 459, 460, 472, 475, 477
 Подбельский П.П. — 315, 317, 318, 322, 323
 Поджио А.В. — 91, 92, 93, 101, 114
 Подолинский С.А. — 125
 Покровский М.Н. — 13, 47, 273
 Полевой Ю.З. — 299
 Поленов В.Д. — 181, 182
 Поленова Е.Д. — 182
 Палисадов Василий, протоиерей — 444
 Половцов А.А. — 96
 Полонский Я.П. — 273, 439
 Полунов А.Ю. — 268

- Поляков А.П. — 205
 Поляков Н.П. — 126
 Попов В.В. — 444
 Попов И.И. — 137, 146, 319, 337, 338, 454
 Попов М.Р. — 35, 224, 225, 246, 253, 254, 257, 260, 261, 428, 431
 Попов Н.В. — 465
 Поршняков А.М. — 121
 Праотцев В.С. — 233
 Прейм С.И. — 301, 346
 Прейсман В. — 161
 Преображенский Г.Н. — 214, 215, 261, 267
 Пресняков А.К. — 217, 273, 305, 307, 345, 346, 351, 357, 452
 Пржевальский Н.М. — 317
 Прибылев А.В. — 36
 Прибылева-Корба А.П. — 36, 106, 107, 109, 110, 111, 121, 122, 127, 137, 149, 202, 224, 247, 266, 267, 268, 269, 272, 279, 293, 314, 315, 329, 330, 339, 348, 351, 365, 376, 377, 440, 484
 Прилежаева-Барская Б.М. — 46
 Протазанов Я.А. — 28, 46
 Прохор, камердинер — 496, 499
 Прудон П. — 148
 Пружанская М.О. — 121
 Прянишников Д.Н. — 316
 Пугачев Е.И. — 64, 232, 509
 Пумпур А.И. — 326
 Пушкин А.С. — 52, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 73, 82, 88, 120, 326, 509, 510
 Пушкин Л.С. — 62
 Пушкина Н.Н. — 62
 Пфейль Р., фон — 36, 417, 419, 445, 449, 450
 Пыпин А.Н. — 118
 Пясецкий П.Я. — 463
 Раджоньери Э. — 344, 467
 Радзинский Э.С. — 473
 Разин С.Т. — 40, 232, 332
 Разумовская (Шереметева) В.П. — 60, 504
 Разумовская (Нарышкина) Е.И. — 60, 504
 Разумовская (Вяземская) М.Г. — 90
 Разумовский А.Г. — 58, 502
 Разумовский Алексей К. — 60, 61, 62, 63, 64, 65, 502, 503, 505, 513
 Разумовский Андрей К. — 60
 Разумовский К.Г. — 59, 503
 Разумовский Л.К. — 90
 Райнис Я. — 326
 Райс (Каллистратова) О.Г. — 429
 Рахметов, лит. персонаж — 104
 Рашевский И.Ф. — 176
 Рашевский Н.Ф. — 107
 Рейнштейн Н., шпион — 346
 Репин И.Е. — 27, 51, 101, 217, 451, 458, 459, 460, 461, 464
 Репников А.В. — 205, 279
 Римский-Корсаков Н.А. — 119
 Рихтер О.Б. — 474
 Робеспьер М. — 275
 Рогачев Д.М. — 136, 170, 176, 187, 204, 209, 325
 Рогачев Н.М. — 136, 325
 Рождественский И.А. — 127
 Рожин П.М. — 161
 Рожков Н.А. — 47
 Розовский И.И. — 289, 357
 Романенко Г.Г. — 274, 287
 Романов Осип — 239
 Россини Д. — 252
 Рошфор А. — 374, 468
 Рубинштейн А.Г. — 408
 Рудницкая Е.Л. — 134

- Румкорф Г.Д. — 293
Русанов Н.С. — 23, 194, 279, 370
Рылеев К.Ф. — 447
Рысаков Н.И. — 38, 274, 347, 360, 361, 366, 367, 368, 369, 380, 381, 382, 383, 388, 389, 392, 393, 395, 396, 400, 401, 402, 403, 404, 408, 411, 420, 421, 423, 424, 425, 428, 436, 437, 439, 440, 441, 443, 445, 446, 450, 465, 471
Рюрик — 120
Рязанцев Т.С. — 162, 163
- Саблин Н.А. — 201, 273, 281, 305, 307, 339, 349, 382, 383, 387, 395
Сабуров А.А. — 317, 318, 352
Савина М.Г. — 441, 464
Салазкин С.С. — 315
Салли Ш.П, де — 60, 61
Салтыков-Щедрин М.Е. — 100, 156, 191, 407, 438, 451, 479
Самолис Г.В. — 326
Сапир Б.М. — 142
Свириденко В.А. — 238, 269
Сегал Е.А. — 46, 50, 68, 92, 180, 205, 332, 426, 428
Седов М.Г. — 49, 217, 273, 296, 297, 298, 402
Селиванов И.Ф. — 176
Семанов С.Н. — 51, 52, 288
Семенюта П.П. — 286
Сергеева Е.Д. — 254, 272, 287, 429
Сергеевич В.И. — 62, 429, 440, 457
Сергей Александрович, вел. кн. — 308, 430
Сердюков А.И. — 123, 127, 128, 129, 132, 146, 162, 164, 195, 201
- Серебренников П.О. — 326
Серебряков Э.А. — 36, 389, 453
Серно-Соловьевич Н.А. — 117
Серов А.Н. — 159, 181
Серов В.А. — 109, 159
Серова В.С. — 109, 159
Серри Е., сценарист — 28
Сеченов И.М. — 118, 119, 126
Сигида Н.К. — 477
Сидорацкий В.П. — 194
Сидорацкий Г.П. — 194
Сидоренко Е.М. — 36, 312, 347, 361, 368
Сидоров М.И. — 49
Сидоров Н.А. — 298
Сидоров Н.И. — 172
Синегуб С.С. — 35, 40, 158, 160, 161, 170, 179, 195
Синицына К.Ф. — 214
Скарятин В.Я. — 88, 89
Скарятин Я.Ф. — 88
Скворцова Н.К. — 121, 129, 132
Скоропадский П.П. — 316
Слатвинский Н.И. — 358, 390
Слезкин И.Л. — 178, 296
Слонимский Л.З. — 431
Смирнов В.Н. — 142
Смирнов И.Т. — 160, 161
Собинов Л.В. — 27, 465
Соболевская М.М. — 60
Соколов Матвей — 391, 437, 476
Соколов Н.И. — 32, 156
Солдатенков К.Т. — 126
Соловьев А.К. — 199, 201, 233, 234, 246
Соловьев В.С. — 429, 430, 431, 432
Соловьев С.М. — 430
Сольский Д.М. — 409

- Союзов И.О. — 161
 Спасович В.Д. — 146, 186, 195, 196, 360, 407
 Сталин И.В. — 48
 Станюкович К.М. — 370
 Стасов В.В. — 23, 462
 Стасов Д.В. — 184, 407
 Стасова Н.В. — 184, 407
 Стафеев Г.И. — 61
 Стеклов Ю.М. — 47
 Стенюшкин И. — 162
 Степанов Ю.Г. — 5
 Степняк-Кравчинский С.М. — 26, 33, 34, 35, 72, 124, 134, 135, 136, 138, 144, 145, 155, 159, 167, 169, 184, 186, 189, 202, 206, 210, 214, 215, 216, 219, 221, 223, 224, 234, 236, 238, 242, 248, 270, 294, 295, 296, 310, 313, 348, 349, 366, 381, 384, 385, 399, 400, 427, 428, 456, 487
 Стефанович Я.В. — 202, 217, 226, 254, 261, 277, 456
 Столпянский П.Н. — 48
 Стоянов З. — 374
 Страннолюбский А.Н. — 106, 107, 109, 110
 Страхов Н.Н. — 429, 430
 Стрельников В.С. — 238, 286, 301, 346, 440, 483
 Стрельчик В.И. — 51
 Стуколкин Л.П. — 84
 Субботина Е.Д. — 172
 Субботина М.Д. — 172
 Субботина Н.Д. — 172
 Субботина С.А. — 172, 472
 Суворин А.С. — 451, 478
 Суворов А.В. — 86
 Суворов А.А. — 86, 89, 99
 Судейкин Г.П. — 286, 301, 346
 Суинберн Ч. — 477
 Сундберг Луиза — 389, 390
 Суриков В.И. — 27, 458, 460, 461
 Суханов Н.Е. — 272, 276, 280, 317, 325, 328, 359, 363, 365, 366, 376, 389, 402, 436, 483
 Сыцянюк А.И. — 242
 Сыцянюк О.С. — 241
 Тавлеев В., шпион — 346
 Таганцев Н.С. — 145, 146, 178, 193
 Тараканова, кн. — 502
 Тараторкин Г.Г. — 51
 Таратуга Е.А. — 33, 134, 349, 385, 456
 Тарле Е.В. — 9, 13, 46
 Татищев С.С. — 45, 179, 244
 Твардовская В.А. — 49, 50, 254, 273, 279, 287, 309, 337, 366
 Твен М. — 51
 Теллалов П.А. — 168, 272, 276, 349, 47
 Теодорович И.А. — 46, 48, 250, 279
 Терентьева Л.Д. — 312
 Тетерка М.В. — 307, 308, 324, 347
 Тимирязев К.А. — 119, 479
 Тиндаль Дж. — 106
 Тихомиров Л.А. — 34, 40, 140, 148, 157, 186, 197, 198, 202, 204, 205, 210, 220, 225, 243, 245, 251, 253, 261, 272, 274, 278, 279, 287, 292, 299, 303, 304, 305, 312, 327, 339, 349, 365, 374, 376
 Тихонов Я.Т. — 291, 324, 345, 347, 483
 Тихоцкий В.А. — 416
 Тихоцкий Н.А. — 325, 327
 Тищенко В.Е. — 107, 118
 Тищенко Ю.М. — 254
 Ткачев П.Н. — 108, 134, 142, 143, 428
 Ткачева-Анненская А.Н. — 108
 Ткаченко П.С. — 225

- Толстая (Перовская) А.А. — 64, 512, 513
Толстой А.К. — 63, 65, 69, 73, 510, 511, 512, 513
Толстой Д.А. — 99
Толстой К.П. — 63
Толстой Л.Н. — 14, 26, 51, 62, 63, 64, 68, 136, 194, 238, 239, 290, 309, 406, 413, 429, 430, 432, 452, 457, 458, 459, 472, 476, 477, 478, 479, 486, 490
Тотлебен Э.И. — 95, 268, 290, 305, 307, 466
Трепов Ф.Ф. — 97, 112, 191, 192, 193, 235, 438
Третьяков П.М. — 407
Третьяков С.М. — 407
Трефолев Л.Н. — 475, 476
Тригопи М.Н. — 121, 272, 349, 362, 363, 364, 365
Троицкий Н.А. — 8, 9, 10, 11, 12, 13, 15, 16, 17, 27, 32, 40, 51, 137, 140, 142, 169, 179, 186, 238, 271, 280, 289, 293, 298, 317, 326, 328, 342, 343, 347, 357, 459, 464, 471, 487, 495
Трошанский В.Ф. — 223, 232
Трубецкая Е.И. — 161
Трубецкой С.П. — 91
Трубникова М.В. — 106, 242, 243
Трузсон Ф.И. — 89
Туган-Барановский М.И. — 148
Тун А. — 45
Тупикова Л.В. — 488, 489
Турати Ф. — 27, 140, 467, 490
Тургенев И.С. — 9, 22, 24, 27, 41, 73, 74, 106, 192, 385, 413, 419, 456, 457, 462, 490
Тургенев Ю.Б. — 153
Тургенева М.А. — 152, 153
Тырков А.В. — 36, 268, 324, 346, 347, 361, 362, 367, 368, 369, 379, 380, 381, 382, 384, 400, 401
Тычинин П.В. — 347, 361
Тютчев Н.С. — 225
Тютчев Ф.И. — 98, 225, 427
Тютчева А.Ф. — 36, 427
Тютчева Е.Ф. — 371
Уваров С.С. — 513
Уварова (Перовская) Е.А. — 513
Ульянов А.И. — 346, 475, 476
Ульянов И.Н. — 94
Унковский А.М. — 407, 408, 420
Урусов С.Н. — 404
Успенский Г.И. — 339, 370
Утин Е.И. — 146
Утин Н.И. — 146
Ушаков А.К. — 66
Ушаков Ф.Ф. — 326
Фадеев К.А. — 465
Федоров, палач — 451
Федоров В.А. — 447
Федосеенко Л.Б. — 79
Федосов И.А. — 142
Феоктистов Е.М. — 364, 474
Ферзен П.К. — 89
Фернандо, владелец цирка — 468
Фигнер В.Н. — 33, 34, 36, 46, 68, 137, 140, 172, 200, 201, 202, 203, 206, 213, 224, 225, 226, 232, 233, 234, 235, 243, 246, 247, 254, 256, 257, 258, 259, 260, 266, 270, 272, 276, 277, 278, 279, 287,

- 290, 293, 298, 300, 304, 305, 306, 307,
311, 312, 317, 329, 331, 332, 333, 335, 348,
351, 357, 360, 364, 365, 366, 368, 379,
384, 385, 391, 398, 399, 437, 443, 459, 461
Фигнер Е.Н. — 172, 201, 233
Фигнер Л.Н. — 172
Фигнер Н.Н. — 438
Фигьер Л. — 92
Филиппов А.А. — 335
Филиппов М.М. — 317
Филиппов Р.В. — 49, 142
Филлипс У. — 468
Философов В.Д. — 106, 409
Философова А.П. — 106, 243
Фроленко М.Ф. — 35, 46, 140, 168, 171,
180, 181, 202, 208, 209, 210, 211, 212, 220,
225, 234, 236, 245, 249, 250, 251, 252, 259,
269, 272, 277, 278, 280, 291, 329, 359, 365,
376, 402, 427, 438, 471
Фролов Иван, палач — 237, 436, 437, 442,
443, 445, 446
Финдейзен Н.Ф. — 159
Флеров Н.М. — 323
Флерон В.-Л. — 374
Фонвизин М.А. — 88
Фофанов К.К. — 493
Фофанов К.М. — 457, 493, 494
Фофанова-Устинова Е.К. — 493
Франжоли А.А. — 162, 272, 322
Фредерикс В.Б. — 198, 199
Фридлянд Ц.С. — 48
Фукс Э.Я. — 406, 409, 410, 414, 415
- Хавкин В.А. — 316
Халтурин И.И. — 63
Халтурин С.Н. — 273, 299, 300, 301, 440
- Харизоменов С.А. — 254
Хартулари К.Ф. — 408, 420, 421
Хейр Р. — 53
Хейфец М.И. — 248
Хингли Р. — 53
Хмельницкий Б.А. — 51
Ходкевич В.Д. — 87
Ходкевич Д.М. — 77, 87, 520, 521, 522
Холмогоров М.К. — 51, 52, 288
Холмогорова Е.С. — 51, 52, 288
Хорос В.Г. — 49
Хотинский А.А. — 156, 232, 254, 259
Хрущова В.Д. — 181
Худяков И.А. — 97, 118
- Цакни Н.П. — 162
Цветаева М.И. — 400
Цетлин М.О. — 454, 455
Циолковский К.Э. — 280
Цицианов А.К. — 120
Цымрина Т.В. — 53, 292, 315, 396
- Чавчавадзе И.Г. — 326
Чайковский Н.В. — 123, 127, 128, 129, 131,
132, 133, 146, 162
Чайковский П.И. — 407
Чардынин П.И. — 28, 46
Чарушин Н.А. — 35, 109, 129, 132, 133,
136, 145, 146, 147, 154, 162, 171, 183, 195
Чебышева-Дмитриева Е.А. — 121
Челлини Б. — 96
Чемоданова Л.В. — 170, 195
Черевин П.А. — 95, 308, 340
Черейский Л.А. — 64, 66
Черкесов А.А. — 126
Чернов В.М. — 133

- Чернов Федор, крестьянин — 466
 Чернышев И.Я. — 125
 Чернышевский Н.Г. — 94, 102, 103, 104, 114, 117, 118, 126, 131, 142, 148, 186, 289, 444, 459, 486
 Чернявская-Бохановская Г.Ф. — 36
 Чехов А.П. — 413
 Чивилев А.И. — 474
 Чичуа К.Н. — 120
 Чубаров С.Ф. — 153, 269
 Чудновский С.Л. — 35, 126, 136, 185
- Шамиль, имам — 80, 517
 Шарашкин Н., шпион — 346
 Шаталов С.Е. — 24
 Шаховская С.А. — 65
 Шебеко Н.И. — 45, 52, 60
 Шевич С.Е. — 146
 Шевырева Анна Д. — 172
 Шевырева Аполлинария Д. — 172
 Шевырева Елена Д. — 172
 Шевырева Елизавета Д. — 172
 Шевырева О.Д. — 172
 Шевырева С.Д. — 172
 Шелгунов Н.В. — 117, 370
 Шереметев Б.П. — 60, 504
 Шестаков И.А. — 244, 372
 Шехтер С.Н. — 472
 Шиллер Ф. — 252, 277
 Шилов А.А. — 94, 96
 Ширинкин Е.Н. — 325
 Широков Федор, надзиратель — 389, 390
 Ширяев С.Г. — 225, 254, 256, 272, 276, 280, 292, 293, 295, 296, 304, 306, 332, 334, 345, 348, 402, 484
- Шишко Л.Э. — 35, 40, 124, 126, 135, 138, 152, 157, 262
 Шкловский В.Б. — 351
 Шкряба Ф.П. — 301, 346
 Шлейснер В.А. — 121, 162
 Шлейснер О.А. — см. *Натансон (Шлейснер) О.А.*
 Шмидт П.П. — 168, 326
 Шмидт-Очаковский Е.П. — 326
 Шор С.М. — 166, 239
 Шостакович Д.Д. — 51
 Шоу Б. — 27, 470
 Шпильгаген Ф. — 106, 126
 Шпицер С.М. — 410, 411, 414
 Шрейдер М.Н. — 121
 Штакеншнейдер Е.А. — 227
 Штельмаков Христофор, унтер-офицер — 214
 Штернберг Л.Я. — 315
 Шувалов П.А. — 98, 99, 163, 164, 203
 Шувалов П.П. — 352
 Щеголев П.Е. — 431, 432, 446
 Щедрин Н.П. — 263
 Щепочкин П.Г. — 120
 Щетинина Г.И. — 315, 317
- Эвелинг (Маркс) Э. — 456
 Эллис Г. — 470
 Эмме В.Г. — 112, 123
 Энгельгардт А.Н. — 106, 107, 108, 110
 Энгельс Ф. — 27, 67, 143, 339, 340, 371, 372, 374, 378, 433, 468
 Эндауров А.М. — 168, 180, 211
 Эндаурова Е.Н. — 165
 Эпштейн А.М. — 381, 385, 389
 Эритт-Виардо Л. — 159

- Эфрон С.Я. — 121
- Юдина И.М. — 434
- Южаков С.Н. — 125
- Южин-Сумбатов А.И. — 451, 465
- Юнг Н.В. — 326
- Юрковский Ф.Н. — 121, 333
- Юрова Т.В. — 460, 461
- Юрьевская Е.М, свет. кн. — 303, 352
- Яблочков П.Н. — 293
- Якимова-Диковская А.В. — 38, 189, 201, 217, 272, 291, 305, 306, 307, 329, 359, 402, 427, 438
- Яковлев В.Я. — 44, 45
- Яковлев, комендант Шлиссельбургской крепости — 437, 476
- Якубов А.А. — 489
- Якубович П.Ф. — 24, 317, 455, 459, 490
- Ямщикова Е.А. — 321, 359, 360
- Ямщикова М.В. — 338, 462
- Янсон Ю.Э. — 228
- Ярошенко Н.А. — 462
- Яхненко (Желябова) О.С. — 358
- Яхненко С.С. — 358
- Alexandre II — см. *Александр II*
- Arnaudo J. — 188
- Vazylew L. — см. *Базылев Л.*
- Corbet Ch. — 344
- Costelloe — 433
- Dolgoroukow P. — см. *Долгоруков П. В.*
- Ellis H. — см. *Эллис Г.*
- Hare R. — см. *Хейр Р.*
- Hingley R. — см. *Хингли Р.*
- Hollingsworth B. — 344
- Hugo V. — см. *Гюго В.*
- Kropotkine P. — см. *Кропоткин П. А.*
- Kuliscioff A. — см. *Макаревич* (Розенштейн; рев. псевдоним— Кулишова) А.М.
- Laferte V. — 352
- Lavigne E. — 188
- Mëchyr J. — 344
- Mille C. — см. *Милле К.*
- Morley J. — см. *Морли Дж.*
- Schiavi A. — 140
- Swinburne A. Ch. — см. *Суинберн Ч.*
- Troïtski N. — см. *Троицкий Н.А.*
- Turati F. — см. *Турати Ф.*
- Venturi F. — см. *Вентури Ф.*
- Wasilewski A. — 471
- Zeromski S. — см. *Жеромский С.*

common place
издательская инициатива/
волонтерский DIY-проект

Наши книги всегда можно купить в независимых магазинах
«Фаланстер», «Все свободны», «Смена», «Факел», «Подписные
издания», «Порядок слов», «Бакен», «Пиотровский», «Кирпич»

Больше информации о проекте на сайте **common.place**

Николай Алексеевич Троицкий

Софья Львовна Перовская

Жизнь. Личность. Судьба

Подготовка издания — Юрий Степанов
Выпускающий редактор — Мария Глушкова
Художник — Евгения Ставицкая

Подписано в печать 19.12.2017
Формат 130x200
Заказ № 161
Тираж 500 экз

Издательская инициатива «Common place»
commonplace1959@gmail.com